

1853

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

ФЕВРАЛЬ

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. 20

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СЛУЧАЙ. Повѣсть въ стихахъ *Н. Д. Хвоцинской.*

ЦЫГАНКА Повѣсть *И. С. Юрьевой.*

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ХУДОЖЕСТВА И ВЫСТАВКА 1852 года въ Англии. Статья *Д. Г. Дарле.*

III. МЕМУАРЫ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЛОРДА БАЙРОНА въ Корсику и Сардинію. Изъ неизданныхъ Записокъ Бенсона, извлеченное *А. И. Бибиковой.*

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. **Бенвенуто Челлини**, драма въ 5 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ, переводъ съ французскаго, г. *Василько-Петрова.*
2. **Сперва скончались, потомъ повѣнчались**, водевиль въ 2 картинахъ, соч. г. *Максимова 3. (Бенефисъ г. Максимова 4).*
3. **Ни тотъ, ни другой**, комедія въ 1 дѣйствіи, соч. *графини Растищевой.*
4. **Амишка**. Водевиль въ 1 дѣйствіи, переделанный съ французскаго *П. Оедоровымъ.*
5. **Серебряная свадьба**, водевиль въ одномъ дѣйствіи.
6. **Первый русскій хороводъ**, дивертиссементъ, соч. *Сухонина. (Бенефисъ Мартинова 4).*

ОБЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ. ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА: отъ 26 января 1853 года.

Общій взглядъ на парижскіе театры въ прошедшемъ 1852 году. — Число новыхъ пьесъ и суммы, вырученныя, парижскими театрами — Исторія съ оперой Верди «Эриани», и нѣсколько словъ, по случаю этой исторіи, о законѣ касательно драматической собственности. — «Орфа» новый балетъ гг. Мазилье и Адольфа Адана. — Нѣсколько словъ о комическихкихъ операхъ, въ которыхъ дѣйствуютъ разбойники, и о новой оперѣ гг. Скриба и Обера «Марко Спада». — «Табаренъ», комическая опера въ 2 дѣйствіяхъ, гг. Альбуаза и Бускэ. — «Сердце и приданое», комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. г. Феллсбена Мальвиля. — «Фаридондена, драма гг. Дюнета и Бурже, съ музыкой гг. Адольфа и Гроота. — «Хижина дяди Тома», драма въ 8 дѣйствіяхъ, гг. Дюмануара и д'Энери.

АНГЛІЯ. ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА: отъ 20 января 1853 г.

V. СМѢСЬ.

1. **Два мѣсяца въ пустынь.** *Н. Андреева.*
2. **Золотой ключь.** *Октава Фелье.*

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Огелъ Рамбулье. — Фантастическая литература въ Германіи послѣ Гофмана. — Парижскія женщины. — Тетушка Мерн. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Десятый солнечный лучъ. — Годовое донесеніе германскаго общества переселеній и колонизаціи. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.** — Кто перехитритъ. — Опасный дуэлистъ. — Африканскіе праздники. — Мода выше красоты. — Письмо Софій Арну. — Скорбь отца. — Отчего у негровъ бѣлы зубы? — Отчего бабочки летятъ на огонь и сжигаютъ крылышки?

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Обстоятельная повѣсть о томъ, какъ корреспондентъ «Пантеона» проводилъ день новаго года прежде, почему не проводить его также теперь, и какъ встрѣтилъ нынѣшній. — Къ *Тройкъ* г. Сверчкова. — Разныя новости: воспоминаніе о Баклагѣ, возбужденное однимъ ученымъ фельетонистомъ. — Нынѣшнія грѣшныя катанья. — Маскерады: по образчику маскерадныхъ сценъ и маскерадныхъ разговоровъ. — Ярмарка въ пользу бѣдныхъ. — Музыкальныя утра г. Сакса. — Прочія музыкальныя вѣсти. — Панорамы, и проч. — Театральное: апологъ изъ г. Леона Гозлана; воспоминаніе о Мочаловѣ; г. Дяковъ въ *Жизни игрока*; остальные новости, новыя пьесы русскія, новый балетъ и замѣчательнѣйшая новость французской сцены. — Литература: 15 книга *Временника*. — *Указатель Московской губерніи*; кое-что еще: три послѣднія книжки «Москвитянина»; о двухъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей». — Два слова о *магазинъ модъ и рукодѣля* г-жи Кошелевской.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА:

Январская и февральская книги «Библиотеки для Чтенія» и «Современника». — Фельетонисты этихъ журналовъ. — Фельетонный взглядъ на литературу. — Направленіе «Библиотеки для Чтенія» прежнихъ годовъ. — Г. Сенковский и его Литературная лѣтопись. — Иногородный Подписчикъ, его самовосхваленіе и самонадѣянность, снобичность и рѣзкость выраженія. — Вліяніе либретта итальянскихъ оперъ. — Возстаніе на критику «Отечественныхъ Записокъ». — Ты сердисься, значить ты не правъ — Недостатокъ логической послѣдовательности. — Новый Поэтъ и его различіе отъ Иногороднаго Подписчика. — Кошмаръ Новаго Поэта — Новый способъ писать стихи и благодарить своихъ сотрудниковъ. — Страсть къ пародіямъ. — Замѣтки пустаго человѣка. — *Рыженская* г. Соколова. — *Раздѣлъ* г. Писемскаго. — Стхотворенія. — Переводы изъ Гейне. — Гг. Некрасовъ и Майковъ. — Серьозныя статьи. — Г. Гаевскій. — Два путешествія: поэтическое въ Италію и прозаическое въ Крымъ. — Ермилъ Ивановичъ Костровъ. — Слабая сторона драмы и слабыя стихи. — Сердце съ перегородками. — Вопросъ гг. редакторовъ журналовъ. — Романъ *Сосѣдъ*, разобранный самою «Библиотекою для Чтенія».

II. НОВЫЯ КНИГИ:

Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 году, составленная по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I. Часть I, соч. генераль-лейтенанта Михайловскаго-Давилевскаго. Части II, III, IV и V-я сочиненіе полковника Милютина.

III. МУЗЫКА:

Еще нѣсколько словъ о фельетонахъ. — Неосновательная критика. — Уловка для наполненія статьи. — Противорѣчія Замѣтокъ Петербургскихъ Вѣдомостей. — Шутка г. Дамке. — Концерты: г-жа Добре. — Г-жа Шоберлехнеръ. — Воспоминанія старины. — Г. Бальфе. — Пристрастіе къ толкамъ. — Музыка Бальфе. — Нѣсколько словъ о Верди. — Статья Скудо. — Риголетта. — Концертъ г. Воланжа. — Благотворительность. — Концертъ въ пользу Убѣжница Взрослыхъ Дѣвцъ. — Г. Дмитріевъ-Свѣчинъ. — Г. Парпшъ-Альварсъ.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Новый поэтъ и нѣсколько словъ о поэзіи, по поводу обезьянъ. — Три стихотворенія — Театральные слухи и новости. — Учрежденіе въ Петербургѣ шахматнаго клуба. Моды.

VI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 2.

АМИШКА. Комедія-водевиль, въ одномъ дѣйствіи. *П. Оедорова.*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ. Комедія въ одномъ дѣйствіи съ пѣніемъ. *Ю. Песковскаго.*

ПРИЛОЖЕНІЯ: **ОТСУТСТВУЮТ!**

1. Музыка: **КАДРИЛЬ** изъ новой Мейерберовой оперы. **ОСАДЫ ГЕНТА.**
Составленный **О. И. ДЮТЧЕМЪ.**

2. Портретъ танцовщицы **КАРЛОТТЫ ГРИЗИ.**

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Одобреномъ Комит.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

ТОМЪ VII.

ФЕВРАЛЬ — КНИЖКА ВТОРАЯ.

1853.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, ТОМЪ

ПАТЕНТЪ

ВЪЗРАЖЕНІЕ

ПРОСИТЕЛЯ

ПОДПИСАНЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Февраля 24-го 1853.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

ПРОСТАВИТЬ

ВЪЗРАЖЕНІЕ — КНИЖКА СТАРАЯ

1853.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ.

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ

Ж. Д. Звощинской.

IV.

Верстахъ въ пяти, тамъ, гдѣ осины,
Склонясь надъ рѣчкою, шумять,
Стоялъ домъ каменный, старинный,
Чернѣлъ огромный скучный садъ,
Печальный многого свидѣтель.
Полвѣка первый ихъ владѣтель
Ужъ спалъ, при церкви, мирнымъ сномъ,
И вѣрно не мечталъ о томъ,

Что домъ, помѣстье, состоянье
 Въ чужія руки перешли,
 Что отъ богатствъ, лѣсовъ, земли,
 Въ годъ нашего повѣствованья—
 Едва-ль клочекъ былъ сбереженъ,
 И что грозилъ аукціонъ.

Но за шесть лѣтъ назадъ, весною,
 Угрюмый домъ жилымъ глядѣль:
 Тамъ колоколъ звонилъ съ зарею,
 Надъ мезониномъ флагъ пестрѣлъ,
 Пескомъ усыпаны дороги,
 Толпа мальчишекъ быстроногихъ
 Возилась въ жалкихъ цвѣтникахъ,
 Садовникъ бѣгалъ въ хлопотахъ,
 Лакей костюмъ свой полинялый
 Ливреей новой замѣнилъ,
 А надъ терассой брошенъ былъ
 Маркизь съ каймою ярко—алой....
 Владѣлецъ дому сдѣлалъ честь:
 Приѣхалъ дѣто въ немъ провести.

Къ нему, по долгомъ ожиданьи
 Явилась съ дочерью жена,
 О красотѣ ихъ, воспитаньи
 Весьма заботилась она.
 Онѣ въ урочный часъ вставали,
 Урокъ твердили и гуляли
 Въ аллеяхъ темныхъ. Имъ во слѣдъ
 Мадамъ Duclos и Miss Briget,
 Всегда съ веселымъ наставленьемъ;
 Читали повѣсти Бульи,
 Иль занимался въ тѣни
 Работой, легкимъ развлеченьемъ,
 Приятнымъ сердцу и уму,
 Ненужнымъ вовсе ни къ чему.

Но полдень. Въ узкихъ амазонахъ
 Давно Lydie и Fanny ждутъ;

Чрезъ дворъ, въ пурпуровыхъ попонахъ,
 Имъ лошадей сѣдлатъ ведутъ.
 Наѣздницы легко и смѣло
 Садятся; кучеръ престарѣлый,
 Ихъ есуег, скорѣй бы радъ
 Опять, какъ новый Цинцинать,
 Къ своей родной сохѣ вернуться,
 Въ столицу проводя господъ.
 Вотъ выѣзжаютъ изъ воротъ
 И по полямъ стрѣлой несутся,
 Вселая въ ближнихъ деревняхъ
 Почтенье, робость, даже страхъ.

Остатокъ дня въ изящной скукѣ
 Проходить. Въ классы иногда
 Приходить мать и о наукѣ
 Твердить, о важности труда,
 О пользѣ и плодахъ ученья,
 И при концѣ правоученья
 Всегда бываетъ прочтена
 Статья преважная одна:
 О направленьи воспитанья,
 О тонѣ, о манерѣ жить,
 Статья, могущая служить
 Исходной точкой. Въ основанье
 Ее принять должна Бриджетъ,
 Приятна ей она, иль нѣтъ.

Подъ вечеръ — музыка и пѣнье,
 Гулянье.

Вечеръ былъ одинъ
 Прекрасный. Вдалекѣ селенье,
 Среди кустовъ, воды, долинъ,
 Синѣло въ розовомъ сіяньи
 Заката; слышалось бляенье
 Бѣгущихъ стадъ; пастухъ бичомъ
 Похлопывалъ; въ поляхъ кругомъ
 Стихало; яблицы скрывались
 Въ гнѣздѣ, чуть видномъ отъ земли.

Лиди и Фанни тихо шли
 Съ мадамъ Дюкло и занимались
 Бесѣдой искренной до слезъ.
 Лакей плащи за ними несъ.

Мадамъ Дюкло разговорилась
 О всемъ, о вѣрѣ людямъ злымъ,
 О жизни... Изъ лѣсу явилась
 Нежданно вдругъ навстрѣчу имъ
 Толпа крестьянскихъ бабъ, дѣвчонокъ
 И дѣвокъ. Былъ криквивъ и звонокъ
 Ихъ хоръ, но онъ затихнулъ вмигъ,
 И мимо барышень чужихъ
 Онѣ прошли, въ повязкахъ красныхъ,
 Въ широкихъ бѣлыхъ шушунахъ,
 Неся на блюдахъ, въ кузовахъ
 Грибы и ягоды, — дань ясныхъ
 Юньскихъ дней, ночныхъ дождей,
 Продукты родины своей.

Толпу красавицъ догоняла
 Малютка — въ страхъ пополамъ
 Съ смущеньемъ, спрятаться желала
 Она отъ взоровъ модныхъ дамъ, —
 Въ какомъ то платицѣ лиловомъ,
 Холстинковомъ, уже не новомъ,
 Въ широкихъ, сбитыхъ башмачкахъ,
 Въ косынкѣ, смятой на плечахъ.
 Большой чепецъ съ оборкой криво
 Надѣтъ былъ, вѣрно для красы,
 И двѣ волнистыя косы,
 Какъ смоль блестящія, игриво
 Скользя, висѣли вдоль спины,
 Почти совсѣмъ расплетены.

Она несла въ рученкѣ смѣлой
 Свою добычу изъ лѣсовъ,
 Кувшинчикъ земляники смѣлой
 И вязъ огромную цвѣтовъ.

Изъ-за шиповника, душицы
И бѣлыхъ астръ, глаза, рѣсницы
Чернѣли, щечекъ наливныхъ
Видѣлся пухъ, знать, прелесть ихъ
И свѣжесть солнце полюбило,
Что, заглядѣвшись, яснымъ днемъ,
Своимъ сверкающимъ лучемъ
Ихъ, приласкавъ, озолотило.
Смущенье шло къ ней и оно,
Въ ней было мило, хоть смѣшно.

—
Лиди и Фанни пожелали
Узнать: кто это? Имъ лакей
Донесъ, что можетъ-быть слыхали
Онъ о близкой о своей
Сосѣдкѣ, барынѣ Петровой, —
Такъ это внучка ихъ. Такъ ново,
Такъ странно показалось имъ
Все это, случаемъ простымъ
Онъ такъ долго занимались,
Что въ жаркихъ толкахъ наконецъ
Участье принялъ и отецъ,
Спросилъ, чѣмъ дѣти забавлялись?
Узнавъ же, былъ, казалось, онъ
Идеей свѣтлой озаренъ.

—
Конечно, не безъ основанья
Онъ убѣжденъ былъ, что всегда
Вѣ эти жалкія созданья
Сосѣди эти, мелкота —
Безъ мысли, безъ изобрѣтеній,
Безъ пониманья улучшеній,
Все ждуть одинъ тяжелый годъ,
И свой копѣечный доходъ
На черный день приберегаютъ,
Зарывъ въ какой-нибудь подвалъ,
И этотъ мертвый капиталъ
Къ пустымъ же людямъ поступаетъ,
Не двинувъ на волосъ одинъ
Ремесль, и фабрикъ и машинъ,

Предположивъ, что у Петровой
 Быть долженъ тоже капиталъ,
 Что стоить ей сказать два слова, —
 Онъ къ ней назавтра жъ поскакалъ.
 Имѣлъ онъ надобность въ расплатъ
 Долговъ какихъ-то, да въ Палатъ
 Былъ счетъ еще по откупамъ,
 А какъ нельзя же дочерямъ,
 Для окончанья воспитанья,
 Чужихъ краевъ не показывать,
 И надо до-тѣхъ-поръ унять
 Всѣ эти жалобы, взысканья,
 То у Петровой, думалъ онъ,
 Источникъ для того найденъ.

Помѣщикъ нашъ засталъ старушку
 Въ покойныхъ креслахъ, съ псалтыремъ,
 А Лиза что-то на коклюшкахъ
 Плела передъ другимъ окномъ.
 Все было въ комнатѣ старинной
 Уютно, радостно и чинно,
 Хотя молчанье и псалтырь
 Моглибъ напомнить монастырь.
 Съ достоинствомъ владѣлецъ важный
 Усѣлся, дѣло объяснилъ,
 Какъ-будто самъ онъ тѣмъ дарилъ —
 Что бралъ взаймы, сказавъ протяжно —
 «Ужъ лучше-жъ вамъ проценты брать,
 Чѣмъ будутъ деньги такъ лежать.»

Старушка, сколько вамъ извѣстно,
 Была довѣрчива, тиха,
 Добра, и въ цѣлой поднебесной
 Боялась одного — грѣха.
 Ей люди были всѣ родные,
 Равно и добрые и злые,
 Да въ жизни что-то злыхъ людей
 Замѣтить не случилось ей.
 Она, весь день моляся Богу
 За внучковъ и за свой покой,

Не видѣла, какъ родъ людской
Другъ другу затѣснялъ дорогу,
Тайкомъ или явно нападалъ,
И ямы подъ враговъ копалъ.

Старушка разомъ — съ дня рожденья
Не приучась соображать, —
Велѣла Лизанькѣ печенье
И кофе поскорѣй подать;
Она немного растерялась,
Ей какъ-то страшно показалось
Рѣшиться вдругъ — самой — одной.
— «Спросить бы надо, мой родной,
«Да Коля въ университетѣ,
«Отца Ивана въ свѣтъ нѣтъ...»
— Помилуйте, какой совѣтъ?
Со мною думать о совѣтѣ!
Я благородный человекъ!...
И какъ вамъ, доживая вѣкъ...»

Моя старушка испугалась,
Но въ глубинѣ души своей
Она смиренно сознавалась
Въ томъ, что не права. Передъ ней
Помѣщикъ тоже извинился,
И даже самъ вдругъ согласился
На сколько ей угодно ждать.
— «Жаль одного — вы потерять
«Черезъ это можете, съ другими
«Скорѣй я слажу, можетъ-быть,
«Мнѣ васъ хотѣлось одолжить,
«А вы...» Онъ всталъ, прощаясь съ ними...
Но сокращаю мой рассказъ:
Все было слажено тотчасъ.

Когда росписку въ получены
Помѣщикъ подписью скрѣпилъ,
То лестный взоръ и одобренье
На садъ, на Лизу обратилъ.

— «Да-мы сосѣди, это славно!
 «Что-бъ вамъ, Авдотья Николавна,
 «Хоть разъ взглянуть на Божій свѣтъ;
 «Да пріѣзжайте къ намъ. Лизеть
 «Побѣгала-бъ; у насъ аллеи
 «Просторныя. Моя жена
 «Вамъ рада.» Внучка смущена
 Была, старушка не смѣлѣ,
 Сказавъ, съ поклономъ пребольшимъ,
 Что въ воскресенъе будетъ къ нимъ...

—
 Пройдя полжизни и тревожно
 Уставъ отъ дружбы и вражды,
 Подъ-часъ намъ кажутся ничтожны,
 Забавны дѣтскія бѣды.
 Мы память первыхъ впечатлѣній
 Встрѣчаемъ смѣхомъ и сомнѣньемъ,
 И власть надъ сердцемъ и умомъ
 Мы не охотно признаемъ.
 Въ своей увѣренности праздной,
 Спокойной, не хранимъ дѣтей
 Отъ впечатлѣнья, отъ идей,
 Отъ столкновеній злыхъ, опасныхъ....
 Нельзя обиднѣй, наконецъ,
 Понять невинность ихъ сердець.

—
 Какъ часто рады мы душою,
 Когда, нахмурившись, дитя
 Уколото насмѣшкой злою,
 А отвѣчать должно шутя,
 Не смѣть заплакать, оскорбиться,
 И странно! какъ же отшутиться
 Ребенку, какъ же возражать,
 Когда онъ долженъ *не понять*?
 Мила увѣренность мнѣ, право!
 — «Ихъ не тревожить всякій вздоръ;
 «Атласъ, батистъ и коленкоръ
 «Имъ все равно, была-бъ забава,
 «Нарядъ и блескъ для нихъ ничто...
 Нѣтъ, дѣти думаютъ не то!

Увы, къ несчастью, въ эти лѣта
И въ этихъ крошечныхъ сердцахъ
Ужъ есть понятие злобы свѣта
И тайный стыдъ и ложный страхъ!
На что вводить ихъ въ искушенье?...
Но бабушка такого мнѣнья
Не раздѣляла, и она
Была-бъ весьма удивлена,
Когда бы Лизу увидала,
Какъ воротившись изъ гостей,
Подъ старой яблонью своей,
Она свернулась и рыдала,
Склонясь на травку головой,
Припомнивъ день несносный свой...

—
Въ-теченье лѣта ей досталось
Еще такихъ довольно дней.
Дитя съ восторгомъ дождалось
Осеннихъ сумрачныхъ дождей,
Зимы, ночей ея холодныхъ,
Когда семью сосѣдей модныхъ
Въ столицу выгонить морозъ.
Но Боже! сколько было слезъ,
Когда ей бабушка сказала,
Что ей нельзя такъ вѣкъ прожить,
По рощамъ бѣгать да шалить,
Что въ пансіонъ она писала,
Прекрасный, хоть не дорогой,
И отвезетъ ее зимой.

—
Но сердцу вздумалось вступиться,
Вступился также и расчетъ,
И Лизу отвезли учиться
Зимой, но только черезъ годъ...
Не ждите длинныхъ описаній,
И пансіона и познаній,
Какія можно получить
Иль приобрести; вамъ, можетъ-быть,
Ужъ надѣли и подруги
Съ ихъ рѣзвой, шумной болтовней,

Учитель старый и простой,
 Классъ скучный, скучные досуги,
 Награды, мелочь вашихъ бѣдъ,
 Забыты вами сколько лѣтъ!

—

Когда жъ напомнить съ увлеченьемъ
 Подруга прежняя о томъ,
 Вы отвращаетесь съ смущеньемъ,
 Съ какимъ-то тягостнымъ стыдомъ...
 Вы правы. Что въ напомниманьи,
 Когда ни яснаго познанья,
 Привычки дѣла и труда,
 Ни дружбы вѣрной навсегда
 Не принесли вамъ эти годы?
 И видите вы только въ нихъ
 Лишь болтовню, наряды, моды;
 Рядъ ссоръ пустыхъ, и мировыхъ.

—

Да, вамъ, испытанной и строгой,
 Досадна память юныхъ дней,
 Когда потрачено такъ много
 Душевныхъ силъ для мелочей,
 Когда съ наукой вы шалили,
 Всему смѣясь, шутя любили,
 О долгой жизненной стезѣ
 Не мысля, пробовали всѣ,
 По каплѣ, радости, мученья,
 И испытали пресыщенье.

—

Вы дома. Жизнь васъ окружила,
 Явилась скорбь, забота, трудъ,
 А въ сердцѣ не трепещетъ сила,
 И дѣла руки не берутъ.
 Быть-можетъ, любятъ васъ душою,
 Но вашей жаркой головою
 Какой то созданъ идеаль
 И смертный бѣденъ вамъ и малъ...
 Когда вы съ горькими слезами
 За жизнь возьметесь, сколько разъ

Вы въ ней обманетесь подчасъ!
 Быть можетъ щедрыми судьбами
 Вамъ такъ обильно все дано,
 Но цвѣсть не долго суждено.

О, наше вялое бездѣлье,
 Непониманье, ложный взглядъ,
 И жажду блеска и веселья —
 Намъ справедливо не простять.
 Найдемъ ли сами оправданье
 Въ упрямомъ нашемъ невниманьи
 Къ заботѣ, къ тягостной цѣнѣ,
 Какою куплены онѣ, —
 Минуты блеска?... Мужъ страдаетъ,
 Но блѣдность милаго лица
 Насъ не страшитъ; насъ кружевца,
 Романъ глубѣйшій занимаетъ...
 А дѣти... Но ихъ чаще мать
 Не думать учитъ, а болтаетъ.

За пустотой и охлажденье
 Пришло, и прочь любовь бѣжитъ;
 Подругъ участие, сожалѣнье
 Супруга бѣднаго казнить.
 Когда отъ тягостныхъ занятій,
 Причудь и приторныхъ объятій —
 За исполненье прихотей,
 Отъ криковъ взбалмочныхъ дѣтей,
 Отъ пустодомства, сплетень, вздора,
 Усталый труженникъ съ другой
 Захочетъ отдохнуть душой,
 Онъ не избѣгнетъ приговора,
 Онъ виноватъ... Ну, а жена,
 Скажите, права ли она?...

Но Лизанька изъ пансіона
 Ребенкомъ вышла, какъ вошла;
 Его манеръ, привычекъ, тона
 Ея душа не приняла.

Но тамъ ужъ Лиза испытала
 Гоненье чванства, суеты
 И шаловливой, злой вражды,
 Какую нехотя внушала,
 За тѣмъ, что, кроткая всегда,
 Была прекрасна и горда.

Внѣ класса, праздность пансіона
 Ей надоѣла, и въ село
 Гдѣ косятъ, жнутъ, гдѣ веретена
 Жужжать, гдѣ сердцу такъ тепло,
 Хотѣлось ей. Она прилежно
 Не кошелечекъ неизбѣжный,
 А толстый шерстяной чулокъ
 Вязала, свой твердя урокъ;
 Учась внимательно, мечтала—
 И въ томъ не вижу я грѣха—
 Что бабушка ей жениха
 Уже навѣрно приискала,
 Что будетъ тихо, скромно жить,
 И дѣтокъ всѣхъ сама учить,

Чтобъ въ пансіоны на мученье
 Не отдавать ихъ никогда;
 А потому, пріобрѣтенье
 Познаній, стоить-ли труда
 Иль нѣтъ, но ей необходимо.
 Всегда веселая, любима
 Была подругами она,
 Но изъ подружекъ ни одна
 Сердечныхъ тайнъ ей не ввѣрала:
 — «Ихъ Лиза вѣчно осмѣять.
 «Въ ней не душа, какой то ледь.
 «Ей шить, стегать бы одѣяла,
 «Хозяйничать, восторгъ живой
 «Считать пустою болтовней!...

Въ года мечтаній, вздоховъ нѣжныхъ,
 Безсонницъ, затаенныхъ слезъ,

Ей помысль любви мятежный
Волненья въ сердце не занесъ.
Не ясность дѣтскаго незнанья,
Не ранній холодъ, — ожиданье
Въ ея покоилось груди:
Всѣ блага жизни впереди.
Жизнь безконечной ей казалась;
Не тратясь чувствомъ, не спѣша,
Ея невинная душа
Цвѣткомъ весеннимъ раскрывалась,
Чтобъ въ пору, яснымъ лѣтнимъ днемъ,
Блеснуть пурпуровымъ плодомъ.

Полна надежды и довѣрья,
Она грядущее ждала,
И свой покой, свое веселье
Невозмутимо берегла.
Ей сердце трепетно твердило,
Что скоро вотъ найдется *милый*,
И жизнь для ней поидетъ вдвоемъ,
Но кто и какъ — она о томъ
Не думала. Любовь прекрасно
Подруги объясняли ей —
И въ блескѣ праздничныхъ огней,
И при лучахъ луны неясной, —
Но все казалось ей смѣшно,
Балы, идилліи равно.

Она прекрасно понимала,
Что тотъ, съ кѣмъ Богъ ее сведеть,
Не при лунѣ, не въ шумѣ бала,
А въ домѣ жизнь съ ней проведетъ.
(*Домъ* — это слово важно, строго)
И что въ домашней жизни много
Есть прозаическихъ сторонъ.
Что, можетъ-быть, захочетъ онъ
Недолжнаго — кому смиряться?
Не ей, она въ своихъ правахъ!
Ему-ль съ улыбкой на губахъ

Жены капризамъ поклоняться?
Конечно нѣтъ! Покорный мужъ
Несносенъ и смѣшенъ къ тому-жъ.

Но Богъ устроить, и согласно
Они вѣкъ долгій проживуть,
И въ день счастливый, въ день ненастный
Раздѣлять счастье, горе, трудъ.
Въ довольствѣ жизнь теплѣй и краше...
Ихъ будетъ полонъ домъ, какъ чаша.
Они найдутъ себѣ друзей,
И милыхъ ласковыхъ дѣтей
Себѣ взлелѣять въ утѣшенъе,
Безъ страха смерти и сѣдинъ,
Встрѣчая старость, въ гробъ одинъ
На вѣчное успокоенъе
Они сойдутъ, — послѣднимъ сномъ
Забыться радостно вдвоемъ!

Она душою сознавала,
Что эти смутныя мечты
Живила, грѣла, освящала
Власть недоступной красоты.
Что эта власть была всеисильна,
Что озаря холмъ могильный
И дѣтскій первый робкій шагъ,
Алтарь и поле, домъ, очагъ,
Она высокое значенъе
Давала имъ! Ее понять
Не могъ ребенокъ и назвать;
Но жажда краткаго моленъя
Къ ней тихо нисходила въ грудь,
И ей былъ свѣтель жизни путь.

И счастье здѣшнее земное
Она готовилась принять
Отъ неба, — твердое, святое,
Какъ подвигъ, миръ и благодать.
Ей странно сердце возмущали

Подругъ мечтательныхъ печали,
И непонятны были ей
Тревоги неудачъ, затѣй,
Нелюбопытень садъ сосѣдній,
И грозный въ отпуску уланъ,
Феваля мрачный, злой романъ,
Записочекъ секретныхъ бредни, —
Хотя любовь ей, можетъ-быть,
Случалось и не разъ внушить.

Но все въ ней было безъ сознанья;
Она своихъ идей, ума,
Предубѣжденья, пониманья
Не объяснила бы сама;
Они, казалось, съ ней родились,
И еслибъ вы о нихъ рѣшились
Серьозно съ нею толковать,
Могли бъ заранѣ ожидать,
Что встрѣтятъ смѣхомъ непременно
Премудрость вашу. Для нея
Возрѣнье и мечты ея
Казались такъ обыкновенны,
Какъ встрѣтить въ зеркалѣ свой взглядъ,
Улыбку и зубочковъ рядъ...

И потому въ уединенье
Къ себѣ въ деревню возвратясь,
Опять за пяльцы и варенье
Спокойно Лиза принялась,
Богъ вѣсть о чемъ не тосковала,
Умно старушку замѣняла
Въ хозяйствѣ, въ разныхъ хлопотахъ;
О городѣ, о вечерахъ,
О танцахъ не было и слова.
За то веселое дитя
Вокругъ себя всему, шутя,
Смѣялась; не было такого
Сосѣда, не стоялъ тотъ домъ,
Чтобъ не провѣдала о немъ.

— «Мнѣ съ ними жить; почему я знаю,
 «Быть—можетъ будетъ въ нихъ нужда;
 «А если нѣтъ, — все убѣгая,
 «Не подружисься никогда.
 «Я сирота, пускай сердечно
 « Меня полюбятъ.» И конечно,
 Тамъ всякій Лизу полюбилъ.
 Когда-жъ Господь глаза закрылъ
 Старушкѣ, всѣ ей доказали
 Свою любовь: съ семьей, съ родней,
 Связжались къ ней, чтобы одной
 Не оставлять ее въ печали,
 Покуда не пріѣдетъ братъ...
 Ему сосѣдъ не такъ былъ радъ.

—
 Намъ мало школьнаго познанья:
 Есть школа счастья и страданья,
 Классъ на одной скамьѣ съ толпой
 Блестящей, бѣдной, доброй, злой,
 Премудрой, вздорной, важной, праздною,
 Классъ столкновений и трудовъ,
 Гдѣ къ жизни будущихъ годовъ
 Стремимся мы разнообразно,
 И какъ судьба насъ повела—
 Выходимъ для добра, или зла...

—
 Для Лизы классъ былъ домъ старинный,
 Однообразный видъ полей,
 Сосѣди, вѣсти, садъ пустынный;
 И молодость слетѣла къ ней
 Безъ тѣхъ живящихъ впечатлѣній,
 Какія току всѣхъ движеній
 Души развитіе даютъ;
 Хозяйство, хлопотливый трудъ
 Вошли въ привычку; воспитанье
 Не прихотливое у ней,
 И толкъ, подчасъ кривой, гостей
 Не оскорблялъ ея познаній,
 И даже ихъ крикливый тонъ
 Не сталъ казаться ей смѣшенъ.

Она привыкла. Безъ сомнѣнья,
Вы это знаете давно,
Привычка зло, она жъ спасенье:
Въ ней счастье намъ сбережено.
Не осудите жъ слишкомъ строго,
Когда и Лизу понемногу
Злой впечатлѣнiя недугъ
Схватилъ, и на своихъ подругъ,
На барышенъ помѣщицъ стала
Она похожа; тотъ же складъ,
И тѣже рѣчи и нарядъ,
Толкъ о быломъ и небываломъ,
И все, чѣмъ братъ былъ пораженъ,
Въ тотъ день, когда прѣхалъ онъ.

Но былъ ли правъ онъ, осуждая
Все, что не полюбилось въ ней?
Душа, какъ травка молодая,
И дождь и жаръ дневныхъ лучей
Принять готовая привѣтно,
Предъ всѣмъ клонила безотвѣтно;
Никто въ нее не заронилъ
Живящей мысли, юныхъ силъ,
Никто не назвалъ назначенья,
Никто дитя не поберегъ,
Сказавъ, что странность есть порокъ;
Никто примѣромъ изученья
Не сталъ предъ ней, чтобъ показать,
Какъ говорить ей, какъ молчать....

И эти тысячи бездѣлокъ
Поставилъ братъ виною ей.
Увы! не больше ли былъ мелокъ,
Судья премудрый мелочей!
Своею скукой величавой
Закутавшись, хотябъ въ забаву,
Хотябъ изъ жалости взглянулъ
На ту, что гордо оттолкнулъ!
Она смирилась и въ печали

Тиха, безмолвна, подь окномъ
 Сидѣла цѣлый день съ шитьемъ...
 Но вы довольно поскучали,
 Читатель мой; пора для васъ
 Разборъ оставить. — За рассказъ! —

V.

Ноябрь. Снѣгъ, вьюга, непогода;
 Заснула рѣчка въ берегахъ,
 И затворились на полгода
 Окошки въ низенькихъ домахъ.
 Затихло бѣдное селенье,
 Въ поляхъ ни звука, ни движенья;
 Надъ степью бѣлою висить
 Съдое небо; лѣсъ лежитъ
 Вдали туманной полосой;
 Все блѣдно, только надъ селомъ
 Чернѣетъ дымъ густымъ пятномъ,
 Да галки вьются, да порою
 Раздастся глухо въ тишинѣ
 Стукъ цѣпа гдѣ-то на гумнѣ.

—
 Душа, какъ тѣло, просить крова;
 Она печальна и больна,
 Живую мысль, живое слово
 Въ томленьи ждѣть, зоветъ она.
 Не свѣтъ затѣйливый и шумный —
 Покой ей нуженъ, другъ разумный,
 Чтобъ въ ней сознанье разбудилъ
 И снова къ жизни воскресилъ
 Ея минувшее; ей нужно
 Хоть руки праздныя занять,
 Чтобы не плакать, не роптать,
 Когда бесплодно часъ досужный
 Пройдетъ.... Тоскующая грудь
 Заботы ищетъ въ чемъ-нибудь....

Но день отъ утра до обѣда
 Чредой безсмынною идетъ;
 Окончивъ съ старостой бесѣду,
 Вчерашній просмотрѣвъ расходъ,
 И счеты спрятавъ, остается
 Смотрѣть изъ оконъ, какъ несется
 Клубами бѣлыми мятель,
 И лѣпитъ словно канитель
 На столбъ забора; какъ къ избушкамъ
 Пролегъ лаптей нескладный слѣдъ,
 А смотришь, и его ужъ нѣтъ....
 И прошипѣвъ, часы съ кукушкой
 Доложатъ, что на часъ одинъ
 Вамъ ближе стало до сѣдинъ.

Пожалуй, есть и сокращенье,
 Когда и такъ вамъ жизнь длинна:
 Трехъ-часовое наслажденье
 Послѣобѣденнаго сна....
 О сонъ, съ нимъ счастья не надо!
 Но этой умственной отрады
 Мой Николай не понималъ;
 Скучая, онъ часы считалъ,
 Сигары жегъ, зѣвалъ.....
 Иль въ залъ вдругъ рояль открывъ,
 Онъ сердца ропотный порывъ
 Аккордомъ выражалъ тревожнымъ;
 И страсть и злость его игры
 Сжимали сердце у сестры.

Не расплатясь, *при всемъ желаньи,*
 Сосѣдъ ихъ въ затрудненьи былъ,
 И бабушкѣ на поддержанье
 Рояль покуда предложилъ,
 Такъ, въ счетъ процентовъ. И три года
 Отъ холодовъ и непогоды,
 Гостей нетопленныхъ хоромъ,
 Рояль хранилъ старушки домъ.
 Бывало Лизанька играла,

И шли ей легче вечера,
 Но эта дѣтская игра
 У брата нервы волновала, —
 И такъ, не лучше ли отстать,
 Чѣмъ къ скукѣ скуку прибавлять?...

Но бѣдное дитя скучало,
 Скучало больше можетъ-быть,
 Чѣмъ тотъ, кому она желала
 Часы унынья сократить.
 О нихъ сосѣди позабыли,
 Не только люди, не входили
 Людскія вѣсти въ старый домъ,
 Какъ замокъ запертый кругомъ.
 Гдѣ для веселости обычной
 Предметъ, какъ прежде, отыскать?
 Притомъ, смѣяться и болтать
 Казалось Лизѣ неприлично,
 Когда нахмурясь братъ сидѣлъ,
 Уставъ отъ скуки, какъ отъ дѣлъ.

Съ какимъ-то страхомъ и почтеньемъ
 Взглядъ брата Лиза стерегла,
 Къ его рѣчамъ, въ тоскѣ, въ смущеньи,
 Она привыкнуть не могла;
 Она какъ будто извинялась
 Всегда предъ нимъ, и ей казалось,
 Что выше онъ другихъ людей,
 Что разсуждать не должно ей
 Предъ нимъ, а покорясь, въ молчаньи
 Свои понятія скрывать,
 Чтобы его не возмущать
 Своимъ докучливымъ незнашьемъ;
 Несносны для такой души
 Сужденья, взросшія въ глуши.

Клонясь почти съ благоговѣньемъ
 Предъ непонятной ей тоской,

Она старалась развлеченье
Найти душѣ его больной.
Такъ въ вечеръ, вьюгою богатый,
Она вошла тихонько къ брату,
Неся съ великимъ торжествомъ,
Великимъ добытой трудомъ
Изъ библіотеки сосѣда,
Какой-то толстый нашъ журналъ.
Отвѣтъ былъ: «Это я читалъ.»
Къ оберткѣ, ужъ лишенной цвѣта,
Братъ прикоснуться не дерзнулъ
И въ оглавленье не взглянулъ.

—
Ей стало совѣстно чего-то,
И цѣлый вечеръ у стола,
Прилежно сидя за работой,
Она молчала и ждала,
Почти съ тревогой, содроганьемъ,
Что братъ хоть малое вниманье
Окажетъ книгѣ, иль ее
Хоть поцѣлуетъ за нее.
Прощаясь, съ тайною досадою
Журналъ взяла съ собой она.
И долго плакала одна.
Горѣла яркая лампада,
Вдали протяжно вѣтеръ вылъ
И что-то сонъ не приходилъ.

—
Уставъ отъ слезъ, журналъ забытый
Она разсѣянно взяла,
Имень десятокъ знаменитыхъ
Еще разсѣянной прочла,
Раскрыла книгу въ половинѣ,
И незнакомые донинѣ
Ей повстрѣчались слова.
У ней горѣла голова;
Вліянье ночи и печали
Понятливость развили въ ней,
Строкамъ восторженныхъ рѣчей

Жизнь, убѣжденье придавали,
И новизной увлечена,
Вся чтенью отдалась она.

—

Она ступила въ кругъ мечтаній,
Какъ въ новый міръ, какъ въ чудный путь;
Еще недавнее рыданье
Ей робко волновало грудь,
Еще увлажнены слезами
Глаза слѣдили за строками,
Но смыслъ, но жаръ тѣхъ строкъ простыхъ
Ей въ сердце сладостно проникъ
И овладѣлъ имъ тайной властью.
Ей стало страшно и легко;
Душа летела далеко,
Полна тревоги, нѣги, счастья,
Сознанья жизни, воли, силъ....
И вздохъ ей сердце облегчилъ....

—

Друзья, припомните мгновенья,
Когда читали вы тайкомъ
Романъ вашъ первый. Наслажденье,
Восторги, слезы! Какъ потомъ
Искали жизни вы, тоскуя,
И въ вашу душу молодую
Желанье первое вошло,
Какъ въ ней сознанье возросло,
Какъ ваши очи просвѣтлѣли,
Какъ стали вы въ толпѣ людей
Считать своихъ враговъ, друзей,
Какъ вы бѣжать отъ всѣхъ хотѣли,
Какъ вашъ обыкновенный кругъ
Вамъ сталъ несносенъ, скученъ вдругъ.

—

Припомните, какъ зло и благо
Раздѣльны показались вамъ,
Какъ вы готовились съ отвагой
На подвигъ жизни, по мечтамъ —
Такъ оболстительный, прелестный, —

И какъ предѣлы книги тѣсны
Вамъ стали, и ночной порой
Романъ вы создавали свой,
Томясь безсонницей тревожной;
И онъ вамъ дорогъ былъ и милъ,
И умъ досадный не твердилъ,
Что бесполезно и не должно,
Что жизнь придется вамъ опять
Съ утра какъ прежде продолжать;

Припомните, какъ вамъ казалось
Нежданно утро... Всталъ народъ...
О какъ печально сердце сжалось
При мысли: день—и тьма заботъ!
Вы съ наслаждениемъ лѣнились;
Но время шло. Вы примирились
Съ житейской разной суетой,
Не стали мучиться душой
Отъ вишняго; пошли въ порядкѣ
Занятя ваши; въ тишинѣ
Еще мечтали вы однѣ
И даже плакали украдкой,
Но больше милый идеаль
Шитью, хозяйству не мѣшалъ.

Потомъ... Но я въ воспоминаньи
На полпути остановлюсь;
Года покоя, доцвѣтанья,
Напоминать я вамъ боюсь.
Когда отъ пламенной страницы
Вы, оторвавшись, о пшеницѣ
Могли спокойно толковать,
Когда могли вы засыпать
Не освѣтивъ мечтой единой
Вашъ день, когда мечты другихъ
Вы осуждали, каждый мигъ
Любуясь сытною картиной
Степей, гдѣ суждено вамъ жить,
Тѣ годы... Лучше ихъ забыть!...

Свѣтило утро золотое
 Сквозь ставни. Лишь долгій сонъ,
 Сонъ наслажденья и покоя,
 Быль крѣпокъ, свѣжъ, невозмущенъ.
 Дитя себя вознаграждало
 За ночь. Она тихонько встала,
 Но встала легче, веселѣй,
 Какъ-будто день смотрѣлъ свѣтлѣй;
 Она не бросилась тревожно
 За чтенье милое опять,
 Но стала тихо ожидать
 Когда найдется часъ возможный
 Уйти къ себѣ. Весь день она
 Была не такъ грустна, смутна.

—

Къ ней даже будто возвратилось
 Веселье дѣтское; порой
 Въ ней сердце падало и билось,
 Въ щекахъ горѣлъ огонь живой;
 Она вздыхала, такъ, случайно,
 То улыбалась мысли тайной.
 Въ глазахъ мелькали предъ ней
 Толпы невѣдомыхъ гостей
 И домъ безмолвный наполняли,
 О жизни чудной рѣчь вели,
 И позабытыя ушли
 Досады, слезы и печали;
 Тревога, ропотъ прежнихъ думъ
 Слились какъ-будто дальній шумъ...

—

Предъ ней туманы, сны и тѣни,
 И счастье радугой легло
 Вдали... Но что ея видѣнья
 Внезапно возмутить могло?
 Взглядъ брата. Неповятный холодъ
 Повѣялъ вдругъ. Но братъ такъ молодъ,
 Такъ добръ, что не осудить онъ
 Ея безгрѣшный, сладкій сонъ...
 Зачѣмъ-же грустно и упорно

Она улыбку прогнала
И клятву вѣкъ молчать дала;
Зачѣмъ ей сердце страхъ упорный
Схватить, и злобно умъ сказалъ:
«Чтобъ этихъ вздоровъ брать не зналъ...»

А видѣлъ Богъ, она любила,
Любила брата, но предъ нимъ
Ей было страшно, стыдно было
Съ умомъ ребяческимъ своимъ,
Съ своимъ полуобразованьемъ....
Такъ дни пошли. Ея молчанья
И не замѣтилъ Николай;
Нашелъ онъ, правда, невзначай,
Однажды подъ ея работой
Какой-то томъ, хотѣлъ спросить
О мнѣньи, что-то обсудить,
Сказать, да вдругъ прошла охота,
И этотъ случай, хоть пустой,
Лишь больше ихъ развелъ съ сестрой.

Зачѣмъ они скрывались оба?
Что души разлучало ихъ?
Такъ молча разлучаетъ злоба
Враговъ упрямыхъ иль чужихъ.
А тутъ, — два юныя созданья, —
Ихъ силы, мысли и желанья,
Мечты, надежды, все одно,
Но все лежитъ затаено,
И ждетъ, — чего?... Она за слово
Охотно душу отдала-бъ;
Предубѣжденья скучный рабъ,
Сто разъ онъ уходилъ, готовый
Сказать то слово, и молчалъ,
И даже Лизу обвинялъ...

Прошла зима. Снѣга бѣжали
Ручьями мутными; вдали

Какъ полосы блестящей стали
 Двѣ рѣчки весело легли,
 Лѣса, темнѣя, одѣвались,
 Поля подь озимью скрывались,
 Все оживало. Мой герой
 Ъжалъ гулять вдвоемъ съ сестрой;
 Самъ правя тряскою телегой
 Межъ зеленѣющихъ холмовъ;
 И холодъ вешнихъ вечеровъ
 Съ какой-то радостною нѣгой
 Его подь кровлю призывалъ,
 Въ тепло, гдѣ чай давно ужъ ждалъ.

Разъ вечеромъ, они сидѣли
 Въ молчаньи. Вспомнивъ про зиму,
 Припомнивъ дни, что улетѣли,
 Сгрустнулся Николай. Къ нему
 Съ докладомъ староста явился,
 Что, вотъ, вчера остановился
 Какой-то баринъ у него,
 Проѣзжій, — да рѣка, того,
 Что часъ, то больше прибываетъ,
 Проѣзда нѣтъ, а баринъ въ ночь
 Изволилъ очень занемочь;
 Такъ какъ тутъ быть? А онъ не знаетъ...
 Изба, какъ водится, тѣсна,
 Да и сыра, — на то весна.

— Одинъ онъ? — Да, одинъ. — Въ каретѣ?
 — Въ повозкѣ. — Лиза, ангель мой,
 Займись покуда, въ кабинетѣ,
 Вели развестъ огонь. Больной; —
 Въ избѣ нельзя ему остаться;
 Я попрошу его добратся
 Хоть какъ-нибудь сейчасъ къ намъ въ домъ,
 А завтра къ доктору пошлемъ...
 Проѣхать можетъ-ли нарочный
 Верхомъ? — Верхомъ-то ничего.
 — Пойдемъ-же... Какъ зовутъ его?

— Григорій Александрычъ... точно, —
 Ну, вотъ, а прозвище забылъ, —
 Дорогой староста твердилъ.

Давно неслышное движенье
 Старинный оживило домъ.
 Съ волненьемъ тайнымъ и въ смущеньи
 Справлялась Лиза о больномъ.
 — Хорошъ и молодъ, ей сказали....
 Два эти слова ей придали
 Заботы много и тревогъ.
 — «Онъ молодъ, болѣнъ, одинокъ...
 Пусть въ домѣ томъ, куда судьбою
 Нечаянно заброшенъ онъ,
 Отъ безпокойства огражденъ
 Онъ будетъ доброю сестрою,
 Хоть незнакомою... Такъ что-жь!
 Въдѣ дружбу не вездѣ найдешь»

Порой, какъ день весенній долго
 Тянулся, съ книгою въ рукѣ
 Она бродила по дорогамъ
 Въ своемъ старинномъ цвѣтникѣ;
 Но чтенье милое забыто.
 Она глядитъ — окно закрыто.
 И солнце въ ставень вырѣзной
 Бросаетъ лучъ свой золотой...
 Онъ тамъ; — съ нимъ братъ. Вотъ двѣ недѣли,
 Какъ онъ подъ кровлей ихъ живетъ...
 Уйдетъ, — и опять поидетъ
 Жизнь безъ стремленій и безъ цѣли....
 Когда бы Богъ скорѣе далъ,
 Чтобъ онъ, оправаясь, вышелъ въ залъ!...

Она спросила Николая:
 Получше-ль гостю? — Ничего,
 Прошло, лишь слабость небольшая.
 Пожалуста, прими его
 Ловчѣе, просто, безъ смущенья,

Жеманства, знаковъ удивленья,
Идиллій нѣжныхъ, книжныхъ фразъ, —
Все это страшно въ первый разъ,
А въ томъ, кто свѣтомъ избалованъ,
Навѣрное возбудитъ смѣхъ;
Айдаровъ свѣтскій человекъ,
И очень мило образованъ.
Да, кстати, чтобъ не напугать
Его, не вздумай угощать.»

Она молчала; поученье
Не кстати показалось ей,
И недовольство и сомнѣнье
Лишь стали глубже и грустнѣй.
Разъ, за шитьемъ, съ утра одѣта,
Она ждала. Изъ кабинета
Дверь отворилась, гость вошелъ;
Онъ взглядомъ комнату обвелъ
И поклонился. — Впечатлѣнья:
Лобъ блѣдный въ черныхъ волосахъ,
Усталость томная въ глазахъ
И стройность каждаго движенья....
Она хотѣла говорить...
— «Я долженъ васъ благодарить,

Онъ началъ, — «такъ добры вы были,
Роднымъ вы приняли меня,
И попеченьемъ окружили;
Я не здоровья ждалъ, но дня,
Когда приду сказать, какъ много
Я вамъ обязанъ....» Брата строгій
Советъ советѣмъ напрасенъ былъ:
Взглядъ гостя Лизу не смутилъ,
Хоть сердце, вздрогнувъ, въ ней упало
И щеки вспыхнули живѣй,
Когда онъ руку подалъ ей.
Она съ улыбкой отвѣчала:
— «А вы за то въ веселый часъ
Пріятно вспомните объ насъ.»

И въ вечеръ тотъ молчанье дома
Бесѣдой прервалось живой.
Айдаровъ, съ братомъ ужъ знакомый,
Теперь знакомился съ сестрой;
Своимъ заботливымъ вниманьемъ
Онъ понялъ, что очарованья
Для ней не можетъ быть въ однихъ
Разказахъ свѣтскихъ и пустыхъ,
Что будутъ скучны, непонятны
Для сельской дѣвочки оны,
Иль мирныя взволнуютъ дни
Желаньемъ, — чувствомъ неприятнымъ,
Когда несбыточно оно,
Или неволей стѣснено.

Онъ сообщалъ ей наблюденья
Свои о людяхъ, о вещахъ,
Судилъ и вызывалъ сужденья,
И Лизу не тревожилъ страхъ,
Какой испытывать случалось,
Когда бесѣда намъ казалось
Тѣмъ классомъ, гдѣ, предметъ тревогъ,
Урокъ толкуетъ педагогъ.
Айдаровъ говорилъ свободно;
Мысль каждая казалась въ немъ
Согрѣта внутреннимъ огнемъ,
Прожита чувствомъ благороднымъ,
Полна любви, ясна, чиста
И отъ избытка излита;

И жизнь цѣнилъ онъ, вдохновляясь
Стремленьемъ къ высшему добру;
Порою, шуткой развлекаясь,
Смѣшилъ онъ Лизу, какъ сестру.
И это скорое сближенье
Ея уму дало движенье;
Въ ней вновь веселость ожила.
Рѣзва, довѣрчива, мила,
Порою свѣтлымъ замѣчаньемъ

Она давала видъ иной
 Сужденьямъ гостя.... И сестрой
 Братъ любовался; онъ познаній
 Не зналъ въ ней, не предполагаль...
 Иль былъ онъ слѣпъ, что не видалъ?..

Онъ думалъ съ тайною досадою:
 — «Вотъ годъ, какъ бѣдное дитя
 Нашло себѣ одну отраду:
 Учиться, съ горя, не шутя;
 Кто виноватъ? Унынье, скука,
 Съ людьми насильная разлука...»
 Но Николай не обвинялъ
 Себя, въ себѣ онъ не видалъ
 Начальной, горестной причины
 Унынья; и не думалъ братъ,
 Что скукой утомленный взглядъ,
 И недовольство, и морщины
 На лбу, — печальнѣй, тяжелѣй
 Сестрѣ отсутствія людей.

Но эти грустные сознанья
 Въ немъ въ этотъ вечеръ не нашлись
 Къ несчастью. Крѣпко на прощанье
 Онъ и Айдаровъ обнялись.
 — «Онъ, Лиза, скоро не уѣдетъ;
 Нельзя; еще во снѣ онъ бредить,
 Ему и воздухъ запрещень;
 Дороги скверныя, здѣсь онъ
 Скорѣй оправится.» — Конечно,
 Сказала Лиза. Къ ней самой
 Сонъ не слетѣлъ ночной порой,
 И въ синемъ небѣ безконечномъ
 Искала долго звѣздъ она,
 Богъ знаетъ чѣмъ утомлена....

На завтра гость опять явился;
 Казалось, съ ней онъ не скучалъ;
 Опять шутилъ, разговаривалъ, —

День непримѣтно улеталь,
 За нимъ другой. Она за чаемъ
 Сидить; Айдаровъ съ Николаемъ
 Споръ безконечный заведетъ,
 Ее на судъ къ себѣ зоветъ,
 Ей дѣло не шутя толкуетъ,
 И если, что скорѣй всего,
 Она поддержитъ, — торжествуетъ
 Такъ отъ души, кончая споръ,
 Что веселья цѣлый день съ-тѣхъ-поръ.

Узналъ онъ, что она любила,
 Чѣмъ занималась съ утра,
 Открылъ рояль, — и не смѣшила
 Ея несмѣлая игра,
 Напротивъ, тихо и съ вниманьемъ
 Свои онъ дѣлалъ замѣчанья,
 Урокъ улыбкою смягчалъ;
 Читать хотѣлось ей — читалъ
 Сто разъ знакомое съ охотой;
 Она придумывать начнетъ
 Работу, — онъ совѣтъ даетъ,
 Хлопочетъ самъ съ ея работою,
 То вдругъ, принявъ серьезный видъ,
 Ей планъ для цвѣтника чертитъ,

То сядетъ къ пальцамъ, гдѣ послушной
 Иглою она надъ кисеей
 Узоръ выводитъ, ... здѣсь такъ скучно
 Бывало прежде ей одной.
 Теперь, — усталость или мечтанье
 Найдеть на нихъ, — идутъ въ молчаньи
 Минуты; эта тишина
 Его присутствія полна;
 Последній звукъ живаго слова
 Летаешь въ комнатѣ, лучей
 Весеннихъ льется свѣтъ по ней,
 На окнахъ розы цвѣсть готовы...

И Лизѣ стоить взоръ поднять,
 Чтобъ взоръ прекрасный повстрѣчать...

Разъ подь вечерь... случилось дѣло,
 И Николай былъ принужденъ
 Уѣхать въ городъ... Лиза съѣла
 Тихонько въ залѣ подь окномъ.
 Пришелъ Айдаровъ. — «Вечеръ чудо!
 Сказалъ онъ, — Знаете-ль, покуда
 Вашъ братецъ не слѣдитъ за мной,—
 Затѣмъ, что я блажной больной,
 А онъ и доктора построже,
 Пойдемте въ садъ. Мой первый часъ
 На воздухѣ мнѣ подлѣ васъ
 И слаще будетъ и дороже;
 А то и небо и весна
 Мнѣ свѣтять только изъ окна.»

Они пошли. Букашки мило
 Кружились тѣсною толпой,
 За рощей солнце заходило,
 И пахло въ воздухѣ смолой;
 На старой яблонѣ вѣтвистой
 Цвѣтокъ и бѣлый и душистый
 Смотрѣлъ привѣтно съ высоты,
 Забившись въ темные листы;
 Въ кустѣ малиновка порхала,
 Ужъ торопясь подь теплый кровъ,
 И медуника изъ подь мховъ
 Свой синій вѣнчикъ поднимала;
 Шумѣли ивы надъ ручьемъ...
 Айдаровъ съ Лизой шли вдвоемъ.

Садъ былъ великъ; они бродили
 Въ немъ долго, долго рѣчь вели
 О томъ, какъ мыслили, какъ жили,
 О снахъ, о счастья на земли,
 О томъ, какъ проходили грозы;
 И горе, радостныя слезы

И дѣтство вспомнили, — не разъ —
Привычкамъ общимъ удивясь;
И Лиза съ сладкою печалью
Будила память прежнихъ дней
Въ груди встревоженной своей.
Потомъ вдругъ оба замолчали,
И на скамейку подъ сирень
Присѣли. Ужъ смеркался день.

Айдаровъ голову въ молчаньи
На грудь печально наклонилъ;
Въ раздумьи долгомъ, иль въ мечтаньи,
Казалось, Лизу онъ забылъ.
Она въ восторгѣ и волненьи
Все счастье, все благословенья
На эту голову звала,
Она бы жизнь свою дала
Всю за него, она съ слезами
Молилась жаркою мольбой....
— «Какъ я уѣду, Боже мой!
Сказалъ онъ: какъ разстанусь съ вами!
О, вы забудете меня!
Все ближе срокъ день ото дня....»

— «Послушайте; еще не зная
Васъ, съ вами былъ ужъ я знакомъ;
Судьба, иль добрая иль злая,
Меня забросила къ вамъ въ домъ....
То, что другіе называли
Распоряженьемъ, я, едва ли
Владѣвшій памятью, — святой
Заботой звалъ и добротой....
Я зналъ, что вы меня хранили,
Созданье выше всѣхъ людей!...
Средь шопота чужихъ рѣчей,
Средь звуковъ, что меня будили,
Умѣлъ я шорохъ отличить....
Вы были близко можетъ-быть....»

— «Вы скажете: воображенье!
 Пусть такъ; я даже буду радъ....
 Простите мнѣ мое волненье,
 Простите все, я виновать!...
 Такой тоски, такой печали
 Вы не узнаете, не знали...
 Однажды высказавъ ее,
 Пусть сердце бѣдное мое
 Замретъ, затихнетъ недвижимо;
 То, что его теперь томить
 Не тронетъ васъ, не поразитъ:
 Вы такъ прекрасны, вы любимы
 Не первый, не послѣдній разъ...
 Пускай счастливецъ любить васъ!...»

— «Я завтра ѣду... На прощанье
 Какъ брату дайте руку мнѣ;
 На жизнь безъ счастья, упованья
 Благословите въ тишинѣ...
 Прощайте! не судите строго!
 Есть много счастія у Бога,
 Пусть Онъ вамъ лучшее пошлетъ...»
 Онъ взялъ холодную какъ ледь
 Ея младенческую руку....
 — «Нѣтъ, нѣтъ, промолвила она,
 Оставайтесь здѣсь!...» И смущена;
 Въ волненьи радости и муки,
 Не озираяся кругомъ
 Поспѣшно побѣжала въ домъ....»

II.

ЦЫГАНКА.

ПОВѢСТЬ И. С. ЮРЬЕВОЙ.

I.

Быль полдень. Солнце высоко стояло на голубомъ небѣ, и любясь на пышно разубранную зеленью и цвѣтами землю, осыпало ее пламенными лучами. Деревья не колыхнута; цвѣты, съ какой-то нѣжною истомою, преклонили свои душистыя головки; надъ лугами сверкали разноцвѣтныя мухи и бабочки, и только ручей, дробясь о мелкіе камни прибрежья и пробираясь между кустарниками, тихо журча, нарушалъ всеобщее безмолвіе, да изрѣдка лѣнивый лай собаки давалъ знать, что не далеко есть жильє.

Въ сторонѣ, у опушки большаго лѣса, пріютась подъ тѣнью стараго калинника, бѣлѣлись палатки и шатры, неправильно разбросанныя, на довольно значительномъ пространствѣ. То былъ приваль недавно прикочевавшаго цыганскаго табора. Впрочемъ, кромѣ лѣниваго лая собаки, въ таборѣ неслышно было никакого движенія; въ немъ было такъ же тихо, какъ и во всей окрестности. Но вотъ, въ кустахъ, которые завистливо прикрывали берега ручья, раздался звойкій

дѣтскій смѣхъ, онъ эхомъ прокатился по свѣтлымъ струйкамъ и весело отозвался вдали. Въ кустахъ показалась дѣвочка, лѣтъ семи. Неопрятность и бѣдность одежды не могли скрыть необыкновенной правильности и красоты ребенка; черные, блестящіе волосы въ безпорядкѣ прядали вокругъ лица, полного движенія и выразительности. Глаза, какъ два горячіе уголька, живо бѣгали во все стороны, и несмотря на младенческой возрастъ дѣвочки, выражали умъ и нѣгу. Движенія ея были рѣзки, но въ нихъ проглядывала какая-то особенная грація, подобная той, которая видна въ тигренкѣ. Дѣвочка держала въ рукахъ букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и хохотала отъ души. За нею слѣдовалъ мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, крѣпко сложенный и смуглый, типъ цыганскихъ дѣтей. Онъ былъ весь мокрый, какъ будто только что вышелъ изъ воды, и несъ въ рукахъ водяную лилію.

— Вишь ты, говорилъ онъ, смотря на дѣвочку, какая злая! еще смѣешься.

— Ахъ, Вася, отвѣчала она, помирая со смѣху, да вѣдь ты такъ уморительно свалился въ воду. Погляди-ка, рубашка на тебѣ словно примерзла, а волосы, какъ облизанные! Ха, ха, ха! и дѣтскій смѣхъ ея звонко заливался по лѣсу.

— А все ты, продолжалъ мальчикъ, нахмураясь: полѣзла сама за этимъ сквернымъ цвѣткомъ; но, кабы ты свалилась въ воду?

— Чтожъ? была бы такая же мокрая ворона, какъ ты! отвѣчала маленькая шалуня.

— Да, — а дома-то? Небось, не засмѣялась бы.

— Дома, отвѣчало дитя, переставъ смѣяться: дома меня прибили бы, Вася, и взглянувъ печально на своего мокраго товарища, она прибавила: да вѣдь и тебѣ даромъ не пройдетъ, Вася.

— Пусть прибьютъ, сказалъ мальчикъ неустрашимо: я не ты, я побольше тебя, мнѣ не такъ больно; но вдругъ малютка поблѣднѣлъ, и съ ужасомъ оглянувшись вокругъ, почти вскрикнулъ: А лошадь, гдѣ же моя лошадь?

— Лошадь, перебила дѣвочка, ну гдѣ, вѣрно ушла въ табунъ. Побѣжимъ за нею!

И дѣти кинулись бѣжать къ блѣвшемуся вдали шатрамъ.

Таборъ былъ почти пустъ. Молодые цыгане и цыганки еще съ утра отправились въ ближній городокъ: — мужчины — барышничать лошадьми, а женщины — промышлять ворожбою. Предсказывая другимъ счастье, богатство и ласку милыхъ, онѣ навѣрное угадывали для себя хорошую плату а между-тѣмъ зазывали гостей въ свое временное пристанище, послушать пѣсенъ, поглядѣть пляску.

Въ таборѣ оставались только однѣ старухи, которыхъ дряхлость дѣлала не совѣтъ пригодными къ хитрымъ уловкамъ, а безобразіе, свойственное вѣтъ восточнымъ женщинамъ подѣ старость, всеяло какую-то непріязнь къ ихъ племени, да пьяный цыганъ, который, завидѣ дѣтей издали, шатаясь и ворча, шелъ къ нимъ навстрѣчу. При видѣ пьянаго цыгана, мальчикъ поблѣднѣлъ и какъ прикованный остановился на мѣстѣ: «Ахъ, Маша, взгляни-ка, дядя, дядя идетъ!»

— Гдѣ лошадь, кричалъ цыганъ, а? гдѣ лошадь?

— Она тамъ, дядя! отвѣчала, заикаясь и дрожа, мальчикъ.

— Тамъ, разбойникъ, тамъ, мошенникъ! а гдѣ тамъ? заревѣлъ цыганъ. Развѣ я тебѣ такъ велѣлъ ее беречь. А, да ты опять съ этой черномазой: вотъ я васъ разлучу. И замѣтя мокрую одежду мальчика, онъ грозно спросилъ: Гдѣ это ты, безталанная башка, выкупался?

— Это онъ мнѣ, дядя, цвѣтокъ доставалъ, смѣло отвѣчала дѣвочка, какъ бы желая взять вину на себя.

— Цвѣтокъ! закричалъ цыганъ, а вотъ погоди же, я тебѣ покажу и ягодки! И поднявъ коротенькую нагайку, бывшую у него въ рукахъ, онъ замахнулся на дѣвочку, но мальчикъ въ ту же минуту заслонилъ ее собою, и принялъ ударъ, назначенный бѣдняжкѣ. Ударъ всею тяжестью руки охмѣлѣвшаго и озлобленнаго цыгана упалъ на лицо ребенка. Облитый кровію, мальчикъ со стономъ повалился на землю. На крикъ дѣвочки, съ ужасомъ бѣжавшей отъ страшнаго своего гонителя, изъ-подъ телегъ выскочили старыя мегеры, которыя тамъ спали въ ожиданіи возврата своихъ, и съ бранью кинулись на пьяницу: Ахъ батюшки! ахъ, разбойникъ! супостать! убилъ, право, никакъ убилъ мальчишку!

— А туда ему и дорога! Вишь упустилъ лошадь, что вчера привели. Она стоить не копѣйку, да не дешево и досталась, а онъ, пострѣлъ его возьми, упустилъ! говорилъ цыганъ, едва ли понимая, что дѣлаетъ.

— Ну, а кабы ты убилъ его, пьяная утроба, честили его старухи: тогда бы что было? Вѣдь погубилъ бы насъ всѣхъ, безмозглый затылокъ!

Но тотъ, къ кому относились эти слова, не слышалъ уже ихъ, онъ по прежнему, шатаясь, ходилъ между телегъ, завѣшенныхъ цыновками, и ругалъ ребятишекъ, черныя головенки которыхъ высовывались по временамъ промежъ колесъ, и тотчасъ прятались при видѣ сердитаго дяди.

Бѣднаго мальчика старухи подняли и отнесли въ дырявый шалашъ, завѣшенный платками и кускомъ ветхой парусины. Затѣмъ въ таборѣ

попрежнему все утихло, кромѣ пьянаго старика, голосъ котораго еще долго раздавался и наводилъ страхъ ни полунагихъ цыганягъ.

Но вотъ солнце стало собираться на покой, лучи его уже не палили землю; въ воздухѣ дохнуло прохладою, все ожило и заблагоухало, и вѣтерокъ, какъ шалунъ мальчишка, запорхалъ по лѣсу, тормоша листья на деревьяхъ и кустахъ. Таборъ ожилъ. Огни запылали, наметы распахнулись, цыгане возвратились съ барышомъ и добычею; цыганки съ надеждою на добычу.

Въ таборъ обѣщали быть гости. Гитары строились, цыганки рядились въ разноцвѣтное тряпье и жадный взоръ старухъ нетерпѣливо устремлялся на дорогу, ведущую къ городу. Еще черноокія пѣвуньи глядѣлись въ чанъ съ водою, вмѣсто зеркала, еще вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ кокетливо примѣрялись на головахъ и тонули въ пышныхъ кудряхъ, какъ звонкіе крики: «ѣдутъ! ѣдутъ!» — возвѣстили прибытіе веселыхъ посѣтителей. Отрывистые привѣты полетѣли съ обѣихъ сторонъ, вино зашѣлилось и пиръ закипѣлъ.

Зазвучили гитары и бубны, вторя плсудикому хорѣ, и пѣсни, одна другой живѣе, одна другой неистовѣе, далеко неслись по полю и откликались по лѣсу, гдѣ соловей, пріютясь на зеленой вѣткѣ клена, запѣлъ было свой прощальный гимнъ прекрасному дню.

Таборъ пировалъ. Много пѣсенъ уже прогремѣло, молодья цыганки по нѣсколько разъ уступили другъ другу мѣсто въ огненной пляскѣ, въ угоду щедрымъ гостямъ, которые вмѣсто кошельковъ съ мелочью принялись уже за бумажники. Солнышко давно закатилось за лѣсъ, на синемъ небѣ стояла полная луна, обливая матовымъ свѣтомъ окрестность, а гости все еще ликовали! Да и нельзя было не погулять подольше: цыгане на другой день собирались перекочевать.

И такъ, передъ шатромъ старосты шелъ пиръ горой: котлы кипѣли, вино пѣнилось, деньги сыпались, и цыгане пѣли и плясали. Въ это время маленькая дѣвочка, тихо пробиралась между телегъ, со страхомъ озираясь во все стороны. Подойдя къ самой крайней телегѣ, изъ-подъ которой слышались едва внятные стоны, она остановилась и шопотомъ сказала:

— Вася, а Вася! что-же ты неидешь къ гостямъ? тамъ говядину варятъ.

— Охъ, Маша, больно, больно! послышался голосъ.

— Что? дядя пришибъ?

— Да, больно! Пить хочется.

— Экой ты глупый, Вася! отвѣчала дѣвочка: да ты бы напился, до рѣчки далеко-ль!

— Не могу встать, простоналъ мальчикъ, не вижу, куда идти.

— Али ты ослѣпъ, что не видишь? спросила дѣвочка, и потомъ грустно прибавила: Нѣтъ, Вася, больше не пойдемъ за цвѣтами, вишь ты, дядя какой злой, знай все арапникомъ! Пстой-же, Вася, я тебѣ дамъ напиться,

Съ этими словами она откинула грязную холстину, которая служила дверью. Луна полнымъ ликомъ въ этомъ мигъ заглянула въ шатеръ. Мальчикъ съ трудомъ приподнялъ голову съ сырой земли. Дѣвочка, которая подошла было къ нему, съ ужасомъ взвизгнула и отскочила.

— Ахъ, Вася, говорила она, закрывая глазки, какой ты страшный! Какъ больно! о, этотъ злой дядя!

Обезображенный ребенокъ снова упалъ на землю. Страшный, несообразный ударъ переломилъ ему переносе, и заухнувшіе отъ прилива крови глаза его не могли открыться. Онъ дышалъ жарко; жажда его томила, боль вырывала стоны, а между-тѣмъ таборъ пировалъ, говоръ и смѣхъ далеко раздавались по долину. Наконецъ на горизонтѣ блеснула свѣтлая полоска, лазурь неба превращалась въ яхонтъ, новый день просыпался... Бѣдная дѣвочка все еще сидѣла у шатра и плакала.

На утро таборъ перекочевалъ.

II.

Въ маленькомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ каждый житель знаетъ поголовно все населеніе, и гдѣ дѣла сосѣдей извѣстны ему лучше собственныхъ, гдѣ наконецъ жизнь просыпается вмѣстѣ съ солнцемъ и вмѣстѣ съ нимъ же засыпаетъ, — на единственной парадной улицѣ, стоялъ небольшой сѣренькій домикъ, ничѣмъ неотличавшійся отъ многихъ другихъ сѣренькихъ домиковъ, потому-что въ городкѣ, нами описываемомъ, цвѣтъ этотъ былъ, повидимому, въ модѣ. Такъ-же, какъ и у другихъ домиковъ, три окна его смотрѣли на улицу, на крышѣ его, точно такъ-же, какъ и на нѣкоторыхъ сосѣднихъ, свободно росла ковыль, между которой колебалась тоненькая вѣтка березки, какимъ-то чудомъ занесенная въ прощелицу. Сѣренькій домикъ, какъ-будто кокетничая своимъ головнымъ уборомъ, склонился немножко на сторону. Не смотря однакожь на то, что домикъ не отличался ничѣмъ отъ другихъ домовъ, онъ въ-продолженіе двухъ или трехъ недѣль возбуждалъ всеобщее любонитство жителей уѣзднаго городка. Каждый день нѣсколько усердныхъ кумушекъ наперерывъ спѣшили заглянуть въ его

ворота, подслушать слово, подмѣтить какое нибудь движеніе, хотя каждый день онѣ слышали и видѣли одно и то же. Видѣли онѣ—больного человека, мужчину, лѣтъ тридцати пяти, худого, истомленного, котораго всегда заботливо подводилъ къ окну другой человекъ, лѣтъ под пятьдесятъ, и усаживалъ въ кресла; слышали онѣ—беззаботную болтовню и дѣтскій смѣхъ бѣгающаго по двору мальчика, лѣтъ семи или восьми, на которомъ грустно и тоскливо останавливался взоръ больного. Всѣ въ городкѣ, кому знать надлежало, знали, что больной человекъ былъ прѣзжій или проѣзжій, котораго недугъ заставилъ остановиться на пол-пути, а безпокойство на постояломъ дворѣ принудило на время взять комнату у хозяйки сѣренькаго домика. Отъ ребенка узнали, что больной его папа, что онъ ѣдетъ къ богатому дядѣ, что у мальчика недавно умерла мать, и что съ-тѣхъ-поръ отецъ его все боленъ; что старика зовутъ Оокой, и что онъ ихъ слуга. Чего бы, кажется, еще больше для любопытныхъ? Такъ нѣтъ, кумушки каждый день посѣщали сѣренькій домикъ, хотя на дворѣ ужъ не бѣгали веселенькій мальчикъ, а окно, у котораго саживалъ больной, было постоянно закрыто ставнями. Матроны ломали себѣ головы, прибирали причины, слагали розказни, какъ вдругъ, разъ подъ вечеръ, окно неожиданно раскрылось и снова привлекло толпу любопытныхъ. Сквозь это окно увидѣли въ углу, подъ образами, простой деревянный столъ, на немъ непробудно спалъ больной, а возлѣ него, грустно подперши головку, сидѣлъ за нѣсколько дней веселенькій мальчикъ, да въ головахъ усопшаго тихо читалъ псалтирь старикъ слуга. Часовъ въ десять вечера, когда жители маленькаго городка давно уже предавались покою, въ ворота сѣренькаго домика постучались двѣ старушки. Молча прошли онѣ небольшой дворъ, и войдя въ сѣни, осторожно отворили дверь въ комнату, которую освѣщала только одна тонкая восковая свѣчка, горѣвшая въ изголовьи умершаго, и блѣдно освѣщавшая строго-нзбожное лицо Ооки, который читалъ молитвы объ успокоеніи души своего барина.

При неожиданномъ скрипѣ двери, Оока невольно вздрогнулъ, и быстро обратясь, сказалъ: кто здѣсь? чего надо?

— Да вотъ, голубчикъ, отвѣчала одна изъ женщинъ: мы пришли посидѣть почку надъ покойникомъ; вишь, вы здѣсь заѣзжіе, такъ стало и посидѣть—то надъ нимъ некому; пусть его душенька отдохнетъ, ей легче будетъ.

— Онъ былъ добрый человекъ, такъ, стало, ему и безъ того легко будетъ. Ну, а коли охота есть сидѣть, то милости просимъ.

Полумракъ, царствовавшій въ комнатѣ, тихій и однообразный голосъ старика, читающаго псалтирь, невольно наводили сонъ и утомленіе на

пришедшихъ старухъ, тѣмъ болѣе, что всѣ ихъ старанія завести заманчивый разговоръ со старикомъ были напрасны. Оока оставался нѣмъ и строгъ. По временамъ, онъ вставалъ съ мѣста и, какъ бы по привычкѣ ухаживать за больнымъ, подходилъ къ покойнику, то поправлялъ подушку подъ его головою, то одергивалъ простыню, грустно шепча: Эхъ, батюшка баринъ!—или отходилъ въ почти темный уголь комнаты, гдѣ на бѣдной кровати, скорчившись, спалъ малютка. Старикъ, прикрывая его и глядя жесткою рукою по бѣлокуренькой головкѣ, со вздохомъ приговаривалъ: Бѣдный ты мой сиротинка! Господь надъ тобою! Сидѣлки старались воспользоваться этимъ временемъ, чтобы закинуть словцо, но все какъ-то разговоръ не вязался.

— А что, косатикъ, сказала одна изъ женщинъ, видно свѣтъ покойникъ—то былъ бѣдень?

— Бѣдень здѣсь, что хлѣба не ѣсть, а мы христіане! отвѣчалъ лаконически Оока.

— А у мальчишечки-то, видно, никого не осталось? подхватила другая.

— Богъ остался! такъ же отвѣчалъ Оока: а этого будетъ съ него! И снова принимался за чтеніе.

Наскуча бесполезными вопросами, старухи измѣнили своему доброму намѣренію провести ночь съ усопшимъ, и еще далеко до разсвѣта отправились домой.

Оставшись одинъ, Оока еще нѣсколько времени читалъ, но постепенно голосъ его началъ прерываться, языкъ путался, глаза тупо различали буквы; нѣсколько предшествовавшихъ безсонныхъ ночей истомили старика; онъ наконецъ невольно опустился на стулъ, руки повисли; еще нѣсколько минутъ дряхлая голова печально качалась, губы лепетали невнятные слова, и потомъ все затихло въ комнатѣ; изрѣдка только трещала свѣтильня догаравшей восковой свѣчи; но и та мерцала все слабѣе, слабѣе, вотъ еще разъ вспыхнула, и велѣдъ затѣмъ водворилась совершенная темнота. Первый лучъ восходящаго солнца упалъ на бѣлокурую головку мальчика, спокойно спавшаго въ углу комнаты. Младенческія черты его хорошенькаго личика, котораго беззаботность, сладкая нѣга и полу-улыбка, вызванная сновидѣніемъ, составляли странный контрастъ съ лицомъ умершаго отца, на котораго малютка былъ очень похожъ, и котораго суровой покой, искаженныя черты, посинѣлыя и крѣпко сомкнутыя губы показывали, что онъ не безъ душевнаго волненія сказалъ послѣднее прости всему былому, и многое изъ земнаго бытія своего унесъ съ собою въ могилу. Но вотъ малютка пошевелился, тоненькіе члены распрямились,

и мальчикъ потягиваясь, открылъ глаза. Приподнявшись на ручку, въ первую минуту онъ съ какимъ-то удивленіемъ глядѣлъ вокругъ себя, но потомъ, быстро привставъ, какъ бы вѣспомня что-то, онъ почти со страхомъ закричалъ: *Оока, Оока!*

— А! что! отвѣчалъ старикъ, славшій на стулѣ, и прозорно векоча, подошелъ къ мальчику: что СЕРЕЖЕНЬКА, что ты, ГОЛУБЧИКЪ?

— Что это, *Оока*, папаша все еще умеръ? Когда же онъ встанетъ?

— Встанетъ, встанетъ, батюшка, придетъ время и онъ встанетъ, отвѣчалъ *Оока*, грустно качая головою, и потомъ прибавилъ: Вишь ты, грѣхъ какой, кинули его, батюшку одного, и я-то, дуракъ, то же зашулъ, даже и свѣчка загасла. И онъ, перекрестясь, снова затеплил свѣчу предъ маленькимъ образомъ, и потомъ началъ одѣвать мальчика.

— Знаешь-ли что, *Оока*; давай готовить чай, пока папаша встанетъ, говорилъ СЕРЕЖА: пойдемъ вмѣстѣ за булкою.

Старикъ молча погладилъ по головкѣ ребенка и сказалъ: «Помолись Богу, СЕРЕЖЕНЬКА;—и поставя его на полъ, продолжалъ: скажи, голубчикъ: «Упокой моль Господи моего папу и дай ему царство небесное». И когда ребенокъ повторялъ эти слова, *Оока* вытеръ рукавомъ своего сюртука двѣ крупныя слезы.

— Ну, теперь пойдемъ за хлѣбомъ, сказалъ СЕРЕЖА, окончивъ молитву.

— Пойдемъ, пойдемъ, мой соколъ! говорилъ старикъ, отстегивая чемоданъ, въ которомъ, повидимому, были пожитки всего этого семейства. Онъ вынулъ изъ него небольшой замшевый мѣшечикъ и вытряхнулъ на ладонь все бывшія въ немъ деньги; но сколько старикъ ни трясъ его, болѣе четвертака и нѣсколькихъ копѣекъ мѣди не высыпалось. Старикъ выразительно свиснулъ, въ послѣдній разъ тряхнулъ мѣшечикъ и проговорилъ:—Чисто дѣло! вотъ тебѣ и все богатство! вотъ тутъ и вѣдайся, какъ знаешь. Эхъ-ма! бѣда да и только! Эта болѣзнь поѣла все начисто, а на закуску и его унесла, нашего голубчика! *Оока* съ грустью взглянулъ на покойника, и взявъ мальчика на руки, вышелъ съ нимъ изъ комнаты. Къ вечеру этого дня, повозка, въ которой пріѣхалъ умершій господинъ, была продана, чемоданъ и вещи покойника—также; разумѣется, все пошло чуть не даромъ. Остался одинъ только небольшой узелокъ: въ немъ заключалось все достояніе сиротки сына.

Черезъ три дня, на свѣжей высокой насыпи стоялъ бѣлой древеси-

ный крестъ, сдѣланный Оокою, и къ нему-то, рано утромъ, привелъ старикъ помолиться маленькаго Серезу.

— Не плачь, говорилъ онъ, глядя по головкѣ мальчика, и самъ утирая слезы. Пусть себѣ покойно поживаетъ, ему тамъ лучше! А мы съ тобою, другъ, пойдемъ съ Богомъ, искать счастья. Помолись, помолись, поцѣлуй могилку: онъ благословить тебя!

Мальчикъ повиновался машинально. Старикъ клалъ земные поклоны, наконецъ всталъ, поглядѣлъ на крестъ, покачалъ головою, потомъ, молча взявъ Серезу за руку и повелъ его изъ маленькаго города.

III.

Богатое помѣстье Сергѣя Петровича Ратмирскаго было извѣстно далеко въ окружности, какъ по необыкновенно прекрасному своему устройству, такъ и по щедрости и гостепримству хозяина. «Отрадино», такъ называлось помѣстье, въ которомъ жилъ старикъ Ратмирскій, вполне соответствовало своему названію, и произносилось сосѣдами съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ: съ нимъ соединялись всегда или воспоминаніе о прошедшемъ, или мечта о предстоящемъ удовольствіи. Праздники отрадинскаго помѣщика отличались необыкновенною роскошью и великолѣпіемъ. Быть приглашеннымъ «откушать» или «поплясать» къ Ратмирскому почиталось особенною честію, а праздники въ Отрадинѣ бывали таки нерѣдки.

Въ минуту нашего разсказа, богатый, домъ Ратмирскаго кипѣлъ жизнію и движеніемъ. Многочисленная прислуга суетливо бѣгала по всѣмъ направленіямъ. Одни убирали комнаты, переноса туда тропическіе цвѣты и дорогія деревья изъ оранжерей, другіе приготавливали комнаты, назначенныя для помѣщенія гостей, или развѣшивали безчисленное множество разноцвѣтныхъ фонарей вокругъ дома и по всѣмъ аллеямъ огромнаго сада, который окружалъ своею пышною майскою зеленью, красивый, каменный, двухэтажный домъ. Псаря готовили собакъ на случай охоты, а огромныя конюшни дрожали подъ копытами дорогой породы лошадей, которыхъ холили и чистили, какъ на показъ. На завтра у Сергѣя Петровича былъ назначенъ балъ. Между-тѣмъ, какъ цвѣты всѣхъ странъ превращали домъ въ какой-то фантастическій садъ, а длинныя аллеи сада въ волшебные чертоги, одинъ только чловѣкъ изъ всей прислуги оставался спокойнымъ зрителемъ всей суматохи. Это былъ старичекъ, лѣтъ подлѣ семдесятъ, но еще сильный и

бодрый. Съдые волосы его были подстрижены подь гребенку и открывали совершенно его полное, простое, но разумное лицо; костюмъ его состоялъ изъ довольно длиннаго сюртука съ стоячимъ воротникомъ, который, несмотря на очень жаркій день, былъ зстегнутъ на все пуговицы.

Онъ тихо прохаживался между бѣгающей прислугою, и если что и поправлялъ или устанавливалъ, то это дѣлалось, повидимому, — такъ, изъ собственнаго желанія, а не по должности.

— А что, Оомичъ, сказалъ одинъ изъ лакеевъ, устанавливая каштановое дерево на ступень лѣстницы; тамъ, гдѣ вы были съ молодымъ-то баринномъ, я чаю, такихъ деревьевъ много.

Старикъ, къ которому относились эти слова, покачнуль головою и почти съ грустью отвѣчалъ: Такихъ? Нѣтъ братъ, тамъ такихъ, почитай, что и нѣтъ; есть правда эта порода и тамъ, да это вотъ тоже, что ты передо мною: и мало, и жидко, да невзыщи, и безтолково. Что въ этомъ кусть проку? продолжалъ онъ: стойтъ собѣ, а отъ него, какъ отъ козла — ни шерсти, ни молока. Тамъ бы на немъ было столько фруктовъ, что всемъ бы вамъ не съѣсть и въ недѣлю. Да и ростомъ то тѣ не этимъ чета.

— Да ужъ не съ каштанами ли вы, дядюшка Оомичъ, и зѣбы-то тамъ съѣли. Когда отсюда уѣзжали, то все еще они у васъ кое-гдѣ видѣлись, ну, а теперича вездѣ выходитъ пустопорожнее мѣсто.

Старикъ съ улыбкою тихо провелъ рукою по нижней челюсти, и погрозя насмѣшнику, отвѣчалъ: «Эй ты, братъ, зубастъ больно! Нѣтъ, дружокъ, не объ каштаны, а объ семдесятъ годковъ я поистеръ зубы; бывали у меня эти годики и жесткіе, и горькіе подчасъ.

— За то теперича, дядюшка Оомичъ, вамъ приволье. Не жизнь, а масляница! Баринъ васъ любить, жалуется.

— Зато, отвѣчалъ старикъ съ чувствомъ, что я его и самъ люблю и служу ему вѣрою и правдою.

— Ну, а что теперь, здоровье-то барина какъ? поправилось?

— Да онъ и болѣнь-то не былъ, а вѣстимо началъ кашлять да сохнуть отъ извѣстной причины. Вѣдь онъ былъ не то, что другія дѣти; его, голубчика моего, почитай-что изъ пеленокъ посадили за книжку, только и слышишь отъ старика бывало: «Учись, я этого хочу!»—Прійдетъ, бывало, въ Питерь, и замѣсто того, чтобы обласкать да приглубить ребенка, давай его муштровать: говори молъ, что знаешь. Подай сюда учителей, да другихъ-иныхъ, а тѣмъ только и твердить: будьте съ нимъ построже, учите больше! Ну, а имъ, вѣстимо, то и съ руки. Ну, вотъ какъ онъ пошелъ въ университетъ, что-жъ ты думаешь:

другіе шабашъ изъ классовъ и гуляютъ, а мы, бывало, какъ говорится, отъ шей да за похлебку. Придетъ домой, а ужъ тамъ его и ждуть книги. Ужъ радъ-радъ я былъ, когда эта мѹка кончилась.

— Что жъ, Ѳомичъ, зато баринъ-то и вышелъ умница; всѣ, говорятъ, науки произошелъ.

— Да, чуть на тотъ свѣтъ не ушелъ, отвѣчалъ старикъ. Ноша, братъ, какая ни на есть, будь она хоть золото, а коли больше мѣры навьючишь, то все-таки выбьешься изъ силъ и не радъ будешь и золоту. — Тожъ и съ наукою: всего, братъ, не переучишь; въ Божьемъ мѣрѣ мудрости много, одному не совладѣть со всѣмъ, и коли бы его, голубчика, не отправили на вольный воздухъ, такъ ужъ и не знаю, что бы и было съ нами.

— Да вѣдь, тогда, помнишь, говорили доктора, что эта болѣзнь къ нему перешла отъ отца, и что рано или поздно, а онъ ее не минуетъ.

Старикъ, къ которому относилась эта рѣчь, непримѣтно вздрогнулъ, и потомъ, сердито плюнувъ, сказалъ: Врутъ они, болваны, типунъ имъ на языкъ!... Отъ отца пристала!... Что жъ онъ былъ, прокаженный что-ли какой? Отъ отца! продолжалъ старикъ, горячась: да что жъ она ко мнѣ-то не пристала, а я вѣдь не отходилъ отъ него во всю жизнь, и послѣдній духъ принялъ, да вотъ же здоровъ; а то вишь перешла къ сыну! Да что, по вашему, болѣзнь-то наслѣдство какое, что переходитъ къ дѣтямъ?

— Чахотка, вишь ли, говорятъ, прилипчива, дядюшка Ѳомичъ.

— А глудость еще прилипчивѣе, а вотъ не глуцѣю же я, говоря съ такимъ дурнемъ, какъ ты. Чахотка! да что вы смыслите въ чахоткѣ? Какая тамъ чахотка была у покойнаго барина? Не она, а трудъ великій да горе свели его, батюшку, въ могилку.... Онъ не то, что мы съ тобою: не сидѣлъ, сложа руки, не ѣлъ даромъ чужаго хлѣба, а свой кровный, трудовой, вотъ что!

— Не знаю, какъ вы, Ѳомичъ, отвѣчалъ лакей, обидясь, а я не сижу, сложа руки.

— Не сидишь!... сказалъ старикъ; цѣлый часъ возился съ однимъ деревомъ, а вотъ погоди, баринъ выйдетъ посмотрѣть такъ увидимъ. . .

— Не тревожьтесь, будетъ все въ исправности, отвѣчалъ лакей: мы свое дѣло знаемъ; баринъ въ кабинетъ и не скоро выйдутъ.

Кабинетъ, въ которомъ, по словамъ лакея, былъ Сергѣй Петровичъ составляла большая, четырехугольная комната. Что только мода могла придумать, а богатство присвоить роскошнаго и удобнаго, все это можно было найти въ кабинетѣ старика Ратмирскаго. Богатая и покойная ме-

бель, разставленная въ изысканномъ безпорядкѣ, такъ и манила къ нѣгѣ и отдыху. Нѣсколько картинъ фламандской школы и французскихъ жанровъ, богатая арматура изъ дорогихъ оружій, по большей части восточныхъ; этажерки съ историческимъ серебромъ и роскошные шкафы съ отборными книгами въ великолѣпныхъ переплетахъ, а на столахъ англійскіе кипсеки и всѣ русскіе журналы, ясно показывали, что владѣлецъ былъ, или, по-крайней-мѣрѣ хотѣлъ казаться любителемъ всего изящнаго. Письменный столъ посрединѣ комнаты, уставленный дорогими бездѣлушками, доступными только причудливому вкусу, былъ заваленъ разными бумагами, отчетами, донесеніями, счетами, четко и красиво переписанными. Старикъ Ратмирскій сидѣлъ, или лучше сказать, лежалъ передъ этимъ столомъ, въ вольтеровскомъ креслѣ, обитомъ синимъ венеціанскимъ бархатомъ, съ золотыми пуговицами. Полная и бѣлая, какъ слоновою костью, рука его, украшенная брилліантовымъ перстнемъ чудной воды, небрежно перевертывала листы великолѣпнаго альбома съ видами береговъ Рейна, на которые онъ взглядывалъ только мелькомъ. Потому ли, что старика ничто уже не могло удивить и заинтересовать, или потому, что душа его неспособна была поддаться какому бы то ни было внѣшнему обаянію, но только ни одинъ изъ чудныхъ видовъ, мелькавшихъ передъ его глазами, ни живописный Биберихъ, ни величественный Рейнштейнъ, ни поэтической Бахарахъ, ни грозный Фальцъ, не вызвали на лицо его даже мгновеннаго движенія. При первомъ взглядѣ на Сергѣя Петровича, почти трудно было его назвать старикомъ, какъ обыкновенно величали его окружающіе. Его полное, круглое лицо, не было прорѣзано морщинами, этой живой лѣтописью жизни; взглядъ не отуманился еще долгими думами, бессонными ночами, но сохранялъ ясность и спокойствіе; даже голосъ Ратмирскаго былъ ровенъ и звученъ. По нѣсколькихъ минутъ наблюденія было достаточно, чтобъ насчитать ему полныхъ шестьдесятъ годовъ; но годовъ безстрастныхъ, ничемъ не возмущенныхъ, тихо скользящихъ мимо этаго человѣка, какъ нѣкогда, въ преданіи, столѣтіе скользяло мимо отшельника, заслушавшагося райской птички. Въ глазахъ Ратмирскаго проглядывали самодовольство и увѣренность; а навыкъ ставить закономъ свое слово сохранилъ его голосу привычную звучность и твердость. Только одно въ наружности Ратмирскаго нѣсколько оправдывало названіе старика: это густые и почти совершенно сѣдые волосы, которые, какъ брововая опушка, коймили бѣлый воротникъ батистовой рубашки, небрежно падавшій на бархатный домашній сюртукъ, застегнутый на нижнія пуговицы. Передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ. Чрезвычайно стройный и тонкій станъ его показывалъ еще самую первую молодость, подвижныя черты и прекрасныя каріе глаза его

дышали чувствомъ и жизнью. Нѣсколько блѣдное лицо и необыкновенная мягкость взгляда обозначали натуру впечатлительную, но не отличающуюся крѣпостію силъ. Онъ стоялъ очень почтительно предъ старикомъ Ратмирскимъ.

— Такъ ты говоришь, сказалъ Сергѣй Петровичъ, не отрывая глазъ отъ альбома, что мнѣ будетъ гораздо полезнѣе пожить нѣсколько мѣсяцевъ въ южной Франціи?

— Почти увѣренъ, дядюшка, отвѣчалъ молодой человекъ, что это принесетъ вамъ большую пользу.

— А почему ты такъ думаешь?

— Потому, что я тамъ чувствовалъ себя очень хорошо; полгода, которыя я провелъ Нимѣ, совершенно меня возстановили.

— Да, тебя, отвѣчалъ старикъ, потому-что тебѣ двадцать одинъ годъ, ну, а мнѣ за пятьдесятъ — такъ тутъ другая исторія.

— Но князь, дядюшка, не моложе васъ, а ему воздухъ южной Франціи очень помогъ.

— Ну, на этотъ счетъ я лучше посоветуюсь съ докторами, чѣмъ съ тобою, сказалъ Ратмирскій. Они, я полагаю, это дѣло знаютъ почище насъ съ тобою! Я это сдѣлаю тотчасъ же по приѣздѣ въ Петербургъ. — Да кстати, ты говоришь, что князь Борновъ прислалъ съ тобою письмо къ сыну?

— Да, дядюшка.

— Завтра онъ здѣсь будетъ, такъ ты ему и отдай письмо. Постарайся съ нимъ сойтись; онъ тебѣ можетъ быть всегда полезенъ.

— Мы съ нимъ давно знакомы, мы товарищи по университету.

— Да; но у Борнова такая голова, что, я думаю, онъ часто забываетъ, какъ его зовутъ; а къ тому же, если онъ и вспомнитъ тебя, какъ стараго товарища, то можетъ вспомнить и то, что ты былъ первымъ, и твоя ученая степень, можетъ-быть, станеть колоть глазъ некончившему курса студенту. Но отецъ его мой сосѣдъ, и какъ я слышалъ, назначается къ намъ губернаторомъ. Я надѣюсь, что ты будешь служить у князя, такъ надо, чтобы ты былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ ихъ домомъ. Это тебѣ откроетъ дорогу; тебѣ же пора подумать о карьерѣ. При воспитаніи, которое ты получилъ, и при состояніи, которое, если будешь достоинъ, получишь отъ меня, я хочу, чтобы ты и самъ имѣлъ вѣсь въ обществѣ, а этого черезъ князя легко достигнуть.

— Я постараюсь, дядюшка, оправдать вашу волю, и употреблю все силы и способности, чтобы быть....

— Силъ и способностей недостаточно, прервалъ Ратмирскій моло-

даго человѣка: мнѣ нужна твоя безусловная покорность всеѣмъ моимъ желаніямъ. Завтра я отрекомендую тебя, кому надо; по отъѣздѣ моемъ, ты будешь имѣть все средства жить прилично и свойственно тому кругу, куда я хочу ввести тебя; но помни, что твои поступки будутъ залогомъ твоей будущности.

И старикъ холодно протянулъ руку, которую молодой человѣкъ съ уваженіемъ и почти со страхомъ поцѣловалъ.

На другой день, то-есть, въ день, назначенный для праздника, почти съ ранняго утра экипажи потянулись по густой тополевой аллеѣ, которая вела отъ большой дороги къ дому Ратмирскаго. Каждый зналъ обычай хозяина—до обѣда предоставлять себѣ и гостямъ полную свободу гулять и веселиться, кому и какъ угодно, и потому никто не боялся обезпечить Сергѣя Пѣтровича раннимъ пріѣздомъ. Часу въ первомъ—огромный садъ и паркъ пестрѣли уже группами гостей, и нѣсколько кавалькадъ неслись по парку шумно и весело. Разукрашенные игрушки—лодочки тихо баюкали на голубыхъ волнахъ большаго озера дилетантовъ—гребцовъ, съ прехорошенькимъ грузомъ дамъ и дѣвицъ, подъ стройные звуки музыки, гремѣвшей въ нѣсколькихъ мѣстахъ сада.

Но вотъ музыка смолкла, и разсѣянные по саду толпы гостей начали поспѣшно соединяться предъ великолѣпно устроенною эстрадою, на которой помѣщался хоръ цыганъ. Это была новость въ томъ краю. Цыганскій таборъ остановился въ ближнемъ городѣ, проѣздомъ на ярмарку, и нашъ Лукуллъ не упустилъ случая, сдѣлать сюрпризъ гостямъ своего праздника. Вскорѣ около цѣвцовъ образовался до того тѣсный кружокъ, что запоздалые слушатели не могли уже подойти къ эстрадѣ, и должны были издали слушать пѣніе, не видя самихъ пѣвцовъ. По мѣрѣ того, какъ цыгане пѣли, шепотъ одобренія между слушателями увеличивался, и наконецъ дошелъ до восторга. Только и слышалось всюду: «браво, прекрасно, превосходно!» Впрочемъ, восторгъ этотъ былъ возбужденъ не столько пѣніемъ этого полу-дикаго, полу-стройнаго хора, въ звукахъ котораго было такъ много разгула и кипящаго чувства, какъ молоденькою дѣвушкою, лѣтъ семнадцати, которая одна приковала къ себѣ вниманіе и на которой сосредоточивался общій интересъ окружающихъ. И дѣйствительно, все остальное исчезало передъ этимъ чуднымъ явленіемъ. Трудно было вообразить красоту, болѣе поразительную, болѣе обаятельную.

Едва вышедшая изъ дѣтства, молодая цыганка сохранила еще всю мягкость и нѣжность очертаній. Какая-то милая наивность и скромная женственность проглядывали въ каждомъ ея движеніи, и при малѣйшемъ волненіи души, яркій румянецъ выступалъ сквозь тонкую, полу-смуглую

кожу лица, тогда, какъ большіе, влажные глаза ея, между длинными рѣсницами, блистали жизнью, горѣли всею страстью юга. Черные волосы, переплетенные съ ярко-оранжевою лентою, густою косою короновали ея маленькую головку.

Все въ этой дѣвушкѣ, начиная отъ маленькой ручки, тонкіе пальчики которой небрежно касались струнъ гитары, до крошечной ножки, кокетливо выглядывавшей изъ-подъ голубой атласной юбки, было такъ мило, такъ граціозно, привлекательно, что невольно приковывало взоръ каждаго. Чистый дѣвственный голосъ, полный задушевнаго чувства, довершилъ очарованіе, подъ властію котораго находились все слушатели прекрасной цыганки. Невольные крики восторга и дождь цвѣтовъ, сыпавшійся на красавицу, ясно говорили ей, что на нее смотреть не равнодушно, что ее слушаютъ не безучастно. Позади стула, на которомъ сидѣла пѣвица, стоялъ молодой цыганъ. Высокій ростъ, необыкновенная стройность и гибкость стана, черные, живые глаза, могли бы ему дать право на названіе красавца, еслибъ курносый носъ, съ вдавленною переносицею, не портилъ общаго впечатлѣнія. Этотъ недостатокъ не только безобразилъ его, но даже возбуждалъ невольное отвращеніе. Цыганъ постоянно аккомпанировалъ дѣвушкѣ, когда она пѣла, и похвалы, расточаемыя пѣвицѣ, принималъ съ какимъ-то самодовольнымъ видомъ. Подбирая цвѣты, кинутыя молодой дѣвушкѣ, онъ съ гордостью клалъ ихъ подлѣ пѣвицы, необыкновенно ласково и привѣтливо улыбаясь ей; а во-время ея пѣнія онъ превращался весь въ слухъ, слѣдилъ за всеми ея движеніями, вслушивался въ малѣйшія измѣненія ея голоса, и послушный инструментъ часто судорожно дрожалъ въ рукѣ цыгана, когда онъ замѣчалъ неровность въ голосѣ пѣвицы, и огненно, энергически пробѣгали глаза его по хористамъ, когда тѣ бойко и дружно подхватывали послѣднія слова молодой цыганки. Нѣсколько часовъ незамѣтно пролетѣли для слушателей. Вдругъ прозвѣнѣлъ первый колокольчикъ, призывая гостей къ обѣду; но слушатели, прикованные къ эстрадѣ, и не думали идти на призывный сигналъ. Второй колокольчикъ произвелъ тоже дѣйствіе, и только по третьему звонку, когда явились слуги съ приглашеніемъ кушать, гости рѣшились оставить эстраду, на которой все еще пѣли цыгане. Кавалеры спѣшили предложить руки дамамъ, чтобы вести ихъ къ столу. И вотъ пестрыя гирлянды гостей потянулись по широкой аллеѣ къ великолѣпной террасѣ, гдѣ ждалъ ихъ радушный хозяинъ. Уже довольно далеко за деревьями едва мелькали послѣднія пары гостей, а двое молодыхъ людей все еще стояли у эстрады, на которой шумно и весело волновался таборъ, собираясь перейти въ другое, назначенное ему мѣсто.

Одинъ изъ молодыхъ людей, по-видимому, гораздо моложе своего товарища, какъ прикованный стоялъ у подмостокъ. Казалось, что предметъ, на который былъ устремленъ его взоръ, поглотилъ все его вниманіе до самозабвенія; между-тѣмъ, какъ другой, одѣтый чрезвычайно изысканно, весело и насмѣшливо слѣдилъ за товарищемъ, и стоя нѣсколько позади его, подмѣчалъ всѣ его движенія.

— Чтò, братецъ, врѣзался по уши, наконецъ сказалъ онъ громко, захохотавъ. Нѣтъ, тебя не исправятъ годы, каковъ былъ на школьной лавкѣ, таковъ и теперь....

— А, князь! произнесъ молодой человѣкъ, невольно вздрогнувъ. Снѣ съ изумленіемъ оглянулся кругомъ, и не видя никого у эстрады, кромѣ себя и князя, прибавилъ съ невольнымъ замѣшательствомъ: но всѣ ужъ, кажется, ушли; чтò-же мы съ тобою дѣлаемъ здѣсь, пойдемъ за прочими.

— Всѣ отправились обѣдать, а мы съ тобою, другъ Сержъ, остались, кажется, питаться созерцаніемъ дивныхъ красотъ природы. Такъ, кажется, выражаются восторженные поэты? говорилъ князь, продолжая смѣяться.

— Но, отвѣчалъ молодой человѣкъ, тихо проводя рукою по глазамъ, какъ-бы смахивая съ нихъ очарованіе, и стараясь вторить князю: такъ какъ мы съ тобою уже довольно насладились природою, то пойдемъ за другими, къ болѣе положительной и питательной пищѣ.

— А чтò, говорилъ князь Ратмирекому; признайся, душа моя, вѣдь заглядѣнье дѣвочка-то? И ты засмотрѣлся на нее, даромъ что философъ.

— Вишь, я заглядѣлся, отвѣчалъ молодой Ратмирскій: а ты самъ стоялъ, чай, зажурившись?

— Нѣтъ, mon cher, и я смотрѣлъ, но только не такъ, какъ ты. Я всегда смотрю на хорошенькую женщину съ тѣмъ, чтобы и она на меня заглядѣлась; а ты такъ сразу и свѣта не взвидѣлъ.

Такъ болтая, два университетскіе товарища дошли до дома и присоединились къ веселой толпѣ гостей, которыхъ въ залѣ ждалъ великолѣпный обѣдъ. Старикъ Ратмирскій съ этой минуты вступилъ, по своему обыкновенію, въ права хозяина, и едва-ли кто изъ присутствующихъ потяготился этомъ правомъ, такъ мастерски Сергѣй Петровичъ умѣлъ занять всѣхъ и каждаго. Пышный обѣдъ, великолѣпный фейерверкъ и блестящій балъ, попеременно смѣнялись, какъ-бы по манію волшебства, и разсвѣтъ дня едва могъ напомнить веселымъ гостямъ, что время уже успокоить себя и хозяина. — Но не прежде какъ яркіе лучи солнца помрачили своимъ блескомъ тысячи огней въ домѣ Ратмирскаго, всѣ разошлись по своимъ

комнатамъ. Двойныя сторы всюду опустились на окнахъ. Только на мужской половинѣ еще долго слышался живой говоръ. Цыганка красавица, которая пѣла въ антрактахъ бала, еще долго занимала молодые умы. Имя «Маша» и слова «*delicieuse*, очаровательна», съ восторгомъ повторялись во всѣхъ углахъ, даже и тогда, какъ сонъ невольно закрывъ глаза молодыхъ людей.

На другой день почти всѣ гости разѣхались, а черезъ три дня домъ совершенно опустѣлъ. Запечатанный кабинетъ и опущенныя сторы на половинѣ Ратмирскаго ясно говорили, что старикъ уѣхалъ, и только изрѣдка, и то поздно вечеромъ, въ комнатахъ Сержи, племянника и единственнаго наследника огромнаго состоянія Сергѣя Петровича, показывался огонь, въ доказательство, что господскій домъ не совсѣмъ необитаемъ. Съ отъѣздомъ дяди, Сережа сдѣлался полнымъ властелиномъ своихъ поступковъ. Вслѣдъ за нимъ и онъ перебрался въ городъ. Отъѣзжая, старикъ отдалъ два приказанія: племяннику — жить прилично своему званію и состоянію; а прикащику — выдавать ему, по первому востребованію, известную сумму денегъ, болѣе, нежели достаточную, на самыя широкіе расходы. Молодой человѣкъ какъ нельзя лучше воспользовался и тѣмъ и другимъ приказаніемъ. Къ тому-жѣ у Сережи предъ глазами былъ отличный путеводитель во всѣхъ свѣтскихъ удовольствіяхъ, — молодой князь, съ которымъ, какъ съ человѣкомъ, имѣющимъ вѣсь въ обществѣ, дядя совѣтовалъ ему сойтись. — Прежнее товарищество, почти равенство лѣтъ, помогли племяннику, какъ нельзя лучше, исполнить волю дяди. Князь жилъ открыто, широко, сорилъ деньгами, не справляясь о доходѣ. Молодые люди были почти неразлучны; или посѣщали другъ друга, или встрѣчались у общихъ знакомыхъ. Такъ прошло пять мѣсяцевъ. Увлеченный княземъ въ кругъ людей, живущихъ для одного удовольствія, молодой Ратмирскій въ короткое время очень измѣнился; его характеръ, всегда спокойный, ровный и нѣсколько мечтательный, сдѣлался раздражителемъ, безпокоенъ и даже угрюмъ, какъ будто какое-то скрытое внутреннее чувство не давало ему покоя. Возвращаясь домой, постоянно поздно вечеромъ, онъ то задумчиво ходилъ по кабинету, кура погасшую сигару, — или бывалъ веселъ, что впрочемъ случилось гораздо рѣже, веселъ какъ ребенокъ, и опять ласково шутилъ съ старымъ Окою, который ни за что не хотѣлъ никому уступить мѣста камердинера при молодомъ баринѣ. Въ этихъ случаяхъ, раздѣвая Сережу, онъ попрежнему дѣлалъ ему замѣчанія, на что не отваживался въ другіе дни, а только тихо, качая головою, шепталъ: «Испортили его, батюшку, право испортили». Однако эти дни были рѣдки, и чѣмъ дальше, тѣмъ становились

рѣже и рѣже. Въ одинъ изъ дней сплнна, когда молодой человѣкъ, часу въ одиннадцатомъ, передъ холоднымъ стаканомъ кофе, задумчиво пере-листывалъ французскій журналъ, ему подали записку. Пробѣжавъ ее, Сережа кинулъ записку на полъ и сказалъ слугѣ:

— Сказать князю, что буду—да приготовить мнѣ одѣваться.

Оставшись одинъ, молодой Ратмирскій нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. То досада, то грусть смѣнялись попеременно на его подвижномъ, прекрасномъ лицѣ. Онъ поднялъ записку, пробѣжалъ ее снова, и съ словомъ «фатъ!» изорвалъ ее въ клочки. — Любаваться! прибавилъ въ волненіи, почти въ отчаяніи, молодой человѣкъ: любоваться ею!—и я не могу, не имѣю права помѣшать имъ. Это ужасно! Нѣтъ, не могу болѣе такъ жить, не могу рѣшительно. Глядя на Сережу въ эту минуту, опытный глазъ прочелъ бы на его блѣдномъ лицѣ всю повѣсть его молодой души, подстерегъ бы мучительный стонъ больного сердца... Но вотъ глаза его блеснули, онъ встрепенулся и блѣдное лицо оживло и покрылось яркимъ румянцемъ, какъ-будто новая мысль осуществила для него заветную мечту и возвратила все радости жизни. Эта мысль, какъ электрической ударъ, потрясла молодого Ратмирскаго; онъ быстро всталъ, въ волненіи сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывая что-то. По временамъ улыбка невыразимаго счастья мелькала на губахъ его, но ее постоянно смѣняло какое-то тревожное чувство, что-то въ родѣ страха. Тогда онъ невольно клалъ руку на сердце, какъ бы сдерживая его бѣшеніе; но это было мгновенно,—сладкая мечта, подъ обаяніемъ которой онъ находился, снова увлекла его.—Да! произнесъ онъ наконецъ твердо, хватаясь за колокольчикъ. Другаго средства нѣтъ! Если это такъ продолжится, я рѣшусь на все! такъ жить долѣе нельзя, лучше умереть! Тамъ, что будетъ, то будетъ, а честный человѣкъ не можетъ поступить иначе. Одѣваясь, живо! закричалъ онъ вошедшему на звонокъ лакею.

— Кушаете, Сергѣй Сергѣичъ дома? спросилъ Ратмирскаго старикъ Оока, подавая ему фракъ.

— Нѣтъ, у князя.

— А къ ужину будете?

— Нѣтъ, я ужинаю съ княземъ! нетерпѣливо проговорилъ Сережа, поспѣшно надѣвая перчатки. Черезъ пять минутъ его уже не было дома. Легкій экипажъ быстро вылетѣлъ изъ воротъ, лошадь повернула было направо, но легкое движеніе вожжи заставило ее сейчасъ же обратиться въ противную сторону, и разсѣкая воздухъ могучею грудью, чудный иноходецъ, какъ стрѣла, помчался впередъ. Пробѣжавъ въ нѣсколько минутъ пять шесть улицъ и переулковъ, конь, какъ вкопанный оста-

новился передъ одноэтажнымъ, довольно большимъ, деревяннымъ домомъ, не давъ даже времени кучеру осадить себя. По вѣсѣмъ вѣроятіямъ эта дорога была привычная и мѣсто хорошо знакомое умному животному.

Молодой человѣкъ соскочилъ съ дрожекъ, торопливо взбѣжалъ на десятокъ ступеней, и звонкій ударъ колокольчика возвѣстилъ хозяевамъ о раннемъ гостѣ. Черезъ минуту замокъ щелкнулъ, черноглазый, курчавый мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, смуглый, остриженный въ скобку, показался у отворенной двери.

— Чтѣ Ваня, ваши всѣ дома? спросилъ мальчика Ратмирскій, ласково кивнувъ головою на его низкій и почтительный поклонъ.

— Всѣ, баринъ, дома.

— А чтѣ дѣлаютъ?

— Да сейчасъ только покончили слѣвку, а теперь у себя въ покойчикахъ.

— А Маша? тоже въ своей комнатѣ?

— Въ своей—и одна, отвѣчалъ, лукаво мальчикъ, и принявъ кинутое ему на руку пальто, онъ поспѣшно разпахнулъ дверь въ соседнюю комнату.

Это была обширная зала, съ множествомъ стульевъ. Нѣсколько столовъ, уставленныхъ пустыми бутылками, между которыми лежали двѣ или три гитары, ясно говорили, что, эта комната была назначена не для скуки. При входѣ молодаго человѣка, двое людей, которые, по видимому, занимались уборкою, ласково и весело привѣтствовали гостя, и одинъ изъ нихъ сказалъ: извините, Сергій Сергѣичъ, что застали насъ въ такомъ безпорядкѣ; мы не ждали такъ рано дорогаго гостя.

— Миѣ нужно видѣть Машу, сказалъ Ратмирскій, не обращая вниманія на низкіе поклоны говорившаго съ нимъ, и быстро пройдя комнату, тихо постучался въ дверь направо.

— Кто тамъ? раздался пріятный женскій голосъ за дверью.

— Я, Маша; отвѣчалъ Ратмирскій. Можно войти къ тебѣ?

Въ ту же минуту дверь отворилась и хорошенькая женская головка поспѣшно выглянула изъ нея. — Ахъ это вы! съ радостію проговорила дѣвушка, глядя на гостя: чтѣ это вы пришли по—утру? И поспѣшно, дружески взявъ молодаго человѣка за руку, прибавила: Войдите, войдите скорѣе.

— Развѣ ты миѣ не рада, Маша? развѣ утромъ я тебя беспокою?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, весело бѣгая по небольшой своей комнаткѣ и проворно убирая наряды, которые были разбросаны на стульяхъ. Нѣтъ, продолжала она потомъ, дѣтски смѣясь и прыгая передъ молодымъ человѣкомъ: рада, рада, утромъ, днемъ, вечеромъ,

рада, всегда рада! Ну, да что же вы стойте? продолжала она, снова до вѣрчиво и наивно взявъ его за руку: Садитесь скорѣе, вотъ здѣсь, въ кресло. Здѣсь вотъ будетъ лучше и покойнѣе.

— Ахъ Машенька! говорилъ молодой человѣкъ, не выпуская руки своей собесѣдницы и съ восторгомъ глядя на нее: какъ ты сегодня хороша!

— Лучше, чѣмъ вчера? спросила дѣвушка, беззаботно улыбаясь.

— Лучше, съ каждымъ днемъ лучше, отвѣчалъ онъ: и я люблю тебя все больше и больше.

— А ты? говорила дѣвушка, положивъ ему другую руку на плечо, уставя на него большіе черные глаза свои, и наклоня къ нему свою чудесную головку. А ты,—продолжала она тихо, какъ-будто внутреннее чувство, подъ властью котораго она находилась, отнимало у нея силу говорить громче, а ты, Сережа, такъ хорошъ, что не можешь ужъ быть лучше, и больше тебя любить я не могу, не умѣю. И это очень досадно, продолжала она, снова весело засмѣявшись; мнѣ хотѣлось бы тебя еще больше любить, чтобъ имъ всемъ было еще досаднѣе.

Молодой человѣкъ невольно вздрогнулъ. Эти слова мгновенно согнали съ лица его все упоеніе, навѣянное словами любимой женщины, глаза его заскрились болѣе, чѣмъ тревожнымъ чувствомъ, и онъ довольно серьезно спросилъ:

— А кто эти они? кого тебѣ пріятно дразнить?

Маша пристально взглянула на Ратмирскаго и ласково сказала: Ну вотъ, ты опять сердисься. Вѣдь я не могу же не вспомнить объ нихъ, когда ихъ вижу каждый день, а особливо твоего противнаго князя. Но что же мнѣ дѣлать! ты знаешь, я не могу, не смѣю не выдти туда, гдѣ всѣ наши.

— А ты желала бы не быть тамъ и не видать больше князя? спросилъ молодой человѣкъ быстро и какъ бы съ боязнію.

— О, да, да! я лучше желала бы захворать, чѣмъ видѣть, какъ это тебя огорчаетъ.

— Такъ, выслушай же, мой другъ, что я тебѣ скажу.... говорилъ Ратмирскій, усаживая дѣвушку подлѣ себя. и наклонясь къ ея уху, онъ что-то тихо и торжественно началъ ей говорить.

Уже нѣсколько минутъ длилась эта бесѣда. Сначала Маша слушала его съ любопытствомъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, черты ея принимали восторженный видъ, сложенные на груди руки трепетали, и въ тоже время крупныя слезы катились по рдѣющимъ щекамъ. Все показывало, что она слышитъ что-то необыкновенное, что это не простой нацѣвъ любви, потому-что при послѣднихъ словахъ мо-

лодаго человѣка, Маша невольно со стула опустилась на колѣна и, припавъ къ рукѣ своего любимца лицомъ, озареннымъ совершеннымъ блаженствомъ, сквозь рыданія говорила: Сережа, спаситель мой — какъ! ты хочешь меня вырвать изъ этой жизни... я буду твоя... навѣкъ... твоя! — о, какое счастье.

— Тихе, тихе, Маша, говорилъ Ратмирскій, стараясь успокоить дѣвушку: тихе, мой другъ, это пока тайна между нами. Теперь успокойся и не бойся никого.

— Да, говорила дѣвушка, съ невыразимымъ восторгомъ: да, я теперь буду покойна, я теперь никого не боюсь... Но куда же ты? прибавила она, замѣтя, что Сережа взялся за шляпу: куда же ты такъ скоро?

— Я обѣдаю у князя; тамъ не должны знать, что я былъ здѣсь, чтобы они не смѣли чего-нибудь сказать про тебя; каждый разъ они начинаютъ шутить надъ моею любовью, продолжалъ молодой человѣкъ съ волненіемъ: мнѣ кажется, что я болѣе не вынесу и задущу кого-нибудь изъ нихъ. Но скоро, продолжалъ онъ, улыбаясь, мы сами посмѣемся надъ этими пустельгами!—И молодой человѣкъ, горячо поцѣловавъ Машу, выбѣжалъ вонъ. Приемная комната была уже прибрана, въ ней никого не было; но на порогѣ въ переднюю съ Ратмирскимъ встрѣтился высокій, блѣдный цыганъ, съ перешибенною переносицею.

— У нашихъ изволили побывать? спросилъ онъ довольно сурово Сережу.

— Да, у Маши! отвѣчалъ молодой человѣкъ, не останавливаясь, и выбѣжалъ на крыльцо.

Цыганъ, встрѣтившійся съ нимъ при выходѣ изъ комнаты, остался на томъ-же мѣстѣ; какая-то грусть и злоба видны были въ его глазахъ, обращенныхъ въ ту сторону, куда ушелъ Ратмирскій.—«Такъ у Маши, проговорилъ онъ, наконецъ,—а за конемъ дѣломъ, поганый волокита?— О, Васька, безтапанная башка! продолжалъ онъ, почти со стономъ: лукавый тебя дернулъ привезти ее сюда! И зачѣмъ я присталъ къ этому табору!»

IV.

Молодой князь Боровъ, какъ и многіе свѣтскіе денди, владея большими средствами не отказывалъ себѣ ни въ одной прихоти, ни въ одномъ наслаж-

деніи. Деньги, время и здоровье тратились имъ съ такой же быстротою и легкостью, съ какою подписывались заемныя письма. Отецъ его долженъ былъ скоро прѣхать изъ-за границы, и не подлежало сомнѣнію, что прѣздъ стараго князя положить предѣлъ и излишеству разсѣянія сына и чрезмѣрнымъ его тратамъ. Хотя молодой князь зналъ, что отецъ любитъ его до слабости, до баловства, но онъ понималъ очень хорошо, что именно въ этой-то безмѣрной любви старикъ и найдетъ силу остановить вѣтренника во-время и спасти его на краю бездны.

Молодой князь слылъ за добраго малаго, и дѣйствительно, былъ не только добрымъ малымъ, но даже честнымъ человѣкомъ. Онъ никогда не сдѣлалъ бы дурнаго поступка съ намѣреніемъ; но легкомысленный отъ молодости, расточительный отъ незнанія цѣны денегамъ, которыхъ не наживалъ, самолюбивый по привычкѣ къ лести, онъ часто впадалъ въ погрѣшности, довольно-рѣзкія. Не менѣе того товарищи его любили и охотно проводили у него по цѣлымъ днямъ. Богатство и счастье, впрочемъ, никогда не нуждаются въ товарищахъ. Въ расточительной пріязни князя было слишкомъ много заманчиваго для молодыхъ воображеній и еще не отрезвившихся честолюбій. И число друзей его росло съ каждымъ днемъ.

На богатыхъ бронзовыхъ часахъ, изображающихъ плачущую Ариадну на морскомъ берегу, стрѣлка давно уже перешла за четыре часа, а князь съ гостями все еще не сѣли за столъ, потому-что ждали Ратмирскаго.

— Мы его напрасно ждемъ, князь, сказалъ молодой, высокой франтъ съ рыжими усами и таковою же эспаньолеткою; онъ вѣрно занесся въ превыспреннія паражи мечтаній и забылъ объ обѣдѣ.

— Ну, нѣтъ, отвѣчалъ другой, румяный и круглый господинъ, котораго фигура вполне соотвѣствовала съ его словами: мечты едва-ли могутъ у кого-нибудь отбить аппетитъ. Что до меня касается, то никакіе глаза въ мірѣ, будь это глаза самой Афродиты, и никакія мечтанія, хотя-бы о всѣхъ сокровищахъ Бразиліи, не заставятъ забыть о первѣйшей, важнѣйшей потребности жизни, объ ѣдѣ; есть русская пословица: голодъ не тетка, его не урезонншь.

— Это зависитъ отъ взгляда, душа моя. Вотъ я, напримѣръ... возразилъ тощій усачъ, я вполне раздѣляю твое мнѣніе, потому-что это мнѣніе положительнаго человѣка. По моему надо ѣсть, чтобы жить, и жить, чтобы ѣсть... ну, а другіе смотрятъ иначе на вещи! Ратмирскій сытъ вздохами и взглядами, и на основаніи пословицы, «что сытый голоднаго не разумѣетъ», заставляеть и насъ всѣхъ голодать.

— За это, господа, надо его наказать, сказалъ князь. Мы поста-

раемся уничтожить его туманную пищу; и заставим черноокую бросить ясный взоръ дивныхъ очей, какъ говорятъ поэты, на кого-нибудь другаго.

— Да, признаюсь, душа моя, отвѣчалъ щедушный усачъ, который въ каждомъ обрѣталъ свою душу: срамъ и стыдъ тебѣ, если ты въ этомъ дѣлѣ спасуешь. Ты во всѣхъ отношеніяхъ выше насъ всѣхъ... и чтобы я, на твоёмъ мѣстѣ, позволилъ Ратмирскому чѣмъ-нибудь похвалиться передъ собою!..

— Постой, перебилъ князь, съ улыбкою, я старше Сережи.

— Да ты, братецъ, красивѣе его.

— Ратмирскій тоже не уродъ.

— Ты знатень, богатъ.

— Ну, возразилъ князь, насчетъ этого вопросъ еще не рѣшенный; его дядя....

— Да что дядя, душа моя, перебилъ усачъ, дядя—не племянникъ.

— А что, господа, едва-ли кто-нибудь изъ насъ заспорить съ Сократомъ противъ того, что дядя не племянникъ; по крайней-мѣрѣ, не племянникъ своего племянника! перебилъ усатаго Сократа одинъ изъ молодыхъ людей, любившихъ поострить.

— Эхъ, моя душа, ты все съ своимъ бонмо! Не дашь договорить, да и прицѣпишься. Конечно племянникъ не дядя; мало-ли что есть у старика; но Сержъ, какъ я знаю...

— Не даль тебѣ двухъ тысячъ взаймы? перервалъ его новый гость, при послѣднихъ словахъ вошедшій въ кабинетъ: Это значить только, что ты ихъ не получилъ, а не то, чтобы ихъ у меня не было.

Веселый смѣхъ окружающихъ привѣтствовалъ Ратмирскаго.

— Ну, такъ что же: тѣмъ хуже для тебя! отвѣчалъ не сконфуженный усачъ, улыбаясь: тѣмъ хуже, моя душа; значить, ты скупъ, что не хочешь одолжить пріятелю такой бездѣлицы, на нѣсколько дней; вотъ я получилъ бы оброкъ....

— Ты самъ хотѣлъ сказать, когда я вошелъ сюда, что деньги дянины, а у меня ихъ нѣтъ, стало мнѣ и давать тебѣ нечего; сказалъ Ратмирскій.

— Это, моя душа, только отговорка. Что такое дядя? дядя...

— Не племянникъ, оицъ перебилъ его острякъ: это аксіома.

— Отстань съ своими глупостями, сказалъ Сократъ, начиная сердиться, совершенно не остро; да и не съ тобою говорить. Я говорю, что....—хотѣлъ было онъ продолжать, но голосъ «кушанье подано» прервалъ Сократа на самомъ убѣдительномъ аргументѣ.

— Silence, messieurs! раздался торжественный голосъ охотника до

первѣйшей потребности въ жизни: споры и денежные счеты всторону, «кушанье подано!»

И веселая молодежь шумно двинулась въ столовую.

— А что, господа, сказалъ князь, когда первыя блюда были уже поданы и нѣсколько бутылокъ вина развязали языки: мы сегодняшній вечеръ веселимся?

— Разумѣется, разумѣется! отозвалось со всѣхъ сторонъ.

— Ну, а ты, Сержъ, съ нами?

— Не знаю, отвѣчалъ холодно Ратмирскій.

— Не ѣзди, моя душа, право не ѣзди! возразилъ Сократъ: зачѣмъ быть свидѣтелемъ своего пораженія.

— Какого пораженія? шутя спросилъ Ратмирскій.

— Да, другъ Сержъ, извини, сказалъ, въ свою очередь, князь: дружба дружбою, а страстишка страстишкою, одно другому не мѣшаетъ. Хочу, братецъ, попробовать, какъ это черныя очи будутъ на меня смотрѣть, и алыя губки мнѣ улыбаться.

— А ты увѣренъ, что будутъ? спросилъ Ратмирскій, стараясь быть хладнокровнымъ.

— Увѣреннымъ трудно быть, сказалъ князь: но ручаюсь, что употреблю все средства, не пожалѣю ничего.

— То-есть, ты постарайся это сдѣлать?

— Нѣтъ, топ сег, не постараюсь, а сдѣлаю непременно; завтра же Маша будетъ въ меня влюблена по уши, хочешь пари?

— Я не держу пари, которое унижаетъ женщину.

— Онъ скупъ, князь, и боится проиграть! сказалъ Сократъ: Я держу съ вами пари на дюжину шампанскаго, которую мы послѣ вмѣстѣ и разошьемъ.

Общій хохотъ и ободренія были отвѣтомъ на предложеніе Сократа и помѣшали Ратмирскому отвѣчать тотчасъ-же на эту шутку такъ, какъ-бы онъ хотѣлъ; а чрезъ минуту онъ одумался, вполне понимая, что горячность его только оскорбитъ дѣвушку и не принесетъ ей никакой пользы и что всякая исторія накличетъ на нее неминуемую бѣду. Но чувствуя, что не въ состояніи долѣе выносить хладнокровно подобный разговоръ, онъ тотчасъ-же послѣ обѣда уѣхалъ, ссылаясь на головную боль, и оставя князя заранѣе восхищаться своею будущею побѣдою.

Вечеромъ, у подъѣзда знакомаго намъ дома стояло довольно много экипажей, и въ ярко освѣщенной залѣ было такъ весело, какъ только можетъ быть весело въ цыганскомъ таборѣ. Сюда-то почти каждый вечеръ собиралась вся молодежь, разумѣется, молодежь денежная;

здѣсь звучали гитары подъ звонъ падающаго золота и пѣнящихся бокаловъ, и одушевленный хоръ цыганокъ громко величалъ щедрыхъ гостей. Впрочемъ, не однѣ только нервическія пляски и дикія пѣсни, давно выученныя всѣми наизусть, влекли сюда молодежь. Главная причина успѣха и поживы табора была цыганка Маша. На ея то черные глаза никто не могъ наглядѣться, ея то чуднаго голоса не могли вдосталь наслушаться. Страсть, вѣга, чувство, все лилось изъ этой впечатлительной души, въ чудныхъ звукахъ, когда она пѣла, окруженная толпою цыганъ. Но чуть замиралъ послѣдній звукъ пѣсни, она обращалась въ холодный мраморъ, котораго строгой красотой не могли расшевелить ни лесть, ни поклоненіе. Веселый взглядъ, ласковую улыбку цыганки нельзя было купить никакимъ золотомъ, и это рѣшительно сводило всѣхъ съ ума. Но для всѣхъ ли она была такъ недоступна? Нѣтъ; но тотъ избранникъ не покушалъ ея любви, чистаго и прекраснаго чувства ея души; онъ не кинулъ бы ея имя на позоръ въ кругу пріятелей, за бокаломъ шампанскаго; онъ любилъ ее горячо и безрѣдѣльно. Маша это чувствовала, она это знала, и какъ бы на зло другимъ, не скрывала, а можетъ-быть, и не умѣла скрыть. Въ этотъ вечеръ красавица Маша, окруженная энергической толпою смуглыхъ пвей, много разъ уже пѣла по требованію слушателей; но пѣла какъ-то вяло, безжизненно, и изъ-подъ сдвинутыхъ бровей по временамъ пробѣгалъ по чолпѣ гостей взоръ, полный нетерпенія и тревоги. За то товарищъ ея, молодой цыганъ съ перешибенною переносицею, по обыкновенію, стоя за ея стуломъ и аккомпанируя ей, какъ-будто для контраста, былъ необыкновенно веселъ. Глаза его горѣли, какъ два раскаленные угля, лицо сіяло радостію.

— Видишь, Маша, сказалъ князь, въ одинъ изъ промежутковъ между пѣніемъ, подходя къ цыганкѣ: каковъ твой Ратмирскій; уви-вается тамъ около какой-нибудь голубоокой, а куда къ тебѣ, не бось, не ѣдетъ.

— А вамъ какое дѣло до Ратмирскаго? отвѣчала Маша: развѣ я васъ объ немъ спрашиваю?

— Нѣтъ, конечно не спрашиваешь; но мнѣ жаль, что онъ, увѣряя, что влюбленъ въ тебя, въ тоже время тебѣ измѣняетъ.

— Молодая дѣвушка, взглянувъ на князя съ презрѣніемъ, насмѣшливо сказала:

— Пусть измѣняетъ; зато я ему никогда не измѣню.

— Но есть человѣкъ, милая Маша, который дѣйствительно тебя любить, и любить гораздо больше, чѣмъ Сережа; а притомъ онъ и гораздо богаче его.

— Скажите этому богачу, отвѣчала, вспыхнувъ, Маша, чтобъ онъ поберегъ свои деньги на болѣе пригодныя покупки; мы хоть и бѣдны и черны, но торгуемъ одними пѣснями, а честнаго имени не продаемъ. Величать васъ готова, но слушать пустыя рѣчи не люблю. И она от-вернула отъ князя.

— Но отчего же твоего Рамирскаго здѣсь нѣтъ, капризное создание?

— Почему я знаю, можетъ-быть, онъ болѣнъ, грустно сказала Маша.

— Нѣтъ, я забжаль за нимъ, его нѣтъ дома; онъ отъ меня куда-то уѣхаль.

— Такъ стало вы и должны знать, гдѣ онъ; а я знаю только, что его здѣсь нѣтъ, добавила она почти шопотомъ, и затаенный вздохъ зашевелилъ легкую косынку на ея груди.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ общимъ требованіемъ, чтобы Маша и Василій проплясали — венгерскую.

И вотъ загикалъ веселый хоръ, сливаясь съ звуками гитаръ и бубенъ, и цыганъ, стоявшій за стуломъ Маши, гордо и удало вывелъ Машу на средину комнаты. Плотную стѣною окружили гости танцующую пару, которая быстро, огненно понеслась въ огненной пляскѣ. Съ какимъ-то изступленнымъ восторгомъ кружился молодой цыганъ около своей прекрасной подруги, жизнь, полная размашистой отваги, проглядывала въ каждомъ мускулѣ, въ каждой фибрѣ его лица, въ эту минуту истинно прекраснаго.

Сверкающимъ взоромъ слѣдилъ онъ за смуглою танцовщицею, и обвивая тонкій станъ ея рукою, какъ вихрь несся по залѣ. Крики одобренія, звуки гитаръ и голосовъ, и танецъ, полный трепета и непринужденныхъ движеній,—все это составляло картину, чрезвычайно интересную. Но въ самой срединѣ пляски, Маша вдругъ остановилась. Пробѣгая глазами окружающую ее толпу, она нечаянно замѣтила блѣдное лицо молодаго человѣка. Взглядъ его, выражавшій кроткій упрекъ, какъ бы приковалъ ее къ мѣсту.

— Дальше, дальше! кричали вокругъ зрители. — Маша, Маша, шептали нѣкоторыя цыганки, переставъ пѣть, Маша, что съ тобою? Пляши, слышишь, господа требуютъ! — Но Маша стояла, опустивъ головку и руки, за минуту трепетавшія въ нервическихъ содроганіяхъ.

Цыганъ-плясунъ, изумленный не менѣе другихъ поступкомъ дѣвушки, какъ бы угадывая причину, быстро окинулъ толпу бѣглымъ взглядомъ, и глаза его остановились на Рамирскомъ; дрожь пробѣжала по всему тѣлу цыгана, мускулы лица задержались, и его черные глаза, за минуту полные самодовольной удалы, сверкнули молніей. Онъ

быстро подошелъ къ Машѣ и, повернувъ ее къ себѣ за руку, сказалъ повелительно и сурово: «Пляши!»

Маша вздрогнула отъ прикосновенія цыгана, лицо ея вспыхнуло, она подвинула голову и устремивъ на него глаза, полные насмѣшки и презрѣнія, рѣшительно сказала: не хочу.

— Что говорить она? спросили нѣсколько голосовъ въ одно время.

— Что не могу, отвѣчала поспѣшно Маша.

— Отчего? отчего? поспѣшало со всѣхъ сторонъ.

— Оттого, отвѣчала дѣвушка, сдвинувъ бровки, что повихнула ногу и плясать больше не буду! И она, прихрамывая, отправилась на свое мѣсто.

— Вздоръ, неправда! раздалось со всѣхъ сторонъ. Пляску, пляску! мы хотимъ, чтобы Маша плясала. Но ни требованія посѣтителей, ни просьбы цыганъ, ни даже угрозы старшины, ничто не могло заставить Машу встать съ мѣста; упрямая смуглянка твердила одно: не могу, не буду, нога болитъ.

— Ратмирскій, сказалъ наконецъ князь съ досадою: ты, братецъ, ришелъ совсѣмъ не во-время; видишь, при тебѣ она раскапризничалась. Вели ей плясать.

— Я не могу ей велѣть дѣлать то, чего она не можетъ, и насильно заставлятъ плясать дѣвушку съ вывихнутой ногою-безчеловѣчно и безчестно, отвѣчалъ Ратмирскій, едва владѣя собою.

— У нея, господа, дѣйствительно, должно-быть вывихнута нога, сказалъ Василій, заботливо наклоняясь къ поблѣднѣвшей Машѣ и прерывая разговоръ князя съ Ратмирскимъ, который, кто знаетъ, чѣмъ бы кончился. Посмотрите, она какъ смерть поблѣднѣла, прибавилъ онъ. Эти слова успокоили взволнованную и раздраженную толпу, участіе смѣнило досаду. Пользуясь этимъ мгновеніемъ, Маша, опираясь на руку Василья, прихрамывая пошла черезъ комнату.

— Что съ тобою? тихо и тревожно спросилъ ее Ратмирскій, ставъ такъ, чтобы дѣвушка прошла мимо его.

— Ничего, отвѣчала она, я испугалась за тебя, думала, что вы повздорите. Ай! вдругъ вскрикнула она, и лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ.

— Что съ нею? что съ тобою? спрашивали ее со всѣхъ сторонъ.

— Неловко ступила на больную ногу, отвѣчала Маша, и въ тоже время, сердито взглянувъ на поддерживавшаго ее цыгана, она быстро вырвала у него свою руку, и обратясь къ Ратмирскому, сказала: помогите мнѣ, Сергій Сергѣичъ! вишь, онъ и поддержать-то не умѣеть.

Въ дверяхъ ея комнаты, Ратмирскій что-то тихо шепнулъ Машѣ, и

едва слышное «хорошо» было ему отвѣтомъ. И еще долго послѣ того проводили гости и пѣлъ веселый хоръ; только угрюмый цыганъ Василій не пѣлъ болѣе. Проводя Машу до самыхъ дверей ея комнаты, несмотря на то, что она не хотѣла съ нимъ идти, онъ тоже незамѣтно выскользнулъ изъ комнаты. Далеко за полночь въ цыганскомъ домикѣ погасли огни; но не все; въ маленькой комнаткѣ, которую занимала Маша, свѣча не потухала. При слабомъ свѣтѣ своего огарка молодая цыганка связывала въ небольшой узелокъ все свои пожитки.

Наконецъ она крѣпко стянула узелъ, опустилась на стулъ, стоявшій возлѣ стола, и опершись головкою на руку, погрузилась въ тихую думу. Закинутые назадъ черные, густые волосы, открывали лицо, на которомъ каждая черта дышала счастьемъ. Полуоткрытыя губки ея, сладко улыбаясь, казалось, шептали слова любви и привѣта. Весь міръ, повидимому, исчезъ для нея, кромѣ того, объ комъ она думала. И въ этомъ упоеніи она не слышала шаговъ въ сосѣдей комнатѣ, не примѣтила жгучаго взгляда, который, сквозь неплотно притворенную дверь, слѣдилъ за малѣйшими ея движеніями. Долго сидѣла Маша въ этомъ положеніи, вся поглощенная внутренней жизнью; наконецъ руки ея тихо упали на грудь и небольшая золотая дощечка блеснула между тонкихъ пальчиковъ цыганки. Страстнымъ продолжительнымъ взглядомъ смотрѣла она на нее, и наконецъ горячія губки прильнули къ драгоценности. Въ тоже время вздохъ, или лучше сказать стонъ, заставилъ ее вздрогнуть; она подняла быстро голову—въ полуотворенной двери стоялъ Василій.

— Василій! сказала она, испуганная неожиданнымъ появленіемъ цыгана: что тебѣ надо? зачѣмъ пришелъ?

Цыганъ не отвѣчалъ на вопросъ Маши; но проведя рукою по блѣдному лицу, и сурово оглянувшись кругомъ, онъ спросилъ:

— А нельзя узнать: далеко-ли собралась?

— Да что ты мнѣ, отецъ, братъ, или мужъ, что отъ тебя нѣтъ покоя? сказала запальчиво цыганка.

— Я привелъ тебя въ таборъ, отвѣчалъ цыганъ, такъ мнѣ чай надо знать, куда ты собираешься бѣжать.

— Бѣжать! проговорила Маша, и глаза ея блеснули гнѣвомъ. Что ты, съ ума сошелъ? Да развѣ я у васъ въ кабалѣ здѣсь, я просто иду, куда хочу, продолжала она насмѣшливо. Уйду, не спрося твоего позволенія.

— А куда? спросилъ Василій, задрожавъ всемъ тѣломъ.

— Туда, гдѣ тебя нѣтъ.

— Такъ-то, Маша! протоналъ блѣдный цыганъ, закрывъ лицо руками.

— Такъ-то, Вася.

— Но куда же, несчастная ты головушка! къ кому, зачѣмъ?

— Туда, отвѣчала Маша: гдѣ нѣтъ такихъ злыхъ и гадкихъ людей, какъ ты; а зачѣмъ? ужь это я смѣкаю про себя.

— Смѣкаю и я, горько сказалъ Василій: этотъ безбородый мальчишка....

— Не смѣй говорить объ немъ, прервала Маша: не смѣй худого слова молвить! я ужь тебѣ сказывала много разъ, что не могу этого слышать, или сейчасъ же уйду отсюда.

— Такъ стало ты его любишь?

— Люблю.

— А меня?

— Не нетерплю, равнодушно сказала дѣвушка.

— Маша, Маша, продолжалъ грустно Василій: послушай, опомнись! ты знаешь, вѣдь я тебѣ родной по душѣ...

— Спасибо за это родство! нѣтъ, ужь на что-же, не нужно! прервала его холодно цыганка.

— Но скажи мнѣ, безумная, за что ты его любишь, чѣмъ онъ приколдовалъ тебя?

— Тѣмъ, что не похожъ на тебя, отвѣчала Маша: тѣмъ, что любить меня.

— А я? нешто я не люблю тебя?

— Ты только мучишь меня, словно злой демонъ всегда меня преслѣдуешь, какъ тѣнь всегда стоишь за мною. Я наказывала тебѣ, чтобъ не смѣлъ говорить худо про Сережу, а ты, на зло, его ругаешь каждую минуту: я этого не могу сносить, слышишь-ли, не могу. Лучше ножемъ полосни, чѣмъ слышать, какъ ты его позоришь. Но теперь я этого больше не услышу; буду думать о немъ всякъ часъ, любить его чистаго, не поруганнаго; завтра я уйду отъ васъ.

— Какъ-то еще пустять! язвительно сказалъ цыганъ.

— А кто это не пустить? вспыхнувъ, спросила Маша.

— Таборъ.

— Поди, выпипись, Васька Орликъ! засмѣявшись, сказала Маша. Ты во снѣ бредишь. Да что я вамъ продана что-ли? Я вольная птаха, лечу, куда хочу; и она запѣла: «Я лечу, лечу, лечу, я лечу, куда хочу!» Возьму себѣ пачпортъ, да и поминай, какъ звали.

— Ладно! уйди! быть такъ, уйди! вскричалъ цыганъ бѣшено; но прежде раздѣлайся съ таборомъ. Вѣдь это все здѣсь тебѣ сдѣлали, чай

таборъ рядилъ тебя куколкой; я своего пая не бралъ, только-бъ ты была нарядна... а запомни: пришли-то мы сюда съ сумою.

— Я за все заплатила моими паями, и это все мое, спокойно отвѣчала Маша.

— Не за все, не за все, косатка! продолжалъ по прежнему цыганъ. За тряпки, можетъ-статься, и хватить твоихъ паевъ; но у тебя, вишь, есть и золотыя штучки, говорилъ онъ, показывая на медальонъ, висѣвшій на груди у Маши, а этого ты не показала на раздѣлѣ.

Глаза дѣвушки блеснули; она поспѣшно сняла съ себя медальонъ, и съ злою улыбкою, забавляясь бѣшенствомъ цыгана, сказала:

— Да еще какая штучка-то, Вася. Хочешь покажу, что обдѣлано въ золотѣ? На вотъ,—это мой Сережа, какъ живой, голубчикъ! говорила Маша, поднося медальонъ съ портретомъ къ самому лицу Василья. Смотри, какой красавчикъ... это моя жизнь, моя зазноба, душа моя! И она горячо цѣловала портретъ, прижимая его то къ губамъ, то къ сердцу. А хорошъ-то какъ! Не то, что ты — уродъ.

Послѣднія слова, какъ громомъ поразили молодого цыгана, онъ поблѣднѣлъ, всѣ члены его затряслись. Глаза его подернулись туманомъ; съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ и укоромъ смотрѣлъ онъ на восторженную шалунью, и дрожащія губы не въ состояніи были произнести ни одного слова. Судорожно стиснувъ рукою казакинъ свой у самой груди, а другою сжавъ лобъ, онъ только глухо простоналъ и приклонился къ оконницѣ. Этотъ стонъ образумилъ Машу, она взглянула на Василья, и бросилась къ нему.

— Вася, Вася! голубчикъ, прости меня! я тебя обидѣла, я злая дѣвчонка, я это знаю; жалею у меня—не языкъ!.. ну, Васюта, ну, помиримся, говорила она кротко, стараясь отнять его руки отъ лица. Ну, брани меня, припей! продолжала она съ мольбою, я буду молчать, только прости меня. Что же мнѣ дѣлать, Вася, когда я люблю его! аты мѣня все дразнишь; я люблю его такъ, что и сказать не умѣю, я не могу жить безъ него, онъ для меня жизнь, воздухъ, день, радость, все, все.... Я умру, когда меня разлучать съ нимъ! Вася, кромѣ тебя, у меня никого нѣтъ роднаго! Голубчикъ Вася, ты кормилъ меня, берегъ, когда я еще не могла сама работать, ты никогда не покидалъ меня, пожалѣй-же и теперь! Ты мнѣ отецъ, и братъ, и другъ! Но такъ любить, какъ его, я не могу никого въ Божіемъ мірѣ. Ужъ видно такъ мнѣ на роду написано, Вася! Хоть бы онъ меня ненавидѣлъ, я все бы, кажется, стала любить его; ну, а онъ и самъ меня любить.... видишь, вотъ я отъ счастья и сошла съ ума. Да ну-же, не сердись, злой чедовѣкъ, прости меня!

Голосъ молодой цыганки былъ нѣженъ, звучалъ какою-то безпредѣльной гармоніей; слезы ея, кажется, смягчили бы самое желѣзо. Мрачный цыганъ невольно отнялъ руки отъ блѣднаго лица, по которому катились двѣ крупныя слезы, и покачавъ кротно головою, сказалъ тихо: Богъ съ тобою, Маша! ты меня обидѣла, заставила заплакать, въ первой разъ отъ роду; я и мальчишкой-то никогда не плакалъ, а ты теперь вотъ до чего довела... Но знаешь-ли ты, глупенькая, что тотъ, для кого ты обидѣла меня, погубить твою красоту и молодость...

— Нѣтъ, нѣтъ, Вася, не говори этого! твердо вскричала Маша: нѣтъ, онъ добрый человекъ, онъ меня любитъ и этого не сдѣлаетъ.

— Знаемъ мы ихъ любовь, уныло сказала Василиій: какъ роса—до солнца.

— Не говори такъ, Вася! О, я съ нимъ буду очень счастлива.

— Вѣрь ты имъ, этимъ краснобаямъ.

— Но онъ любитъ меня, я это знаю! съ увѣренностію и достоинствомъ возразила Маша.

— Любить-голубить, да и обманываетъ; увидишь, чья правда.

— Любить! съ жаромъ отвѣчала дѣвушка. И я его люблю, и жить безъ него не хочу, не могу, не стану... уйду отъ васъ, или убью себя!

Цыганъ молчалъ. Видно было, что страшная мука рвала его душу на части; тяжелое дыханіе высоко поднимало его широкую грудь, на лоснящемся лбу выступилъ холодный потъ, и крѣпко сжатые губы какъ бы сдерживали невольный вопль. Такъ простоялъ онъ нѣсколько минутъ; наконецъ перемогъ себя, и быстро поднявъ голову, съ глазами, полными негодованія, отрывисто сказалъ:

— Хорошо, ступай, ужъ коли такова твоя судьба; но иди скорѣе! Съ глазъ долой, тоски меньше, легче будетъ. Но помни, Маша, продолжалъ онъ: помни, что ты сгубила мою готову, не того я ждалъ отъ тебя. Будешь и ты горько плакаться, будешь каяться и метаться, не кому будетъ помочь твоему горю! Васька Орлика не увидишь больше.

И цыганъ быстро вышелъ изъ комнаты, захлопнувъ за собою дверь.

Рано утромъ, на другой день, Маша оставила таборъ, взявъ свой видъ и узелокъ съ пожитками. Никто не зналъ, куда она ѣхала и кѣмъ была прислана за нею наемная карета. Но таборъ получилъ богатый выкупъ и дружески провожалъ бѣглянку, разными желаніями и привѣтами.

Василиій не прощался съ Машею, не провожалъ ее. Безмовно стоялъ онъ у окна, оборотясь спиною къ окружающимъ и скрестя руки на груди, когда цыганки шумно цѣловались съ своей товаркою. Вотъ всѣ

высыпали на улицу, застучали колеса отъѣзжающаго экипажа, а Василій стоялъ все такъ же неподвижно, только руки бѣднаго цыгана крѣпче сдавливали грудь, какъ бы мѣшая сердцу выскочить изъ нея, и легкое судорожное движеніе лица, можетъ-быть, сдерживало непрощенную гостью слезу.

Черезъ полчаса въ беззаботной семьѣ цыганскаго домика закипѣла опять обычная жизнь. Молодые цыгане строили гитары, цыганки спѣшили на спѣвку. Проходя мимо Василья, кто-то, дернувъ его за полу, сказалъ: Ну, что нахмурился, бери гитару, ступай... наши все въ залѣ. Василій обернувшись, лицо его было покойно, онъ молча взялъ свою гитару, подъ которую пѣвала красавица Маша, съ минуту глядѣлъ на нее, тихо проводя пальцами по струнамъ, и потомъ со всего размаха ударилъ ее объ полъ. Гитара разлеталась въ дребезги.

— Что ты, Василій, съ ума сошелъ никакъ! для чего ты разбилъ гитару? спрашивали его цыгане.

— А на что она мнѣ, пустая балалайка! Я не хочу больше пѣть! отвѣчалъ Василій, и къ вечеру его также не стало въ таборѣ.

V.

Прошло пять дней съ-тѣхъ-поръ, какъ Маша и Вася Орликъ перестали тѣшить обычныхъ посѣтителей цыганъ дружнымъ пѣніемъ и веселою пляскою, и отсутствіе этихъ двухъ лицъ имѣло большое вліяніе на таборъ. Многіе изъ ежедневныхъ гостей перестали совсѣмъ являться, и что всего было важнѣе, въ числѣ ихъ были князь и Ратмирскій, самые страстные слушатели, самые щедрые на платежъ. Князь таки еще былъ раза два послѣ ухода Маши, все справляясь объ ней; но Ратмирскій рѣшительно канулъ въ воду. Никто не зналъ, куда запропалъ молодой человекъ. Правда, многіе справлялись объ Серержѣ, заѣзжая къ нему и днемъ и вечеромъ, привлеченные свѣтомъ въ кабинетъ; но получали одинъ и тотъ-же отвѣтъ отъ старика Фоки, который постоянно бывалъ въ передней: «Баринъ изволилъ выѣхать» или «Еще не пріѣзжали», или: «Они на весь день отозваны».—Но куда же, братецъ, онъ поѣхалъ? спрашивали старика.

— А Господь его знаетъ! Ему, слава Богу, есть гдѣ бывать, да и старый баринъ много ему надавали комиссій по дѣламъ; писали изъ за границы къ Сергѣю Сергѣевичу, такъ, можетъ-статься, онъ по дѣламъ и хлопочетъ.

— Врешь ты все, братецъ, говорили ему пріатели Ратмирскаго: его нынче совѣтъ и дома-то не было; мы знаемъ, гдѣ онъ.

— Старъ, господа, я вратъ-то, отвѣчалъ обиженный старикъ: а коли знаете лучше меня, гдѣ баринъ, такъ вашей милости и книги въ руки.

На старика никто не сердился, потому-что все знали, что обидѣть Ооку значило поссориться съ Сережею. Спустя недѣлю, часу въ одиннадцатомъ, въ домъ Рамирскаго, по обыкновенію, видѣлся огонекъ въ кабинетъ и въ прихожей. Сгорбясь и подперши руками съдую голову, старикъ Оока сидѣлъ надъ довольно толстою книгою, въ кожаномъ черномъ переплетѣ; но неподвижное положеніе старика и одна и таже страница, на которую былъ устремленъ печальный взоръ его, ясно говорили, что не чтеніе было у него на умѣ. Наконецъ, онъ глубоко вздохнулъ, тихо поднялъ голову и грустно взглянулъ на часы, висѣвшіе въ углу комнаты и одни только однообразнымъ стукомъ маятника напоминавшіе о жизни.

— Одиннадцать часовъ, прошепталъ старикъ, одиннадцать, и сколько уже ихъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ куда-то пропалъ? И старикъ поинкъ головою. Ужъ не умеръ-ли? снова проговорилъ Оока съ какимъ-то ужасомъ... Умеръ, продолжалъ онъ, разсуждая велухъ: умеръ! Но отчего? Вѣдь онъ былъ совершенно здоровъ. Ахъ, ты Господи Боже мой! ума не приложу, просто въ боль самого кинуло! И дѣйствительно, лицо старика было необыкновенно блѣдно, а впалые глаза тусклы. Уморить захотѣлъ меня, старика! продолжалъ онъ, тихо поднимаясь съ мѣста: вотъ оно что!.. Эхъ, старикъ, старикъ! поспѣшно прибавилъ онъ, какъ-бы оправдывая предъ собою того, кого обвинялъ: Ему вѣдь только еще двадцать два, молодъ, кровь кипитъ, голова блажить: ну, вотъ и случай тутъ весь. Да легче-ли мнѣ оттого! Сердце выболѣло! снова вздыхалъ и усаживаясь попрежнему, шепталъ онъ. Но старикъ не успѣлъ еще спуститься на стулъ, какъ быстро подѣхавшій экипажъ прервалъ его монологъ, заставя проворно вскочить на ноги.

— Неужели онъ! дай-то Богъ! и съ первымъ ударомъ звонка, набожно перекрестясь и схвата горѣвшую свѣчу, кинулся онъ къ двери, въ которую чрезъ минуту вошелъ Ратмирскій.

Руки старика дрожали, когда онъ снималъ шинель съ молодого челоуѣка, и на впалыхъ глазахъ его навернулись слезы, когда тотъ ласково потрепалъ его по плечу, и сказалъ: Здравствуй, другъ Оока! да что это ты въ прихожей? Развѣ, кромѣ тебя, некому меня встрѣтить?

— Семь дней, батюшка, Сергѣй Сергѣичъ, постороннимъ людямъ ждатель

не приходится, на пролетъ каждую ночь. Люди хотять ѣсть и отдохнуть; это можно только тому, кому и сонъ и бѣда опостылили... печально отвѣчалъ старикъ.

— Но теперь и то, и другое снова придуть? не такъ-ли, душа Оока? улыбаясь сказалъ Ратмирскій, идя въ комнаты, куда, не отвѣчая на слова, послѣдовалъ за нимъ и старикъ. Горѣвшая на столѣ лампа удивила Ратмирскаго.—За чѣмъ горитъ лампа? Развѣ здѣсь кто былъ безъ меня? быстро спросилъ онъ Ооку.

— Васъ ждали, отвѣчалъ Оока. Да и неужто таки, продолжалъ онъ угрюмо, (хотя, взглянувъ на него пристальнѣе, можно было замѣтить, что онъ только старался быть такимъ, но что въ самомъ-дѣлѣ внутренно ожилъ съ минуты приѣзда Сережи):—неужто-таки, такъ вотъ и надобно было запереть домъ, погасить вездѣ свѣчи, закрыть ставни; пусть молъ, весь крещеный мѣръ знаетъ, что хозяинъ кинулъ домъ, что пропадаетъ безъ вѣсти по цѣлой недѣлѣ.

— Ну, всё ли Оока? наворчался, что-ли? кротко, выслушавъ старика, сказалъ Ратмирскій. Ну, виновать, мой старый другъ! продолжалъ онъ, подавая старику руку: помиримся. Увѣряю тебя, что этого больше не будетъ.

Глаза старика какъ-то странно заморгали, морщинистое лицо судорожно подернулось, и теплая слеза упала на протянутую руку молодого человѣка, къ которой старикъ припалъ губами.

— Ну, другъ Оока, говорилъ Ратмирскій, лаская старика: полно! какъ тебѣ нестыдно такъ меня огорчать; развѣ это Богъ знаетъ какая была бѣда?

— Не бѣда, батюшка, Сергѣй Сергѣичъ, а очень нехорошо, отвѣчалъ Оока, утирая рукою глаза. Ну дойдетъ до дядюшки?

— Такъ что-же?

— А то, сударь, что дядюшка-то не больно жалуетъ поблажку, тихо отвѣчалъ Оока. Помните, какъ мы пришли сюда съ вами... крошечку вѣдь принесъ я васъ на рукахъ, то-есть, малаго ребенка, да и то дядюшка спросилъ: «А что мальчишка-то не избалованъ? я молъ не люблю дурныхъ ребятъ!» Да вы сами вспомните, много-ли онъ спускалъ вамъ? что называется, всякое лыко въ строку... значить, коли хорошъ—ладно, ну, а свихнулся, такъ не прогнѣвись! — Вотъ оно что, сударь; а теперь и кольми паче взыскъ будетъ.

— Но ты забылъ, что тогда я былъ ребенокъ, а теперь...

— Начали блажить, договорилъ Оока: и будетъ неладно, коли старшой то учесть спрашивать: какъ молъ, гдѣ и что такое?

— Онъ мнѣ не отецъ, холодно сказадь Серѣжа.

— Кабы онъ намъ былъ отецъ, батюшка Сергѣй Сергѣичъ, те я и толковать-бы не сталъ; поворчалъ бы только—для моціону, да и все тебѣ тутъ; а то... и старикъ значительно почесалъ въ затылкѣ.

— Мнѣ скоро двадцать три года, серьезно сказалъ молодой человекъ, спокойно усаживаясь на диванѣ: пора имѣть и свою волю.

— Да, Сергѣй Сергѣичъ, глубоко вздохнувъ, отвѣчалъ старикъ: но при своей волѣ не худо-бы имѣть и еще что-нибудь; а у насъ съ нами, батюшка, кромѣ вашихъ двадцати двухъ да моихъ семидесяти, ничего нѣтъ, а это такой капиталъ, за который и полпроцента не дадутъ; а съ своею-то волею, намъ, пожалуй, велятъ идти туда, отколь пришли... вотъ оно что! Такъ ужъ лучше «скачи враже, якъ панъ каже»; право такъ, батюшка.

— Былъ кто-нибудь? спросилъ Ратмирскій, перемѣняя разговоръ.

— Развѣ кто не былъ, сударь... отвѣчалъ Оока.

— Что-жь ты говорилъ?

— Что говорить? вралъ, что ни на есть... лгать на старости сталъ, вотъ оно что! Говорилъ, что по дѣламъ хлопочете.

— Ну, а они что?

— Что имъ? Иные молчали, другіе скалили зубы; говорили, что вру; они вишь-ли знаютъ гдѣ вы.

— Ну, а ты?

— Да что я? Такъ бывало и хочется спросить; а гдѣ моль? да неловко... Вотъ и скажешь: знаете?—передъ вами, моль, да и запрешь дверь.

— Если завтра кто пріѣдетъ, доложи мнѣ. Прощай, старый ворчунъ! проговорилъ Сережа, зѣвая и потягиваясь: я усталъ, пора спать.

— А гдѣ это вы, сударь, были? спросилъ Оока, раздѣвая барина.

— Недалеко, и теперь меня тамъ нѣтъ! съ тихимъ вздохомъ проговорилъ Ратмирскій, ложась въ постель и закрывая глаза.

— Видимо, что нѣтъ, ворчалъ старикъ, уходя къ себѣ въ комнату: но гдѣ это ты былъ, соколикъ,—вотъ оно что?

Съ этого времени Ратмирскій совершенно перемѣнился. Большую часть времени онъ проводилъ дома; тѣмъ болѣе, что пріѣхавшій старикъ-князь немедленно вступалъ въ управленіе своею должностію, и Сережа, въ качествѣ чиновника при князѣ, (это старикъ Ратмирскій устроилъ въ Петербургѣ, при свиданіи съ княземъ), долженъ былъ серьезно заниматься дѣлами, которыя ему поручались. «Мнѣ очень пріятно будетъ оправдать довѣренность вашего дядюшки и моего лучшаго друга, сказалъ князь, когда молодой Ратмирскій явился къ нему съ письмомъ отъ дяди, и еще болѣе буду радъ, если найду въ васъ

усерднаго помощника. А между-тѣмъ, прошу васъ, молодой человѣкъ, считать мой домъ родственнымъ и внѣ службы быть со мною по просту, безъ чиновъ.

Такое обращеніе князя съ Сережею, его теплая дружба къ старику Ратмирскому, когда онъ говорилъ объ немъ, доброта и великодушіе съ подчиненными, и въ тоже время, неусыпная дѣятельность и рѣдкая справедливость во всемъ, привязали къ нему молодаго Ратмирскаго всею душою. Онъ готовъ былъ трудится день и ночь, чтобы только угодить князю.

— А гдѣ ты, ужасный человѣкъ, спряталъ Машу? спрашивалъ его молодой князь, когда они встрѣтились съ Сережею въ домѣ его отца.

— А я только что хотѣлъ тебя спросить объ этомъ, сказала, улыбаясь, Сережа.

— Фиштишь, другъ, сказалъ князь: это тебѣ лучше извѣстно, чѣмъ кому-нибудь.

— Вотъ вздоръ, возразилъ Сережа, полу-шутя, полу-серьозно. Да съ чего ты взялъ, что если дѣвушка пропала, то ужъ непременно я увезъ ее.

— Да кому же больше; вѣдь ты за нею ухаживалъ.

— Ужъ не больше твоего, князь.

— Но она тебѣ оказывала предпочтеніе.

— А ты это какъ знаешь?

— Да это, мой серж, видно было.

— Ну, это *видно* еще подлежитъ сомнѣнію, когда я не знаю, куда она дѣлась.

— Вздоръ, лебезный, знаешь!

— Князь, сказалъ Сережа очень серьезно: если это шутка, то она теряетъ цѣну, потому-что очень продолжительна; если же не шутишь, то я прошу тебя не говорить мнѣ болѣе объ этомъ; я не хочу пострадать во мнѣніи твоего отца и моего дяди, за глупую выдумку, которую угодно было кому-то сочинить на мой счетъ. Потрудись сказать, если ты знаешь этого человѣка, что я не всегда бываю смиренъ, что былъ первымъ ученикомъ фехтовальнаго класса и весьма не дурию владѣю пистолетомъ.

— Ну, братъ, этимъ не всякаго испугаешь и заставишь молчать, съ легкою досадою отвѣчалъ князь.

— Тебя, конечно, не заставишь, дружески пожавъ руку князя и дѣлая видъ, что незамѣтилъ его досады, продолжалъ Ратмирскій: по согласію, что многіе изъ тѣхъ, съ которыми мы поневолѣ, отъ нечего дѣлать, сошлись, похожи на сточныя трубы: они до-тѣхъ-поръ выли-

вають всякую нечисть, пока порядочной человекъ не заткнетъ ихъ чѣмъ-нибудь. Пожалуста, князь, изъ дружбы ко мнѣ, вразуми этихъ господъ, чтобы мнѣ и въ-самомъ-дѣлѣ не пришлось разыграть съ ними фанфарона.

Дружескій, чистосердечный тонъ Ратмирскаго совершенно сбиль съ толку князя; съ другими же Ратмирскій или вовсе говорить не хотѣлъ, а нѣкоторымъ, болѣе неотвязчивымъ, давалъ самые уморительные адреса, которые приводили ихъ совсѣмъ не туда, куда имъ хотѣлось, и чрезъ это дѣлалъ ихъ самихъ сказкою товарищей, отвлекая общее вниманіе отъ себя. Вскорѣ толки объ Машѣ стали затихать; и когда хому-то изъ охотниковъ до предположеній пришло разъ въ голову сказать, что Василій, этотъ страшный аргусъ Маши, который сторожилъ ее, какъ сокровище; соскучась ежеминутнымъ бдѣніемъ, вѣроятно, самъ увезъ ее куда-нибудь, потому что прощалъ съ нею въ одинъ и тотъ же день, то вся молодежь порѣшила, что это дѣйствительно должно быть такъ, да на томъ и покончили. Въ-слѣдствіе этого, молодой Ратмирскій успокоился. Вполнѣ преданный своимъ новымъ занятіямъ, онъ однакоже раза два или три въ недѣлю находилъ возможность отлучатся изъ дому на нѣсколько часовъ, и каждый разъ, когда возвращался домой, иногда на разсвѣтѣ, старикъ Тока, глубоко вздыхая, тихо шепталъ: «Не хорошо, охъ, не хорошо!» но это онъ шепталъ про себя, потому-что началъ замѣчать, что возгласы его не нравились молодому человекъ. Между-тѣмъ время не стояло: прошли дни, недѣли, мѣсяцы, прошла зима, и вотъ пахнуло тепломъ и ароматомъ, зазеленѣли березки, зажелтѣли поля цикоріей. Экипажи потянулись за заставу. Ближайшія къ городу дачи, одна за другою, посѣщно нанимались и приводились въ порядокъ, и скоро за-поздалый дачникъ долженъ былъ уже искать для себя временнаго убѣжища въ мѣстахъ, не посѣщаемыхъ людьми, что называется, *сomme il faut*, гдѣ не отличный оркестръ, а какой-нибудь кочующій шарманщикъ или доморощенный орфей съ балалайкой утоляетъ музыкальныя потребности забѣзжихъ. Но забираться въ такую глушь не было ни у кого охоты. Какъ заѣхать въ деревню, гдѣ не увидишь ни одной шляпки, кромѣ своей; гдѣ новенькій бурнусъ не возбудитъ ни въ комъ зависти, а взвѣваемый вѣтромъ локопъ не произведетъ эффекта?—думали дамы; гдѣ даже не составишь картинъ въ преферансъ—разсуждали мужчины, и въ дальнія, привольныя затишья тянулася развѣ одинъ бѣднякъ, котораго нужда выживала изъ города, или больной, чающій въ животворной природѣ почерпнуть новыя силы. Для этихъ было все равно: голодать и умирать вездѣ можно. И такъ, за волшебный рубежъ, на чертаный модою и общепринятымъ приличіемъ, никто почти не хотѣлъ

перешагнуть. А напрасно! Деревеньки, раскинутыя тутъ и тамъ въ окрестностяхъ, были такъ живописны, воздухъ такъ чистъ, природа такъ привлекательна, люди — ну да объ нихъ нечего говорить: люди вездѣ одинаковы.

Но еслибы кто-нибудь вздумалъ заглянуть въ одну изъ этихъ деревенекъ, верстахъ въ пяти отъ города, то былъ бы пріятно изумленъ ея живописнымъ мѣстоположеніемъ, чистенькими домиками, которые, пріютась у опушки лѣса, такъ заманчиво и кокетливо выглядывали изъ своей зеленой рамки. Особливо одинъ изъ этихъ домиковъ, почти спрятанный въ густой кущѣ деревъ и убранный совершенно не съ деревенскою простотою, такъ и манилъ проѣзжаго въ небольшой свой садикъ, который окружалъ сиренями и черемхами домекъ съ бѣлыми, какъ снѣгъ, маркизами. Въ окнахъ дома, такъ-же какъ и на бревенчатомъ балконѣ, красовалось множество цвѣтовъ и рѣдкихъ растений, разставленныхъ со вкусомъ и шегольствомъ. Два огромныя дерева, росшія по бокамъ домика, сплетаясь вѣтвями надъ его крышею, какъ два скупца, оберегали и прятали свое сокровище, защищая его и отъ солнца, и отъ грозы.

Но кто жилъ въ этомъ домикѣ? Въ немъ жила очень молоденькая женщина. Фамиліи ея никто не зналъ, да и въ голову не приходило добрымъ мужичкамъ справляться о томъ, кто она. «Красавица-барыня», звали ее всѣ въ деревенькѣ, и въ этомъ прозвищѣ заключался весь ея паспортъ. Она жила здѣсь уже болѣе полугода; еще въ позднюю осень былъ нанятъ домикъ; нѣсколько дней усердно работали надъ нимъ множество мастеровыхъ, и все, что только можно было придумать для украшенія, какъ по волшебству, явилось въ немъ въ три или четыре дня. Съ-тѣхъ-поръ «красавица-барыня» поселилась въ немъ и жила, не только безвыѣздно, но даже почти безвыходно. Чѣмъ занималась она, тоже не было извѣстно. Правда, когда съ послѣднимъ холоднымъ вѣтеркомъ исчезли двойныя рамы, то изъ открытаго окна иногда были слышны звуки какого-то инструмента, и звонкій, заманчивый голосъ, вторя имъ, собиралъ подъ окна толпу невзыскательныхъ слушателей. Но чаще всего «красавицу-барыню» видали у окна, она сживала, склоня хорошенькую головку на руку. По нѣскольку часовъ сряду оставалась она въ въ этомъ положеніи, и съ грустію смотрѣла вдаль, на дорогу, по которой, по видимому долженъ былъ кто-то пріѣхать, и этотъ кто-то пріѣзжалъ часто, очень часто. Съ крикомъ радости она всегда на крыльцѣ встрѣчала желаннаго гостя и со слезами провожала его, слѣдя глазами за экипажемъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ маленькою ласточкою не потонетъ вдали.

Быль чудный, теплый день, въ концѣ мая. У открытаго окна, между цвѣтущихъ розъ, по обыкновенію, сидѣла обитательница сельскаго домика. Тоскливо смотрѣла она, какъ всегда, вдаль, на горизонтъ, гдѣ между синѣющими пашнями, змѣйкой вилась проселочная дорога. Въ глазахъ и движеніяхъ замѣтно было нетерпѣніе. Но вотъ вихремъ за клубилась далекая пыль, облако несется, становится больше, прозрачѣе... еще минута—и можно уже было отличить пару прекрасныхъ рысаковъ, которые неслись во весь духъ по направленію къ деревенькѣ. По мѣрѣ того, какъ они приближались, молодая женщина начинала метаться: то, какъ ребенокъ, прыгала на одномъ мѣстѣ, повторяя: «ѣдетъ, ѣдетъ!» то, подбѣгая къ огромному трюмо, которое почти касалось потолка, заботливо поправляла свой нарядъ, изысканно богатый; то опять бѣжала къ окну, что-бы взглянуть близко-ли тотъ, кого она ждала. Но вотъ онъ близко, онъ уже на крыльцѣ; но его нейдутъ встрѣчать; напротивъ, хорошенькія губки, за минуту такъ радостно улыбавшіяся, вдругъ надулись, черныя бровки сдвинулись, и молодая женщина сѣла на прежнее мѣсто, обернувшись спиною ко входу.

— Маша! другъ мой! здравствуй! говорилъ пріѣхавшій, поспѣшно входя къ комнатѣ.

— Здравствуйте! холодно отвѣчаетъ хозяйка, не двигаясь съ мѣста.

— Э! да что это съ тобою, мой другъ? улыбаясь, спросилъ ее пріѣзжій.

— Такъ, ничего! пробормотала она сквозь зубы.

— Сердита?

— Сердита; отозвалась Маша.

— А вотъ, посмотримъ, какъ мы умѣемъ сердиться, сказала пріѣхавшій молодой человекъ, нецеремонно повертывая къ себѣ головку хозяйки и страстно поцѣловавъ ее въ надутыя губки.

— Сердита, сердита, говорила молодая женщина, какъ голубь, трепеща отъ восторга и счастья на груди молодого человека: да сердита, повторила она, злой, ужасный человекъ! четыре дня, слышишь-ли ты, негодный... четыре дня не былъ.

— Слышу, Маша, слышу; я это очень хорошо чувствовалъ; но что-же дѣлать, нельзя было.

— А это *нельзя* часто будетъ, Сережа? хмурия брови, спросила Маша.

— Думаю, что нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ теперь, лѣтомъ. Когда князь переѣдетъ на дачу, я буду посвободнѣе.

— Я не люблю твоего князя, онъ тебя совсѣмъ отнял у бѣдной Маши!—и помолчавъ, она прибавила: Ну, а зимою, тоже будетъ нельзя?

— И, мой другъ, смѣясь, отвѣчалъ молодой человѣкъ: зима еще далеко.

— Нѣтъ, не далеко, какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ; они скоро пройдутъ .. и я хочу знать, буду-ли видѣть тебя часто, часто, каждый день, потому что—прибавила молодая женщина, съ милою наивностью лаская гостя: потому-что, видишь-ли, Серёжа, мнѣ необходимо видѣть тебя каждый день, если не чаще, иначе вѣдь я умру, непременно умру! Да и какъ они, эти люди, смѣютъ разлучить насъ, отнимать тебя, когда ты мой, когда я люблю тебя!

Такъ длился анакреонтическій разговоръ, подслащаемый ласками, подъ стѣною пышныхъ розъ и ераній, а солнышко между-тѣмъ шло обычнымъ путемъ, и прежде, чѣмъ молодые любовники успѣли пересказать другъ-другу, въ сотый разъ, уже сказанное прежде, легкій туманъ подернулъ темнѣющую даль. Молодой человѣкъ всталъ.

— Какъ! ты уже ѣдешь, такъ скоро...

— Что дѣлать, мой другъ, завтра надо доложить князю одно дѣло; отсѣнить я этого не могу.

Молодая женщина слегка покраснѣла и съ досадою топнула ногой. Противный твой князь! Ты его любишь больше, чѣмъ меня. Ну, а когда пріѣдешь?

— Думаю скоро; можетъ-быть, послѣзавтра.

— Право? Честное слово? Пріѣзжай-же непременно! Посмотри, какъ мнѣ скучно, я все одна, цѣлые дни одна! грустно проговорила Маша.

Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на нее молодой человѣкъ, и стараясь утѣшить ее, оказалъ: «Я знаю, что тебѣ скучно, Машечка, но что-же дѣлать! пока это необходимо; нужно, чтобы никто не зналъ нашей тайны, чтобы никто тебя не видалъ, иначе можетъ выдти очень худо. Потерпи мой ангелъ, погоди, прибавилъ онъ съ какимъ-то наслажденіемъ: будетъ время, когда я самъ покажу всѣмъ мое сокровище, и пусть они задыхаются отъ зависти. Но до-тѣхъ-поръ, Маша, пожалуйста не показывайся никому, и не говори ни съ кѣмъ ни слова.

— Не буду, не буду! отвѣчала она.

— Видишь ли, Маша, продолжалъ молодой человѣкъ серьезно и съ жаромъ. можетъ случится, что тебя кто-нибудь обидитъ, оскорбитъ—вѣдь я этого не прощу никому, я убью его; но и самъ погибну, и тогда — продолжалъ онъ, прижимая къ себѣ Машу; тогда уже некому будетъ стоять за тебя! Погоди же, мой другъ, придетъ наше время, искушимъ нашу скуку тройнымъ счастіемъ... Не скучай!

— Не буду скучать; я буду думать о тебѣ, буду летать за тобою

мыслью, какъ голубка... и тебѣ икнется не разъ — посмотри! отвѣчала Маша.

— Знаешь ли что, моя душа, говорилъ Сережа: самое лучшее отъ скуки—чтеніе.

Маша тихо вздохнула, ощутила головку и не отвѣчала.

— Ты вѣрно ничего не читаешь, Маша? съ легкимъ упрекомъ сказалъ молодой человѣкъ.

— Ничего, отвѣчала шопотомъ Маша: да и что я тамъ буду читать? прибавила она простодушно: Тамъ говорятъ Богъ знаетъ объ комъ, я этихъ людей никогда не видала, совсѣмъ не знаю, такъ что жь мнѣ объ нихъ читать?

— Это нужно, мой другъ, съ невольною улыбкою возразилъ Сережа: чтеніе тебя образуетъ, дастъ тебѣ понятіе о вещахъ, которыя необходимо знать въ свѣтѣ.

— Ну, хорошо, я буду читать.

Нѣсколько разъ Сережа собрался уѣхать, и каждый разъ все оставался еще нѣсколько минутъ, которыя превращались въ часы, и когда они разстались, востокъ уже багровѣлъ новымъ утромъ. Быстро понеслись отдохнувшія лошади, и долго еще на балконѣ маленькаго домика, между цвѣтовъ, рисовался темный силуэтъ женщины, но наконецъ и онъ скрылся, и въ маленькомъ домикѣ все затихло.

VI.

Спустя нѣсколько дней, въ той же комнатѣ, гдѣ еще недавно была такъ счастлива Маша, при свиданіи съ Ратмирекимъ, происходила совершенно другая сцена. Закрывъ лицо руками, Маша сидѣла у окна и горько плакала. Передъ нею печально стоялъ Сережа и съ нѣмою грустію смотрѣлъ на плачущую, нетерпѣливо обрывая стоящія на окнѣ цвѣты: «Но послушай, мой другъ, сказалъ онъ наконецъ кротко и ласково: вѣдь это неблагоприятно! Какъ же ты не хочешь понять, что я не могу иначе поступить?»

— Не хочу ничего понимать, отвѣчала, рыдая Маша: не могу ничего понимать, кромѣ того, что ты меня покидаешь.

— Надолго ли, мой другъ! На одинъ только мѣсяць; ты и не увидишь, какъ онъ промелькнетъ; я приѣду, и мы вдвое будемъ счастливы, послѣ короткой разлуки.

— Мѣсяць! почти вскрикнула Маша, мѣсяць — шутка! Ахъ, ты злой человѣкъ! Мѣсяць — это цѣлая жизнь! прибавила она живо и

почти съ отчаяніемъ. Да знаешь ли ты, что въ этотъ мѣсяць я умру, что я не могу жить, не зная навѣрное, что чрезъ день, много чрезъ два или три—увиджу тебя! Теперь, по крайности, я жду, считаю часы; а то мѣсяць! О, это ужасно!

— Но разсуди на милость, опять началъ Сережа: что же мнѣ дѣлать? Дядя, противъ всякаго ожиданія, вернулся въ Россію; онъ въ Петербургѣ, онъ мнѣ объ этомъ пишетъ. Къ моему несчастію, князь тоже ѣдетъ туда за дочерью: онъ предлагаетъ мнѣ ѣхать съ нимъ, для свиданія съ дядею. Какъ же мнѣ отказаться? Мало того, что это было бы неблагоразумно, но даже и неблагодарно въ отношеніи къ дядѣ, который любитъ меня, какъ сына, и отъ котораго зависитъ все мое благосостояніе.

— А я? Я тебя не люблю развѣ?

— Любишь, душечка; но теперь терзаешь мнѣ душу своими слезами.

— А тебѣ бы хотѣлось, чтобы я пѣла и плясала отъ радости, что ты ѣдешь? сказала Маша, вскочивъ съ мѣста: что этотъ чловѣкъ, дядя твой, пріѣхалъ для того, чтобы отнять тебя у меня? О! я знаю, онъ вернулся на мое горе!

— На какое же горе? Что онъ можетъ тебѣ сдѣлать?

— Много, много! съ тоскою шептала Маша: Онъ прикуетъ тебя къ себѣ, ты не будешь ѣздить сюда, я не увижу тебя болѣе!

— Ну, полно, полно, Маша! Ты изъ пустяковъ мучишь себя! Перестань, мой другъ, прибавилъ Ратмирскій, убаюкивая ее, какъ ребенка, и глядя припавшую къ нему на грудь головку. Ты увидишь, какъ все пойдетъ хорошо, продолжалъ онъ: къ зимѣ я устрою домикъ въ городѣ, перевезу тебя поближе къ себѣ и тамъ мы будемъ видѣться каждый день и будемъ по прежнему счастливы.

Молодая женщина тихо подняла голову, и улыбаясь сквозь слезы. радостно повторила: «ты перевезешь меня къ себѣ, мы будемъ счастливы... но... неоконченное слово замерло у ней на языкѣ, и она, страшно поблѣднѣвъ, задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Что съ тобою, что съ тобою? спрашивалъ встревоженный Ратмирскій.

— Слышишь? Слышишь? едва могла проговорить испуганная Маша.

— Ничего не слышу, говорилъ Ратмирскій, внимательно прислушиваясь: ничего не слышу.

— Ахъ, опять, опять! съ ужасомъ говорила Маша, закрывая уши руками.

— Воронъ кричитъ, проговорилъ съ недоумѣніемъ Ратмирскій. Онъ

дѣйствительно ничего не слышалъ, кромѣ протяжнаго карканья ворона, который, усѣвшись на крышу дома, тянулъ свою негармоническую гамму.

— Да, воронъ, воронъ! въ отчаяніи, ломая руки, твердила Маша: воронъ, Сережа, намъ сулитъ бѣду, и будетъ бѣда!

Ратмирскій отъ души засмѣялся надъ ея дѣтскимъ суевѣріемъ; но сколько онъ ни старался доказывать, что это вздоръ, Маша твердила свое:

— Нѣтъ не вздоръ, а я знаю, что быть худу!

— Но что можетъ знать воронъ объ нашемъ будущемъ? говорилъ Ратмирскій. Можетъ ли предвѣщать что-нибудь эта глупая птица?

— Можетъ, съ горькою увѣренностію отвѣчала Маша. Ужь его должность такая, чтобы накликивать бѣду! Не вѣришь? сказала она, видя, что Сережа смѣялся и качалъ головою: ты не вѣришь, а знаешь ли, что одинъ разъ, я сама была свидѣтельницею, какъ воронъ накаркалъ бѣду.

— Какъ же это? Расскажи, пожалуйста, шутя отвѣчалъ Ратмирскій.

— А вотъ какъ! Я еще была маленькая дѣвочка и бѣгала по кочевьямъ, собирая лоскутки. Вотъ одинъ разъ цыганы наши лошадей повели въ городъ — барышничать. Только-что они уѣхали, вдругъ имъ вслѣдъ воронъ, каръ, каръ! Женщины такъ и ахнули.

— Ну, что же?

— Что! сказала Маша уныло, одинъ упалъ съ лошади, да такъ и не всталъ.

— Это случайность, вѣрно онъ былъ пьянъ.

— Да развѣ онъ одинъ былъ пьянъ, всѣ были на веселѣ, а убила лошадь его одного, потому-что на его телегѣ сидѣлъ и каркалъ воронъ.

Ратмирскій со смѣхомъ покачалъ головою на этотъ простодушный отвѣтъ.

— Не смѣйся, отвѣчала Маша грустно, не смѣйся, Серёжа! — Вотъ тебѣ и другой случай: одинъ былъ у насъ цыганъ Ильюшка Загибайка... удалой такой, что бѣда! Подставь иголку — въ ушко пролѣзетъ. Вотъ онъ и пустился разъ въ городъ — магарычи промышлять. Жена его проводила, да глядь, а на перекресткѣ сидитъ воронъ, и ну каркать.

— Ну? едва удерживая хохоть, спросилъ молодой человекъ.

— Ну, таинственно сказала Маша: ну, и не вернулся изъ города.

— Тоже убила лошадь?

— Нѣтъ, хуже.

— Что-жь такое?

— Въ тюрьму посадили! торжественно отвѣчала цыганка, поглядѣвъ съ упрекомъ на Ратмирскаго, который хохоталъ до слезъ.

— Опять не вѣришь? прибавила она.

— Вѣрю, вѣрю, мой другъ! едва могъ проговорить, утирая глаза, Ратмирскій: но скажи, пожалуста, за что же его посадили въ тюрьму?

— Сказали, что лошадь стянулъ.

— А онъ точно укралъ?

— Не знаю; только онъ привелъ лошадь на конюю, а тамъ и отыскался хозяинъ.

— Въ чемъ же тутъ виноватъ бѣдный воронъ? Не украдь цыганъ лошади, его не посадили бы въ тюрьму.

— Да, не посадили бы, конечно; но пока воронъ не кричалъ, онъ много разъ воровалъ лошадей, и все сходило съ рукъ, добродушно отвѣчала Маша.

— Ну, моя душа, сказалъ весело Ратмирскій: увѣрю тебя, что на этотъ разъ, твой воронъ сожеть, и ты навсегда перестанешь вѣрить такимъ вздорамъ, прибавилъ онъ ласково, но гораздо серьезнѣе. Это, Маша, хорошо тамъ, въ таборѣ; но здѣсь, въ теперешнемъ твоёмъ положеніи, не годится: здѣсь надъ этимъ смѣются. Вотъ, наиримѣръ, нашъ попугай, говорилъ Серёжа, подводя Машу къ клеткѣ съ красивымъ пестрымъ какаду: чѣмъ онъ хуже какого-нибудь глупаго ворона? Спросимъ-ка его, что онъ скажетъ: «Попушка, сказалъ Ратмирскій: скажи-ка намъ что-нибудь хорошенькое. «Дуракъ, дуракъ!»—закричала птица.—Не ново, попушка, это мы давно знаемъ, продолжалъ шутить съ попугаемъ Ратмирскій, желая этимъ развлечь Машу; нѣтъ, ты вотъ скажи намъ, что ты, глупая птица, знаешь объ нашемъ будущемъ?—«Худо, худо училась Маша!» тупо проговорилъ опять попугай.

На этотъ разъ и молодой человѣкъ нѣсколько смутился. Такое сближеніе въ предсказаніяхъ, конечно случайное, было очень странно и невольно встревожило воображеніе Сережи; что же касается до Маши, то блѣдная и трепещущая, она только повторяла: худо, худо!

— Ну да, конечно худо! весело вскричалъ молодой человѣкъ, мгновенно подавляя въ себѣ невольное впечатленіе и стараясь разсѣять совершенно растерявшуюся Машу. Онъ говоритъ правду, ты худо училась: еслибы ты перечитала все то, что я тебѣ привозилъ, то не была-бы такъ суевѣрна, сама-бы видѣла, что это все вздоръ, одна случайность.

Но Маша не слышала, что говорилъ ей Ратмирскій; вполне преданная своему страху, она въ десятый разъ отчаянно шептала: худо, худо,

сжимая холодными руками пылающую голову, такъ, что наконецъ Сережа, истощивъ все убѣжденія и доводы о недѣлности птичьихъ пророчествъ; и видя, что это не дѣйствуетъ, нѣсколько разоердился.

— Вѣрю, вѣрю! сказала Маша, видя, что Сережа пересталъ шутить: вѣрю, повторила она, силась улыбнуться: все это вздоръ, я не буду беспокоиться. Но когда пришло время проститься съ Ратмирскимъ, глухія рыданія и невольный трепеть ея холодныхъ рукъ ясно показывали, что она не совсемъ разувѣрилась въ грозящей бѣдѣ. Сережа, чтобъ успокоить ее, обѣщалъ завтра же пріѣхать проститься съ нею.

Нечаянный пріѣздъ дяди изъ за границы очень тревожилъ Сережу, и въ первый разъ еще заставилъ его основательно взглянуть на свое теперешнее положеніе. Убаюканный любовью и совершенной свободой, которою пользовался въ отсутствіи старика, онъ этого еще ни разу не дѣлалъ. Теперь эта свобода будетъ скована; онъ долженъ будетъ подчиниться порядкамъ, однажды навсегда заведеннымъ въ домѣ старика, порядкамъ, которымъ все домашніе покорялись безпрекословно. Сергѣй Петровичъ жилъ открыто, имѣлъ большой кругъ знакомыхъ, радушно принималъ у себя гостей, но самъ выѣзжалъ рѣдко, обѣдалъ всегда дома, кромѣ неизбѣжныхъ двухъ, много трехъ разъ въ годъ, и требовалъ, чтобы принадлежачіе къ семейству дѣлали тоже самое. Постоянные гости по вечерамъ также должны были удерживать Сережу въ великолѣпной гостиной дяди. Что же будетъ съ Машею? думалъ молодой человѣкъ, неужели должно будетъ оставить ее одну, съ ея тоскою, въ долгомъ ожиданіи какихъ-нибудь двухъ часовъ, въ которые я урвусь утѣшить, успокоить ее—бѣдную, одинокую отшельницу? Итъ, это невозможно! Молодой человѣкъ чувствовалъ, что онъ и самъ не въ состояніи будетъ на долго разлучаться съ Машею.

— Еслибы, думалъ онъ, можно было вѣрится кому-нибудь, чтобы она могла каждый день, по-крайней-мѣрѣ, слышать обо мнѣ... Но кому? Наканунѣ отъѣзда, Ратмирскій не успѣлъ побывать у Маши, какъ обѣщалъ; весь почти день онъ пробылъ у князя, и возвратясь, довольно поздно домой, онъ позвалъ въ кабинетъ Ооку. Болѣе часа старикъ оставался наединѣ съ Сережею; но выходя изъ кабинета, бѣдный Оока былъ очень разстроенъ. «Господи, Боже мой, что теперь будетъ, что теперь будетъ съ нимъ! шепталъ онъ тревожно, сжимая свои костлявыя руки.— Вишь-ли, какихъ проказъ настроилъ... о-о-охъ-охъ-охъ».

Князь и Ратмирскій на другой день рано утромъ уѣхали. Выходя изъ дому, молодой человѣкъ подалъ на прощанье руку старому дядкѣ, и тихо сказалъ ему: Не забудь, другъ Оока, что я тебя поручаю болѣе, чѣмъ жизнь мою.

— Не забуду, печально отвѣтилъ Оока.

Прошелъ мѣсяць, наступилъ другой, вотъ уже и третій въ исходѣ, а князь и Ратмирскіе не возвращались изъ Петербурга. Да и то сказать, разсуждалъ иногда Оока: дѣло извѣстное; туда легко попасть, а ужъ вырвется оттолѣ — атандѣ; туда съѣдишь, то посмотришь, тамъ побываешь, анъ глядь—дня и нѣтъ! Въ три мѣсяца и сотни дней не будетъ, а тамъ чудесъ—то не съ одну сотню.

Но подобное разсужденіе не всѣхъ утѣшало одинаково, и много горя перечувствовалося иными въ эти три мѣсяца, пока, наконецъ, дорожный дормезъ не остановился у дома Ратмирскаго. Съ возвращеніемъ Сергѣя Петровича все въ домѣ ожило, засуетилось; каждый изъ знакомыхъ спѣшилъ поздравить старика съ пріѣздомъ и экипажи почти не отъѣзжали отъ подъѣзда. Старикъ, повидимому, былъ очень доволенъ такимъ вниманіемъ; вопреки своему обыкновенію, онъ самъ нѣсколько дней сряду постоянно выѣзжалъ со двора, расплачиваясь визитами.

Первый вопросъ, который сдѣлалъ Сережа Оокѣ, былъ: Чтѣ Маша здорова ли, чтѣ дѣлаенъ?

— Какое тутъ здоровье, батюшка Сергѣй Сергѣичъ, отвѣчалъ старикъ: глазки не глядятъ отъ слезъ, то и дѣло тоскуеть, въ чужѣ сердцу больно.

— Но вѣдь я писалъ, что мнѣ невозможно было ранѣе уѣхать; развѣ она не знаетъ, что я не могъ располагать своимъ отъѣздомъ?

— Скажите вы ей это сами, а я ужъ... и не доконча, старикъ только махнулъ рукою.

Въ первую удобную минуту Сережа полетѣлъ къ Машѣ, и чтѣ же? Слезами и упреками встрѣтили его тамъ, гдѣ онъ надѣялся найти радость и счастье. Маша знала, что онъ уже нѣсколько дней, какъ возвратился, и не могла простить, что онъ въ первый же день не пріѣхалъ къ ней. Ни просьбы, ни ласки не могли успокоить оскорбленное чувство молодой женщины.

— Тебѣ весело безъ меня, съ горькими слезами говорила она: я не хочу, чтобы ты, какъ милость, дарилъ мнѣ ласку, не хочу этой притворной любви: я не умѣю такъ любить! тотъ не любить, кто не жалѣеть, тебѣ и безъ меня было весело, тебѣ было все равно, что я здѣсь жива или нѣтъ; ты меня засадилъ, какъ звѣря, въ эту клѣтку: что-жъ, думаешь, кормъ есть, а тамъ, какъ захочу, отъ нечего дѣлать, поѣду погляжу, чтѣ-то мой звѣрь подѣлываетъ! — Да еще, спасибо, и сторожа приставилъ! прибавила она съ горькою насмѣшкою.

Серѣжа было пытался вразумить ее своими домашними обязанностями, свѣтскими условіями—она ихъ не понимала. Маша не позволила ему и

докончить. Съ сверкающими глазами, она быстро вскочила со стула, на которомъ въ-продолженіе многихъ дней у окна ждала Ратмирскаго, и почти вскрикнула: ахъ, ты злой, жестокой человѣкъ! Гости, вишь-ли гости помѣшали тебѣ видѣть покинутую, когда я выплакала по тебѣ очиньки, когда извела все сердце въ тоскѣ! Гости! да знаешь-ли ты, что я для тебя покинула-бы отца, мать — весь свѣтъ, а ему вишь гости помѣшали! О я горькая, безталанная! И вотъ моя радость, вотъ моя любовь!

— Поди, поди, съ силою прибавила она: я теперь вижу, какое счастье ты мнѣ сулилъ! Обманулъ, предалъ — Богъ разсудить! Не въ томъ-ли, думаешь, мое счастье? сказала она, схвативъ со стола свертокъ съ матеріею, который Сережа привезъ ей, и кинувъ его на-поль: Мнѣ не этого, мнѣ души твоей надо — для счастья!

Какъ ни былъ добръ и кротокъ Ратмирскій; по эти безумныя выходки начали выводить его изъ терпѣнія. Всѣ слова его были напрасны, да и что онъ могъ сказать Машѣ въ свое оправданіе? Объ отношеніяхъ и приличіяхъ свѣта она не имѣла ни малѣйшаго понятія; дитя природы, она мѣрила все въ природѣ своимъ сердцемъ; простой разумъ ея не признавалъ никакихъ условій тамъ, гдѣ говорило человѣческое чувство — и вотъ она рвалась и плакала, почитая себя обиженною. Сережа уѣхалъ, и это первое свиданіе, о которомъ онъ мечталъ такъ долго, началось и кончилось ссорою; а лиха бѣда начать, говорить русская пословица. Молодость неуступчива, свѣтскость не снисходительна: онъ сталъ сильно чувствовать неловкость своего положенія.

VII.

Едва прошло два мѣсяца съ пріѣзда Ратмирскихъ изъ Петербурга, и лѣта какъ-будто не бывало. Наступила осень, холодная, дождливая; вѣтеръ завывъ свою надгробную пѣсню между обнаженныхъ деревьевъ, которыя печально покачивали нагими сучьями. Дачи опустѣли, съѣзды начались, салоны нарядились въ печальную зелень оранжерей, и швейцары, съ вычурными перевязями, важно появились у ярко-освѣщенныхъ подъездовъ. У дома князя Борнова каждый вечеръ стояло много экипажей, а въ домѣ кипѣли жизнь и удовольствіе. Важное значеніе въ обществѣ, сильныя связи, болѣе, чѣмъ хорошее состояніе и всегда радушный, безцеремонный пріемъ, заставляли каждого искать знакомства съ княземъ, но онъ былъ разборчивъ, и доступъ въ его домъ былъ не совсѣмъ легкій.

Въ одинъ изъ самыхъ ненастныхъ осеннихъ вечеровъ, въ гостиной

князя собралось дружеское, небольшое общество. Несколько дамъ и молодыхъ людей, около рояля Лихтенталя, окружили молодую дѣвушку, которая съ необыкновеннымъ одушевленіемъ играла арію изъ «Лючіи». Почти дѣтскія ручки виртуозки быстро летали по клавишамъ и заставляли послушный инструментъ передавать самадѣйшіе оттѣнки чувства, которымъ была одушевлена пѣанистка. Въ звукахъ ея слышался тотъ плачь разтерзанной души, которая оскорбля безумнымъ сомнѣніемъ святыню своего сердца, разрушила все, что любила въ жизни, и теперь со стономъ оплакивала невозвратное счастье. Притихнувшіе слушатели, казалось, боялись пошевелинуться чтобы не проронить ни одной ноты, и только тихій шелестъ перевернутаго нотнаго листка нарушалъ это вниманіе. Но вотъ послѣдній аккордъ, и молодая дѣвушка встала изъ-за рояля. Весело улыбаясь на похвалы и комплименты, которые слышались со всѣхъ сторонъ, она очень дружески и мило кивнула хорошенькой головкой, стоявшему за ея стуломъ, молодому человѣку, сказавъ:

— *Merçi, monsieur Serge.*

— За что, княжна?

— Какъ за что? Вы одинъ изъ самыхъ терпѣливыхъ поклонниковъ моего музыкальнаго таланта; отвѣчала княжна наивно и безъ жеманства: когда я играю при васъ, то вы съ такимъ великодушіемъ слѣдите за моею игрою и переворачиваете мнѣ ноты, что я, право, начинаю думать, что играю недурно, и что вы еще не соскучились меня слушать.

— Не знаю, отвѣчалъ молодой человѣкъ, почтительно кланяясь: почему вамъ угодно предполагать, что меня приковываетъ къ вашему стулу только одно терпѣніе, а не общій восторгъ, должная дань вашему таланту.

— Еще разъ *merçi.* — Впрочемъ, прибавила молодая дѣвушка, оставляя рояль и переходя въ гостиную, гдѣ на диванѣ сидѣли старый князь Борновъ и Сергій Петровичъ Ратмирскій: я сама знаю, что именно эту пьесу я играю недурно, и знаете ли почему? Потому—что я ее играла предъ самимъ Рубини, и всякій разъ, когда я ее исполняю, мнѣ кажется, что я его вижу, его чудный симпатическій голосъ все еще звучитъ въ душѣ моей, когда онъ старался объяснить мнѣ, чего недоставало въ моей игрѣ. Мнѣ кажется, говорила молодая дѣвушка съ восторгомъ: что я еще чувствую, какъ онъ поцѣловалъ меня, когда я поняла и выразила то, чего онъ хотѣлъ.

И молодая дѣвушка была такъ хороша въ эту минуту, почти дѣтское лицо ея было одушевлено такимъ упоеніемъ, голубые глазки сіяли

такую чистотою души что наивныя слова ея о поцѣлуѣ не заставили даже никого изъ окружающихъ улыбнуться.

— Какъ же это, Надина, сказалъ князь, прерывая дочь и смотря на нее съ любовію: ты мнѣ, *сере аміе*, никогда не говорила, что у васъ съ старикомъ Рубини были такія серьезныя дѣла, а теперь, при всѣхъ, объявляешь о поцѣлуѣ.

— Такъ что же, папа, отвѣчала живо княжна: я всегда буду съ благодарностію вспоминать объ этомъ поцѣлуѣ. — Повѣришь-ли, папа, прибавила она, я не забуду въ жизни двухъ минутъ: первую, когда меня похвалилъ и поцѣловалъ Рубини, и вторую, когда я возвратилась изъ за границы, увидала тебя, и ты поцѣловалъ меня.

— И точно! эти два поцѣлуя стоить помнить, сказалъ князь, съ чувствомъ смотря на дочь.

— Ну, а скажите княжна, спросилъ, улыбаясь, Сергѣй Петровичъ Ратмирскій: который изъ этихъ поцѣлуевъ былъ лучше?

— Оба хороши! отвѣчала весело княжна. Одинъ сдѣлалъ меня, въ нѣкоторомъ отношеніи, гордою, другой — другой, прибавила она, нѣжно цѣлуя въ голову отца, другой — сдѣлалъ счастливою.

— Она еще совершенное дитя, сказала молоденькая дама своей сосѣдкѣ, которая уже лѣтъ восемь остановилась на двадцать пятомъ году.

— Да, отвѣчала та, съ какою-то неопредѣленною улыбкою: она чрезвычайно наивна.

— А скажите, княжна, спросилъ одинъ изъ молодыхъ людей, не встрѣчали-ли вы гдѣ-нибудь за границею нашего улетѣвшаго соловья?

— Нѣтъ; и очень объ этомъ жалѣю. Въ послѣдній разъ я его видѣла въ Петербургѣ, когда онъ пріѣзжалъ къ тетускѣ — прощаться; но въ Италиі, гдѣ мы пробыли, впрочемъ, довольно долго, мы нигдѣ съ нимъ не столкнулись.

— Въ такомъ случаѣ, я былъ счастливѣе васъ! сказалъ молодой Ратмирскій: я на дорогѣ встрѣтилъ Рубини.

— Гдѣ? гдѣ? спросила живо молодая дѣвушка.

— Въ одномъ маленькомъ городкѣ сѣверной Италиі. Мы остановились обѣдать — и трактирщикъ, приправляя довольно невкусный нашъ обѣдъ разными новостями, сказалъ между-прочимъ, что у него за часъ передъ тѣмъ остановился *il grande artista, senior* Рубини, и скоро собирается опять уѣхать. Услышавъ это, я не кончилъ обѣда, и посѣдшилъ еще разъ взглянуть на него.

— А развѣ ты въ Петербургѣ былъ знакомъ съ нимъ? спросилъ Сергѣй Петровичъ племянника.

— Нѣтъ, дядюшка; но имя *русскаго* отворило мнѣ къ нему двери, и чрезъ полчаса мы простились, какъ старые друзья. «Вы ѣдете къ себѣ, сказалъ мнѣ на прощаньи Рубини, почти со слезами на глазахъ: поклонитесь отъ меня вашей доброй Россіи, которую я никогда не забуду!»

— А были тамъ еще русскіе путешественники? спросила молодая дама Ратмирскаго.

— Насъ было всего человекъ пять, отвѣчалъ онъ.

— И вы все были у Рубини?

— Нѣтъ, скромно отвѣчалъ молодой человекъ, я одинъ ходилъ къ нему. Другіе хлопотали по своимъ дѣламъ.

— Знаете-ли, *Monsieur Serge*, сказала княжна, я каждый разъ, слушая ваши рассказы, жалѣю, что мы не встрѣтились съ вами за границую; лучшаго товарища въ путешествіи я-бы не желала. Послушайте, прибавила она весело и чрезвычайно простосердечно, когда нибудь поѣдете путешествовать вмѣстѣ.

При этомъ словѣ князь и старикъ Ратмирскій взглянули другъ на друга, съ какимъ-то тайнымъ значеніемъ, и князь, обращаясь къ молодому Ратмирскому, который на приглашеніе княжны отвѣчалъ почтительнымъ поклономъ, смотря на нее съ чувствомъ болѣе, нежели тихаго удовольствія, сказалъ:—Я разрѣшаю васъ, Сергѣй Сергѣичъ, отъ согласія на предложеніе молодой вѣтренницы, всякое обѣщаніе, данное несовершеннолѣтней, должно считать недѣйствительнымъ.

— Папа, папа! перебила съ серьезной миной дѣвушка, вы забыли, что мнѣ скоро восемнадцать лѣтъ.

Князь хотѣлъ отвѣчать дочери, но былъ прерванъ приходомъ сына.

— Вотъ погодка, говорилъ молодой человекъ, раскланиваясь гостямъ: Кажется, все небо превратилось въ безконечный душъ; просто не зналъ, какъ доѣхать.

— А ты откуда? спросилъ князь.

— Изъ театра, батюшка.

— Ну что?

— Да тамъ-то ничего; но ужъ ѣхать отсюда... Я думалъ, что вѣтеръ меня и съ экипажемъ унесетъ и я лишусь счастія поклониться вамъ, сказалъ молодой князь, нѣсколько понизивъ голосъ, одной изъ дамъ, за что ему кокетливо погрозили розовымъ пальчикомъ.

— Да, неприягная погода, произнесла томно двадцати-пяти лѣтняя дама: она дѣйствуетъ ужасно на нервы и нагоняетъ страшную тоску.

И точно, какъ бы въ оправданіе этихъ словъ, дождь сильно засту-

чалъ въ зеркальныя стекла оконъ и съ помощію вѣтра, кажется, силился выломать крѣпкія двойныя рамы.

— Что значить погода, отвѣчалъ князь, для насъ, здѣсь, въ городѣ, когда мы сидимъ съ добрыми друзьями, въ теплой, свѣтлой комнатѣ, передъ пылающимъ каминомъ! Вотъ посмотрѣли бы вы на несчастныхъ, которые въ это время года принуждены жить въ деревнѣ! Грязь непроходимая, объ развлеченіи и думать нечего; не только нельзя ждать къ себѣ кого-нибудь, чтобы отвести душу, даже самому нельзя шагу сдѣлать изъ комнаты, если не хочешь завязнуть въ лужѣ. Вотъ тамъ, такъ эта погода дѣйствительно что-нибудь да значить и способна нагнать тоску.

Слова стараго князя необыкновенно подѣйствовали на Серѣжу Ратмирскаго. Спокойное, даже счастливое выраженіе лица молодаго человека смѣнилось вдругъ какою-то безотчетною грустью. При первомъ порывѣ непогоды, которая бушевала на дворѣ, онъ невольно вздрогнулъ и тихо прошепталъ: Боже мой, это дѣйствительно ужасно!

Перейдя комнату, онъ помѣстился въ амбазурѣ окна и съ безпокойствомъ началъ прислушиваться къ завыванію вѣтра.

Вечеръ длился еще нѣсколько часовъ, и въ-продолженіе этого времени молодой Ратмирскій, какъ ни старался преодолѣть себя, никакъ не могъ, по прежнему, вмѣшаться въ общій разговоръ. Тревожное состояніе души проглядывало, противъ воли, въ каждомъ его движеніи, въ каждой чертѣ лица, такъ, что на вопросъ молодой хозяйки: «Что съ вами сдѣлалось?» онъ принужденъ былъ сказать, что чувствуетъ себя несовсѣмъ хорошо, и на этомъ основаніи прежде всѣхъ отправился домой.

Возвратясь къ себѣ, Ратмирскій поспѣшно позвалъ Ооку, и затворивъ за нимъ тщательно дверь, быстро спросилъ:

— Ну, что? былъ тамъ?

— Часа съ два только, какъ вернулся.

— Что она дѣлаетъ?

Вмѣсто отвѣта, старикъ Оока только тяжело вздохнулъ, и уныло опустилъ голову. Послѣдовало минутное молчаніе, въ-продолженіе котораго молодой человекъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Что-же, не здорова? снова спросилъ онъ, останавливаясь.

— Плачетъ, лаконически отвѣчалъ Оока.

— А я! съ какимъ-то отчаяніемъ произнесъ Ратмирскій, закрывая лицо руками, а я и плакать не могу! Да хоть бы и могъ, такъ не смѣю. О! произнесъ онъ, судорожно скрестивъ пальцы, за что и я гибну и она!

— Объ этомъ, Сергій Сергѣичъ, надо было думать прежде, а теперь оно все—равно, что по воробьямъ изъ пушки палить. Чтò прошло, то значить было, а былого не поймашь за хвостъ, какъ птицу, — такъ ужъ чтò тутъ горевать да рваться.

— Послушай, Оока, сказалъ Ратмирскій: непременно надо ее перевезти въ городъ; такую даль мнѣ нельзя ѣздить къ ней часто, а одной ей жить тамъ ужасно въ эту пору.

— Да, отвѣчалъ старикъ, грѣхъ Сергій Сергѣичъ кинуть ее одну въ такой глуши, гдѣ, прости Господи, въ цѣлый день живой души не увидишь, развѣ что голодный волкъ пробѣжить. Чѣмъ же она, бѣдная, виноватѣ другихъ, за чтò же ее такъ карать.

— Вотъ, возьми, сказалъ торопливо Ратмирскій, доставая изъ кармана маленькій бумажникъ и подавая его старику: завтра же приищи гдѣ—нибудь, въ дальней части города, домикъ, и немедленно займись перевозкою.

— Тамъ не нужно ничего отдавать за квартиру, Сергій Сергѣичъ?

— Разумѣется, надо разчитаться; слѣдуетъ пятьдесятъ рублей. Постой! сказалъ онъ, взявъ изъ рукъ старика бумажникъ и началъ пересчитывать деньги; оказалось, что ихъ слишкомъ мало для предстоящихъ расходовъ. Этихъ денегъ не хватить на все, горько прошепталъ Ратмирскій, а у меня теперь нѣтъ больше ни копейки.

— Это чтò — я достану, отвѣчалъ Оока, какъ бы успокоивая Серёжу: завтра все покончимъ.

Оставшись одинъ, Ратмирскій кинулся на диванъ; скрестя на груди руки и опустя голову, онъ долго оставался недвижимъ; видно было, что мысли, одна другой грустнѣй и тревожнѣй, волновали его душу, потому что на блѣдномъ и открытомъ лицѣ его выражалась скорбь и безотрадное оупленіе, которое проявляется въ человѣкѣ только въ тѣ минуты, когда онъ сознаетъ полную невозможность желаннаго счастья. Болѣе часу Серёжа сидѣлъ такъ, не нарушая окружающей его тишины ни малѣйшимъ движеніемъ. Казалось, онъ весь былъ погруженъ въ самого себя. Наконецъ затаенная скорбь вырвалась наружу; руки его судорожно сжали грудь, легкая конвульсія скользнула по лицу, и задрожавшія рѣсницы напрасно силились остановить слезы, которыя повисли на нихъ крупными каплями. Какъ-бы стыдясь невольной слабости, молодой человѣкъ поспѣшно закрылъ глаза руками.—Вотъ до чего я наконецъ дошелъ, горько прошепталъ Ратмирскій, и вставъ съ дивана, началъ тихо ходить по комнатѣ. Боже! какая разница! И зачѣмъ я ее встрѣтилъ!.... Часы пробили четыре, свѣча на столѣ совершенно почти догорѣла. Задувая ее, Ратмирскій грустно сказалъ: «Какъ жаль, что жизнь не гаснетъ такъ—же скоро».

VII.

Съ наступленіемъ зимы, закипѣли городскія удовольствія. Молодой Ратмирскій долженъ былъ являться въ свѣтъ, посѣщать общества; но онъ дѣлалъ это какъ-то вяло, неохотно; повидимому, свѣтскій блескъ и ежедневныя увеселенія не доставляли ему того наслажденія, которое было такъ свойственно его лѣтамъ. Какая-то постоянная мысль, казалось, совершенно завладѣла всею его существованіемъ, и преждевременно остепенила его. Постоянно серьезный, даже молчаливый, онъ какъ-бы по обязанности являлся въ общества, и при первомъ удобномъ случаѣ, исчезалъ, такъ, что охотники подмѣчать—отъ нечего дѣлать—чужіе поступки и доходить во всемъ до источника, скоро рѣшили, что Ратмирскій влюбленъ, и влюбленъ безнадежно. Но въ кого? вотъ въ чемъ вопросъ. Искали, искали, и нашли, что въ княжну Борнову; потому-что всѣ прочія дѣвицы того круга, къ которому принадлежалъ молодой Ратмирскій, очень-бы охотно и благосклонно приняли любовь единственнаго наследника извѣстнаго богача. Одна только княжна Борнова, по рожденію и значенію въ свѣтѣ, была выше его, стало быть, одну ее и могъ любить Ратмирскій безнадежно. — Рѣшили и утвердили, что причина задумчивости Ратмирскаго — княжна Борнова. На сколько тутъ было правды, могъ разрѣшить только самъ Ратмирскій, но онъ молчалъ, вѣроятно и не подозрѣвая догадокъ на его счетъ. Впрочемъ, если-бы кто-нибудь попристальнѣе послѣдилъ за Серѣжею, то увидѣлъ-бы, что домъ князя Борнова былъ именно тотъ домъ, куда молодой человѣкъ ѣздилъ еще съ мѣньшею охотою, чѣмъ во всѣ остальные. А между-тѣмъ, у Борновыхъ ему были всегда рады; самый дружескій пріемъ старика и милая привѣтливость дочери встрѣчали его тамъ постоянно, но это-то именно, казалось, и было причиною, что Ратмирскій какъ будто боялся сближенія съ семействомъ князя. Бывая очень часто съ дядею у Борновыхъ, Серѣжа съ какою то тревогою слѣдилъ за собою, онъ какъ-будто взвѣшивалъ каждый свой поступокъ, каждое слово; большую часть времени онъ проводилъ въ кабинетѣ стараго князя, потому-что молодой князь, вполне преданный свѣтскимъ удовольствіямъ, проводилъ почти все время внѣ дома, да и на Ратмирскаго глядѣлъ какъ-то не со всею дружески, прикрывая впрочемъ свои чувства всею лоскомъ свѣтской учтивости. Что-же кажется до княжны, то обхожденіе съ нею Ратмирскаго было загадочно: молодой человѣкъ какъ-будто старался держать себя отъ нея въ почтительномъ отдаленіи. Присутствіе молодой хозяйки производило на него странное дѣйствіе: звукъ ея голоса, мимолетный взглядъ возбуждали въ немъ ви-

дкое волненіе; взглядъ княжны онъ чувствовалъ на себѣ, не глядя даже на нее, онъ чувствовалъ его по какому-то электрическому потрясенію, отъ котораго кровь его жгучею лавою приливала къ сердцу. — Что это было такое? — Ратмирскій не могъ, а можетъ-быть, и не смѣлъ объяснить себѣ—но онъ зналъ, что это было чувство страдальческое, тяжкое, превышающее всѣ силы его воли—и старался избѣгать, гдѣ только могъ, присутствія молодой дѣвушки.

Въ одинъ вечеръ, у князя Борнова, по обыкновенію, собралось нѣсколько хорошихъ знакомыхъ, въ числѣ ихъ былъ и Сергій Петровичъ съ племянникомъ. Княжна, милая и внимательная, какъ всегда, была душою небольшого кружка гостей; живой разговоръ и веселый смѣхъ доказывали, что всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа; одинъ только молодой Ратмирскій не принималъ участія въ разговорѣ. Сидя поодаль отъ прочихъ, онъ усердно перелистывалъ богатый альбомъ съ англійскими гравюрами, и только изрѣдка ронялъ слова два, въ отвѣтъ на обращенныя къ нему вопросы. Въ сосѣдней комнатѣ старый князь и Сергій Петровичъ усѣвшись на маленькомъ диванѣ, противъ зеркала, въ которомъ отражалась вся группа, находившаяся въ гостиной, и разговаривая, часто обращали глаза къ зеркалу, какъ-будто ища въ немъ предметъ своего разговора.

— Нѣтъ, какъ хотите, любезный Сергій Петровичъ, а я никакъ не вижу того, въ чемъ вы меня увѣряете. Вотъ, посмотрите сами,—говорилъ князь, показывая глазами на зеркало,—похоже-ли это на то, что вы говорили?

— Больше, чѣмъ похоже, князь; отвѣчалъ Сергій Петровичъ: нужно только взять въ соображеніе его характеръ: онъ вовсе не самонадѣянъ и еще молодъ.

— Молодость—то его и опровергаетъ ваши слова; въ подобныхъ случаяхъ молодость бываетъ неблагоразумна и тотчасъ выдаетъ наружу свое чувство.

— Да, возразилъ старикъ Ратмирскій,—но я уже говорилъ вамъ, что Сергій скромненькій и застѣнчивъ. У него, вѣроятно, достанетъ на столько ума и благородства, чтобы не выдать на показъ чувства, которое, я увѣренъ, по его мнѣнію, не можетъ привести къ желанному результату. Если то, объ чемъ мы говоримъ, свершится, то оно превзойдетъ всѣ его надежды и ожиданія.

— Увидимъ! Мы еще успѣемъ поговорить объ этомъ, отвѣчалъ, улыбаясь, князь: къ тому же, они оба слишкомъ молоды и времени у нихъ довольно вперед.

— Правда, что они еще молоды, возразилъ Сергій Петровичъ:

но мы то съ вами ужъ никакъ не можетъ этимъ похвалиться, и потому, я бы очень хотѣлъ при жизни увѣриться, что всеѣмъ, что я имѣю, будетъ владѣть ваша дочь, а не кто-нибудь другой.

Князь съ улыбкою пожалъ руку Сергѣя Петровича и дружески повторилъ: увидимъ!

Съ самаго прїѣзда изъ Петербурга, Ратмирскій очень рѣдко навѣщалъ Машу, и то на самое короткое время. Присутствіе старика дяди почти отняло у него всякую возможность располагать временемъ, и только съ наступленіемъ зимы, онъ почувствовалъ себя нѣсколько свободнѣе. Сергѣй Петровичъ, какъ мы сказали, рѣдко выѣзжалъ на званые вечера (исключая домъ Борновыхъ) и Сережа долженъ былъ за него ѣздить на все балы, гдѣ его всегда ожидали съ нетерпѣніемъ матушки взрослыхъ дочекъ, и самыя дочери-невѣсты. Оно и просто: Сережа былъ молодъ, хорошъ собою и богатый наслѣдникъ. Но среди общаго вниманія, въ самомъ разгарѣ веселаго бала, молодой человѣкъ иногда незамѣтно исчезалъ, и чрезъ минуту лошади стрѣлою уже мчали его за городъ, къ небольшому домику, который одинъ между опустѣлыми дачными домами свѣтился огоньками. Тамъ постоянно ждали Сережу, ждали съ тоскою и нетерпѣніемъ; но вотъ желанный, рѣдкій гость прїѣзжалъ—и жалобы, упреки, слезы встрѣчали его на порогъ, и такъ проходили немногіе часы, украденные у общества, часы самовольнаго страданія. Маша постоянно плакала и жаловалась.

Оскорбленная любовь ея вызывала наружу всю необузданную натуру полудикой женщины, несмягченную не только образованіемъ, но даже обыденною свѣтскостію.

— Ты обѣщалъ мнѣ, говорила она, счастье и радость, — гдѣ же это счастье? Гдѣ эта радость? Коли ты такой большой баринъ, то зачѣмъ бралъ меня изъ табора? Тамъ у меня были подруги, тамъ я жила съ людьми, а теперь я одна, брошена, въ четырехъ стѣнахъ, какъ бѣлка въ клеткѣ, тогда какъ ты кружишься по баламъ, и развѣ отъ скуки завернешь взглянуть на своего звѣря, какъ онъ тугъ бьется и мечется. Развѣ твой лакей, котораго ты присылаешь, можетъ-быть на смѣхъ, каждый день, мнѣ компанія? Развѣ онъ можетъ утѣшить меня? Онъ только лакей — а я барыня! Слышишь ли, говорила она, дико смѣясь, — я барыня, а живу въ лачугѣ, съ волками! Слышишь ли, большой баринъ, я тоже хочу туда, къ этимъ барынямъ, съ которыми ты пляшешь, съ которыми забылъ меня; я не хуже ихъ спою и пропляшу!

И ревность доводила Машу до неистовства. Но едва цыганка замѣчала на лицѣ Ратмирскаго отчаяніе и горе, вызванныя ею, всеѣ

страсти ея гасли въ минуту; полная любви и раскаянія, она кидалась къ Сережѣ на грудь, и рыдая говорила: Прости, я безумная! Я изныла, изстрадалась, сердце просится наружу: я люблю тебя! Не кидай меня, не клани! Не хочу туда, къ этимъ людямъ, важнымъ и богатымъ, къ этимъ красавицамъ въ пышныхъ нарядахъ, я останусь здѣсь, только ты живи со мною, только ты не уѣзжай отъ меня.

И много стоило труда бѣдному молодому человѣку успокоить Машу. Вѣру въ неизмѣнную любовь, въ которой онъ ей клялся, она, по какому-то инстинкту отвергала, не разсудкомъ, но сердцемъ; и отрадныя обѣщанія видаться въ нею чаще, даже скоро перевезти ее въ городъ, не преждѣ успокоивали бѣдную женщину, какъ уже природа брала свою дань и слезы на время облегчали боль уязвленной души. Но надолго-ли? Наставало желаемое завтра, послѣ-завтра, а Ратмирскій опять не являлся, и вотъ новая сцена готова была къ его пріѣзду.

Трудно было объяснить отношенія Ратмирскаго къ Машѣ, а особливо въ последнее время. Грустный ѣхалъ онъ на свиданіе съ нею, и казалось, что болѣе долгъ, а не чувство влечетъ его къ ней. Съ какою-то холодною покорностію выслушивалъ онъ упреки, которыми осыпала его Маша, и порывы ея отчаянія—больше пугали, чѣмъ трогали его; даже слова любви утратили у него ту обаятельную теплоту, которая каждому звуку придаетъ животворную силу; они какъ будто были подсказаны однимъ сожалѣніемъ. Разстроенный, убитый, оставлялъ онъ успокоенную Машу, и ѣхалъ домой, гдѣ часто ожидало его свиданіе, еще болѣе тягостное. Съ нѣкоторыхъ поръ на половинѣ Сережи начали показываться незнакомыя лица, не только по обращенію, но даже по одеждѣ, не принадлежащія къ обществу, въ которомъ жила молодой Ратмирскій. А между-тѣмъ онъ принималъ ихъ чрезвычайно вѣжливо и нецеремонное ихъ обращеніе выносилъ очень терпѣливо. Эти были заимодавцы, они требовали уплаты, и часто грозили обратиться къ старику дядѣ. Что было дѣлать? Просьбы и новые документы, со всѣми невыгодами для Сережи, успокоивали на время алчныхъ требователей; но успокоивали ли они Сережу? Пользуясь всѣмъ готовымъ въ домѣ Сергѣя Петровича, Сережа получилъ отъ дяди ежемѣсячно сумму, болѣе чѣмъ достаточную для его непредвидимыхъ расходовъ; но мѣнѣе, чѣмъ необходимую для содержанія отдѣльнаго дома. Сережа отказывалъ себѣ во всемъ, но эти лишенія не могли покрыть его нуждъ, и займы сдѣлались неизбежны. На что рассчитывалъ Сережа, когда, отуманенный любовью къ Машѣ, онъ взялъ на себя право обезпечить ея положеніе въ свѣтѣ? Ему тогда было двадцать два года, и кромѣ любви,

едва-ли какой-нибудь расчесть могъ войти ему въ голову,—а когда онъ опомнился, то уже не расчесть—а счеты были въ ходу.

Такъ прошла зима. Свѣтлый и теплый май потянулъ опять колонию дачныхъ переселенцевъ за городъ. Сергѣй Петровичъ съ племянникомъ тоже переѣхалъ на дачу, гдѣ для послѣдняго должна была рѣшиться вся его будущность, и для этого было избрано пятое іюля, день именинъ обоихъ Ратмирскихъ.

Съ невыразимою тоскою проснулся Сережа въ этотъ день. Въ домѣ все готовилось къ необыкновенному торжеству. Еще за недѣлю пригласительные билеты были разосланы, и въ сотни семействъ только и говорили, что о предстоящемъ балѣ и праздникѣ Ратмирскихъ. Но именно эта бѣготня, эти сборы къ веселому пиру и нагоняли на Сережу какую-то неотразимую тоску.

Въ десять часовъ, Сережа отправился въ кабинетъ дяди, чтобы поздравить старика, и принужденъ былъ на нѣсколько минутъ остановиться у дверей кабинета, какъ-бы чувствуя, что за этою дверью его ожидаетъ рѣшеніе судьбы.

Веселѣй, радушнѣй, чѣмъ когда-нибудь, встрѣтилъ его Сергѣй Петровичъ, и когда Сережа наклонился, чтобы поцѣловать его руку, старикъ въ первый разъ не далъ ему руки, но дружески обнялъ его и весело сказалъ:

— Поздравляю, братъ, съ ангеломъ; желаю, чтобы этотъ годъ принесъ тебѣ полное счастье.

Сережа не зналъ, чему приписать такое обращеніе постоянно холоднаго и важнаго Сергѣя Петровича; ласка дяди была для него такъ нова, такъ неожиданна, что онъ принялъ ее болѣе съ смущеніемъ, чѣмъ съ радостью.

Не обращая на это вниманія, старикъ Ратмирскій продолжалъ: Тебѣ сегодня исполнилось двадцать четыре года; стало быть, ты уже въ состояніи повясть и оцѣнить то, что я тебѣ намѣренъ сказать; это будетъ твоимъ имениннымъ подаркомъ. Онъ сѣлъ и показалъ Сережѣ рукою на стулъ, стоявшій напротивъ него.

Молодой человѣкъ исполнилъ приказаніе дяди, съ непонятнымъ замѣрашемъ сердца, и готовился принять неизвѣстный даръ.

— Тебѣ двадцать четыре года, снова потворилъ старикъ: это такія лѣта, въ которыя каждый порядочный человѣкъ долженъ думать о томъ, какъ устроить свое будущее. Тебя судьба избавила отъ этой заботы: безъ домогательства, даже безъ особыхъ заслугъ съ твоей стороны, она готовитъ тебѣ самое завидное счастье, за которое ты, разумѣется, долженъ благодарить меня.

Старикъ замолчалъ, и открывъ золотую табакерку, осыпанную брилліантами, спокойно и съ разстановкою понюхалъ табакъ.

Не видя, къ чему клонится это предисловіе, Сережа не зналъ, въ какой степени онъ долженъ благодарить дядю, и ограничился только тѣмъ, что покорно и тихо сказалъ:

— Все, что вы для меня уже сдѣлали, дядюшка, заставляетъ меня быть вамъ вѣчно благодарнымъ.

— Ты мой единственный наслѣдникъ, продолжалъ Сергій Петровичъ, не отвѣчая на слова племянника, и я хочу, чтобы ты былъ вполне моимъ наслѣдникомъ, какъ по состоянію, такъ и по уваженію, которымъ я до сихъ-поръ пользовался въ обществѣ. Состояніе я тебѣ дамъ, по значенію братъ данъ собственныхъ достоинствъ, которыхъ у тебя пока еще очень немного, а потому только покровительство кого-нибудь изъ людей сильныхъ и уважаемыхъ въ свѣтѣ можетъ дать тебѣ прочную пору въ обществѣ. Князь Борновъ одинъ можетъ поставить тебя на ту точку, на которой я желаю тебя видѣть. Ты понимаешь меня?

— Нѣтъ, дядюшка! съ усліемъ проговорилъ Сережа, у котораго какое-то темное предчувствіе захватывало духъ.

— До глупости недогадливъ! холодно возразилъ Сергій Петровичъ. Ну, такъ я тебѣ скажу прямо. Князь, по дружбѣ своей ко мнѣ, соглашается принять тебя въ свое семейство, и теперь только отъ тебя зависитъ воспользоваться этою честію. Постарайся заслужить расположеніе княжны, а безъ этого, разумѣется, ничто не состоится.

Слова Сергія Петровича подняли всю кровь къ головѣ молодаго человѣка. Какъ бы пораженный электрическимъ ударомъ, Сережа вдругъ вскочилъ съ своего мѣста, и почти безсознательно проговорилъ:

— Я еще слишкомъ молодъ, дядюшка, чтобы думать о женитьбѣ.

— Не такъ молодъ, однакожъ, чтобы не понять, что два раза въ жизни человѣку такое счастье не дается! Надѣюсь, что ты въ состояніи будешь тоже понять, что это моя непремѣнная воля.

Приходъ слуги, который доложилъ, что въ залѣ нѣсколько гостей желаютъ поздравить именинника, прервалъ дальнѣйшій разговоръ. Сергій Петровичъ оставилъ Сережу, сѣша навстрѣчу гостямъ, и оставилъ совершенно во-время. Блѣдный, какъ саванъ, стоялъ Сережа нѣсколько минутъ, не имѣя силъ двинуться съ мѣста; кровь, быстро сбѣжавъ съ лица, тяжелою свинцовою массою упала на сердце, и казалось, на время залила въ немъ всякое живое чувство. Вбѣжавшій слуга, вывелъ его изъ оцѣпенѣнія.

— Сергѣй Петровичъ просать васъ въ гостиную: его сіятельство изволили прѣхать.

Сережа вздрогнулъ, на лбу его выступилъ холодный потъ, и онъ только могъ отвѣтить слугѣ, который съ изумленіемъ смотрѣлъ на него: «Хорошо; скажи—сейчасъ буду».

Еще минутъ пять оставался Сережа въ кабинетѣ дяди, стараясь придти въ себя и хотя нѣсколько успокоиться; наконецъ, привычка владѣть собою помогла ему сформировать изъ себя праздничную фигуру, хотя невольный трепетъ рукъ говорилъ, что это усиліе ему не дешево стоить, и онъ вышелъ въ гостиную.

Въ девять часовъ, великолѣпная дача Сергѣя Петровича блистала уже тысячами огней, и угасающій день по неволѣ долженъ былъ уступить первенство этой огненной лавѣ свѣта, которая широко раскинула свое сіяніе на окружающіе предметы. Приемныя комнаты кипѣли уже движеніемъ и жизнью, хотя у подъезда все еще одинъ экипажъ смѣнялъ другой. Толпы любопытныхъ, спѣшили со всѣхъ сторонъ, чтобы хотя издали взглянуть на чужое веселье и запастись рассказами на нѣсколько дней. Почти у cadaго открытаго окна танцевальной залы, можно было насчитать до двухъ десятковъ головъ, которыя силились заглянуть въ комнату, хотя это было и несовсѣмъ удобно, потому-что множество цвѣтовъ и рѣдкихъ растений заслоняли собою окна. По мѣрѣ того, какъ балъ оживлялся, и общее вниманіе было устремлено на танцующихъ, которые сновали по всѣмъ направленіямъ огромной залы, горшки съ цвѣтами, какъ-то теряли свой первобытный порядокъ и, сдвигаемые невидимою рукою, образовывали отверстія, достаточныя для любопытнаго взгляда.

Подъ однимъ изъ оконъ залы, нѣсколько женщинъ тоже старались сквозь густую зелень цвѣтовъ уловить хотя тѣнь того, что происходило внутри дома.

— Нѣтъ, кумушка, ничего не видно, говорила одна изъ нихъ, съ досадою отвертываясь отъ окна: просто хотъ домой идти, такъ въ ту же пору.

— Вѣстимо, отвѣчала другая, тутъ самъ домовою ничего не увидитъ, коли одна захватитъ все окно, и рыломъ влезетъ почитай, что въ горницу, а другія, словно оплеванныя, стой, да зѣвай на цвѣты.

— Да что же, кума, перебила первая, вѣдь можно другихъ—то и поотодвинуть, коли у самихъ чести не хватаетъ; вѣдь не на откуну же у нея окно; то же, какъ и мы, грѣшныя, на шарамыгу потѣшается.

— Да, попробуй—ка, сунься, коли ты бойка! отвѣчала другая, я было хотѣла ее посторонить, такъ она, словно кошка, такъ и впиалась въ оконницу, а глазищи-то, глазищи-то, точно уголья, такъ и горятъ,

авто не изъ нашихъ; еще чего добраго, шумъ затѣбитъ, тогда и всѣхъ турнуть. Подожди, вотъ я попытаюсь горшокъ—то одинъ стащить съ окна, такъ можетъ видѣе будетъ.

Такъ разговаривали двѣ женщины, съ досадою поглядывая на третью, которая, не обращая вниманія на неудовольствіе сосѣдокъ, какъ прикованная, продолжала смотрѣть въ окно.

— Глядь—кась, глядь, кума, сказала вновь одна изъ женщинъ, никакъ она помѣшанная! Смотри—ка, какъ трясется, вишь, лицо—то такъ и дергаеть, словно она тамъ нечистаго увидала.

И дѣйствительно, съ женщиной, про которую говорили кумушки, происходило что—то необыкновенное. Еще въ началѣ бала она помѣстилась у этого окна, изъ котораго можно было видѣть всю залу, и все, что въ ней происходило. Закутанная въ большой красный платокъ, который почти закрывалъ ея лицо, она съ жадностію слѣдила за подвижною картиною, которая была у ней передъ глазами, и то, что она видѣла, казалось, производило на нее необыкновенное впечатлѣніе. Уже давно платокъ, которымъ она была закутана, стащили съ ея головы неугомонныя и любопытныя сосѣдки, желая заглянуть, черезъ ея голову, во внутренность комнаты, а она этого и не чувствовала, и устремивъ глаза между раздвинутыхъ цвѣтовъ, съ какимъ—то напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за чѣмъ—то, что, казалось, поглощало все ея существованіе. Это была еще очень молодая женщина. Полное энергіи лицо ея въ это время выражало столько внутренней жизни, что стоило только взглянуть на нее, чтобы убѣдиться, что это не простая зрительница великолѣпнаго праздника, и что не одно празное любопытство приковало ее къ этому окну. Черные, блестящіе глаза ея, какъ—будто впились въ предметъ, который занималъ ее; были мгновенія, когда горящее лицо ея вдругъ покрывалось смертною блѣдностію, и изъ посинѣвшихъ, полуоткрытыхъ губъ, готовъ былъ вырваться болѣзненный крикъ. Иногда она закрывала глаза рукою, какъ будто ослѣпленная блескомъ балнаго освѣщенія, или отуманенная вихремъ танцующихъ и звуками музыки. Въ подобномъ—то состояніи находилась она, когда двѣ женщины, выведенныя изъ терпѣнія ея настойчивымъ пребываніемъ на лучшемъ и удобномъ мѣстѣ, велухъ изъявляли свое неудовольствіе и видимое волненіе странной женщины приписывали сумасшествію. Когда за окномъ происходила описанная сцена, въ танцевальной залѣ музыка замолкла, танецъ кончился, и каждый кавалеръ спѣшилъ отвести свою даму на мѣсто. Въ ту минуту, когда кумушка сдѣлала замѣчаніе, что молодая женщина задрожала, молодой человѣкъ, ведя подъ руку хорошенькую дѣвушку, съ которою танцевалъ, остановился съ нею у перваго откры-

таго окна, изъ котораго вѣяло ароматической прохладою вечера. «Ахъ, сказала молодая дѣвушка, вдыхая всею грудью свѣжій воздухъ, какъ здѣсь хорошо! Знаете-ли, monsieur Serge, прибавила она дѣтски наивно, устремивъ на молодого человѣка большіе, голубые глаза, мнѣ здѣсь у васъ такъ хорошо, такъ весело, что хотѣлось бы остановить время на нѣсколько часовъ, чтобы этотъ чудный вечеръ длился подольше.

— Это было бы истинное благодѣяніе для тѣхъ, кто имѣетъ счастье проводить его вмѣстѣ съ вами.

Какой-то тихій, глухой, но не менѣе того ужасный стонъ прервалъ слова молодого человѣка, и заставилъ его обернуть голову въ ту сторону, откуда послышался этотъ вовсе не праздничный звукъ.

Между цвѣтовъ онъ увидѣлъ два черные глаза, которые впились въ него, и казалось, хотѣли прожечь ему сердце своими огненными молніями. Молодой человѣкъ невольно поблѣднѣлъ и задрожалъ.

— Что это за стонъ? вы слышали? спросила молодая дѣвушка.

— Я думаю, тамъ за окномъ, кого-нибудь неосторожно придавили, отвѣчалъ молодой человѣкъ, стараясь сохранить возможное спокойствіе, и поспѣшно отвелъ даму отъ окна. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, молодой человѣкъ, разговаривавшій съ дамою у окна, съ силою пробивался сквозь толпу, стоявшую подъ тѣмъ же окномъ, и схватя молодую женщину съ черными глазами за руку, быстро увлекъ ее въ одну изъ алей сада, менѣе другихъ освѣщенную.

— Зачѣмъ ты здѣсь? сказалъ онъ наконецъ, останавливаясь и задыхаясь отъ волненія.

— Зачѣмъ? отвѣчала молодая женщина, захохотавъ: хорошо вопросъ! Мнѣ кажется, никто не отнял у меня права посмотреть на праздникъ, который ты даешь; полюбоваться, какъ ты пляшешь съ этою пышною барынею.

— Маша, Маша! съ тоскою сказалъ молодой человѣкъ ты губишь меня.

— А ты? отвѣчала рѣзко Маша, ты, небось, милуешь, ты радуешь меня?

— А! отвѣчалъ молодой человѣкъ, переходя вдругъ къ совершенному отчаянію такъ: ты этого хочешь, ужасная женщина! Для тебя разрушилъ я всю свою будущность, но тебѣ этаго мало ты хочешь совершенной моей гибели,.... Хорбшо, продолжалъ онъ, хватая ее за руку, хорошо! пусть будетъ по твоему, пойдемъ со мною, я самъ тебя представлю — и потомъ убью себя. —

Голосъ, которымъ произнесены были эти слова, былъ такъ грозенъ, звучалъ такую истину, что Маша совершенно растерялась и ужъ не упрекъ, не угрозу, а мольбу о пощадѣ, шептали блѣдныя ея губы. Онъ смягчился.

— Останься пока здѣсь; я пришлю сюда Ооку, и ты отправишься съ нимъ—домой, сейчасъ же, если не хочешь видѣть меня мертвымъ, или сумасшедшимъ.

— Уйду, уйду, говорила Маша, съ такою покорностію, какой трудно было отъ нея ожидать: уйду, только ты, Сережа, не сердись, не сердись на меня!

Чрезъ нѣсколько минутъ запыхавшійся Оока бѣгалъ по веѣмъ аллеямъ, обѣжалъ вокругъ дома и не нашелъ никого. Маша скрылась въ тотъ же мигъ, какъ ее оставилъ Ратмирскій. Не слыхала ли она, какъ Ратмирскій велѣлъ ей ждать Ооку, или опять непокорная и неугомная натура, на мигъ пресмирѣвшая предъ отчаяніемъ любимаго человѣка, ветушила въ свои права,—только, не дожидаясь никого, она почти бѣгомъ пробѣжала нѣсколько аллей сада, миновала дворъ, заставленный экипажами, и выѣжавъ за ворота, кинулась на перваго извозчика и только задыхаясь проговорила: пошелъ, пошелъ, только скорѣе!

— Куда же, прикажете?

— Куда-нибудь, только подальше отсюда и скорѣе!

Извозчикъ значительно улыбнулся, и подобравъ возжи, пустился стрѣлю.

И вотъ она дома.

— Миѣ ничего ненужно, сказала она встрѣтившей ее служанкѣ, ступай спать, Дуняша.

— Чтѣ это съ нею, говорила горничная, подавая свѣчу въ Машину комнату и запирая за собою дверь, на ней лица нѣтъ, испугалась чтѣ ли чего? Да и то сказать: ночная пора, долго ли до бѣды.

Маша упала на диванъ. Не горе, не отчаяніе, не гнѣвъ, а какое-то чувство, которому нѣтъ названія, уничтожило бѣдную женщину и проглядывало въ каждомъ мускулѣ ея блѣднаго, искаженнаго лица. Нѣсколько времени она безъ малѣйшаго стога, какъ то неистово кидалась по дивану и рвала съ себя платье, какъ будто это платье давило ее, мѣшало дышать. Чувство, терзавшее бѣдную цыганку, было полное сознаніе, что счастіе ея разрушилось невозвратно, — это было внутреннее убѣжденіе въ собственномъ ничтожествѣ. Маша не думала, не разсуждала въ эти минуты, а чувствовала, что она была не пара Сережѣ, что не ее судьба назначала ему въ подруги жизни, что она, бѣдная, ничтожная цыганка, необразованная, полудикая, была ниже его; что одной любви, которая проявлялась въ ней въ формахъ грубыхъ, не отвѣчающихъ понятіямъ и требованіямъ человѣка образованнаго, недостаточно для его счастія. Все это она болѣзненно

чувствовала; она видѣла, тамъ, на этомъ балѣ, куда злая судьба привела ее, пышныхъ, важныхъ барынь, передъ которыми онъ, любимецъ ея души, жизнь ея сердца, стоялъ такъ почтительно, съ такою свѣтлой улыбкой, и слушалъ такъ внимательно, боясь проронить малѣйшій звукъ ихъ голоса. А онъ! съ какимъ достоинствомъ принимали онъ знаки этаго уваженія! за стараніе угодить имъ, за постоянное вниманіе, онъ платили ему только легкимъ наклоненіемъ головы, или едва замѣтною улыбкою, и онъ былъ доволенъ, онъ былъ веселъ. А она? Она на колѣняхъ приняла его любовь, цѣлуя поданную ей руку, и этой руки не отнимали у нея, сознавая, что это такъ быть должно, что эта любовь былъ даръ человѣка, подающаго неожиданное, высокое счастье, какъ милостыню. Эта любовь не давала ей никакихъ правъ на то общество, къ которому онъ принадлежалъ; она нищая, которой подана краденая золотая монета, и она должна прятать ее, чтобы не погубить щедрата дателя. Но Маша всего этого не думала, — на горькую думу есть другая дума, болѣе отрадная, которая опровергнетъ первую, — она все это чувствовала, постигала тоскующей душою, и болѣзненно рвалась, ныло въ ней разбитое сердце, и не было ему истоку слезами, не было успокоенія въ упрекѣ. Но вотъ припадокъ бѣшеннаго отчаянія началъ стихать. Мысли закружились въ ея горячей головѣ и вылились въ нестройномъ ропотѣ.

— Я хочу погубить его! — а я жизнь свою готова за него отдать — я ужасная женщина! — а что я ему сдѣлала? Я виновата только въ томъ, что люблю его, что не могу не любить, и умереть — бы хотѣла, да любовь не допускаетъ.

Онъ несчастливъ! а я счастлива? я радуюсь? Когда онъ тамъ танцуетъ съ этими раздушенными барынями, я здѣсь одна только слезой и утѣшаюсь — и все люблю его. Онъ убьетъ себя, показавъ меня имъ — ему стыдно показать меня — зачѣмъ же онъ оторвалъ меня отъ нашихъ цыганъ? они не стыдились меня, я тамъ была первая, почетная — но онъ говорилъ, что любить меня, будетъ всегда любить, я это помню, я не забыла — да развѣ такъ любить? Развѣ въ этомъ состоитъ обшанное счастье?

Развѣ она, эта барышня въ газѣ и кружевахъ, съ которою онъ такъ радостно вертѣлся, лучше меня — развѣ она лучше меня?

Нарядъ лучше, а не она; — я лучше ея, гораздо лучше! и окрыленная какою-то надеждою, она быстро вскочила съ дивана, схватила свѣчку и подбѣжала къ большому-трюмо, которое стояло посрединѣ комнаты. Невольный крикъ ужаса вырвался изъ груди ея, когда она взяла на себя. Блѣдное, искаженное душевной тревогой лицо, на кото-

ромъ въ безпорядкѣ висѣли длинныя пряди черныхъ волосъ, покраснѣвшіе глаза, какъ-то дико выглядывавшіе изъ подъ распухшихъ вѣкъ, и растерзанное платье, открывавшее полуобнаженную грудь, ясно говорили ей, что, по-крайней-мѣрѣ въ эту минугу, она была гораздо хуже той, съ которою сравнивала себя. Бѣлокурая, дѣтская головка соперницы, со всею чистотою тихаго, безмятежнаго счастья, какъ-будто отразилась въ зеркалѣ, рядомъ съ ея лицомъ, чтобы сдѣлать сравненіе еще рѣзче для Маши. Нѣсколько минутъ Маша неподвижно, трепеща всѣмъ тѣломъ, смотрѣла на свой искаженный обликъ, не имѣя силы отвести глазъ отъ зеркала, и наконецъ засмѣялась, горько засмѣялась, кинула свѣчку на полъ и схвати себя за голову, съ отчаяніемъ вскрикнула: — Хуже! хуже! во сто разъ хуже! Я просто безобразна! А кто меня сдѣлалъ такою? онъ же, все онъ, онъ сгубилъ мое счастье — сгубилъ мою красоту! О-о-о! красота моя, алмазь мой! нѣтъ тебя, нѣтъ любви!...

Свѣчка погасла, и въ темной комнатѣ до самаго разсвѣта слышались глухія, отрывистыя рыданія и полувнятыя слова.

А между-тѣмъ балъ у Сергѣя Петровича Ратмирскаго кишѣлъ; музыка гремѣла, гости танцовали; танцовалъ и Сережа. Чтó было у него на душѣ, зналъ только Богъ, да онъ. Ликующіе гости веселились, приличіе требовало, чтобы и хозяева были веселы, и молодой Ратмирскій танцовалъ... Изрѣдка только тревожный взглядъ его обращался къ раскрытому окну, онъ блѣднѣлъ и невольное содроганіе говорило, что веселое лицо его въ эти мгновенія парадная парча на безжизненномъ трупѣ. Начало свѣтать — гости разъѣхались. Прощаясь съ Ратмирскимъ, князь Борновъ сказалъ ему тихо: «Пожалуйста, любезный Сергѣй Петровичъ, не забудьте объ моей просьбѣ; заемныя письма я перешлю къ вамъ, и вы скажете ему, что по дружбѣ ко мнѣ, ихъ купили, и что я объ нихъ ничего не знаю.»—Дружеское пожатіе руки было отвѣтомъ.

IX.

Первые лучи солнца едва-едва еще сквозили между вѣтвями, а старикъ Оока былъ уже у Маши. Встревоженной Сережа, сейчасъ же послалъ его къ ней, какъ только узналъ, что Маши не было въ саду. Грустно качая головою, смотрѣлъ добрый старикъ на исхудавшее въ одну ночь лицо Маши, а на слова ея, что «если все такъ будетъ, то она болѣе терпѣть не станетъ», печально сказалъ:

— Эхъ, матушка, Марья Ильинишна, за чѣмъ прибавлять къ горю бѣду, для чего вязать камень на шею тому, кто и такъ тонетъ.

— Потонула я, отвѣчала угрюмо Маша, потонула въ слезахъ, несчастная; а ему что! радуется себѣ да пляшетъ на просторѣ.

— По неволѣ, матушка, Марья Ильинишна, а счастье людское загадка. Вотъ вы, сказалъ Оока, съ участіемъ взглянувъ на Машу, выплачете, жалуетесь на него; а ужъ въ горѣ и то радость, а онъ страдаетъ-то не меньше васъ, да молчитъ, ни словечкомъ не потѣшитъ себя, не плачетъ, не жалуется; такъ тутъ—кто счастливѣе разбирать трудно.

— А на что ему жаловаться? Чѣмъ онъ не доволенъ? живо вековчивъ, запальчиво возразила цыганка.—Онъ дѣлаетъ, что хочетъ, живетъ, какъ хочетъ, вольная птица... Онъ знаетъ, что я его люблю, что у меня не хватитъ силъ мучить его такъ, какъ онъ меня мучаетъ.

— Мѹка мѹкѣ розь, сударыня моя, Марья Ильинишна, какъ вѣдь кто ее разумѣетъ. У инаго волдырь на пальцѣ—и онъ кричитъ благимъ матомъ, а у другаго, глядишь, и сердце все въ болячкахъ, а онъ молча бродитъ, пока не сляжетъ въ могилу.

— Коли онъ тоже терпитъ что-нибудь, то самъ же виноватъ, говорила Маша. Кто ему велитъ терпѣть, онъ не малый ребенокъ, чтобы бояться дяди; онъ богатъ, можетъ жить, какъ душѣ приглянется.

— Богатъ Богъ милостію, матушка, отвѣчалъ Оока, съ глубокимъ вздохомъ, а наше богатство съ бариномъ еще не сосчитано. А вотъ, коли дядюшка узнаетъ про все, что онъ надѣлалъ, то богатому-то человѣку, пожалуй, что негдѣ будетъ и голову приклонить, и ступай на всѣ четыре—гдѣ просторъ, тамъ и селись, коли еще не отведутъ другой какой-нибудь квартиры.

— А гдѣ это ему дадутъ квартиру? спросила Маша, не понимая словъ старика.

— Не такъ, чтобы далеко, матушка, отвѣчалъ старикъ сурово,—въ тюрьмѣ.

— Что ты, старикъ, съ ума сошелъ?

— Хорошо-бы, Марья Ильинишна, кабы я съ ума сошелъ, не большая бѣда, а то боюсь, не сошелъ-бы Сергѣй Сергѣичъ!

— Но отчего? сказала тревожно Маша.

— Въ вѣкъ-бы не сказалъ я вамъ того, что теперь хочу сказать, съ рѣшимостью произнесъ Оока, да что-жъ дѣлать, нужда заставляетъ. Пусть прогнѣвается баринъ, лучше вынесу гнѣвъ его, а душа не терпитъ,—скажу! кто-жъ его, горемыку, опричь меня пожалѣетъ! проговорилъ онъ, какъ-бы самъ съ собою.

Маша смотрѣла на старика съ удивленіемъ. Покидая сѣдая го-

лова, и горе, которое выразилось на его лицѣ, возбудили въ ней участіе, хотя она почти не понимала загадочной его рѣчи.

— Вы, матушка, Марья Ильинишна, не знаете, что вчера было уморили Сергѣя Сергѣича. А за что? что онъ вамъ худаго сдѣлалъ? опричь того, что исполнялъ, какъ слѣдуетъ, законъ, не жалѣлъ для васъ ни себя, ничего прочаго. А вы, матушка, что было вѣчоръ сдѣлали? Ну, кабы кто увидалъ васъ? Ну, кабы дошло до старика-то, знаете-ли, — продолжалъ Оока со страхомъ озираясь кругомъ, — знаете-ли, матушка, онъ-бы его съѣлъ, проглотилъ, онъ-бы его нищимъ пустилъ по міру; вѣдь онъ не отецъ, онъ не пожалѣлъ-бы его... Вотъ вы что могли сдѣлать.

— Но развѣ у Серѣжи ничего нѣтъ? съ волненіемъ спросила Маша.

— Есть — безпримѣрная душа, Марья Ильинишна, да за душой-то пусто, все дядино; угодить дядѣ — все его, нѣтъ — такъ и пиши въ трубѣ, а тогда что? Только долги одни... Ахъ, долги, долги! они сведутъ его съ ума.

— Какіе долги, кто долженъ? съ бѣльшимъ и бѣльшимъ волненіемъ спрашивала Маша.

— Кто? Сергѣй Сергѣичъ долженъ, и не нынче, такъ завтра это дойдетъ до дяди. — Зачѣмъ бралъ? Куда дѣвалъ? спросить старикъ, а что ему отвѣчать? — Нельзя-же ему сказать, у меня де моль есть домъ-особнякъ я моль себѣ отказываю во всемъ, да все не хватаетъ тѣхъ денегъ, что вы мнѣ даете, мало на содержаніе семьи. Вѣдь этого, Марья Ильинишна, ему не скажешь, да хоть и не говори, онъ и самъ доберется до правды, а тода завяжи глаза, да и въ воду! Такъ ужъ тутъ его винить нечего, битаго не бьютъ, ему и такъ жутко, право, Марья Ильинишна, жутко! А вы сударыня этого не знаете: вамъ ни въ чемъ отказа не было.

Живая, пламенная натура Маши, натура полная добрыхъ началъ, покорная всегда чувству, а не разуму, и тутъ осталась вѣрна себѣ. Всплеснувъ руками, со всеми признаками глубокаго душевнаго волненія, она нѣсколько времени стояла, какъ окаменѣлая, и наконецъ съ упрекомъ сказала:

— Ахъ, вы злые, злые люди! такъ вотъ что вы дѣлаете! Если твой баринъ несчастливъ, такъ это его Богъ за меня караетъ, зато, что онъ обижалъ меня; что онъ лгалъ, обманывалъ меня. Кто, сказалъ твоему барину, что я люблю его богатство? А! кто это ему сказалъ? продолжала Маша, постепенно воспаляясь: кто сказалъ, ему, что мнѣ нужно что-нибудь, кромѣ его самага, что я его бѣднаго буду меньше любить, чѣмъ любила богатаго? Скажи ему, что это ложь, не-

правда! Это онъ думаетъ, глядя на своихъ разряженныхъ барынь, въ шелкахъ и яхонтахъ, съ которыми ему веселѣй, чѣмъ со мною; онъ думаетъ, что и мнѣ нужны дорогіе уборы. Это неправда, слышишь-ли, старикъ, неправда! Скажи ему, что я люблю его одного, что мнѣ ничего не нужно. Если онъ, давая мнѣ деньги, отнял у меня свою душу, не хотѣлъ подѣлиться со мною горемъ — такъ мнѣ ничего не надо! — Вотъ, говорила она, поспѣшно отпирая коммоды и шкафы, и выбрасывая оттуда все, что было сколько-нибудь цѣнно: вотъ, возьми, продай, — возьми все, что у меня есть, платья, мебель, даже это, прибавила она, срывая съ руки гладкое золотое колечко, и подавая его Оокѣ; возьми, продай, и отдай деньги, кому онъ долженъ. Но пусть онъ не гибнетъ чрезъ меня — не винить меня въ своемъ несчастіи!

И припавъ пылающей головою къ спинкѣ стула, на которое она съела, бѣдная Маша заплакала. Порывъ негодованія, за то, что ее не поняли, не оцѣнили ея любви, въ этой простой, необразованной женщинѣ былъ такъ величественъ, такъ благороденъ, выражалъ такую безиредѣльную глубину чувства, что старикъ Оока, слѣдовавшій за движеніями ея и словами, съ какимъ-то благоговѣйнымъ изумленіемъ шепталъ:

— Матушка, матушка! вотъ она какая, вотъ это прямой другъ — и когда Маша заплакала, то Оокѣ тоже понадобился платокъ, который дрожація руки старика не скоро могли достать изъ кармана.

— Есть Богъ, матушка, Марья Ильинишна, и Онъ наградитъ васъ за все, говорилъ растроганный старикъ. Простите насъ, матушка, что мы васъ, по невѣдѣнію, огорчили. Теперь я за васъ душу отдамъ. И когда нужно будетъ, то прямо уже приду къ вамъ, и скажу: матушка, Марья Ильинишна, теперь спасайте барина — и продадимъ матушка все, кромѣ вотъ этого — сказалъ Оока, кладя предъ нею золотое вѣнчалное колечко: съ этимъ грѣхъ разставаться.

— Но смотри, барину ни слова! сказа Маша, когда Оока отправился домой: я не хочу силою выманивать его ласку; слышишь?

— Слушаю, отвѣчалъ Оока, не скажу! и уходя, тихо прибавилъ: Скажи-ка я ему, что здѣсь у насъ было, такъ онъ, какъ ни смиренъ, а расходится, зачѣмъ, молъ, растревожилъ, зачѣмъ сказалъ, — а вотъ какъ сказалъ, такъ дѣло-то и вышло на чистоту, — она-то выходитъ просто ангель сущій, хоть и задорна маленько, ну, да теперь авось и задориться перестанетъ, и на счетъ его-то я не такъ ужъ боюсь.

X.

На другой день послѣ бала Сережа Ратмирскій чувствовалъ себя очень нездоровымъ; совершенный упадокъ силъ, слѣдствіе душевнаго потрясенія, заставилъ его почти весь день не выходить изъ комнаты, тѣмъ болѣе, что Оока, возвратясь домой, донесъ, что все обстоитъ благополучно. Сережа былъ радъ этому извѣстію, потому что оно его избавляло отъ необходимости самому ѣхать къ Машѣ, и въ слѣдствіе этого вынести непременно тяжелую сцену упрековъ, жалобъ и слезъ. «Нынче и завтра я не поѣду къ ней; въ это время впечатлѣніе ослабнетъ, да и я нѣсколько успокоюсь», думалъ молодой Ратмирскій, въ какомъ-то болѣзненномъ истомленіи лежа на диванѣ. Часу въ девятомъ вечера, въ комнату вошелъ камердинеръ Сергѣя Петровича и пригласилъ его въ кабинетъ къ дядѣ.

— Скажи, что сейчасъ буду, отвѣчалъ Сережа, привыкнувъ безпрекословно исполнять волю старика.

— Вотъ, сказалъ Сергѣй Петровичъ, когда Сережа явился въ кабинетъ, письмо Нисарскихъ, и онъ подалъ племяннику распечатанное письмо, чего прежде не дѣлалъ; но со дня именинъ Сережи, когда старикъ объявилъ ему свои планы, обращеніе его съ Сережею нѣсколько измѣнилось, онъ какъ будто хотѣлъ придать ему какое то значеніе, обращаясь съ нимъ уже не какъ съ мальчикомъ.— Нисарскіе послѣ завтра утромъ отираютъ сына въ Петербургъ на службу и дѣлаютъ прощальный вечеръ; насъ зовутъ обоихъ — но я не поѣду, такъ не возьмешь ли ты этотъ трудъ на себя, кстати, извинишь меня какъ нибудь.

Сережа съ обычною кротостію отвѣчалъ, что поѣдетъ.

— Да, кстати, не увидишь ли ты тамъ молодаго Борнова, попроси его заѣхать ко мнѣ, только поскорѣе; скажи, что дѣло есть.

— Едва ли, дядюшка, я его тамъ увижу, онъ, кажется, не бываетъ у Нисарскихъ.

— Давно-ли?

— Не знаю; но молодой Нисарскій мнѣ говорилъ, что онъ съ нимъ какъ-то не поладилъ.

— Глупо! замѣтилъ Сергѣй Петровичъ: ну, все равно, я къ нему напишу.

Слѣдующій день начался такъ обыкновенно: и разсвѣло въ урочный часъ, и солнышко вошло такъ же свѣтло, какъ и всегда, а между-тѣмъ день этотъ несъ съ собою много необыкновенныхъ происшествій; по-крайней-мѣрѣ, для дома Ратмирскихъ.

Началось съ того, что Сережа получилъ поутру записку, гдѣ моло-

дой Нисарскій просилъ его прїѣхать какъ можно ранѣе, говоря, что онъ хочетъ, раставаясь съ друзьями, можетъ быть надолго, нѣсколько часовъ исключительно провести съ ними, пока другіе гости не вызовутъ ихъ въ гостиную. Въ шесть часовъ Сережа отправился. Черезъ часъ, изломанный экипажъ и въ поводу приведенныя лошади переполошили весь домъ. Оказалось, что на дорогѣ лошади встрѣтили мужика съ медвѣдемъ, испугалсь, понесли, и Сережа могъ бы заплатить жизнью, еслибъ счастливый толчекъ не выкинулъ его на землю, и такъ благополучно, что молодой челоуѣкъ отдѣлался только испугомъ. Онъ пѣшкомъ отправился на прощаніе съ товарищемъ, а кучеру приказалъ часовъ въ двѣнадцать прїѣхать за собою.

Еще, камердинеръ Сергѣя Петровича докладывалъ ему о случившемся, какъ въ комнату вошелъ молодой князь Борновъ.

— Видите, Сергѣй Петровичъ, говорилъ князь, раскланиваясь съ Ратмирскимъ, съ какою готовностію я исполняю малѣйшее ваше желаніе. Едва получилъ вашу записку, съ приказаніемъ какъ-нибудь на дняхъ побывать у васъ, какъ въ ту же минуту успѣшилъ воспользоваться этою честію.

— Это очень любезно съ вашей стороны, и я благодарю васъ за это, отвѣчалъ Ратмирскій, улыбаясь.

— Въсамомъ-дѣлѣ, говорилъ князь, придвигая себѣ стулъ, кромѣ желанія исполнить вашу волю, меня мучило еще страшное любопытство: какое важное дѣло вы желаете мнѣ сообщить.

— Если бы я не употребилъ слово *важное*, и этимъ не расшевелилъ вашего любопытства, то такой вѣтренникъ, какъ вы, любезный князь, долго бы заставилъ меня ожидать свиданія, отвѣчалъ Сергѣй Петровичъ.

— Ручаюсь вамъ, что это не такъ — и называя меня вѣтренникомъ, вы доказываете, что вовсе меня не знаете. Да болѣе положительнаго челоуѣка, въ мои годы, трудно найти! безпечно и самоувѣренно говорилъ молодой князь.

— Это зависитъ отъ взгляда, почти проницески замѣтилъ Ратмирскій.

— Но въ чемъ-же важное дѣло, по которому я явился сюда? спросилъ молодой челоуѣкъ, послѣ короткаго молчанія, нѣсколько уколотый слова ми Ратмирскаго. Неужели оно и въ-самомъ-дѣлѣ такъ важно?

— Опять я вамъ отвѣчу, что это зависитъ отъ взгляда; на этотъ разъ уже серьезно отвѣчалъ Ратмирскій.

— А могу я взглянуть на него, шутя проговорилъ Борновъ.

Не отвѣчая на вопросъ своего гостя, Сергѣй Петровичъ всталъ,

отперъ бюро, и доставъ изъ него тщательно свернутые, небольшіе листки бумаги, такъ-же молча положилъ ихъ предъ молодымъ Борновымъ и сѣлъ на прежнее мѣсто. Лишь только князь развернулъ ихъ, онъ невольно вскрикнулъ, взглянулъ съ изумленіемъ на старика, и спокойное до того лицо его покрылось яркимъ румянцемъ.

— Видите-ли, дорогой мой князь, проговорилъ Сергѣй Петровичъ, что все зависитъ отъ взгляда.

— Но какъ они попали къ вамъ? Ради Бога, Сергѣй Петровичъ, объясните мнѣ, говорилъ сконфуженный и растерявшійся Борновъ.

— А вѣдь, не правда-ли, молодой человекъ все-таки лучше, что эти бумаги попали ко мнѣ, а не къ вашему отцу?

— Извините, Сергѣй Петровичъ, отвѣчалъ нѣсколько оправившійся Борновъ, лучше было бы, еслибъ они никому не попадались.

— А еще лучше, князь, еслибъ они совсѣмъ не существовали, возразилъ Ратмирскій холодно.

Борновъ молчалъ и тихо мялъ перчатку. Сергѣй же Петровичъ взялъ со стола бумаги, которыя такъ встревожили князя и равнодушно изорвалъ ихъ въ клочки.

— Что вы дѣлаете? спросилъ изумленный князь.

— Рву ненужные документы, отвѣчалъ Ратмирскій.

— Но помилуйте, я долженъ по нимъ платить.

— Я купилъ ихъ, и могу поступать съ моею собственностію, какъ мнѣ заблагоразсудится, отвѣчалъ Ратмирскій.

— Сергѣй Петровичъ! почти запальчиво сказалъ князь.

— Я эти заемныя письма купилъ не для того, князь, чтобы получить по нимъ уплату, я для того, чтобы сберечь лишнее горе моему старому другу, вашему отцу, у котораго подобныя бумажки, можетъ-быть, отняли бы душевное спокойствіе.

— Повѣрьте, Сергѣй Петровичъ, сказалъ легкомысленный Борновъ, что батюшка смотрѣлъ бы на эти документы гораздо снисходительнѣе васъ, и не придавалъ бы имъ такой важности.

— Можетъ-быть, князь, отозвался Ратмирскій, потому-что вашъ отецъ любить васъ до непростительной слабости. А вы зато готовите ему горькую старость... Не возражайте, князь, продолжалъ Сергѣй Петровичъ, видя, что Борновъ хотѣлъ говорить: если теперь, въ ваши годы, вы дѣлаете такіе долги, то что будетъ послѣ—конечное разореніе.

— Когда я буду имѣть больше средствъ, то и долговъ не буду дѣлать.

— А чего вамъ теперь не достаетъ? почти съ досадою спросилъ Ратмирскій. Вы получаете отъ вашего отца столько, что могли бы жить

отдѣльно—и жить очень хорошо, но для этого надо быть благоразумнымъ.

— Позвольте вамъ сказать, Сергѣй Петровичъ, прервалъ Ратмирскаго Борновъ, который начиналъ уже терять терпѣніе, и по вѣтренности характера, почиталъ себя даже оскорбленнымъ: если вы, изорвавъ мои заемныя письма, полагаете себя въ правѣ оскорблять меня и вещь очень обыкновенную облекать въ какое-то преступленіе, то я нахожусь въ необходимости вамъ сказать, что отъ души благодарю васъ за заботу о спокойствіи моего отца, но прибавлю—что подарка отъ васъ въ сорокъ тысячъ я не приму, и безъ всякаго обязательства заплачу вамъ деньги.

— То-есть, возразилъ съ легкою насмѣшкою Ратмирскій, сдѣлавъ новый заемъ, отдавъ снова свое имя въ руки людей продажныхъ, которые каждому готовы сбыть ваши обязательства, не разбирая, съ какою цѣлью они приобрѣтаются? Признаюсь, князь, такое легкомысліе непростительно и переходитъ за предѣлы всякаго благоразумія.

— Помилуйте, отвѣчалъ Борновъ, да развѣ я одинъ занимаю? Покажите мнѣ хоть одного изъ молодыхъ людей, который бы не занималъ? Дороховы—занимаютъ, Нисарскій—долженъ, Сократъ — долженъ, Нестояновъ долженъ, Сережа Ратмирскій тоже долженъ, мы все должны, болѣе или менѣе.

Одно-ли легкомысліе вызвало послѣднія слова раздраженнаго Борнова, или тутъ примѣшивалось и желаніе уколоть старика, въ лицѣ племянника, но какъ-бы то ни было, а эти слова не произвели на Ратмирскаго ни малѣйшаго дѣйствія. Только едва замѣтное, почти неувидимое движеніе бровей показало, что онъ хорошо расслушалъ все имена.

— Да хорошо! очень спокойно, даже съ улыбкою, возразилъ Сергѣй Петровичъ, — но это не резонъ, чтобъ и вы занимали. Къ тому же, у всехъ, кого вы назвали, средствъ къ жизни гораздо меньше, чѣмъ у васъ.

— Э! Боже мой! нетерпѣливо отозвался Борновъ, если я занимаю, такъ значить средства мои недостаточны.

— Для зеленого поля, любезный князь, продолжалъ Ратмирскій, играя табатеркою: часто и миліоны недостаточны.

— Я не играю.

— Играете, князь.

— А я говорю, что не играю, отвѣчалъ князь со всеми признаками досады, готовый перейти за границы приличія.

— Однако, все говорятъ, а общій говоръ не можетъ составиться безъ всякаго повода. Про тѣхъ, кто не играетъ, не говорятъ же этого; вотъ про Сережу никто не скажетъ ничего дурнаго.

Для чего Сергѣй Петровичъ указалъ на племянника, а не на кого

другаго, не извѣстно; была-ли у старика мысль отдать справедливость Сережѣ въ глазахъ Борнова, или онъ хотѣлъ вывѣдать что-нибудь отъ избалованнаго человѣка, котораго явное предпочтеніе другаго должно было непременно задѣть за живое, — это его тайна. Но такъ и случилось.

— Ха! ха! ха, прекрасный примѣръ, сказалъ Борновъ, почти выходя изъ себя: не говорить дурнаго! И про примѣрнаго Сережу говорили, что онъ увезъ изъ табора цыганку, и даже утверждали, что женился на ней — и... Но взглянувъ на Сергѣя Петровича, вѣтренникъ опомнился, и чувствуя, что досада увлекла его за предѣлы чести, онъ съ волненіемъ, гораздо мягче и тише прибавилъ: такъ что же, вздоръ остался вздоромъ! Надъ пустыми рассказчиками смѣялись, Сережа остался по-прежнему чистъ, пустая молва разсѣялась сама собою, какъ со временемъ разсѣется и обо мнѣ, если только она существуетъ.

Такъ говорилъ князь, желая поправить свою непростительную обмолвку, всей важности которой онъ самъ не понималъ, но дѣло было сдѣлано — искра кинута.

Съ минуту длилось молчаніе, Борновъ чувствовалъ, что ему какъ-то неловко, а Сергѣй Петровичъ, съ насмѣшливымъ спокойствіемъ любовался смущеніемъ своего гостя; но только его холодный, даже мрачный взглядъ въ эту минуту, что-то странно противорѣчилъ его наружному спокойствію.

— Я-бы очень желалъ, Сергѣй Петровичъ, сказалъ князь, чтобы вы думали обо мнѣ лучше, чѣмъ теперь, и не вѣрили ложнымъ слухамъ.

— Поступайте лучше, и я буду лучше объ васъ думать, а слухамъ я вѣрю тогда только, когда они подтверждаются дѣйствіями.

Князь уѣхалъ. Прошло болѣе десяти минутъ, а Сергѣй Петровичъ все еще сидѣлъ, погруженный въ глубокую думу. Лицо его было сурово, брови сдвинуты, тонкія, нѣсколько поблѣднѣвшія, губы сжаты, вся его обыкновенно спокойная физіономія приняла нѣсколько грозное выраженіе. Разговоръ князя очень непріятно на него подѣйствовалъ; онъ даже пробудилъ въ немъ сомнѣніе.

«Неужели Сергѣй осмѣлился... и недодуманная мысль заставила старика невольно вздрогнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ, онъ меня знаетъ! — Во всякомъ случаѣ, въ словахъ этого сумасшедшаго вѣтренника должно же быть какое-нибудь основаніе. Эти тайные займы, его постоянная задумчивость, эта глупая ссылка на молодость, когда я, третьяго дни, объявилъ ему мои намѣренія въ отношеніи Борновой, — все это непременно имѣетъ причину... и всего вѣроятнѣе, что тутъ замѣшалась какая-нибудь глупая страсть, которую я уничтожу. Но если онъ разрушилъ

всѣ мои планы — бѣда ему! — Нѣтъ, нѣтъ, думалъ Ратмирскій, это вздоръ, подобная глупость невѣроятна. Надо узнать все пообстоятельнѣе... но какъ? Серезу спрашивать бесполезно, надо дѣйствовать мимо его».

Въ первый разъ еще желаніе Сергѣя Петровича не подчинялось могущественному слову хочу, и это страшно сердило старика. Но вдругъ лицо его прояснилось, быстрая мысль мелькнула въ его головѣ. Онъ протянулъ руку къ сонеткѣ и позвонилъ.

— Узнать, поѣхали-ли за Сергѣемъ Сергѣичемъ, сказала онъ вошедшему слугѣ.

— Кучеръ говоритъ, что приказано пріѣхать въ двѣнадцать часовъ, а теперь еще только девятаго половина; доложилъ возвратившійся слуга.

— Позвать ко мнѣ кучера. Да! это надежнѣе, говорилъ Ратмирскій, оставшись одинъ: это ближе всего приведетъ къ цѣли.

— Ты ѣдешь съ молодымъ бариномъ? спросилъ Сергѣй Петровичъ молодого краснаго кучера, когда тотъ вошелъ, и низко поклонясь, остановился у дверей.

— Я, сударь.

— Ты одинъ?

— Сергѣй Сергѣичъ ни съ кѣмъ не выѣзжаютъ, oprичъ меня.

— А гдѣ живетъ Цыганка, къ которой вы ѣдите?—неожиданно, и грозно спросилъ Сергѣй Петровичъ.—Говори сію минуту, прибавилъ онъ, видя, что поблѣднѣвшій и испуганный бѣднякъ не отвѣчаетъ.

— Я, сударь, Сергѣй Петровичъ, ничего не знаю... я не смѣю, прибавилъ онъ, видя грозное движеніе барина.

— Ты все знаешь; а бояться ты можешь только меня одного, прозвнесъ рѣшительно Ратмирскій. Сейчасъ же заложить мою карету, ты ѣдешь со мною, а за бариномъ пусть отправляется кто-нибудь другой. Ступай. Но никому ни слова, если хочешь быть цѣль! Слышишь! прибавилъ Сергѣй Петровичъ.

Да; это нужно покончить, продолжалъ онъ самъ съ собою, и покончить немедленно; этакія женщины за деньги все сдѣлаютъ. Нужно ихъ разлучить, раскинуть подальше другъ отъ друга. Онъ забудетъ этотъ вздоръ и не посмѣетъ противиться моей волѣ.

Сергѣй Петровичъ досталъ изъ бюро большую пачку денегъ, и ждалъ экипажа.

Перепуганный, блѣдный кучеръ молодого Ратмирскаго кинулся исполнять приказанія грознаго Сергѣя Петровича, и сходя съ крыльца, чуть было не задавилъ сидѣвшаго на нижней ступенькѣ человѣка.

— Кто это тамъ угорѣлъ? произнесъ голосъ.

— Дядюшка Ѳомичъ, это вы?

— Я; а ты, Костя, что это едуру скачешь по головамъ.

— Пропали, дядюшка Ѳомичъ! задыхаясь, сказалъ кучеръ.

— Кто пропалъ? спросилъ Ѳока, который, по обыкновенію, вышелъ на крыльцо покурить трубочку.

— Все пропали, все! шепталъ перепуганный мужикъ: старикъ про все провѣдалъ, и сейчасъ велѣлъ везти себя къ ней.

Еслибы домъ упалъ на голову Ѳоки, то онъ не былъ бы такъ оглушенъ, какъ этими словами. Схвативъ уходившаго кучера за руку, какъ бы не могъ самъ держаться на ногахъ, онъ съ ужасомъ повторялъ: ѣдитъ, ѣдитъ, самъ... къ Марьѣ Ильинишнѣ?

— Самъ, сейчасъ! отвѣчалъ кучеръ. Пропали наши головы! сгубилъ меня молодой баринъ, Богъ ему судья!

— Костя, голубчикъ! шепталъ старикъ, не выпуская руку кучера и почти становясь передъ нимъ на колѣна, не погуби его, не вози къ ней старика...

— Да что это вы, Ѳомичъ, какъ же я не повезу, коли велить?

— Такъ ты забылъ милости барина, забылъ, какъ онъ твою старуху мать спасъ отъ смерти, тебя выручилъ отъ некрутчины...

— Кабы забылъ, Ѳомичъ, такъ не рисковалъ бы головою, не сказалъ бы вамъ ничего, говорилъ кучеръ, таща за собою обезумѣвшаго старика. Дѣлайте, что знаете сами, а мое дѣло невольное.

— По крайности, не спѣши закладывать, промедли хоть четверть часика, говорилъ Ѳока велѣдъ уходившему кучеру, и съ быстротою, почти невѣроятною для его лѣтъ, кинулся въ конюшню, гдѣ конюхи чистили лошадей.

— Василій, Василій! гдѣ Василій? кричалъ старикъ, вбѣгая въ конюшню.

— Здѣсь, отозвался голосъ высокаго, плотнаго мужчины. Въ два прыжка Ѳока былъ уже около того, кого искалъ; нѣсколько словъ были перекинуты шопотомъ, и чрезъ минуту взнузданная только лошадь, за которую, какъ говорится, Ѳока держался руками и ногами, стрѣлою помчала его изъ воротъ.

— Что это? никакъ отъ смерти улетѣваетъ нашъ старикашка, да и безъ шапки. Василій, куда это нелегкая понесла Ѳомича, говорили конюхи. Но тотъ, у кого спрашивали, и самъ велѣдъ за Ѳокою исчезъ изъ конюшни.

Вскорѣ экипажъ Сергѣя Петровича былъ поданъ къ крыльцу. Когда онъ выѣзжалъ со двора, какая-то черная, высокая фигура, выбѣ-

жавъ изъ за половинки воротъ, проворно и ловко прильнула къ запяткамъ кареты, и притаилась на нихъ, какъ тѣнь.

XI.

Скорый бѣгъ лошади, который во всякое время привелъ бы Ооку въ ужасъ, теперь казался нетерпѣливому старику болѣе, чѣмъ медленнымъ. Крѣпко хватаясь за шею лошади и колотя ее ногами въ бока, онъ въ то же время приговаривалъ:

— Ну! ну! матушка, ну, голубушка, прибавь ходу, выручи его, голубчика, да ну-же, одѣръ проклятый, что ты, спутана, что-ли?...

И сломя голову конь и всадникъ неслись черезъ доли, пашни, канавы. — Оока скакалъ не по дорогѣ, а полемъ, зная, что переѣхавъ въ бродъ рѣчку, онъ на полпути опередитъ Сергѣя Петровича. Онъ не слышалъ, какъ вода заплескалась подъ умнымъ животнымъ, отыскавшимъ бродъ, не чувствовалъ, какъ холодная влзга охватила его почти до пояса; еслибы онъ въ это время утонулъ, то, можетъ-быть, не замѣтилъ бы и своей смерти. Проскакавъ еще съ полверсты, Оока не сошелъ, а свалился у Машинаго домика.

— Чтѣ ты, чтѣ съ тобою? вскрикнула Маша, взглянувъ на блѣдное лицо и мокрую одежду старика, который, вбѣжавъ въ комнату, упалъ ей въ ноги, и задыхаясь, кричалъ: Спаси, матушка! Спаси, не погуби его!

— Чтѣ такое, чтѣ сдѣлалось? спрашивала Маша, стараясь поднять Ооку; да говори же, повторяла она нетерпѣливо, чтѣ съ нимъ сдѣлалось?

— Его, Сергѣя Сергѣича, спаси, матушка Марья Ильинишна. Вамъ Богъ, законъ велитъ спасать его. Откажитесь, родная, отъ него, скажите, что не знаете его, не видали его. Ахъ, говорилъ съ отчаяніемъ Оока, ломая руки, вѣдь онъ самъ сюда ѣдитъ.

— Кто самъ? Кто ѣдитъ? съ непонятнымъ страхомъ говорила Маша.

— Онъ самъ... самъ старикъ!

— Дядя?

— Охъ... да.

— А гдѣ-же Сережа, чтѣ съ нимъ? съ ужасомъ спросила цыганка.

— Онъ еще ничего не знаетъ, отвѣчалъ Оока, его нѣтъ дома, онъ въ гостяхъ.

— Въ гостяхъ, вепыхнувъ, сказала Маша, въ гостяхъ, прибавила она потомъ горько. Онъ въ гостяхъ, а я здѣсь глаза проглядѣла, поджидая его, перегорѣло сердце... а онъ тѣшится, смѣется надъ моею болью!

— Марья Ильинишна!—произнесъ Оока серьезно, теперь рѣчь не объ этомъ... Онъ отъ любви къ вамъ гибнетъ... Кому-жъ его спасать, какъ не вамъ?

— Онъ меня любилъ! сказала Маша, которая не вѣрила, не постигала тихой любви. Онъ и не понимаетъ, что такое любовь, и если... Но стукъ подъѣхавшаго экипажа и крикъ ужаса, который вырвался у Ооки, прервалъ ея слова. Маша встала.

Непонятнымъ для старика, но чуднымъ огнемъ зажглись ея черные глаза. Почти вталкивая Ооку въ другую комнату, она сказала: ступай и молчи, я знаю, что дѣлать.

Въ каждой чертѣ лица, во всей фигурѣ этой женщины проглянули гордость и величіе, и то сознаніе душевныхъ силъ, которое въ критическія минуты придаетъ женщинѣ неотразимое вліяніе и первенство надъ людьми. Готовая вступить въ борьбу, она, какъ полководецъ, внимательно, но мгновенно взглянула на поле битвы, и увѣренная въ своей силѣ, холодно, безбоязненно ждала врага, рѣшившись умереть за свое чувство, но не отступить.

Она ждала недолго, дверь въ ту же минуту отворилась и Сергій Петровичъ Ратмирскій вошелъ. Окинувъ пытливымъ взглядомъ комнату, онъ остановилъ глаза на молодой женщинѣ, и съ изумленіемъ нѣсколько минутъ всматривался въ ея дивную красоту:

— Кто вы? и какъ васъ зовутъ? наконецъ сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ стоявшей посреди комнаты Машѣ.

— Тотъ, кто пріѣзжаетъ въ гости, долженъ знать, къ кому онъ ѣдетъ, не запинаясь, отвѣчала Маша.

— Кто вы, я знаю; отвѣчалъ Ратмирскій, невольно озадаченный рѣзкимъ ея отвѣтомъ; до имени же мнѣ, пожалуй, и дѣла нѣтъ. Я и такъ могу говорить съ вами.

— Не спрося меня, хочу ли я этого? сказала Маша, быстро взглянувъ на старика. Въ этомъ взглядѣ было столько благородства и ѣдкаго сарказма, что Сергій Петровичъ невольно смутился. Передъ нимъ была Цыганка, женщина, которую онъ пріѣхалъ поразить своимъ величіемъ, испугать, по-крайней-мѣрѣ, если не уничтожить, и вдругъ эта цыганка поставила его въ такое положеніе, что онъ не зналъ, какъ начать съ нею объясненіе. Съ минуту длилось молчаніе, но на этотъ разъ, случай перемѣнилъ роли дѣйствующихъ и придвинулъ Ратмирскаго прямо къ цѣли. Затрудняясь, какъ начать разговоръ, Сергій Петровичъ снова обвелъ комнату глазами, и остановилъ ихъ на пояскомъ портретѣ, который висѣлъ надъ маленькимъ диваномъ, гдѣ Маша постоянно сидѣла.

— А! вотъ что! произнесъ Ратмирскій, такъ значить это правда.

Гнѣвный взглядъ старика, брошенный на портретъ, заставилъ Машу затрепетать. Она поняла, что заператься бесполезно, старикъ не повѣ-

рить, если она скажетъ, что не знаетъ молодаго Ратмирскаго; его портретъ, который она не догадалась спрятать, обличилъ бы ее во лжи, и она рѣшилась, если не совершенно отстранить, по-крайней-мѣрѣ, уменьшить грозу, готовую разразиться надъ головою Сережи.

— А можно узнать, моя красавица, спросилъ Ратмирскій, какъ попалъ сюда этотъ портретъ?

Съ непонятнымъ хладнокровіемъ взглянула Маша на портретъ, и обратясь къ Ратмирскому, сказала:

— А можно узнать, что вамъ до этого за дѣло? И кто вамъ даль право меня допрашивать.

— Слушай, красавица, я не затѣмъ пріѣхалъ сюда, чтобы болтать съ тобою о пустякахъ, сказалъ нетерпѣливо и съ досадою Ратмирскій, а потому говори сейчасъ, какъ попалъ къ тебѣ этотъ портретъ?

— Мнѣ приказывать никто не можетъ, сказала твердо Маша; портретъ мой, мнѣ его подарили.

— А кто подарилъ?

— Тотъ, кто моложе, лучше и вѣжливѣе васъ, кто не сталъ бы командовать въ чужомъ домѣ.

— И кто, наконецъ, увезъ тебя изъ табора?

— Увезъ! повторила Маша, у которой сердце перевернулось при мысли, что старикъ знаетъ все; увезъ! Вотъ забавно, прибавила она, стараясь сохранить спокойный видъ и даже улыбнуться. Какой вздоръ! я сама ушла изъ табора.

— И ушла къ нему, или съ нимъ, продолжалъ Сергій Петровичъ, стараясь вывѣдать всю правду отъ довольно откровенной съ виду цыганки.

— Я ушла отъ злыхъ людей, которые меня беспокоили, мучили, надоѣдали также вотъ, какъ вы теперь, и вы хорошо сдѣлаете, коли уйдете отъ меня, какъ я ушла отъ нихъ. Кто вы? я васъ не знаю; зачѣмъ пришли сюда? тоже не знаю, и говорить съ вами больше не буду! сказала Маша, чувствуя, что не въ силахъ долѣе выдерживать этотъ допросъ.

— Ну, такъ я тебѣ, моя душа, буду говорить, а кто я, узнаешь послѣ. И подойдя къ Машѣ, Ратмирскій началъ говорить, пристально глядя ей въ лицо, и желая подмѣтить малѣйшее впечатлѣніе, какое произведутъ на нее его слова.

— Этотъ молодой человѣкъ взялъ тебя изъ табора, сказалъ Ратмирскій медленно; онъ насылилъ тебѣ золотыя горы, любилъ тебя, рядилъ, бросалъ деньги, и наконецъ—онъ остановился, выжидая, что остальное доскажетъ Маша. Но Маша молчала. — И наконецъ...

— Что же наконец? спросила Маша, у которой замерло сердце.

— Наконец... Но ты лучше меня знаешь, что онъ едѣлалъ, прибавилъ Сергѣй Петровичъ, не спуская глазъ съ Маши, какъ бы хотѣлъ заглянуть къ ней въ сердце и открыть истину.

— Что же наконец? снова спросила Маша, вздохнувъ свободно; она поняла, что Ратмирскому нужно было узнать, что было наконецъ, но что онъ самъ основательно ничего не знаетъ.

— Онъ говорить, что женился на тебѣ, грозно произнесъ Ратмирскій.

Громкій смѣхъ былъ отвѣтомъ на его слова. Ай, да сказки! мастеръ же вы придумывать, баринъ! Онъ этого не говорилъ, и не могъ сказать, прибавила она, переставъ смѣяться. Такъ я замужемъ, продолжала она, снова смѣясь, скажите, пожалуйста. Какъ же это? продолжала она печально, садясь на стулъ, я замужемъ, онъ мой мужъ, и разлюбилъ меня, позабылъ и бросилъ!

Въ голосѣ молодой женщины было столько истины, на лицѣ столько грусти, что Сергѣй Петровичъ весело улыбнулся. Но чрезъ минуту сомнѣніе опять сдвинуло его брови; онъ значительно посмотрѣлъ на Машу, и утвердительно проговорилъ: Ты лжешь: онъ не забылъ тебя и не разлюбилъ.

Взглядъ Сергѣя Петровича на этотъ разъ заставилъ Машу покраснѣть. Грустно наклоня голову, она снова сказала: Хорошо, кабы такъ! И слова эти, полныя тоски и душевной жалобы, на этотъ разъ были сказаны отъ полного сердца.

Послушай—сказалъ Ратмирскій, я тебѣ сдѣлаю предложеніе: ты немедленно оставишь этотъ домъ, переѣдешь куда-нибудь подальше, чтобы онъ не могъ отыскать тебя, а чтобы ты не нуждалась и не жаловалась, такъ я тебѣ дамъ средства жить безбѣдно. Вотъ! продолжалъ онъ, кладя пачку денегъ передъ Машею, которая, понизивъ голову, безмолвно сидѣла на своемъ мѣстѣ. Но помни, что ты должна немедленно и безпрекословно исполнить мою волю; въ прѣтивномъ же случаѣ, я заставлю тебя повиноваться другимъ образомъ, слышишь-ли, душенька, немедленно—иначе берегись, прибавилъ старикъ, такимъ голосомъ, что Маша вздрогнула.

— Но кто же вы? спросила Маша, разгорячаясь, хотя хорошо знала, съ кѣмъ говорить, вы, который приказываетъ мнѣ въ моемъ домѣ, который то деньгами, то страхомъ хочетъ принудить меня исполнить свою волю? — А если я не хочу этого! прибавила молодая женщина, у которой негодованіе начинало брать верхъ надъ рассудкомъ.

— Я тотъ, кто можетъ уничтожить и тебя и безумца, котораго ты

любишь, если ты тихо и добровольно не откажешься отъ глупой твоей страсти, и оттого, кто тебѣ вкружилъ голову. Бѣда вамъ обоимъ, если завтра я найду тебя здѣсь, и если онъ увидитъ тебя или узнаетъ, что теперь между нами было! Я образумлю его, а тебя усмирю инымъ образомъ. И такъ возьми свои деньги и собирайся; если этого тебѣ мало, я еще прибавлю... Тутъ пятнадцать тысячъ!

Мама встала, лицо ея вспыхнуло, взгляды ея, полный негодованія и презрѣнія, какъ молнія сверкнувъ на Ратмирскаго, и заставилъ его невольно замолчать.

— А кто сказалъ вамъ, важный баринъ, что меня можно купить пятнадцатю тысячами и заставитьъ сдѣлать то, что вы хотите? Я не продаю ни моей воли, ни моей любви, прибавила она, схвативъ со стола деньги и кинувъ ихъ къ ногамъ старика.

— А! такъ вотъ что! сказалъ Сергѣй Петровичъ. Ну, объ этомъ мы съ тобою поговоримъ завтра, и ты увидишь, кто изъ насъ сильнѣе и настойчивѣе. Сегодня же я поговорю вотъ съ этимъ господиномъ, прибавилъ Ратмирскій, показывая на портретъ, онъ мнѣ дастъ отчетъ во всемъ и заплатитъ за все.

Мама видѣла, что поступила опрометчиво, и противъ воли высказала Ратмирскому то, чего не должна была говорить. Она уже мысленно видѣла Сережу предъ этимъ прознымъ, черетвымъ старикомъ, Сережу, всегда кроткаго, добраго, слабаго... душа замерла у бѣдной женщины, и какъ только было возможно спокойно и тихо, она сказала:

— Зачѣмъ откладывать до завтра, что можно сдѣлать сегодня. — Я не противлюсь вамъ; но зачѣмъ же меня обижать, хоть я и простая женщина, но тоже чувствую, не хуже иныхъ... я могу многое сдѣлать по доброй волѣ, но...

— Такъ употреби же эту добрую волю въ дѣло, моя милая, ты не будешь раскаяваться, проговорилъ Ратмирскій съ едва замѣтною улыбкою, полагая, что Мама испугалась завтрашняго дня. Откинь, душа моя, гордость въ сторону и подбери деньги; ими я не хотѣлъ покуцать твое повиновеніе, а только заплатить тебѣ долгъ за племянника. Прощай! Теперь ты знаешь, кто я, прибавилъ онъ, вида, что Мама молчитъ. Не забудь же, завтра я навѣдаюсь о тебѣ.

Ратмирскій уѣхалъ, давно замолкъ стукъ его кареты, а Мама не трогалась съ мѣста. Всякое чувство, даже самая мысль, какъ-будто уснули въ ней вмѣстѣ съ усталою душою. Она не слышала, какъ отворилась въ переднюю дверь и въ комнату вошелъ высокій, черноволосый мужчина, въ плисовой поддѣвкѣ, и молча, съ какою-то грустію, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на цыганку, которая стояла неподвижно,

какъ мраморный памятникъ надъ прахомъ своихъ прошедшихъ радостей и разбитаго счастья.

Тяжелый вздохъ высокаго мужчины заставилъ ее вздрогнуть; она оглянулась къ двери, и вскрикнула:

— Василій!

— Здорово, Маша! кротко сказалъ пришедшій.

— Василій, ты-ли! говорила Маша, какъ-бы невѣря глазамъ своимъ.

— Я, отвѣчалъ Василій, а ты думала, что я вовсе тебя покинулъ?

— Ахъ, Вася, Вася! проговорила бѣдная женщина, закрывъ лицо руками, и замолчала, не смѣя продолжать.

— Что плакать — поздно! я говорилъ тебѣ: не за счастьемъ бѣжишь, ты не послушалась. Зналъ я, какъ что будетъ, такъ и вышло. Ну, да что горевать, продолжалъ цыганъ, смотря на Машу, которая въ нѣмой тоскѣ ломала руки: пока я живъ, не пропадемъ, небось, хватить на двоихъ и тамъ еще на кого случится — ужъ видно такая планида, чтобъ намъ не разставаться съ тобою.

— Да, Вася, тебя Богъ послалъ сюда, для моего спасенія! Уведи меня отсюда, нынче же, сейчасъ, сію минуту, уведи, куда хочешь, хоть въ кабалу.... Пойду! слова не пророню! а нето, ему будетъ худо, старикъ погубить его, слышишь ли, онъ погубить моего Сережу, а ужъ безъ него и я погибла, пусть же лучше я одна пропаду. Что я? я ничто для него, я все стерплю. Пойдемъ же, пойдемъ отсюда — только скорѣе, скорѣе.... И бѣдная Маша, какъ-будто потерявъ рассудокъ, тащила Василья вонъ изъ комнаты.

Она не спрашивала его, откуда онъ пришелъ, какъ онъ узналъ объ ней, гдѣ былъ эти два года? какое ей было дѣло до всего этого! Она видѣла Василья передъ собою, чувствовала, что онъ не откажетъ ей въ помощи, а болѣе она ни объ чемъ не думала.

— Что ты, Маша! опомнись; вѣдь ночь на дворѣ: куда ты пойдешь? говорилъ цыганъ, удерживая ее, ты не пташка Божія, что кинула гнѣздо и упорхнула на первое деревцо. Той вездѣ пріютъ, а ты человекъ; у тебя есть дѣмъ, есть и рухлядь, и добро всякое.

— Миѣ ничего не надо! ничего! его отнимають — такъ пропадай же все остальное, пропадай жизнь.

— Жизнь въ рукахъ Господнихъ, а добро въ нашихъ рукахъ, отвѣчалъ Василій. — Вишь, эти баричи счастье-то давали тебѣ въ займы, пришелъ срокъ — и плати долгъ, да съ процентами, съ слезами да горемъ.... Покрайности, добра-то не отдадимъ.

— Долгъ! сказала Маша, встрепенувшись отъ словъ цыгана, вспомяну что-то. Ахъ, Боже мой, я объ этомъ и забыла... Ахъ, я несчастная, нес-

частная! ну, какъ и это узнаеть старикъ, тогда Сережи и подавно спасенія не будетъ.... А все я виновата, все изъ-за меня онъ бѣдъ-то накутиль. Деньги! вдругъ вскрикнула она: гдѣ мои деньги?

Не понимая, объ чемъ говоритъ Маша, Василій вообразилъ, что бѣдняжка помѣшалась, и венлеснувъ руками, онъ горько проговорилъ: Ахъ ты бѣдная, бѣдная-горемыка!

— Нѣтъ, Вася, я богата, очень богата! твердила Маша, быстро наклонившись къ полу и съ жадностію схвативъ пачку, которую она кинула къ ногамъ Ратмирскаго. Видишь, сколько у меня денегъ! и знаешь ли ты, что я на нихъ куплю? Я куплю на нихъ все, куплю радость, покой, куплю счастье — тихую смерть.... И какъ изступленная, она кинулась въ другую комнату, и отворивъ дверь, кликнула Ооку.

Бѣдный старикъ, въ испугѣ забившись въ уголь, усердно молился въ продолженіе всего времени; страхъ лишилъ его возможности различать не только слова, но и голоса. Слыша разговоръ въ сосѣдней комнатѣ, онъ полагалъ, что Сергѣй Петровичъ все еще не уѣхалъ. Маша вытащила его почти насильно.

— Видишь, Оока, говорила она, нервически смѣясь, на небѣ есть правда. Человѣкъ думаетъ сгубить человѣка, а глядишь — и промахнулся! — Старикъ хотѣлъ меня обидѣть, а вмѣсто того, помогъ мнѣ, помогъ моему Сережѣ, моему голубчику. Вотъ, возьми! тутъ пятнадцать тысячъ, тутъ будетъ чѣмъ заплатить долги его, пока не узналъ дядя. Смотри же, Оока голубчикъ, заплати поскорѣе, нынче, коли можно, и не говори объ этомъ барину, а то еще, пожалуй, гордецъ не захочеть. И ни слова обо мнѣ, слышишь? ни полсловечка... зачѣмъ ему знать? хоть онъ и разлюбилъ меня — а все же будетъ жалко... нехочу я его горя! — Онъ меня вѣрно теперь не скоро увидить; дядя будетъ сторожить за нимъ; скажи, чтобъ и не ѣздилъ, что я не грущу, что буду терпѣливо ждать, пока ему, некого будетъ бояться... Ну, ступай же, ступай успокой его поскорѣе, люби, береги его, моего голубчика, Оока. Старикъ ни чего не знаетъ, прибавила она, кромѣ того, что 'Сережа любилъ меня!... Ну такъ чтожъ что любилъ! Бѣда не важная....

И Маша не плакала, а смѣялась, только смѣхъ этотъ разное дѣйствовало на Ооку и на Василья. Первый тихо, набожно шепталъ: «Господи помилуй! Господи помилуй!» а послѣдній мрачно глядѣлъ на старика, какъ-бы говоря: вотъ вы что надѣлали. Наконецъ, Маша перестала смѣяться, и стараясь успокоиться, сказала: Оока, что же ты нейдешь?

— Иду, матушка, иду; проговорилъ Оока, и проходя мимо цыгана,

онъ тихо шепнулъ ему: Побереги ее, Вася, побудь здѣсь, а завтра я забѣгу и дамъ вѣсть объ баринѣ.

— Не ваша теперъ объ ней забота, мрачно отвѣчалъ цыгань, срубилъ дерево, да и говорятъ, расти его! погубили женщину, и говорятъ—сбереги ее. Эхъ, вы, люди хорошіе — цыгана не стоите.

На другой день дачный домикъ опустѣлъ. Маша исчезла.

ХП.

Было около одиннадцати часовъ, когда Сергій Петровичъ уѣхалъ отъ Маши. Старикъ былъ очень недоволенъ своимъ свиданіемъ съ нею. Онъ ясно видѣлъ, что цыганка гораздо опаснѣе для его плановъ, чѣмъ онъ предполагалъ. Онъ очень хорошо понималъ, что женщина такой необыкновенной красоты, полная чувства и энергіи, могла вдохнуть сильную страсть, которую не истребишь, пожалуй, словами «не хочу, не позволяю!», и что явное сопротивленіе, въ подобномъ случаѣ, могло привести къ очень опасному результату и разрушить завѣтную мечту старика, оставить послѣ себя достойнаго наслѣдника громкаго имени Ратмирскихъ, который съ честію поддержалъ бы старинный родъ свой. Въ Сереежѣ онъ любилъ не племянника, заботился о воспитаніи и блестящей карьерѣ не родственника, а просто сооружалъ себѣ наслѣдника. До появленія малютки Сереежи, въ умѣ Сергія Петровича была только одна забота, одно горе, что родъ его, которымъ онъ гордился, прекратится съ его смертію. Эта мысль преслѣдовала его такъ, что наконецъ онъ уже рѣшился было жениться. Вдругъ появленіе маленькаго родственника-однофамильца, противъ всякаго ожиданія, избавляло его отъ грозившей необходимости на старости разыгрывать смѣшную и довольно опасную роль *молодого*, и отказаться отъ многихъ привычекъ и удобствъ жизни. Сергій Петровичъ зналъ, что у него были родственники, незамѣтные отпрыски его фамильнаго древа, но ему и въ мысль не приходило, что между ними былъ Ратмирскій—да еще и Сергій Ратмирскій, и что это былъ вдобавокъ одинъ изъ ближайшихъ его родственниковъ. Но отчего Сергій Петровичъ Ратмирскій, и отецъ Сереежи не были знакомы?—Это объяснить нетрудно. Одинъ былъ слишкомъ богатъ и важенъ, чтобъ отыскивать маленькихъ родныхъ, другой слишкомъ бѣденъ и гордъ, чтобъ заискивать у богатаго роднаго, и только увѣренность въ неизбѣжной и скорой смерти, и страхъ оставить сына безпріютнымъ сиротою, понудили было больнаго отца прибѣгнуть къ его покровительству.

Но смерть избавила его и отъ этой тяжелой обязанности, и сиротка Сережа одинъ явился къ богачу дядѣ. Бумаги его были въ порядкѣ, права на родство доказаны, и Сережа признанъ наследникомъ имени и богатствъ Ратмирскаго. Сережа росъ, а съ нимъ вмѣстѣ росли и планы Сергѣя Петровича на его счетъ. Самый важный изъ этихъ плановъ былъ: слить фамилію Ратмирскихъ съ какою-нибудь древнею княжескою фамиліею, планъ созрѣлъ, исполненіе его было такъ возможно, и вдругъ, какая-то дрянь, цыганка, плясавица, вскруживъ голову его племяннику, можетъ, если не разрушить, то замедлить его задушевное желаніе. Э! нѣтъ! думаль Ратмирскій, тутъ надо дѣйствовать, но такъ, чтобы Сергѣй ничего не зналъ; надо удалить его, и немедленно, чтобы они не свидѣлись. Но какъ это сдѣлать? — Гмъ! — и вдругъ онъ дернулъ за шнурокъ, и высунувшись въ дверцы кареты, приказалъ кучеру ѣхать къ Борновымъ.

Оока возвратился домой очень поздно. Всѣ уже спали, когда усталый старикъ подходилъ къ дому.

— Дядюшка, Оомичъ, сказалъ вдругъ кто-то, загорода дорогу старику, хотѣвшему войти въ отворенную калитку.

— Что надо? кто тутъ? спросилъ оробѣвшій Оока.

— Это я, Константинъ.

— Голубчикъ, Костя, бѣда со мною случилась, говорилъ Оока, тяжело вздыхая: вѣдь лошадь-то у меня пропала.

— Эко хватились! она еще прежде насъ была дома.

— Что? домой прибѣжала?

— Да! прибѣжала.

— Ахъ ты одерь проклятый! сказалъ обрадованный Оока, умаляя же она меня, не зналъ, что и дѣлать: ее ли искать, домой ли бѣжать? Ну что, у васъ ничего не было? шопотомъ спросилъ Оока.

— Ни гу-гу, и баривъ накрѣпко запретилъ, чтобы Сергѣй Сергѣичъ ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ, а то, говоритъ, смотри у меня. — Такъ ужъ вы Оока Оомичъ, пожалуста, не проговоритесь. Оока хотѣлъ отвѣчать; но прискакавшій къ воротамъ верховой прервалъ его.

— Ей, кто тутъ? сказалъ пріѣхавшій, отворите-ка ворота.

— Отъ кого такъ поздно? спросилъ Оока, пока кучеръ отворялъ ворота пріѣзжему.

— Казенный пакетъ къ Ратмирскому, Сергѣю Сергѣичу.

— Развѣ нужно, что ночью посылаютъ? спросилъ Оока.

— Немедленно приказано вручить.

Въ семь часовъ, въ домѣ Ратмирскихъ уже всѣ поднялись, противъ всякаго обыкновенія. Даже самъ Сергѣй Петровичъ всталъ. Причина такого необыкновеннаго явленія была бумага, полученная ночью Сере-

жею, въ которой предписывалось ему, какъ чиновнику особыхъ порученій, состоящему при князѣ Борновѣ, немедленно отправиться въ Петербургъ, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ письменныхъ приказаній. — Сергѣй Петровичъ былъ, повидимому, очень изумленъ такимъ распоряженіемъ князя, но рѣшилъ, что тутъ разсуждать нечего, а надо повиноваться, тѣмъ болѣе, что даже подорожная была прислана вмѣстѣ съ бумагою.

— Я сегодня поѣду къ князю и узнаю, что это значить? говорилъ Ратмирскій племяннику; жаль, что я вчера не засталъ его дома, онъ вѣрно сказалъ бы мнѣ объ этомъ.

— А вы развѣ вчера были у князя, дядюшка?

— Да; я разсеердился на твоего дурака кучера, и мнѣ захотѣлось проѣхаться, чтобы освѣжить себя; по дорогѣ я было завернулъ къ Борнову, но не засталъ его. Да кетатъ, что это вчера было съ тобою?

— Понесли лошади и совершенно сломали экипажъ.

— А все оттого, что твой Константинъ не умѣетъ ѣздить, это я испыталъ вчера, ѣздивши съ нимъ. Потому-то я и приказалъ за тобою ѣхать моему кучеру, боясь, что твой не справится съ моими лошадьми.

Такимъ-образомъ вчерашнія дѣйствія были пояснены молодому человеку, на всякой случай, и подозрѣнія устранены.

Сборы къ отъѣзду длились недолго, въ девять часовъ все было готово. Положено было, что Сережа отправится вмѣстѣ съ Нисарскимъ, и, подъ предлогомъ дѣла, Сергѣй Петровичъ самъ повезъ племянника въ городъ.

Прощаясь съ Оокою, Сережа едва успѣлъ сказать ему: Увѣдомь обо всемъ Марью Ильинишну; скажи, что я скоро буду, да постарайся, чтобы дядюшка не встрѣтилъ здѣсь кого-нибудь изъ....

— Никого не увидить, я все обдѣлаю; прошепталъ Оока, съ грустію, провожая своего питомца.

— Ну что, уѣхалъ? спрашивалъ князь Борновъ Сергѣя Петровича, въ тотъ же день вечеромъ, заѣхавъ къ Ратмирскому.

— Сегодня—въ десять часовъ; отвѣчалъ Ратмирскій.

— Но, скажите, любезный Сергѣй Петровичъ, съ кѣмъ же и за что онъ поссорился?

— Съ такимъ же молодымъ сумазбродомъ, какъ и самъ; а причина, кажется, та, что тотъ назвалъ меня эгоистомъ, бездушнымъ старикомъ.

— И вы думаете, что вышла бы дуэль?

— Мнѣ попалась записка моего головорѣза, гдѣ онъ прямо говорить, что съ пистолетомъ въ рукахъ заставить его просить у меня прощенія.

— Что же вы сдѣлали съ запискою?

— Записку разорвалъ, а Серезу, благодаря васъ, удалилъ отсюда.

— Что дѣлать, любезный другъ! сказалъ князь: Къ нимъ надо имѣть снисхожденіе: молоды, горячи, неблагообразны.

— Тоже, что и мы были съ вами въ ихъ годы. Но если что можетъ привести молодаго человѣка, гораздо ранѣе, къ болѣе положительнымъ началамъ, такъ это, по моему мнѣнію, семейный бытъ, обязанности женатаго человѣка.

— Это вашъ конекъ, любезный другъ, отвѣчалъ, улыбаясь, князь.

— Который вы мнѣ скоро поможете осѣдлать, проговорилъ Ратмирскій, дружески подавая руку Борнову.

— Я вамъ опять скажу тоже, что и прежде говорилъ: вашъ Serge славный молодой человѣкъ, уменъ, добръ, прекрасно воспитанъ и главное—племянникъ моего лучшаго друга. Изъ всѣхъ, кто имѣетъ виды на мою дочь, я всегда отдалъ бы предпочтеніе ему; но это рѣшить должны не мы съ вами, а тѣ, кого такое рѣшеніе свяжетъ на всю жизнь.

— Повѣрьте, князь, это дѣло рѣшится само собою и очень скоро.

— А что, прибавилъ князь, перемѣняя разговоръ, вы долго думаете продержатъ Серезу въ изгнаніи?

— Черезъ мѣсяцъ я самъ поѣду за нимъ въ Петербургъ и привезу сюда болѣе благообразнымъ, чѣмъ отправилъ.

Послѣ отъѣзда молодаго Ратмирскаго, Оока, не медля ни минуты, кинулся тушить пожаръ, какъ онъ выражался, то-есть, платить долги, которые такъ заботили Серезу, и которые оказались вовсе не такъ велики, какъ можно было предполагать. Изъ пятнадцати тысячъ, которыя старикъ получилъ отъ Маши, семь были въ чистомъ остаткѣ.

— Ну, вотъ, Васильюшка, и дѣло обдѣлалось, и буря миновала! говорилъ Оока Василью, когда тотъ на другой день пришелъ получить расчетъ отъ управляющаго за свою службу и сказать Оокѣ, куда перѣехала Маша, а главное за тѣмъ, чтобы узнать, что дѣлается у Ратмирскихъ, потому-что бѣдная Маша была въ страшной тревогѣ отъ неизвѣстности о судьбѣ Серези.

Василій около двухъ лѣтъ служилъ въ домѣ Ратмирскаго коноваломъ при его огромныхъ конюшняхъ. Мрачный, нелюдимый, онъ цѣлые дни проводилъ въ конюшнѣ, чистя и холя ввѣренныхъ ему лошадей, и лошади, за которыми ходилъ курносый цыганъ, какъ его называли, вполне оправдывали изрѣченіе, что «дѣло мастера боится». Василій не якшался съ товарищами, всѣ ихъ пирушки и сходбища проходили безъ него. Что же привело Василья въ домъ Ратмирскаго: случай-ли или желаніе найти мѣсто по своимъ средствамъ и по страсти?

Нѣтъ! Какая-то неодолимая сила, какая-то судьба, подъ властію которой находился Цыганъ, притянула его въ домъ Ратмирскаго. Дышать, пить, ѣсть, заботиться объ Машѣ, хранить ее, — все это были равносильныя, совершенно натуральныя потребности для Василья, безъ которыхъ онъ не могъ жить. Эти потребности, казалось, родились съ нимъ вмѣстѣ, и онъ рѣшительно не понималъ бы, еслибъ кто-нибудь вздумалъ ему доказывать, что двѣ послѣднія потребности вовсе не нужны для его существованія. Маша была для цыгана часть его самого и потому, понятно, что оставить Машу на произволъ случая, не зная ничего о судьбѣ ея, было для него вещью невозможною. Послѣ ухода Маши изъ табора, онъ началъ наводить догадки и, подозрѣвая, что она увезена Сергѣемъ Сергѣевичемъ, онъ опредѣлился на конюшни къ Ратмирскому, потому-что хорошо зналъ это дѣло, и былъ увѣренъ, что Сережа, который въ это время былъ въ Петербургѣ, никогда не увидитъ его, хотя бы ему пришлось прожить тутъ всю жизнь, потому-что молодой Ратмирскій не любилъ лошадей, никогда объ нихъ не заботился и не посѣщалъ конюшенъ. Вмѣшавшись въ толпу безчисленной дворни, Василій сталъ зорко всматриваться во все окружающее, вслушиваться въ говоръ праздной прислуги, и сейчасъ понималъ, что Маша была спрятана хорошо, ибо въ домѣ никто объ ней не зналъ. — Потомъ, хитрому цыгану также не трудно было отгадать, что Оока, объ которомъ часто говорили въ людскихъ, былъ самое близкое лицо къ молодому Ратмирскому, а его частыя и таинственныя отлучки, во время отсутствія Сережи, показывали, что онъ владѣетъ тайною своего господина и тщательно ее скрываетъ. Съ нимъ-то Василій постарался сойтись и сошелся. Онъ просто открылъ старому дядкѣ, что знаетъ ихъ тайну, потому-что Маша его сестра, что глупая дѣвчонка не послушала его, и убѣждала съ молодымъ бариномъ, какъ онъ ее ни удерживалъ.

— Сергѣй Сергѣичъ, сказалъ Василій Оокѣ, не взлюбилъ меня, не велѣлъ казаться на глаза, зато, что я не пускалъ сестру въ петлю, а кто себѣ врагъ! Вотъ теперь, какъ дѣло ужъ непоправимъ, нечего бранить сестру; я только хочу быть, на всякой случай, поближѣ къ ней, чтобы ей, глупой, коли случится бѣда, было покрайности куда дѣваться. Вѣдь она у меня одна только и есть. — Такъ ужъ ты, Оока Оомичъ, не выболтай молодому барину или сестрѣ объ томъ, что я недалеко отъ нихъ: пусть живутъ себѣ покойно. А то, чего добраго, сестра, испугавшись, пожалуй, скажетъ обо мнѣ Сергѣю Сергѣичу, а тотъ съ сердцовъ сгонитъ со двора. А вѣдь я имъ не помѣха, готовъ за сестру душу отдать; насъ только на свѣтѣ двое и есть.

Встревоженный Тока непременно донесъ бы объ этомъ барину, еслибъ Сережа въ это время не былъ въ Петербургѣ. Но потомъ Тока разсудилъ, что даже нехудо имѣть въ домѣ челоуѣка близкаго, который, въ случаѣ какого-нибудь дѣла, готовъ былъ идти за нихъ въ огонь и воду;—и онъ смолчалъ.

Бѣдная Маша, не зная ничего, въ ужасномъ страхѣ провела весь день, и когда Тока пришелъ къ ней, принесъ оставшіяся деньги и разсказалъ все, что случилось, и какъ Сережа неожиданно уѣхалъ въ Петербургъ, бѣдная женщина, задумчиво и горько сказала:

— Уѣхалъ! надолго, можетъ навсегда уѣхалъ и я не простилась съ нимъ, не выпросила у него прощенія въ томъ, что огорчила его.

— Онъ скоро будетъ назадъ, матушка, Марья Ильинишна, отвѣчала Тока, успокоивая Машу.

— Не будетъ назадъ, не пріѣдетъ! уныло шептала Маша.—Тотъ разъ воронъ вѣщалъ горе, и было горе, много мнѣ было горя, а теперь, продолжала Маша, какъ-то вдохновенно положила руку на грудь, теперь сердце говоритъ, что быть худу, быть бѣдѣ и будетъ бѣда. Сердце вѣщунъ, говорятъ, надо ему вѣрить!

XIII.

Двѣ недѣли прошли съ-тѣхъ-поръ, какъ Сережа Ратмирскій пріѣхалъ въ Петербургъ, а приказаній отъ князя Борнова еще никакихъ не было. Молодой челоуѣкъ былъ этимъ очень изумленъ, и съ досадою повторялъ: «Заставить меня въ нѣсколько часовъ уѣхать изъ дому, скакать сюда, сломя голову, для того, чтобы двѣ недѣли сидѣть безъ дѣла!» Но каково же было его изумленіе, когда онъ получилъ письмо отъ Сергѣя Петровича, въ которомъ тотъ писалъ, что князь извиняется предъ нимъ, потому-что дѣло, по которому онъ былъ посланъ въ Петербургъ, устроилось само-собою, и чтобы вознаградить его за бесполезную поѣздку, позволяетъ ему прожить въ Петербургѣ нѣсколько недѣль. Въ этомъ же письмѣ старикъ сообщалъ, что онъ самъ въ концѣ мѣсяца будетъ въ Петербургъ, и приказывалъ племяннику дожидаться его. Негодованіе молодаго челоуѣка дошло до послѣдней степени. «Это ужасно! говорилъ онъ, дожидаться цѣлый мѣсяцъ, когда всякій день для меня цѣлая вѣчность! Быть здѣсь, когда тамъ Богъ знаетъ что дѣлается.

А Маша, думалъ Ратмирскій, что теперь съ нею? Что она думаетъ? что она дѣлаетъ?—и въ какомъ положеніи! Да, она несчастлива! думалъ Сережа, какъ-бы отвѣчая внутреннему голосу, который говорилъ ему, что дѣлаетъ Маша. Виновата ли она, что не понимаетъ ни меня, ни моего положенія? Я одинъ виноватъ, во всемъ, я и себя и ее погубилъ! И зачѣмъ я встрѣтилъ ее? и зачѣмъ узналъ я ту... И Сережа остано-вился, сжавъ голову крѣпко руками, какъ-будто хотѣлъ остановить мысль, которая, какъ непрощенный безпокойный гость, явилась къ нему, что-бы нарушить остальной міръ его души. Подобныя мысли каждый день безпокоили Сережу, и видимо разрушали его здоровье, которое всегда было не надежно. Грудныя боли, отъ которыхъ онъ избавился на время, за границую, снова возвратились, и хотя легкій, но постоянный кашель намекалъ объ опасности. Сережа рѣшился только дожидаться дяди, и по-томъ, во что бы то ни стало, ѣхать немедленно домой.

Въ такомъ положеніи былъ молодой Ратмирскій, когда чрезъ пять недѣль Сергій Петровичъ наконецъ явился въ Петербургъ. Нѣсколько дней Сережа молчалъ, потому-что все первые дни, по пріѣздѣ Сергія Петровича, какъ выражаются модные люди—*не принадлежалъ себѣ*: визиты и обратные визиты занимали почти все его время. Такъ про-шла еще недѣля и Сережа не могъ найти удобнаго случая перегово-рять съ дядею о своемъ намѣреніи возвратиться домой. Вдругъ, однажды утромъ, Сергій Петровичъ объявилъ племяннику, что они всю слѣдующую зиму, вплоть до весны, проведутъ въ Петербургѣ, что онъ уже велѣлъ нанять для себя домъ, и въ то же время приказалъ Сере-жѣ написать къ князю письмо и просить отпуска на все это время.

— Но, помилуйте, дядюшка, что же я здѣсь буду дѣлать? сказала Сережа, котораго поразили слова дяди.

— Ничего не будешь дѣлать, отвѣчалъ Ратмирскій, какъ-бы не замѣчая смущенія молодаго человѣка.

— Но у меня тамъ есть служба.

— Ну, а здѣсь не будетъ службы; это, кажется, понятно? съ легкой ироніей возразилъ Сергій Петровичъ.

— Дядюшка, я такъ еще недавно служу, что подобная просьба можетъ повредить мнѣ во мнѣшии князя; говорилъ молодой человѣкъ, съ бѣльшимъ и бѣльшимъ безпокойствомъ.

— Князь къ зимѣ самъ сюда будетъ, съ семействомъ, и если ты ужъ такъ желаешь служить, то можешь съ княземъ, который пробудетъ здѣсь не болѣе двухъ мѣсяцевъ, возвратиться домой; а до того времени, тамъ тебѣ дѣлать нечего.

— Въ такомъ случаѣ, я лучше возвращусь сюда опять съ княземъ; возразилъ Сережа, у котораго привычка исполнять приказанія властолюбиваго и своенравнаго старика была такъ велика, что онъ еще не рѣшался прямо объявить ему свое непремѣнное намѣреніе, а хотѣлъ прежде попробовать выманить его согласіе на свой отъѣздъ.

— Я не зналъ, что ты такъ любишь службу,—сказалъ Сергѣй Петровичъ, бросивъ мгновенный взглядъ на племянника: что даже предпочитаешь ее веселой петербургской жизни.

— Молодой человѣкъ моихъ лѣтъ долженъ...

— Прежде всего подчиняться волѣ старшихъ, сказалъ старикъ, на этотъ разъ довольно строго, впадая въ обычный повелительный тонъ: А потому, безъ разсужденій, ступай, пиши къ князю.

Болѣзненное чувство оскорбленнаго самолюбія, вызванное повелительнымъ голосомъ старика, который не допускалъ малѣйшаго возраженія въ племянникъ, вызвало живую краску негодованія на лицо молодаго человѣка, и пробудило въ его душѣ чувство собственного достоинства. Хотя почтительно, но довольно твердо, онъ отвѣчалъ:

— Мнѣ очень прискорбно, дядюшка, что я не могу исполнить вашей воли: я рѣшительно не желаю здѣсь остаться.

Молніей блеснули потемнѣвшіе глаза Сергѣя Петровича. Это былъ обыкновенный признакъ его гнѣва.

Въ первый разъ еще онъ слышалъ, что тотъ, кому онъ вмѣнилъ въ непремѣнный долгъ безусловное повиновеніе своей волѣ, осмѣлился изъявить свое собственное желаніе, и долгій гнѣвный взглядъ былъ единственнымъ отвѣтомъ дерзкому. Кротко и твердо выдержалъ его Сережа.

— А нельзя ли узнать настоящую причину, которая заставляетъ васъ не исполнять моего приказанія? спросилъ наконецъ Ратмирскій.

— Я всегда готовъ, дядюшка, исполнять вашу волю, на сколько достанетъ моихъ силъ и возможности...

— А можно узнать, какъ велика мѣра этого повиновенія моей волѣ? проницески прервалъ фразу Сергѣй Петровичъ.

— Если только она не переходитъ за предѣлы моего душевнаго убѣжденія, проговорилъ Сережа, съ какимъ-то нервическимъ движеніемъ.

— Ну, а нельзя ли узнать, въ чемъ состоитъ это душевное убѣжденіе?

— Въ томъ, что человекъ моихъ лѣтъ, долженъ жить съ пользою для кого-нибудь, долженъ трудиться, служить, а не прозябать и шататься безъ дѣла.

Сергѣй Петровичъ захохоталъ, но такъ, что Сережа невольно опустил голову и ждалъ грозы.

— Ну, человекъ съ душевнымъ убѣжденіемъ! а что говоритъ твое убѣжденіе вотъ противъ этого... сказалъ старикъ, увлекаясь только гнѣвомъ безо всякой уже *aggrège pensée*; — когда молодой человекъ, котораго воспитали, которому дали значеніе и все средства къ жизни, не только обезпеченной, но даже роскошной, которому судьба, въ лицѣ какого-нибудь дальняго родственника, готовитъ самую блестящую будущность, выше его достоинствъ и заслугъ, вдругъ, самопроизвольно, по душевному убѣжденію разрушаетъ все, что для него сдѣлало слѣпое счастье? Не уважая себя, тратитъ чужія деньги, дѣлаетъ тайные займы, съ которыми, замѣть, самъ расквитаться не въ силахъ, а хочетъ уплатить деньгами родныхъ, имя которыхъ въ то же время позорить, дѣлая скандалъ, уводя изъ табора Цыганокъ, когда онъ, наконецъ, поддаваясь безумной страсти, хочетъ уничтожить все, что другіе устроивали для его счастья съ большимъ трудомъ и заботами? Ну-ка, мудрый человекъ, что противъ этого скажетъ твое—какъ бишь его — внутреннее убѣжденіе?

И Сергѣй Петровичъ опять засмѣялся, но уже гораздо тише и мягче, смотря на блѣднаго, совершенно уничтоженнаго племянника, который такъ былъ пораженъ тѣмъ, что слышалъ, что не могъ произнести ни одного слова.

— Ну, теперь видишь, любезный другъ, что твое убѣжденіе ни къ чему не ведетъ, снова заговорилъ Сергѣй Петровичъ, послѣ минутнаго молчанія, принимая опять свой холодно-строгий тонъ: а потому ступай и пиши къ князю, что я тебѣ приказалъ.

— Теперь вы, дядюшка, сами знаете, что я долженъ ѣхать отсюда, чтобы привести въ порядокъ мои дѣла; отвѣчалъ Сережа, взявшись за грудь, которая ныла и болѣла.

— О, на счетъ этого будь покоенъ! твоими дѣлами я ужъ распорядился, безъ твоего позволенія.

— Какими дѣлами? проговорилъ Сережа, съ трудомъ переводя духъ.

— Дѣлами душевнаго убѣжденія и прочими; иронически замѣтилъ Ратмирскій: на счетъ же финансовыхъ—мы съ тобою поговоримъ послѣ.

— Что же вы тамъ сдѣлали, дядюшка? спросилъ Сережа съ неописаннымъ страхомъ и тоскою, кидаясь къ Ратмирскому и совершенно уже забывая о себѣ: что вы тамъ сдѣлали?

— Что сдѣлалъ? отвѣчалъ Сергѣй Петровичъ сухо и безучастно, какъ-бы не замѣчая положенія племянника: очень обыкновенную вещь— прогналъ твою Цыганку.

Сожалѣніе, ужасъ, ненависть, презрѣніе къ себѣ—всѣ эти чувства мгновенно проснулись въ душѣ молодаго человѣка. При послѣднихъ словахъ Сергѣя Петровича, какой-то болѣзненный стонъ вырвался изъ его груди, такъ, что даже старикъ Ратмирскій вздрогнулъ.

— Прогнали! сказалъ Сережа, и губы его дрожали, голосъ прерывался, глаза, казалось, хотѣли выскочить изъ орбитъ: прогнали—ее, женщину, которая меня любила, которую я любилъ! Но кто-же вамъ далъ на это право? продолжалъ онъ, совершенно забываясь. Знаете-ли вы, что женщина, которую вы прогнали и оскорбили— моя жена!

Теперь была очередь Сергѣя Петровича. Какъ громомъ пораженный, стоялъ онъ, съ полуоткрытымъ ртомъ, посинѣвшія губы не шевелились, и покрытое багровыми пятнами лицо выражало болѣе, чѣмъ гнѣвъ. Ратмирскій былъ въ эту минуту страшень. Ударъ былъ такъ мѣтокъ и силенъ, что, казалось, отнял у старика всякую возможность выразить словами свое негодованіе племяннику, который, рыдая, какъ ребенокъ, повторялъ: «Ахъ, что вы сдѣлали, что вы сдѣлали, дя-дюшка»!

— Вонъ, сказалъ наконецъ Ратмирскій, когда получилъ возможность произнести хоть нѣсколько словъ; вонъ отсюда! повторилъ онъ, задыхаясь и показывая дрожащею рукою на дверь. Чтобъ я тебя никогда не видалъ, не смѣй называться моимъ племянникомъ, я тебѣ теперь чужой человѣкъ! Прочь съ глазъ моихъ, прочь, прочь! — повторялъ Сергѣй Петровичъ и тогда, какъ Сережи давно уже не было въ комнатѣ.

Ратмирскій захворалъ. Нѣсколько докторовъ смѣняли одинъ другаго у постели старика, въ продолженіе цѣлой недѣли, но сильная натура спасла его. Онъ опять началъ вызѣжать, а черезъ мѣсяцъ и совсѣмъ уѣхалъ изъ Петербурга. О Сережѣ онъ, казалось, забылъ совершенно: какъ-будто тотъ и не существовалъ никогда на свѣтѣ. Даже имени его никто изъ людей не смѣлъ произнести передъ гнѣвнымъ старикомъ. И могъ ли Сергѣй Петровичъ простить племянника, когда онъ отнял у него любимую мечту, игрушку старчества, которую замѣнить ему было уже нечѣмъ! А князь Борновъ, которому онъ сдѣлалъ предложеніе! — И послѣ этого простить Сережу:—Никогда, никогда! думалъ Ратмирскій, хотя невольный, безотчетный вздохъ, можетъ-быть, и противорѣчилъ его намѣренію. Какъ бы то ни было, Сергѣй Петровичъ уѣхалъ, не выдавъ, даже не спросивъ о Сережѣ.

А что дѣлалъ Сережа? Какъ перенесъ онъ послѣднее свиданіе съ дядею? Не имѣло-ли оно вліянія на его, и безъ того уже разстроенное, здоровье? И если онъ былъ болѣнъ, то имѣлъ ли средства пригласить доктора, купить лекарства? — Этого никто не зналъ. Въ Петербургѣ у молодого человѣка не было никого изъ близкихъ, не было даже старика Ооки. А потому, что было съ нимъ съ того времени, какъ онъ оставилъ домъ Сергѣя Петровича, зналъ только одинъ Богъ.

XIV.

Домъ Ратмирскаго во-время отсутствія господъ представлялъ самую оживленную картину; безчисленная и праздная прислуга вполнѣ этимъ пользовалась. Говоръ и смѣхъ съ утра до ночи, раздавался во всѣхъ концахъ огромнаго дома, какъ-бы говоря: «Кота нѣтъ дома, мышамъ воля». Но среди этихъ ликующихъ тунеядцевъ, одинъ только Оока бродилъ какъ-то не весело.

— Что это они тамъ дѣлають по-сю-пору? сколько времени отъ него, голубчика, и писемъ-то нѣтъ! въ раздумьи шепталъ часто старикъ, сидя въ передней, на половинѣ молодого Ратмирскаго. Не знаетъ онъ, сердечный, что и дочушку ему Богъ далъ, а написать ему объ этомъ случаѣ опасно — неровенъ часъ, пожалуй, самому попадетъ письмо въ руки, такъ вотъ-те и боталія готова. Чай старикъ-то племянника стережетъ по пятамъ. — Такъ думалъ Оока и ждалъ пріѣзда Сережи.

А время все идетъ, да идетъ, вотъ ужъ и сентябрь въ половинѣ, вотъ и октябрь на дворѣ, а Ратмирскихъ все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Каждый день старикъ Оока уходилъ со двора, на нѣсколько часовъ, и возвращался домой гораздо печальнѣе, чѣмъ выходилъ. Онъ навѣщалъ Машу.

— Не пойду завтра, право не пойду! думалъ старикъ каждый разъ, возвратясь къ себѣ. Ну что я тутъ сдѣлаю, опричь, что надрываю себя, глядя на нее, сердечную. Не пойду завтра.— Но завтра наставало, и Оока опять отправлялся въ обычный путь. Однажды, поутру, въ домѣ Сергѣя Петровича поднялась страшная бѣготня: «Пріѣхали, пріѣхали!» кричали на дворѣ, «пріѣхали», повторили въ передней, и это слово чрезъ минуту пролетѣло по кухнямъ, людскимъ, даже отозвалось въ погребахъ, гдѣ буфетчикъ каждый день усердно пересчитывалъ господское вино, увѣряя, что каждый разъ недосчитывался одной, двухъ, а иногда

и трехъ бутылокъ, которыя разбивали проклятыя крысы, пользуясь отсутствіемъ господъ. И огорченіе преданнаго слуги всякой день равнялось числу барскаго ущерба, такъ-что иной разъ горе подкашивало ему совершенно ноги.

— А Сергій Сергѣичъ, а молодой биринъ? спрашивали лакеи одинъ у другаго, когда старикъ Ратмирскій одинъ вышелъ изъ кареты. Оока также выбѣжалъ на крыльцо; онъ видѣлъ, какъ двое людей почтительно высаживали изъ экипажа Сергѣя Петровича, видѣлъ, какъ тотъ прошелъ мимо его, какъ лакеи кинулись вынимать изъ кареты дорожную поклажу; и все еще стоялъ, и кого то ждалъ, онъ даже подошелъ къ каретѣ и заглянулъ въ нее, все не рѣшаясь спросить о своемъ баринѣ.

— Чтò, Оомичъ, смотрите? сказалъ одинъ изъ прїѣхавшихъ лакеевъ.—Вашъ-то въ Питерѣ остался.

— А не слыхать зачѣмъ? спросилъ почти съ досадою Оока.

— Дѣло барское,—гдѣ намъ знать! Но, проходя мимо старика, чело-вѣкъ прибавилъ тихо и таинственно: Какъ поуберемся, такъ я прибѣгу къ вамъ на половину и разскажу все.

— Чтò такое, Степушка? чтò такое, батюшка? скажи хоть словечко, говорилъ Оока, почти въ припрыжку догоняя лакея.

— Да что вы гонитесь за мною, Оомичъ, еще въ вами бѣды наживешь. Вѣдь сказалъ, что приду.

Черезъ часъ Оока узналъ, что Сергѣй Петровичъ за чтò-то разсердился на племянника, и видно, не на шутку, потому-что лакей, убирая смѣжную комнату, слышалъ, какъ онъ кричалъ не своимъ голосомъ: «вонъ, мошь, вонъ изъ моего дома!» и что вслѣдъ за тѣмъ Сережа выбѣжалъ изъ комнаты, бѣлѣе покойника, такъ-что на него было страшно и посмотреть, и тотчасъ — же ушелъ изъ дома — да ужъ и не приходилъ болѣе.

— Да куда же онъ ушелъ, Степушка? спрашивалъ Оока съ страшнымъ безпокойствомъ?

— А Господь его знаетъ, Оомичъ! Дня съ три не было объ немъ, что говорится, ни слуху, ни духу, а опосля, пришелъ какой-то нѣмецъ, говорить, отъ Сергѣя Сергѣича за чемоданомъ мошь, да за бумагами. Ну, вѣстимо, какъ было отдать чужому, да еще и безъ спросу. Ну, вотъ пошелъ камендиръ къ барину за приказаніемъ, да какъ-только назвалъ вашего-то поимени, батюшки, встанъ бѣда не лежи! Самъ-то чуть, было, не съѣлъ его: не смѣй, говорить, называть его при мнѣ.

— Ну, а потомъ чтò?

— Вѣстимо что, потомъ ужъ никто ни гу-гу.

— Да нѣтъ, насчетъ чемодана-то? спросилъ Оока.

— Ну, вѣстимо, что отдали, да только Петрушку поваренка послали съ нѣмцемъ, знаете, чтобы не стянулъ чего.

— Ну?

— Ну, вотъ Петрушка-то и видѣлъ молодого барина, понизя голосъ, продолжалъ рассказчикъ.

— Что же онъ? спросилъ старикъ нетерпѣливо.

— Лежить, сказывалъ Петрушка, что называется, совсѣмъ безъ ногъ.

— Болѣнъ, почти вскрикнулъ Оока, всплеснувъ руками.

— Болѣнъ, говорилъ Петька, да еще какъ болѣнъ, то-есть, неподвижно лежитъ.

— Что же послѣ, выздоровѣлъ? говорилъ Оока, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— А Богъ его знаетъ, отвѣчалъ лакей, опосля объ немъ не было слуху.

— Да развѣ вы не провѣдывали его?

— Нѣтъ.

— Ахъ, вы бездушные люди — въ отчаяніи вопилъ Оока, ломая руки; кинули больного, Бога позабыли!

— Никто не смѣлъ спровѣдать, боялись самого.

— Да вы-бы самому-то и сказали, болваны, что молъ Сергѣй Сергѣевичъ болѣнъ, очень болѣнъ.

— Нѣтъ ужъ, зачѣмъ же! отвѣчалъ лакей; наше дѣло не такое! Вотъ суньтесь-ка вы, такъ мы и поглядимъ, какъ оно будетъ? Вѣдь вы знаете нравъ старшаго: коли онъ сердить, такъ тутъ ни-ни... ужъ таковъ обычай.

— Что-жь, ты думаешь, я испугаюсь? сказалъ Оока. Нѣтъ, братъ, Степанъ! Сей же часъ пойду и спрошу его объ моемъ баринѣ, и коли онъ его кинулъ, то я-то не покину, а скажу просто: я молъ завтра ѣду въ Питеръ — вотъ какъ! — И Оока дѣйствительно пошелъ къ Сергѣю Петровичу; но какъ онъ ни хлопоталъ, не могъ увидать его, потому-что Сергѣй Петровичъ весь день не выходилъ изъ кабинета, приказавъ никого не допускать къ себѣ и всѣмъ отказывать, если кто пріѣдетъ, говоря, что онъ нездоровъ.

Бѣдный Оока не зналъ, что и дѣлать, какъ вдругъ, передъ вечеромъ, онъ получилъ приказаніе отъ Сергѣя Петровича собрать всѣ ве-

щи, принадлежація Сережѣ, и завтра же отправиться съ ними въ Петербургъ.

— Ну, и на томъ спасибо! сказалъ Оока человѣку, передававшему барскій приказъ; двухъ разъ себѣ о томъ говорить не заставилъ.

И всю ночь усердно хлопоталъ онъ, укладывая господское добро, и какъ слуга въ «Ревизорѣ» Гоголя, зная, что и веревочка можетъ пригодиться, не забылъ ни малѣйшей бездѣлицы.

— Теперь ему, батюшкѣ, все будетъ не лишнее, съ дядюшки-то, кажись, взятки гладки, да и Богъ съ нимъ. И безъ его добра проживемъ вѣкъ. Лишь бы онъ-то, голубчикъ, былъ здоровъ, а то Богъ не безъ милости! Но онъ болѣнъ, еще живъ ли? вдругъ подумалъ Оока, и дрожація руки старика съ лихорадочною поспѣшностію принялись завязывать чемоданы.

Рано утромъ Оока съ имѣніемъ своего барина оставилъ домъ Ратмирскаго.

Грустно, задумчиво шелъ старикъ за извозчикомъ, на которомъ лежали чемоданы и узлы, и послѣ довольно продолжительнаго пути; остановился въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра города улицъ, передъ небольшимъ, но довольно чистенькимъ домикомъ.

— Неси сюда, пріятель, сказалъ онъ извозчику, помогая ему снимать съ роспусковъ чемоданы.

На крыльцѣ небольшого домика его встрѣтилъ курносый цыганъ.

— Что такое, Оока, что это ты привезъ сюда?

— Тише, Вася, тише, отвѣчалъ старикъ, неравно она услышитъ, не надо, чтобы она знала объ этомъ, растревожится, пожалуй, а это ей теперь не годится.

— О чемъ не знала? Что у васъ случилось? съ изумленіемъ спрашивалъ цыганъ. И Оока принужденъ былъ рассказать Василью всю исторію.

— Кинулъ больнаго, сказалъ цыганъ, выслушавъ бѣглый рассказъ старика. Не больно хорошее дѣло.

— Суди тамъ его совѣсть, отвѣчалъ Оока, только ты, братъ Василій, побойся Бога: сбереги барское добро, а мнѣ, вотъ видишь, нужно сегодня же ѣхать, вѣдь онъ тамъ одинъ.

— Что же ты скажешь Марьѣ Ильинишнѣ?

— Что скажу? отвѣчалъ Оока, подумавъ: Скажу, что старый баринъ уѣхалъ за границу, что не на кого молъ оставить тамъ вещи, растащутъ, и что по той причинѣ Сергѣй Сергѣичъ зоветъ меня въ Питеръ, чтобы самому скорѣе пріѣхать сюда.

— А какъ она узнаеть, что старикъ здѣсь? сказалъ съ безпокойствомъ цыганъ.

— Отъ кого же узнаеть, отвѣчалъ Оока: ты не скажешь, а сама не пойдеть справляться. А какъ она оправится, мы и сами ужъ будемъ здѣсь.

Условясь такимъ-образомъ, Оока сдалъ все вещи на руки Василью, простился съ Машею, которая какъ-то повеселѣла, узнавъ, что Сережа скоро будетъ, и черезъ часъ отправился въ Петербургъ.

XV.

Для счастливаго, время летитъ соколомъ, а для несчастнаго ползеть черепахой, говорить поговорка. Долго, неисходно долго тянулись для Маши часы напраснаго ожиданія. Уже не свиданія ждала она, а хотя вѣсти объ Сережѣ; и не было желанной вѣсти. Уныло склоняясь надъ колыбелью своей малютки, просиживала она по нѣскольку часовъ сряду, и думала, думала все объ одномъ, все объ томъ, кто насулилъ ей такъ много радостей, и не смогъ исполнить обѣщанія. Это была уже не прежняя Маша, еще такъ недавно красавица-цыганка, полная силы и могучей любви, а женщина, убитая горемъ, со впалыми глазами, у которой все ощущенія и страсти сосредоточились въ тихой, безотрадной тоскѣ. Правда, были минуты, въ которыя бѣдная женщина какъ-будто оживала. Это бывало, когда Василій уходилъ, по ея требованію, въ домъ Ратмирекаго, чтобы узнать: нѣтъ-ли какого извѣстія изъ Петербурга? Полная страха и надежды, она въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи прислушивалась къ малѣйшему стуку на дворѣ, садилась къ окну, вставала и подходила къ колыбели ребенка, и опять кидалась къ окну. Но возвращался Василій, угрюмо и молча качалъ головою на вопросительный взглядъ Маши. И снова, печально склоня голову, она садилась къ колыбели ребенка, и тихо, сквозь слезы, пѣла колыбельныя пѣсни.

Весь разговоръ Маши съ Васильемъ состоялъ только изъ немногихъ словъ: «Сходи, пожалуйста, узнай, нѣтъ-ли чего?»—и цыганъ уходилъ,—или: «Неужели ничего не слышно? О Боже мой, Боже мой, когда же этому будетъ конецъ!»—И жалоба замирала на языкѣ бѣдной Маши. Угрюмый цыганъ отвѣчалъ на слова ея или глубокимъ вздохомъ, или ѣдкимъ афоризмомъ: Стоить думать! о тебѣ не думаютъ, такъ сама забудь! Плюнь — да и все тутъ.

Такъ шли дни за днями, недѣли за недѣлями, и прошелъ слишкомъ мѣсяць, съ-тѣхъ-поръ, какъ Оока уѣхалъ въ Петербургъ.

Разъ Маша, сяди на диванѣ, тихо укачивала на рукахъ ребенка, и съ какимъ-то горькимъ наслажденіемъ всматривалась въ черты спящей малютки.

— Дитя ты мое бѣдное! Какъ ты похожа на него! тихо шептала она, какъ ты похожа на него! Словно списана съ отца... А онъ еще и не видалъ тебя, не перекрестилъ... онъ забылъ насъ съ тобою, не любитъ насъ, покинулъ... И вдругъ она обернула голову къ Василью, который въ другомъ углу комнаты выкладывалъ на счетахъ.

— Вася! Сходи, пожалуйста, узнай.

— Былъ ужъ, Маша! отвѣчалъ цыганъ, оставляя свое занятіе.

— Сходи еще! Будь другъ! Можетъ, и узнаешь что-нибудь.

Едва она проговорила эти слова, какъ въ соседней комнатѣ послышались тяжелые шаги, въ ту же минуту двѣрь отворилась и въ комнату вошелъ Оока.

— Оока! радостно вскрикнула Маша: Оока! прибавила она съ невольнымъ ужасомъ, глядя на печальное и похудѣлое лицо старика, который, помолясь на образа, и поклонясь Машѣ, безмолвно остановился у порога.

— Что скажешь, гдѣ Сережа, говори скорѣе, гдѣ онъ?

— Кланяться приказалъ, тихо проговорилъ старикъ. Приказалъ вамъ, Марья Ильинишна, быть счастливой, не забывать его, не тосковать... а тебѣ, мая крошка, продолжалъ онъ, подходя къ Машѣ и набожно крестя спящаго ребенка, прислалъ родительское благословеніе, на вѣки нерушимое.

— Но гдѣ же онъ? Гдѣ онъ? говорила Маша, у которой невольный страхъ отнял силу подняться съ дивана.

Оока помолчалъ, губы старика дрожали, наконецъ, поднявъ руку кверху, онъ отрывисто сказалъ: «Тамъ!», и закрывъ лицо зарыдалъ.

Долго хлопотали около безчувственной Маши. Когда она пришла въ себя, родъ безумія овладѣлъ ея головою. Она ломала пальцы, безпрестанно повторяя: Ушелъ! тамъ! А меня забылъ. Какъ же это? Онъ умеръ, а я еще жива!

— Вамъ, матушка, онъ жить приказалъ, говорилъ Оока. Скажи, говорилъ онъ, женѣ моей, чтобы простила меня и не плакала; скажи ей, говорилъ батюшка, отдавая душеньку Богу, чтобы она берегла себя для

дочери, росила ее, любила и заставляла молиться за отца. Вотъ что, матушка, завѣщаль вамъ покойный баринъ, вашъ мужъ; страшный грѣхъ не исполнить воли того, кто теперь за насъ молится.

— Такъ ты еще засталъ барина? спросилъ цыганъ Ооку, когда Маша нѣсколько поуспокоилась

— Съ недѣлку еще онъ былъ живъ при мнѣ; словно ждалъ, чтобы умереть у меня на рукахъ. Носилъ я его на этихъ рукахъ еще малолѣтнимъ, да ими же пришлось закопать и въ сыру землю, прибавилъ Оока, вздохнувъ.

Маша просила Ооку разказать ей, отчего Сережа умеръ, зачѣмъ онъ такъ долго жилъ въ Петербургѣ? зачѣмъ не писалъ къ нимъ?

И старикъ на этотъ разъ разказалъ ей всю правду; все, что самъ узналъ отъ умирающаго барина.

— А не писалъ оттого, что сначала думалъ самъ скоро вернуться, а послѣ болѣзнь отняла руки.

— И все чрезъ меня, и все это я надѣлала, я свела его въ могилу! Одна я говорила Маша въ отчаяніи.

— Не вы, матушка Марья Ильинишна, отвѣчалъ Оока, стараясь успокоить ее, а видно ему такъ на роду было написано.

— Куда ты теперь? спрашивалъ цыганъ Ооку, провожая его въ сѣни.

— Пойду къ дядѣ—сказать, что умеръ племянникъ, да поблагодарить за хлѣбъ за соль. Да вотъ еще, прибавилъ старикъ, вынимая изъ кармана перевязанный ниточкою свертокъ бумаги: совѣмъ было изъ ума вонъ: вотъ это осталось послѣ барина; возьми Василій, отдай Марья Ильинишнѣ, ей съ ребенкомъ все пригодится.

— Что это? спросилъ Василій.

— Деньги, Вася. Правда, не много тутъ; ну, да на нужду и то уйдетъ.

— Бери себѣ, старикъ, отвѣчалъ цыганъ; пока я живъ, Маша съ ребенкомъ голода не спознаетъ; а ты старъ человекъ, тебѣ негдѣ взять.

— А на что мнѣ деньги теперь? отвѣчалъ Оока: нешто вѣкъ буду маяться; что я за несчастный, что всѣхъ хороню, а самъ спокоюсь?

— Такъ переходи къ намъ жить, радушно сказалъ Василій, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Спасибо на добромъ словѣ, Вася! отвѣчалъ Оока: но ужъ я теперь нигдѣ жить не буду.

— Какъ же такъ?

— Пойду мыкаться по свѣту: на-первые въ Кіевъ, тамъ въ Ворожежъ, послѣ въ Соловки, а тамъ авось либо и подале... туда, туда... гдѣ все мои сердечныя!.. Безъ нихъ на что ужъ я пригоденъ. Богъ васъ милуй! сказалъ старикъ, снявъ шапку, и перекрестясь вышелъ изъ воротъ маленькаго домика.

Возвратясь изъ Петербурга, Сергій Петровичъ долго не принималъ никого, даже князя Борнова; но наконецъ долженъ же былъ, по необходимости, прекратить свое уединеніе. Приличіе того требовало, и Ратмирскій рѣшился выѣхать. Первый визитъ его былъ, натурально, къ князю. Это свиданіе было для него очень тягостно. Что сказать князю о племянникѣ? какую глупую роль онъ приготовилъ себѣ, почти сосватавъ женатаго племянника! По-крайней-мѣрѣ, такъ думалъ Сергій Петровичъ, собираясь къ князю; но посидѣвъ около часу съ княземъ въ кабинетѣ, онъ какъ-то повеселѣлъ и попрежнему дружески съ нимъ разстался. Прощаясь съ Ратмирскимъ, добрякъ князь даже сказалъ ему. — Полноте, любезный другъ, положите гнѣвъ на милость, простите вѣтренника. Повѣрьте, кто бы ни носилъ вашу фамилію, она по прежнему будетъ всеми уважаема, и жена вашего племянника займетъ свое мѣсто въ обществѣ.

— Никогда, князь! отвѣчалъ упрямый старикъ, никогда! Но на этотъ разъ въ голосѣ Ратмирскаго не было уже той грозной твердости, какъ прежде.

— Оока Оомичъ! Вотъ неожиданный гость! говорили лакеи въ передней, увидя входящаго старика: давно-ли здѣсь! съ кѣмъ пріѣхали?

— Доложите барину, сказалъ старикъ, не отвѣчая на вопросы, что Оока пришелъ и желаетъ ихъ видѣть.

Лакеи переглянулись, не двигаясь съ мѣста.

— Я пришелъ, продолжалъ Оока, по важному дѣлу, и не уйду, не увидавши барина.

— Ну, а какъ да онъ разсердится?

— Коли разсердится, такъ на меня, сказалъ Оока: доложи, что молъ я здѣсь, вотъ и все.

Черезъ минуту Ооку позвали къ Сергѣю Петровичу.

— Что скажешь? спросилъ Ратмирскій старика, когда тотъ, низко поклонясь, остановился передъ нимъ.

— Сергій Сергѣевичъ приказалъ кланяться. При этихъ словахъ

что-то въ родѣ улыбки скользнуло на тонкихъ губахъ Ратмирскаго.— И приказалъ долго жить, добавилъ Оока.

Старикъ Ратмирскій вздрогнулъ; но и улыбка и испугъ Сергѣя Петровича были такъ мгновенны, что Оока этого и не замѣтилъ.

— Умеръ? проговорилъ Ратмирскій спокойно, и очень хорошо сдѣлалъ, продолжалъ онъ, протягивая руку къ хрустальному карафину и залпомъ выпилъ стаканъ воды. Оока ясно видѣлъ, что рука Ратмирскаго дрожала, наливая воду.

— Онъ помнилъ до послѣдняго часу ваши благодаренія, приказалъ мнѣ поблагодарить васъ за вашу—хлѣбъ соль, и попросить о великой милости.

— Кажется, ему теперь мои милости не нужны? отвѣчалъ отрывисто Сергѣй Петровичъ.

— Ему, безспорно, теперь ни въ чемъ нужды нѣтъ, батюшка Сергѣй Петровичъ; но у него остались вдова и ребенокъ.

Какъ-то странно взглянулъ Сергѣй Петровичъ на Ооку, лицо его прояснилось, и съ необыкновенною живостью онъ спросилъ:

— Ребенокъ—мальчикъ?

— Нѣтъ, батюшка, дѣвочка, отвѣчалъ Оока. При этомъ словѣ Сергѣй Петровичъ отвернулся, махнулъ рукою и приказалъ Оокѣ выйти.

XVI.

Прошло много лѣтъ послѣ свиданія Сергѣя Петровича съ старикомъ Оокою. Тѣ, которые дѣйствовали за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, лежали уже въ могилѣ, а тѣ, которые тогда были въ колыбели, являлись, въ свою очередь, дѣйствующими лицами въ житейской драмѣ.

Имя Ратмирскихъ тоже сошло со сцены жизни, уступя свои права и богатство, можетъ-быть, десяти разнороднымъ фамилиямъ, которыя объявили свои притязанія на наслѣдство, едва старикъ Ратмирскій закрылъ глаза.

Величаво высидя холодный мраморъ надъ тѣломъ того, кому онъ могъ служить прямою эмблемою, и никогда ничья рука не повела этого камня ни однимъ цвѣткомъ воспоминанія и любви.

Прошло лѣтъ семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ Оока, простясь съ Машею, вышелъ въ послѣдній разъ изъ воротъ небольшого домика. Семнадцать лѣтъ—великое дѣло! Даже домикъ, съ пятью крошечными окошками, въ которомъ жила Маша, не напоминалъ уже собою горькаго прошед-

шаго. На его мѣстѣ стоялъ теперь обширный и красивый деревянный домъ, на каменномъ фундаментѣ, весело глядя на улицу десяткомъ свѣтлыхъ оконъ. А чистота и опрятность, съ какою сохранился этотъ домъ, ясно говорили, что хозяинъ былъ человѣкъ порядочный и зажиточный.

Въ минуту нашего разсказа, въ этомъ домѣ происходили какія-то необыкновенные хлопоты. Съ самого утра вездѣ мели и мыли, и цвѣты, стоящіе на окнахъ, съ бѣлыми какъ снѣгъ занавѣсками, придавали дому какой-то праздничный видъ. Часовъ въ шесть у растворенныхъ воротъ зажгли плошки, а немного погодя на широкій дворъ въѣхало нѣсколько извозничьихъ каретъ. Неизбѣжная толпа праздныхъ зѣвакъ коймила уже тротуаръ у дома.

Между-тѣмъ въ домѣ не было слышно ни музыки, ни пѣнія, и тишина, царствовавшая въ ярко освещенныхъ комнатахъ, дѣлала праздничный видъ дома какъ-то непонятнымъ. Въ небольшой, по очень опрятно и прилично меблированной комнатѣ, за круглымъ столомъ, украшеннымъ вазами съ цвѣтами, и заставленнымъ всевозможными вареньями и другими лакомствами не изысканнаго десерта, сидѣли нѣсколько дамъ, въ цвѣтахъ и перьяхъ, и въ полголоса разговаривали, поглядывая на плотно затворенную дверь сосѣдней комнаты.

— Кому какое счастье, матушка! говорила пожилая дама сосѣдкѣ: и лучше есть — да сидѣть въ дѣвкахъ.

— Что-жъ и она недурна, отвѣчала другая: говорить, что у самой-то есть больше, чѣмъ она сказываетъ.

— Кромѣ дома этого, ничего нѣтъ, утвердительно проговорила третья. Еслибы было что больше, то не такое приданое дали бы за нею.

— А что-жъ? сказала одна изъ гостей: приданое прекрасное, не княжеское, конечно, но болѣе, чѣмъ достаточное; я сама все видѣла.

— Да партія-то, матушка, какая! сказала опять пожилая дама: другая со ста тысячами такой не найдетъ. Молодъ, хорошъ собою, дворянинъ природный, да и съ хорошимъ состояніемъ.

— Она сама дворянка, мила, хорошо образована, стало ихъ пара! отвѣчала дама.

— И гдѣ это она его подцѣпила? сказала старуха.

— Такой дѣвушкѣ, какъ Наденька, не нужно подцѣплять жениховъ, отвѣчала серьезно дама-защитница, она встрѣтила его у меня въ домѣ, бывая у моей дочери, своей пансіонской подруги. Понравилась молодому человѣку, онъ сталъ свататься—и теперь женится, это такъ естественно.

Послѣ этой фразы послѣдовало молчаніе, которое было прервано шумомъ отворившейся двери въ другую комнату, и женщина, лѣтъ со-

рока, вышла оттуда, ведя за руку очень молоденькую дѣвушку, одѣтую въ подвѣнчное платье. Гости встали, уступая невѣстѣ почетное мѣсто на диванѣ. Скромно, застѣнчиво заняла его дѣвушка. Съ одной стороны, около невѣсты, съ веселымъ ропотомъ, усиживались ея подруги, съ другой сѣла мать, не на минуту не выпуская руку дочери изъ своей руки.

Лицо матери было поразительно хорошо, ея черные блестящіе глаза, ослѣненные густыми рѣсницами, сохранили въ себѣ еще столько прелести и чувства, что на нихъ можно было заглядѣться, а какая-то грусть, отражавшаяся во всѣхъ чертахъ ея лица, преждевременныя сѣдины и морщины на лбу невольно наводили на мысль, что глубокое горе часто туманило эти чудные глаза и писало крупными чертами свою лѣтопись на этомъ, еще до-сихъ-поръ прекрасномъ челѣ. Сидя возлѣ дочери, она не спускала глазъ съ молодой дѣвушки, и въ этихъ глазахъ было столько любви, тревоги и благословенія, что у молодой невѣсты нѣсколько разъ навертывались слезы, когда она взглядывала на мать.

Когда невѣсту посадили на диванъ, то въ комнату вошли нѣсколько мушницъ, которые, отдѣльно отъ дамъ, въ ожиданіи выхода невѣсты, разговаривали въ другой комнатѣ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, котораго костюмъ составлялъ рѣзкое отличіе отъ прочихъ. — Черные, съ небольшою просѣдью, волосы его были подстрижены въ скобку, на немъ былъ казакинъ изъ тонкаго сукна, перехваченный блестящимъ ремнемъ, съ серебряною пряжкой.

Этотъ человѣкъ, котораго выразительное лицо нѣсколько безобразилъ курносый носъ, очень весело и свободно расхаживалъ между гостями, потирая по времена мѣ руки, отъ внутренняго удовольствія. Онъ былъ какой-то родственникъ невѣстѣ и жилъ у нихъ въ домѣ. Впрочемъ, стоило только взглянуть на него, чтобы увѣриться, что это не чужой, не гость, не холодный свидѣтель, а живое дѣйствующее лицо радостнаго семейнаго событія.

Столовые часы пробили семь—и почти въ тоже время послышался стукъ въѣхавшаго на дворъ экипажа. Черезъ минуту въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, шаферъ невѣсты, говоря, что женихъ въ церкви и ждетъ невѣсту. Гости зашевелились. Крѣпко обвивъ тонкій станъ дочери руками, мать, казалось, не могла разстаться съ нею, и цѣлуя ей голову, лицо, плеча и руки, крестила ее и кропила слезами. Наконецъ шаферъ взялъ невѣсту за руку и всѣ двинулись изъ комнаты. Припавъ къ холодному стеклу пылающемъ лицомъ, бѣдная мать, кото-

рая не могла присутствовать при вѣнчаніи дочери, хотѣла еще разъ взглянуть на нее, увидѣть, какъ ее посадятъ въ карету.

— Ну, вотъ и дѣло сдѣлали! отправили дѣвочку! радостно говорилъ курносый мужчина, проводя невѣсту. Кабы не жаль было кинуть тебя одну дома, ужъ поѣхалъ бы я съ ними. — Ну, да и безъ меня обойдутся!—Да ей Богъ, голубушкѣ, совѣтъ да любовь!

— А что, Маша, пролжалъ онъ, вѣдь намъ безъ нея грустно будетъ? словно все опустѣло. Да что-же ты смотришь на улицу, говорилъ онъ, подходя къ матери. Что съ тобою, Марья Ильинишна.—Тихо отвела бѣдная мать отъ стекла свое заплаканное лицо, и обратясь къ курносому мужчине, вдругъ схватила его руку и прильнула къ ней губами.

Это было сдѣлано такъ неожиданно, такъ мгновенно, что ошеломленный мужчина нѣсколько минутъ не нашелся, что дѣлать, между тѣмъ, какъ мать со слезами цѣловала его руку, повторяя: «Спасибо Вася, спасибо!»

— Маша, Маша! наконецъ вскрикнулъ Василій: помилуй, что ты дѣлаешь?

— Благодарю тебя, Василій, за счастье моей дочери, за всю твою заботу объ ней!

— Ахъ, Марья Ильинишна! отвѣчалъ съ легкимъ упрекомъ Василій, отнимая у Маши свою руку: Вотъ то-то и есть! ты вѣчно со мною дѣлишься... Обижаешь, право обижаешь... Твоя дочь! Да развѣ твоя дочь мнѣ чужая?—И что-же я такое ей сдѣлалъ, чтобы цѣловать мою руку.

— Ты для нея все сдѣлалъ, Вася, ея малыя крохи твоимъ трудомъ выросли; ты воспиталъ и благословилъ ее на новую жизнь, какъ отецъ родной. Спасибо, Вася, за все спасибо!

— Маша, сказалъ взволнованный Василій, если ты е нперестанешь обижать меня, то вотъ тебѣ Богъ я уйду отсюда.

— Нѣтъ, Василій, отвѣчала Маша, утирая глаза, нѣтъ, мой родной, ты здѣсь останешься, ты замѣнишь моей дочери и отца и мать, ты за меня станешь любить ее—когда я уйду отсюда.

— Уйдешь? какъ-то странно спросилъ Василій: куда это уйдешь?

— Туда, къ нему уйду, Вася, на его могилку, въ которую я—же окоянная, положила его преждевременно.

— За чѣмъ же ты пойдешь туда? горько спросилъ ее Василій.

— Пойду на его могилку, понесу ему вѣсть объ дочери, скажу, что я исполнила его завѣтъ, любила и вырастила дочь его. Мое дѣло покончено, прибавила она въ раздумьи; дочь замужемъ, пристроена, ее теперь есть кому любить и беречь и безъ меня, и я могу пожить

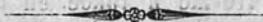
для себя. Пойду на его одинокую, кинутую веѣми могилку, и выплачу на ней свое сердце и жизнь.

Еслибы кто въ эту минуту взглянулъ на Василья, то прочелъ бы на его лицѣ самую горькую страницу его жизни. На немъ было написано: «прощай надежда! всему конецъ!» Молча разошлись Маша и Василій по своимъ комнатамъ.

И долго, стоя на колѣнахъ предъ образомъ, у опустѣлой кровати дочери, молилась мать объ ея счастіи.

И долго Василій уныло ходилъ по своей маленькой комнатѣ, по временамъ горько вздыхая.—Такъ вотъ оно что, такъ вотъ для чего я жилъ, трудился столько лѣтъ. Все ему! и мертваго-то любить, а ко мнѣ и жалости даже нѣтъ. Ахъ, цыганъ ты, горькій цыганъ! проговорилъ онъ наконецъ, задумчиво сядя на стулъ: лучше бы тогда тебѣ умереть вмѣсто его, по крайности, хоть она-то была-бы счастлива! —

Разсвѣло. Цыганъ съ перешибеной переносицей все еще сидѣлъ на томъ-же мѣстѣ и объ чемъ-то дуаль. Но только видно было, что голова его значительно побѣлѣла за эту ночь.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ХУДОЖЕСТВА

и

ВЫСТАВКА 1852 ГОДА ВЪ АНГЛІИ.

Статья Д. Г. Дарлэ.

Выставка Royal Academy въ Лондонѣ, которая бываетъ каждый годъ въ-продолженіе мая, іюня и іюля, не можетъ похвалиться такимъ-же давнимъ происхожденіемъ, какъ выставка парижскаго Салона. Лишь въ 1780 году открылись залы Сомерсет-Гауза для первой англійской выставки, между-тѣмъ какъ уже съ 1651 года Королевская Академія Живописи и Скульптуры была перенесена изъ Лувра въ Палэ-Рояль, гдѣ, немного времени спустя, она и открыла свою первую выставку. Изъ этой цифры видно, что Франція слишкомъ на полтора столѣтія опередила Англію въ дѣлѣ основанія Королевской Академіи, а ужъ двѣсти съ чѣмъ-то лѣтъ до этого, парижскіе живописцы составили общество подъ названіемъ Академіи Святаго Луки. Итакъ, пластическія искусства имѣли чинъ и имя по сю сторону пролива нѣсколькими вѣками раньше, нежели получили подобную хартію въ Англіи.

При всемъ томъ, ошибочно заключать, что въ это пространство времени, живопись и ваияіе еще не установились на англійской почвѣ. Если и не представляло ихъ тамъ никакое опредѣленное и утвержденное сословіе, все же онѣ воздѣлывались, и даже имѣли уже свою исторію. Начиная съ XI вѣка, видимъ мы, что архитектура, мало-по-малу покрываетъ страну тою превосходною смѣсью зданій, которая и по сіе время составляетъ одно изъ ея отличительныхъ украшеній. Въ XII вѣкѣ возникаютъ въ королевствѣ триста новыхъ монастырей, и ихъ величественные остатки и донынѣ свидѣтельствуютъ о быстрыхъ успѣхахъ, какими сопровождалось развитіе архитектурной композиціи и архитектурнаго исполненія. Изъ числа аббатствъ можно указать на Уэстминстръ, гдѣ различные стили, смѣнявшіе другъ друга до XVI столѣтія, оставили свои отпечатки одинъ возлѣ другаго. Изъ соборовъ мы назовемъ Уэлльскій, котораго западный фасадъ оконченъ въ 1242 года, только два года послѣ роженія Чимабуэ, и тридцать—шесть лѣтъ до построенія собора Орвіэткаго. Рядъ сюжетовъ, заимствованныхъ изъ священной исторіи, изваянь въ Уэлльскомъ соборѣ съ роскошью и разнообразіемъ въ исполненіи, которыя поражаютъ еще болѣе, когда припомнимъ, что эти работы несравненно старше возрожденія искусствъ и литературы въ Италіи.

Скульптура, опытъ пластическаго подражанія посредствомъ прочныхъ формъ, кажется, вездѣ предшествуетъ мысли или умѣнію подражать природѣ на поверхности гладкой, посредствомъ сочетанія линий и красокъ. Тѣмъ не менѣе первое искусство не могло цвѣсти долго, не приведя естественно ко второму — живописи. Такъ, лишь столѣтіе спустя, живопись является въ Англии, для содѣйствія украшенію зданій, гдѣ готическая орнаментация уже достигла высокой степени совершенства. Хрупкое свойство и недолговѣчные матеріалы ея изображеній не дали болѣе ихъ части устоять противъ дѣйствія времени и насилья фанатизма. Очень немногія дошли до насъ; однакоже, ихъ осталось достаточно для того, чтобъ мы имѣли возможность оцѣнить дарованіе художниковъ—исполнителей и мѣсто, которое принадлежитъ имъ относительно современныхъ живописцевъ. Въ Уэстминстрскомъ аббатствѣ, возлѣ хоръ, существуетъ до—сихъ—поръ живопись на деревѣ, XVI вѣка, представляющая нѣсколько сюжетовъ съ выпуклыми орнаментами, которые и раздѣляютъ ихъ какъ бы перегородки. Трудъ показываетъ совѣстливое изученіе, и имѣетъ на столько достоинства, что можетъ идти на ряду съ произведеніями хорошаго италіянскаго мастера той эпохи. Въ капеллѣ Святаго Эдуарда, въ томъ же аббатствѣ, балдахинъ надгробія Ричарда II украшенъ религіозными изображеніями, составляющими двѣ композиціи и ведущими свое начало отъ 1394 года. Движе-

ніе и выраженіе фигуръ принадлежать рукѣ замѣчательнаго художника. Имя его сохранили намъ архивы Уэстминстерскаго аббатства. Живописецъ этотъ былъ Джонъ Гэкеи (Нахеу), и, какъ гласитъ тотъ же источникъ, онъ получилъ за свою работу двадцать фунтовъ стерлинговъ, что въ то время должно было быть порядочной суммой. Капитулъ (зала) также содержитъ нѣсколько стѣнныхъ изображеній, между коими пять принадлежатъ XIV вѣку: это — композиціи въ нѣсколько фигуръ, представляющія Христа, окруженнаго христіанскими добродѣтелями, — и различныя аллегоріи, взятыя изъ Апокалипсиса. Эта живопись, очевидно, есть дѣло художника болѣе нежели обыкновеннаго, и можетъ соперничать съ произведеніями италіанскаго искусства того же періода. Нѣсколько лѣтъ назадъ тому, можно было видѣть другія украшенія того же стила въ капеллѣ Святаго Стефана; но капелла и ея живопись были принесены въ жертву, чтобы дать мѣсто новому дворцу парламента.

Впрочемъ, за недостаткомъ памятниковъ, не одно письменное свидѣтельство возводитъ гораздо далѣе XIV вѣка практику искусства живописи. Въ числѣ архивныхъ бумагъ XIII вѣка извѣстно повелѣніе Генриха III, заключающее заказъ «Maesta», то-есть, изображенія Христа съ четырьмя евангелистами, подобнаго тѣмъ, что оставилъ Чимабуэ. Повелѣніе это отмѣчено 24 января 1233 года, стало-быть семью годами предшествуетъ рожденію прародка италіанскаго искусства. Старые архивы свидѣтельствуютъ также о существованіи корпораціи художниковъ въ эпоху чрезвычайно отдаленную. Статуты «Корпораціи англійскихъ живописцевъ», относящіяся къ 1283 году, сохранились до нашихъ дней. Статуты сѣннской корпораціи принадлежатъ лишь къ 1355 году, стало, болѣе полувѣка моложе. Замѣчательно также, что статуты англійской корпораціи упоминаютъ о краскахъ, приготовленныхъ на маслѣ, въ то время, какъ ни на что подобное сѣннской документъ и не намекаетъ.

I.

Въ—продолженіе вѣковъ XV и XVI церковное зодчество не сходило съ пути непрерывнаго успѣха; по—крайней—мѣрѣ, оно ничего не теряло въ достоинствѣ, и рядомъ съ нимъ, украшеніе замковъ, богатыхъ резиденцій, вскорѣ приняло участіе въ пышностяхъ искусства. Что до живописи, казалось, она, вмѣсто того, чтобы подвигаться тѣмъ же ша-

гомъ, въ-теченіе этого періода довольствовалась безжизненнымъ подражаніемъ, воспроизведеніемъ того, что уже было сдѣлано. Эта склонность неминуемо вела къ разрушенію, и въ-самомъ-дѣлѣ, при Генрихѣ VII, именно въ ту пору, когда италіянскія школы возвысились до своей апогеи, искусство въ Англіи упало ниже посредственности. Портреты того времени были не иное что, какъ отвратительныя каррикатуры, а изображенія религіозныхъ предметовъ, хотя и производились въ избыткѣ, страдали недостаткомъ во всемъ, что придаетъ прелесть работамъ этого рода.

Ни въ одной образованной странѣ, искусство не могло пасть до той степени, какъ въ Англіи, когда Генрихъ VIII наследовалъ своему отцу. Готовилась реформа, и ея дѣйствія неизбѣжно должны были сдѣлаться неблагопріятными для художниковъ. Генрихъ VIII, между-тѣмъ, по дѣйствительному-ли вкусу, по желанію-ли соперничать съ Карломъ V и Францискомъ I, обратилъ свое вниманіе на искусства, по-крайней-мѣрѣ, на ту отрасль искусства, которая особенно льститъ тщеславію: на портретъ. Онъ пригласилъ къ своему двору Ганса Голбейна, и удержалъ его при себѣ столько же любезностію и вниманіемъ, сколько огромнымъ содержаніемъ. Тяжелый характеръ жены и забвеніе соотечественниковъ, несмотря на замѣчательный талантъ, быть-можетъ, расположили художника принять предложенія графа Арундельскаго, за которымъ онъ послѣдовалъ въ Лондонъ въ 1526 году. Онъ первый изъ значительныхъ живописцевъ пріѣхалъ въ Англію. Послѣ него, рядъ иноземныхъ художниковъ состоялъ на жалованьи государей, предшествовавшихъ Георгу I. Вопреки предубѣжденіямъ противъ Англіи и живописцевъ континента, Моро, Зуккоро, Гёръ, Митенсъ, Рубенсъ, Вандейкъ, одинъ за другимъ, отваживались въ эту страну.

Антонію Моро, уроженецъ Утрехтскій, былъ первымъ придворнымъ живописцемъ въ царствованіе Маріи. Италіянецъ Зуккоро и генецъ Лука Гёръ (Нееге) написали при Елисаветѣ нѣсколько портретовъ, между-прочимъ портретъ королевы, которая, сама по себѣ, не понимала въ искусствѣ ничего ровно и жаловала его мало. Іаковъ, ея преемникъ, напротивъ, цѣнилъ его и ободрялъ. Онъ-то содержалъ при себѣ Митенса изъ Гаги. Около того времени достигъ престола Карлъ I. Первобытная строгость протестантскаго чувства уже очень ослабла, и король, имѣвшій и вкусъ и склонность къ великолѣпію, занялся собираніемъ художественныхъ произведеній въ свои резиденціи. Однакоже, не ему принадлежить заслуга перваго начала королевской коллекціи. Первую мысль о томъ возымѣлъ Генрихъ VIII, который и собралъ до полутора-ста картинъ — число уже значительное, если припомнимъ печальное

состояніе общественнаго вкуса и безпokoйную жизнь этого государя. Съ своей стороны, Карлъ I развилъ начатое Генрихомъ. Онъ приобрѣлъ картоны Рафаэля; онъ купилъ коллекцію герцога Мантуйскаго, — и большая галерея его Уайтгалльскаго дворца, гдѣ расположилъ онъ свой музеумъ, наполнилась четырьмя-стами шестидесятью картинами тридцати-семи мастеровъ. Въ числѣ этихъ произведеній были Пармезаны, Рафаэли, Таціаны, Леонарды-да-Винчи. Когда Рубенсъ пріѣхалъ въ Лондонъ посломъ отъ инфанты испанской, король пригласилъ его расписать одинъ изъ плафоновъ дворца, и художникъ, прожившій здѣсь годъ, оставилъ за собою блистательную аллегорію, кромѣ нѣсколькихъ портретовъ.

За учителемъ слѣдовалъ ученикъ — Вандейкъ. Въ особенной милости при Карлѣ I, онъ жилъ въ Лондонѣ семь лѣтъ, умеръ здѣсь же въ 1641 году, и разсыпалъ по Англии значительное количество портретовъ членовъ королевской фамиліи и важнѣйшихъ лицъ эпохи. Почти около того же времени, питомецъ голландской школы, Лели, писалъ въ Англии пейзажи; но вскорѣ онъ оставилъ эту часть и посвятилъ себя болѣе выгодной — портрету. Лели былъ человѣкъ очень искусный; онъ былъ слѣланъ придворнымъ живописцемъ Карла II, и умеръ въ 1680 году. Наконецъ, чтобы замкнуть этотъ рядъ иностранныхъ живописцевъ, намъ остается назвать только одно имя — Квеллера, изъ Любека, который дебютировалъ въ Лондонѣ въ концѣ XVII вѣка, и былъ придворнымъ живописцемъ съ царствованія Іакова II, до своей кончины въ 1725 году.

Однако нужно замѣтить, что въ-теченіе этого періода, искусство не обошлось безъ національныхъ представителей. Такъ, около послѣднихъ годовъ XVI вѣка и въ началѣ XVII-го, два англичанина, Гиллардъ и Оливеръ, отличались въ портретахъ малаго размѣра, второй спеціальнѣе въ миниатюрѣ. Куперъ, послѣ нихъ, также писалъ прекрасныя миниатюры къ концу царствованія Карла I, и въ то же время явился замѣчательный архитекторъ, Джонсъ, а за нимъ скоро и серъ Кристофъ Рень (Wren), которому англичане обязаны соборомъ св. Павла. Наконецъ, шотландецъ Джемсонъ составилъ себѣ заслуженную извѣстность въ началѣ XVII вѣка; онъ учился у Рубенса, и долженъ быть упомянутъ, какъ первый національный живописецъ, обнаружившій талантъ въ портретѣ натуральной величины.

Эпоха, къ которой мы пришли, уже важная: въ ней заключается возрожденіе для англійскаго искусства. Отсюда начинается непрерывная линія оригинальныхъ живописцевъ, которые не только позволили Англии обходиться безъ чужеземной помощи, но и опредѣлили ей въ ря-

ду школъ мѣсто, ею до-тѣхъ-поръ не занимаемое. Одинъ изъ первыхъ по порядку, также какъ и одинъ изъ самобытнѣйшихъ мастеровъ, былъ Гогартъ, родившійся въ 1697 году. Сначала граверъ на посудѣ, потомъ граверъ астамповъ на мѣди, потомъ, наконецъ, живописецъ, Гогартъ развился такимъ путемъ, какъ будто его неодолимаѣя склонность къ комическому и врожденная сатирическая сила заставили испытать все пластическія искусства, чтобы отыскать со всехъ сторонъ средства излить свое неизсякаемое остроуміе. Подобно Мольеру, онъ списываетъ безобразія или смѣшныя стороны пороковъ и современныхъ глупостей, и воспроизводитъ ихъ кистью жгучею и всегда рѣшительною, но нѣкоторая немоллимая грубость, иногда доходящая до дикости, отличаетъ его живопись отъ сценъ французскаго писателя, гдѣ ничто не выступаетъ за границу приличія. Это иногда придаетъ его произведеніямъ характеръ преувеличенности и карикатуры, между-тѣмъ, какъ Мольеру скорѣе недостаетъ естественности, въ-слѣдствіе излишней умѣренности и осторожности въ отдѣлкѣ.

Гогартъ въ высокой степени владѣлъ болѣею частію пластическихъ свойствъ. Подъ пластическими свойствами я разумѣю тѣ способности, которыя состоятъ специально въ умѣнии схватывать соотношенія линий, формъ, свѣта, тѣни и цвѣтовъ, а также воспроизводить впечатлѣнія, сообщаемыя этими данными человѣку съ особенной организаціей. Такія воспроизведенія, чтобы выполнить условія искусства, должны состоять изъ опредѣленной основы подражанія, на которой строится знаніе, въ которомъ художникъ пытается дать видимый обликъ ощущеніямъ имъ пережитымъ, своимъ чувствамъ и мысли. Подражаніе играетъ здѣсь просто роль скелета: оно доставляетъ точку оперы. Чтò было разъединено, несвязно и смѣшано, то, съ его помощью, облекается въ форму и становится цѣлымъ: это какъ бы мостъ между художникомъ и другими людьми; по этому мосту они входятъ въ его міръ. Произведенія Гогарта отличаются рисункомъ, полнымъ правды и характеричности, композиціею, богато расположенною и хорошо распределенною, эффектомъ рѣзкимъ и сильнымъ, и колоритомъ счастливо подражательнымъ. Остальныя достоинства Гогарта независимы отъ его значенія, какъ живописца. Его провинительная наблюдательность въ дѣлѣ характеровъ и живая восприимчивость смѣшнаго, его сатирическая сила и драматическія способности нашли бы въ словѣ или въ перѣ средство выраженія болѣе прямое и столь же полное; но щедрая природа на этотъ разъ хотѣла накопить свои дары. Къ этимъ способностямъ, въ нѣкоторомъ родѣ литературнымъ, она изъ полныхъ рукъ приложила ему чисто-художественныя способности, и вмѣсто того, чтобы писать, онъ

изображалъ на полотнѣ то, что находилъ и чувствовалъ въ своемъ внутреннемъ существѣ.

Межь-тѣмъ, какъ Гогартъ еще вполне владѣлъ собою и пользовался широкимъ довольствомъ, плодомъ его генія и трудовъ, Уильсонъ, Рейнольдсъ и Генсбѣри (Gainsborough) явились на свѣтъ, почти въ одно и тоже время. Первый изъ нихъ сначала занимался портретомъ, и даже былъ въ ходу. Позднѣе, онъ увлекся къ пейзажу. У него широкій стиль, блестящая и богатая масса краски, хотя иногда виднѣтъ недостатокъ содержаія, а характеръ теряется подъ ловкостію кисти. Жозефъ Верне весьма уважалъ его. Онъ обмѣнилъ одно изъ своихъ произведеній на картину англійскаго живописца, которой красота его поразила, и выставивъ ее у себя, говорилъ англійскимъ путешественникамъ, спрашивавшимъ его работъ: «Не говорите мнѣ о моихъ пейзажахъ, когда имѣете у себя дома пейзажиста, подобнаго Уильсону». Несмотря на ихъ дѣйствительныя достоинства, работы Уильсона, если исключить портреты, никогда не нравились публикѣ, и не получи онъ во время наслѣдства, онъ умеръ бы съ голода.

Генсбѣри оставилъ пейзажи и портреты, онъ отличался въ обоихъ родахъ. Онъ не брался никогда за исторію, или за сложныя композиціи; обыкновенно онъ выводилъ на сцену одну фигуру, много двѣ, нерѣдко натурального роста, и почти всегда подъ условіями пасторальными. Манера его легкая и отзывается очеркомъ. Напрасно искать въ его произведеніяхъ вѣрность рисунка или отдѣлку; но характеръ, эффе́ктъ и краска щедро вознаграждаютъ за недостающее, особенно въ сюжетахъ, которые онъ особенно любилъ и которые допускаютъ нѣкоторыя вольности.

Остается намъ только сказать о Рейнольдсѣ, чтобы довести нашъ бѣглый обзоръ до современнаго англійскаго искусства, къ которому этотъ художникъ принадлежитъ и по эпохѣ его жизни, и по творчеству, до-сихъ-поръ славному. Рейнольдсъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ необычайный: у него особенныя способности живописца находились въ связи съ возвышенностію сердца, съ умомъ прочнымъ и проницательнымъ. Его наблюдательная сила была велика, и она приносила плоды, потому-что онъ взвѣшивалъ то, что видѣлъ, между-тѣмъ, какъ у большинства людей глазъ пробуждается, а умъ дремлетъ. Обстоятельства захотѣлось, чтобы это счастливое сочетаніе способностей встрѣтило на своемъ пути благосклонность публики, и оттого полились на живописца фортуна и знаменитость. Такъ какъ все его симпатіи принадлежали искусству, то онъ обратилъ на пользу искусства же свое почетное положеніе. Примѣръ добродѣтельной жизни и неутомимаго труда подалъ поводъ къ подражанію между художниками, его товарищами, а

взгляды, которые внесъ онъ въ теорію, вмѣстѣ съ оригинальностью и силою его практики, возвысили самое искусство; они придали ему сущность и манеру, какихъ не имѣло оно никогда въ Англіи; они, кромѣ того, сдѣлали его до того послѣдовательнымъ самому себѣ и такъ твердо установили, что школа англійская отнынѣ была обезпечена навсегда.

Рейнольдсъ былъ прежде всего портретистъ. Онъ временами прикасался и къ исторіи, но въ ней онъ остался гораздо ниже того, чѣмъ былъ на своей настоящей дорогѣ. Въ историческомъ сюжетѣ онъ не имѣетъ того величія и той разительной новости взгляда, которыя умѣлъ совмѣщать въ своихъ портретахъ; при всемъ томъ, когда размотришь его карьеру, вспомнишь, какъ онъ родился въ маленькомъ городишкѣ, гдѣ не получилъ ни одного урока въ искусствѣ до восемнадцати лѣтъ, какъ былъ потомъ отданъ «въ ученье» къ живописцу Гедсону, воплощенному невѣжеству, неумѣвшему придѣлать туловища къ головамъ своихъ портретовъ, и для упражненія питомца въ рисованіи, заставлявшему его снимать копіи съ акватинты Гверчина, — какъ наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ такой школы, молодой человѣкъ началъ снискивать себѣ пропитаніе портретами, — тогда перестаешь дивиться, почему инаго ему не доставало, и чувствуешь, что одно только гениальное дарованіе могло открыть ему возможность пріобрѣсти ту сумму качествъ, которой не оспорить никто у его произведеній.

Достоинства живописи у Рейнольдса — сила и широкій эффектъ, тонъ степенный, гармонія красокъ и нѣкоторый видъ величія: цѣлое всегда написано рукою смѣлою и непринужденною, но немножко распушевною. Къ этому надо прибавить другія свойства, которыя, не принадлежа къ искусству, тѣмъ не менѣе вытекаютъ изъ личности художника. Его фигуры нерѣдко полны возвышенности, щегольства, граціи, и не смотря на извѣстную небрежность кисти, поражаютъ живостію и искренностію выраженія, которыя нынѣ каждый день все болѣе ускользаютъ отъ кистей болѣе сжатыхъ и покорныхъ.

При основаніи Королевской Академіи (Royal Academy) въ 1768 г. Рейнольдсъ былъ безотлагательно назначенъ ея президентомъ, и въ слѣдующемъ же году освятилъ ее своею первою рѣчью о живописи. Всего онъ произнесъ пятнадцать такихъ рѣчей, которыя и были обнародованы послѣ его смерти и переведены на многіе европейскіе языки. Разбирать ихъ здѣсь было бы неумѣстно: мы только скажемъ, что онѣ содержатъ взгляды столько же основательные, сколько обширные, благоразумные совѣты, полезные и для ученика и для художника, и кромѣ всего этаго, особенную замашку мысли философической и великой, которая дѣлаетъ ихъ интересными для всякаго читателя. Быть

можетъ, тутъ-то всего лучше можно поймать на дѣлѣ основателя новой школы въ Англии. Если вліяніе собственно манеры живописца теперь болѣею частию и погасло, правила его не потеряли своей жизненности. Онѣ и до-сихъ-поръ обусловливаютъ у его соотечественниковъ основанія изученія искусства, также какъ и основанія его организаціи. И въ-самомъ-дѣлѣ, то были заключенія, сдѣланныя умомъ свѣтлымъ и практическимъ, по собственному опыту. Ни въ чемъ непохожія на систематическіе сны кабинета, онѣ вылились изъ самыхъ фактовъ, и въ-слѣдствіе того, остались дѣйствительными и удобо-приложимыми.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Королевской Академіи было учредить ежегодныя выставки, при постановленіи, что шестдесятъ шесть ея членовъ имѣютъ полное право на допущеніе ихъ произведеній, а другіе художники должны подвергать свои — разсмотрѣнію комитета изъ трехъ академиковъ. Эти положенія и теперь еще въ силѣ, и до сегодня выставки слѣдовали одна за другою, не прерываясь. Выставка 1852 года, стало-быть, восемьдесятъ четвертая; нужно ли говорить, что она должна имѣть видъ совершенно иной, нежели ея предшественницы? Среди быстрого движенія, которое унесло Англию на всѣхъ путяхъ промышленности, необычайно было бы, если бы искусства оставались въ бездѣйствіи,—и они подвинулись также. Впрочемъ, кромѣ того толчка, который англійская школа получила отъ своихъ самобытныхъ художниковъ, она была сильно подвинута другими причинами, сообщеніями народа съ народомъ, всегда столько существенными для островитанъ, и нужно прибавить, болѣе полувѣка расширявшимися. Возвышенность и строгость германскихъ художниковъ, правда и энергія французской кисти нѣкоторымъ образомъ являлись въ средѣ англичанъ, чтобы пробудить англійское искусство къ дѣятельности и успѣху. Дѣйствіе школъ континента, однакоже, давало себя чувствовать медленно, и едва видимы слѣдъ его во все президентство Лоренса. Самъ Лоренсъ, которому было двадцать-два года при смерти Рейнольдса и который обнаружилъ уже на столько таланта, что былъ избранъ въ академики ранѣе положенныхъ лѣтъ и сдѣланъ первымъ живописцемъ короля, не покинулъ старыхъ преданій, и успѣхъ, который онѣ снискали ему, сдѣлалъ ихъ популярными, какъ средства къ извѣстности. Лишь по его смерти (въ 1830 г) обнаружилась новыя стремленія въ направленіи идей и занятій. Выставка 1835 года и представляетъ намъ не болѣе тридцати картинъ, въ числѣ которыхъ не было и десяти, гдѣ бы можно было признать прочныя основанія рисунка въ формѣ различныхъ частей человѣческой фигуры. Короче, чтобы придти къ первымъ рѣзкимъ примѣтамъ пре-

образованія, которыя усматриваются на выставкѣ 1852 года, чтобы ясно увидѣть эту перемѣну понятій,—мы выражаемся неточно,—эту перемѣну секты, потому—что искусство одно, хотя можетъ принять тысячу формъ, для этого нужно спуститься до конкурса, открытаго въ 1842 году въ видахъ украшенія палаты парламента. На этотъ разъ англійскіе художники были вынуждены программю помѣряться съ великими композиціями, взятыми или изъ исторіи Англій, или изъ твореній Шекспира, Спенсера и Мильтона, и сто сорокъ картоновъ, отвѣтввшихъ на призывъ комиссаровъ, произвели нѣкотораго рода переворотъ. Когда на слѣдующій годъ произошла выставка этихъ картоновъ, Лондонъ увидѣлъ то, чего никогда прежде не видалъ: важную коллекцію рисунковъ челоувѣческой фигуры въ натуральной ростъ.

Что произведенное дѣйствіе не перестаетъ давать чувствовать себя и до нынѣ, это не можетъ подлежать сомнѣнію, по—крайней—мѣрѣ для того, кто слѣдилъ вблизи выставки Royal Academy. Размѣры англійскихъ картинъ вообще скромны. Оставляя въ сторонѣ портреты, мы видимъ, что залы Академіи вмѣщали въ 1852 году лишь одну композицію, превышавшую шесть футовъ, въ ея наибольшемъ протяженіи. Слѣдовательно, фигуры, даже и въ серьезныхъ сюжетахъ, имѣютъ только половину натуральной величины. Хотя въ такихъ размѣрахъ высшимъ достоинствомъ искусства высказаться возможно но не менѣе того, широкія пропорціи много содѣйствуютъ величавости и проявленію нѣкоторыхъ свойствъ высшаго порядка. Онѣ уже поражаютъ сами по себѣ, и мы безъ затрудненія могли бы указать на нѣкоторыя новѣйшія произведенія, чрезвычайно пѣнимыя, которыя обязаны всей своею важностію своему размѣру и которыхъ безусловная посредственность въ каждомъ другомъ отношеніи, при меньшемъ размѣрѣ, непременно убила бы всякаго живописца, еслибъ не имѣлъ онъ спасенія въ громкомъ имени.

—

II.

Хотя довольно многія композиціи, выставленныя въ Лондонѣ въ 1852 году, мѣтятъ на то, что мы называемъ «высшимъ искусствомъ», не болѣе одной изъ нихъ находимъ мы, гдѣ бы результатъ сколько—нибудь соотвѣтствовалъ намѣренію, гдѣ бы художникъ, повидимому, зналъ, какъ приступить къ эпическому произведенію, и авторъ этой

картины — питомецъ французской школы, г. Эрмитеджъ. Его *Агарь въ пустынь* напоминаетъ многія изъ хорошихъ чертъ его учителей; она нарисована съ силой и отдѣлана съ знаніемъ; она дышетъ лихостію и мрачною мощью, которыя прекрасно согласуются съ печальнымъ эпизодомъ. Но сюжеты священные требуютъ отъ художника или чрезвычайнаго религіознаго чувства, или организациі особенно одаренной къ величію и возвышенности. Если духъ благочестиваго жара не проливаетъ по нимъ то чистое и дѣвственное выраженіе, которое освящаетъ и смиренныя персонажи какого-нибудь Гемелинка; если, за недостаткомъ его, картина не преисполняется торжественнымъ величіемъ, какъ напримѣръ въ итальянскихъ произведеніяхъ, тогда полученный результатъ есть просто великолѣпный памятникъ полной неудачи, неудачи, тѣмъ болѣе очевидной, чѣмъ болѣе живописецъ показываетъ пластическихъ достоинствъ. Произведеніе пошло далеко, но ему не достаетъ именно того, что изъ ряда трудовъ искусныхъ возвело бы его до высокаго произведенія.

Съ другой стороны, привычки, до-сихъ-поръ одерживавшія верхъ въ искусствѣ, какъ мы видѣли, бросали дарованіе далеко отъ строгаго изученія, которое одно можетъ приготовить художника къ высшему полету. Какъ слѣдствіе этого, является на выставкѣ 1852 года едва двадцать картинъ, которымъ послужила текстомъ библія, и исключая *Агарь*, всѣ показываютъ что религіозный сюжетъ былъ избранъ случайно. Живописецъ остановился на немъ потому, что онъ оказывался выгоднымъ для краски, или для расположенія; главною его цѣлью было не то, чтобы ударить по торжественнымъ и таинственнымъ струнамъ, которыя отвѣчаютъ подобнымъ темамъ.

Историческая живопись, точно также, имѣетъ относительно лишь немногихъ вѣрныхъ. Общественный вкусъ отвергаетъ ее. Онъ оставляетъ историческаго живописца безъ вознагражденія, такъ-что развѣ одинъ неодолимый позывъ къ прекрасному и высокому, развѣ одно возвышенное безуміе можетъ бороться съ общественнымъ равнодушіемъ и предубѣжденіемъ, унижающимъ искусство.

Въ числѣ рѣдкихъ бойцовъ этой почти безплодной борьбы противъ общаго небреженія есть нѣкоторые, уже выходившіе на арену, открытую еще конкурсомъ 1842 года и тогда уже смѣло стяжавшіе вѣнки, Изъ этихъ, гг. Дайсъ, Копъ, Фростъ и Маклайсъ одни прислали нынче работы историческія. Дайсъ является съ рисункомъ широкаго стиля и возвышеннаго характера. Копъ, написавшій *Эпизодъ изъ Гризельды* Чосера, обнаруживаетъ въ немъ драматическую силу, много вкуса и чувства въ выраженіи и позѣ фигуръ. Очевидно, онъ

не изъ тѣхъ, кто работаетъ на скорую руку. Онъ хорошо взвѣшиваетъ свой сюжетъ, и совѣстливо ищетъ всякаго средства выразить свою мысль. Это, пожалуй, можетъ объяснить нѣкоторую тяжесть кисти и недостатокъ въ искренности, какъ-будто подходящій къ нерѣшительности. *Нимфа и Амуръ* — Фроста, также, какъ и другое его произведеніе, *Майское утро*, суть набѣги въ область той мнѳологіи всѣхъ временъ, которая такъ мила художникамъ — и очень недаромъ, потому что классическій плащъ древности укрываетъ ихъ отъ многихъ упрековъ и многихъ щекотливостей. Два эти продукта воображенія отличаются щегольствомъ и тонкимъ чувствомъ рисунка. Одна изъ картинъ, наиболѣе замѣтныхъ и, въ то-же время, изъ наибольшихъ всей выставки, хотя все еще очень-умѣреннаго размѣра, это произведеніе г. Маклайза, *Саксонскій король Алфредъ, подъ одеждой менестреля, въ палаткѣ датчанина Гутруна*. Со стороны механическаго исполненія, трудъ совершенъ съ ловкостію, которая могла бы соперничать съ тѣмъ-же свойствомъ Ораса Верне, котораго Маклайзъ, впрочемъ, напоминаетъ и въ общемъ стилѣ композиціи. Аксессуары и подробности, расточенные до ослѣпленія, совершенное отсутствіе прелести краски, недостатокъ въ живописной оригинальности — вотъ черты, общія обѣимъ художникамъ. Кончимъ *Прощаніемъ лорда Расселя и его жены, въ минуту его казни*, которая принадлежитъ и къ категоріи исторіи, если размѣръ рамы и серьезное свойство сюжета даютъ право на это отличіе. Г. Люси, раскащикъ этой прискорбной сцены, передалъ ее съ правдою, какъ драму, кистью, умѣющею подражать натурѣ, хотя и тяжеловатою. Его страницы одной школы съ Кромвеллемъ и другими историческими отрывками Дѣлакроа. Не взирая на толковое правдоподобіе выраженій, вась охлаждаетъ видимая подготовка аксессуаровъ и бѣдность краски, а и то и другое было бы не такъ чувствительно, еслибъ картина была въ меньшихъ размѣрахъ.

Преобразования, исполняющіяся въ искусствѣ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ внезапныхъ потрясеній, которыя, такъ-сказать, крупными буквами сказываютъ и число свое и характеръ. Видоизмѣненіе можетъ быть произведено только тамъ, гдѣ уже есть нѣчто определенное; чтобы проявить что нибудь новое въ живописи, нужно пойти отъ основанія твердаго, хорошо извѣстнаго, а потому перемѣны медленны и запутаны. Иной живописецъ начинаетъ тѣмъ, что вводитъ черту болѣе изученную; другой потомъ обращаетъ свое вниманіе на подробности; третій связываетъ эти улучшенія, прибавляя къ нимъ свою особенность, и такимъ-образомъ преобразование становится виднымъ только по накопленіи многихъ частныхъ измѣненій.

Доведенной до всѣхъ своихъ естественныхъ границъ, новой программѣ неминуемо придти вотъ къ чему: палитра должна подчиниться карандашу,—природу должно искать во всей ея простотѣ,—рисунокъ долженъ слѣдовать за нею во всѣхъ ея прихотяхъ формы. Изъ чего необходимо вытекаетъ, что дѣйствительный свѣтъ и тѣнь должны замѣнить эффекты идеальной свѣто-тѣни, и что краска должна смиренно принять законъ, который такъ долго сама предписывала. Понимается, эта реформа нашла самыхъ горячихъ приверженцевъ среди молодыхъ живописцевъ, и, какъ всегда бываетъ, крайность, которую нужно было исправить, вызвала другую крайность. Въ главѣ преобразователей стоитъ секта молодыхъ живописцевъ, которые сдѣлались извѣстными подъ названіемъ прерафаэлитовъ. Это: Ж. М. Браунъ, У. Г. Гѣнтъ и Колликъ; но до-сихъ-поръ, нужно сказать, ихъ терпѣніе было болѣе мелочно, нежели точно, ихъ простота болѣе исполнена претензій, нежели наивна. Случайное какой-нибудь формы, будь оно только поразительно, выдѣлялось какъ-бы на показъ, а ея болѣе существенныя черты, но менѣе выпуклыя, оставлены въ сторонѣ. Наконецъ, у нихъ замѣтно не оригинальное пониманіе сложностей природы, а скорѣе желаніе перенять XV вѣкъ.

Между молодыми нововводителями, однако же, есть одинъ, котораго мы поставимъ особо: это г. Д. Е. Миллезъ. Если онъ близко сродни прерафаэлитамъ по своему микроскопическому штриху и по своимъ контурамъ, такъ мы считаемъ себя обязанными отличить его отъ нихъ потому, что эти особенности, вмѣсто того, чтобъ быть для него цѣлью, кажутся просто средствомъ, которое пытается онъ для того, чтобы выговорить на своемъ холстѣ намѣренія болѣе глубокия и чувство болѣе сильное. Въ его двухъ картинахъ, *Влюбленный* и *Офелия*, излишество подробностей, безъ сомнѣнія, вредитъ общему эффекту, и тѣло, такъ-сказать, черезчуръ выдѣлано, но по обѣимъ картинамъ пролить меланхолическій интересъ и головы натуральны, выразительны и просты.

Аналогическая по роду сюжета и свойству интереса, *Шарлотта Корде, идущая на казнь*, Уарда, есть также трудъ серьезный, но не болѣе предыдущаго въ смыслѣ прерафаэлитическомъ. Она представляетъ такое большое сходство съ стилемъ и приѣмами французскими, что могла-бы быть приписана г. Верне или г. Гессу, по-крайней-мѣрѣ, глазами, мало освоившимися съ личною печатью этихъ двухъ художниковъ. Какъ они, г. Уардъ обладаетъ ловкостію и опрятностію кисти, вѣроводіемъ драмы и тою совершенно подражательною манерою живописи, которая проситъ только у красокъ словъ, чтобы сказать то, что можно видѣть. Въ настоящее время, впрочемъ, это путь большинства. Многими сторонами также, гг. Лендсиръ, Ф. Стопъ, Т. Юдинъ,

С. А. Гертъ, Ф. Р. Пиккерогилль, не говоря о нѣкоторыхъ другихъ, заставляютъ вспоминать о хорошихъ картинахъ парижскихъ выставокъ. Всѣ они опыты въ распредѣленіи композиціи; всѣ съ талантомъ, умѣющимъ осуществить ихъ мысли; задаются по преимуществу тѣмъ, что бы хорошо разсказать свою исторію, охотно жертвуя тѣмъ, что имѣло бы цѣну какъ движеніе и какъ краска, тому, что общааетъ выразительнѣе развить ихъ драму. Они до основанія понимаютъ полезныя услуги, которыя способна оказать живопись; но не допускаютъ ея прихотей. Они подрѣзали крылья Пегасу, и сдѣлали изъ него добраго воеваго коня.

Быть-можетъ, нѣтъ ни одного пункта, которымъ бы новыя школы столько отличались отъ древнихъ школъ, какъ своимъ мимическимъ талантомъ. Хотя часть искусства, говорящая уму, и была воздѣлываема до извѣстной точки нѣкоторыми изъ италіанскихъ мастеровъ, но въ наши дни она приняла такой объемъ, что стала, можно сказать, чертою вполне новою. Это замѣчаніе какъ-бы навязываетъ вамъ на лондонской выставкѣ число картинъ, въ которыхъ преобладаетъ этотъ родъ живописи. Нѣкоторыя въ особенности: *Попе и леди Монтею*, г. Фритса, и *Эпизодъ изъ мемуаровъ Пениса*, г. Елмора, поразили насъ въ этомъ смыслѣ. Живая реальность фizioномій и драматическая игра дѣйствующихъ удивительны въ этихъ картинахъ. Для того, чтобы изобрѣтать такіе сюжеты, нужно быть наблюдателемъ прощательнымъ и опытнымъ. Фигуры говорятъ съ ногъ до головы, и цѣлое одѣто колоритомъ живымъ и естественнымъ, наложеннымъ кистью твердою и ученою.

Къ этой новѣйшей чертѣ живописи мы прибавимъ другую: любовь мѣстнаго колорита, вкусъ древнихъ костюмовъ и, въ-слѣдствіе того, цѣлый порядокъ сюжетовъ, приспособленныхъ къ этимъ новымъ цѣлямъ. Эти стремленія до того общи въ настоящее мгновеніе, что новыя произведенія различныхъ народовъ часто сливаются въ одно семейное выраженіе. Француженка, одѣтая Клариссою Гарло, или англичанка въ костюмѣ госпожи де-Севинье много-бы потеряли своей національной фizioноміи, и даже то, что въ дѣйствительности сохранили-бы онѣ для опытнаго глаза, то въ живописи исчезло-бы еовершенно.

Отъ этого, такъ-сказать, чисто умственного искусства, мы перейдемъ къ искусству воображенія; тутъ встрѣтимъ всего двѣ композиціи г. Д. Мартина, грандіознаго живописца *Пира Бальтасара* и *Потопъ*. Три-четыре другія картины не важныя. Это кажется намъ страннымъ фактомъ въ Лондонѣ, въ отчизнѣ Шекспира, перваго генія фантазіи.

Изъ всѣхъ источниковъ, откуда можетъ черпать живописецъ, болѣе всего разрабатывается частная жизнь. Кромѣ-того, что домашнія сцены

имѣютъ особенную прелесть для массы публики, онѣ всегда на кончикѣ кисти художника, и не требуютъ отъ него никакого усилія ума, кромѣ труда копированія. Весь талантъ подражанія, которымъ онъ обладаетъ, находитъ здѣсь просторное поле для того, чтобы развиться вполне и съ пользою, при двойной выгодѣ свискать вѣрный успѣхъ самымъ дешевымъ образомъ. Особенною прелестью въ этомъ родѣ владѣеть г. Уэбстеръ, авторъ трехъ домашнихъ сценъ; съ одинаково животворящимъ дыханіемъ умѣлъ онъ вызвать въ *Рекреаціонномъ дворѣ школы* шумную и беззаботную веселость дѣтства, въ *Азбуку*, первыя испытанія человѣческой жизни, въ *Письмъ, привезенномъ изъ колоній*—ея крайнія страданія и глубочайшія потрясенія привязанностей сердца.

Портреты доставили свою обычную долю. Извѣстно, что они—адрессы живописцевъ и основа каждой выставки. Только въ этомъ году, они, въ дѣлѣ исполненія, отзываются всеобщимъ порывомъ къ стилю болѣе строгому и къ болѣе тщательной работѣ. Г. Ф. Грентъ, сохранившій еще много воспоминаній о Рейнольдсѣ и Лоренсѣ, твердъ и точенъ, особенно въ мужскихъ фигурахъ. Женскія менѣе ему благопріятны. Въ головахъ Найта (Knight) есть характеръ и смѣлая кисть; въ *Виконтессѣ Гудъ*, г. Боксоля—много щегольства и граціи, выраженныхъ отличнымъ колоритомъ. Однако первенство принадлежитъ шотландцу, серу Д. У. Гордону, его шесть портретовъ свидѣтельствуютъ о рукѣ твердой, водимой совершеннымъ знаніемъ искусства: фізіономіи натуральны и выразительны, цѣлое производитъ впечатлѣніе полное и достойное.

Такъ—какъ изображеніе всего, что имѣетъ жизнь, есть главная трудность искусства, то мы можемъ, прежде, нежели дойдемъ до пейзажей и до мертвой природы, помѣстить здѣсь животныхъ велѣдь за человѣкомъ, и безъ обиды для него. Серъ Эдуинъ Лендсиръ, котораго энергія и поэтическое воображеніе хорошо извѣстны въ Парижѣ, въ 1852 г. не выставилъ ничего; но его любимыя мѣстоположенія, гористые пейзажи Шотландіи, явились подъ кистью г. Экселля, который, впрочемъ, оживляетъ свои виды изображеніемъ жильцовъ этихъ пустынь: дикой козы, собаки, горнаго барана и пастуха, почти столько же грубаго и дикаго. Тѣмъ не менѣе англійскіе художники, кажется, не одержимы тою страстію къ животнымъ и къ охотѣ, изъ которой дѣлаютъ общій атрибутъ ихъ соотечественникамъ.

Въ пейзажѣ видны слѣды того-же движенія, на которое мы указали. Тёрнеръ, какъ извѣстно, щедро показалъ какія пространства онъ можетъ предложить воображенію и поэтическимъ эффектамъ. Въ самомъ Парижѣ гравюра дала возможность судить о его

созданіяхъ, немножко фантастическихъ, по великолѣпныхъ. Однако въ настоящую минуту, не Тёрнеръ глава школы въ лондонской академіи. Теперешнія задачи англійскаго искусства выражаются у его преемниковъ болѣе терпѣливымъ изображеніемъ дѣйствительности, общоумѣренностію тона и манерою, до-сихъ-поръ весьма рѣдкими въ англійскомъ пейзажѣ. Кажется, какъ будто по единогласному чувству художники сговорились черпать снова изъ великой сокровищницы природы, чтобы смѣнить матеріалы, которые воображеніе однажды навсегда преобразовало и выработало. Чтò мы уже имѣли случай замѣтить, то могли-бы еще повторить здѣсь: пейзажи также свидѣтельствуютъ, что многіе изъ самыхъ ретивыхъ бойцовъ имѣли силу направить увлеченіе, которое ихъ уносило, что у нихъ разсудительность владѣла энтузіазмомъ. Въ числѣ произведеній этаго рода картины гг. Кресуина и Редгрева должны быть преимущественно отмѣчены, не только за ихъ правду, но и за ихъ поэтическій интересъ и свѣжую прозрачность краски. Чтò касается до г. Д. Робертса, онъ съ честію поддерживаетъ свое имя академика двумя большими и прекрасными видами *Венеціи* и *Амтверпена*; сверхъ-того, онъ обезпечиваетъ себѣ пальму перспективы великолѣпною картиною: *внутренностію главной церкви собора Св. Стефана въ Вѣннѣ*.

Обозрѣвъ масляную живопись, намъ остается нѣсколько словъ сказать о скульптурѣ; но прежде мы желали бы заплатить дань нашего удивленія необычайному направленію таланта въ отрасли искусства, которая представляетъ художнику самое тѣсное поле, — въ миниатюрѣ. Предметъ нашихъ похвалъ шотландецъ, г. Сорбѣръ, уже нѣсколько лѣтъ извѣстный по портретамъ, которымъ онъ умѣетъ придавать роскошь, силу и твердость рисунка, которыя были бы замѣчательны и во всякой другой живописи, а при такой мелкой кисти становятся поразительны. Сильный и оригинальный стиль его работъ, сколько намъ извѣстно, не былъ достигаемъ никѣмъ и никогда. Приходится жалѣть, что онъ тратитъ эти рѣдкія качества на такія недолговѣчныя произведенія.

Врядъ-ли удивятся, что скульптура слаба и въ пренебреженіи въ странѣ, гдѣ только начинаютъ заниматься рисункомъ и эпическимъ искусствомъ. Камень и мраморъ не терпятъ ухищреній краски и свѣтотѣни, они не охотно подчиняются однимъ игривостямъ формы, или прихотливымъ вычурамъ. Когда строгое образованіе и серьезная мысль, не поддерживаютъ художника, ему тяжелъ молотъ и несговорчивъ рѣзецъ. Однакоже, самая непокорность матеріаловъ, повидимому, привела ваятелей къ необходимости учиться, по-крайней-мѣрѣ до извѣстной степени, произвела таланты болѣе или менѣе замѣчательные, по части бюста и женскихъ фигуръ, хотя и не поднялась до композицій героическихъ или монументаль-

ныхъ. На сто семьдесятъ-пять работъ разнаго рода, составляющихъ выставку скульптуры, сто девять бюсты и медальоны, что сокращаетъ до шестидесяти семи число тѣхъ, гдѣ воображеніе требовало опоры пластическаго дарованія или серьезной науки. Въ послѣдней категоріи, мы замѣтили *Лежащую фигуру*, для могильнаго памятника, г. Уэстмекта, и двѣ статуи г. Бели. Не безъ достоинства также *Молодая индіанка* г. Мармелля и *Молодая пастушка* г. Стефенса.

Наше дѣло было-бы приблизительно кончено, еслибы мы задумали только познакомить читателя съ главнѣйшими современными талантами въ Англии; но цѣлю нашею было также указать на общее движеніе англійскаго художества въ настоящую минуту, и кромѣ Академіи, мы обязаны упомянуть, по-крайней-мѣрѣ, о пяти публичныхъ выставкахъ: двухъ масляныхъ картинъ и трехъ акварельныхъ, изъ которыхъ одна была составлена изъ трудовъ любителей. Итогъ въ двѣ тысячи произведеній, нерѣдко вкусъ и умънѣе изображать сюжеты, которые, какъ мы замѣтили, не переходятъ за черту среднихъ способностей, наконецъ, многое, дошедшее куда только могла довести ловкость, но ни одной исторической композиціи возвышеннаго стиля или особеннаго достоинства: вотъ все, что мы встрѣтили въ этихъ галлерейхъ.

Соображая все вмѣстѣ, ясно, что здравый смыслъ въ дѣлѣ искусства весьма распространенъ въ Англии; мы хотимъ сказать, что въ ней находится въ избыткѣ тотъ родъ вкуса, который есть плодъ воспитанія и природнаго пониманія.

Что въ англичанахъ много элементовъ могучаго генія, въ томъ не можетъ-быть и сомнѣнія: Бекнъ, Ньютонъ, Шекспиръ, Мильтонъ не болѣзненные же наросты національнаго развитія; они гигантскіе члены живаго туловища, члены здоровые и сложенные изъ тѣхъ же тканей, только громаднѣе. Народъ этотъ, впрочемъ, далъ знать себя величіемъ и отвагою своихъ промышленныхъ предпріятій, а вѣдь это тоже превосходство, которое по большей части пронстекаетъ изъ творческой энергіи. Однако, съ другой стороны, живопись, какъ и музыка имѣютъ требованія особенныя, и до предстоящей знаменательной побѣды, еще не одержанной, нѣтъ покуда доказательствъ, чтобы эти двѣ области были наравнѣ съ другими доступны завоеваніемъ англійскаго духа.

Англія и теперь далеко не нагнала Франціи въ музыкѣ и живописи, но остается несомнѣннымъ одинъ фактъ, что дѣло преобразования уже совершается въ Англии. Долго отдаваясь прелестямъ краски и увлеченіямъ воображенія, пройдя дорогами, гдѣ оно подчасъ находило поэзію, рѣдко серьезный характеръ, затѣмъ что недостаточно было занято формами, англійское искусство теперь обращается къ рисунку и къ изученію

правды. Что выйдет изъ этого, покажетъ намъ будущее. Быть-можетъ, болѣе положительное знаніе линій и дѣйствительныхъ формъ разовьетъ чувство формъ пластическихъ. Быть-можетъ также, что болѣе изученіе удалитъ искусство, отъ настоящей цѣли, доведя его до той буквальной точности, которая отнимаетъ у живописи ея языкъ и поэзію. Подождемъ.

(*Rev. d. Paris.*)

МЕМОАРЫ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЛОРДА БАЙРОНА

ВЪ КОРСИКУ И САРДИНІЮ.

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ЗАПИСОКЪ БЕНСОНА, П. ЛОРДА БАЙРОНА

ИЗВЛЕЧЕННОЕ А. П. БИБИКОВОЙ.

Есть существа, отмѣченныя судьбою, о которыхъ образованные народы говорятъ и пишутъ десятки, сотни лѣтъ, и слушать объ нихъ не устаютъ даже самое нетерпѣливое поколѣніе — поколѣніе нашего XIX вѣка. Какъ бы мы ни спѣшили жить и чувствовать, а есть струны къ которымъ стоить только прикоснуться, и мы останавливаемся на бѣгу, прислушиваемся къ давно извѣстнымъ звукамъ, возвращаемся даже вспять, мы, вѣчно бѣгущіе впередъ, — возвращаемся къ ощущеніямъ, давно нами перечувствованнымъ, но вѣчно въ насъ живущимъ.

Кто изъ насъ не остановится съ любопытствомъ на разсказъ о подобныхъ существахъ, въ особенности, если намъ скажутъ, что подобный разсказъ не былъ въ печати?

Къ плеядѣ мировыхъ извѣстностей, вѣчно и живо интересующихъ мысль и сердце человѣка — безспорно принадлежитъ и Байронъ, — представитель поэзіи нашего вѣка въ высшемъ ея проявленіи.

Геній и творенія его извѣстны всему образованному міру; послѣднія составляютъ предметъ живыхъ восторговъ и удивленія столько же иноземцевъ, какъ и соотечественниковъ его.

Въ представляемомъ нынѣ разсказѣ о знаменитомъ лордѣ, нигдѣ еще не напечатанномъ, говорится о немъ, не какъ о геніѣ, но какъ о человѣкѣ. Мало было людей замѣчательныхъ, на которыхъ бы столько клеветали, какъ на геніальнаго англичанина, а между-тѣмъ всѣ знавшіе лорда Байрона лично, а не по однимъ только слухамъ, уважали высокую душу поэта, несмотря на нѣкоторые недостатки и странности его нрава. Многіе описывали уже Байрона въ колоссальныхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ является въ области человѣческаго разума. Я же представляю читателямъ только нѣсколько легкихъ, но вѣрныхъ очерковъ этой удивительной, поэтической личности. Извѣстно, что послѣднія восемь лѣтъ своей жизни, а именно съ 1816 года, лордъ Байронъ провелъ почти безвыѣздно въ Италіи. Въ-продолженіе этой эпохи, поэтъ подарилъ міру множество бессмертныхъ твореній, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ неимоверною, поразительною быстротою. Нѣсколько чертъ его частной жизни ускользнули отъ наблюденій въ ту пору, когда образованный міръ и друзья поэта ослѣплены были этимъ потокомъ непрерывно возобновляющихся метеоровъ ума и воображенія — метеоровъ, поражающихъ своимъ блескомъ!

Окруженный нѣсколькими друзьями, Байронъ предпринималъ маленькія путешествія, иногда моремъ, иногда сухимъ путемъ, и одно изъ нихъ послужило матеріаломъ для слѣдующаго разсказа. Это путешествіе принято было лордомъ Байрономъ съ священною цѣлю: выполнить обѣщаніе, данное имъ умирающей матери, относительно оставленнаго ею сироты сына. Извлеченія изъ записокъ друзей, которые сопровождали лорда въ этой поѣздкѣ, на яхтѣ, подъ командой капитана Бенсона, собраны самимъ капитаномъ и составляютъ его дневникъ.

Капитанъ Бенсонъ велъ свой дневникъ регулярно день въ день, внося въ него все слышанное о знаменитомъ лордѣ и все видѣнное и подмѣченное имъ самимъ. Бенсонъ часто сопровождалъ Байрона и въ путешествіяхъ его по сушѣ. Я имѣла необыкновенное счастье до-

быть эти записки въ рукописи, и спѣшу подѣлиться ими съ русской публикой.

I.

Отплытіе изъ Венеціи. — Яхта лорда Байрона. — Замокъ Отрантекій. — Прїездъ въ Мессину. — Силла и Хариода. — Новыя и древнія сирены. — Вакханки.

То было въ прекрасный майскій вечеръ. Открытая гондола плыла по Адриатическому-морю, возвращаясь въ Венецію. Миновавши Бранхельскія горы, музыка замолкла. Всплескиваніе весель, тихо погружающихся въ море, едва всплывало его зеркальную поверхность. Последніе лучи заходящаго солнца, освещающа колокольни Венеціи, скользили уже съ бѣлыхъ дворцовъ, а окружающее насъ море, отвѣчивало блестящій сводъ неба.

Вдали, влѣво отъ гондолы, Рагузскія горы, казались темными облаками на горизонтѣ, измѣняющими безпрестанно свои очертанія, по мѣрѣ усиленія или упадка вѣтра.

Байронъ долго созерцалъ задумчиво эту величественную картину, наконецъ сказалъ: «Мнѣ наскучило все плавать по водамъ Венеціанскаго залива, я располагаю пуститься въ болѣе широкое море. Я такъ давно собираюсь побывать въ Корсикѣ и Сардиніи, что не вспомяну даже, когда впервые это желаніе пришло мнѣ въ голову. Священный долгъ заставляетъ меня ѣхать туда нынѣшнемъ же лѣтомъ: я далъ обѣтъ одной женщинѣ, обѣтъ тѣмъ священнѣйшій, что онъ данъ былъ мною на смертномъ одрѣ ея, и я скорѣе предпочту умереть, чѣмъ не исполнить его. Друзья мои! кто хочетъ сопровождать меня — скажите, моя яхта довольно помѣстительна, она приметъ всѣхъ васъ на свою гостепріимную палубу. Всѣ спутники единодушно приняли предложеніе лорда, благодаря его за приглашеніе. Положено было ровно черезъ недѣлю перебраться на яхту, и каждому позаботиться о самомъ себѣ, чтобы быть готовымъ къ отплытію.

Гондола подплыла къ яхтѣ, все общество вошло на ея палубу; яхта снялась съ якоря и лавировала по заливу до полуночи. За ужиномъ Байронъ сдѣлался задумчивъ и сталъ стучать пальцами по столу подъ припѣвъ какой-то аріи. Мы почли это сигналомъ, и тихо, одинъ за другимъ, удалились, оставя его совершенно одного. На другой день за завтракомъ, онъ прочиталъ намъ нѣ-

сколько своих творений. Нѣкоторые изъ нихъ были имъ исправлены и даже измѣнены въ короткія минуты его вчерашняго одиночества. Затѣмъ каждый изъ спутниковъ занялся устройствомъ своей каюты по своему усмотрѣнію и по собственной фантазіи. Яхта была въ сорокъ-пять тоновъ, съ двумя большими парусами какъ на фелукахъ; раздѣлена на каюты, кладовыя для провизіи и трюмы прислуги. Команда скрывалась ночью подъ большую палатку изъ крашеннаго полотна, которую днемъ скатывали жгутомъ и укладывали очень удобно и красиво на палубѣ. Средина яхты была искусно убрана шелковыми занавѣсами и колонками изъ краснаго дерева. Диваны, зеркала, буфетъ и вся прочая мебель отличались изящною простотою и особеннымъ вкусомъ въ подробностяхъ. Шканцы обращены были въ общую гостинную и обставлены кожаными диванами. На палубѣ, устланной клеенкою, съ пестрымъ азіатскимъ узоромъ, разставлены были столы для книгъ, бутылки съ разными напитками, и стаканы; фрукты расположены были на столѣ, посрединѣ этой фантастической гостиной. Руль устроенъ былъ такъ, что сидя на краю кормы, можно было управлять имъ безъ шума и суматохи.

Снаружи, яхта была выкрашена блѣдно-желтымъ цвѣтомъ съ двумя золотыми полосами, споясывающими ее кругомъ. На кормѣ красовалась фигура, искусно вырѣзанная венеціанскимъ художникомъ. Яхта эта была такъ быстра на ходу, что была признана самымъ красивымъ изъ всѣхъ судовъ и лучшимъ ходокомъ, какъ выражаются моряки, изъ всѣхъ сновавшихъ въ то время на водахъ Венеціанскаго залива. На ней же развѣвался венеціанскій флагъ, шелковый, вышитой графинею Гуичіоли и ея пріятельницами. Сорокъ другихъ флаговъ, которыми обладала яхта, служили только въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Яхту нагрузили провизіею на два мѣсяца, для двадцати человѣкъ; и кормомъ для коровы, четырехъ козъ, трехъ лошадей, мула и множества домашнихъ птицъ. Корова и козы назначены были для снабженія путниковъ молокомъ. Бакъ (передовая часть палубы), легко могъ служить мѣстомъ для размѣщенія оркестра. Изъ числа команды шесть человѣкъ были хорошіе музыканты и почти всѣ члены нашего маленькаго общества владѣли какимъ-нибудь инструментомъ.

Двѣ небольшія мѣдныя пушки стояли на кормѣ, точно такія же двѣ на шканцахъ, по одной съ каждой стороны яхты.

Въ назанный день, въ двѣнадцать часовъ, всѣ путники были на яхтѣ, и простившись съ знакомыми, стоящими на берегу, мы снялись съ якоря и пустились внизъ по заливу. Какъ только мы обогнули Греческій мысъ погода приняла довольно мрачный видъ, и облака начали сбѣгаться въ густую массу, предвѣщая бурю. Капитанъ Бенсонъ хотѣлъ бросить

якорь у мыса Отрантскаго, но лордъ Байронъ этому воспротивился, и въ досадѣ даже топнулъ ногою.

Однако Бенсонъ стоялъ на своемъ и лордъ покорился доводамъ капитана. Яхта укрылась между двумя скалами, въ узкомъ проходѣ, который привелъ ее въ небольшую бухту, гдѣ, по увѣренію настойчиваго капитана, всё находилось внѣ всякой опасности. Яхта бросила якорь и стала на немъ покачиваться беззаботно и граціозно. Спутники почли себя счастливыми, найдя такое спокойное убѣжище, потому-что буря все увеличивалась и до путешественниковъ долетали издали ея бѣшеные порывы. Командѣ была дана двойная порція вина, и всё сѣли ужинать съ тѣми же удобствами, какъ бы ужинали въ столовой палатцѣ лорда Байрона, на площади Сан-Марко, въ Венеціи. Каюта, назначенная для столовой, была расположена посрединѣ яхты, имѣла 20 футовъ въ ширину и 36 въ длину. Буфетъ поставленъ былъ въ углу, мѣста для слугъ оставалось довольно; нѣсколько великолѣпныхъ картинъ, въ золоченыхъ рамахъ, висѣли на стѣнахъ, по обѣимъ сторонамъ судна. Вышина этой каюты была въ 7 футовъ, слѣдственно мы не могли быть помѣщены съ большимъ комфортомъ на англійскомъ фрегатѣ.

Послѣ ужина лордъ Байронъ позвалъ капитана, который ужиналъ отдѣльно въ своей каютѣ. Бенсонъ присоединился къ обществу и лордъ Байронъ, между разговоромъ, далъ ему обѣщаніе не вмѣшиваться ни во что и не прекословить впередъ, во всемъ, что будетъ относиться къ мореплаванію.

Къ восходу солнца всё вышли на верхъ, чтобы поклониться дневному свѣтилу послѣ бурной прошедшей ночи. Тихое и ясное утро манило и приглашало путешественниковъ позавтракать на шканцахъ. Морскіе берега представляли замѣчательное зрѣлище по ихъ дикости. Высокіе, бесплодныя скалы, потоки, пробивающіеся сквозь безчисленныя расщелины, песчаный, неприступный берегъ представляли почти неодолимыя затрудненія къ тому, чтобы путешественникамъ можно было съѣхать на берегъ; но препятствія заставляли всёхъ только пламеннѣе желать этого. Капитанъ, хорошо знакомый съ мѣстностью, свезъ ихъ на довольно гладкую скалу, съ которой можно было подняться на значительную высоту.

Адріатическое море представляло съ этой точки мало утѣшительнаго для взора. За скалой возвышался надъ обрывомъ знаменитый замокъ Отрантъ, который, на такомъ близкомъ разстояніи, представлялъ только однѣ развалины. Замокъ этотъ, избранный мѣстомъ происшествія замѣчательнаго англійскаго романа, не былъ никогда обширенъ.

Двѣ башни еще сохранились довольно хорошо, прочія разрушены совер-

шенно. Стѣны развалились, но въ удѣлѣвшихъ мѣстахъ вышина ихъ простирается до 30-ти футовъ. Всѣ покои очень мрачны: въ нихъ только по одному окну. Внизу нѣсколько безобразныхъ башенъ, не стоящихъ того, чтобы заняться ихъ описаніемъ.

Одна изъ нихъ наполнена человѣческими оставами.

Пассажиры яхты поспѣшили оставить эту унылую обитель.

Поселяне продали имъ молока и апельсиновъ а рыбаки корзину свѣжей, превосходной, только что пойманой рыбы. Яхта снялась съ якоря и скользила попутнымъ вѣтромъ къ мысу Реджіо, гдѣ и пристала для обѣда. Байронъ, говоря о только что имъ видѣнномъ замкѣ, сказалъ: Романъ, «Отрантскій замокъ», лучший романъ, написанный на англійскомъ языкѣ, но послѣ него автору слѣдовало умереть.

Сильный вѣтеръ, сопровождаемый невыносимымъ холодомъ, мѣшала намъ войти нѣсколько дней въ Мессинскій проливъ. Придя въ него и спустивъ шлюбку, лордъ Байронъ съ нѣсколькими лицами изъ своего общества, съѣхали на берегъ. Губернаторъ города встрѣтилъ ихъ на набережной и пригласилъ къ себѣ. Послѣ обѣда Байронъ привезъ съ собою на яхту лоцмана, которому были знакомы берега Корсики.

Губернаторъ указалъ путешественникамъ нѣсколько пунктовъ, на которыхъ войско короля Іоахима дралось съ войсками англійскимъ и сицилійскомъ.

Байронъ высказалъ нѣсколько замѣчаній касательно преданія о Силлѣ и Харибдѣ, которое, по его мнѣнію, основано на истинныхъ фактахъ. Невдалекѣ отъ Мессины стоитъ небольшой городокъ Силла, построенный на возвышеніи. Изъ этого городка произошелъ княжескій домъ, находящійся въ родствѣ съ неаполитанской королевской фамиліей. Харибдой называется цѣпь скалъ на противоположномъ берегу, которыя должны были быть гораздо страшнѣе во времена младенчества мореплаванія. Впрочемъ и частыя землетрясенія много измѣнили видъ этого пролива, представляющаго нынѣ гораздо меньше опасности, чѣмъ въ былыя времена.

Въ 1783 году, во-время ужаснаго землетрясенія, владѣтельный принцъ Силлы, вмѣстѣ со всеми своими подданными, погибъ въ волнахъ.

Серъ Вилліамъ Гамильтонъ, бывшій нѣсколько разъ въ Мессинѣ до этой гибельной катастрофы, увѣрялъ, что мѣста эти такъ измѣнились, что онъ узнавалъ ихъ съ большимъ трудомъ.

Здѣсь вы встрѣтите Сиренъ, которыя впрочемъ не имѣютъ ничего общаго съ подводными очаровательницами. Я говорю о молодыхъ дѣвицахъ, въ шелковыхъ платьяхъ, съ цвѣтами въ волосахъ; онѣ катаются на катерахъ съ молодыми людьми въ фантастической одеждѣ,

пристаютъ къ судамъ, проходящимъ проливъ, желаютъ имъ счастливаго плаванія и распѣваютъ національныя пѣсни. Вотъ мнѣніе лорда Байрона по поводу этого обыкновенія, высказанное имъ друзьямъ: «Матросы этому вообще очень рады, но онѣ никогда не входятъ на суда, что довольно странно, потому—что скромность не есть одно изъ непременныхъ ихъ качествъ. Происхожденіе этихъ странствующихъ пѣвицъ опредѣлить не трудно. Нарядъ ихъ тотъ же, что носили молодыя римлянки во-время ихъ плясокъ передъ храмами, въ дни празднествъ, называемыхъ Луперкаліями. Гребцы этихъ сиренъ, украшенные всегда лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, съ корзиной и кубкомъ висящими у пояса, напоминаютъ Вакханакъ, которыя во-время празднествъ Цереры плавали ночью по Тибру, въ особенно устроенныхъ лодкахъ.

—

II.

Отъѣздъ изъ Мессины. — Изверженіе Везувія. — Буря. — Липарскіе острова. — Страданія герцога Регаліо и его супруги. — Пещера изгнанника. — Посѣщеніе турецкаго фрегата. — Любопытная черта благодарности.

Въ пять часовъ послѣ обѣда, все общество возвратилось на яхту, съ большимъ запасомъ фруктовъ для команды; не смотря на то, что погода была не совсѣмъ благопріятная, яхта снялась съ якоря. Теченіе было очень сильно. При поворотѣ, у мыса Санди, порывъ вѣтра разорвалъ въ клочья парусъ бизань-мачты и яхта стала на мель, къ ужасу дамъ.

Все пассажиры и команда принялись за дѣло и едва успѣли къ полуночи стащить яхту съ мели.

Въ это время Везувій извергалъ пламя, освѣщая море яркимъ свѣтомъ. Припомощи такого маяка, поставленнаго въ облакахъ, яхта направила путь свой въ открытое море. Гора Стромболи также была вся въ огнѣ; яркій свѣтъ, озарявшій ее, составлялъ издали рѣзкую противоположность съ мракомъ, окружавшимъ нашихъ пловцовъ. Яхта вынуждена была убрать паруса и стать на якорѣ, не доходя Липарскихъ острововъ. Громъ гремѣлъ, дождь лилъ ливнемъ, молнія пробѣгала по небосклону по всѣмъ направленіямъ. Море было довольно спокойно. Все ушли спать, кромѣ стоявшихъ на вахтѣ и лорда Байрона, который завернувшись въ плащъ, ходилъ по палубѣ до самаго разсвѣта. Такъ какъ бурная погода все еще продолжалась, яхта вошла въ небольшую

бухту одного изъ Липарскихъ острововъ, въ которой она совершенно скрылась отъ урагана и его ужасовъ.

Островъ этотъ былъ когда-то выбранъ Фердинандомъ и его министромъ Актономъ мѣстомъ ссылки для Неаполитанцевъ, передшихъ подъ французскія знамена. Почти вся поверхность острова покрыта лавою, выброшенною изверженіями Стромболи. Только на покатосяхъ горы дожди смыли ее, и потому они тщательно обрабатываются. Вода здѣсь имѣетъ сѣрный, затхлый вкусъ, воздухъ нездоровъ. Деревни населены рыбаками, которые продаютъ рыбу въ Мессинѣ и Палермо; но вообще они находятся въ глубокой бѣдности и нищетѣ.

Въ одной пещерѣ, у которой яхта стояла на якорѣ, герцогъ Регалио, супруга и дочь его прожили три мѣсяца, спали на морской травѣ и питались рыбою, которую они успѣвали изловить сами.

Герцогиня умерла на этомъ островѣ, и похоронена у входа въ пещеру, подъ ясеню, растущею посреди скалъ. На обломкѣ скалы, написано, вѣроятно, дружнею рукою:

«Маргарита, герцогиня Регалио, умерла здѣсь 10-го ноября 1799 года. Прохожіи, не полагайся на блага земныя; молись за упокой души той, которая раздѣляла свои богатства съ несчастными и немощными».

Г-нъ Дензель перевелъ эту эпитафію, и записалъ подъ нею имена лорда Байрона и многихъ другихъ лицъ, съ нимъ тутъ бывшихъ. Прелестная графиня Гуичіоли пролила не мало слезъ надъ печальною участію герцогини, съ которой она была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Герцогъ Регалио, спустя нѣсколько времени послѣ кончины герцогини, бѣжалъ на сардинскомъ кораблѣ, вмѣстѣ съ дочерью, но послѣ того онъ былъ помилованъ и вызванъ въ Неаполь; помѣстья и титулы были ему возвращены.

Настало воскресенье. Погода была прелестная; свезли на берегъ палатку и раскинули ее у входа въ пещеру, гдѣ и занялись приготовленіемъ обѣда; вся команда обѣдала также на берегу; графиня Гуичіоли сама занялась раздачею ей вина; музыка гремяла, все общество оживилось, всѣ были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Дензель занялся снятіемъ вида горы Стромболи съ западной стороны Липарскихъ острововъ. Общество возвратилось на яхту съ захоженіемъ солнца; матросы гребли подъ звуки музыки, продолжавшей играть долго еще по захоженіи солнца.

Рано утромъ на слѣдующій день назначена была ловля рыбы, для чего и привязали за кормой большое бревно, къ которому прикрѣпили

нѣсколько морскихъ растений, что и привлекло множество лещей. Каждый изъ пассажировъ вооружился чѣмъ попало, чтобы принять участіе въ этой забавѣ.

Графиня на свою долю наловила одна съ дюжину лещей, а лордъ Байронъ прозѣвалъ и упустилъ столько же. Смѣху, бѣготѣ и крикамъ не было конца; каждая изъ рыбъ вѣсила неменѣе 3 фунтовъ.

Длинный переходъ въ Корсику становился уже для всѣхъ скучнымъ. Какъ вдругъ въ одно прекрасное утро мы очутились вблизи турецкаго фрегата. Байронъ окликнулъ его по-арабски. На это отвѣтили ему приглашеніемъ взойти на фрегатъ. Когда лордъ поднимался по трапу, его привѣтствовали девятью пушечными выстрѣлами. Изъ уваженія къ турецкому флагу, Байронъ одѣлся въ восточный нарядъ. На немъ была турецкая синяя атласная шуба, узкая, шитая золотомъ куртка, бѣлый, шелковый поясъ, за который онъ заткнулъ пару пистолетовъ и кинжалъ, обдѣланный въ золото. На головѣ красовалась чалма, убранная страусовъ ми перьями. Въ такомъ нарядѣ, благородному лорду, не доставало только густой бороды, чтобы быть истиннымъ красавцемъ Востока. Графиня Гуичіоли помогла этому горю вполонину; она наклеила ему пару усовъ изъ собственныхъ волосъ своихъ.

Фрегатъ былъ сорокапушечный и назывался: «Омаръ». Командиръ его оказался старымъ знакомымъ поэта; Это былъ Мудей Абдала, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ перевезъ лорда Байрона на военномъ бригѣ изъ Тенедоса въ Абидосъ.

Всѣ знававшіе когда-либо Байрона были въ восторгѣ съ нимъ снова встрѣтиться. Сопровождавшіе его друзья были приглашены всѣ безъ исключенія на фрегатъ, гдѣ графиня и ея пріятельница, госпожа В***, скоро были утомлены турецкою вѣжливостью. Обѣдъ былъ приготовленъ на самой задней части кормы, устланной коврами. Всѣ гости должны были сѣсть на подушки, лежавшія на полу. Имъ поданы были серебряныя вилки, что избавило ихъ отъ турецкаго обыкновенія ѣсть пальцами. Шербетъ обносили въ прекрасныхъ хрустальныхъ бокалахъ.

Затѣмъ наступила очередь трубокъ, и какъ многіе изъ турецкихъ офицеровъ знали французскій языкъ, бесѣда стала почти общою.

Фрегатъ былъ уже въ морѣ три мѣсяца. Лордъ Байронъ сообразилъ, что нѣсколько фруктовъ будутъ истиннымъ подаркомъ для всего штаба офицеровъ фрегата, а потому и послалъ за ними на яхту. Онъ не забылъ и турецкой команды; ей было роздано апельсиновъ и лимоновъ въ изобиліи.

Турецкій фрегатъ представлялъ странную противоположность съ подобными англійскими судами, какъ въ отношеніи постройки, такъ и въ

вооруженіи, въ порядкѣ и во всемъ остальномъ. Напримѣръ, нельзя было не замѣтить, что пушки не стояли на лафетахъ, а прикрѣплялись просто веревками. Но зато, какъ бы въ замѣнъ, каютъ-компанія была убрана со всею роскошью востока.

Мулей Абдала первый сообщилъ европейскимъ гостямъ своимъ новости объ успѣхахъ грековъ. Его фрегатъ даже много пострадалъ въ Хиосскомъ проливѣ, и онъ признавался чистосердечно, что обязанъ спасеніемъ отъ вѣрной гибели только быстротѣ хода своего фрегата. Онъ былъ посланъ крейсировать, съ цѣлію завладѣть фрегатомъ наши Египетскаго, который долженъ былъ возвратиться изъ Англіи въ Александрію. Мулей Абдала получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе ввести египетскій фрегатъ въ Дарданеллы, предложить англійскимъ матросамъ, находящимся на немъ, вступить въ турецкую службу, съ общаніемъ, выполнить все условія, какія они требуютъ.

При прощаніи съ капитаномъ турецкаго фрегата лордъ Байронъ предложилъ ему телескопъ Доланда, а тотъ, самымъ вѣжливымъ образомъ накинулъ на плеча графини дорогую шаль, въ ту минуту когда она начала спускаться съ трапа фрегата, возвращаясь на яхту. Два дня «Омаръ» и наша яхта плавали въ виду другъ-друга, наконецъ фрегатъ сдѣлалъ поворотъ, съ той и съ другой стороны раздѣлились по три прощальныхъ выстрѣла.

Когда фрегатъ скрылся изъ виду, лордъ Байронъ сказалъ друзьямъ своимъ: «Я не хотѣлъ возмущать спокойствіе и удовольствіе, которое какъ мнѣ казалось, вы ощущали въ обществѣ Мулея Абдалы; но знайте, что это первый злодѣй и мерзавецъ во всемъ турецкомъ флотѣ. Я познакомился съ нимъ въ первый разъ въ Тенедосѣ. Островъ этотъ, нѣкогда цвѣтущій и красивый, былъ только что разоренъ капитанъ-пашею, истребившимъ все огнемъ и мечемъ. Онъ уничтожилъ даже все произведенія земли, съ цѣлію подвергнуть неизбѣжному голоду тѣхъ изъ жителей, которые спаслись отъ оружія, или избѣгнули пламени. Мулей Абдала прибылъ въ Тенедосъ послѣ его разоренія, однако онъ не захотѣлъ отстать отъ своихъ предшественниковъ въ жестокости и мщеніи. Онъ велѣлъ разстрѣлять тридцать духовныхъ лицъ, чтобы только завладѣть ихъ одѣяніемъ. Онъ потребовалъ съ каждаго грека, уже ограбленнаго на чисто, новыя, значительныя контрибуціи, и когда тѣ не могли выполнить этихъ жестокихъ требованій, Мулей Абдала приказалъ запереть въ храмъ сорокъ человекъ жителей, мужчинъ и женщинъ, подозрѣваемыхъ имъ въ томъ, что они скрыли свои сокровища; выманилъ отъ этихъ несчастныхъ все суммы, какія они были въ состояніи дать, и общалъ имъ возвра-

тить свободу въ скоромъ времени. Проморивъ ихъ голодомъ на столько, чтобы они не умерли, и когда обѣщанный день освобожденія для нихъ насталъ, онъ поджогъ храмъ, и всѣ въ немъ заключенные погибли въ пламени, а тѣ, которые было вздумали искать спасенія, погибали отъ турецкой сабли».

«Корабль, на которомъ я прибылъ въ Тенедосъ, продолжалъ лордъ Байронъ, былъ сожженъ по приказанію капитана-паши. Что касается до меня, то я скрывался въ лѣсахъ во время всѣхъ этихъ ужасовъ и тамъ находилъ себѣ убѣжище и пищу въ хижинахъ до того бѣдныхъ и удаленныхъ, что онѣ не обращали на себя кроваваго и корыстнаго вниманія турокъ. Но увѣренный, что рано или поздно, вѣрная смерть ожидаетъ меня, если нападутъ на слѣдъ мой, я рѣшился наконецъ, явиться къ Мулею Абдалѣ, показать ему фирманъ Великаго Визиря и просить его принять меня на фрегатъ, которымъ онъ командовалъ. Этотъ фирманъ, а еще болѣе подаренные мною часы, осыпанные брилліантами, расположили въ мою пользу злодѣя, и онъ перевезъ меня въ Абдосскій замокъ.»

«Если, несмотря на мое отвращеніе къ этому извергу, я оказалъ ему въ настоящемъ случаѣ столько вниманія, то признаюсь, я дѣлалъ это въ видахъ моего и вашего интереса. Малѣйшая прихоть, надежда на прибыль, безотчетная жажда дѣлать зло, могли внушить ему мысль ограбить наше судно и пустить его ко дну со всѣми пассажирами, еслибы мы дали къ тому какой-нибудь самонаглѣйшій поводъ. Знайте же, друзья мои, что я далъ ему значительную сумму денегъ, потому-что мнѣ извѣстно его жадное корыстолюбіе! Если не дать ему денегъ, онъ захочетъ вашей крови.»

Спутники лорда Байрона были поражены ужасомъ, выслушавъ рассказъ его объ этихъ злодѣяніяхъ, и благодарили Провидѣніе за спасеніе отъ такихъ варваровъ.

Госпожа В***, которая постоянно страдала, болѣе или менѣе, морскою болѣзною, сдѣлалась наконецъ такъ больна, что слегла съ постель. Докторъ Пето ухаживалъ за нею со всѣмъ стараніемъ, но несмотря на то болѣзнь ея усиливалась день ото дня, такъ, что начали опасаться за ея жизнь.

Лордъ Байронъ понуждалъ капитана направить судно къ ближайшей гавани, чтобы свезти больную на берегъ и доставить ей всѣ удобства и пособія, которыхъ требовало ея положеніе, но другаго порта, ближе того, куда мы плыли, не было. Графиня не отходила отъ постели своей пріятельницы и предавалась совершенному отчаянію. Маленькое

общество, до-сихъ-поръ веселое и счастливое, погружено было теперь въ уныніе и непритворную скорбь.

Вскорѣ больная впала въ бредъ, и докторъ Пето объявилъ, что не лишнее было бы воспользоваться первыми минутами, когда больная придетъ въ память, чтобы исподволь приготовить ее къ смерти, и узнать, не желаетъ ли она сдѣлать какихъ-нибудь распоряженій. Тогда лордъ Байронъ сказалъ ему: «Вы все сдѣлали, что могли, докторъ; я хотѣлъ бы съ своей стороны испытать, не могу ли я въ свою очередь сдѣлать чего-нибудь. Вы намекаете, что для нашей больной все кончено, а потому если она умретъ, то нельзя будетъ приписать ея смерть тѣмъ средствамъ, которыя я думаю употребить, съ цѣлю спасти ее.»

Лордъ Байронъ занялся приготовленіемъ большого размѣра пластыря изъ шпанскихъ мухъ; велѣлъ обрить голову несчастной больной и облѣпилъ ей всю голову до самыхъ щекъ. Доктора же просилъ выпустить ей, посредствомъ банокъ, до тридцати унцій крови. Больная уснула. Лордъ Байронъ девять часовъ сряду не покидалъ ее ни на мгновение, наблюдая съ безпокойствомъ за дѣйствіемъ тѣхъ средствъ, которыя онъ употребилъ въ дѣло.

Больная проснулась въ совершенной памяти и съ помощью неуспяныхъ попеченій обоихъ своихъ врачей, черезъ три дня была внѣ всякой опасности.

Докторъ Пето долженъ былъ сознаться, что больная одолжена была лорду Байрону своимъ исцѣленіемъ.

Простое и ласковое обхожденіе г-жи В*** сдѣлало ее любимицей маленькаго общества и когда она въ первый разъ послѣ своего выздоровленія вышла на палубу, то въ честь ея была выпита не одна бутылка вина. Къ довершенію всеобщей радости, вдали показался давно желанный Корсиканскій мысъ.

При этомъ извѣстіи лордъ Байронъ велѣлъ роздать командѣ нѣсколько бутылокъ рому, а послѣ ужина угостилъ свою компанію старымъ, шестнадцатилѣтнимъ киррекимъ виномъ. Въ заключеніе такого радостнаго дня графиня сдѣлала истинный сюрпризъ обществу сѣвъ за давно оставленный рояль, а графъ П*** и Денцель сѣли нѣсколько прелестныхъ арій.

Не даромъ говорятъ матросы, что передъ бурей бываетъ штиль. Наши пассажиры испытали это на дѣлѣ. Едва замѣтный и постоянно шедшій съ юго-востока вѣтеръ, на утро вдругъ перемѣнился и началъ дуть съ необычайною силою. Команда убрала паруса и стояла въ готовности на всякій случай. Капитанъ Бенсонъ и капитанъ Ф*** пре-

дварили общество, что яхтѣ придется выдержать жестокой восточной вѣтрѣ, который обратится въ штормъ, если яхта не успеетъ обогнуть мысъ и войти въ заливъ Санто-Флоренцо. Всѣ попытки къ тому и старанія остались тщетными.

Цѣлыя сутки яхта лавировала по всеѣмъ направленіямъ, но бесполезно, — она не могла попасть въ гавань.

III.

Буря. — Крушеніе. — Хладнокровіе и покорность судьбѣ лорда Байрона. — Гибель одного изъ пассажировъ. — Спасеніе яхты чудеснымъ образомъ. — Прибытіе въ Корсику.

Морская болѣзнь начинала мучить не только дамъ, но и мужчинъ. Графъ П***, Денцель и Сентъ-Ф***, самые крѣпчайшіе изъ пассажировъ, начали разнемогаться. Все веселое общество лежало по своимъ каютамъ. Солнце, при своемъ закатѣ, бросало какіе-то мрачные, не утѣшительные проблески, а вѣтеръ, болѣе и болѣе поворачивая къ востоку, постоянно прибавлялъ яхту къ берегамъ. Положеніе ея становилось опасно. Спустили реи, укрѣпили паруса. Вспыхивающая по временамъ молнія открывала глазамъ небо въ видѣ необъятнаго пламени, которое тотчасъ же исчезало въ глубокомъ мракѣ. Громъ непрерывно гремѣлъ надъ головами пловцовъ; казалось, буря должна была съ минуты на минуту разбить въ дребезги утлое судно и погрузить его въ разъяренныя волны, которыя жадно прыгали и бушевали вокругъ.

Сначала лордъ Байронъ, капитанъ К*... докторъ Пето и Шеллей оставались на палубѣ; остальное общество предпочло не покидать своихъ каютъ; но вдругъ необыкновенно сильный ударъ въ яхту, отворилъ пазы судна и вода хлынула въ него съ яростною быстротою со всеѣхъ сторонъ. Бросились къ помпамъ, и лордъ Байронъ вмѣстѣ съ другими участвовалъ въ этой тяжелой работѣ. Чтобы облегчить яхту, артиллерія ея была выброшена въ море, обрѣзаны веревки, прикрѣплявшія шлюбку, и она была мгновенно поглощена волнами. Коровы, козы имѣли ту же участь, равно и одна изъ лошадей. За животными послѣдовали и два большіе якоря. Такимъ образомъ облегченная яхта стала подниматься на волнахъ, что и разбудило во всеѣхъ сердцахъ надежду на спасеніе. Для подкрѣпленія силъ тѣла и духа команды, ей роздана была порція водки. Вдругъ изъ-за тучъ мелькнулъ огонекъ.

То, вѣроятно, былъ огонекъ, свѣтящійся въ какой-нибудь прибрежной хижинѣ рыбака. Буря давала ему какой-то кровавый отливъ. Матросы—итальянцы, со всею живостью ихъ южнаго, суевѣрнаго воображенія, стали увѣрять, что это свѣтится маякъ Св. Петра, который всегда является передъ гибелью, чтобы приготовить моряковъ къ смерти. Трудно было, въ-самомъ-дѣлѣ, почестъ этотъ огонь за путеводный, тѣмъ болѣе, что капитанъ Бенсонъ увѣрялъ, что ему не было извѣстно ни одного маяка по этой сторонѣ берега, и что, вѣроятно, яхта находится въ гибельной близости къ землѣ, если можно простыми глазами видѣть огонь. Такъ оно къ несчастію и было. Вскорѣ можно было разсмотрѣть абрисъ высокихъ горъ. Дорого дали-бы наши пловцы, чтобы быть на вершинѣ ихъ и оттуда полюбоваться разъяренною стихіею—вмѣсто того, чтобы быть жертвою ея неистоваго бѣшенства. Капитанъ Бенсонъ, наблюдавшій съ безпокойствомъ за усиленіемъ бури, объявилъ пассажирамъ, но такъ, чтобы ни одинъ изъ матросовъ его не слыхалъ, что онъ удостовѣрился, что утесы въ очень близкомъ разстояніи отъ яхты, и что гибель ея неизбѣжна. Капитанъ Ф*... былъ того-же мнѣнія. — «Ну что-жь? сказалъ лордъ Байронъ, мы всѣ рождены съ тѣмъ, чтобы умереть. Я прошусь съ жизнію не безъ сожалѣнія, но безъ страха».

Яхта болѣе и болѣе приближалась къ прибрежнымъ скаламъ, которыя виднѣлись уже очень ясно. Лордъ Байронъ совѣтовалъ всѣмъ матросамъ привязать себя къ мачтамъ, что и было ими исполнено. Капитанъ Бенсонъ и капитанъ Ф*... стали у руля. Лордъ Байронъ сошелъ въ каютъ-кампанію. Тамъ не знали степени опасности, угрожавшей всѣмъ, но не менѣе того всеобщій испугъ былъ невыразимъ. Байронъ старался всѣхъ успокоить, и взявши банку духовъ, онъ снова вышелъ на верхъ, сѣлъ, и поставилъ ее возлѣ себя. Помолчавши нѣсколько, онъ спросилъ капитана Бенсона—есть-ли хоть какая-нибудь надежда не быть выброшенными на берегъ, и получилъ отвѣтъ, что спасенія нѣтъ. «Если такъ, сказалъ онъ, то долгъ каждаго изъ насъ сохранять всѣми способами жизнь, которую далъ ему Создатель. Совѣтую вамъ господа, всѣмъ снять съ себя одежду. Я знаю, что трудно намъ будетъ бороться съ такими разъяренными волнами. Черезъ нѣсколько часовъ, Божіею волею, мы всѣ успокоимся на вѣки. Я даже не желаю спастись, если суждено погибнуть всѣмъ пловцамъ яхты. Сказавъ это, лордъ Байронъ снялъ свою одежду, кромѣ нижняго платья, которое перевязалъ у пояса шейнымъ платкомъ своимъ, какъ можно туже, и скрестивъ руки, сѣлъ снова, спокойно ожидая своей участи. Шеллей лежалъ у ногъ его, безчувственъ, недвижимъ. Лордъ Байронъ, взгля-

нувъ на него съ прискорбіемъ, сказалъ:—«Бѣдный человекъ!» Докторъ Пето, завернувшись въ свой плащъ, легъ на палубу, предаваясь самому сильному отчаянію. Капитанъ Ф*... вынималъ деньги изъ снятаго имъ платья и перекладывалъ ихъ въ карманъ своихъ панталонъ. Лордъ Байронъ, увидѣвши это, непритворно расхохотался, несмотря на всеобщее отчаянное положеніе. «Другъ мой, не берете-ли вы съ собою деньги въ видѣ груза, чтобъ скорѣе утонуть», сказалъ ему Байронъ.

Наконецъ солнце лѣзиво, какъ-бы нехотя, взошло и бросало какіе-то мутные, кровавые лучи. Море сильно вздымалось, и волны съ шумомъ и пѣной разбивались о прибрежныя скалы; гулъ и ревъ не прерывался ни на мгновеніе.

Во все время, пока длилась опасность, лордъ Байронъ дѣйствовалъ и говорилъ съ хладнокровнымъ мужествомъ, свойственнымъ лишь возвышеннымъ и энергическимъ натурамъ. Утесы уже были неболѣе, какъ въ четверти мили отъ яхты: «Если мы не успѣемъ удержаться до упадку вѣтра, насъ неминуемо выбросятъ на скалы и тогда гибель наша неотразима и несомнѣнна», сказалъ Бенсонъ. «Да будетъ воля Божья», сказалъ лордъ Байронъ, поднялъ голову, чтобъ посмотрѣть, что дѣлается въ воздухѣ, и снова принялъ свое положеніе, устремивъ взоры на чернѣющія скалы. Въ это мгновеніе ужасной величины волна взлетѣла на корму яхты и пронеслась вдоль всего судна съ необычайною силой и ревомъ унеся съ собою доктора Пето, который и исчезъ въ волнахъ!...

—«Боже Милосердый!» вскрикнулъ Байронъ, утраченный въ первый разъ этимъ несчастнымъ случаемъ.... И вдругъ вторая волна, вдвое громаднѣе первой возноситъ яхту, къ небесамъ и снова спускаетъ ее въ бездну.... Этимъ страшнымъ движеніемъ яхта отбрасывается на значительное разстояніе отъ берега.

— Мы спасены! кричитъ капитанъ Ф*...

— Парусъ отдать! скомандовалъ громовымъ голосомъ капитанъ Бенсонъ, — и матросы бросились исполнять приказаніе командира съ неистовыми криками радости. Лордъ Байронъ, желая смягчить ихъ въразительныя изъясненія восторга, кричалъ имъ:

— Молитесь лучше Богу, чѣмъ неистовствовать, благодарите, что Онъ спасъ васъ такимъ чуднымъ образомъ отъ вѣрнѣйшей гибели. Самъ же лордъ бросился внизъ успокоить дамъ, объявивъ имъ, что опасность миновала, и возвратился оттуда съ бутылкой рому, разливая его для всякаго встрѣчнаго, и не забывая себя. Шеллей все еще лежалъ въ безпамятствѣ, такъ, что принуждены были перенести его въ каюту и уложить въ постель. Яхта могла наконецъ спуститься въ проливъ Санто-Фіоренцо,

известный капитану Бенсону, по своей местности и стоянкѣ для судовъ, и къ восьми часамъ утра все общество собралось пить кофе. Тутъ только вспомнили, что доктора Пето судьба вырвала изъ круга, такимъ несчастнымъ образомъ. О немъ жалѣли, хотя онъ и не оставилъ по себѣ достойной памяти. Родомъ венеціанецъ, Пето былъ эгоистъ и корыстенъ въ высшей степени. Онъ известенъ былъ, какъ музыкантъ, но эта известность была преувеличена. Шеллей тоже явился къ кофе, едва оправившись отъ страха. Онъ походилъ на мертвеца. Лордъ Байронъ, пожимая ему руку, сказалъ ему, вмѣсто привѣтствія, стихъ известнаго драматическаго англійскаго писателя:

Cowards die many times before their death
The valiant never taste of death but once.

— Трусъ умираетъ тысяча разъ; храбрый только разъ.

Выпитый стаканъ пуншу возвратилъ ему его обычную веселость, и въ-теченіе сутокъ онъ снова сталъ скептикомъ, какимъ былъ всю свою жизнь.

Туманъ еще не разсѣялся вполне, а потому капитанъ продолжалъ самъ управлять яхтою, а пассажиры стали хлопотать объ обѣдѣ. Ночь, проведенная въ такихъ тревоженіяхъ, морскою, живительный воздухъ, движеніе и работа придали всѣмъ звѣрскій аппетитъ. Только дамы, запертыя во все время опасности въ своихъ каютахъ, не изъявляли ни малѣйшаго желанія покушать. Къ сожалѣнію, всѣ свѣжіе запасы, говядина, гуси, индѣйки, куры и даже водоочистительные камни, которымъ лордъ Байронъ придавалъ особенное значеніе, все сдѣлалось жертвою волнъ. Уцѣлѣли впрочемъ солонина, сухіе фрукты и разныя соленья— и этимъ пренебрегать было-бы грѣшно, а потому и сдѣлано было на нихъ нападеніе, сообразное съ аппетитомъ каждаго. Между этою импровизованною закускою и обѣдомъ, которымъ занялись съ особенною тщательностью, общество поочередно купалось въ двухъ мраморныхъ ваннахъ яхты, прелестно устроенныхъ, а потомъ занялось приведеніемъ въ порядокъ своего туалета.

Здѣсь кетати сказать объ одной особенноти, которая могла быть замѣчена всякимъ наблюдательнымъ глазомъ. Когда лордъ Байронъ, во время опасности, возвратился въ послѣдній разъ изъ каюты наверхъ, онъ принесъ съ собою маленькій ящичекъ, который заботливо поставилъ около себя. Говорили, что онъ не разлучался съ нимъ и записывалъ его тщательно, когда ложился спать. Ящичекъ былъ зашитъ въ холстъ и прикрѣпленъ дномъ къ большому куску лубка, вѣроятно съ цѣлью, чтобы онъ могъ держаться на водѣ. — Никто не зналъ, что за-

ключалось въ этомъ таинственномъ ящикѣ, который былъ постояннымъ предметомъ его заботливости.

Вѣрно только то, что въ немъ не было ни денегъ, ни драгоценностей, потому-что лордъ Байронъ былъ на этотъ счетъ характера безпечнаго и никогда не занимался денежными расчетами. Много было дѣлано предположеній и догадокъ на счетъ этаго ящика, и всѣ онѣ были забавны или нелѣпы до крайности. Можно сказать съ достовѣрностью одно, что лордъ Байронъ имѣлъ его при себѣ на яхтѣ во все продолженіе его плаванія. Мы увидимъ скоро, что случилось съ этою вещью въ послѣдствіи.

Обѣдъ былъ веселый и шумный, пили много. Лордъ Байронъ, казалось, никогда еще не былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа. Онъ трунилъ надъ Шелеемъ, грозилъ написать элегію на смерть его, а графиня прибавила, что она напишетъ музыку на его послѣднее «Прости міру», и посвятитъ ее генію бурь. Часы летѣли незамѣтно и пріятно. Общество воображало, что яхта еще въ морѣ, какъ вдругъ явился капитанъ Бенсонъ поздравить съ прибытіемъ. Яхта бросила якорь въ заливѣ Мартелло, за пять миль отъ города Санто-Фіоренцо.

IV.

Мартельскія башни. — Санто-Фіоренцо. — Приѣмъ, сдѣланный лорду Байрону. — Паскаль Паоло, епископъ Корсики.

Корсика! Корсика! островъ, прославленный двумя именами! двумя противоположными мировыми событіями: Овидій и Наполеонъ! Страна изгнанія одного, рожденія другаго! — Недовольно-ли уже тебѣ этихъ двухъ именъ, чтобы ты была извѣстна всѣмъ, хотя по слуху.

Яхта бросила якорь въ Корсикѣ, въ солнечный великолѣпный, ослѣпительный день; путешественники могли наслаждаться вполне прелестнымъ видомъ, представившимся глазамъ ихъ. Горы, окружающія заливъ высоки и дики. Городъ издали очень красивъ. Его холмы покрыты деревьями и кустарниками различныхъ видовъ; между-ними отличались миртовые и фиговые деревья.

Въ 1773 году, во-время войны французовъ съ англичанами, французскій флотъ, крейсировавшій близъ Тулона, прибылъ въ заливъ Мартелло, для исправленія нѣкоторыхъ поврежденій своихъ судовъ. Славная мартельская башня, давшая свое названіе многимъ другимъ выстроен-

нымъ по берегамъ Великобританіи, была тогда уже полуразрушена, но даже и въ такомъ видѣ она считалась неприступнѣе всѣхъ соименныхъ ей башенъ въ Англіи. Имѣя только двѣ пушки и двадцать человекъ гарнизона, она защищалась и даже разбила семидесяти-четырехъ-пушечный корабль «The Fortitude» и тридцатидвухъ-пушечный фрегатъ «Юнона».

Наконецъ, послѣ продолжительной осады, адмиралъ Нельсонъ завладѣлъ башнею, но не иначе, какъ предварительно и внезапно занявъ одну возвышенность, почитаемую дотолѣ недосягаемою, а потому и неприступною.

Не успѣла яхта бросить якоря, какъ на нее явились нѣсколько греческихъ и генуэзскихъ купцовъ, стоявшихъ въ Мартелло на якорѣ, въ ожиданіи попутнаго вѣтра.

Отъ нихъ узнали наши путешественники, что комендантъ Санто-Фиоренцо былъ французъ, обходительный и любезный человекъ и что островъ наслаждался совершеннымъ спокойствіемъ, какого не запомнить во все время владычества англичанъ. Лордъ Байронъ сознался при этомъ, что французы, своимъ учтивымъ и вѣжливымъ обхожденіемъ, приобрѣтутъ довѣренность народовъ гораздо скорѣе и прочнѣе, чѣмъ англичане сыпя деньгами, и что когда французы овладѣютъ какимъ-либо мѣстомъ, они уже могутъ быть увѣрены, что сохранять его безъ особенныхъ трудовъ и наблюденій.

Яхта приобрѣла отъ гостей-купцовъ шлюбку, два якоря и четыре пушки, въ замѣнъ тѣхъ, которыя она принуждена была выбросить въ море во-время бури. Пассажиры запаесли и прочими нужными вещами, и такимъ образомъ все снова было приведено въ порядокъ, какъ будто съ яхтой и съ пассажирами ничего особеннаго и не случалось.

Послѣ завтрака, составленнаго изъ молока, свѣжихъ фигъ и другихъ фруктовъ, яхта снялась съ якоря и направила путь вверхъ по заливу, чтобы войти въ маленькую гавань. У входа яхта подняла два флага, венеціанскій на кормѣ и англійскій на средней мачтѣ. Музыка ея заиграла народную пѣсню «Rule Britania» «Владычествуй Британія», яхта сдѣлала салютъ крѣпости семью выстрѣлами, и ей отвѣтили тѣмъ же числомъ выстрѣловъ. Такъ какъ принято, что крѣпости и порты отвѣчаютъ только военнымъ судамъ, то лордъ Байронъ при этомъ сдѣлалъ замѣчаніе, что похвалы купцовъ на счетъ вѣжливости коменданта не были преувеличены. Капитанъ Ф... или, какъ называли его пассажиры, «молодой капитанъ», въ отличіе отъ старшаго капитана, Бенсона, въ полной военной формѣ, свѣхалъ на берегъ съ нашими паспортами, чтобы просить пропуска для дальнѣйшаго плаванія. Ко-

комендантъ, полковникъ Мишо, встрѣтилъ его на пристани, самъ вскопчилъ къ нему въ шлюбку и вернулся съ нимъ на яхту. Полковникъ былъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста и привлекательной наружности. Онъ изъяснилъ большое удовольствіе, увидавъ знаменитаго лорда, который представилъ ему всѣхъ своихъ спутниковъ. Комендантъ засыпалъ дамъ любезностями, и привѣтствіями мужчинъ, выражая свою надежду, что они погостятъ нѣсколько времени въ Санто-Фіоренцо, чтобы помочь женѣ его въ дѣлѣ образованія жителей. Съ этой фразой онъ обратился предпочтительно къ нашей красавицѣ-графинѣ. Дамы изъяснили готовность съѣхать на берегъ тотчасъ же, и лордъ Байронъ принялъ предложеніе коменданта остановиться у него въ домѣ со всѣми своими спутниками. Сейчасъ же были сдѣланы распоряженія для перевозки на берегъ всего нужнаго, и положено было, что всѣ съѣдутъ съ яхты послѣ обѣда. Полковникъ остался, безъ лишнихъ церемоній, обѣдать на яхтѣ, и даже послалъ на берегъ за своею супругою и дочерью, и тѣмъ доставилъ истинное удовольствіе всему обществу, потому что какъ та, такъ и другая были замѣчательны своимъ милымъ, утонченнымъ обхожденіемъ, которое возвышало ихъ миловидность. Обѣдали на палубѣ. Во все продолженіе обѣда музыка гремѣла, и лордъ Байронъ распорядился, чтобы преимущественно были играны французскія аріи. За десертомъ полковникъ Мишо подчивалъ всѣхъ фруктами изъ своего сада, а графиня Гуичіоли, какъ всегда, была душею всего маленькаго общества.

Лордъ Байронъ постигъ науку быть всегда и всюду хорошо принятымъ; по прибытіи своемъ на островъ Коренку, онъ послалъ епископу золотую вазу и денежное пожертвованіе въ пользу церкви въ Санто-Фіоренцо. Епископъ, по имени Паскаль Паоло, изъ рода генерала того же имени, прибылъ на яхту благороднаго лорда и предложилъ отслужить благодарственный «Te Deum» за спасеніе отъ вѣрной смерти. Окончивъ молебень, почтенный епископъ, бесѣдовалъ въ общей каютѣ, принимая въ разговорѣ общества дѣятельное участіе.

Послѣ кофе, комендантъ съ своимъ семействомъ распрощался съ путешественниками, до скорого свиданія.

Чтобы избѣжать стеченія толпы любопытныхъ, жадной ко всему новому, рѣшено было съѣхать съ яхты, когда совершенно стемнѣетъ. Лордъ Байронъ и друзья его ночевали на берегу въ первый разъ съ самаго отплытія своего изъ Венеціи.

V.

Лорд Байронъ въ Санто-Фіоренцо. — Охота на кабана. — Деревушка Казосъ. — Гостепріимство приходскаго священника. — Корсиканская красавица. — Древняя и новая Діаны. — Характеръ Лорда Байрона. — Пустыняикъ.

На другой день путешественники были разбужены музыкою. Она играла подъ ихъ окнами народный англійскій гимнъ «Боже, храни короля». Послѣ завтрака общество раздѣлилось. Дамы, не привыкшія переносить усталость, рады были случаю отдохнуть и полѣниться въ своихъ комнатахъ; капитанъ Бенсонъ занялся устройствомъ яхты; Шеллей и Денцель пошли снимать виды города, каждый съ своей избранной точки. Лордъ Байронъ съ прочими отправился на охоту, съ двумя прекрасными охотничьими собаками. Онъ надѣлъ для охоты маленькую, узкую курточку зеленого цвѣта, подпоясанную шелковымъ кушакомъ, толстые башмаки и стиблеты.

Въ странѣ гористой и лѣсной, какъ Корсика, удовольствія охоты всегда бывають утомительны. Должно безпрестанно переходить черезъ ручьи и рѣчки, продирается сквозь чащу лѣсовъ, очень густыхъ, вскарабкиваться на крутыя горы и утесы. Охотники наши такъ углубились въ страну, что когда захолящее солнце напомнило о возвратѣ, они очутились за шесть добрыхъ миль отъ города Санто-Фіоренцо. Они рѣшились направить путь свой къ деревушкѣ Казосъ, престарѣлый священникъ которой принялъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ; подчивалъ довольно хорошимъ виномъ, и Лордъ Байронъ изъявилъ согласіе переночевать у него, если только это не будетъ для него стѣнительно. Желаніе это принято съ готовностію. Молоденькая и хорошенькая племянница священника обмыли ноги гостей, по восточному обыкновенію, не смотря на всѣ ихъ сопротивленія. Затѣмъ накрыла ужинъ, состоявшій, какъ всегда бываетъ въ этой странѣ, изъ рыбы, яицъ и грушъ. Бутылка водки, о которой вспомнили уже послѣ ужина, послужила для пунша, который всѣмъ показался восхитительнымъ.

Лордъ Байронъ и священникъ не ложились до поздней ночи, и, по обыкновенію своему, позѣ такъ увлекъ хозяина своею бесѣдою, что тотъ, съ своей стороны, рѣсказалъ ему всѣ подробности своей жизни. Деревенскій пастыръ зналъ только Корсику и ни о чемъ болѣе говорить не могъ, но онъ былъ прекрасный человѣкъ, всегда ровнаго и веселаго нрава. Приходъ его

приносилъ ему до 500 франковъ въ годъ, и онъ этимъ былъ совершенно доволенъ, тѣмъ болѣе, что огородъ его былъ всегда обработанъ, а также и маленькій виноградникъ, который вознаграждалъ съ избыткомъ за всѣ его попеченія. Кромѣ-того, честный пасторъ самъ ловилъ рыбу и билъ дичь для своего продовольствія.

Приходская церковь стояла въ срединѣ лѣса, окруженная тридцатью хижинами, населенными фермерами. Посреди этой деревушки протекала хорошенькая рѣчка, берега которой засажены были миртами. Тамъ и сямъ виднѣлись сваленныя въ рѣку деревья, служащія способомъ сообщенія между двумя берегами, — но жители, мужчины и женщины предпочитали переходить рѣку въ бродъ.

Лордъ Байронъ всталъ съ зарею, съ намѣреніемъ продолжать начатую охоту. Хозяинъ велѣлъ приготовить пирожковъ къ завтраку и сбить свѣжаго масла, а густыя сливки замѣнили неизвѣстный здѣсь чай. Хорошенькая племянница священника вызвалась сопровождать охотниковъ и указать логовище двухъ кабановъ, которое она знала. Кстати здѣсь описать нашу красавицу. Волосы ея свободно ниспадали до пояса, рубашка застегнутая у шеи, плотно къ ней прилегала; на плеча надѣта была голубая кофточка; короткая юбка, изъ сѣрой шерстяной матеріи, едва достигала до колѣнъ; красныя бумажныя чулки, безъ носковъ, доходящія только до ладыжекъ, а на ногахъ ременная плетеная обувь, напоминающая древнія сандаліи. Дѣвушка была очень смугла, имѣла черныя глаза и черты римлянки. Высокая и гибкая, она перепрыгивала съ легкостью серны черезъ рвы, съ утеса на утесъ. Ей было около 16 лѣтъ, а она этого еще не замѣчала, и рѣзвилась и лепетала, какъ дитя. Она держала общаніе и вынудила кабановъ выйти изъ ихъ логовища. Пасторъ убилъ одного сразу, а за другимъ собаки рванулись и понеслись вдаль. Приблизившись къ утесамъ, кабанъ повернулся и сталъ передомъ, въ оборонительное положеніе, поджидая враговъ своихъ. Сначала онъ боролся съ ними съ замѣтнымъ успѣхомъ, но прозенный пулею, онъ бросился въ рѣку, куда собаки не послѣдовали за нимъ, потому-что кабанъ поранилъ ихъ не нашутку. Лордъ Байронъ очень досадовалъ, что онъ ускользнулъ отъ нихъ живой. Корсиканка развязала ремень, обхватывавшій ея талію, бросилась за кабаномъ въ рѣку и съ неимовѣрною ловкостью набросила на голову и переднія ноги звѣря петлю, которую уже она успѣла сдѣлать на срединѣ ремня, одинъ конецъ котораго она бросила Байрону, а другой не выпускала изъ рукъ своихъ. Такимъ способомъ вытащили жертву на берегъ, безъ всякаго сопротивленія съ ея стороны, или опасности для кого бы то ни бы-

ло. Молодая дѣвушка смѣялась отъ души надъ страхомъ лорда за нее, особенно, когда онъ замѣтилъ ей, что она можетъ простудиться, оставаясь въ мокромъ платьѣ. Хохотунья увѣряла, что это случается съ нею по десяти разъ на день, но что она не помнитъ, чтобы имѣла насморкъ хотя разъ во всю свою жизнь.

Эта сцена напомнила поэту охоту Діаны и нимфъ ея, и никогда эта богиня лѣсовъ не могла быть лучше изображена, какъ чертами молодой корсиканки, которая соединяла въ себѣ гибкость стана съ отвагою и силою аркадскихъ пастушекъ. Настала минута разлуки. Дѣвушка съ видимымъ сожалѣніемъ должна была проститься съ охотниками. Лордъ Байронъ подарилъ ей шелковый платокъ, она накинула его кокетливо на свою классическую головку, кивнула, и исчезла съ быстротою серны.

Возвращеніе въ Санто-Фіоренцо совершилось безъ поворотовъ въ сторону, а потому довольно скоро. Друзья Байрона, оставшіеся въ городѣ, нисколько не безпокоились на его счетъ, потому-что имъ была извѣстна отличительная черта характера поэта. Онъ никогда не назначалъ часа своего возвращенія, прибытія или отъѣзда. Во всемъ онъ любилъ неизвѣстность и непреодѣленность. Никогда не знали, гдѣ его отыскать, никогда нельзя было угадать, чѣмъ онъ займется. Но если онъ что однажды рѣшалъ, то ничт не могло отвлечь его отъ цѣли. Онъ стремился къ ней быстрѣе молніи, неукротимѣе бури. Зато никто не умѣлъ такъ, какъ онъ, наслаждаться жизнію; онъ умѣлъ извлекать для себя пользу даже изъ самыхъ неудачъ. Когда случалось ему впадать въ мрачное расположеніе духа, онъ не походилъ на самого себя. Ему казалось, что все шло ему наперекоръ. Солнце теряло свой блескъ и теплоту, природа свою красоту; море, это божество поэта, казалось ему безобразною массою грязной жидкости; веселье другихъ ему было тѣгостно, а скорбь чужая — казалась смѣшною. Только совершенное уединеніе исцѣляло его отъ такого болѣзненнаго состоянія. Онъ и искалъ уединенія, пока эти припадки сцлина исчезали совершенно. Къ счастью, они не были продолжительны и лордъ Байронъ старался заставить другихъ забыть ихъ, старался всѣми зависящими отъ него средствами.

Путешественники пробыли около мѣсяца въ Санто-Фіоренцо, въ ожиданіи писемъ, которыя лордъ Байронъ надѣялся тутъ получить. Между-тѣмъ, какъ графъ П*... госпожа В*... и прочія особы нашего маленькаго общества, составляли разныя празднества и пирушки, съ дѣятельною помощью коменданта, лордъ Байронъ отправился въ Корте, городъ, лежащій въ срединѣ острова. Дорожный дормезъ поэта

былъ устроенъ такимъ-образомъ, что могъ переплывать черезъ рѣки. Для этого нужно было только отпрячь лошадей и снять колеса, для которыхъ устроены были мѣста, на подобіе зимнихъ возковъ, которые капитанъ Ф... выдалъ въ Сибири, и по плану начертанному капитаномъ, эта карета и была заказана. Кромѣ-того, внутри ея была устроена покойная, висеячая постель, которая на день складывалась подъ подушки. Въ этомъ-то подвижномъ домѣ, Байронъ путешествовалъ, не дѣлая болѣе двадцати миль въ день (около восьми льё) по каменистымъ дорогамъ, мѣстами совершенно не проѣзжимъ для такого громоздкаго экипажа. Случалось нерѣдко, что надо было прибѣгать къ помощи силы и искусства корейканцевъ, которые съ босыми ногами, по острымъ камнямъ несли карету на рукахъ, съ такою же легкостью, какъ индѣйскіе невольники носятъ паланкины; съ тою только разницею, что индѣйцы ходятъ по сыпучему песку, а не по бремнямъ. На вторую ночь этого романтическаго путешествія, дормезъ остановился на ночлегъ въ маленькой разоренной деревушкѣ, жители которой, числомъ не болѣе пятидесяти, казалось, терпѣли крайнюю бѣдность. Лордъ Байронъ роздалъ имъ сорокъ штукъ разной дичи, которую онъ успѣлъ настрѣлять во-время своего двухдневнаго путешествія. Жители отблагодарили его козьимъ молокомъ и дикими фигами. Деревушка эта лежитъ у подошвы высокой горы, съ которой падаетъ каскадомъ ручей; пройдя шаговъ двѣсти, онъ теряется въ долину. На самой же оконечности этой горы виднѣются развалины нѣкогда укрѣпленнаго замка, построеннаго генуэзцами. Тремя сторонами своихъ стѣнъ онъ касается почти перпендикулярнымъ обрывамъ горы и только съ четвертаго его фаса, можно взобраться къ замку, узкою, крутою тропию. Путешественники съ большимъ трудомъ и часто съ помощью рукъ своихъ, взобрались на вершину, гдѣ стоялъ замокъ. Онъ построенъ на трехъ стаяхъ саженьхъ и изъ него можно обнять взоромъ почти все пространство острова.

Изъ середины двора замка вытекаетъ ручей, о которомъ говорено выше, бросается внизъ и разбивается въ дребезги у подошвы горы. Въ былыя времена, замокъ этотъ былъ могучъ и неприступенъ. Во-время своего владычества, Генуэзцы избрали его складочнымъ мѣстомъ своихъ военныхъ снарядовъ и продовольствія и центромъ своихъ дѣйствій; въ позднѣйшее время, Паоли пожертвовалъ жизнью двухъ тысячъ людей, чтобы овладѣть имъ. Въ этихъ дикихъ и необитаемыхъ мѣстахъ, несчастіе отыскало однако себѣ жертву. Какой-то, корсиканецъ, пятидесяти лѣтъ, поселился въ одной изъ полуразрушенныхъ башенъ, почти незащищавшей его отъ стужи и непогодъ. Ружье и собака

были для него единственные средства къ разсѣянiю и къ существованiю, не считая крошечнаго уголка земли, на которомъ красовались десятокъ яблонь и фиговыхъ деревьевъ, взрошенныхъ его руками; онъ продавалъ иногда, въ Кортѣ и Санто-Фіоренцо, снятые съ нихъ плоды, вмѣстѣ съ козьимъ молокомъ. Отецъ его умеръ въ этихъ же развалинахъ, и онъ показалъ намъ мѣсто, гдѣ самъ зарылъ его въ могилу. При этомъ корсиканецъ прослезился. Длинная борода, до которой никогда еще не касалась сталь, падала ему до пояса и придавала ему видъ пустынника. Одинъ изъ проводниковъ лорда Байрона шепнулъ ему на ухо, чтобы онъ его остерегался, потому-что онъ знаетъ съ нечистой силою. Лордъ Байронъ усмѣхнулся и сказалъ, что видитъ въ немъ только человѣка, привыкшаго къ своему образу жизни на столько, что еслибы вздумалъ измѣнить его, то сталь-бы несчастливъ. Только-что корсиканецъ замѣтилъ путешественниковъ, онъ вынесъ имъ скамью, изюму, чашку молока и маленькiй хлѣбъ. Вступивъ съ ними въ разговоръ, онъ выразилъ сожалѣнiе, что англичане не владѣютъ больше Корсикой; не потому, чтобы онъ былъ имъ больше преданъ, въ его одиночествѣ для него всѣ люди были равны, но потому, что у нихъ дешевле можно было покупать свинецъ и порохъ. Услышавъ это, лордъ Байронъ подарилъ ему жестянку съ двумя фунтами пороху и мѣшокъ съ дробью. Байронъ, замѣтивъ, что его ружье находится въ неисправности, далъ ему записку къ капитану яхты, съ тѣмъ, чтобы Бенсонъ снабдилъ подателя хорошимъ ружьемъ, порохомъ, пулями и дробью; словомъ, всѣмъ охотничьимъ снарядамъ. Столько милостей тронули старика; онъ сказалъ намъ, что къ ночи же уйдетъ въ Санто-Фіоренцо. Байронъ, между-прочимъ, сирашивалъ о причинѣ удаленiя его отъ людей. И вотъ что сказалъ на это корсиканецъ: «У меня нѣтъ другаго пристанища, кромѣ этихъ развалинъ, другаго друга, кромѣ этой собаки; многіе принимаютъ меня за демона, потому-что я избѣгаю людей; я прожилъ здѣсь болѣе пятидесяти лѣтъ; я не оставлялъ отца моего живаго, не оставляю его и мертваго; когда я умру, то вѣрно соединюсь съ нимъ. Нужды мои не велики. Я не имѣю надобности ни въ комъ. Вы меня осчастливили, и я буду за васъ молиться Богу».

Старикъ провелъ своего покровителя до подошвы горы, гдѣ лордъ Байронъ основалъ свое минутное кочевье. Всѣмъ жителямъ деревушки роздано было по пяти франковой монетѣ, что привело ихъ въ такой восторгъ, что они стали воспѣвать хоромъ хвалу великодушiю лорда Байрона, и чуть не оглушили его, въ знакъ своей благодарности.

Дорога въ городъ Кортѣ лежитъ между двухъ горъ, самый же въ-

Въздъ суживается такъ, что едва есть провъздъ для трехъ каретъ въ рядъ. Это дефиле тянется на восьми стахъ саженьяхъ. Горсть людей можетъ защищать этотъ въздъ отъ многотысячной арміи; зато Кортé всегда принадлежалъ корсиканцамъ, несмотря на все покушенія генуэзцовъ и французовъ. Во многихъ мѣстахъ этого ущелья деревья съ обѣихъ сторонъ сплетаются вѣтвями и составляютъ зеленый сводъ самаго привлекательнаго вида. Тамъ-и-сямъ роскошныя грозды винограда спускаются къ самому рту путешественниковъ, и манятъ ихъ своимъ прелестнымъ видомъ и вкусомъ. При самомъ входѣ въ этотъ дефиле есть ручей. Надъ ручьемъ выстроены деревянный мостикъ самой изящной архитектуры. Въ концѣ ущелья виднѣется одинъ изъ главныхъ городовъ острова Корсика; какъ орлиное гнѣздо лѣжится онъ на самой вершинѣ утеса. Утесъ же стоитъ въ долинѣ, окруженной высокими горами.

Лордъ Байронъ, говоря о Кортé, вспомнилъ, что когда Наполеона просили учредить въ его родномъ островѣ, въ нѣкоторыхъ портахъ, портофранко, чтобы привлечь къ нимъ торговлю, Наполеонъ спросилъ: пользовались-ли они когда-нибудь этимъ преимуществомъ? — И на отрицательный отвѣтъ, сказалъ, что не видитъ въ томъ необходимости, потому что корсиканцы счастливы и покойны и безъ того, а если дать имъ новое преимущество, то они на немъ не остановятся и станутъ требовать наконецъ, какъ права, такихъ привилегій, которыя не сдѣлаютъ ихъ счастливѣе, а только требовательнѣе и взыскательнѣе.

Съ перваго взгляда Кортé кажется столько же красивымъ, какъ онъ живописенъ. Дома изъ бѣлаго камня, болѣею частію, не высоки и почти все окружены зеленѣющими палисадниками. Нѣсколько колоколенъ величаво возносятся къ облакамъ.

День възда Лорда Байрона въ городъ былъ праздничный: французскія и корсиканскія знамена развѣвались на нѣкоторыхъ зданіяхъ. Со всехъ сторонъ виднѣются огромныя деревья, равняющіяся вышиною съ окружающими городъ горами. Фермы, монастыри, разбросанныя тамъ-и-сямъ, разнообразятъ видъ и составляютъ привлекательный контрастъ съ темными окружающими ихъ лѣсами. Карета-дормезъ нашихъ путешественниковъ остановилась около хорошенькаго домика, близъ одной изъ заставъ города. Корсиканецъ, господинъ Сегаро, владѣлецъ дома, принялъ гостей съ особенною пріятливостью и радушіемъ. Онъ былъ въ не поддѣльномъ восторгѣ, увидя лорда Байрона, котораго не видалъ около семи лѣтъ. Онъ питалъ къ поэту живѣйшую дружбу, и не могъ придти въ себя отъ радости, видя его своимъ гостемъ.

VI.

Кортэ — Фалернское вино. — Привычки лорда Байрона. — Препятствія къ браку. — Мысли лорда Байрона о бракѣ. — Черта благотворительности. — Байронъ соединяетъ любовниковъ. — Корсиканская благодарность.

Издали Кортэ можетъ напомнить воображенію счастливую долину Абиссинскихъ князей, такъ пріятно описанную Джонсономъ, въ его «Расселасѣ.» Подъѣзжая къ дому г. Сегаро, лордъ Байронъ, указавъ спутникамъ рукою на великолѣпный видъ города, сказалъ стихъ Валтеръ Скотта:

«Giant mountains take their stand,
«Like sentinels raund fairy land.»

Къ счастью, очарованіе разрушается, какъ только въѣзжаешь въ маленькій городишко, замѣчательный внутри только по чрезвычайной нечистотѣ и беспорядку. Невымощенные улицы наполнены стадами свиней, тощихъ собакъ и рогатымъ скотомъ. Часто взоръ встрѣчаетъ на улицѣ и падалъ, издающую невыносимый смрадъ, особенно въ жаркое время, въ которое довелось нашимъ путешественникамъ посѣтить Кортэ. Дома здѣсь имѣютъ дверь на улицу, а окна во дворъ или въ садъ, какъ въ Каирѣ. Епископъ города предложилъ Байрону помѣщеніе въ своемъ дворцѣ, но тотъ учтиво уклонился отъ его предложенія, предпочитая маленькій, почти загородный домикъ своего стараго друга г. Сегаро. Домикъ этотъ стоялъ у городскихъ воротъ, на берегу маленькой прозрачной рѣчки, окруженный миртами и алое и защищенный съ восточной стороны длиною, густою каштановою аллеєю. Сегаро владѣлъ обширными виноградниками и велъ большую торговлю винами. Кромѣ оптовой продажи, онъ имѣлъ много маленькихъ погребовъ въ городѣ, гдѣ вино продавалось разною мѣрою, и сверхъ-того онъ отпускалъ на вывозъ болѣе 300 бочекъ вина. Древніе римляне получали изъ Корсики свое славное фалернское вино. *) Сегаро назвалъ этимъ именемъ свое новое, непереигравшее еще вино, правильнѣе сказать, только что

*) Еслибы лордъ Байронъ зналъ, что говорится здѣсь о фалернскомъ винѣ, то онъ поправилъ бы ошибку капитана Бенсона. Римляне получали фалернское вино, не изъ Корсики, а изъ маленькой области, лежавшей въ древней Кампаніи.

выжатый виноградный сокъ. Виноградъ здѣсь не крупень, желтаго цвѣта, и молодое вино, которое изъ него выдѣлывается, бываетъ вѣжнаго, прекраснаго вкуса.

Лордъ Байронъ познакомился съ Сегаро въ Венеціи. Женившись на римлянкѣ, г. Сегаро имѣлъ несчастье потерять жену свою во-время первыхъ родовъ ея. Онъ поручилъ своего первенца лорду Байрону, и возложилъ на него все попеченія, какъ о жизни такъ и о воспитаніи малютки. Лордъ Байронъ оправдалъ довѣріе отца, въ полномъ смыслѣ слова. Онъ нарочно заѣхалъ въ маленькій, ничтожный городишко Кортѣ, чтобы изустно сообщить отцу подробности о воспитаніи его сына, и только этою потребностью благородной, возвышенной души его, оправдывается путешествіе, сопряженное съ такими лишеніями и трудностями.

Во все время своего пребыванія въ Кортѣ, лорду Байрону ни разу не пришла даже мысль о его любимомъ развлеченіи; онъ не выезжалъ на охоту. Привыкнувъ къ частымъ купаньямъ, онъ только всего три раза въ цѣлую недѣлю выкупался здѣсь, тогда какъ всюду, въ другихъ мѣстахъ, онъ это дѣлалъ по два и по три раза на день. Иногда друзья замѣчали ему, что такія неумѣренныя купанья могутъ вредить здоровью, особенно въ слишкомъ жаркіе дни, но онъ никого не слушалъ, воображая себя Геркулесомъ.

Случалось, что поэтъ засыпалъ послѣ обѣда въ обществѣ и сердился если выходили изъ комнаты, но ставляли его одного, или даже замѣчали сонъ его. Видно было, что онъ утомлялъ себя сверхъ силъ своихъ, но онъ никогда не хотѣлъ въ томъ сознаться. Зато нельзя было удачнѣе похвалить его, какъ удивляясь его физической силѣ. Гостя у своего друга, Байронъ сдѣлался усидчивѣе, чѣмъ когда-либо, почти не выходилъ изъ дому, и цѣлые вечера проводилъ въ бесѣдѣ.

Лордъ Байронъ поручилъ капитану Ф... раздачу милостыни и вспоможенія бѣднымъ жителямъ города, за что «молодой капитанъ» сдѣлался всеобщимъ любимцемъ.

Кортѣ бѣденъ обществомъ и увеселеніями; но путешественники наши успѣли устроить маленькія вечернія собранія и обѣды, куда мужчины лучшаго мѣстнаго общества являлись одѣтыми въ самыя простыя платья англійскихъ фермеровъ. Дамы, черноглазые и живые, къ сожалѣнію, не отличались изяществомъ въ движеніяхъ и обращеніи, плодомъ воспитанія болѣе утонченнаго, чѣмъ то, которое онѣ здѣсь получаютъ.

Между служанками, въ домѣ Сегаро была молоденькая дѣвушка, которая любила одного молодаго работника и обѣщала выйти за него замужь

уже пять лѣтъ тому назадъ; но обоюдная бѣдность препятствовала принятому ими намѣренію и, вѣроятно препятствовала бы еще долго, если не цѣлую жизнь. Не смотря на это, Анунціата не желала разлучаться съ любезнымъ Бенно, и рѣшилась умереть дѣвушкой, если нельзя ей быть его женою.

Этотъ маленькій любовный эпизодъ очень понравился лорду Байрону, и онъ пожелалъ разъяснить его. Въ Кортѣ существуетъ обычай, который запрещаетъ работнику жениться, пока онъ не приобрететъ дома и нѣсколько земли, способныхъ прокормить его съ семьею. Цѣнность такого приобретения бываетъ отъ пяти сотъ франковъ до тысячи, сумма значительная въ странѣ, гдѣ работникъ не можетъ выработать болѣе шести су въ день, а женщина служить только изъ того, чтобы ее кормили и одѣвали. Несмотря на такой стѣснительный обычай, нравы здѣсь чисты.

Лордъ Байронъ со свойственною ему энергіею возставалъ противъ этого обычая. «Лучшій способъ, говорилъ онъ, по этому поводу, приучать человѣка къ трудолюбію состоитъ въ томъ, чтобы дать ему свободу любить и жениться; сердце научить его, какъ поддержать существованіе своей семьи.»

Увѣрившись въ чистомъ, безукоризненномъ поведеніи Анунціаты и Бенно, лордъ Байронъ купилъ имъ хижинку съ землею и сыгралъ ихъ свадьбу у г-на Сегаро, который взялъ на себя издержки по случаю этаго событія, чтобы участвовать хоть чѣмъ-нибудь въ такомъ благотворительномъ дѣлѣ.

Никогда чета влюбленныхъ не была такъ счастлива.

Лордъ Байронъ находилъ наслажденіе въ томъ, чтобы расточать свои благодѣянія при всякомъ удобномъ случаѣ; онъ не покидалъ ни одного мѣста, не оставивъ въ немъ слѣдовъ своего великодушія и знаковъ своей щедрости. Многіе изъ окружавшихъ его удивлялись его расточительности на тѣхъ, кого онъ никогда болѣе не увидитъ. Лордъ Байронъ отвѣтилъ на эти замѣчанія, что онъ жалѣетъ о тѣхъ нечувствительныхъ, черствыхъ душахъ, которыя не понимаютъ высокаго наслажденія счастливитъ ближнихъ.

Во-время пребыванія нашихъ путешественниковъ въ Кортѣ, гарнизонъ его состоялъ только изъ ста человѣкъ французскихъ солдатъ и нѣсколькихъ ротъ корсиканской милиціи, одѣтой въ холстинныя куртки темнаго цвѣта и кожаные стиблеты. Каждый солдатъ этаго войска снабженъ карабиномъ и кинжаломъ заткнутымъ за поясъ.

Всѣ часовые, полицейскіе и будочники не выпускають трубокъ изъ рта, какого бы роду службу они не отправляли. Привычка курить до того укоренилась въ этой странѣ, что мужчины и женщины всѣхъ возрастовъ, и даже дѣти восьми и десяти лѣтъ, не выходятъ на улицу безъ трубокъ. Въ тихіе, лѣтніе вечера, дымъ стоитъ на улицахъ, такъ, что встрѣчные съ трудомъ могутъ различать другъ друга. Лордъ Байронъ увѣрялъ, что этимъ постояннымъ окуриваніемъ жители обязаны своимъ здоровьемъ, чему можетъ служить доказательствомъ, что во всемъ городѣ существовали только одинъ врачъ, три фельдшера и два аптекаря. Комендантомъ города былъ старый, заслуженный воинъ, котораго лордъ Байронъ посѣщалъ каждую недѣлю два раза. При разставаньи они обмѣнялись подарками въ знакъ памяти. Дворецъ, нѣкогда обитаемый потомками Паоли и королемъ Теодоромъ, представлялъ однѣ развалины.

Только нѣсколько старыхъ пушекъ напоминали о минувшемъ его величій. *Sic transit gloria mundi!*

Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Кортѣ, лордъ Байронъ распрощался съ городомъ и съ другомъ своимъ Сегаро и направилъ путь снова въ Санто-Фіоренцо. Молодые, соединенные бракомъ съ помощью щедротъ благороднаго лорда, провожали насъ верхомъ болѣе трехъ миль за городъ. Когда настала минута разставанья, молодые супруги плакали на взрыдъ, изъявляя, какъ умѣли, всю мѣру своей благодарности. Лордъ Байронъ далъ молодому нѣсколько серебряныхъ монетъ, но тотъ рѣшительно отъ нихъ отказался.

«Какъ несправедливы были историки» сказалъ при этомъ лордъ Байронъ, «говоря о корейканцахъ, будто чувство благодарности имъ совершенно неизвѣстно. Вотъ эти, напримѣръ, вѣроятно, ни отъ кого никогда не получали благодарній, но доказываютъ, что умѣютъ быть благодарными. Я думаю, что нѣтъ такого дикаго, варварскаго племени, которое бы оставалось нечувствительнымъ къ благодаренію, ему оказанному. Наше пребываніе въ Кортѣ уже тѣмъ будетъ памятно и не бесполезно, что мы устроили счастье двухъ любящихся существъ. Такіе случаи представляются не часто».

Лордъ Байронъ снова раскинулъ свой походный лагерь въ разрушенной деревушкѣ и снова увидѣлъ горнаго отшельника. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ несъ на плечѣ свое новое ружье и рассказывалъ съ восторгомъ о приѣмѣ, сдѣланномъ ему на яхтѣ. Ужинъ путешественниковъ состоялъ изъ рыбы и дичины, наловленной и настрѣленной

пустынникомъ. Лордъ Байронъ и съ нимъ простился не безъ новыхъ знаковъ своей обычной щедрости.

VII.

Новая опасность, которой подвергается лордъ Байронъ. — Возвращеніе въ Санто-Фіоренцо. — Гибель и спасеніе господъ Деццеля и Шеллея.

Утромъ того дня, въ которой путешественники выѣхали изъ Кортэ, они услышали ружейный выстрѣлъ, и пуля, пущенная изъ-за лѣсу, пробивши задъ кареты, остановилась въ подушкѣ, подъ колѣнами лорда Байрона. Поѣздъ остановился; всѣ взяли за оружіе и стали въ оборонительное положеніе, ожидая нападенія. Въ Корсикѣ такія нападенія на дорогахъ были тогда нерѣдкою. Никто однако не показывался; изъ лѣсу, только слышенъ былъ въ отдаленіи лай собакъ. Байронъ заключилъ изъ этого, что происшествіе, котораго онъ могъ быть жертвою, должно отнести къ случайности, и тѣмъ достовѣрнѣе, что корсиканцы охотятся на кабановъ съ пулями.

Путешественникамъ нашимъ предлагали въ Кортэ и въ Санто-Фіоренцо конвой, но лордъ Байронъ отъ него отказался, потому болѣе, что говорили, что на дорогахъ вездѣ тихо и безопасно и что по всѣмъ направленіямъ острова можно путешествовать, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Поѣздъ останавливался предпочтительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно было кормить лошадей травой. Жители деревень, лежащихъ по дорогѣ, по которой проѣзжалъ лордъ Байронъ съ своими спутниками, собирались поглазѣть на проѣзжихъ. Случалось, что въ иныхъ мѣстахъ каретѣ нельзя было проѣхать; путешественники стрѣляли изъ ружья и жители ближайшей деревни сбѣгались во множествѣ на призывъ, отпрягали лошадей и поднимали на плеча карету и несли ее, пробираясь по каменистымъ тропинкамъ съ болѣею легкостью, чѣмъ остальные путешественники, которые вели лошадей подъ уздцы; многіе изъ носильщиковъ были уже знакомы лорду Байрону по первому его проѣзду въ этихъ мѣстахъ; всѣ они были рады снова увидѣть его и услужить ему; но нельзя было принудить ихъ взять како-либо денежное вознагражденіе за трудъ. Лордъ Байронъ успѣлъ

только подѣлиться съ ними табакомъ и порохомъ — отчего, какъ кажется, горные жители уже не въ силахъ отказаться.

Путешественники прибыли въ Санто-Фіоренцо здоровы и невредимы послѣ пятидневнаго путешествія по странѣ самой романической. Оставшіеся друзья Байрона ожидали его съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Денцель успѣлъ снять нѣсколько лучшихъ видовъ страны, а Шеллей воспѣлъ городъ въ стихахъ, которые хотя были посредственны и не отличались чистотою французскаго языка, но очень польстили начальнику города.

Наканунѣ дня, назначеннаго для отплытія путешественниковъ, Денцель и Шеллей воѣхали покататься по заливу; порывъ вѣтра опрокинулъ ихъ шлюбку; пловцы держались за нее въ продолженіе четырехъ часовъ, пока ихъ замѣтили на одномъ плившемъ подъ парусами суднѣ. Имъ подана была помощь въ ту самую минуту, когда Шеллей, выбившись изъ силъ, уже сталъ тонуть. Этотъ случай произвелъ на него такое впечатлѣніе, что онъ вообразилъ, что если онъ останется на яхтѣ, то ему придется неминуемо утонуть. Эта идея до того овладѣла его головою, что онъ рѣшился остаться въ Санто-Фіоренцо, и ожидать тамъ судна, которое перевезло-бы его прямо въ Венецію.

Лордъ Байронъ много трунилъ надъ суевѣрными опасеніями бѣднаго Шеллея, который доселѣ хвасталъ своимъ легкомысліемъ, но не принудилъ его переменить намѣренія. Шеллей былъ уменъ — но страшный оригиналъ. Преданный лорду Байрону, онъ былъ съ нимъ друженъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, что не заставило его однако уступать своимъ предчувствіямъ; и странно, они не обманули его; предчувствіе Шеллея, что онъ долженъ рано или поздно утонуть, сбылось на самомъ дѣлѣ. Два дни спустя послѣ описываемыхъ нами событій, онъ погибъ вмѣстѣ съ судномъ, на которомъ онъ плылъ, у тосканскихъ береговъ.

Яхта подняла якорь въ Санто-Фіоренцо, при шумныхъ изъявленіяхъ пріязни и сожалѣній новыхъ друзей и знакомыхъ лорда Байрона. Бѣдный Шеллей стоялъ на пристани въ нерѣшимости, съ глазами, полными слезъ, и долго, долго провожалъ отплывающихъ, развѣвая платокъ свой въ воздухъ, пока яхта не скрылась изъ виду. Скоро послѣ того яхта бросила якорь на рейдѣ Бастіи.

VIII.

Пріемъ, сдѣланный лорду Байрону въ Бастіи. — Онъ называетъ себя лордомъ Ньюшгадскимъ. — Занимательный анекдотъ объ Нельсонѣ. — Встрѣча съ утопленникомъ. — Аячіо. — Встрѣча лорда Байрона съ старымъ школьнымъ товарищемъ. — Байронъ устраняетъ дуэль. — Бракосочетаніе. — Прибытіе въ Калиари. — Покушеніе на убійство. — Графу Ф... возвращаютъ его права и земли.

Начальственные лица Бастіи встрѣтили лорда Байрона съ особеннымъ отличіемъ. Онъ принялъ здѣсь имя лорда Ньюшгадскаго и просилъ друзей своихъ, не называть его иначе. Ньюшгадтъ принадлежалъ съ давнихъ временъ предкамъ лорда Байрона. Разстроенныя дѣла заставили поэта продать старинное родовое помѣстье, и онъ всю жизнь скорбѣлъ о томъ, что вынужденъ былъ силою обстоятельствъ на такую мѣру. Бастія — древняя столица Корсики. Городъ хорошо укрѣпленъ, имѣетъ хорошую пристань, театръ; въ немъ можно найти не только все необходимое для жизни, но много предметовъ, относящихся къ роскоши. Во время бытности своей въ этомъ городѣ лордъ Байронъ былъ очень удивленъ, когда въ одно прекрасное утро явился къ нему на яхту молодой мулатъ, по прозванію Камбель, ивѣецъ по рожденію, котораго лордъ Байронъ считалъ погибшимъ на суднѣ, принадлежавшемъ отцу Байрона. Оказалось, что изъ дѣлаго экипажа, онъ одинъ спасся чудеснымъ образомъ. Простившись съ Бастіею, яхта, послѣ двухдневнаго плаванія, должна была зайти въ Кальви, нѣкогда бомбардированный и взятый лордомъ Нельсономъ. Капитанъ Ф... указалъ спутникамъ утесы, на которыхъ Нельсонъ долженъ былъ поставить свою батарею для осады. Въ этомъ-то мѣстѣ знаменитый адмиралъ лишился глаза. Лордъ Байронъ не изъявилъ желанія съѣхать на берегъ, потому что онъ занятъ былъ перепискою. Молодой Камбель говорилъ по итальянски, а потому былъ полезенъ Байрону и взятъ имъ на яхту. Мулатъ занимался переводомъ разныхъ нужныхъ бумагъ, но когда яхта поравнялась съ утесами, на которыхъ разбилось судно, принадлежавшее отцу Байрона, мулатъ выбѣжалъ на верхъ, указать поэту даже мѣсто, гдѣ онъ вмѣстѣ съ другими претерпѣлъ крушеніе и спасся чуднымъ образомъ. Послѣ кратковременнаго плаванія яхта взошла въ Аячіо. Едва она успѣла бросить якорь, какъ друзья лорда Байрона, давно ожидавшіе его прибытія, наполнили все каюты. Между ними явился и одинъ изъ его школьныхъ товарищей, г. Форстеръ, изъ Ливерпуля. Лордъ Байронъ перебрался къ нему въ домъ.

Сестра Форстера была замужемъ за начальникомъ города. Лордъ Байронъ поручилъ капитану Ф*** отправиться въ Сардинію съ нѣкоторыми важными бумагами. Какъ только поэтъ отправилъ бумаги, къ нему возвратилась его обычная веселость, его всегдашняя пріятливость и любезность. Казалось, онъ переродился съ новыми друзьями своими и сдѣлался душою всѣхъ пирушекъ и празднествъ. Аячю давно не былъ свидѣтелемъ такихъ разнообразныхъ увеселеній; маскарады, балы, обѣды, катанья смѣняли другъ друга. Все пѣло, все ликовало.

Съ самаго прибытія путешественниковъ въ Аячіо, французскій офицеръ, капитанъ Сентъ П... всюду слѣдовалъ за госпожею В.... Дѣла шли обыкновеннымъ порядкомъ, какъ вдругъ въ одно утро капитанъ Сентъ П.... получаетъ вызовъ на дуэль отъ графа Ф.... Всѣ были поражены этимъ происшествіемъ. Лордъ Байронъ успѣлъ однако устроить дуэль и поспѣшилъ соединить бракомъ графа Ф. и госпожу В.... тѣмъ болѣе, что они были пара другъ другу во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ подарилъ невѣстѣ, вмѣсто свадебнаго подарка, 1,000 цѣхпновъ, съ тѣмъ, чтобы она ихъ употребила на приданое своему первенцу. Затѣвались новые празднества по случаю этого бракосочетанія, какъ вдругъ капитанъ Ф.... совсѣмъ неожиданно возвратился изъ Сардиніи съ письмами, по которымъ лордъ Байронъ долженъ былъ немедленно отправиться въ Калиари. Это непредвидѣнное препятствіе затѣваемымъ праздникамъ подошло очень кетати; надо было быть желѣзнымъ, чтобы выдержать еще нѣсколько дней такой образъ жизни.

Молодые супруги остались въ Аячіо, совершивъ обрядъ бракосочетанія, свидѣтелями котораго было все маленькое общество яхты. Лордъ Байронъ обѣщалъ имъ возвратиться. Яхта снова подняла якорь, распустила всѣ паруса, и легкимъ попутнымъ вѣтромъ проскользнула по проливу Вонифачіо, а на десятый день бросила якорь въ Калиари, не испытавъ во-время своего плаванія ни одного непріятнаго случая, почти неизбѣжныхъ при длинныхъ морскихъ переходахъ. Калиари, бывшая столица Сардиніи, нынѣ только резиденція вице-короля.

Музыка на яхтѣ грянула, а съ батарей отвѣчали ей выстрѣлами, въ ту минуту, какъ лордъ Байронъ спускался въ шлюбку. На берегу ожидала его почетная стража, которую онъ тотчасъ отослалъ и сѣлъ въ приготовленный для него экипажъ, который и помчалъ его въ назначенный для него отель.

Мы уже говорили, что цѣль поѣздки лорда Байрона въ Сардинію состояла въ томъ, чтобы выполнить данное матери молодаго графа Сентъ Ф... обѣщаніе возстановить его права и возвратить ему оспариваемыя у него земли.

Все, что могли придумать сутяжничество самое ловкое и ябеда самая низкая, все было употреблено въ дѣлѣ молодаго графа Сентъ Ф*... противъ ходатайства лорда Байрона, но не могло сломить желѣзной воли его. Онъ восторжествовалъ надъ затрудненіями настойчивостію, терпѣніемъ и умомъ.

Болѣе шести недѣль употреблено было на то, чтобы доказать неподложность молодаго графа. Кормилица его и старый слуга, находившіеся при немъ безотлучно, пропали безъ вѣсти. Послѣ большихъ розысковъ и неимовѣрныхъ усилій, Байронъ отыскалъ ихъ, и осыпалъ милостіями въ благодарность за ихъ попеченія о молодомъ графѣ.

Случившееся въ то время происшествіе доказало лорду Байрону, какъ долженъ былъ онъ охранять свою собственную жизнь, выходя вечеромъ изъ дому. Его противники были люди сильные и богатые, а извѣстно, что въ Сардиніи часто прибѣгаютъ къ убійству, какъ къ лучшему средству покончить длинные судебные процессы. Въ одинъ вечеръ капитанъ Ф*... съѣхалъ съ яхты на берегъ, съ нѣкоторыми нужными бумагами, которыя онъ и положилъ въ боковой карманъ, застегнувъ платье на груди, изъ предосторожности, чтобы не обронить ихъ. Проходя одну узкую улицу, онъ получилъ ударъ стилета въ плечо, который прокололъ нѣсколько листовъ бумаги и пергаментъ въ который онъ были завернуты.

Вечеръ показался капитану Ф*... прохладнымъ и онъ накинулъ выходя первую попавшуюся ему шинель. Оказалась, что шинель эта была лорда Байрона. Очевидно, что ударъ былъ приготовленъ для него; онъ могъ быть гибеленъ для капитана, еслибы бумаги не отразили опасности.

Наконецъ молодой графъ совершенно выигралъ процессъ и водворенъ былъ въ правахъ и званіи своихъ предковъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ введенъ во владѣніе своихъ земель и помѣстьевъ, онъ поручилъ ихъ управленіе двумъ преданнымъ ему родственникамъ и предложилъ лорду Байрону возвратиться съ нимъ вмѣстѣ въ Италію, имѣя въ виду поѣхать въ Туринъ, чтобы представиться королю.

IX.

Таинственный ящикъ. — Предположеніе о томъ, что въ немъ заключается. — Графиня Сентъ Ф*... — Прибытіе въ Неаполь.

Просимъ читателя вспомнить, что во-время бури, которую яхта

испытала, плывя къ берегамъ Корсики, лордъ Байронъ предполагая, по словамъ капитана Бенсона, что крушеніе яхты неизбѣжно,—вынесъ на палубу маленькій ящикекъ, намѣреваясь взять его съ собою, еслибы даже пришлось спастись влать. Онъ повидимому придавалъ большую цѣну этому сокровищу и охранялъ его неуспѣшно. По прибытіи въ Каліари, лордъ Байронъ перевезъ его на берегъ, въ сопровожденіи графа Сентъ Ф*... и мулата Камбеля. Все трое не возвращались на яхту цѣлые четыре дни. Говорили, что таинственный ящикъ заключалъ бранные постанки меньшаго брата графа Сентъ Ф*... умершаго въ Греціи, вскорѣ послѣ своего рожденія. Графиня, мать младенца, умирая поручила также лорду Байрону перевести прахъ своего младенца въ гробницу его предковъ, какъ поручила ему своего живаго сына. Поступки знаменитаго лорда доказываютъ, какъ свято было для него обѣщаніе, данное умирающей.

Вотъ нѣсколько словъ о жизни графини Сентъ Ф*... Она была дочь достаточныхъ и достойныхъ родителей, но неблагороднаго происхожденія. Графъ Сентъ Ф*... обвѣнчался съ нею тайно и имѣлъ сына, нынѣшняго молодого графа. Этотъ тайный бракъ объяснялъ, почему супруги воспитывали своего первенца въ уединеніи до 9-ти-лѣтняго возраста. Въ это время графъ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ переѣхали въ Венецію. Когда же умеръ отецъ графа, то онъ долженъ былъ поѣхать въ Сардинію и оставить жену и ребенка. Онъ поручилъ ихъ лорду Байрону, обѣщая въ скоромъ времени пріѣхать за ними. Но онъ не сдержалъ слова, забылъ обязанности мужа и отца, вошелъ въ новыя сердечныя связи и тѣмъ убилъ жену свою. Несчастная не вынесла его невѣрности, и вскорѣ заболѣла отъ сердечной тоски и печали. Самъ же графъ былъ убитъ на дуэли однимъ французскимъ офицеромъ. Покинутая жена, желая облегчить свои душевныя страданія, предположила сама поѣхать въ Сардинію къ невѣрному. Она путешествовала въ сопровожденіи лорда Байрона, но не вынесла дороги и умерла на островѣ Кипрѣ. Тамъ-то, умирая, она сдѣлала поэта своимъ душеприкащикомъ. Обѣщанія лорда Байрона касательно ея сына облегчили несчастной послѣднія минуты разставанья съ жизнью. Три года хлопоталъ великодушный поэтъ, чтобы возвратить молодому графу права его, и успѣхъ его былъ сомнителенъ. Тогда-то онъ предпринялъ описываемое нами путешествіе, которое имѣло такую благородную цѣль и такой блистательный результатъ.

Все было готово къ отплутію. Двѣнадцать прощальныхъ выстрѣловъ посланы были яхтою крѣпости, и та отозвалась тѣмъ же числомъ выстрѣловъ.

Яхта распустила свои бѣлые паруса и поплыла по направленію къ Калиари. Миновавъ проливъ Санто Бонифачіо, сильный порывъ вѣтра принудилъ яхту повернуть къ Неаполю, гдѣ она бросила якорь и гдѣ кончилось это занимательное путешествіе знаменитаго поэта *.

Ио * Редакція приноситъ живѣйшую благодарность талантливой писательницѣ, А. И. Блбковой, за доставленіе этихъ любопытныхъ записокъ, открывающихъ много замѣчательныхъ чертъ знаменитаго британскаго поэта, чертъ доселѣ неизвѣстныхъ европейскимъ его биографамъ. Записки эти, являясь впервые въ печати въ «Пантеонѣ», вѣроятно обратятъ на себя вниманіе самыхъ англичанъ, которые поспѣшатъ подѣлиться ими съ соотечественниками Лорда Байрона. Редак.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ, драма въ 5 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ, переводъ съ французскаго г. *Василько-Петрова*.

Сперва скончались, потомъ повѣнчались, водевиль въ 2 картинахъ, соч. г. *Максимова 3*.

(*Бенефисъ г. Максимова 1*).

НИ ТОТЪ НИ ДРУГОЙ, комедія въ 1 дѣйствіи соч. *графини Ра-стопчиной*.

Амишка, водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго *П. С. Оедоровымъ*.

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА, водевиль въ 1 дѣйствіи.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ХОРОВОДЪ, вмѣсто дивертисмана, соч. г. *Сухомина*.

(*Бенефисъ г. Мартынова 1*).

Не далѣе, какъ въ прошедшей книжкѣ «Пантеона» говорили мы о томъ, что трудно передѣлать драму изъ романа и что драмы, передѣлан-

ныя изъ романовъ рѣдко бываютъ удачны; мы и теперь, какъ и всегда, готовы повторить и доказать наше мнѣніе; но это еще не значитъ, что мы безусловно возстаемъ противъ драматическихъ заимствованій изъ романовъ. Дѣло мастера боится, говоритъ пословица, и весь вопросъ заключается въ томъ, чтобъ литераторъ, принимающійся за передѣлку романа въ драму, былъ мастеромъ своего дѣла. Не всякій романъ способенъ превратиться въ драму; для того, чтобъ быть драматическимъ писателемъ необходимо имѣть дарованіе: это очень простыя и неоспоримыя истины, но о нихъ наши драматурги не всегда думаютъ. Отъ того—то такъ много у насъ плохихъ пьесъ; отъ того изъ ста драматическихъ произведеній, появляющихся въ—теченіе года на нашей сценѣ, не болѣе десяти, да и тѣ не на долго, остаются на репертуарѣ; отъ того, наконецъ, появляются передѣлки въ родѣ «Тараса Бульбы», о которомъ мы имѣли случай говорить въ прошедшей статьѣ нашей.

Во всякомъ человѣкѣ есть болѣшій или мѣншій запасъ честолюбія и славолюбія, то—есть, самолюбія; всякому въ—слѣдствіе этого хочется лавровъ, извѣстности, славы, хочется видѣть свое маленькое «Я» превознесеннымъ, прославленнымъ, возвеличеннымъ,—а этого нигдѣ нельзя достигнуть такъ легко, какъ въ театрѣ. Это *Я* становится на афишу, да не одинъ разъ, а нѣсколько; это *Я* читается тысячами читающихъ афиши; это *Я* является на репетиціяхъ, съ правомъ голоса; а если пьеса имѣетъ успѣхъ, оно звучитъ и гремитъ среди восторженныхъ кликовъ, какъ имя героя, оно выходитъ передъ зовущую его толпу, облеченное въ черный фракъ и бѣлый жилетъ, и раскланивается, приложивъ руку къ сердцу, скромно и снисходительно улыбаясь... Сколько во всемъ этомъ упоенія для славолюбія—виноватъ—для самолюбія, приущаго, прирожденнаго каждому изъ смертныхъ. И для этого стоить только написать водевиль, или передѣлать драму! Какъ—же, посудите сами, не соблазниться, не попытаться смастерить водевильчикъ или драму; бенефицианты—же нуждаются въ пьесахъ и охотно берутъ ихъ, если въ нихъ есть хотя тѣнь смысла, громкое заглавіе для афиши и *оригинальность*, а главное—если за нихъ не требуютъ вознагражденія.

Оригинальною пьесою называютъ у насъ не только ту, въ которой есть что—нибудь *своеобразное*, то—есть оригинальное, но всякую, которая не переведена, не заимствована и не передѣлана, а *сочинена*. Не отказываются и отъ передѣлокъ на русскіе нравы, а передѣлать французскую пьесу на русскіе нравы легче, нежели выпить стаканъ воды: стоить только переименовать Этьена въ Степана, Жоржа въ Осипа, Клотильду въ Перепетую, Матильду въ Матрену,—и дѣло съ кон-

цомъ. Всѣ эти господа и госпожи мгновенно превращаются въ чистѣйшихъ русскихъ, даже безъ всякой примѣси норманскаго или варяжскаго элемента, русскіе-же нравы приходятъ сами-собою. Галлицизмы въ языкѣ и жизни дѣйствующихъ лицъ — сущій вздоръ, о которомъ наши передѣльватели не заботятся. Они заботятся только о славѣ, забывая, что такая слава дымъ, а галлицизмъ ошибка противъ грамматики. Но ужъ тутъ не до грамматики: лишь бы добыть славы, этого сладкоодуряющаго дыму.

Вотъ откуда богатство и бѣдность нашей драматической литературы — богатство по количеству, бѣдность по качеству. Вотъ главный источникъ всѣхъ неудачныхъ передѣлокъ и заимствованій изъ иностранныхъ пьесъ и романовъ. Легче передѣлать, нежели сдѣлать — вотъ въ чемъ вопросъ — that is the question. Но если за дѣло возьмется мастеръ, тогда и дѣло выходитъ совсѣмъ другое. Несмотря на все наше нерасположеніе къ передѣлкамъ французскихъ водевилей, мы съ удовольствіемъ смотримъ пьесы П. С. Федорова, потому-что онъ знаетъ сцену, владѣетъ языкомъ и умѣетъ выбирать такія французскія пьесы, которыя идутъ къ нашимъ нравамъ. Тоже скажемъ мы и о драмѣ, передѣланной изъ романа, если она будетъ такъ-же хороша, какъ «Бенвенуто Челлини», драма, заимствованная изъ романа Александра Дюма, «Асканіо». Ее далъ въ свой бенефисъ г. Максимовъ. Переводъ сдѣланъ однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ, г. Василько-Петровымъ, и потому о переводѣ ни слова, тѣмъ болѣе, что наши читатели знаютъ, какъ переводитъ г. Василько-Петровъ, по его переводу комедія Жоржа Занда «Свадьба Викторины», напечатанному въ «Пантеонѣ»; но мы поговоримъ о содержаніи драмы и о ея исполненіи артистами Александринскаго театра. Бенвенуто Челлини былъ, какъ вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, знаменитый художникъ, родомъ изъ Флоренціи, и жилъ въ XVI вѣкѣ. Преимущественно прославился онъ какъ *золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ* (извините, у насъ нѣтъ для этого искусства особеннаго слова) и какъ чеканщикъ (*ciseleur*), но былъ человекъ всеобъемлющій, универсальный, — зналъ всего по немногу; онъ былъ и ваятель, и инженеръ, и стратегикъ, и литейщикъ. Неменѣе знаменитъ Челлини своею жизнію, полною самыхъ удивительныхъ походовъ и приключеній, которыя онъ самъ описалъ въ своихъ запискахъ, книгѣ, до того занимательной, что великій Гёте не постыдился перевести ее на нѣмецкій языкъ. Эти записки переведены и на русскій, и были приложены къ одному изъ номеровъ «Современника». Челлини былъ человекъ отважный и необузданный, гуляка, забіяка, дуэлистъ и страстный обожатель прекраснаго пола; однимъ-словомъ, самое полное олицетво-

реніе Донъ-Жуана. Авторъ драмы взялъ изъ всѣхъ этихъ качествъ страстную любовь къ художеству, непреклонный характеръ, желѣзную волю, гордость, и облекъ все это — нѣсколько идеализированнымъ, нѣсколько романтическимъ благородствомъ, которое впрочемъ не испортило дѣла, хотя не совѣмъ согласно съ историческимъ характеромъ Челлини. Онъ представилъ его, сверхъ-того, какимъ-то Геркулесомъ, что также врядъ-ли вѣрно, если принять въ соображеніе, что Челлини былъ въ молодости до того женоподобенъ, что переодѣвался въ женское платье, а приѣхавъ во Францію, страдалъ жестокимъ недугомъ, который долженъ былъ значительно истощать его тѣлесныя силы. Впрочемъ, мы охотно прощаемъ автору эти *драматическія вольности*, несогласныя съ исторіей, изъ благодарности за многія существенныя достоинства его драмы.

Драма основана на любви Челлини къ Коломбѣ д'Этурвиль, дочери парижскаго прево, которую любитъ также Асканіо, ученикъ и воспитанникъ Челлини; Асканіо-же любимъ герцогинею д'Этампъ, а Челлини сестрою герцогини, Скодзоне. Узнавъ о взаимной любви Асканіо и Коломбы, Челлини приноситъ себя въ жертву и хочетъ во что-бы то ни стало устроить счастье влюбленныхъ; но рука Коломбы обѣщана уже ея отцемъ, съ согласія короля, графу д'Орберу. Челлини надѣется однакожъ устранить это препятствіе. Онъ вылѣпилъ статую Юпитера, которая такъ понравилась Франциску I, что король пожелалъ, чтобъ Челлини отлилъ ее изъ бронзы; художникъ сначала отказался, подъ предлогомъ, что французскіе литейщики умѣютъ отливать только пушки, а не художественныя произведенія; но чтобы составить счастье своего любимца Асканіо, Челлини рѣшается на это предпріятіе, съ опасностью погубить, въ случаѣ неудачи, не только счастье Асканіо, но и собственную славу. Францискъ I, сбродованный рѣшимостью Бенвенуто, обѣщаетъ сдѣлать для него все, что онъ ни попроситъ, но враги Бенвенуто полагаютъ новыя препятствія къ осуществленію его надеждъ. Ему дано только три дни на отлитіе статуи, а свадьба Коломбы съ графомъ д'Орберъ назначена въ тотъ-же день. Бенвенуто похищаетъ Коломбу, съ тѣмъ, чтобы отправить ее, на время, къ ея теткѣ, настоятельницѣ Урсулинокъ, для монастыря которой онъ сдѣлалъ гробницу; онъ думаетъ положить Коломбу въ эту гробницу и отправить, такимъ образомъ, въ монастырь, но одинъ изъ его учениковъ извѣстилъ объ этомъ предпріятіи его враговъ. Бенвенуто не знаетъ объ этой измѣнѣ, но знаетъ ее Скодзоне, которая, ревнуя его къ Коломбѣ, сама противъ него дѣйствовала, вмѣстѣ съ сестрою своею, герцогинею д'Этампъ. Скодзоне слышала разговоръ Бенвенуто съ Асканіо и Коломбой, была свидѣтельницею его

благороднаго самоотверженія, и тронутая до глубины души, раскаяваясь въ своей ревности, рѣшилась спасти Коломбу. Скодзоне легла вмѣсто нея въ гробницу, а Коломба вышла изъ дому Бенвенуто, стерегомага стражей и преданными герцогинѣ людьми, подъ покрываломъ Скодзоне. Гробницу отнесли не въ монастырь, а въ отель герцогини, и когда, два дня спустя, Бенвенуто отлилъ статую Юпитера и пришелъ просить согласія короля на бракъ Асканіо съ Коломбой, герцогиня, увѣренная, что Коломба въ гробницѣ, и что бракъ этотъ невозможенъ, нашла, вмѣсто Коломбы, трупъ своей сестры Скодзоне, задохнувшейся въ гробницѣ....

Мы рассказали здѣсь только основу драмы, и пропустили много чрезвычайно драматическихъ и эффектныхъ подробностей, не желая растягивать нашего отчета; впрочемъ, приведемъ здѣсь одну сцену, которая объяснить читателямъ успѣхъ драмы въ Парижѣ и на двухъ нашихъ сценахъ, Михайловской и Александринской.

Мастерская Бенвенуто. Вдали пылающій горнъ. Бенвенуто входитъ, истомленный трехсуточнымъ трудомъ, въ-продолженіе котораго онъ не спалъ, не ѣлъ и постоянно былъ при пылающемъ горнѣ.

II.

БЕНВЕНУТО, ПАГОЛО, измѣнившій ему ученикъ, потомъ **ГЕРМАННЪ**, также ученикъ.

БЕНВЕНУТО (*не замѣчая Паголо*). О! Боже мой! кружится голова, колѣна подгибаются, въ глазахъ туманъ. Неужели совершится то, чего я такъ боялся? Неужели силъ моихъ не хватитъ до конца? Нѣтъ, нѣтъ! Я приказываю тебѣ не слабѣть, желѣзное тѣло! слушайся меня! (*Падаеть на одно колѣно*) Не слушается, не слушается! Миѣ кажется, что я умираю. Кто-жъ освободитъ Коломбу и Асканіо, если я умру? Господи, Боже мой! помоги мнѣ!.. Полно, Бенвенуто, мужайся! (*Встаетъ*) Разсудокъ мой и воля еще не совсѣмъ истощились, надо этимъ пользоваться. (*Зоветь*) Германнъ! Паголо!

ПАГОЛО (*наблюдавшій за нимъ издали*). Я здѣсь.

ГЕРМАНЪ (*вблгая*). Что нужно? А! и вы также выбились изъ силъ!

БЕНВЕНУТО. Послушай, Германъ. Я тебѣ поручалъ взвѣсить и беречь слитки, пошедшіе въ дѣло; увѣренъ—ли ты, что не ошибся въ счетъ?

ГЕРМАНЪ. Увѣренъ.

БЕНВЕНУТО. О! мнѣ кажется, что костеръ этотъ у меня въ головѣ! — Ты ручаешься—ли, что металлу хватить.

ГЕРМАНЪ. Даже слишкомъ; ручаюсь.

БЕНВЕНУТО. Хорошо. Слушай же ты, Паголо. Я истомился, другъ мой, но ты можешь теперь замѣнить меня. Остается самая легкая, чисто—механическая часть труда. Слѣдуетъ только поддерживать металлъ въ растопленномъ видѣ, пока не наполнится форма. исполнишь—ли ты это, Паголо?

ПАГОЛО. Исполню.

БЕНВЕНУТО. Благодарю. Ступайте же, друзья мои. О! въ головѣ моей кипить, я страдаю!

ПАГОЛО. Вамъ—бы нужна помощь.

БЕНВЕНУТО (*ударяя по пьедесталу*). Когда будетъ стоять здѣсь мой Юпитеръ! Подождите. Еще слово: мужайтесь. Вы работаете не для одного искусства, но и для добраго дѣла; вы спасаете Асканію и Колумбу! Ступайте. (*Падаютъ обезсиленный*).

ГЕРМАНЪ. Боже мой, Боже! Чѣмъ все это кончится?

ПАГОЛО. Пойдемъ, Германъ.

—

III.

БЕНВЕНУТО одинъ.

Ты палъ наконецъ, горделивый Титанъ! Да, но что—жъ мнѣ до этого? мой Юпитеръ будетъ жить! Мой Юпитеръ напомнитъ

королю, что онъ обѣщалъ мнѣ милость, и попросить ее за меня, о милость эта... О! Боже мой! не могу припомнить. Ахъ! да! Асканіо будетъ владѣльцемъ Неля, Коломба его женою, а Скотзоне поѣдетъ со мною во Францію и будетъ счастлива! О! дорогія тѣни, вы все здѣсь, кругомъ меня... Но я брежу, у меня лихорадка! Нѣтъ, слава Богу, нѣтъ! разумокъ возвращается, голова моя совсѣмъ прояснилась. (*Становится передъ пьедесталомъ*) Никогда еще не видалъ я съ такою ясностію моихъ замысловъ и созданий. Вотъ мой Юпитеръ! Какъ хорошъ ты, Олимпіецъ! Но нѣтъ, онъ не удался! движеніе ложно, онъ покачнулся, падаетъ! Кто-жъ сказалъ мнѣ, что онъ прекрасенъ? Откуда пришла мнѣ такая мысль? гдѣ у меня былъ умъ? онъ не удался!.. Мои работники обманывали меня! они все знали, но не говорили, и подсмѣивались надо мной изъ-подъ тишка. О! сомнѣніе, сомнѣніе!.. Несчастнѣйшій! вмѣсто Юпитера, царя боговъ, ты создалъ какого-то уродливаго и глупаго Вулкана. Слышишь-ли ты, какъ тамъ, въ литейной, смѣются твои товарищи; а тамъ на дворѣ, стережетъ тебя стража, дальше твои придворные враги, герцогиня д'Этампъ, графъ д'Орбекъ, д'Эстурвилъ; а тамъ Бандинелли, Гиберти, все твои италіянскіе соперники, и наконецъ, какъ необозримый цѣркъ, художники всей Европы окружили тебя съ насмѣшками и ругательствами. Погибъ, осмѣянъ, обезчещенъ... (*Падая*) Нѣтъ! Слава Богу! Мертвъ!

IV.

БЕНВЕНУТО въ обморокѣ, **ПАГОЛО**, потомъ **ГЕРМАНЪ**, **СИМОНЪ** и всѣ **ПРОЧІЕ РАБОТНИКИ**.

ПАГОЛО (*возвращается блѣдный и дрожащій*). Что я сдѣлалъ!.. Но я вѣдь только подшутилъ надъ Германомъ... Отчего-же мнѣ какъ-то неловко и странно... какъ-будто я совершилъ преступленіе...

РАБОТНИКИ (*за сценой*). Германъ! Германъ! Не хватаетъ мѣди.

ПАГОЛО. Ага! Они замѣтили мою шутку...

РАБОТНИКИ (*вбѣгая въ беспорядкѣ*). Мѣди! мѣди! Форма холодѣетъ.

ГЕРМАНЪ. О! Боже мой! гдѣ же мѣдь? Ее украли!

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО РАБОТНИКОВЪ. Мѣди, ради Бога мѣди! или все погбло!

ГЕРМАНЪ. Проснитесь, Бенвенуто, проснитесь! Мѣди! меня обокрали!

ПАГОЛО. Да развѣ ты не видишь, что онъ въ обморокѣ? не мучь его...

СИМОНЪ. Но вѣдь все погибнетъ!

ПАГОЛО. Чтѣ же дѣлать? Это несчастіе. Мѣди нѣтъ, такъ ужъ разумѣется, что все погбло.

БЕНВЕНУТО (*приподнимаясь*). Кто смѣлъ сказать, что все погбло, когда Бенвенуто живъ еще?

ВСЪ. Очнулся!

БЕНВЕНУТО (*встаетъ*). Чтѣ случилось?

ВСЪ. Форма холодѣеть. Надо дровъ. Тухнетъ огонь. Виноватъ Германъ. Все погбло.

БЕНВЕНУТО. Молчать. (*Симону*) Говори ты.

СИМОНЪ. Нѣтъ дровъ, форма холодѣеть.

БЕНВЕНУТО. Возьмите эти скамьи, ломайте столы. (*Беретъ топоръ, рубитъ все, что ни попадается подъ руку, и въ одно мгновеніе наваливаетъ цѣлую кучу обломковъ*) Берите, несите. (*Симону*) Чтѣ еще.

СИМОНЪ. Недостаетъ мѣди.

БЕНВЕНУТО. А! (*Хватаетъ Германа за горло*) Ты измѣнилъ мнѣ.

ГЕРМАНЪ. Убейте меня! (*Уходитъ*).

БЕНВЕНУТО. Мѣди! Но гдѣ же мнѣ взять ее? Дровъ я могъ наколотъ, но мѣди, гдѣ я возьму мѣди?

СИМОНЪ (*вбѣгая*). Огонь горитъ, но нѣтъ металлу; скорѣе, ради Бога, скорѣе!

БЕНВЕНУТО. О! еслибъ кровь могла превратиться въ бронзу!

РАБОТНИКИ (*за сценой*). Металлу! металлу!

БЕНВЕНУТО. Они сведутъ меня съ ума этими криками. Жизнь мою за сто фунтовъ мѣди! Все отъ этого зависитъ, Коломба, Асканіо, Скодзоне! (*Озираясь*) И ничего, ничего нѣтъ. (*Шаритъ въ карманахъ*) Даже ни одной мѣдной монеты! Они погбли!

РАБОТНИКИ (за сценой). Скорѣе, металлу!

БЕНВЕНУТО (глаза котораго остановились на поставцѣ съ серебряными вещами) Нѣтъ, они спасены! — Паголо, Симонъ, берите, несите, золото, серебро, — все въ огонь!

ПАГОЛО. Какъ! но вѣдь это лучшія ваши произведенія!

БЕНВЕНУТО. Вздоръ! — это металлъ! (Отдаетъ работникамъ вазы, блюда, кубки и проч.).

СИМОНЪ. Какъ! и этотъ дивный кубокъ?

БЕНВЕНУТО. Въ огонь! И елибъ мое тѣло могло пригодиться, я бы самъ бросился туда же. (Останавливая одного работника, который уноситъ прекрасную чашу, и вырывая ее у него изъ рукъ). Вотъ эту чашу жаль мнѣ. «Потомство, сказалъ король, назоветъ ее чашей Челлини.» Она мала, она ничего не прибавитъ! — Какъ! дѣло идетъ о жизни всѣхъ, кого я люблю, а я вздумалъ скупиться! Торгашъ! (Хочетъ отдать чашу).

ГОЛОСЪ (за сценой). Довольно! Форма полна!

СИМОНЪ (и работники). Побѣда! побѣда!.. Все кончено! Побѣда!

БЕНВЕНУТО. Благодарю тебя, мой Боже! — Ты всегда помогаешь человѣку въ его добрыхъ дѣяніяхъ! — Я побѣдилъ! Да будетъ благо-словенно имя Твое во вѣки!

ГЕРМАНЪ (бросается на Паголо и влечетъ его къ Бенвенуто). Бенвенуто, я нашелъ украденный металлъ въ комнатѣ Паголо.

ПАГОЛО. Онъ задушитъ меня.

ГЕРМАНЪ. Непремѣнно задушю.

БЕНВЕНУТО (сквозь зубы). Воръ! — Дѣлай съ нимъ, что хочешь, Германъ; я свое дѣло сдѣлалъ: Коломба и Асканіо спасены.

ГЕРМАНЪ (Паголо). Молпись!

ПАГОЛО. Бенвенуто! — Ой! защитите меня — или я ничего не скажу, и Коломба погибнетъ.

БЕНВЕНУТО. Что говорить онъ? Погоди, Германъ.

ПАГОЛО (котораго Германъ еще не выпустилъ). Бенвенуто — вы заперли Коломбу — въ гробницу, двое сутокъ тому назадъ?

БЕНВЕНУТО. Да, такъ что-жь?

ПАГОЛО. Она и до-сихъ-поръ въ ней. (Бенвенуто убѣгаетъ съ ужаснѣйшимъ крикомъ).

Такихъ сценъ въ этой драмѣ много. Г. Каратыгинъ прекрасно играетъ роль Бенвенуто. Г-жа Самойлова 2-я очень хороша въ роли Скодзоне. Г-жа Орлова играетъ роль герцогини д'Этампъ нѣсколько холодно, но не безъ достоинства. Вообще вся пьеса идетъ согласно и постоянно привлекаетъ въ театрѣ публику. Четыре представленія сряду не было въ театрѣ ни одного пустаго мѣста.

Кромѣ этой драмы давали въ бенефисъ г. Максимова очень забавный водевиль г. Максимова 3 «Сперва скончались, потомъ повѣчались»; въ немъ очень хороши бенефициантъ и г. Мартыновъ.

Въ бенефисъ г. Мартынова былъ еще данъ «Первый Русскій хороводъ» г. Сухонина, автора «Русской свадьбы въ исходѣ XVI столѣтія». Какъ дарованіе, такъ и мѣсто г. Сухонина въ литературѣ были объяснены критикой при появленіи его «Русской свадьбы», успѣхъ которой былъ основанъ единственно на великолѣпной постановкѣ пьесы и вставленныхъ въ нее обрядахъ, пѣсняхъ.

Содержаніе «Перваго русскаго хоровода» очень коротко, но нельзя сказать, что ясно. Вотъ что говоритъ, по этому поводу фельетонъ одной изъ нашихъ газетъ, съ которымъ мы вполне согласны.

Молоденькая актриса, Александра Дмитріевна, празднуетъ день своего рожденія и готовится къ бенефису; она очень грустна и не въ духѣ, потому-что не имѣетъ для бенефиса хорошей пьесы, а отъ бенефиса зависитъ свадьба ея съ молодымъ человѣкомъ, котораго она любитъ. Является Алексѣй Сергѣичъ, *извѣстный писатель*. «Что съ тобой, дитя?» спрашиваетъ онъ дѣвушку. Дѣвушка объясняетъ ему свое горе и проситъ написать ей пьесу. Но до бенефиса осталось только двѣ недѣли, а въ такой короткій срокъ трудно написать и поставить пьесу. Впрочемъ, Алексѣй Сергѣичъ вспоминаетъ, что у него была мысль поставить на сцену русскій хороводъ. «Да что это такое?» спрашиваетъ дѣвушка. И Алексѣй Сергѣичъ, усѣвшись на стулѣ, начинаетъ диссертацию о русскомъ хороводѣ, продолжающуюся добрыхъ десять минутъ. Французы (говоритъ онъ) сдѣлали изъ простой пьсенки водевиль, который имѣетъ, въ настоящее время, большое значеніе въ ихъ литературѣ; отчегоже-бы намъ, русскимъ, не попытаться сдѣлать что-нибудь изъ хоровода? Вѣдь хороводъ и безъ того уже состоитъ изъ пѣсень, плясокъ и рѣчей, слѣдовательно, стоить видоизмѣнять его, придавая ему то комическій, то драматическій смыслъ, и получите безконечный рядъ народныхъ русскихъ представлений. Притомъ-же хороводъ не всегда былъ игрой, забавой; есть основаніе думать, что въ древности онъ истекалъ изъ самой сущности жизни, имѣлъ въ ней важное значеніе; слѣдовательно, теперь онъ долженъ имѣть значеніе историческое, можетъ имѣть мѣсто въ искусствѣ.

Это объясненіе приводитъ въ восторгъ артистку (но не публику);

она (то есть артистка) проситъ Алексѣя Сергѣича дать ей хороводъ въ бенефисъ. Алексѣй Сергѣичъ соглашается, и тотчасъ-же приступаетъ къ репетиціи хоровода, съ помощью подругъ артистки, которыя собрались поздравить ее съ днемъ рожденья.

Начинается хороводъ, состоящій изъ цѣлой вереницы дѣвушекъ въ русскихъ костюмахъ; они составляютъ кругъ, въ который входятъ двѣ изъ нихъ: одна въ мужской шляпѣ и фатѣ, накинутой на плеча, играетъ роль *молодца*, другая играетъ роль его *заснобушки*; хороводъ поетъ пѣсню, вытягивается въ нитку и снова сходится кругомъ, а дѣйствующія лица выражаютъ мимикою слова пѣсни. Вдругъ раздается крикъ: «Къ намъ забрался кто-то чужой, какой-то нѣмецъ подсматриваетъ!» За деревомъ спрятался молодой человекъ во фракѣ, котораго выводятъ впередъ и наказываютъ за его любопытство: его станowiąть подъ шапку, осыпаютъ хмѣлемъ, обливаютъ водой (все это дѣлается въ сопровожденіи соотвѣтствующихъ пѣсень), заставляютъ пѣть и плясать. Этотъ нѣмецъ тотъ самый молодой человекъ, котораго любитъ Александра Дмитріевна; вы догадываетесь, что дѣло кончается обѣщаніемъ Александры Дмитріевны выйти за него замужъ.

Признаемся, мы несовсѣмъ поняли основаніе, заставившее г. Сухонина написать и поставить этотъ хороводъ; а основаніе, должно полагать, было, хотя Алексѣй Сергѣичъ, говорящій въ пьесѣ отъ имени автора, не сумѣлъ объяснить его. Положимъ, что французы сдѣлали изъ простой пѣсни водевилъ, но это вовсе не ведетъ къ тому, что русскіе должны или могутъ создать изъ хоровода новый родъ драматическихъ представленій. Самый хороводъ есть, пожалуй, ничто иное, какъ русскій водевилъ, но онъ есть, въ то-же время, крайняя грань русскаго водевиля, дагѣ которой нашъ водевилъ двигаться не можетъ. Г. Сухонинъ говоритъ, что хороводъ былъ выраженіемъ жизни; положимъ, что это правда, но что-жъ изъ этого? Чтѣ было, то прошло и не воротится, какъ замѣчаетъ очень справедливо самъ г. Сухонинъ. Можетъ-быть, онъ думалъ воротиться къ хороводу для того, чтобы постепенно развить изъ него народную русскую драму; но это было-бы нелѣпо, потому-что, какова ни есть, а русская драма существуетъ, и пересоздавать ее на основаніи давно отжившихъ данныхъ, почти все-равно, что пересоздавать на основаніи тѣхъ-же данныхъ всю нашу жизнь и образованіе. Эта утопія многихъ сбивала съ толку, но люди здравомыслящіе давно уже порѣшили съ ней. Чего-же хотѣлъ г. Сухонинъ? Намъ кажется, что онъ самъ не вполне объяснилъ себѣ этотъ вопросъ. Мы готовы допустить, что хороводъ можетъ имѣть мѣсто на сценѣ въ такъ называемыхъ *дивертиссементахъ*, или какъ часть другаго представленія, драмы или комедіи; но мы не можемъ себѣ представить, чтобъ хороводъ могъ послужить основаніемъ новому роду драматическихъ произведеній....

Пьеска г. Сухонина и не имѣла никакого успѣха была повторена только два раза. Мы слышали, что г. Сухонинъ хочетъ вы-

бросить изъ нея всю драматическую часть, оставить только-то, что касается прямо самаго хоровода, расширить эту часть, и назвать все—«Соколъ и Павушка». Такимъ образомъ пьеска г. Сухонина обратится въ настоящій дивертиссементъ и будетъ уже принадлежать балет-мейстеру. Слышали мы также, что г. Сухонинъ готовить къ будущему сезону драму изъ современной жизни...

Кромѣ пьески г. Сухонина, давали въ бенефисъ г. Мартынова еще три новыя пьесы: комедію графини Ростопчиной «Ни тотъ, ни другой», водевиль г. Федорова «Амишка» и водевиль г. Квитковского «Серебряная свадьба». Съ первыми двумя пьесами читатели «Пантеона» не замедлятъ познакомиться, и потому мы о нихъ говорить не будемъ. Скажемъ только, что водевиль «Амишка» былъ разыгранъ прекрасно, а комедія графини Ростопчиной неудовлетворительно. Что касается до пьесы г. Квитковского, то она не безъ достоинствъ, но очень растянута; видно, что это первый опытъ автора или, по-крайней-мѣрѣ, одинъ изъ первыхъ его опытовъ.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

I.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА: отъ 20/9 января 1853 года.

Общій взглядъ на парижскіе театры въ прошедшемъ 1852 году. — Число новыхъ пьесъ и суммы, вырученныя, въ 1852 году, парижскими театрами. — Исторія съ оперой Верди «Эрнани», и нѣсколько словъ, по случаю этой исторіи, о законѣ касательно драматической собственности. — Орфа, новый балетъ гг. Мазилье и Адольфа Адана. — Нѣсколько словъ о комическихъ операхъ, въ которыхъ дѣйствуютъ разбойники, и о новой оперѣ гг. Скриба и Обера «Марко Спада». — Табарень, комическая опера въ 2 дѣйствіяхъ, гг. Альбуаза и Бускё. — Сердце и приданое, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. г. Фелисьена Мальфиля. — Фаридондена, драма гг. Дюпети и Бурже, съ музыкой гг. Адольфа и Адана Гроота. — Хижина дади Тома, драма въ 8 дѣйствіяхъ, гг. Дюмануара и д'Эннери.

Прошедшій 1852 годъ былъ богатъ большими серьезными пьесами, изъ которыхъ многія имѣли огромный успѣхъ; это избавляетъ насъ отъ обязанности напоминать здѣсь о многомъ множествѣ водевилей — преобладающей во Франціи формѣ драматическихъ произведеній. Богъ съ ними, со всеми этими водевилями; приведемъ лучше названія большихъ пьесъ, данныхъ съ успѣхомъ, въ теченіе прошедшаго года, на парижскихъ театрахъ.

Театръ «Большой Оперы» поставилъ «Странствующаго Жюда», образцовое произведеніе г. Галеви и «Моисея», оперу Россини, во французскомъ переводѣ.

«Первый Французскій Театръ» поставилъ «Діану», драму г. Эмиля Ожье, и «Улисса» соч. г. Понсара.

На театрѣ «Комической Оперы» играли «Брюггенскаго звонаря» г. Гризара, «Галатею» г. Виктора Массе, «Маделону» г. Базена, «Ста-

рика Гальяра» г. Ребера; всѣ эти оперы имѣли успѣхъ, но «Марко Спада», данная въ послѣднихъ дняхъ истекшаго года, перещеголяла, въ этомъ отношеніи, всѣхъ своихъ предшественницъ.

«Одеонъ» можетъ также похвалиться многочисленными успѣхами, въ-особенности же успѣхомъ «Г. Прюдома», комедіи Генриха Монье, о которой мы рассказывали вамъ въ послѣднемъ письмѣ.

Изъ пьесъ, данныхъ на «Лирическомъ Театрѣ», должно упомянуть о «Жоанитѣ», и объ оперѣ г. Адольфа Адана «Еслибъ я былъ королемъ»!

«Театръ Водевиля» цѣлый годъ дѣлалъ полные сборы, всякій разъ какъ давали «Даму съ камеліями» (*La dame aux camélias*). Вотъ цифры, которыя дадутъ вамъ понятіе объ этомъ неслыханномъ въ лѣтописяхъ водевильныхъ театровъ успѣхѣ: первыя сто представленій «Дамы съ камеліями» принесли 300,000 франковъ; шестьдесятъ представленій, данныхъ по возобновленіи, принесли до 140,000 франковъ.

Г. Карнье, дѣятельный и предприимчивый директоръ театра «Разнообразія», умѣлъ сдѣлать свой театръ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ публикою, поставивъ много новыхъ пьесъ, въ которыхъ участвовалъ Фредерикъ Леметръ, самый популярный изъ парижскихъ актеровъ. Недавно г. Карнье ангажировалъ двухъ новыхъ отличныхъ артистовъ, г. и г-жу Дезэ (*Deshayes*).

Театръ «Драматической Гимназіи» сдѣлался, благодаря искусному управленію г. Монтињи, сценой первостепенной; на немъ играютъ произведенія Жоржъ-Занда, Эмиля Ожье, Бальзака, Мюссе, однимъ словомъ, почти всѣхъ драматическихъ писателей, которые пользуются болѣею и наиболѣе заслуженною извѣстностію; притомъ же труппа этого театра составлена прекрасно, такъ, что онъ могъ бы даже давать на сценѣ своей классическія произведенія.

Въ Пале-рояльскомъ театрѣ смѣялись круглый годъ, по обыкновенію.

Изъ пьесъ данныхъ на театрѣ «у Сет-Мартенскихъ воротъ» особенно замѣчательны: «Бенвенуто Челлини», «Сенскія ночи» и «Ричардъ III».

На Театрѣ «Амбию-Комикъ» имѣли успѣхъ: «Альпійская пастьшка» и «Кучеръ Жанъ». Театръ «Драматическихъ Шалостей» и «Национальный» также очень хорошо вели свои дѣла. Вообще, въ-теченіе 1852 года, на парижскихъ театрахъ дано 321 новая пьеса, а именно: въ Большой Оперѣ (теперь Императорская Академія музыки) 1 опера, 1 балетъ; на Первомъ Французскомъ Театрѣ: 7 комедій, 1 трагедія, 1 драма, 1 драматическая пословица; въ Комической Оперѣ: 9 оперъ; въ Итальянской Оперѣ: 2 оперы; въ Одеонѣ: 12 комедій, 3 драмы, 1 драматическая пословица, 3 драматическія обо-

зрѣнія; въ Лирическомъ Театрѣ: 1 лирическая драма, 10 комическихъ оперъ; въ Театрѣ Воведилы: 27 водевилей; на Театрѣ Разнообразія: 31 водевиль; на Театрѣ Драматической Гимназіи: 1 комедія и 22 водевила; въ Пале-рояльскомъ: 36 водевилей; у Сет-Мартенскихъ Воротъ: 5 драмъ, 1 водевиль, 1 балетъ; на Театрѣ Веселости: 6 драмъ, 2 водевила; на Театрѣ Амбигю-Комикъ: 8 драмъ, 4 водевила; въ Національномъ Театрѣ (бывшемъ Циркѣ): 4 драмы, 4 водевила; въ Театрѣ Драматическихъ Шалостей: 26 пьесъ; на Театрѣ Комическихъ Отдохповеній: 29 пьесъ; на Театрѣ Бомарше: 14; на Люксамбургскомъ: 1 комедія, 24 водевила, 3 драмы, 1 волшебная пьеса, 1 драматическое обозрѣніе; въ Театрѣ-Шуазель: 10 пьесъ; въ Фюнамбуль: 3 водевила, 5 пантомимъ, 1 обозрѣніе.

Театры, получающіе вспоможеніе отъ правительства, собрали, въ теченіе первыхъ одиннадцати мѣсяцевъ прошедшаго года, 2,663,874 франкъ, 40 сантимовъ; второстепенные театры собрали 5,884,748 франковъ 26 сантимовъ; концерты и другія зрѣлища — 1,223,849 франковъ 89 сантимовъ; кабинеты разныхъ рѣдкостей и диковинъ: 398,868 франковъ, 30 сантимовъ. Всѣ эти суммы вмѣстѣ составляютъ 10,166,337 франковъ, 85 сантимовъ. Эта цифра можетъ вамъ дать понятіе о страсти парижанъ къ зрѣлищамъ; не забывайте при этомъ, что въ Парижѣ это удовольствіе стѣбитъ очень дешево.

Новый театральный годъ начался, какъ и всегда, такъ называемыми *Обозрѣніями* (Revue), то есть, такими пьесами, въ которыхъ выводятся на сцену всѣ замѣчательнѣйшія лица и событія истекшаго года. Такъ какъ эти пьесы пишутся, болѣею частью, на одинъ только день, то понятно, что они рѣдко бываютъ хороши. Мы о нихъ говорить не будемъ, тѣмъ болѣе, что у насъ порядочный запасъ большихъ пьесъ, о которыхъ мы не считаемъ себя въ-правѣ умолчать. Но позвольте прежде всего разсказать вамъ довольно забавное происшествіе съ одной итальянской оперой, которая извѣстна и нашимъ петербургскимъ читателямъ.

Афиша нашего итальянскаго театра возвѣстила первое представленіе «Эрнани»; потомъ отложили это представленіе, и нѣсколько времени спустя, появился на афишѣ, вмѣсто «Эрнани», — *Il Proscritto* (Изгнанникъ). Но «Изгнанникъ» и «Эрнани» — одно и то же. Новый импрессарио нашей Итальянской Оперы, г. Корги, иностранецъ и не знаетъ нашихъ законовъ, а у насъ есть законъ о литературной собственности, изданный въ 1791 году, въ которомъ сказано, что всякое драматическое произведеніе есть собственность написавшаго его автора и что никто, пока авторъ живъ, не имѣетъ на это произведеніе никакого права.

Итальянскіе либреттисты (не называемъ ихъ поэтами) давно уже сочли удобнымъ заимствовать свои *либретти* у французскихъ писателей; оно и дѣйствительно удобно, потому-что избавляетъ отъ труда придумывать содержаніе драмы. Притомъ-же итальянцы могутъ дѣлать эти *заимствованія* безнаказанно, потому-что французскіе законы не имѣютъ силы по ту сторону Альпъ. Но на французскихъ сценахъ рѣшительно запрещено давать оперы, содержаніе которыхъ взято изъ французскихъ драмъ, безъ предварительнаго согласія на то ихъ авторовъ. У насъ даютъ *Elisir d'amore*, хотя эта опера заимствована изъ оперы Скриба *Le Philtre*, даютъ *il Fantasma*, заимствованную изъ пьесы г. Мелезвиль *Un songe ou la Chapelle de Glethorn*, потому-что гг. Скрибъ и Мелезвиль дали на то свое согласіе, но не даютъ уже «Лукрецію Борджію», потому-что Викторъ Гюго, изъ драмы котораго эта опера заимствована, заводилъ процессъ съ театромъ и выигралъ его, то есть получилъ право остановить представленія. Впрочемъ, во-время управленія Итальянской Оперой г. Ронкони, Викторъ Гюго позволилъ дать три раза «Лукрецію Борджію», но съ условіемъ, что ему заплатятъ по 150 франковъ за каждое представленіе. «Эрнани»-же онъ также запретилъ играть, и г-жа Крувелли, прекрасно играющая въ этой оперѣ, не могла, въ прошедшемъ году, явиться въ ней, несмотря на всѣ старанія и хлопоты г. Ломлея.

Подобная-же исторія случилась съ «Дочерью полка» въ итальянскомъ переводѣ. Г-жа Зонтагъ восхитительна въ этой оперѣ, и потому Ломлею очень хотѣлось поставить ее, но слова ея написаны двумя французскими авторами, гг. Сень-Жоржемъ и Баяромъ, а музыка, хотя и написана итальянцемъ, Доницетти, но для парижской «Комической Оперы». Г. Сень-Жоржъ, съ своей стороны, позволилъ играть пьесу, и г. Ломлей поставилъ ее, но наследники Доницетти и Баяръ завели процессъ, который кончился тѣмъ, что Ломлей былъ приговоренъ заплатить имъ такую сумму, какую заплатилъ-бы имъ театръ «Комической Оперы».

Г. Корти поступилъ иначе. Не получивъ отъ Виктора Гюго согласія, или не желая, можетъ-быть, платить ему узаконенную проспектабельную плату, онъ переименовалъ «Эрнани» въ «Изгнанника» и заставилъ одного изъ своихъ соотечественниковъ, г. Пави, переписать либретто. Но въ сущности пьеса осталась та-же. Даже костюмы остались тѣ-же, хотя дѣйствіе перенесено изъ Испаніи и Ахена въ Венецію. Карль V обратился въ сенатора, котораго возводятъ въ санъ дожа, но костюмъ на немъ тотъ самый, который былъ сдѣланъ для Эрнани. Гомецъ также превратился въ сенатора и называется—Зено; онъ уже не онекунь Эльвиры, а отецъ ея. Въ-слѣдствіе всѣхъ этихъ передѣлокъ, въ оперѣ много

безмыслицъ; между-прочимъ, сцена, въ которой Зено заставляетъ своего зятя отравиться, сдѣлалась совершенно непонятною, потому-что Зено не имѣетъ никакого повода ревновать Ольдрадо къ своей дочери, какъ Гомецъ ревновалъ Эрнани къ своей бывшей невѣстѣ. Вѣроятно, г. Корти недешево раздѣляется за эту небросовѣстную продѣлку съ Викторомъ Гюго, но тѣмъ не менѣе продѣлка его имѣла на сценѣ большой успѣхъ. Синьора Крувелли была восхитительна въ роли Эльвиры.

Къ намъ возвратилась Фанни Черито. Она дебютировала въ новомъ балетѣ «Орфа», сочиненномъ однимъ молодымъ литераторомъ, который скрылъ отъ публики свое имя; музыка балета написана Адольфомъ Адамомъ, а поставленъ онъ г. Мазилье, который былъ у насъ въ Петербургѣ. Содержаніе заимствовано изъ одной скандинавской легенды. Дѣйствіе происходитъ въ Исландіи.

Вотъ площадь въ Рейкавикѣ, на которой возвышаются олтарь и статуя Локи, бога огня; кругомъ—жилища жрецовъ. Толпа исландцевъ веселится и пьетъ искрометный медъ, за здоровье и счастье молодаго господина своего, неустранимаго охотника Лодброга, который празднуетъ свою свадьбу съ Орфой, самой красивой дѣвушкой во всемъ Рейкавикѣ. Женихъ и невѣста прѣзжаютъ въ богатыхъ саниахъ, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ и друзей.

Въ толпѣ, которая тѣснится вокругъ обрученныхъ, находится, между-прочимъ, старикъ почтеннаго вида, который также желалъ бы поздравить молодую чету и вышить за ея здоровье, но его не допускаютъ и грубо отталкиваютъ, что, замѣтимъ мимоходомъ, не совсѣмъ согласно съ характеромъ исландцевъ, славящихся гостепріимствомъ и челоуѣколюбіемъ. Лодброгъ вступается за старика, сажаетъ его къ огню, подаетъ ему свой собственный кубокъ.

Такъ-какъ доброе дѣло никогда не остается безъ награды, то старикъ встаетъ, протягиваетъ руку надъ головою Лодброга, призываетъ на него благословеніе неба и затѣмъ внезапно исчезаетъ, ко всеобщему удивленію.

Лодброгъ идетъ съ своей невѣстой къ жилищу жрецовъ и проситъ ихъ, чтобъ они совершили брачный обрядъ; жрецы изъявляютъ согласіе, но едва начался обрядъ, какъ статуя Локи приходитъ въ движеніе, а молотъ, который она держитъ въ рукѣ, начинаетъ метать молнію. Главный жрецъ, видя, что Локи протвѣтаетъ браку, отказывается отъ продолженія обряда. Лодброгъ обнажаетъ кинжалъ, хочетъ силою заставить жрецовъ повиноваться, но Орфа, привлеченная къ подножію статуи, внезапно исчезаетъ вмѣстѣ съ ней, среди пламени.

Потеря невѣсты приводитъ Лодброга въ такое отчаяніе, что онъ

хочетъ умертвить себя, но является старикъ, котораго онъ недавно защитилъ, и вручаетъ ему золотую стрѣлу. Съ этимъ талисманомъ Лодброгъ можетъ проникнуть въ самое жерло Геклы и побѣдить Локи.

Второе дѣйствіе происходитъ во внутренности Геклы; сцена представляетъ самое великолѣпное зрѣлище: вездѣ золото и драгоценныя камни. Появляется Локи, несущій въ своихъ объятіяхъ безчувственную Орфу. Когда Орфа приходитъ въ себя, Локи, чтобы восторжествовать надъ ней, призываетъ къ себѣ на помощь всѣ страсти и пороки, представляемые прекрасными дѣвушками. Орфа не въ силахъ устоять противу окружающихъ ее соблазновъ, она уже готова пасть, но у нея хотятъ взять обручальное кольцо, чтобы замѣнить его болѣе драгоценнымъ, — и это приводитъ ее въ себя. Она старается противиться, но все же бы ей не устоять противу всѣхъ искушеній, еслибы не явился Лодброгъ съ золотою стрѣлою, всеильнымъ талисманомъ, побуждающимъ всѣ препятствія. Онъ заставляетъ Локи отступить, но Локи, удаляясь, превращаетъ Орфу въ кустъ тростника.

Лодброгъ остается одинъ; въ отчаяніи, онъ обнимаетъ тростникъ скрывающій отъ него Орфу, а вѣтки тростника склоняются къ нему сами собою, какъ бы сочувствуя его горести, какъ бы желая утѣшить его.

Является старикъ. Лодброгъ хочетъ возвратить ему золотую стрѣлу, говоря, что она ненужна ему, потому-что не могла спасти Орфы; но старикъ уговариваетъ его сохранить стрѣлу. Лодброгъ дотрогивается ею до тростника, изъ котораго снова является Орфа.

— Но кто же ты, имѣющій такую власть? спрашиваетъ старика Лодброгъ.

Сѣдая борода и рубище старика исчезаютъ, и передъ удивленнымъ Лодброгомъ является Одинъ, въ блестящемъ вооруженіи, со всѣми атрибутами своей власти; къ нему гении приводятъ скованнаго Локи. Одинъ благословляетъ бракъ Лодброга съ Орфой.

Балетъ этотъ поставленъ великолѣпно; декорации, представляющія внутренность Геклы, выше всякаго описанія, равно какъ и видъ Валгаллы. Танцы поставленные г. Мазилье очень хороши. Фанни Черито была восхитительна въ роли Орфы.

Вы скажете, можетъ-быть, что мысль балета ненова, что борьба добра со зломъ, олицетворяемая въ видѣ языческихъ божествъ, послужила темою тысячѣ театральныхъ пьесъ; согласны, но что же изъ этого? Ничто неново подъ луною, и нѣтъ сферы, которая бы не была затронута драматургами. Языческій міръ, съ его фантастическою обстановкою, не перестанетъ служить источникомъ для балетовъ, пока

будутъ балеты, точно такъ же, какъ романтическій міръ разбойниковъ будетъ служить темою для комическихъ оперъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ составить комическую оперу съ разбойниками; вотъ вамъ рецептъ: возьмите смѣлаго и предприимчиваго чело-вѣка, который былъ бы похожъ съ виду на свѣтскаго льва, но былъ бы, въ то же время, атаманомъ бандитовъ; назовите его какимъ-ни-будь звучнымъ именемъ, напримѣръ: Темпеста (буря), Спада (шпага) окружите его неискусными сыщиками, которыхъ онъ могъ бы мистифи-ровать, прибавьте ко всему этому двойную любовную интригу, между начальникомъ сыщиковъ и дочерью или племянницей разбойника съ од-ной стороны, и между разбойникомъ и какой-нибудь знатной, но романи-ческой дѣвушкой съ другой; тщательно перемѣшайте все это, и вы по-лучите комическую оперу, которую можете назвать по усмотрѣнію, *ad libitum*, Сиреной, Фра-Дьяволо и т. д. Оттого-то всѣ комическія оперы съ разбойниками очень похожи одна на другую; оттого-то и «Марко Спада», новая опера гг. Скриба и Обера, очень напоминаетъ Сирену и Фра-Дьяволо. Считаемо лишнимъ говорить, что успѣхъ такой оперы зависитъ, главнымъ образомъ, отъ либреттиста, отъ бо-лѣе или менѣе вкуснаго употребленія приведеннаго нами рецепта и присоединенія къ нему новыхъ драматическихъ спецій. Г. Скрибъ ве-ликій мастеръ этого дѣла; онъ умѣетъ придавать новый лоскъ и блескъ истертой канвѣ комическихъ оперъ съ разбойниками, и потому всѣ его произведенія въ этомъ родѣ, считая въ томъ числѣ и оперу «Марко Спада», поставленную недавно на театрѣ «Коми-ческой Оперы», имѣютъ всегда характеръ новости. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы не будемъ вамъ рассказывать содержаніе «Марко Спада».

Что касается до музыки г. Обера, то она очень хороша; впро-чемъ, въ первомъ дѣйствіи мало пѣнія, но во второмъ актѣ есть пре-миленькій и преоригинальный дуэтъ: это объясненіе въ любви, которое начинается по *русски* (!!) потому-что дѣвушку принимаютъ за *моско-витку*; дѣвушка отвѣчаетъ по-англійски, но подъ конецъ, оба влѣ-бленные поютъ по-французски. Этотъ дуэтъ имѣлъ величайшій успѣхъ. Есть еще во второмъ актѣ двѣ прекрасныя аріи, а въ третьемъ пре-восходный ходъ разбойниковъ. Главную женскую роль въ этой оперѣ играла Каролина Дюпре, дочь знаменитаго тенора.

Другая новая комическая опера «Табаренъ», слова г. Альбуаза, музыка г. Бускэ, поставлена на сценѣ Лирическаго Театра. Содержа-ніе ея заимствовано изъ жизни извѣстнаго *площаднаго* (т. е. играв-шаго на площади) актера Табарена.

Молодой маркиз побился объ закладъ съ своими друзьями, что *огорчитъ* первого женатаго человѣка, который ему встрѣтится. Попадается Табаренъ. Маркизь начинаетъ ухаживать за его женой Францискиной, но Францискиня отказывается отъ всѣхъ предложеній маркиза. Тогда волокита рѣшается, чтобы выиграть закладъ, обмануть друзей своихъ; онъ похищаетъ Францискину и возить ее цѣлый день, въ своей каретѣ, по городу, чтобы заставить подумать, что Францискиня бросила для него своего мужа. Табаренъ узнаетъ о мнимомъ бѣгствѣ жены въ ту самую минуту, когда готовится явиться передъ публикой. Онъ въ отчаяніи и проситъ своего хозяина освободить его на этотъ разъ отъ обязанности смѣшнить публику, но хозяинъ не соглашается, и Табаренъ идетъ смѣшнить, между-тѣмъ какъ сердце его обливается слезами и кровію. Онъ начинаетъ рассказывать свои обычные побасенки, но рыданія безпрестанно прерываютъ рассказъ, и публика рукоплещетъ ему, зато, что онъ такъ искусно плачетъ. Подъ конецъ представленія Табаренъ падаетъ безъ чувствъ; но придя въ себя, онъ узнаетъ, что Францискиня невинна и искусно подмѣняетъ ее одною отцвѣтшей актрисой; маркизь, не разглядѣвъ въ темнотѣ ея лица, вводитъ ее въ кругъ своихъ товарищей, которые, разумѣется, смѣются надъ нимъ.

Авторъ музыки, г. Буске, извѣстенъ какъ отличный музыкальный критикъ (онъ печатаетъ свои статьи въ журналѣ *L'Illustration*) и какъ знатокъ музыки; послѣ этого неудивительно, что его партитура отличается многими достоинствами. Первое изъ нихъ отсутствіе—шума въ оркестрѣ, т. е. неумѣреннаго употребленія мѣдныхъ инструментовъ. Вся опера слушается легко, потому-что г. Бускѣ, хотя и ученый музыкантъ, умѣлъ избѣжать педантизма, не увлекся желаніемъ высказать свою контрапунктическую ученость, и написалъ свою музыку просто, безъ всякихъ претензій. Это также немаловажное достоинство.

Позвольте сдѣлать вамъ одинъ нескромный вопросъ. Случалось-ли вамъ видѣть, что пьеса, написанная литераторомъ даровитымъ, напечатанными нѣсколькими романами признанными всѣми превосходными, пьеса, которою вы восхищались въ чтеніи, имѣла-бы на сценѣ успѣхъ весьма незначительный?—Вѣроятно случалось.—А знаете-ли, отчего это происходитъ?—Оттого, что чтеніе и сцена два дѣла совершенно разныя; отъ того что недовольно заставить лицъ драмы хорошо говорить, надо еще умѣть заставить ихъ хорошо дѣйствовать. Это дѣло трудное, которое дается не всякому, дѣло, для котораго надо особенное дарованіе. У насъ падали на сценѣ драмы Бальзака и Жоржъ—Занда, величайшихъ изъ нашихъ современныхъ писателей. Недавно мы видѣли новое доказательство того, что литературнаго дарованія недостаточно для того,

чтобъ написать драму. Г. Фелисьенъ Мальфиль, писатель талантливый, энергическій, поставилъ на сцену Перваго Французскаго Театра пяти-актную комедію «Сердце и приданое», очень понравившуюся въ чтеніи и чуть не упавшую при представленіи, оттого, что лица его комедіи говорить прекрасно, но не умѣютъ дѣйствовать. Пьеса его заключается не въ пьесѣ, а въ нѣсколькихъ діалогахъ, и особенно въ большой тирадѣ, помѣщенной въ пятомъ дѣйствіи. Эта тирада, отлчно, впрочемъ, написанная, выражаетъ всю мысль автора и вмѣстѣ съ тѣмъ, всю драму, которую онъ предполагалъ написать. Это важная ошибка.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, содержаніе пьесы г. Мальфиля.

Шаваро, сорокапятилѣтній холостякъ, ищетъ богатую невѣсту. Узнавъ, что дѣвица Адель Деперьеръ должна получить наслѣдство въ 600,000 франковъ, онъ проситъ ея руки, прежде нежели слухъ объ этомъ наслѣдствѣ дошелъ до самой дѣвицы и людей, отъ которыхъ она зависитъ. Такъ какъ Шаваро богатъ, то бабушка Адели очень благосклонно принимаетъ его исканія, и по всей вѣроятности, Шаваро женится на Адели, хотя она и предпочитаетъ ему молодаго человѣка своихъ лѣтъ, Генриха Дюмежа, который надѣется, впрочемъ, съ помощію ловкой и бойкой субретки, отбить Адель у своего богатаго соперника.

Но Генриху будетъ не легко исполнить это, потому-что отецъ его нашель уже ему невѣсту, дѣвицу Бодрилль, которая три года сряду ищетъ себѣ жениха. У дѣвицы Бодрилль есть дядя, опекунъ ея, большой чудакъ, крикунъ и забіяка, которому страхъ какъ надоѣла племянница; онъ поклялся выдать ее за-мужъ во что-бы то ни стало и убить на дуэли всякаго, кто, осмѣлившійся ухаживать за ней, не женится. Въ-слѣдствіе этого Шаваро грозила смерть, потому-что онъ былъ въ числѣ поклонниковъ дѣвицы Бодрилль; но Шаваро имѣлъ предосторожность распусить слухъ о своемъ раззореніи, и дѣвица Бодрилль сама ему отказала. Упустивъ изъ рукъ Шаваро, Бодрилль вызываетъ на дуэль Генриха, но такъ какъ Бодрилль храбръ только на словахъ, а Генрихъ не робкаго десятка, то дѣло кончается отступленіемъ ложнаго храбреца. Между-тѣмъ Адель куда-то скрылась. Ее ищутъ, и узнаютъ, что она убѣжала съ Генрихомъ, который успѣлъ уже жениться на ней. Г-жа Деперьеръ прощаетъ свою внучку, а Бодрилль и Шаваро остаются ни при чемъ.

На театрѣ у Сень-Мартенскихъ воротъ даютъ новую, чрезвычайно эффектную драму «Фаридондена», которая особенно замѣчательна тѣмъ, что главная роль въ ней написана для оперной пѣвицы. Эту роль прекрасно исполняетъ гоеножа Геберъ-Масе. Драма написана гг. Дюпети

и Бурже, музыка—гг. Адольфомъ Аданомъ и Гроотомъ. *Фаридонденой* называется драма по имени главнаго дѣйствующаго лица.

Еще большій успѣхъ имѣла *восьмиактная* (!) драма гг. Дюма-нуара и Д'Эннери «Хижина дяди Тома»; содержаніе ея заимствовано изъ романа «Дядя Томъ», появившагося нѣсколько времени тому назадъ въ Америкѣ и уже переведеннаго почти на всѣ европейскіе языки.

Промышленникъ Шельби, живущій въ Кентуки, владѣеть довольно обширной плантаціей, которую разрабатываютъ нѣсколько негровъ, въ числѣ которыхъ находятся Томъ и Жоржъ. Первый изъ нихъ принадлежитъ Шельби, второй сэру Гаррису, одному изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ околдкѣ, человѣку жестокому, непреклонному, мстительному. Жоржъ женился на прекрасной квартеронкѣ Элизѣ, которая родила ему сына, маленькаго Генриха. Сэръ Гаррисъ является къ Шельби и требуетъ отъ него 4,000 долларовъ, которые Шельби давно ему долженъ; Шельби не можетъ заплатить и потому помѣстье его будетъ продано, чтобы удовлетворить сэра Гарриса. Шельби прибѣгаетъ къ ростовщику Голлею, предлагая ему, за 4,000 долларовъ, двухъ невольниковъ на выборъ. Голлей выбираетъ Тома и маленькаго Генриха. Но Элиза, подслушавшая ихъ сдѣлку, рѣшается похитить сына своего и бѣжать съ нимъ, извѣстивъ предварительно старика Тома о намѣреніяхъ Шельби и Гарриса.

Гаррисъ является за полученіемъ долга, а Голлей приходитъ требовать выбранныхъ имъ, по условію съ Шельби, невольниковъ; оба они съ удивленіемъ узнаютъ о бѣгствѣ Элизы и немедленно пускаются за нею въ погоню.

Между-тѣмъ Элиза достигла, съ своимъ сыномъ, до береговъ Огіо, но не можетъ переправиться на другую сторону, по причинѣ половодья и сильнаго льда. Погоня приближается, медлить нельзя; схвативъ на руки ребенка, Элиза устремляется на одну изъ плывущихъ льдинъ, въ ту самую минуту, когда Гаррисъ и Голлей почти уже настигли ее.

Спасенная чудомъ и истомленная усталостью и холодомъ, Элиза приходитъ къ сенатору Берду, жена котораго подаетъ ей нужную помощь. Самъ Бердъ отличнѣйшій человѣкъ, но, къ сожалѣнію, онъ, въ качествѣ сенатора, принадлежитъ къ числу ревностнѣйшихъ защитниковъ закона, строго воспрещающаго укрывательство бѣглыхъ невольниковъ. Тронутый, впрочемъ, просьбами своей жены и несчастіями Элизы, онъ позволяетъ бѣглянкѣ переночевать въ его домѣ.

Гаррисъ и Голлей напали, между-тѣмъ, на слѣдъ Элизы, при-

были къ Берду и требуютъ, чтобъ онъ выдалъ имъ скрывающуюся у него квартиронку; но Бердъ, чтобы спасти Элизу, рѣшается на отчаянное средство: онъ запираетъ Голлея и Гарриса, и увозитъ Элизу въ своей каретѣ.

Жоржъ, между-тѣмъ, напрасно ищетъ жену, о бѣгствѣ которой знаетъ; не нашедъ ее, онъ скитается, съ отчаяніемъ въ душѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ жилища сенатора, среди пустынной и гористой мѣстности. Лай собакъ извѣщаетъ его о приближеніи погони, ищущей Тома, который также убѣжалъ; но Гаррисъ и Голлей проходятъ мимо Жоржа, не замѣчая его.

Велѣдъ за тѣмъ являются Бердъ и Элиза; Жоржъ узнаетъ жену свою и спѣшитъ въ ея объятія. Въ это время раздается выстрѣлъ, велѣдъ за которымъ вбѣгаетъ Томъ. Онъ извѣщаетъ о близости Голлея и Гарриса. Бѣглецы, въ томъ числѣ и Бердъ, вбѣгаютъ на скалу, рѣшившись защищаться до послѣдней крайности. Когда приходятъ Гаррисъ и Голлей, Бердъ старается склонить ихъ на мировую, но видя, что старанія его бесполезны, и вынужденный защищаться, стрѣляетъ въ Голлея и попадаетъ ему въ самую грудь. Это заставляетъ Гарриса обратиться въ бѣгство. Тогда Элиза спѣшитъ на помощь къ Голлею и перевязываетъ его рану, въ-слѣдствіе чего Голлей изъ врага ея дѣлается ея ревностнѣйшимъ союзникомъ. За тѣмъ слѣдуютъ еще нѣсколько болѣе или менѣе драматическихъ катастрофъ.

Пьеса эта немного длинна, но очень занимательна и поставлена великолѣпно; особенно хороша декорация, представляющая разлитіе рѣки Огіо и идущій по ней ледъ.

АП. БОНАВЕНТУРА.

II.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА. отъ 20-го января 1853 года.

Передъ отъѣздомъ моимъ въ Лондонъ, я обѣщалъ писать къ вамъ обо всемъ по немногу: о музыкѣ, о театрахъ, обо всѣхъ новостяхъ, которыя случайно долетятъ до моего слуха. И вотъ я въ шумной всемирной столбцѣ, едва отдохнувшей послѣ нашествія всѣхъ народовъ на

ея выставку и еще не успокоившейся послѣ торжественныхъ похоронъ ея кумира, герцога Веллингтона. Для меня все здѣсь такъ ново, что не удивляйтесь, если въ письмахъ моихъ вы найдете много несвязнаго. Нѣтъ возможности передать подробнаго дневника лондонской жизни, на это недостаетъ ни средствъ, ни времени.

Праздники прошли шумно и весело. Мнѣ нравится семейная жизнь англичанъ, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, у камина, гдѣ исчезаетъ принужденность англійскаго характера и дружеское радушіе замѣняетъ холодность перваго пріема. Чѣмъ болѣе я знакомлюсь съ англичанами, тѣмъ болѣе начинаю любить ихъ. Рекомендательныя письма, которыми я запасся въ Петербургѣ, были для меня весьма полезны и открыли мнѣ входъ въ пріятное и разнообразное общество. Я нанимаю небольшую, но прекрасную квартиру на Лейстерской-площади, у мистера Повелля, негоціанта, занимающагося биржевыми оборотами. Въ семействѣ его я принять, какъ родной. Мистриссъ Повелль, женщина лѣтъ пятидесяти, въ пукляхъ, въ чепцѣ какой-то необыкновенной архитектуры, заставляетъ меня по вечерамъ читать велухъ газеты, а рѣзвая дочь ея, мисъ Бетси, смѣется надъ моимъ иностраннымъ выговоромъ. Мы вмѣстѣ посѣщаемъ театры, ходимъ въ концерты Жюльена, который на дняхъ отправляется въ Америку, и ужасаемся, читая описанія крушеній, которыхъ было такъ много въ Англійскомъ каналѣ передъ новымъ годомъ.

Праздничные спектакли были болѣе блестящи, чѣмъ занимательны. На Геймаркетскомъ-театрѣ давали скучную и запутанную пьесу *Левъ и его свита*; на театрѣ Лусеинъ — *Добрую старушку*, а театръ Принцессы и Олимпійскій Циркъ угощали своихъ посѣтителей арлекиадами.

Дрюриленской театрѣ снова открытъ для публики, но можно предсказать заранѣе, что онъ не будетъ имѣть успѣха. Англійская драмъ упала, и уступила мѣсто передѣлкамъ изъ французскихъ фарсовъ; обыкновеніе ставить на сцену цѣлые романы, давно прочитанные публикою, или дѣлать героями пьесъ обитателей Ньюгета, много способствовало ея упадку. Драмъ Шекспира въ настоящее время очень рѣдкое явленіе на англійской сценѣ. Дрюриленскій театрѣ сдѣлался второстепеннымъ театромъ: цѣны понижены, а музыка и актеры не выше посредственности. Въ день открытія давали драму *Каюта дяди Тома*, дурно поставленную и неимѣвшую успѣха, и какую-то пантомиму. Много хорошаго говорятъ о новой драмѣ Родо: *Золото*, которую давали здѣсь недавно, но въ ней много невѣроятностей и самая завязка довольно слаба. Дѣйствіе пропеходитъ на золотыхъ розсыпяхъ. Молодой англійскій земледѣлецъ, не имѣя ни въ чемъ успѣха—на родинѣ, отправляется въ Ав-

стралію, и скоро, разбогатѣвъ, опять—пріѣзжаетъ въ Англію, гдѣ находитъ, что невѣста ему измѣнила. Къ счастью, это извѣстіе обазывается ложнымъ и этимъ оканчивается драма. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ хороши характеры: брата героя, лондонскаго бродяги, который возвращается изъ колоній совѣтъ другимъ человѣкомъ, «скупаго жида» и стряпчаго, который заставляетъ смѣяться во все продолженіе пьесы. Нельзя также не упомянуть о собакѣ, которая слѣдуетъ за героемъ во всѣхъ его странствованіяхъ и подъ шерстью которой скрыты сокровища, составляющія сюжетъ пьесы. Дѣйствіе происходитъ сначала въ Англіи, потомъ въ Австраліи, и подъ конецъ снова въ Англіи. Неудачная сторона драмы особенно видна въ пятомъ актѣ, гдѣ конецъ слишкомъ вялъ; а лучшія мѣста въ третьемъ и четвертомъ актахъ, гдѣ вы видите на сценѣ золотыя розсыпи, во всей ихъ живописной разнообразности, со всеми характеристическими группами и сценами, достойными мрачной кисти Сальватора Розы. Пьеса вообще имѣла большой успѣхъ.

Дворецъ покойнаго герцога Веллингтона, Эпсли Гоузъ, открытъ три раза въ недѣлю для любопытныхъ посѣтителей. Я постараюсь описать его съ нѣкоторыми подробностями.

Эпсли-Гоузъ называется по имени канцлера Генриха Бѣторста, лорда Эпсли, которымъ онъ былъ выстроенъ лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, а въ 1820 году купленъ покойнымъ герцогомъ Веллингтономъ.

Небольшая пріемная украшена мраморными бюстами самаго герцога, лордовъ Кестель, Персиваля, Понсонби и другихъ. Въ сѣняхъ, на площадкѣ, внизу лѣстницы, стоитъ колоссальная статуя Наполеона, работы Кановы, подаренная союзными монархами. Въ гостиной, выходящей окнами на Пикадалли, есть много превосходныхъ картинъ; надъ каминомъ портретъ герцога Мальборо; по сторонамъ «Гриничскіе Инвалиды» Бурнета, «Ванъ-Амбургъ въ клѣткѣ съ дикими звѣрями» и нѣсколько картинъ голландской школы. Въ сосѣдней комнатѣ висятъ надъ дверьми портретъ маршала Сульта и папы Пія VII и нѣсколькой копій съ Рафаэля; тутъ же стоятъ двѣ вазы изъ севрскаго фарфора, подаренныя Людовикомъ XVIII. Далѣе идетъ картинная галерея, въ которой старый герцогъ каждый годъ торжественно праздновалъ день ватерлоскаго сраженія. Канделабры изъ великолѣпнаго порфира, подарокъ Государя Императора, и двѣ порфировыя вазы, подаренныя покойнымъ шведскимъ королемъ, украшаютъ галерею. Возлѣ нея, въ малой гостиной, возвышается драгоценная малахитовая ваза, даръ Императора Александра, а надъ нею виситъ портретъ короля Вильгельма IV. Портреты Нельсона, Блюхера и лорда Коулея висятъ напротивъ, рядомъ съ картиною, представляющею ватерлоское сраженіе. Внизу, въ такъ называемой ки-

тайской комнатѣ, стоятъ богатые подарки императора австрійскаго, короля прусскаго, Людовика XVIII и португальскаго регента, состоящія изъ фарфоровыхъ издѣлій и серебряныхъ приборовъ. Противъ главнаго входа виситъ гербъ Веллингтона, поднесенный ему лондонскимъ купечествомъ въ 1822 году.

Все это описаніе, я увѣренъ, покажется вамъ очень длиннымъ и не совсемъ интереснымъ; но въ настоящее время объ этомъ болѣе всего говорятъ въ Лондонѣ.

Въ день новаго-года, въ Виндзорскомъ дворцѣ, въ присутствіи королевы и двора, данъ былъ концертъ, составленный изъ произведеній Мендельсона; первая часть состояла изъ Lobgesang, гимна, сочиненнаго въ честь Гутенберга; соло пѣли Локе и Лоуеръ, миссъ Пайнъ и миссъ Вильямъ. Оркестръ состоялъ слишкомъ изъ ста человѣкъ, а хоръ изъ шестидесяти лучшихъ пѣвцовъ.

М-ме Плейель находится теперь въ Лондонѣ и недавно дала концертъ.

СМЪСЬ.

ДВА МЪСЯЦА ВЪ ПУСТЫНЯХЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

(Разказъ звѣролова).

Зимовка на Умнакъ. — Старый американецъ. — Разказъ его. — Бригантина «Барсъ». — Крушеніе. — Янъ Смитъ. — Матросъ Сноцсъ. — Лагерь бѣдствующихъ. — Смерть подкипера. — Дикарь Антоніо. — Каварный проводникъ. — Необитаемые острова. — Кремень. — Старая пирога. — Постройка плота. — Ночь въ пустынѣ. — Степной медвѣдъ — Дикари и куртка Снопса.

Во-время службы моей въ званіи штурмана на судахъ Съверо-Американской Компаніи, я долженъ былъ, въ 183 году, зимовать на Умнакъ *. Еще первый разъ мнѣ доводилось испытывать удовольствіе зимовки почти на пустынномъ островѣ, среди дикарей, среди вѣчныхъ тумановъ и ожидаемыхъ лишеній, которыя и не замедлили скоро явиться. Первое время нашей стоянки прошло въ работахъ трудныхъ и спѣшныхъ. Встрѣтивъ шесть избъ — когда-то занимаемыхъ звѣроловами, мы должны были дней десять употребить на возобновленіе ихъ. Онѣ

* Одинъ изъ группы Алеутскихъ острововъ.

были ветхи до крайности. Когда хозяйство наше пришло въ порядокъ, мы, разумѣется, отправились за краснымъ звѣремъ... Я уже считалъ себя совершенно погребеннымъ здѣсь въ снѣгахъ, далеко отъ всѣхъ развлеченій и пріятныхъ бесѣдъ, какъ случай, однажды на промыслѣ, свелъ меня съ молодцоватымъ старикомъ, одѣтымъ такъ же, какъ и туземцы, но бодрымъ молодцомъ на языкъ и на выстрѣлъ. Изъ его откровеннаго разказа я узналъ, что онъ родомъ изъ Канады, долго служилъ въ англійскомъ гарнизонѣ, и, наконецъ, уже болѣе дватцати лѣтъ, какъ поселился на Умнакѣ, и занимается звѣринымъ промысломъ... Этотъ-то человекъ былъ для меня совершенною находкою, и безъ скуки проведенными зимними вечерами я единственно былъ обязанъ его умѣною рассказывать много интереснаго, оставшагося въ его памяти и въ воспоминаніяхъ о минувшемъ, — а минувшее стараго звѣролова было полно походовъ...

Одинъ замѣчательный разказъ его о несчастныхъ страдальцахъ, скитавшихся въ пустыняхъ Сѣверной Америки, — живо остался въ моей памяти. Передаю его не какъ обстоятельство, замѣчательное множествомъ интересныхъ событій, а какъ происшествіе, похожее нѣсколько на приключенія капитана Вюда, въ которыхъ такъ много невѣроятнаго.

«Однажды, въ началѣ весны, не припомню годъ, говорилъ мой старикъ, къ намъ, въ укрѣпленіе Святаго Марка, два дикаря съ морскаго берега, чрезъ Апполачскія ущелья привели несчастнаго матроса съ погибшаго судна, которому они указали до насъ дорогу, взявъ за это его куртку. Бѣднякъ былъ такъ изнуренъ, измученъ и боленъ, что едва, и то послѣ трехъ стакановъ виски, могъ сказать только: «Спасите... капитанъ погибаетъ... женщина съ нимъ, мальчикъ... спасите!.. Они на вашихъ — несчастныхъ островахъ».

Добрый нашъ комендантъ Севетенгамъ сейчасъ же отправилъ, на шлюпкѣ, съ шестью гребцами, поручика Вригта — съ тѣмъ, чтобы онъ осмотрѣлъ острова вплоть до Собачьяго, пройдя сначала въ виду всего берега, примыкающаго къ островамъ, приказавъ въ тоже время, дикарямъ пройти до этого берега ущельями, и поискать, не встрѣтятъ ли они здѣсь скитальцевъ...

Мы отправились вечеромъ, и на другое утро дѣйствительно нашли на морскомъ берегу — трехъ несчастныхъ, которые готовились умереть отъ лишеній и невыносимыхъ страданій.

Вотъ что объ ихъ долгихъ испытаніяхъ и страданіяхъ рассказаль намъ одинъ изъ этихъ спасенныхъ отъ гибели:

«Въ началѣ января бригантна «Барсъ», подъ командою далеко неопытнаго капитана Ла-Катюра, вышла изъ гавани Святаго Людовика—

направляясь къ Луизианѣ. На суднѣ находилось девять матросовъ, капитанъ съ женою и сыномъ, подшкиперъ, другъ мой Десклау, я и негръ, купленный мною за день передъ выходомъ бригантину въ море. Въ первые дни плаванія мы терпѣли большіе штормы, во-время которыхъ я не могъ не замѣтить слабыхъ познаній капитана въ мореходствѣ, и рѣшился съ того времени тщательно слѣдить за всѣми его распоряженіями. 26 января мы увидѣли островъ Сосны, который былъ принятъ капитаномъ за мысъ Святаго Антонія. Я поспѣшилъ измѣрить высоту и нашелъ ошибку, но убѣжденія мои были напрасны: упрямый Ла-Катюръ не признавалъ своего невѣжества и держался взятаго имъ курса безъ всякой осторожности. Въ полночь, къ общей тревогѣ и ужасу, голосъ сторожеваго матроса крикнулъ съ марса: «Буруцъ и берегъ подъ носомъ!» Въ-самомъ-дѣлѣ мы были въ виду скаль. Въ такую критическую минуту нечего было терять время въ бесполезныхъ спорахъ. Испуганный капитанъ призналъ свою ошибку и сдалъ мнѣ начальство. Привычный къ частымъ бѣдамъ, я, сохраняя все мое хладнокровіе — удачными распоряженіями, пользуясь въ тоже время переменною вѣтра, который отвелъ насъ отъ опасности, успѣлъ спасти бригантину отъ гибели, или лучше сказать, отстрочить не надолго эту гибель. Мы шли навстрѣчу новыхъ бѣдъ и новыхъ испытаній!

На другой день, счастливо миновавъ мысъ Святаго Антонія, бригантину наша снова начала терпѣть штормы, встрѣченная порывистыми и противными вѣтрами. Скоро въ суднѣ оказалась течь. Насосы, ведра и бочки, все было употреблено въ дѣло, но люди только изнурялись работою безъ всякаго успѣха. Спасая экипажъ, я рѣшился бросить всѣ наши товары за бортъ, взявъ направленіе къ порту Ла-Мобиль, единственному мѣсту, куда вѣтеръ еще позволялъ намъ спуститься. Но и это намѣреніе встрѣтило препятствіе. Ночью мы потеряли счисленіе... Теперь и самое спасеніе нашей жизни казалось невозможнымъ. Вечеромъ, въ 6 часовъ, 16 февраля — судно, избитое, лишенное руля и снастей, было брошено на мель, въ виду Апполачскихъ горъ. Отчаяніе и ужасъ сдѣлались общи. Удары волнъ были такъ сильны, что, какъ гнилую щепку, раскололи и раскрыли палубу.

Вопли, стонъ и отчаянный плачъ встрѣчали каждый ударъ волны, съ шумомъ и свистомъ вливавшейся въ полуразрушенное судно. Правда, внутренно ужасъ мой равнялся ужасу товарищей, но я еще умѣлъ сохранить наружное хладнокровіе, и въ то время, какъ всѣ готовились къ смерти, успѣлъ нѣкоторыхъ воодушевить словомъ и дѣломъ. Между-тѣмъ вѣтеръ и волны съ каждымъ мгновеніемъ гнали бригантину на мель. Выломанныя изъ бортовъ доски замѣнили намъ весла, при по-

мощи которыхъ мы успѣли сдвинуться съ опасной мели, но въ тотъ же моментъ, подхваченные сильнымъ порывомъ вѣтра — быстро пронеслись нѣсколько миль впередъ, и вечеромъ въ 9 часовъ, были брошены на сѣверную оконечность Собачьяго-острова. Бригантина врезалась въ отмель такъ, какъ-будто бы она семь лѣтъ назадъ пустила здѣсь отростки! Мы начали рубить мачты, надѣясь соорудить изъ нихъ плотъ, единственную нашу надежду на спасеніе. Во-время этого труда — сильный шквалъ положилъ судно на бокъ... Причемъ нѣсколько матросовъ были сброшены въ море, но съ величайшими усилиями они снова успѣли достичь судна, и при нашей помощи взлезть на него.

Еще до настоящей, рѣшительной минуты — луна освѣщала страшную картину бури и нашей гибели, но теперь исчезла за тучами и она. Среди рева волнъ, завыванья вѣтра и страшной непроницаемой мглы, мы должны были провести нескончаемую ночь на борту избитаго судна. Ухватясь кто за что могъ, обливаемые водою, избитые и оконченнѣе отъ стужи, — мы въ такомъ положеніи дождались утра. Разсвѣтъ дня не принесъ намъ утѣшенія; напротивъ, онъ только увеличилъ наше отчаяніе... Въ глазахъ нашихъ мелькалъ берегъ, мы видѣли его возвышенности, его желтоватую зелень, далекій лѣсъ, и не имѣли никакихъ средствъ достичь земли: лодки наши были унесены волнами, зыбъ и сильное колебаніе погибавшей бригантины не давали намъ возможности взяться за топоръ. Нѣсколько часовъ прошло безъ всякой переменны въ нашемъ положеніи. Общее оцѣненіе представляло картину грустную и поразительную. Подлѣ меня, уцѣпившись за бортъ, цѣлую ночь и наступившее утро, въ нѣмомъ молчаніи, изрѣдко нарушаемомъ рыданіемъ и стономъ, провель молодой матросъ — родомъ голландецъ. Казалось, этотъ человѣкъ рѣшился, если не утонуть въ волнахъ, такъ захлебнуться своими собственными слезами, какъ вдругъ съ видомъ необыкновенной твердости, онъ рѣшительно махнулъ рукою и схватилъ меня за плечо.

— Капитанъ! сказалъ онъ.... Чего еще намъ ждать? Посмотрите — пара каждыхъ брызгъ отъ этаго вспѣннаго моря сулитъ намъ смерть, растравляетъ горемъ и отчаяніемъ душу, ледянитъ насъ холодомъ — и мы, какъ будто-бы въ просоньѣ видимъ все это, какъ будто зная, что находимся и въ теплой комнатѣ и далеко отъ страшной мечты!...

— Что-же ты хочешь, Смись? спросилъ я.

— Да, скажите, по совѣсти... Спасенья нѣтъ!

— Нѣтъ, Смись.... Но можетъ-быть — судно, или....

— А! судно! Еще день пытки.... Даже больше.... Отрадная надежда, что черезъ часъ, а можетъ-быть и ранѣе — каждому изъ

насъ придется умереть отъ стужи, или разбить черепъ объ этотъ бортъ.... Ну, дѣлайте, какъ знаете!... Не надѣйтесь, что насъ прибьетъ къ берегу.... бригантина увязла въ песокъ по самыя ванты! Я рѣшился.... Земля — близко.... въ воду!

Съ этими словами Смить былъ уже въ волнахъ. Многіе, ободренные его словами и примѣромъ, готовы были на тотъ-же смѣлый подвигъ, но я успѣлъ удержать ихъ отъ этого намѣренія, прося выждать ту минуту, когда мы увидимъ спасеніе Смита.

Между-тѣмъ послѣдній, подбрасываемый волнами, то исчезалъ въ нихъ, то снова показывался на бѣлой вершинѣ моря.... Вотъ ужъ берегъ.... Еще одно усиліе, и мы позавидуемъ участи Смита. Но вдругъ на суднѣ раздался вопль ужаса....

— Погибъ! Погибъ! со стономъ прошентало нѣсколько голосовъ. Голландецъ, въ нашихъ глазахъ, былъ разбитъ о скалы.

Эта сцена удвоила ужасъ несчастныхъ и оледенила кровь въ ихъ жилахъ.

Вечерело.—И опять та-же невыносимая ночь пытки, ужаса и нетязаній близилась къ намъ. Мачты и доски, изготовленныя для плота, были унесены въ море. Надежда спастись при помощи какихъ-нибудь подюжины досокъ—исчезла. У насъ оставался еще одинъ ботъ, избитый и ветхій дотогу, что всѣ—и не одинъ разъ — подходили мы къ нему, внимательно считая его пробоины, и снова обращались къ той-же неизходной безнадежности. Нашлось однако трое молодцовъ — матросовъ, на которыхъ, повидимому, участь Смита, не произвела поразительнаго впечатлѣнія. Отважные, или отчаянные, они рѣшились ввѣрить свою жизнь этой утлой ладѣ. Намѣреніе ихъ оставалось для всѣхъ тайною; никто не замѣтилъ, какъ они бросились въ лодку, и общій крикъ изумленія раздался тогда только, какъ смѣлые мореходы были уже далеко отъ бригантины. Глаза и вниманіе всѣхъ были прикованы къ тремъ пловцамъ, которые, истощая послѣднія свои усилія, быстро и удачно двигались впередъ! Англичанинъ Снопсъ — сидѣлъ на рулѣ и мастерски увертывался отъ набѣгавшихъ волнъ.... Несмотря, однакоже, на его искусство—мы считали погибшими нашихъ товарищей, какъ — вдругъ, къ общей зависти и изумленію, ветхій ботъ, подданный съ кормы волною, взлѣгъ на берегъ....

Наступившая ночь скрыла отъ нашихъ глазъ счастливыхъ. Теперь наше положеніе превосходило всѣ мученія, какія когда-либо доставалось выносить человѣку. Буря не смолкала; вѣтеръ ревѣлъ, какъ и вчера, вода съ визгомъ перебѣгала черезъ бригантину.... Мы оставались въ страхѣ, быть оторванными съ мѣста и унесенными въ море. Истом-

леніе наше было велико. Голодные, изнуренные страхомъ и холодомъ многіе изъ насъ завидовали теперь участи Смита.

На третій день, 18 февраля, мы съ несказаннымъ восторгомъ встрѣтили восходъ солнца, котораго немногіе изъ насъ надѣялись дожидаться. Вѣтеръ утихъ немного, волненіе моря уменьшилось.— Легкое и уже безопасное вздрагиваніе судна дало намъ возможность сойтись для совѣта. Мы рѣшили, что одинъ изъ насъ, взявъ съ собою запасъ пеньки, долото, нѣсколько кусковъ сала и деревянный молотокъ, — долженъ вилавъ достигнуть берега, и отыскавъ товарищей, исправить боть. На это дѣло вызвался мой негръ, и напутствуемый нашими молитвами— онъ, спустя десять минутъ, былъ уже на берегу.

Въ сердцахъ нашихъ ожили надежда и радость. Было семь часовъ утра, когда — на берегу — арапъ и три матроса принялись за работу. Мы не спускали внимательнаго взгляда съ работающих, слѣдя ихъ каждое движеніе и трепетно прислушиваясь къ каждому удару молота. Наконецъ, въ полдень, мы увидѣли брошенную, на берегу, вверхъ шляпу. Сигналъ, который говорилъ намъ: работа кончена! Восторгъ нашъ былъ неизъяснимъ. Какъ родные братья, послѣ долгой разлуки, мы бросились въ объятія другъ—друга.... Но ласки продолжались недолго.... Они смѣнились враждою, бранью и угрозами, когда боть всталъ у борта бригантины.... Всякій изъ насъ желалъ первый броситься въ спасительную лодку, что было невозможно и обѣщало общую гибель. Однакожъ никто не рѣшался остаться на суднѣ до другой поѣздки, тѣмъ болѣе, что прибывшіе имѣли неосторожность объявить намъ, что боть не выдержитъ другаго перевала по крутой зыби, которая смѣнила теперь волненіе.... Я видѣлъ, что убѣжденія, неподкрѣпленныя смѣлою и рѣшительной угрозой, не могутъ дѣйствовать на толпу почти обезумѣвшихъ несчастливцевъ, и потому, не теряя минуты — бросился къ первому попавшемуся мнѣ въ руки топору, и всталъ на борту, готовый изрубить перваго ослушника.

— Остановитесь! вскричалъ я.... Мы все погибнемъ, если все рѣшимся броситься въ боть.... Послушайтесь вашего здраваго разсудка и моего совѣта.... Выбора между нами быть не можетъ.... Мы должны раздѣлиться на три партіи.... Кинемъ жребій! И я первый остаюсь на бригантинѣ.

— Ну такъ жребій.... Лотерею! крикнуло нѣсколько голосовъ.

Одинъ изъ матросовъ, случайно имѣлъ въ карманѣ цѣлую игру картъ. Мы написали на нихъ наши одиннадцать именъ, то есть число всѣхъ находившихся на суднѣ—и приступили къ дѣлу. Надо было видѣть судорожное движеніе лицъ и страшное нетерпѣніе, выражавшіяся въ

глазахъ присутствующихъ, при каждой вновь вынутой картѣ. Наконецъ — четверо изъ насъ отправились на берегъ, а спустя два часа и всѣ.

Невозможно рассказать той радости, съ которою мы встрѣтили землю. Найденныя нами въ берегахъ рѣки и у ея устья устрицы доставили намъ прекрасный ужинъ, послѣ котораго всѣ расположились на голой землѣ, и уснули такимъ крѣпкимъ и отраднымъ сномъ, какъ будто-бы впервые разъ накурились опиуму, — расположившись на мягкихъ диванахъ....

Между-тѣмъ подшкиперъ нашъ Дранше — захворавшій еще при выхождѣ изъ гавани Св. Людовика, былъ въ опасномъ положеніи: безпокойный путь, изнурительный холодъ, нѣсколько сутокъ, проведенныхъ безъ пищи, страхъ—все это въ сильной степени развило его болѣзнь. Я помню, что онъ съ большими усиліями, едва держась на ногахъ, могъ оставить свою койку и выйти на верхъ, въ тотъ несчастный день, когда бригантина наша встала на мель. Надо было удивляться его усиліямъ, съ которыми онъ держался въ долгія noci на опрокинутомъ суднѣ. Съ каждымъ развѣтомъ дня — мы уже не считали его между нами.... Последнія несчастія его сильно истощили. Правда, когда жребій входитъ въ ботъ выпалъ на него перваго, — онъ, казалось, ожилъ.... бодро всталъ и безъ посторонней помощи — бросился въ лодку. Но это оживленіе было дѣйствиємъ минутнаго восторга. Страданія его снова начались на берегу, и одинъ онъ только, въ то время какъ всѣ пользовались отраднымъ усыпленіемъ, провелъ тяжелую и безпокойную ночь.... однако терпѣливо выносилъ свои мученія, не желая тревожить товарищей своимъ стономъ. Утромъ, я первый отправился къ нему, и нашелъ бѣднаго Дранше въ крайней слабости. Скоро собрались около умирающаго и всѣ. Несчастный дрожалъ въ предсмертной лихорадкѣ, холодный потъ струился по его лицу. Безмолвно стояли мы надъ умирающимъ, не имѣя ни средствъ ни возможности помочь ему, или облегчить его страданія.... Но вотъ онъ тяжело вздохнулъ, открылъ глаза, и какъ будто-бы мгновенная радость разлилась по лицу его, при взглядѣ на окружавшихъ его товарищей.

— Братья! Спасибо вамъ за участіе, слабымъ голосомъ сказалъ онъ.... Знаю, послѣдній часъ мой насталъ, и съ упованіемъ встрѣчаю я его.... Благодарю Бога, что вижу васъ всѣхъ спасенными отъ гибели.... Да, добрые друзья мои.... помогите вамъ Творецъ терпѣливо вынести новыя бѣды и снова увидѣть свою родину.... Мнѣ уже не видать ее.... Помолитесь за меня.... Я умираю.... Одна просьба, послѣ минутнаго молчанія добавилъ онъ.... заройте меня здѣсь на бе-

регу, а кто изъ васъ увидитъ жену мою, мою бѣдную Луизу... скажите ей: — въ послѣднюю мою минуту, я молился о ея счастіи!... Дранше набожно перекрестился и смолкъ...

Снопсъ наклонился къ умирающему, пощупалъ пульсъ его, потомъ взглянулъ въ лицо, и крупная слеза упала съ рѣсеницы матроса...

— Онъ... умеръ! тихо и медленно сказала Снопсъ.

Потеря Дранше была для всѣхъ насъ важною и чувствительною потерею. Въ немъ мы лишились храбраго, смѣтливаго и умнаго товарища, какіе много могутъ принести пользы цѣлому обществу въ обстоятельствахъ, подобныхъ нашему.

Кончина его навѣяла на всѣхъ насъ сильную грусть... Она заставила всякаго обратиться къ своему печальному будущему.

Въ-самомъ-дѣлѣ, мы находились на пустынной косѣ острова, гдѣ вся растительность ограничивалась тощею травою, да густымъ, казалось, непроходимымъ лѣсомъ. Вдали на горизонтѣ чернѣлся лѣсъ; но онъ казался намъ раскинутымъ за рѣкою.

Зарывъ нашего бѣднаго Дранше на берегу моря. Мы, послѣ совершенія этой печальной обязанности, пустились вдоль косы, желая обозрѣть мѣстность. Здѣсь намъ удалось найти нѣсколько приплывшихъ съ разрушенной бригантины сундуковъ, нѣсколько кипъ съ товаромъ и шесть боченковъ съ ромомъ и виномъ. Но всѣ эти сокровища, кромѣ крѣпкихъ напитковъ, не составляли для насъ цѣнныхъ и полезныхъ предметовъ. Всѣ наши сундуки и товары мы охотно бы отдали тогда за мѣшокъ сухарей, за пару пистолетовъ, или за два ружья, при помощи которыхъ могли бы мы, на случай встрѣчи съ дикими, имѣть защиту, или добывать дичь. Но главный нашъ недостатокъ, главное наше лишеніе заключалось въ неимѣніи огня. Мы не могли безъ него ни обсушить нашихъ платьевъ, ни обогрѣть окостенѣвшіе отъ стужи члены. Теперь все наше вниманіе, всѣ наши совѣты обратились къ этому предмету. Снопсъ придумалъ употребить средство дикихъ... Мы тотчасъ же принялись тереть дерево объ дерево, но хворостъ не давалъ намъ ни искры.

Въ это время, т. е. когда всѣ упражнялись въ добываніи огня, я замѣтилъ, что волненіе моря совершенно успокоилось, и выдававшаяся въ него коса далеко обмелѣла.

Я отозвалъ Снопса всторону, надѣясь найти въ немъ товарища, готоваго раздѣлить съ кѣмъ бы то ни было всякую удачу и неудачу.

— Чтѣ скажете, капитанъ? спросилъ онъ.

— Послушай, другъ мой, отвѣчалъ я...

— Благодарю за честь, перебилъ англичанинъ, комически взявшись за широкія полы своей шляпы.

— Я не шучу... Не шути и ты...

— Куда тутъ... до шутокъ ли, когда нечего положить на зубы, которые я обколочу къ вечеру отъ стужи.

— Время дорого, добрый мой Снопсъ... Не будемъ пустословить.

— Извините... У меня такая скверная привычка: французы ее привили. Извольте приказывать: буду слушать...

— Я прошу тебя быть миѣ товарищемъ въ одномъ дѣлѣ, которое принесетъ общую пользу и быть-можетъ спасетъ насъ отъ гибели...

— О, въ такомъ случаѣ, велите умереть Снопсу: онъ тотчасъ же вытянется, какъ воловья жила, и закапывайте его... Говорите, говорите, капитанъ...

— Я былъ увѣренъ въ тебѣ, Снопсъ... Ты добрый и славный малый, а что всего лучше — хорошій морякъ.

Снопсъ сдѣлалъ гримасу, выражавшую что-то въ родѣ сладенькой улыбки. Я зналъ его слабую струну, его матросское самолюбіе, и потому, не совѣтуя пустословить, пожертвовалъ самъ двумя, тремя лишними словами...

— Вотъ видишь ли... У насъ нѣтъ ни огня, ни сухарей, ни одѣялъ, ни ружей, ни пороху...

— Да просто бы сказали: ничего нѣтъ...

— Ну-да! Теперь, понимаешь ли, надо добыть ихъ...

— А! то-есть вы приглашаете меня прогуляться до нашего славнаго «Барса», изувѣченнаго волнами... Извольте... Но какъ?

— На ботѣ.

— Капитанъ! Вы шутите?

— Нѣтъ... На ботѣ, говорю тебѣ...

— Да, помилуйте онъ сквозить, какъ рѣшето...

— Законопатимъ... Замажемъ.

— А чѣмъ?

Въ опасностяхъ человѣкъ или бываетъ слишкомъ глупъ, или ужь очень разуменъ.

Точно такъ и я, предлагая законопатить судно, еще не подумалъ о средствахъ и матеріалѣ, которыхъ не было подъ рукой.

— Что же вы молчите, капитанъ? спросилъ Снопсъ, сопровождая слова свои откровеннымъ смѣхомъ, который такъ хорошо характеризовалъ его рыбью натуру.

— Да, виноватъ... отвѣчалъ я... этого я не обдумалъ...

— Но, позволь, продолжалъ я... Есть, есть, другъ мой Снопсъ!

— Ага! Догадались... Ну и я тоже! Оберемте у пріятелей носовые платки, галстуки, а я пожертвую своей курткой, вотъ и конопатка... Къ дѣлу, капитанъ.

Въ полчаса, при общей жертвѣ платковъ и галстуковъ, ботъ былъ исправленъ. Снопсъ и я спустили его на воду и благополучно добрались до бригантины.

Убыль воды намъ много помогла въ нашемъ предіриятіи. Судно обмелѣло совершенно, и накренившись на бокъ, безъ всякой человѣческой помощи облегчилось отъ груза вытекшей изъ него воды. Но однако вещи наши были почти все затоплены, и потому намъ стоило не малаго труда отыскать тѣ предметы, которые составляли цѣль нашей экспедиціи... Все было изломано, перебито и разбросано. Однакожь намъ попался подъ руку боченокъ пороху, фунтовъ въ двадцать пять. Онъ былъ, на наше счастье, поставленъ въ такомъ мѣстѣ, куда вода не вливалась. Къ этому еще мы нашли шесть ружей, изъ которыхъ за однимъ отчаянный Снопсъ разъ пять нырялъ въ палубу; потомъ намъ удалось набрать паръ до десяти тонкихъ платковъ, дюжину байковыхъ одеялъ, три колпака, да мѣшокъ съ полупудомъ сухарей и саженой сто веревокъ... Вотъ все, что составляло теперь наше богатство, если прибавить къ этому пару топоровъ.

Совершенно довольные своимъ походомъ, мы оставили бригантину, и нагрузивъ ботъ, отправились съ добычею на берегъ. Сначала шло все хорошо. Мы плыли спокойно, безъ неприятныхъ встрѣчь, разговаривая о томъ, какое утѣшеніе привеземъ нашимъ товарищамъ... Вотъ, уже мы вступили на глубину; еще двадцать ударовъ досками, замѣнявшими намъ весла, и мы на отмели, какъ вдругъ—справа у борта выскочило нѣсколько платковъ... вода съ визгомъ полилась въ нашу лодку...

— Снопсъ! мы погибли! вскричалъ я...

— Ничего! ничего, капитанъ! Больше хладнокровія! отвѣчалъ онъ, сбросивъ съ себя куртку и заткнувъ ею наскоро пробоину, добавилъ: придерживайте ногой мою куртку... Вотъ такъ! Теперь берите боченокъ съ порохомъ... Берегите его отъ воды... Хорошо! Ну... веревку!..

Говоря это, находчивый Снопсъ привязалъ веревку къ кормовой части бота, который несмотря на смолистую куртку матроса, наливался водою, потомъ мой товарищъ схватилъ въ зубы другой конецъ веревки и бросился вплавъ къ берегу... Здѣсь его встрѣтила толпа друзей и ботъ мой былъ вытасченъ на отмель. Я и моя поклажа были, разумѣется, приняты съ восторгомъ. Не теряя ни минуты, я велѣлъ набрать охапки сухаго хвороста, которымъ въ-особенности изобилывалъ нашъ

островъ... Скоро яркимъ и веселымъ пламенемъ вспыхнули три костра... Мы раздѣлились на группы, и теперь, совершенно забывая свое горе, принялись сушить одѣяла и платье, между-тѣмъ какъ трое матросовъ, исправя ружья, отправились за дичью. Самъ я занялся промывкою въ рѣчной водѣ сухарей, которые много поиспортились, плавая трое сутокъ въ палубѣ. Черезъ часъ у насъ былъ самый гастрономическій ужинъ, заключавшійся въ трехъ парахъ застрѣленной дичи и сухаряхъ, при чемъ каждый изъ насъ разрѣшилъ въ этотъ вечеръ выпить кружку рома. Наступившую ночь мы провели у огня, закутавшись въ наши одѣяла, и совершенно довольные своимъ положеніемъ... Разумѣется, это довольство продолжалось только до утра, съ наступленіемъ котораго мы невольно обмѣнялись другъ съ другомъ вопросами о томъ, что намъ предпринять... Уныніе снова овладѣло нами, когда мы вникли въ свое незавидное положеніе... Еще тысяча лишений, быть-можетъ, шли намъ на встрѣчу; къ тому же мы находились въ мѣстахъ совершенно намъ незнакомыхъ, въ пустынѣ, на которой не было замѣтно и слѣда человѣческаго, безъ признаковъ жилья, отыскивая которое, мы легко могли заблудиться въ лѣсахъ и топяхъ, погибнуть по одиночкѣ отъ усталости, истомленія, или подъ ножомъ дикаря. Надо прибавить еще и то, что по первой рекогносцировкѣ мѣстности, мы нашли, что отдѣлены отъ твердой земли глубокими и широкими рѣками. Но всего болѣе насъ ужасала встрѣча съ дикими. Снопсу извѣстно было, что туземцы, обитающіе въ ущеліяхъ и полянахъ Апполачскихъ горъ, на зиму оставляютъ свои хижины и перебираются на острова, для звѣриныхъ промысловъ. Здѣсь обыкновенно промышленники остаются до апрѣля мѣсяца, и потомъ съ добычею возвращаются на твердую землю. Такая новость еще болѣе испугала насъ. Теперь мы находились въ грустной неизвѣстности: не зная, имѣемъ ли мы пріятныхъ сосѣдей, или нѣтъ. Малѣйшая оплощность съ нашей стороны вела насъ къ гибели. Легко могло случиться, что при нечаянномъ нападеніи толпы дикихъ, мы подверглись бы неизбѣжной опасности, особенно, въ томъ случаѣ еслибъ бы жадные недруги замѣтили наше невзрачное богатство...

На этомъ совѣтѣ болѣе всѣхъ и, разумѣется, разумнѣе всѣхъ разсуждалъ опытный Снопсъ.

— Все это, друзья мои, еще не бѣда, сказалъ онъ: если мы лишимся нашихъ одѣялъ и колпаковъ; а есть обстоятельства поважнѣе...

— Что же такое? спросило нѣсколько голосовъ.

— Нашъ ромъ и водка, товарищи... Сохрани Богъ, если дикари доберутся до нихъ... ужъ скажутъ намъ за это угощеніе спасибо... перепьются, и мы пропали...

— Правда, правда! отозвались мы, съ печальнымъ предчувствіемъ, взглянувъ на наши бочки.

— Да, продолжалъ Снопсъ: хотя, признаться, положи руку на сердце, ромъ и водку я люблю и уважаю неменьше дикихъ американцевъ, а, право, пожертвовалъ бы ими за цѣлость моего черепа, который часто побаливалъ отъ крѣпкой виски...

— Что же ты думаешь сдѣлать.

— Боченка два поглубже зарыть въ землю, а изъ остальныхъ вылить утѣху въ море; пусть ужъ на нашъ счетъ гуляютъ акулы...

Умный совѣтъ матроса былъ принятъ цѣлымъ обществомъ, и тотчасъ же исполненъ...

Слѣдующія два дни, ожидая встрѣтить въ виду береговъ какое-нибудь судно, мы провели въ страшномъ безпокойствѣ... Мысль о приходѣ дикарей не разлучалась съ нами, при чемъ всего болѣе, на случай непріязненной встрѣчи съ ними, мы особенно боялись разлучиться другъ съ другомъ. Избѣгая нечаяннаго нападенія, мы день и ночь содержали караулъ, стараясь каждую минуту быть на готовѣ.

22 февраля вся наша несчастная семья, изнуренная бессонницею, утромъ рѣшилась отдохнуть... Но едва только мы расположилась у нашего скарба, какъ громкій крикъ...

— Вставайте, вставайте!... Дикари! заставилъ насъ вздрогнуть.

Еслибы полсотни гранатъ, упавши, лопнули въ срединѣ нашего кружка, то и этотъ взрывъ далеко не произвелъ бы того эффекта, какъ слово: дикари!...

Почти все мои храбрые друзья, въ паническомъ страхѣ, готовы были бросится въ разсыпную...

— Куда вы! вскричалъ я: остановитесь!...

— Куда, вы, чортъ возьми!... повторилъ раздосадованный Снопсъ... къ ружью, трусы!... къ ружью, говорю!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, отозвался Десклау: по одиночкѣ они насъ всѣхъ перебьютъ...

— Мало того, перевѣшаютъ, распилятъ и съѣдятъ, если угодно! замѣтилъ Снопсъ.

Последнее убѣжденіе, кажется, подѣйствовало на нашихъ товарищей: одни изъ изъ нихъ взяли за топоры, другіе за ружья, и, какъ испуганныя овцы, столпились около насъ... Замѣтно было, что въ толпѣ этихъ неустрашимыхъ мореходовъ каждый старался остаться назади.

А тѣхъ, кто надѣлалъ намъ столько тревоги, не было видно ни направо, ни налево.

— Ну, началъ я, скажите друзья мои: кто-же это произвелъ тревогу?

— Я, отозвался Ла-Катюръ.

— Гдѣ-же дикари?

— Я видѣлъ ихъ за холмомъ...

— А сколько ихъ?...

— Разглядѣть не могъ...

— Да, вотъ-вотъ они... вскричалъ Снопсъ... разъ, два... четыре... А! и пятый! Фу-ты пропасть, чего-жь мы перетрусились: ихъ только пятеро...

— Да и къ тому же, замѣтилъ Десклау, въ числѣ ихъ три женщины...

— Однако они все съ ружьями! сказала я...

— Я вижу даже у нихъ за плечами топорики, подхватилъ Снопсъ... Воинство вооружено хорошо, но скверно обмундировано... они безъ сапогъ... Клянусь честью, продолжалъ матросъ, мы купимъ ихъ дружбу за старья голенища... Господа, позвольте мнѣ быть вашимъ парламентаромъ.

— Ступай, Снопсъ, иди, иди! — Снопсъ съ важною миною навязалъ на дуло своего ружья пестрый платокъ и выступилъ впередъ, приказавъ намъ держать ружья на прицѣлѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы съ удивленіемъ увидѣли, что представитель нашего общества довольно бѣгло объясняется съ дикими...

— Чтѣ за чудо! чтѣ за странность!... Да это чортъ!.. Да это просто золотой человѣкъ!

Но это чудо скоро разрѣшилось тѣмъ, что одинъ изъ дикарей довольно удачно объяснялся на испанскомъ языкѣ, а этотъ языкъ былъ хорошо знакомъ мистеру Снопсу, который съ этой минуты уже рѣшительно завладѣлъ общимъ нашимъ уваженіемъ.

Когда новые наши знакомцы подошли къ намъ, мы узнали, что просвѣщеннаго дикаря зовутъ Антоніемъ, и что онъ изъ Апполачскихъ горъ, — и кочуетъ въ виду крѣпости св. Марка, а теперь зимуетъ на островѣ, находящемся въ трехъ миляхъ отъ нашего. Встрѣтивъ на берегу своего жилища отломки отъ нашей бригантины, онъ, по его рассказу, рѣшился осмотрѣть окрестность, надѣясь найти бѣдствующихъ и помочь имъ.

Въ свитѣ его находилась вся его семья: мать, жена, сестра и племянникъ. Переговорить съ нимъ мы поручили Снопсу, который и приступилъ къ дѣлу, поподчивавъ прежде всехъ дикарей ромомъ и предло-

живъ имъ въ подарокъ пары три куртокъ и колпакъ, особенно понравившійся Антонію.

Послѣ долгаго и, повидимому, дружескаго разговора между дикаремъ и Снопсомъ, послѣдній объяснилъ намъ, что онъ просилъ Антонію провести насъ до крѣпости св. Марка, за что обѣщаль ему хорошую награду.

— Ну, и что же, согласился онъ? спросилъ я...

— Кажется, отвѣчалъ Снопсъ... Вотъ еще увидимъ. Между-тѣмъ, Антонію, отвѣда восторону свою семью, началъ совѣтоваться съ каждымъ изъ ея членовъ.

Мы не спускали внимательнаго взгляда съ нашихъ гостей, которыхъ разговоръ длился съ добрый часъ, при чемъ нельзя было не замѣтить быстрыхъ и энергическихъ тѣлодвиженій Антонію, безпрестанно указывавшаго на наши ружья и богатство...

Послѣднее обстоятельство заронило въ душу нашу страшное подозрѣніе... но скоро открытый видъ дикаря, возвратившагося къ намъ, и его простодушная фізіономія успокоили насъ... Несчастные, какъ дѣти, довѣрчивы!

Антонію простился съ нами и обѣщаль на другой день явиться къ намъ съ запасною пирокою. Онъ увѣряль, что мы находимся отъ крѣпости св. Марка только въ десяти миляхъ; но это былъ обманъ, какъ обнаружилось послѣ: съ крѣпостью насъ раздѣляло разстояніе 26 миль. Къ нашему несчастію, между нами не нашлось ни одного свѣдущаго чело-вѣка, знакомаго съ мѣстностію Апполачскихъ горъ, и потому хитрость удалась дикарю.

И такъ Антонію отправился обратно съ нашими подарками, взявъ съ собою трехъ нашихъ мотросовъ.

Дикарь сдержаль свое слово, и явился на другой день, но не съ двумя, а съ одною пирокою, что породило для насъ еще новое горе. Веѣ мы не могли отправиться въ его хижину, гдѣ предполагалось отдохнуть и потомъ слѣдовать до крѣпости; разлука же для насъ была и опасна и тяжела... Но дѣлать было нечего; взявъ съ собою половину своего имущества, шестеро изъ насъ рѣшились отправиться съ дикаремъ.

Снопсъ предложилъ мнѣ ѣхать въ первой партіи.

— Капитанъ, сказалъ онъ, будетъ очень умно, если вы поѣдите теперь съ этимъ недовѣркомъ: тогда оставшаяся здѣсь половина друзей будетъ спокойна, въ томъ, что ихъ не забудутъ... къ тому же, если дикарь и раздумаетъ докончить начатое дѣло, такъ вы съумѣете его къ тому принудить... поѣзжайте съ Богомъ... я остаюсь здѣсь.

Мы отправились... Плаваніе на вертлявой лодчонкѣ продолжалось

недолго... Передъ закатомъ солнца Антонио насъ высадилъ на обитаемый имъ островъ, гдѣ мы встрѣтили и отбившихъ вчера товарищей.

Теперь, первымъ моимъ дѣломъ былъ приступить къ дикарю съ просьбою, чтобы онъ отправился снова за оставшимися на Собачьемъ-островѣ пятью матросами, но дикарь не соглашался исполнить этого скоро, и предлагалъ отвезти насъ прежде на твердую землю. Разумѣется, все мы единогласно отвергли это предложеніе. Между-тѣмъ упрямство Антонио начало въ глазахъ моихъ становиться подозрительнымъ. Я ясно видѣлъ, что онъ ищетъ случая раздѣлить наши силы... однакожъ успѣлъ настоять на своемъ, и послѣ двухъ дней усиленной просьбы, Антонио пустился въ путь, а 28 февраля, мы обняли нашихъ товарищей... Эта встрѣча была для насъ большимъ утѣшеніемъ.

Число наше ограничивалось 14 человекъ, но несчастія такъ связали насъ, что мы составляли одну дружную семью. Незвѣстность страшна, какъ и явная опасность, а потому все мы послѣ трехъ дней, проведенныхъ въ хижинѣ дикаря, которую онъ уступилъ намъ, приступили къ нему, прося его сдержать данное намъ слово и доставить насъ на твердую землю... Но теперь уже ясно было, что дикарь старался насъ обмануть, и прельщенный нашимъ багажемъ рѣшился завладѣть имъ... Теперь онъ избѣгалъ встрѣчи съ нами. Каждый день уходилъ съ семьею своею на рыбный или звѣриный промыселъ... оставляя, какъ мы догадывались, надзирать за нами своего племянника; иногда пропадалъ по цѣлымъ днямъ. Недоумѣнія и опасенія наши росли съ каждымъ часомъ...

Однажды вечеромъ, послѣ долгаго отсутствія Антонио, которое чрезвычайно встревожило все наше общество, Снопсъ — приготовляя лампу изъ рыбьяго жира: завелъ разговоръ о дикарѣ...

— А что, товарищи, сказалъ онъ; долго вы думаете еще гостить у нашего почтеннаго друга... Вѣдь сказать по совѣсти, которая у Снопса чиста... нашъ другъ большой мошенникъ....

— Правда, Снопсъ, отозвался Ла-Катюръ: я раздѣляю твое мнѣніе....

— Ну, а вы, капитанъ? спросилъ матросъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я?... Я, мистеръ Снопсъ, давно объ этомъ думалъ; но не рѣшался высказывать моихъ подозрѣній....

— Однако, капитанъ, чего вы ждете отъ этого молодца?

— Думаю, что онъ непрочь обокрасть насъ....

— Гм.... Только! Ну, на этотъ счетъ будьте спокойны.... Я давно по этому предмету распорядился, и мною, Бульи и Натцомъ учреж-

день постоянный караулъ... Нѣтъ, капитанъ, нѣтъ! Его затѣи, какъ мнѣ кажется, общають намъ больше бѣдъ....

— Что ты говоришь, Снопсъ?

— А то — друзья мои, что разбойникъ Антоніо поджидаетъ товарищей, чтобы перерѣзать насъ, повѣрьте мнѣ.... Снопсъ не умѣетъ ошибаться....

— Неутѣшительно, проворчалъ Бульи.... Мое бы мнѣніе, сказалъ онъ.... Рѣшить, да и кончено....

— Рѣшить! отозвался Снопсъ.... Да что рѣшить-то, умная голова?

— А просто....

— Ну-ко, ну ко... отличись, Бульи! раздалось со всѣхъ сторонъ...

— Что-жь и отличусь.... Дѣло неважное.... Просто, говорю, въ одинъ прекрасный день выпить по лишней чаркѣ виски....

— Только-то.... Ну это, въ-самомъ-дѣлѣ очень просто!

— Постой, мистеръ Снопсъ, не перебивай.... Выпить, говорю, для храбрости.... бросься на дикарей....

— Ну?...

— Ну и капутъ, а тамъ завладѣемъ ихъ лодкой....

— Нѣтъ это не дѣло... За что же мы ихъ убьемъ, сказалъ я: когда мы только подозрѣваемъ ихъ въ измѣнѣ.... по подозрѣніе еще бездоказательно....

— Правда, капитанъ, сказалъ Снопсъ.... Вы справедливы, но осмѣлюсь доложить, что не дурна и мысль Бульи....

— Какъ, убійство!

— Зачѣмъ.... Не возьмемъ грѣха на душу, а перевежемъ ихъ такъ, чтобъ ужъ они не дрогнули.... и на лодку....

— Нѣтъ, Снопсъ, сказалъ я... я не согласенъ съ тобою....

— Почему же бы это?

— Во-первыхъ, потому, что намъ совершенно неизвѣстенъ путь на твердую землю, а во-вторыхъ, что уже мы тогда не жди спасенія... Встрѣчные дикари узнаютъ о нашемъ насиліи.... и....

Снопсъ задумался.

— Ну, какъ знаете, сказалъ онъ, махнувъ рукою.... Я же буду дѣлать свое дѣло. Завтра, какъ смола прилиплю къ дикарю, какъ пивка повисну у него въ ухѣ, и до-тѣхъ-поръ не отстану отъ него, пока онъ не дастъ мнѣ слова, сейчасъ доставить насъ на твердую землю...

Тѣмъ нашъ совѣтъ и кончился. Послѣ мы много сожалѣли, зачѣмъ не послушались предложенія Снопса.

Прошло еще пять дней, Антоніо не являлся. Въ это время мы питались рыбою и стрѣляли дичь, а между-тѣмъ старались сберечь

запасъ нашихъ сухарей, изъ которыхъ на долю каждаго выдавалось по два золотника въ сутки.

Снопсъ не дремалъ и, вооруженный винтовкою, дни и ночи бродилъ въ окружныхъ лѣсахъ, стараясь встрѣтить Антоніо; наконецъ ему удалось поймать дикаря и привести его къ намъ.

Подарки и наши усиленные просьбы, наконецъ, заставили Антоніо исполнить то, чего мы такъ долго ждали.

Пятаго марта мы уложили въ лодку лучшую часть нашего богатства, и въ числѣ восьми человекъ отправились въ путь. Въ первой партіи плыли: я, Десклау, Ла-Катюръ, жена его съ сыномъ, мой арапъ, нашъ добрый товарищъ Снопсъ и дикарь. Трое дикихъ и семь нашихъ матросовъ, съ которыми мы не могли разстаться безъ слезъ, остались на островѣ. Минута этого разставанья была для насъ самою грустною минутою: мы, какъ-будто бы знали, что расстаемся навѣки.

Давно ожидаемый нами отъѣздъ — былъ началомъ тѣхъ страшныхъ бѣдъ, которыя превзошли ужасомъ все наши первыя несчастія.

Утро было теплое и ясное, когда мы пустились въ дорогу. Антоніо увѣрялъ насъ, что время переѣзда нашего ограничится небольшою, какъ двумя сутками. Безумно довѣряя словамъ его, мы только на это короткое время взяли припасовъ. Догадливый и осторожный Десклау, опасаясь непредвидимыхъ случаевъ, тайно запасся еще на два дня. Весь нашъ провіантъ состоялъ въ семи фунтахъ сухарей, въ шести кускахъ медвѣжьего мяса и въ передней части соленого дикаго козла. Проплывъ не болѣе трехъ миль, Антоніо остановился, и заставилъ насъ сдѣлать привалъ на цѣлыя сутки, которыя провели мы на пустынномъ островѣ. Наше безпокойство и опасеніе за будущее — усилились, когда, вмѣсто обѣщанныхъ двухъ сутокъ, дикарь шесть дней перевозилъ насъ съ одного острова на другой. Припасы наши истощились, и теперь пища наша состояла только въ устрицахъ, которыя мы находили по берегамъ рѣкъ.

Прошло еще нѣсколько дней, и мы все оставались все въ той-же печальной неизвѣстности. Дикарь имѣлъ обыкновеніе пускаться въ дорогу при восходѣ солнца, и проплывъ часа два или три — остальное время дня и ночь проводилъ въ отдыхѣ. Нерѣдко случалось, что мы приставали къ мѣстамъ, лишеннымъ всякой растительности, и на которыхъ нельзя было достать прѣсной воды.

Однажды, поздно вечеромъ, мы расположились отдохнуть на голомъ островѣ. Истомленные дурною пищею, тоскою и трудами переѣзда, товарищи мои скоро заснули. Наступила ночь, мрачная и холодная. Возлѣ меня, завернувшись въ одѣяло, помѣстился Снопсъ. Мы оба не спали, тихо разговаривая о нашей печальной участи.

— Знаете, что я вамъ скажу, капитанъ, понизивъ голосъ, сказалъ Снопсъ.... Я рѣшилъ, по долгой наблюдательности, что мы не иначе будемъ спасены, какъ отдѣлавшись отъ дикаря....

— Я самъ тоже думаю, отвѣчалъ я: теперь уже нѣтъ болѣе сомнѣнія, что Антонио злодѣй хитрый, коварный....

— Именно.... Онъ пользуется нашимъ несчастнымъ положеніемъ, и доведя насъ до крайняго истощенія, уморитъ насъ непременно.

— Что же ты думаешь предпринять, Снопсъ?

— Завладѣть лодкою, дикаря оставить на островѣ, и въ путь; по моимъ примѣтамъ материкъ недалеко.

— Я готовъ согласиться, другъ мой, сказалъ я, но посоветуемся съ товарищами: что скажутъ на это Ла-Катюръ и Десклау.

Съ этими словами мы осторожно разбудили ихъ и сообщили имъ нашъ планъ.

Десклау и Ла-Катюръ въ половину соглашались на наши предложеніе.

— Обождете еще одинъ день, сказалъ первый изъ нихъ. Завтра, когда будемъ на водѣ — мы постараемся припугнуть дикаря, и изъ его замѣшательства легко увидимъ, точно ли онъ заблудился, или съ предательскимъ намѣреніемъ возитъ насъ съ одного острова на другой....

— Въ послѣдней догадкѣ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія? отозвался Снопсъ.

— Однако жъ это бездоказательно! возразилъ Ла-Катюръ.

— Бездоказательно, говорите вы? А что, по вашему мнѣнію, значить это упрямство, съ которымъ Антонио, какъ черепаха подвигается впередъ, дѣлая съ нами неболѣе двухъ миль въ сутки! Нѣтъ, господа, послѣдній разъ напоминаю вамъ, что мы для своего спасенія должны рѣшиться немедленно на это дѣло.... Еще день, два, и съ нами останется одно отчаянное раскаяніе....

— Но до утра недалеко, сказалъ Десклау.... Теперь врагъ нашъ, замѣтя наше непріязненное намѣреніе, пожалуй еще успѣетъ скрыться въ темнотѣ ночи, и мы безвозвратно погибнемъ подъ ножами его друзей.... А что они насъ същуютъ, въ томъ нельзя сомнѣваться....

Снопсъ и я, по какому то предчувствію, сильно настаивали приступить къ дѣлу сейчасъ, но все наши убѣжденія остались недействительными, и мы принуждены были исполненіе нашего плана отложить до утра.

Скоро мы заснули. Сонъ мой былъ неспокоенъ и коротокъ... Я часто вздрагивалъ, тревожимый какими-то видѣніями, съ испугомъ пробуждался и оглядывалъ мрачную окрестность. Передъ утромъ, мнѣ предста-

вилось, что будто бы я нахожусь на берегу моря и ясно вижу, какъ дикій оттолкнулся отъ этого берега и поплылъ отъ насъ въ своей лодкѣ, работая изо всѣхъ силъ веслами и стараясь скорѣе достигнуть глубины и середины перевала. Это видѣніе такъ испугало меня, что я съ крикомъ проснулся и разбудилъ моихъ товарищей. . . Но успокоенный Снопсомъ, который указалъ мнѣ на спавшаго отъ насъ въ недалекомъ разстояніи Антонію, я снова заснулъ. Однако, спустя полчаса, тотъ же страшный сонъ—нарушилъ мое забытѣ. Съ замирающимъ отъ страха сердцемъ я поднялся на ноги, и не видя на мѣстѣ дикаго, бросился къ берегу. . . Вотъ я уже достигъ того мѣста, гдѣ наканунѣ была привязана наша лодка — и отчаяніе мое разрѣшилось неистовымъ воплемъ ужаса.

— Опъ уѣхалъ! рыдая вскричалъ я. Лодки нѣтъ!.. слышите вы. . . Слышите. . . Снопсъ! ла-Каторъ. . . Всѣ, всѣ сюда! Дикій насъ оставилъ. Мы погибли. . .

О! не возможно высказать того отчаянія, которое овладѣло тогда нами. Безъ слезъ рыдая, мы проклинали нашего злодѣя, страшась сдѣлать другъ-другу обійей вопросъ: что намъ теперь дѣлать? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ эту минуту мы горько сожалѣли о томъ неуѣтномъ снисхожденіи, которымъ подарили дикаго.

— Теперь наше положеніе превосходило своимъ ужасомъ всѣ тѣ бѣды и несчастія, которыя мы испытали.

Мы были брошены на пустомъ островѣ, безъ надежды на чью-либо помощь, безъ нищи и безъ средствъ добывать ее. Изъ платья у насъ оставалось только, что было надѣто на плечахъ нашихъ, да по одному одѣялу. Все прочее имѣніе, ружья, бѣлье, запасную обувь, все укралъ Антонію. До настоящаго дня мы имѣли обыкновеніе, располагаясь на ночлегъ, брать съ собою шпаги, а въ эту несчастную ночь никто изъ насъ не сдѣлалъ даже и этого запаса.

Все наше оружіе заключалось теперь въ дурномъ ножѣ, который, по счастью, нашелся у меня въ карманѣ, и только я одинъ былъ вооруженъ такъ страшно! На островѣ не произрастало ни одного здороваго корня, на деревьяхъ никакого плода; даже, въ этомъ мѣстѣ, и море не выбрасывало ни одной раковины. Искавши послѣднихъ мы исходили нѣсколько верстъ берегомъ, и совершенно напрасно,—ничто не утѣшало насъ, и только страшный голодь увеличивался съ каждою минутою.

Истомленные и обезсиленные, мы расположились на противоположной оконечности нашего пустыннаго островка. Горе и страданіе выражались на каждомъ лицѣ. . . Грустное молчаніе царствовало въ семьѣ нашей; никто не возвышалъ своего голоса; каждый изъ насъ страдалъ без-

молвно, не имѣя силъ высказывать своего горя, или роптать на несчастіе. Солнце высоко стояло на горизонтѣ, когда, утомленные, мы бросились на голую землю. Передъ нашими глазами разстлалось море, отдѣлявшее отъ насъ, въ разстояніи версты, другой островъ, на которомъ мы имѣли наканунѣ привалъ съ дикимъ. Я вспомнилъ, что на этомъ островѣ намъ въ изобиліи попадались раковины съ устрицами и рыбками, также раки и чистая вода. Объ этомъ я, разумѣется, сообщилъ моимъ товарищамъ.

— Проклятый предатель! глухо отозвался Снопсъ: хоть бы онъ бросилъ насъ на томъ берегу...

— Да, да!—сказалъ Ла-Катюръ, смотря жадными глазами, то на отдаленный островъ, то съ трепетомъ, въ которомъ высказывалась его душевная тоска, на свою жену и сына.. Да, сказалъ онъ, я бы простилъ его зло, еслибы онъ не совсѣмъ отнял у насъ надежду существовать еще нѣсколько дней.

— Однакожъ и въ-самомъ-дѣлѣ, началъ Снопсъ, нельзя-же оставаться намъ на этомъ камнѣ, надо быть изобрѣтательнѣе... Ну, господа, рѣшимъ, на общемъ совѣтѣ, какъ бы намъ перебраться въ гости къ устрицамъ и ракамъ.

Десклау горько улыбулся на слова матроса.

— Какія же могутъ быть средства, какъ не одно, и самое опасное—переплыть.

— Почему вы называете его опаснымъ?..

— Оттого, что не хватитъ силъ переплыть, при нашѣмъ истощеніи, разстояніе слишкомъ въ версту...

— Ну, не много менѣе... Что же касается до меня, замѣтилъ я, то мысль о ракахъ и устрицахъ воскрешаетъ мои силы, и я бы рѣшился.

— Къ тому же, подхватилъ, Снопсъ, вы видите, какъ много тутъ островковъ, а потому нельзя предполагать въ этихъ маленькихъ проливахъ большой глубины, и я увѣренъ, что здѣсь пловець встрѣтитъ не одну отмель, на которой успѣетъ отдохнуть... Для лучшаго же и вѣрнаго успѣха, я пожалуй рискну изслѣдовать эту мѣстность...

Всѣ мы, благодарные великодушію Снопса, уже готовы были согласиться на его предложеніе, какъ вспомнили о женѣ Ла-Катюра и его сынѣ, которые рѣшительно не умѣли плавать

Постойте-ка, сказалъ изобрѣтательный матросъ, задумавшись на минуту... Приставая вчера къ берегу, я замѣтилъ на немъ нѣсколько выброшенныхъ моремъ досокъ... Что если бы изъ нихъ смастерить плотъ?...

— Не дурно, Снопсъ, очень недурно... Но чемъ мы его скрѣпимъ?

— А нашими одѣялами, которыя до ночи еще успѣютъ высохнуть на солнцѣ.

— Ну и прекрасно! отозвались всѣ.

Надежда на скорое удовлетвореніе голода воодушевляла насъ, и не теряя ни минуты, мы приступили къ дѣлу. Доски были найдены, связаны и спущены на воду. Положеніе, въ которомъ находились мы, не могло стѣнять насъ приличіемъ, а потому, желая выйти изъ воды сухими, мы должны были раздѣться, и уложивъ свое платье на плотъ, на которомъ помѣстилась г-жа Ла-Катюръ съ сыномъ, пустились въ нашъ опасный путь. Я, Снопсъ и арабъ были впереди, по сторонамъ плота, подталкивая его впередъ, плыли Ла-Катюръ и Десклау. Я и арабъ имѣли въ зубахъ одѣяло, которымъ тащили углый и вертлявый плотъ.—Снопсъ указывалъ намъ дорогу, изрѣдка опускаясь въ воду и мѣряя глубину. Прозорливый матросъ угадалъ, что мы встрѣтимъ нѣсколько мелей, которыя облегчатъ намъ путь. Такъ и случилось.... При этомъ переходѣ мы сдѣлали нѣсколько отдыховъ, и чрезъ часъ или полтора достигли островка.

Нельзя было не замѣтить, что г-жа Ла-Катюръ во все время трудной и опасной переправы не выказала нисколько страха. Надо признаться, что во всѣхъ горестныхъ случаяхъ, постигавшихъ насъ, она сохраняла удивительную твердость, и товарищество ея нисколько не было намъ въ тягость; напротивъ, ея присутствіе и ея примѣръ часто ободряли, успокоивали насъ и научали терпѣнію...

Когда былъ утоленъ голодъ, у насъ родился другой недостатокъ: отсутствіе огня. На всемъ островѣ невозможно было добыть кремешка или камня, а между-тѣмъ близилась холодная ночь. Но надо было покоряться обстоятельствамъ, и потому, съ твердостію вынося это лишеніе, мы съ восторгомъ привѣтствовали восходъ солнца...

Такъ прошло десять, а быть-можетъ, что и болѣе, дней, о печальномъ однообразіи которыхъ бесполезно рассказывать...

Однажды, во-время нашихъ разговоровъ, цѣлью которыхъ было, разумѣется, постоянное желаніе добраться до твердой земли, мы вспомнили, что у сосѣдняго острова, гдѣ также имѣли ночлегъ, видѣли мы старую лодку, брошенную на берегу. Это открытіе навело насъ на мысль достигъ ветхой ладьи, исправить ее и перебраться черезъ проливъ, который отдѣлялъ насъ отъ твердой земли. За эту мысль мы ухватились, какъ за вѣрное избавленіе... Утопающіе хватаются за соломенку; кто же мѣшалъ намъ, въ нашемъ положеніи, не мечтать о

возможности въ рѣшетѣ переправиться на твердую землю. Снопсъ, Десклау и Ла-Катюръ долго думали, какъ бы лучше осуществить нашу надежду. По нашимъ разсчетамъ, отъ драгоценной лодки насъ отдѣляло пространство воды мили въ четыре или пять. Препятствія были соображены... Мы знали, что намъ придется переилывать устья рѣкъ и море; но это не остановило насъ, и мы рѣшились, въ тотъ же день отправиться въ путь. Жена Ла-Катюра сынъ его и мой арабъ остались на островѣ. Мы общались имъ, если успѣемъ починить пирогу, тотчасъ явиться за ними, если нѣтъ, то тѣмъ же путемъ и при тѣхъ же условіяхъ возвратиться, назадъ.

Предпріятіе это заключало въ себѣ нашу послѣднюю надежду— успѣхъ его былъ предметомъ нашего разговора во всю дорогу, что не мало сократило ее и даже ободрило наши силы.

Послѣ трехъ-часоваго пути, въ-продолженіе котораго, къ нашему благополучію мы не встрѣтили нигдѣ ни широкихъ, ни глубокихъ рѣкъ и проливовъ, партія наша должна была остановиться, встрѣтивъ рѣку шириною, по-крайней-мѣрѣ, въ четверть мили.

Рѣшась, переплыть ее, мы должны были отдохнуть и собрать наши силы.

Но нетерпѣніе Снопса, желавшаго скорѣе увидѣться съ нашимъ сокровищемъ, принудило насъ отправиться послѣ отдыха весьма короткаго.

Несмотря однакоже на наше истомленіе, мы счастливо перебрались на противоположный берегъ и почти безъ чувствъ упали подлѣ найденной лодки, которая оказалась такъ ветха, что разрушила все наши надежды. Но Ла-Катюръ и Десклау рѣшились чинить ее. Мы помогали имъ, и на кончатку употребили наши одѣяла, куртки и траву. Холодный вечеръ заставилъ насъ подумать объ огнѣ, причѣмъ я вспомнилъ, что на этомъ самомъ островѣ дикарь перемѣнялъ кремень на своемъ ружьѣ и бросилъ его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы разводили огонь. Не говоря никому ни слова о моемъ открытіи, я бросился отыскивать мое сокровище. Дойдя до замѣченнаго мѣста, я не оставилъ безъ вниманія ни одного оврага, ни одного куста и, право, перещупалъ каждую травку. Уже наступили полныя сумѣрки, грустный и разочарованный въ моихъ надеждахъ, я готовъ былъ отправиться къ моимъ друзьямъ, какъ вдругъ что-то твердое попало мнѣ подъ ногу... Не могу и теперь вспомнить безъ смѣха этого мгновенія. Мнѣ казалось, что я нашелъ несмѣтныя сокровища, и боясь раздѣлить ихъ съ кѣмъ бы то ни было, со страхомъ осмотрѣлся кругомъ и осторожно нагнулся къ моей находкѣ: это былъ кремень.

Нельзя описать и высказать нашей общей радости, когда, при по-

мощи моего ножа и находки, мы развели огонь, у котораго и провели ночь, рѣшивъ, что въ наскоро исправленной лодкѣ намъ невозможно отправиться всѣмъ четверымъ. На ней вызвался ѣхать Ла-Катюръ, который спѣшилъ къ женѣ своей, а мы на другой день отправились старымъ путемъ.

Мы явились на свой островъ прежде нашего товарища. Онъ едва не утонулъ... И по новомъ осмотрѣ лодки, мы почти отказались отъ надежды перейти на ней до твердой земли; такъ было ветхо наше судно, за обладаніе которымъ мы почти жертвовали жизнью.

Госпожа Ла-Катюръ чрезвычайно была рада моей находкѣ. Бѣдная женщина такъ давно лишена была огня. До того времени устрицы и ракушки были единственною нашею пищей, иногда и ихъ мы не добывали вдоволь. Въ день же нашего возвращенія на островъ, Провидѣніе послало намъ пищу другаго рода, подкрѣпившую и наше здоровье, и наши разстроенныя силы. Въ то время какъ товарищи моихъ бѣдствій снова приступили къ починкѣ лодки — я, измученный безуспѣшною, по моему мнѣнію, работою, отправился бродить по острову. Углубясь въ думу, невольно и незамѣтно я далеко оставилъ за собою нашъ лагерь, какъ вдругъ какой-то бѣлый предметъ, мелькавшій за кустомъ, привлекъ мое вниманіе. Я бросился навстрѣчу ему, и едва не зарыдалъ отъ радости, встрѣтивъ дикаго козленка... замѣтно было, что онъ, пораненный стрѣлою дикаря — охотника, только что переплылъ проливъ и упалъ здѣсь, истощенный потерей крови. Животное еще билось.. Я приколотъ его моимъ ножомъ, и взваливъ на плечи дорожную находку, бѣгомъ пустился къ моимъ товарищамъ.

Всѣ съ восторгомъ встрѣтили мою добычу... Этотъ день былъ для насъ большимъ праздникомъ, и мы, сытно поужинавъ, уснули спокойно, зная что у насъ еще осталась въ запасъ часть вкусной и питательной добычи.

Рано разбудилъ насъ Снопсъ, вызывая на работу. Общее желаніе быть скорѣе на твердой землѣ заставило насъ тотчасъ же, по его призыву, броситься къ лодкѣ... Но всѣ наши старанія были напрасны. Недостатокъ матеріала совершенно разрушалъ всѣ наши надежды... Трава, одѣяла и куртки, ни чемъ несмазанная, ни саломъ, ни смолою, едва могли держаться въ расщелинахъ четверть часа, и вода тотъ же выбивала ихъ. Это обстоятельство приводило насъ въ совершенное отчаяніе, а другихъ средствъ не было. Но мы уже смотрѣли на опасность въ полглаза: жажда спасенія заглушала въ насъ голосъ разсудка, и, бѣдняки, мы утѣшали себя жалкою фразой: вѣдь только переѣхать *два мили!* забывая въ тоже время, что можно утонуть въ двухъ ар-

шинной лужѣ. Во всякомъ случаѣ шесть человѣкъ никакъ не могли помѣститься въ лодкѣ... и рѣшаясь на опасный рискъ, мы условились такъ, что г-жа Ла-Катюръ съ сыномъ и моимъ негромъ опять останутся на островѣ, а мы четверо отправимся на твердую землю, и при первой удачѣ поспѣшимъ къ нимъ на помощь. Снопсъ распорядился, двоимъ сѣсть на греблю, а двоимъ, въ-продолженіе перевала, отливать безпрестанно воду шляпами. Тяжелую и поразительную сцену представляло разставанье бѣдной женщины съ своимъ мужемъ. Желая ее нѣсколько утѣшить, я отдалъ ей свое сокровище, кремень, и отломилъ кусокъ ножа..

Едва мы только вступили въ лодку, какъ вода хлынула изъ всѣхъ назовъ... Эта неудача отняла у меня всю смѣлость. Я сталъ упрашивать товарищей отложить опасное намѣреніе и неидти на вѣрную гибель, но Снопсъ и Ла-Катюръ крѣпко настаивали въ своемъ желаніи, и видя, что я не рѣшаюсь за ними слѣдовать, оттолкнули лодку...

— Молись за насъ! крикнулъ Ла-Катюръ... Береги мою жену...

— Богъ дастъ... успѣмъ! подхватилъ Снопсъ...

— Прощай! прощай! раздалось на водѣ.

Долго, въ нѣмой тоскѣ и съ душевнымъ волненіемъ, я слѣдилъ за удалявшеюся лодкою. Нельзя было не замѣтить, какихъ теперь трудовъ и усилій стоила друзьямъ моимъ каждая минута жизни, безразсудно поставленной на карту. Вотъ Снопсъ приподнялся, махнулъ своею шляпою и лодка скрылась за утесомъ...

Госпожа Ла-Катюръ, не желая удвоивать своей тоски, не рѣшилась даже посмотреть на отъѣздъ мужа, а потому, увѣренная, что и я утѣхалъ вмѣстѣ съ моими друзьями, чрезвычайно была удивлена моимъ возвращеніемъ и, разумѣется, обрадована.

Когда я подошелъ къ ней, она, сжавъ въ рукахъ своихъ голову сына, сидѣла у огня и горько плакала.

— Утѣштесь, мадамъ Ла-Катюръ, сказалъ я: — быть можетъ Богъ и поможетъ нашимъ друзьямъ успѣть въ ихъ предпріятіи...

— Дай Богъ, отвѣчала она; — у меня уже не хватаетъ ни силъ, ни мужества выносить столько испытаній, бѣдъ и горя...

— Будемъ молиться! Много вытерпѣли, а теперь быть можетъ и близокъ конецъ нашимъ испытаніямъ.

— Будемъ молиться, съ тяжелымъ вздохомъ повторила она.

— Скажите, что васъ заставило остаться на островѣ? послѣ минутнаго молчанія спросила она.

— Мы разсудили, одному изъ насъ остаться, отвѣчалъ я, —

чтобы избавить ветхую лодку отъ лишняго груза... Къ тому же, намъ страшно было оставить васъ безъ друга и опоры...

— О, правда!.. Вы не повѣрите, какую тоскою разболѣлось мое сердце, когда все вы готовы были разстаться со мною... Теперь у меня все-таки есть еще другой другъ, кромѣ сына, и мы вмѣстѣ будемъ ждать возвращенія нашихъ избавителей... Помогите имъ Богъ!

Шесть дней прошло со времени отъѣзда Ла-Катюра, Десклау и Снопса. Объ нихъ не было никакихъ вѣстей. Для меня не оставалось никакого сомнѣнія въ ихъ гибели, но я всячески старался успокоивать несчастную женщину. Скоро убѣжденія мои сдѣлались напрасны, постоянное горе и лишеніе были причиною того равнодушія къ участи мужа, въ которое впала моя спутница. Были минуты, въ которыя она радовалась, что любимый ею супругъ кончилъ свои страданія...

Надо было рѣшиться и намъ на что-нибудь... И мы согласились приступить къ сооруженію плота. Ревностно принялись мы за исполненіе этого предпріятія, сожальѣя, что намъ не пришло этой мысли въ то время, когда еще мы не разлучались съ нашими друзьями. Несмотря на нашу слабость и каждодневно убывавшее здоровье, мы работали усердно и скоро, питаюсь попрежнему раковинами, которыя я уже теперь сталъ жарить, и засыпая у нашего огня. Молодой Ла-Катюр снималъ кору съ молодыхъ деревьевъ и плелъ изъ нея веревки, а мать его; я и негръ отыскивали бревны и перекатывали ихъ къ берегу. Такимъ-образомъ въ два дни, при помощи этихъ веревокъ и одного одѣяла, разрѣзаннаго на тонкія тесемки, были связаны десять бревень; другое одѣяло замѣнило намъ парусъ, и плотъ, къ общей радости, былъ сооруженъ.

Наступившая ночь не позволила намъ пуститься въ нашъ опасный путь. Мы положили дожидаться утра, а между-тѣмъ, чтобы не терять времени и пользуясь еще вечернимъ полусвѣтомъ, принялись набирать запасъ устрицъ, кореньевъ и ламбаковъ. Усталость отъ заботъ и тяжелой работы совершенно обезсилила насъ, но однако всю ночь мы не смыкали глазъ — опасаясь бури, которая легко могла-бы уничтожить нашъ плотъ, стоявшій намъ такихъ усилій и жертвъ... Въ послѣднемъ случаѣ ихъ было принесено много. Мы даже распустили свои чулки, изъ которыхъ свили нѣсколько запасныхъ веревокъ, для паруснаго шкота.

Ночь миновала благополучно. Наступившій приливъ помогъ намъ спустить плотъ совершенно на воду, и помолясь съ истиннымъ усердіемъ, мы пустились въ дорогу. Противу всякаго ожиданія переходъ нами совершенно былъ благополучно. Послѣ одиннадцати часовъ, въ которые были употреблены, съ нашей стороны, усилія почти нечеловѣческія, мы

вступили на твердую землю. Забравъ съ собою нашъ запасъ, веревки и оцѣля, мы пустились во внутрь страны.

И вотъ снова ожившая въ душѣ нашей надежда на спасеніе — начала мало-по-малу превращаться въ прежнюю тоску и отчаяніе. Куда идти? — кругомъ пустыня необозримая, ни одного отраднаго предмета, ни одного признака жизни. Кое-гдѣ раскидываются голые курганы, на иныхъ чернѣется нѣсколько деревьевъ, единственная растительность этой безмолвной степи, поросшей тощею травою... Мысль, что если мы не встрѣтимъ тутъ никакого жилья, то смерть голодная, смерть позная мукъ и пытокъ, будетъ нашимъ концомъ, — ужаснула меня.

— Тамъ еще, думалъ я, на островахъ, только что нами оставленныхъ, мы находили пищу, а здѣсь, удаляясь отъ береговъ моря въ глубь пустыни — что встрѣтимъ мы!..

Не сообщая моихъ печальныхъ мыслей усталымъ спутникамъ, я рѣшился взять дорогу по направленію къ скаламъ, далеко зубчатыми возвышенностями обрисовавшимся на горизонтѣ. Но приближеніе ночи и страхъ заплутаться въ окружныхъ лѣсахъ — заставили насъ, при всемъ желаніи идти впередъ — расположиться на ночлегъ. Для этого мы избрали небольшой холмикъ, гдѣ, растинувъ на сучьяхъ трехъ деревьевъ одно изъ нашихъ оцѣялъ, мы устроили что-то въ родѣ сквознаго шалаша и развели огонь, единственную нашу отраду.

Никогда не забуду той торжественности, какою полна ночь въ пустынѣ! Въ эти минуты и краснорѣчивое молчаніе навѣваетъ на душу какой-то неестественный страхъ... Темное небо, округляясь надъ головою рисуетъ тысячу исполинскихъ и фантастическихъ предметовъ въ облакахъ, быстро и цѣлыми вереницами пробѣгающихъ по немъ... Даже мимолетный вѣтеръ кажется здѣсь одушевленнымъ, его таинственный шорохъ какъ-будто-бы находитываетъ легенды окружныхъ горъ; гдѣ-нибудь далеко скатившійся съ холма камень пробуждаетъ молчаливое эхо степи, которое звонко повторяетъ его урчаніе и дробное паденіе.

Едва только закрыли мы глаза, какъ неожиданный, но еще отдаленный ревъ звѣря заставилъ забиться отъ ужаса наши сердца...

— Боже мой! Это рычаніе звѣря, прошептала моя спутница.

— Да—и кажется, если я не ошибаюсь, такъ даже не одного, а двухъ... отозвался я... слышите!

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ эту минуту другой ревъ и громче перваго раздался съ другой отъ насъ стороны...

— Это страшные степные медвѣди! Цѣпенѣя отъ ужаса прошептала негръ...

— Ободритесь, сказалъ я... Подбавляйте въ огонь болѣе хворосту.

и вы удивите, что ни одинъ изъ этихъ незваныхъ гостей не рѣшится приблизиться къ намъ...

Между-тѣмъ какъ мы воспламеняли нашъ костеръ, раскидывая по сторонамъ головни и желая такимъ-образомъ войти въ кругъ огня — ревъ продолжался, потворяемый эхомъ... Наконецъ рычаніе звѣря и удушливое, сердитое его храпѣніе послышались намъ такъ близко, какъ-будто-бы опасный гость уже протянулъ лапу къ нашимъ устрицамъ...

— Вотъ они! Вотъ! Спасайтесь! съ невыразимымъ ужасомъ крикнулъ негръ, бросившись бѣжать къ дереву, которое находилось отъ насъ шагахъ во ста.

Страхъ заразителенъ. Мадамъ Ла-Катюръ, испуганная какимъ то видѣніемъ, въ ту же минуту готова была слѣдовать за негромъ, но я успѣлъ удержать ее, умоляя остаться у огня, какъ у единственной нашей защиты.

Въ ту же минуту — черная фигура громаднаго медвѣдя повернулась отъ огня, и съ глухимъ рычаніемъ звѣрь бросился по слѣдамъ несчастнаго негра.

— Онъ погибъ! сказала я.

Страхъ нашъ былъ невыразимъ, когда, въ-самомъ-дѣлѣ, преслѣдуемый медвѣдемъ — несчастный арабъ съ судорожнымъ стономъ упалъ на землю...

Мы слышали его раздрающій сердце крикъ... потомъ прерывистое ворчаніе звѣря... Но вотъ все смолкло.

Цѣпенія отъ ужаса, мы не могли закрыть глаза наши...

При свѣтѣ наступившаго дня — мы увидѣли только истерзанный и обезображенный трупъ нашего бѣднаго слуги...

Происшествіе минувшей ночи имѣло на насъ такое страшное вліяніе, что силы и твердость совершенно насъ оставили. Черезъ силу, едва передвигая ноги, я добрелъ до морскаго берега, чтобы набрать устриць и ракушекъ. Мадамъ Ла-Катюръ и сынъ ея захворали въ это утро... Въ то время, какъ я занимался приготовленіемъ нашей скудной трапезы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня послышался чей-то говоръ...

Первымъ движеніемъ моимъ было броситься въ ту сторону, откуда слышался этотъ говоръ... Не помня себя отъ радости я спустился за оврагъ и встрѣтилъ двухъ дикарей... На одномъ изъ нихъ была надѣта куртка Сноуса, которую я тотчасъ и узналъ.

Появленіе мое казалось обрадовало дикарей... Съ крикомъ непритворной радости они бросились ко мнѣ навстрѣчу и схватили меня за руки. Не понимая — дружеское или непріязненное было ихъ движеніе,

я уже горю въ быдѣ защищаться, какъ одинъ изъ нихъ, заговоривъ довольно чисто по-англійски, вывелъ меня изъ недоумѣнія...

— Ты одинъ; спросилъ онъ, а гдѣ-же женщина и мальчикъ, которые оставались съ тобою?

— Здѣсь они; но почему ты это знаешь?...

— Товарищъ твой сказалъ.... Мы тебя ищемъ.... Тотъ товарищъ, котораго на мнѣ надѣта куртка...

— Какъ, Снопсъ! вскричалъ я.... Гдѣ-же онъ самъ?

— Лежитъ больной — въ крѣпости ея. Марка ... Мы его за эту вотъ куртку проводили туда. Онъ въ глазахъ нашихъ тонулъ у этого берега, да выплылъ.... а другіе двое — и дикарь, не докончивъ фразы, махнулъ рукою.... Насъ послалъ, продолжалъ онъ — искать васъ берегомъ комендантъ крѣпости Севетенгамъ, а на острова за вами отрави-лась шлюбка.... Она скоро будетъ.... Вотъ вамъ покаместъ кусокъ соленой козы.

Можно себѣ представить, кѣкой восторгъ овладѣлъ всею существомъ моимъ, при мысли о нашемъ неожиданномъ избавленіи, въ ту минуту, кога уже погибла и послѣдняя надежда.

Не помня себя отъ радости, съ словами.

— Мы спасены! Мы спасены! я бросился къ моимъ страдальцамъ.

Въ эту минуту громкій крикъ дикихъ заставилъ меня оглянуться назадъ—и я увидѣлъ подходящую къ берегу лодку....

Н. Андреевъ.

Ново-Архангельскъ.

1852 года

февраля 4 дня.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИКЪ.

Октава Фелле.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

РАУЛЬ Д'АГОЛЬ.
СЮЗАННА, его жена.
БАРОНЪ де-ГРАНВИЛЬ, дядь Сюзанны.
ЖОРЖЪ де-ВЕРНОНЪ.

ЖАНЕТА, старая служанка.
ЛЕРМИТЪ, слуга Рауля.
МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ.
ПОВАРЕНОКЪ.

Дѣйствіе въ Провинціи.

I.

Приемная великозѣпнаго дома, ярко освѣщенная и уставленная цвѣтами. Двойная лѣстница идетъ въ садъ, также иллюминированный. Часъ по полуночи.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ и **ПОВАРЕНОКЪ**, стоятъ, облокотясь на перила лѣстницы.

ПОВАРЕНОКЪ. Такъ вы думаете, мосье Роберъ, что молодой любитъ хорошій столъ ?

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Да, онъ изъ тѣхъ людей, которые знаютъ, что ѣдятъ. Я увѣренъ, что мадамозель Сюзанна будетъ съ нимъ счастлива. Но вотъ и Жанета; я думаю, пора готовить чай.

ЖАНЕТА. Да, да, Роберъ. Весь свадебный повѣздъ сейчасъ будетъ здѣсь. (*Метръ-д'отель дѣлаетъ знакъ поваренку, который убѣгаетъ*).

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. И такъ, все кончено, Жанета?

ЖАНЕТА. Не знаю, кончено-ли все, или не кончено; но молодые уже обвѣнчаны.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Кажется, все идетъ, какъ нельзя лучше.

ЖАНЕТА. Превосходно: Чтò сдѣлано, того уже не воротить.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Вы, кажется, не совсѣмъ довольны, Жанета?

ЖАНЕТА. Мнѣ какое дѣло? Баронъ доволенъ, молодая довольна, молодой также — хотъ этого и не видно, а я чтò тутъ?

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Развѣ онъ вамъ не нравится?

ЖАНЕТА. Чтò вы! Развѣ можно видѣть этого господина безъ того, чтобы имъ не восхищаться? Развѣ онъ не изъ Парижа? Неужели вы осмѣливаетесь думать, что изъ Парижа чтò-нибудь выходитъ дурное?

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Нужно отдать ему справедливость: онъ красивый мужчина.

ЖАНЕТА. Да, красивая кукла.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. А чтò вы скажете о мадамозель Сюзаннѣ?

ЖАНЕТА. Бѣдняжка! *(Плачетъ)* Право, замужество дѣло хорошее.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Почему же?

ЖАНЕТА. Почему? *(Поваренокъ вбѣгаетъ запыхавшись)*.

ПОВАРЕНОКЪ. Мадамозель Жанета, васъ спрашиваетъ какой-то господинъ.

ЖАНЕТА. Меня спрашиваетъ... въ часъ ночи! Онъ съума сошелъ! *(Входитъ слуга Рауля, Лермитъ, съ узломъ въ рукѣ)*.

ЛЕРМИТЪ. Мамзель Жанета?

ЖАНЕТА. Чтò вамъ угодно?

ЛЕРМИТЪ. Точно-ли я говорю съ мамзель Жанетою?

ЖАНЕТА. Съ кѣмъ же? *(Метръ-д'отель и поваренокъ уходятъ)*.

ЛЕРМИТЪ *(въ полголоса, съ таинственнымъ видомъ)*. Меня зовутъ Лермитъ.

ЖАНЕТА. Чтò-жъ изъ этого?

ЛЕРМИТЪ. Я камердинеръ г. Рауля.

ЖАНЕТА. А! Очень рада.

ЛЕРМИТЪ *(понижая еще голосъ)*. Мнѣ приказано обратиться къ вамъ, чтобы узнать, куда положить всѣ эти вещи. *(Показываетъ на узелъ)*.

ЖАНЕТА. Какія вещи?

ЛЕРМИТЪ. Туалетный ящикъ, кисти и щетки.

ЖАНЕТА. А! Такъ вотъ о чемъ заботится вашъ господинъ въ эту минуту?

ЛЕРМИТЬ. Вы пошмааете, какъ непріятно для него будетъ завтра поутру не видѣть того, къ чему онъ привыкъ.

ЖАНЕТА. Да это ни на что не похоже!

ЛЕРМИТЬ. Какъ?

ЖАНЕТА. Я вамъ говорю, что это ни на что не похоже, и что вы можете убираться съ этими вещами, куда хотите.

ЛЕРМИТЬ. Неужели вамъ удивительно, что баринъ хочетъ бриться завтра поутру?

ЖАНЕТА. Не принесли-ли вы за одно и его ночной колпакъ? (*Слышенъ стукъ кареты*). Нечего дѣлать, давайте... Однимъ только мужчинамъ могутъ приходиться въ голову подобныя мысли. Это благородно! (*Уходитъ*).

(*Въ саду слышенъ шумъ. Слуги съ любопытствомъ тѣснятся въ передней. Кареты, одна за другой, подъѣзжаютъ къ крыльцу. Сюзанна, въ туалетъ новообращной, входитъ, опираясь на руку своего дѣда, бодрого и живаго старичка*).

СЮЗАННА. Какъ это мило! Что вы не женитесь, дѣдушка?

БАРОНЪ. Пятдесятъ лѣтъ назадъ, я также праздновалъ свою свадьбу, мой другъ. (*Они проходятъ въ комнаты, вмѣстѣ съ гостями*).

II.

САДЪ.

Извилистыя аллеи слабо освѣщены отблескомъ отдаленныхъ огней. Теплая, ароматическая, лѣтняя ночь.

СЮЗАННА (*съ вуалемъ, наброшеннымъ на голову, увлекаетъ за собою Жанету*). Пойдемъ! дальше... дальше...

ЖАНЕТА. Что съ вами, сударыня?

СЮЗАННА. Я хочу сказать тебѣ секретъ, Жанета: слушай! (*Схватываетъ ее за обѣ руки*) Я счастлива! (*Обнимаетъ ее и плачетъ*).

ЖАНЕТА. Дай Богъ, чтобы вы всегда были счастливы!

СЮЗАННА. Миѣ хотѣлось подѣлиться съ тобою моимъ счастьемъ. Я задыхалась: мое сердце было такъ полно.

ЖАНЕТА. О, сударыня!

СЮЗАННА. И кому же открыться миѣ, какъ не тебѣ, моя добрая Жанета?... Ты знаешь, какъ я люблю тебя! Цѣлыя двадцать лѣтъ ты жила только для своей Сюзанны. Ты носила меня на рукахъ, отъ ко-

лыбели до свадьбы, замѣняя мнѣ мать. И я люблю тебя, и никто, кромѣ тебя, не услышитъ моего признанія въ счастіи.

ЖАНЕТА. Дочь моя, милая Сюзанна... благодарю... благодарю тебя.

СЮЗАННА. Мнѣ непременно хотѣлось высказать тебѣ это именно здѣсь, въ тѣни этихъ жасминовъ... Знаешь-ли почему? — Сядь, припомни... О, ты ничего не помнишь; а мнѣ кажется, какъ-будто это было вчера.

ЖАНЕТА. Пойдите... пойдите...

СЮЗАННА. Это было вечеромъ; я сидѣла задумавшись и не слышала, какъ ты подошла ко мнѣ. При звукѣ твоего голоса я вздрогнула. Ты сказала: все кончено; дитя мое не принадлежитъ мнѣ болѣе! Я встала; но ты посадила меня возлѣ себя и продолжала: Сюзанна, сердце вѣщунъ; пора выходить замужъ.

ЖАНЕТА. (смѣясь). Это показалось вамъ обиднымъ.

СЮЗАННА. Признаюсь, я сначала обидѣлась; но я до-сихъ-поръ не понимаю, какимъ-образомъ ты могла угадать мои мысли.

ЖАНЕТА. Трудное дѣло!

СЮЗАННА. Это меня такъ сконфузило, что ты взяла меня за обѣ руки, стараясь успокоить, и сказала: Тутъ еще нѣтъ бѣды, душечка; но нельзя ли узнать имя этого господина? Брюнетъ онъ, или блондинъ? Не князь ли онъ какой?... Онъ не былъ княземъ, Жанета, и даже вовсе не имѣлъ имени; я не любила никого именно; я любила... вотъ и все. Я сама себя не узнавала. Меня не занимало ничто, кромѣ уединенія и задумчивости. Я стыдилась сходства съ тѣми скучными героинями, о которыхъ мы такъ много читали зимою. При всемъ томъ, мнѣ нравилось такое положеніе. Я часто приходила сюда мечтать, и бывало, пробуждаясь отъ грезъ, прижимала набранный мною букетъ къ пылающему лицу и обливала его слезами.

ЖАНЕТА. Помню, помню.

СЮЗАННА. Я не скрывалось передъ тобою, моя бѣдная Жанета; я призналась, что между всѣми мечтами и призраками, которые меня окружали, есть одинъ, котораго я боялась больше другихъ, и котораго при всемъ томъ, чаще всѣхъ призывала. Черты его лица... сама не знаю, какимъ-образомъ онъ родились въ моемъ воображеніи... дышали гордостью, которая измѣнялась для меня въ нѣжную улыбку. Взглядъ его общалъ все, чего можетъ надѣяться женщина отъ друга, повелителя и мужа... честь, доброту и умъ. Въ тоже время, казалось, что его мучило какое-то безпокойство, которое одна я могла разсѣять. Онъ подходилъ ко мнѣ... рука его касалась моей руки, и я чувствовала, что сердце мое сильнѣе билось. Когда я рассказала тебѣ все это, ты

отвѣчала мнѣ: Успокойся, дитя мое; теперь мы будемъ молиться, чтобы Богъ послалъ тебѣ того, о комъ ты мечтаешь. И въ-самомъ-дѣлѣ, Богъ послалъ его мнѣ. Этотъ милый призракъ здѣсь; онъ меня любитъ, онъ мой мужъ!... Вотъ, что я хотѣла сказать тебѣ и всѣмъ свидѣтелямъ моихъ мечтаній: деревьямъ, цвѣтамъ, звѣздамъ и ночи... О, какъ прекрасна эта ночь! посмотри, какъ ясно небо... Какой ароматъ въ воздухѣ! Какъ милостивъ къ намъ Богъ, и какъ я люблю тебя, Жанета.

ЖАНЕТА. О, люби меня всегда, дитя мое, какъ ты меня прежде любила.

СЮЗАННА. Я только одного боюсь, что никогда не буду его достойна.

ЖАНЕТА. Какъ это можно!

СЮЗАННА. У него львиное сердце, Жанета. Офицеръ, который сидѣлъ за столомъ возлѣ тетушки, рассказалъ мнѣ все его похождения въ Африкѣ. Онъ спасъ его брата.

ЖАНЕТА. Развѣ г. Рауль служилъ въ военной службѣ?

СЮЗАННА. Никогда! Онъ просто ѣздилъ въ Африку повидаться съ де-Вернономъ, своимъ старымъ другомъ, и неожиданно засталъ его на пути въ экспедицію. Онъ отправляется вмѣстѣ съ нимъ, такъ просто для удовольствія. Въ горахъ они встрѣчаютъ непріятеля. Де-Вернонъ, раненный и выбитый изъ сѣдла, видитъ, какъ его любимый братъ защищается противъ толпы арабовъ. Онъ зоветъ Рауля, который съ лошадыю бросается со скалы и спасаетъ обоихъ. И когда я подумаю, Жанета, что этого самаго человѣка я вижу у своихъ ногъ, о, я еще болѣе начинаю любить его.

ЖАНЕТА. Все это прекрасно; но послушайте своей старой Жанеты: любите его сколько хотите, но не говорите ему этого.

СЮЗАННА. Я никогда не осмѣлюсь этого сдѣлать: я едва его знаю. А между-тѣмъ, мы обвиняны... Не странно ли все это, Жанета?

ЖАНЕТА. Въ церкви мнѣ показалось, что онъ былъ слишкомъ холоденъ.

СЮЗАННА. Какъ ты смѣшна, Жанета? Нельзя же ему плакать, какъ женщинѣ! Скажи правду, ты ревнуешь его ко мнѣ?

ЖАНЕТА. Да, да! Но тихо... тихо... (*Слышны голоса и шумъ шаговъ*).

СЮЗАННА. Уйдемъ отсюда!

ГОЛОСЪ (*въ отдаленій*). Который ей годъ?

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ. Девятнадцать.

СЮЗАННА (*тихо съ живостью*). Это онъ.

ЖАНЕТА. Пойдемъ же прочь.

СЮЗАННА. Нѣтъ, нѣтъ, послушаемъ.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ. Она восхитительна.

ВТОРОЙ. Да.

ЖАНЕТА. Уйдемъ скорѣе. Они идутъ сюда.

СЮЗАННА. Они, можетъ-быть, говорятъ обо мнѣ. О, какъ бы мнѣ хотѣлось... Что же тутъ дурнаго?... Это мужъ мой. Сюда... за этотъ кустъ... пойдемъ скорѣе.. (Прячутся).

III.

РАУЛЬ Д'АТОЛЬ, ЖОРЖЪ ДЕ-ВЕРНОНЪ, медленно идутъ подь руку.

ЖОРЖЪ. Но гдѣ же она?

РАУЛЬ. Не знаю... впрочемъ, я велѣлъ извѣстить, когда она явится... Но для чего ты уѣзжаешь отъ насъ такъ скоро?

ЖОРЖЪ. Мнѣ необходимо. Сегодня кончается мой отпускъ. Въ которомъ часу идетъ первый поѣздъ по желѣзной дорогѣ?

РАУЛЬ. Въ пять часовъ. Дай мнѣ слово приѣхать сюда осенью, черезъ два или три мѣсяца: мы будемъ охотиться вмѣстѣ.

ЖОРЖЪ. Черезъ два мѣсяца? Ни за что на свѣтѣ... Ты возненавидишь меня; нѣтъ ничего глупѣе, какъ быть третьимъ лицомъ при влюбленныхъ.

РАУЛЬ. Сейчасъ видно, любезный Жоржъ, что ты изъ Африки. По нашему, пробыть наединѣ два или три мѣсяца становится довольно скучнымъ, и другъ даже обязанъ приѣхать, чтобы разсѣять эту скуку.

ЖОРЖЪ. Еслибъ у меня была такая жена, я бы готовъ запереться съ нею въ башню.

РАУЛЬ. Въ темную?

ЖОРЖЪ. Не въ темную, но въ неприступную.

РАУЛЬ. Это своего рода самоубійство... Сядемъ здѣсь. И такъ, любезный Жоржъ, жена моя тебѣ нравится?

ЖОРЖЪ. Выслушай, и не смѣйся надо мною. Въ тотъ день, когда ты спасъ жизнь моего брата, я обратился къ Богу съ молитвою наградить тебя счастьемъ.

РАУЛЬ. Продолжай, Жоржъ!

ЖОРЖЪ. Не зная, въ чемъ состоитъ истинное счастье, я оставялъ на волю Провидѣнія избрать для тебя награду... И признаюсь, когда я увидѣлъ, что васъ соединили передь алтаремъ, я плакалъ отъ радости, и внутренній голосъ шепталъ мнѣ, что долгъ мой заплаченъ.

РАУЛЬ (*холодно*). Смѣ! При такихъ понятіяхъ тебѣ необходимо жениться.

ЖОРЖЪ. Напротивъ, при такихъ понятіяхъ мнѣ невозможно жениться, потому—что я нигдѣ не найду двойника твоей жены.

РАУЛЬ. Но что же ты находишь особеннаго въ моей женѣ?.. Конечно, она недурна, и даже очень мила; но не отъ чего приходитъ въ такой восторгъ.

ЖОРЖЪ. Полно притворяться, Жоржъ; признайся, ты обожаешь ее?

РАУЛЬ. Жоржъ, развѣ ты замѣтилъ во мнѣ признаки сумашествія?

ЖОРЖЪ. Ужъ вѣрно же любишь, когда женился на ней.

РАУЛЬ. Послушай, Жоржъ, откуда у тебя такія понятія? Откуда эта мораль и этотъ высокій слогъ, которыми ты терзаешь мнѣ слухъ? Аркадія давно не существуетъ, мой любезный! Дафнисы и Хлои вымерли!.. Не сердись за это, Жоржъ!.. Не я убилъ ихъ; они умерли сами собою.

ЖОРЖЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Для чего же ты женился, если ты не влюбленъ?

РАУЛЬ. Женился именно потому, что не былъ влюбленъ, любезный другъ мой; потому—что не долженъ болѣе влюбляться; потому—что любовь, или то, что ложно называется этимъ словомъ, испытано мною до пресыщенія; потому—что мнѣ тридцать лѣтъ, и старому холостяку смѣшно играть въ свѣтѣ роль школьника... Не спорь... побереги свои возраженія и досаду для того, что тебѣ остается выслушать. Три мѣсяца тому назадъ, я въ первый разъ въ жизни вздумалъ взглянуть на свое имѣніе, около Орлеана. Бродя съ моимъ фермеромъ по полямъ я спросилъ у него, кому принадлежитъ красивый замокъ, возвышающійся по соседству? — Это замокъ Шени, отвѣчалъ онъ. — А чей это лѣсъ, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ мое помѣстье? — Это паркъ, принадлежащій замку. — А замокъ принадлежитъ какому—нибудь маркизу Карабасу? — Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ онъ серьезно: замокъ принадлежитъ графинѣ Сюзаннѣ де-Шени. Славное мѣсто для охоты и двадцать тысячъ ливровъ чистаго дохода, прибавилъ онъ, прищуриваясь... Барышня не засидится въ дѣвкахъ, я увѣренъ. Вотъ, мой другъ, прологъ той пастушеской драмы, которой ты сейчасъ видѣлъ развязку.

ЖОРЖЪ. Ты не увѣришь меня, чтобы, сватаясь за мадмоазель де-Шени, ты имѣлъ въ виду одни безсовѣстные расчеты!

РАУЛЬ. Во—первыхъ, я давно уже думалъ жениться, и мой фермеръ только указалъ мнѣ цѣль. Разумѣется, еслибъ я нашелъ въ мадмоазель де-Шени уroda или дуру, это конечно ничѣмъ бы не кон-

чилось; но въ ней все было прилично: и манеры, и воспитаніе, и мнѣ показалось, что я въ состояніи буду чувствовать къ ней ту спокойную привязанность, которая связываетъ всякаго благороднаго челоуѣка съ матерью его дѣтей.

ЖОРЖЪ. Значить, ты ее обманывалъ?... Это не хорошо!

РАУЛЬ. Въ чемъ же я могъ ее обманывать?

ЖОРЖЪ. Неужели ты думаешь, что этотъ ребенокъ, котораго портретъ ты обрисовалъ такимъ обиднымъ образомъ, что этотъ образецъ доброты и прелести, ничего болѣе не ожидаетъ отъ тебя, какъ одной спокойной привязанности?

РАУЛЬ. Чего же ей ожидать, любезный другъ? Сюзанна воспитывалась, чтобы быть хорошею помѣщицею; она смотритъ на замужество, какъ на замужество, на кота, какъ на кота, на мужа, какъ на мужа, не болѣе.

ЖОРЖЪ. Но этой помѣщицѣ нѣтъ еще двадцати лѣтъ! но глаза ея блестятъ огнемъ молодости! Какая же молодая дѣвушка не строила воздушныхъ замковъ? Но что ты ищешь?

РАУЛЬ. Ничего... а! вотъ онъ. Посмотри, это микроскопическая рѣдкость, золотой ключикъ; мнѣ дала его жена съ большою церемоніею и таинственностію... Должно-быть это какое-нибудь сокровище. Я бы охотно отказался отъ такого подарка. Всѣ эти наивности мнѣ не-сносны.

ЖОРЖЪ. Прощай, Рауль.

РАУЛЬ. Какимъ тономъ ты говоришь это, Жоржъ! Ты сердисься?

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, но мнѣ больно. Пятнадцать лѣтъ ты былъ моимъ лучшимъ другомъ... ты скрѣпилъ навсегда наше братство невознагра-димую услугою... и при всемъ томъ мнѣ кажется, что я позабуду все, если ты не перестанешь говорить о своей женѣ съ этимъ притворнымъ равнодушіемъ, съ такою самодовольною увѣренностью глупца.

РАУЛЬ. Ого!.. у тебя кажется порохъ въ крови, и каждое слово пахнетъ желѣзомъ.

ЖОРЖЪ. Прощай.

РАУЛЬ (*удержавъ его и понижая голосъ*). Передъ уходомъ, Жоржъ, положи на минуту руку ко мнѣ на сердце; можетъ-быть, подъ этой благородной рукою, оно опять оживетъ и согрѣется.

ЖОРЖЪ. Что ты говоришь?

РАУЛЬ. Люби меня по прежнему; я такъ несчастливъ. Слова мои, которыя такъ справедливо тебя оскорбляютъ, давно обратились для меня въ привычку; давно онѣ служатъ маскою отчаянію, которое меня гло-

жать. Сегодня болѣе, чѣмъ когда-нибудь, я долженъ былъ притворяться: въ груди моей смерть!

ЖОРЖЪ. Боже мой! Какую же тайну ты отъ меня скрываешь?

РАУЛЬ (*прерывистымъ голосомъ*). Никакой... ничего! Я жилъ, вотъ и все. Я желалъ бы, чтобъ меня постигло какое-нибудь ужасное несчастье; я сталъ бы бороться... Я нашелъ бы въ себѣ твердость! Но нѣтъ, меня мучить болѣзнь, которой нѣтъ ни исцѣленія, ни имени: прошедшаго измѣнить невозможно, а меня убиваетъ прошедшее! Я вель бурную молодость въ томъ свѣтѣ, который ничему не вѣритъ, и вотъ до чего я дошелъ!

ЖОРЖЪ. Я съ трудомъ понимаю тебя.

РАУЛЬ. Не мудрено: выйдя вмѣстѣ изъ училища, мы избрали двѣ разныя дороги: ты подчинилъ свою жизнь строгой дисциплинѣ, а я... Но прежде скажи мнѣ, помнишь ли ты, чѣмъ я былъ двѣнадцать лѣтъ назадъ?

ЖОРЖЪ. Чѣмъ ты былъ, Рауль? Ты былъ тѣмъ, чѣмъ я нахожу тебя теперь — пылкимъ, благороднымъ человѣкомъ, съ гордою, возвышенною душою, способною на всякое самоотверженіе...

РАУЛЬ. Нѣтъ, нѣтъ... я говорю не объ этомъ... но при всемъ томъ такое воспоминаніе доказываетъ, что во мнѣ существовалъ когда-то зародышъ добра, который могъ обѣщать кое-что въ будущемъ. Праздность все уничтожила, все развѣяла по вѣтру. Я не намѣренъ рассказывать тебѣ пошлую мою исторію, или описывать слѣдствія празной и необузданной молодости; я хочу только очертить тотъ особенный характеръ, который придаетъ подобной жизни нашъ вѣкъ. Мнѣ кажется, только въ хаосѣ среднихъ вѣковъ, можно найти времена, въ которыя, какъ въ наше время, во Франціи такъ мало вѣрили всему прекрасному и истинно-благородному. Предаваясь слѣпо дурнымъ наклонностямъ, мы блуждаемъ, какъ корабль безъ руля. Это независимость, говоримъ мы; да, это свобода слѣпца.

ЖОРЖЪ. Да, это болѣзнь нашего времени.

РАУЛЬ. Конечно, и я вижу, что мы еще понимаемъ другъ-друга, Жоржъ. Повѣрь, у меня нѣтъ той глупой гордости, слишкомъ обыкновенной въ наше время, которая отвергаетъ всякія правила, начиная отъ истинныхъ вѣрованій до уваженія матери и отечества!... Безумцы! Эти чувства, эти обязанности составляютъ нашу силу, наше величіе! Таковъ свѣтъ, въ которомъ я жилъ, и какъ я ни осуждаю его теперь, но я жилъ его жизнью и напитался его ядомъ. Въ этомъ свѣтѣ, Жоржъ, есть только одно средство сохранить свое нравственное достоинство: это — трудъ; но никакія обязанности, ника-

кой трудъ не охраняли моею молодости, а праздность, всегда вредная, смертельна въ наше время. Вотъ, что я хотѣлъ объяснить тебѣ, Жоржъ, чтобы ты пожалѣлъ обо мнѣ отъ души. (*Онъ закрываетъ лицо руками*).

ЖОРЖЪ. Успокойся... сюда идуть...

РАУЛЬ (*вставая*). Я думаю, меня ищутъ... (*Прислушивается*). Нѣтъ... ты ошибся... Однакожь мое отсутствіе можетъ показаться слишкомъ долгимъ... Неужели обо мнѣ уже забыли?.. Еще два слова, Жоржъ: я рассказалъ тебѣ свою исторію и исторію многихъ; но она еще не полна... Ты спрашивалъ меня, для чего я женился?.. О, я хотѣлъ испробовать послѣднее средство, и женитьба показалась мнѣ единственнымъ спасеніемъ. Мнѣ казалась, что сблизясь съ неспорчейнымъ сердцемъ, я снова оживу душою; что истинныя, святыя чувства еще могутъ во мнѣ воскреснуть...

ЖОРЖЪ. И что-же?

РАУЛЬ. Чтѣ-жь дѣлать! Сюзанна милая, достойная любви дѣвушка, но у нея неостанетъ силъ, чтобы залечить раны, оставленныя на мнѣ прошедшимъ... Напротивъ, она возбуждаетъ во мнѣ самыя горькія воспоминанія. Бѣдная дѣвушка! каждое ея слово, каждая ласка, напоминаетъ мнѣ... не смѣю сказать; но какой-то злой духъ шепчетъ мнѣ на ухо унижительныя сравненія, которыя дѣлаютъ изъ нея холодную копію со многихъ женщинъ... Ты сердился на меня?

ЖОРЖЪ. Окончимъ этотъ разговоръ. Не знаю, кого изъ васъ я долженъ болѣе жалѣть.

РАУЛЬ. Я думаю, меня. Эти ужасы непонятны бѣдной Сюзаннѣ, и нельзя безпокоиться о томъ, чего не знаешь.

ЖОРЖЪ. Напиши мнѣ, чѣмъ все это кончится; несмотря ни на что, я люблю тебя по прежнему.

РАУЛЬ. Благодарю, Жоржъ; я буду писать тебѣ, но чѣмъ это кончится, извѣстно одному Богу.

(*Расходятся въ разныя стороны*).

—

IV.

СПАЛЬНЯ.

СЮЗАННА стоитъ у камнина, въ полномъ свадебномъ костюмѣ, псключая цвѣтовъ и вуаля. Легкій стукъ въ дверь заставляетъ ее вздрогнуть. Входитъ **РАУЛЬ**, отъ котораго **СЮЗАННА** отступааетъ, потупивъ глаза.

РАУЛЬ (*останавливается и говоритъ умоляющимъ голосомъ*). Сюзанна... вы бѣжите отъ меня?.. Вы меня боитесь?

СЮЗАННА (*поднимая голову*). Нѣтъ.

РАУЛЬ. Вѣрю... Бояться могу только я одинъ! Столько молодости и красоты приводитъ меня въ смущеніе! — Я буду ревнивъ, Сюзанна! — Какъ она на меня смотритъ!.. (*Беретъ ее за руку*)... Вы блѣдны, вы дрожите, Сюзанна!

СЮЗАННА. Это такъ. (*Онъ тихо ведетъ ее къ дивану, на которъй они оба садятся*).

РАУЛЬ. Вы жена моя передъ Богомъ и передъ людьми, Сюзанна; но скажите, то ли говорить вамъ сердце?

СЮЗАННА. А вы любите меня?

РАУЛЬ. Какъ! Неужели вы еще такъ недовѣрчивы. Кажется, довольно одной минуты, чтобы очутиться въ вашихъ очарованныхъ цѣпяхъ, но мало цѣлой жизни, чтобы разорвать ихъ.

СЮЗАННА. Скажите, изъ этой фразы должна ли я понять, что вы меня любите?

РАУЛЬ (*смотря на нее съ удивленіемъ*). Странный вопросъ!.. Да, я васъ люблю, и болѣе, чѣмъ считалъ себя способнымъ любить.

СЮЗАННА. Но къ чему эта усмѣшка?.. Развѣ вы не можете сказать мнѣ этого серьезно.

РАУЛЬ (*серьезно и нѣжно*). Я люблю васъ, прелестная кокетка!

СЮЗАННА. Прекрасно. Вы, по-крайней-мѣрѣ, вѣжливы. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ мужчина умѣетъ лгать. — Прошу васъ, оставьте мою руку. (*Рауль медленно встаетъ, смотря на нее съ гнѣвомъ; она продолжаетъ*). А! теперь ваша маска спала, и я не узнаю болѣе вашего лица.

РАУЛЬ (*съ досадою*). Вы съума сошли?

СЮЗАННА (*печально*). Нѣтъ, успокойтесь; никогда еще я такъ не владѣла своимъ разсудкомъ. Постарайтесь быть также спокойнымъ, какъ я. Рауль, я слышала въ саду весь вашъ разговоръ съ вашимъ другомъ. Богъ свидѣтель, я не понимала безразсудства своей нескромности; но узнавъ печальную истину, раскаяніе уже поздно.

РАУЛЬ (*въ волненіи ходитъ по комнатѣ и по временамъ останавливается передъ Сюзанной*). Что-же вы намѣрены дѣлать?

СЮЗАННА. Я не знаю нашихъ законовъ, и потому прошу васъ отвѣчать мнѣ откровенно. Нѣтъ-ли какого-нибудь средства разорвать наше обязательство?

РАУЛЬ. Я также очень несвѣдущъ въ этомъ дѣлѣ; знаю только, что всякая огласка покроетъ насъ стыдомъ.

СЮЗАННА. А между-тѣмъ союзъ нашъ не имѣетъ смысла.

РАУЛЬ (*вдругъ останавливаясь*). Откуда взялись у васъ эти идеи, эти необъяснимыя слова?

СЮЗАННА. Мнѣ кажется, Рауль, вы дурно судили обо мнѣ. Правда, сердце мое молодо; но во всемъ остальномъ, вы ставите меня слишкомъ низко. Въ васъ много гордости; разговоръ вашъ съ другомъ казался вамъ недоступнымъ и непонятымъ для женщины моихъ лѣтъ. Увѣрю васъ, что я все поняла, какъ нельзя лучше; я не такъ чужда свѣта, какъ вы думаете!

РАУЛЬ. Какая-же это фея могла вамъ все открыть?

СЮЗАННА. Эту фею вы часто со мною видѣли, но вѣроятно не замѣтили.

РАУЛЬ (*презрительно*). Служанка?

СЮЗАННА. Не болѣе того. Это служанка, которую я люблю и уважаю болѣе многихъ господъ; она замѣнила мнѣ мѣсто матери. Ея грубой нѣжности и здравому сужденію я обязана той опытностью, которую вы не думали во мнѣ найти. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я одна управляю домомъ, и сквозь дѣтскія грѣзы, мнѣ часто приходится составлять себѣ истинное понятіе о людяхъ. Васъ удивляютъ мои слова?... Какое же странное понятіе вы объ насъ имѣете!... Нѣтъ ни одной молодой дѣвушки, изъ числа тѣхъ, которыхъ вы такъ гордо осуждаете на занятіе одними нарядами, которая не въ состояніи была бы сказать вамъ то, что я говорю, еслибъ она смѣла,—и перенести то, что я переносу, еслибы Богъ послалъ ей эти страданія.

РАУЛЬ (*съ кротостью*). Сюзанна, выслушайте меня. Въ ваши лѣта все преувеличиваютъ. Положимъ, что въ этомъ несчастномъ разговорѣ, который вы случайно услышали, я говорилъ совершенную истину; неужели вы думаете, что чрезъ это вы дѣлаетесь какою-то исключительною жертвою? Молодая, мечтательная дѣвушка и пожилой мужчина, составляютъ большую часть нынѣшнихъ супружествъ. Многіе считаютъ даже хорошимъ признакомъ эту разницу въ лѣтахъ и чувствахъ, и я думаю, что человѣкъ пожилой и опытный можетъ быть не только другомъ, но и руководителемъ жены.

СЮЗАННА. Но зачѣмъ же вы жаловались на этотъ упадокъ духа, когда онъ такъ высоко цѣнится въ свѣтѣ?

РАУЛЬ (*съ неудовольствіемъ*). Повторяю вамъ, вы приписывали моимъ словамъ значеніе, котораго они вовсе не имѣли... Но впечатлѣніе сдѣлано, и теперь трудно его изгладить. Мнѣ хотѣлось бы только убѣдить васъ, что съ вами не случилось ничего особеннаго, что на вашу долю не выпалъ несчастный жребій, и что многія молодыя дѣвушки,

ваши подруги, подвержены той-же участи! (*Сюзанна смѣется*). Вамъ это смѣшно?

СЮЗАННА. Мнѣ смѣшно, что вы сердитесь... кромѣ этого, я не вижу тутъ ничего смѣшнаго.

РАУЛЬ (*пожимая плечами*). Однимъ-словомъ, такъ уже созданъ свѣтъ; вы его не измѣните.

СЮЗАННА. Вы ошибаетесь; въ томъ, что касается до меня, я измѣню многое.

РАУЛЬ. И вы дурно сдѣлаете, увѣряю васъ. Всѣ молодыя женщины, подобно вамъ, создавали воздушные замки въ молодости; дѣйствительность сначала поражала ихъ, также, какъ и васъ; но кончалось тѣмъ, что онѣ спускались на землю, и дѣлались добрыми матерями семейства, и сколько извѣстно, никто не осуждалъ ихъ за это.

СЮЗАННА (*съ негодованіемъ*). Но другимъ доступно ли то знаніе, которымъ я вамъ обязана? Слышали-ли онѣ то, что вы заставили меня выслушать? Подозрѣваютъ ли онѣ хотя одну изъ тѣхъ жестокихъ истинъ, которыя однимъ разомъ растерзали мнѣ сердце?... Нѣтъ, онѣ, подобно мнѣ, обмануты... Увы! каждая изъ нихъ, подобно мнѣ, наполняетъ душу чловѣка, котораго она любила, сокровищами своего собственнаго сердца, каждая объясняетъ по своему все, что она находитъ, все, что она предполагаетъ въ избранномъ ею чловѣкѣ. Каждая подобная мнѣ думаетъ видѣть нѣмую привязанность въ задумчивой улыбкѣ, вызванной позорнымъ прошедшимъ,—нѣжную заботу въ пошломъ привѣтствіи волокиты... Я готова вѣрить,—если вы мнѣ это говорите,—что всѣ мужчины приносятъ въ приданое своимъ женамъ то, что вы мнѣ приносите: но бѣдныя дѣвушки этого не подозрѣваютъ, это составляетъ ихъ счастье, это извиняетъ ихъ... Боже мой! какъ низко должна упасть та женщина, которая, зная, какъ я знаю, къ какой развалинѣ она приковала свою пылкую молодость,—захочетъ принять отъ такого союза священное имя жены и матери? (*Въ изнеможеніи падаетъ на диванъ*).

РАУЛЬ (*подходя къ ней, съ замѣшательствомъ*). Вы удивляете меня, Сюзанна.. Чего вы хотите? чего вы требуете? объясните мнѣ... Выведите меня изъ этого затруднительнаго положенія.

СЮЗАННА (*печально*). Извините меня.. я не привыкла къ такимъ сценамъ... этого болѣе не случится.

РАУЛЬ. Но скажите, чего-же вы отъ меня требуете?.. Успокойтесь Сюзанна, умоляю васъ... Все можно еще исправить... (*Всторону*). Какъ я глупъ!

СЮЗАННА. Теперь мнѣ лучше... гораздо лучше... И такъ, если намъ нельзя разстаться, не навлекая на себя стыда, останемся супру-

гами—для свѣта; но теперь, когда вы лучше узнали меня, Рауль, я надѣюсь, что вы повѣрите моей твердой рѣшимости быть для васъ навсегда чужою. Вотъ ваша комната. (*Показываетъ ему на дверь*).

РАУЛЬ (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери и потомъ останавливается*). Я повинуюсь вамъ, Сюзанна; но неужели вы будете требовать, чтобы мы разстались не только какъ чужіе, но и какъ враги? Если намъ суждено уже идти по одной дорогѣ, то не лучше ли оказывать другъ-другу то вниманіе, которое дѣлаетъ путешествіе пріятнымъ.

СЮЗАННА. О, на это я отъ души согласна.

РАУЛЬ (*сидясь возлѣ нея*). Не можемъ-ли мы даже быть друзьями, Сюзанна, добрыми друзьями?... Вы улыбаетесь; слава Богу! Дайте мнѣ руку въ знакъ довѣрія. Вотъ такъ! И если когда-нибудь вы церемѣните ваши мысли, то найдете, что я не злопамятенъ.

СЮЗАННА. Увидимъ.

РАУЛЬ. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы шутите. Жизнь не романъ, Сюзанна.

СЮЗАННА (*печально*). А вѣрили-ли вы этому въ то время, когда вамъ говорили это старики? Полагаясь на опытность другаго, отказывались-ли вы отъ всѣхъ грѣзъ юности? Могли-ли вы подумать, чтобы природа ничего не вложила въ наше сердце, кромѣ обманчивыхъ надеждъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ!.. Вы искали... у васъ былъ свой романъ... романъ несчастный? Какъ быть! можетъ-быть вы искали его слишкомъ низко... Я не спрашиваю у васъ отвѣта... Что касается до меня, то я создала мой романъ въ васъ... съ вами, рука въ руку, я надѣялась окончить свой радостный или грустный путь... все-равно! Привязанность, которой я отъ васъ ожидала, могла заставить меня полюбить даже слезы. Я думала быть для васъ... о, не тѣмъ, чѣмъ вы для меня сдѣлались, Рауль... (*Вдругъ останавливается*). Отдайте мнѣ ключикъ, который я вамъ дала...

РАУЛЬ. Вотъ онъ.

СЮЗАННА (*въ смущеніи*). Вотъ онъ!... Вы даже не спрашиваете меня, къ чему можетъ служить этотъ ключикъ?

РАУЛЬ. Я ничего не смѣю спрашивать, Сюзанна.

СЮЗАННА. И хорошо дѣлаете; вы не стѣбитъ, чтобы я вамъ сказала. Къ тому-же, васъ только разсмѣшитъ моя наивность. (*Она показываетъ ему браслетъ на руку*). У меня явилась фантазія, что я полюблю того, кто сниметъ этотъ браслетъ... отъ котораго у васъ ключикъ, и онъ долженъ полюбить меня... Отдайте мнѣ ключикъ.

РАУЛЬ (*отдавалъ ключикъ и подойдя къ ней съ нѣжностью*). Такъ вы мнѣ никогда, никогда его не отдадите, Сюзанна?

СЮЗАННА (*быстро вставая*). Когда у меня будетъ свой романъ. Но ужѣ поздно; я устала.

РАУЛЬ (*съ досадою*). Я также усталъ; кончимъ это, сударыня... Не понимаю, гдѣ у меня былъ умъ? Я понимаю васъ, хотя нѣсколько поздно. Вы хотите, чтобы нашъ бракъ напоминалъ времена Людовика XV. Пусть будетъ по вашему! Вспомните однако, что дамы того времени, не имѣя вашей наивности, умѣли, по-крайней-мѣрѣ, согласить свою независимость съ уваженіемъ къ тому имени, которое онѣ носили. При этомъ условіи, которое надѣюсь, вы не находите слишкомъ строгимъ, будьте увѣрены въ моемъ совершенномъ равнодушіи. Ищите теперь себѣ романъ, найдите его даже; мое мщеніе будетъ заключаться въ вашемъ успѣхѣ.

СЮЗАННА (*едва слышнымъ голосомъ*). Это-ли дружба, которую вы мнѣ обѣщали?

РАУЛЬ. Должно простить, сударыня, человѣку, котораго звезда вдругъ превратилась въ потѣшную ракету... Съ этой минуты, клянусь вамъ, я не подамъ болѣе повода на меня жаловаться. Цѣлую ваши ручки; но помните, что я всегда исполняю то, что сказалъ. (*Уходитъ*).

(Сюзанна, блѣдная какъ смерть, вздрагиваетъ и протираетъ руки; она хочетъ вскрикнуть, но принуждаетъ себя удержатъ этотъ крикъ. Жанета показывается въ дверяхъ и бросается къ своей безчувственной госпожѣ).

ПЕРЕПИСКА.

Письма Рауля къ Жоржу.

ПИСЬМО 2.

Дю-Шени, 15 іюня.

Вотъ я и въ деревнѣ, Жоржъ.

Ты благодаришь меня за довѣренность; въ-самомъ-дѣлѣ, она очень велика. Еслибы, кромѣ тебя, нашелся человѣкъ, знавшій тайну моего брачнаго дня, то я бы заставилъ его навсегда потерять память. Тебѣ же я самъ позволилъ подслушать такія вещи, которыя въ состояніи заставить смѣяться надо мною мертвыхъ!... Но не обманись: я люблюмъ. Такого невѣрующаго, какъ я, трудно разувѣрить. Она любитъ меня, говорю я тебѣ. Въ-слѣдствіе такой истины, нашему приключенію, довольно

забавному сначала, угрожаетъ весьма обыкновенная развязка. Я въ этомъ увѣренъ.

Мы согласились заранѣ переѣхать въ замокъ Шени, на другой-же день послѣ свадьбы. Въ девять часовъ, мадамъ д'Атоль прислала ко мнѣ свою старую фею, которую я охотнѣ назову вѣдьмою, чтобы попросить меня къ себѣ. Я нашелъ Сюзанну нѣсколько блѣдною и нерѣшительною, но улыбающеюся: у нея есть характеръ, увѣряю тебя. Я былъ любезенъ до глупости; мнѣ должно было загладить свою вчерашнюю грубость. Замѣтивъ это, она вспыхнула отъ радости и съ дѣтскою рѣзвостью оперлась на мою руку. Мы, какъ два голубка, стали спускаться съ лѣстницы. Дѣдъ ея, всегда любившій этикетъ, встрѣтилъ насъ внизу. Мы оба упали въ его объятія. Послѣ этого мы должны были войти въ залу, гдѣ ожидали насъ всѣ остатки свадьбы, двѣ тетки и кузены: глупая церемонія, отъ которой англичане всегда избавляютъ своихъ молодыхъ женъ. Насъ встрѣтили съ праздничными физіономіями: Сюзанна была тѣмъ, чѣмъ ей слѣдовало быть: спокойною и натуральною.

Послѣ завтрака мы сѣли въ хорошенькую коляску, которую я включилъ въ число своихъ свадебныхъ подарковъ, вмѣсто торжественной колесницы. При всемъ томъ, я сѣлъ въ нее не триумфаторомъ: Сюзанна везла съ собою свою няньку, мою злѣйшую непріятельницу, а я тащилъ за собою Лермита.

Мы поѣхали. Кучеръ, въ пылу усердія, которое онъ считалъ, какъ нельзя болѣе приличнымъ, глупѣйшимъ образомъ разукрасился разноцвѣтными лентами. Вниманіе поселявъ, возбуждаемое этими эмблемами, несносно выказывалось на каждомъ шагу. Крестьяне и крестьянки, выбѣгая изъ воротъ, или выглядывая черезъ заборы, обмѣнивалась съ нашимъ кучеромъ значительными взглядами, и потомъ угощали насъ сладкими улыбками. Я сидѣлъ въ своемъ углу съ нахмуреннымъ и неподвижнымъ лицомъ. Сюзанна на каждую улыбку отвѣчала улыбкою и бросала деньги мальчишкамъ. Погода и деревенскіе виды составляли предметы нашего разговора. Разъ или два она спросила у меня названія разныхъ всходовъ на земляхъ, которыя мелькали мимо, и когда я скромно сознавался въ своемъ невѣдѣніи, она прерывала меня восклицаніями: Какъ! вы этого не знаете? Но это рожь, это овесъ, это пшеница! И она смѣялась, какъ ребенокъ.—Что за странная женщина!

Когда мы подъѣхали къ замку, мнѣ вздумалось спросить, чтобы сказать что-нибудь, не встрѣтитъ-ли насъ у воротъ ея староста рѣчью?

— Какой староста? спросила она: Жанъ-Бальи?

Я даже не улыбнулся.—Кстати, прибавилъ я, смѣясь, я представлю его вамъ, если позволите?

— О, непременно, отвѣчала она съ живостью.... я буду ему очень благодарна! Другъ мой, въ женскомъ умѣ есть гибкость, разстроивающая всю нашу ученую тактику!

Мнѣ никогда не случалось видѣть вблизи замокъ Шени. Представь себѣ аллею, какъ всѣ аллеи, замокъ, какъ всѣ замки, и кругомъ паркъ.

Вотъ Шени. Случалось-ли тебѣ проѣздомъ, видѣть сквозь рѣшетки, ограждавшія обѣ стороны дороги, бѣленькую виллу, обитую зеленью, лужокъ передъ террасою, и на лужкѣ, при лучахъ заходящаго солнца, группу миловидныхъ дѣтей и хорошенькихъ женщинъ?—Это минутное видѣніе не оставляло-ли послѣ себя отраднѣйшій слѣдъ покоя и счастья? Не казалось ли тебѣ, что передъ тобою, какъ будто во снѣ, пронеслась идеальная будущность, въ которой чистыя семейныя радости смѣняются одна другою? — Мнѣ пришло это на мысль. Чтобы поставить такую картину на сцену, здѣсь готовы всѣ декораціи. — Но я забылъ свою роль.—Другіе, проѣзжая мимо нашего замка, можетъ-быть также будутъ мечтать.

Цѣлая толпа ожидала насъ на дворѣ. Какъ только мы ступили на землю, Сюзанна исчезла, оставя меня посреди своихъ крестьянъ; я нѣсколько смѣшался, но потомъ сталъ обращаться въ разныя стороны съ общими вопросами. Сюзанна вскорѣ возвратилась, въ маленькомъ старинномъ чепцѣ, который впрочемъ очень идетъ къ ней. Она взяла меня подъ руку, и мы пошли осматривать замокъ, отъ погреба до чердака. Я старался дѣлать разныя любезныя замѣчанія, она болтала обо всемъ безъ умолку, открывала шкафы, показывала мнѣ всѣ лѣстницы, печи и окна, объясняя всѣ послѣднія исправленія. Только въ то время, когда дѣло дошло до нашихъ комнатъ, она безмолвно указала мнѣ на флигель, избранный ею для себя, и на другую половину, которую предоставляется занимать мнѣ.—По-крайней-мѣрѣ, мы сосѣди.

Послѣ этого, она повела меня въ конюшню, гдѣ оставила одного, чтобы побѣжать въ кухню, откуда возвратилась съ большимъ кускомъ хлѣба и стала кормить свою лошадь. Она называетъ ее Джаффаръ; славная лошадь, но капризная и горячая, какъ увѣряетъ ея хозяйка. Джаффара заставили признаться въ этихъ недостаткахъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Жоржъ, что это за женщина! — Другъ мой, мнѣ жаль, что я забылъ то тайное предостереженіе, которое прежде наполнило меня какимъ-то ужасомъ при видѣ каждой дѣвицы.—Лицо женщины никогда не приводило меня въ смущеніе, но признаюсь, я не могъ безъ круженія головы видѣть эту пропасть, прикрытую цвѣтами, которую называютъ дѣвицею! Всѣ они похожи другъ на друга!—Тѣ, у ко-

торыхъ есть умъ, и у которыхъ его нѣтъ, которыя думаютъ, и которыя прозябаютъ, у которыхъ есть сердце, и у которыхъ, вмѣсто сердца, мыльный пузырь, всѣ онѣ похожи другъ на друга! Что онѣ знаютъ и чего не знаютъ, что онѣ говорятъ другъ-другу, при своемъ перешептываньи, въ чемъ онѣ признаются и что скрываютъ, этого не знаетъ никто изъ насъ! Еслибы насъ не увлекала судьба, кто-бы изъ насъ отдалъ-бы такъ слѣпо свою жизнь на жертву неизвѣстности! Подумай, что эта кукла, едва поселившись подъ одною съ тобою кровлею, вдругъ, въ твоихъ изумленныхъ глазахъ, начинаетъ жить своею жизнью, принимать свой характеръ, свою волю; это растеніе, такъ долго содержавшееся подъ гнетомъ, вдругъ начинаетъ распускаться съ ужасающею быстротою. Эта закрытая урна, которую ты внесъ къ себѣ въ домъ, вдругъ открывается, и что-же изъ нея выходитъ? Война или миръ—можетъ-быть, счастье, можетъ-быть, одинъ позоръ. Женился ты на ангелѣ или на чудовищѣ,—ты узнаешь, но уже поздно.

Я не могу сказать, чтобы Сюзанна подходила подъ эту категорію; но легкіе оттѣнки, которые отличали ее отъ подругъ, могли-ли дать мнѣ понятіе объ этомъ разнообразномъ характерѣ. Не знаю, долженъ-ли я видѣть въ женѣ раздраженную львицу, или печальную голубку, равную ли испорченность, или высокую добродѣтель, кокетку, или ребенка, помѣщицу, или синій чулокъ?—Отвѣчай, я тебя спрашиваю.

Перебирая въ головѣ своей всѣ эти загадки, я пообѣдалъ съ большимъ аппетитомъ, потому-что—слушай меня, Жоржъ, какъ ты слушалъ-бы оратора—нѣтъ въ жизни непріятности, которая могла-бы заставить человѣка пренебречь обѣдомъ. Напротивъ, чѣмъ затруднительнѣе обстоятельства, тѣмъ болѣе необходимо подкрѣплять себя пищею. Кромѣ-того, что за обѣдомъ думаешь, еще лучше разсуждать послѣ обѣда.

— Вы курите когда ѣздите верхомъ, Рауль? спросила мадамъ д'Атоль, когда мы выходили изъ-за стола.

— Верхомъ, пѣшкомъ и на водѣ, сударыня, но никогда при дамахъ.

— Я прошу васъ сдѣлать для меня исключеніе. Я приказала приосѣдлать Джаффара.

Она явилась черезъ десять минутъ въ амазонкѣ темнаго цвѣта, въ студентской шляпѣ и въ кавалерійскихъ перчаткахъ. Мы пустились въ галопъ по старымъ лѣсамъ, окружающимъ паркъ. Я былъ объ ней, какъ о наѣздницѣ, очень невысокаго мнѣнія, потому-что прежде она всегда отказывалась ѣздить верхомъ; но это было кокетство своего рода, потому-что она ѣздитъ превосходно, и должно признаться, что во всемъ, что она дѣлаетъ, есть какая-то дѣтская прелесть.

Я остался несовсѣмъ доволенъ Джаффаромъ. Нужно сказать тебѣ, что лѣсъ раздѣляется на двое, не широкою, но довольно глубокою рѣкою. Изъ любви къ живописному мѣстоположенію, избрали самые крутые берега для того, чтобы перебросить черезъ нихъ мостъ, выкрашенный бѣлою краскою и огражденный простыми деревянными перилами. Мнѣ кажется, что подъ мостомъ нарочно прорыли оврагъ, чтобы устроить тутъ родъ водопада и придать болѣе дикости картинѣ; знаю только, что подъ ногами реветъ адскій водоворотъ. Мы ѣхали шагомъ, и я былъ нѣсколько позади; но видя, что Джаффаръ начинаетъ прыгать и поднимаетъ уши, подвѣзая къ мосту, я догналъ Сюзанну. Джаффаръ наконецъ рѣшился взойти на мостъ; но вдругъ, на ерединѣ, проклятое животное дѣлаетъ полъ-оборота и поднимается на дыбы, перекинувъ двѣ переднія ноги за перилы. Я поспѣшилъ на помощь въ самомъ несчастномъ расположеніи духа. Не подходите! закричала Сюзанна: видите, онъ бонется! и начинаетъ вполголоса успокоивать свою негодную клячу, лаская ее, какъ теленка. Это продолжалось съ минуту, послѣ чего интересный Джаффаръ докончилъ свой полъ-оборотъ, и упалъ на переднія ноги передо мною. Надѣюсь, что вы велите продать это чудовище, сказалъ я, съ нѣкоторою живостью. — О, пѣть... онъ бонется, бѣдный Джаффаръ... Онъ не былъ въ Африкѣ... но увѣряю васъ, что онъ очень послушенъ... Посмотрите... И она снова поворотила на мостъ. Сюзанна! вскричалъ я. Но Сюзанна уже перелетѣла мостъ. Мнѣ оставалось только скакать вслѣдъ за нею. Я и поскакалъ.

Мы возвратились, когда наступала уже ночь, маленькій старомодный чепчикъ снова явился на горизонтѣ. Я просилъ ее сыграть мнѣ вальсъ. Она сыграла мнѣ два. Прислонясь къ окну, которое было открыто въ этотъ теплый и тихій вечеръ, я билъ тактъ съ самодовольнымъ видомъ знатока. Извѣстно, что вечеръ смягчаетъ души, и какъ извѣстно также, что я фать, то я и предположилъ, что эта минута будетъ развязкою нашего смѣшнаго положенія. Я имѣлъ нѣкоторыя причины на это рассчитывать, потому что въ то время, какъ одна рука Сюзанны небрежно искала позабытыя ноты третьяго вальса, маленькій чепчикъ слегка наклонился, и рука неподвижно остановилась на клавишахъ. Тяжелый вздохъ или заглушаемое рыданіе долетѣло до моего слуха. Я подошелъ и сказалъ, принимая нѣжный и покровительственный тонъ: вы плачете, Сюзанна? — Отвѣта не было. Я подхожу еще ближе... Представь себѣ, Жоржъ, она спала!

Я никогда не прощу себѣ той досады, съ которою я оттолкнулъ отъ себя ноты, лежавшія на роялѣ. Сюзанна тотчасъ вскочила на ноги, посмотрѣла меня такимъ взглядомъ, который обезоружилъ бы тигра; но

у тигровъ нѣтъ самолюбія. Вы едва не сожгли себя, сказалъ я сухо. Боже мой, какъ я неосторожна! прошептала она. Давно ли?... Увѣряю васъ, мнѣ такъ хотѣлось спать....

— Очень вѣрю. Я видѣлъ по лицу ея, что она не знала, смѣяться ей, или плакать, и не ожидая, чѣмъ это кончится, я сказалъ нѣсколько словъ объ усталости, зажегъ свѣчу и подаль ей (женѣ моей) руку. Она спустилась вмѣстѣ со мною нѣсколько ступенекъ, и потомъ, сдѣлавъ мнѣ низкій поклонъ, исчезла въ лѣвомъ флигелѣ; я тоже расположился въ своей комнатѣ, но прежде выгнать оттуда Лермита.

Послушай: что она ни дѣлай, ей никогда не выбить изъ моей головы той мысли, что она меня любить.

R. S. Не знаю, найдешь ли ты смѣшною или обидною мою просьбу — не пріѣзжать сюда, пока вся эта исторія чѣмъ-нибудь не кончится?

III.

Дю-Шени, 25 іюня.

Представь себѣ: я скучаю. Мой страдальческій вѣнокъ начинаетъ превращаться въ ночной колпакъ. Для того, чтобы шутка цѣлые десять дней не теряла своей остроты, нужно, чтобы она была превосходна, а эта шутка далека отъ этого. Я предполагалъ весьма основательно, что Сюзанна будетъ стараться возбудить мою ревность: это самая обыкновенная уловка женщинъ; ничего не бывало. Можно подумать, что мадамъ д'Атоль нашла въ своемъ замужствѣ верхъ семейнаго счастья и цѣль всей жизни. Пусть будетъ такъ.

Привесемъ томъ мнѣ досадно, что надѣлали такъ много шума, чтобы тѣмъ и кончить. Я вполне оцѣнилъ то, что нашелъ законнаго въ ея гнѣвъ и справедливаго въ ея упрекахъ. Еслибы слова оправдались на дѣлѣ, еслибы эта молодая женщина смѣло — въ моихъ глазахъ — вздумала бы привести въ исполненіе свои мечты, я, по-крайней-мѣрѣ, отдалъ бы справедливость твердости ея характера; но послѣ сцены, послѣ слезъ, фразъ — ничего! Это просто капризъ избалованнаго ребенка.

Когда я вижу ее въ креслѣ, прилежно-занятую вышиваньемъ, съ спокойствіемъ на лицѣ, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, я чувствую, что возненавидѣлъ бы ее, еслибы еще былъ въ состояніи ненавидѣть. Что сказать тебѣ о нашей жизни? Это золотая и шелковая ткань со всеми прелестями сельской жизни. Что мнѣ рассказывать, Жоржъ? Сновъ невинности не рассказываютъ. Я собираюсь купить себѣ свирѣль, и расхаживать по окрестностямъ. Мнѣ не достаетъ только

посоха, чтобы сдѣлаться настоящимъ пастушкомъ. Надо сказать тебѣ, что это имѣніе раздѣлено на безчисленное множество фермъ. Сюзанна не оставила ни одного поля, ни одного стойла безъ того, чтобы не показать ихъ мнѣ. Рогатый скотъ дефилировалъ передо мною цѣлые десять дней, и могу даже прибавить — десять ночей, потому что я видѣлъ его и во снѣ. Ихъ различныя породы, ихъ нравы, обычаи, теперь мнѣ все извѣстны. Не хочетъ ли мадамъ д'Атоль испытать до конца мою любезность? Не начинается ли этимъ мщеніе? Когда она стала испытывать мои познанія въ коровахъ и баранахъ, я имѣлъ глупость отвѣчать ей этою неумѣстною фразою. У стараго каннибала, привезеннаго въ Европу, спросили однажды, не зналъ ли онъ француза Лере? — Какъ нельзя лучше, отвѣчалъ онъ, я его съѣлъ.

Вмѣсто развлеченій, мы дѣлаемъ по сосѣднимъ голубятнямъ визиты, которые отдають намъ, къ довершенію благополучія. Знакомясь съ сосѣдями, я начинаю понимать снокоиствіе Сюзанны. Это картина, успокоивающая чувства. До-сихъ-поръ я еще лучше всѣхъ одѣтъ и наружность моя болѣе другихъ подходитъ къ идеѣ, которую составляютъ себѣ о героѣ романа. Нечего дѣлать, ей придется на что-нибудь рѣшиться.

Я запечаталъ письмо и бросился на широкій диванъ, который, по моему мнѣнію, составляетъ лучшее украшеніе моей библіотеки, когда два удара въ дверь заставили меня вскочить на ноги. Вслѣдъ за тѣмъ изъ дверей показалась бѣлокурая головка, потомъ безпокойный и почти робкій взглядъ, и дрожащій голосокъ спросилъ меня: Вы заняты?

Еще въ первый разъ она перешла нашу границу. Удивленіе, не-описанное, на моемъ лицѣ, вызвало яркой румянецъ на лицо молодой нескромницы.

— Занятъ, нѣтъ.... Ослѣпленъ, сознаюсь.

— Могу ли я просить у васъ аудіенціи?

— Когда угодно!

— Вы подождете меня съ четверть часа?

— Сударыня! — Но она исчезла. — Чортъ возьми эту четверть часа; она все портитъ; но я пользуюсь ею, чтобы сообщить тебѣ такой необыкновенный случай. Жизнь моя до такой степени сдѣлалась мелочною, что песчинка занимаетъ въ ней мѣсто горы. До свиданья, Жоржъ, вотъ она.

Она вошла, съ трудомъ неся подъ рукою цѣлую кипу сѣрыхъ бумагъ. Она положила ихъ на столъ, съ котораго поднялось облако пыли, издававшее могильный запахъ. — Боже мой! что это такое? спросилъ я. — Здѣсь отвѣчала она, пресерьозно садясь передо мной, грамоты, заемныя письма, квитанціи и вообще всѣ статьи, касающіяся до пяти

фермъ, составляющихъ наше помѣстье Шени, считая въ томъ числѣ и объ мельницы. Дѣдушка, увѣрявшій, что надъ этими бумагами онъ потерялъ зрѣніе, даже не отряхнулъ съ нихъ пыли, фи! какъ это грязно, и она хлопала своими маленькими ручками съ какимъ-то смѣлымъ ужасомъ. — Нужно привести все это въ порядокъ, прибавила она. — Но Сюзанна, если фермеры платятъ и мельницы вертятся, то мнѣ кажется, что все находится въ порядкѣ.

Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, въ которомъ видно было даже презрѣніе. — Какъ! вскричала она, вы думаете, что все это идетъ само собою? ... Вы все еще считаете себя въ Парижѣ? ... Скажите, кто занимается вашими дѣлами?

— Во-первыхъ, мой нотаріусъ, а послѣ него мой управляющій, къ которому я отправлю весь этотъ хламъ.

— Этого я ни за что не позволю. Если вамъ неприятно будетъ разбирать эти дѣла и слѣдить за ними, то я попрошу у васъ позволенія взять это на себя, хотя мнѣ многому нужно будетъ учиться.

— Но нельзя ли узнать, къ чему поведетъ этотъ скучный и бесполезный трудъ? спросилъ я.

На это она начала рассказывать мнѣ длинную исторію, изъ которой я узналъ, сквозь дочернюю скромность, что мой покойный тесть, генералъ дю-Шени, былъ порядочный мотъ. Онъ вполне ввѣрился мошеннику управляющему, который отдавалъ ему за большіе проценты въ долгъ доходы съ его собственныхъ земель. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ одно прекрасное утро, полицейскіе явились въ домъ генерала. Онъ имѣлъ въ то время, кромѣ дома въ Парижѣ и замка Шени, еще помѣстье въ Нормандіи; но при ловкости управляющаго, казалось, что всего этого недостаточно будетъ для уплаты долговъ. Генералъ ни о чемъ больше не говорилъ, какъ о своемъ намѣреніи застрѣлиться, и болѣе всего говорилъ объ этомъ женѣ, которую раззорилъ. Мадамъ дю-Шени умѣла однако успокоить мужа; она увезла его въ тотъ замокъ, гдѣ мы теперь живемъ, продавъ домъ въ Парижѣ и помѣстье въ Нормандіи. Тесть мой кричалъ и жаловался, что его увезли въ деревню, чтобы уморить со скуки. Черезъ двѣнадцать лѣтъ теща совершенно очистила отъ долговъ замокъ дю-Шени и накопила до двадцати тысячъ франковъ годового дохода. Сдѣлавъ все это, она умерла черезъ двѣ недѣли, послѣ рожденія Сюзанны. Бѣдная женщина, Жоржъ!

Что касается до генерала, то онъ и до-сихъ-поръ пользовался бы совершеннымъ здоровьемъ, еслибъ не сломалъ головы, упавъ съ лошади.

Какъ бы то ни было, но мадамъ дю-Шени, умирая, передала своей дочери ненависть къ управляющимъ, черезъ старую служанку. До сво-

его замужства, Сюзанна предоставляла заботиться о своихъ доходахъ дѣду, бывшему ея опекуномъ. Ты видѣлъ этого милаго старика; онъ добрѣйшій изъ людей, но ничего не смыслить въ дѣлахъ.

Вотъ почему всю эту работу взвалили на меня. Это не очень меня радуетъ, но скажи, есть ли возможность оставить всю эту тяжесть одной Сюзаннѣ?

Вотъ до чего я дошелъ, Жоржъ. И ты думаешь, что она этимъ удовольствуется: ничего не бывало! Оставляя меня наединѣ съ этою кучею бумагъ, она не могла скрыть какого-то адскаго самодовольствія. Напротивъ, въ душѣ ея пламя тайнаго мщенія, или она просто забавляется, усаживая Геркулеса за прялку. Ея мельницы — смѣшно подумать! Хорошо, что она еще не заставляетъ меня носить оттуда муку. Прощай, Жоржъ.

IV.

Шени 10 іюля.

Я едва нахожу время, чтобы писать къ тебѣ, Жоржъ. Въ простотѣ своей, я вообразилъ, что нѣсколькихъ часовъ достаточно будетъ для исполненія возложенныхъ на меня порученій; но все это было для меня до такой степени ново, что я долженъ былъ приняться за изученіе хозяйства. Я прочелъ, не переводя духа, всѣ пять частей. «*Новыйшаго домохозяина*», съ картинами; просмотрѣлъ судопроизводство и нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ нашимъ деревенскимъ нотаріусомъ? Чего я не дѣлалъ! ходилъ даже за совѣтами къ Жану Балли, самому опытному изъ нашихъ фермеровъ. Всего важнѣе было узнать, сколько можетъ дать дохода каждая ферма. Я наконецъ достигъ до этого. Оказывается, что одинъ изъ пяти нашихъ фермеровъ мошенникъ, такъ, что я выгналъ его вонъ. Такимъ образомъ за его фермою придется смотрѣть мнѣ самому. Прибавь еще къ этому перестройки, пересаживаніе деревьевъ, поправку дорогъ и мельницъ, однимъ-словомъ, цѣлый міръ презабавныхъ удовольствій.

Признаться ли тебѣ, Жоржъ, что принявшись за это дѣло съ неохотою, я кончилъ тѣмъ, что полюбилъ его. Поэтому, если мадамъ д'Атоль приковала стараго льва къ деревенской сохѣ съ цѣлью отмстить мнѣ, то ея цѣль недостигнута. Напротивъ, я ощущаю какое-то самодовольствіе. Впрочемъ, мадамъ д'Атоль чрезвычайно со мною любезна. Мы видимся рѣдко, но встрѣчаемся всегда съ церемоніями, которыя дѣлаютъ изъ нашего замка маленькій Версаль, и что за комплименты! — Какъ вы прелестны

сегодня утромъ, или, если это вечеромъ: какъ вы прелестны сегодня вечеромъ; — однимъ-словомъ, всё сокровища разговора.

Я ошибся. Есть по сосѣдству трое молодыхъ людей, не дурно одѣтыхъ, хорошо вѣдящихъ верхомъ, взрядныхъ вальсеровъ, которые носятъ розы въ петличкахъ. Ихъ называютъ: ces messieurs. Должно быть, сестрицы ихъ очень полюбили Сюзанну, потому-что по восьми разъ въ недѣлю присылаютъ своихъ братцевъ съ разными посылками, нѣтами, вышивками и другимъ вздоромъ.

Вчера Сюзанна, въ костюмѣ пастушки, вышивала у своего окна. Я возвращался съ поля.... Я просунулъ голову въ окно ея будуара и пожелалъ ей добраго утра. Она вздрогнула и потомъ сдѣлала мнѣ пренизкій поклонъ.—Посмотрите, какой вы смѣшной, сказала она, садясь; вѣрно очень пыльно? — Это не пыль, сударыня, имѣю честь донести, но мука. — Въ-самомъ-дѣлѣ, продолжала она, съ удивленіемъ устремивъ на меня свои большіе глаза: у васъ даже волосы покрыты мукою. И съ дѣтскою живостью она встала, протянувъ ко мнѣ руку, какъ будто желая оказать мнѣ маленькую услугу, которой требовало мое положеніе; но вѣроятно ей показалось, что эта короткость переходитъ назначенныя границы, потому-что она вдругъ покраснѣла и въ смущеніи опустилаея на диванъ. Право, она очень мила, и эта непринужденность придаетъ ей какую-то особенную прелесть.

— А вашъ романъ, дитя мое? спросилъ я тихо. Я видѣлъ, какъ иголка задрожала надъ вышиваньемъ, какъ магнитная стрѣлка.—Боже мой, сказала Сюзанна, какъ вы торопитесь!—Я не тороплюсь, я ожидаю.—Когда она говорила это, позади меня послышался топотъ кавалькады: это были трое молодыхъ людей, нашихъ сосѣдей. Я взглянулъ на Сюзанну съ улыбкою. Она покраснѣла и нѣсколько разъ покачала головою. Это вѣроятно значило: ихъ число составляетъ вашу силу.

Какой странный характеръ у этой женщины! Еслибы въ моей памяти не была свѣжа сцена въ день моей свадьбы, еслибы этотъ потокъ горькихъ, язвительныхъ словъ не раздавался еще въ моихъ ушахъ, то я никогда не въ состояніи былъ-бы вообразить, чтобы гроза могла таиться въ этой дѣтской груди, что на этой гладкой поверхности бываетъ буря! Жоржъ, вотъ ея жизнь: утромъ я вижу изъ окна, какъ она ходитъ по росѣ отъ дерева къ дереву, обрѣзывая, подстригая, срывая цвѣты, чтобы потомъ принести ихъ въ свой будуаръ. Тутъ является новое занятіе: всё эти цвѣты разставляютъ въ вазы, съ помощью неизбѣжной Жанеты, и потомъ она садится въ свою искусственную рошу, какъ царица цвѣтовъ, и оттуда отдаетъ приказанія. Послѣ завтрака выводятъ Джаффара, и она ѣдетъ со мною или безъ меня. Черезъ

часть она возвращается, и все въ домѣ оживаетъ.—Гдѣ моя иглолка? мое вышиванье? мое платье? (она иногда сама шьетъ себѣ платья). Вчера я видѣлъ, какъ она кроила рубашечку для ребенка; не знаю, для кого это. Прибавь къ этому визиты, которымъ нѣтъ конца, особенно по вечерамъ, музыку и бесѣды съ человѣкомъ, который до-сихъ-поръ одинъ только можетъ считаться моимъ соперникомъ.

Это деревенскій пасторъ, который крестилъ Сюзанну. Онъ обѣдаетъ у насъ по воскресеньямъ, и потомъ запирается съ нею и выходитъ всегда съ торжествующимъ видомъ со связкою бумагъ. Мнѣ кажется, у нихъ есть сироты, которымъ они дѣлаютъ добро.

Я не могу любить этого ребенка, я не могу любить, но если все это не комедія, если она въ-самомъ-дѣлѣ хочетъ заглушить огонь сердца набожностью, и разсѣять въ добрыхъ дѣлахъ всю страсть юности, то я еще не такъ низко упалъ, чтобы не уважать ее, не удивляться ей глубоко. Не знаю, достигнетъ ли она этого. Все-равно! я буду помнить, что она имѣла это намѣреніе. Прощай.

Р. S. Я позабылъ сказать тебѣ объ открытіи, которое нѣсколько до тебя касается. Я ходилъ, какъ тебѣ извѣстно, за совѣтами къ Жану Бальи, мудрѣйшему изъ мудрыхъ. Просидѣвъ съ нимъ часа три, я собрался уже уходить, когда онъ объявилъ, что хочетъ кое-что мнѣ показать... Спустился къ намъ, закричалъ онъ громко, и я не могъ скрыть своего удивленія, увидя молодаго человѣка, который какъ двѣ капли воды походитъ на тебя, Жоржъ. На немъ былъ мундиръ твоего полка, что еще болѣе меня обило, твой ростъ, твои глаза, твои манеры, но какая-то болѣзненная блѣдность на лицѣ. Онъ уже цѣлый мѣсяць живетъ у своего дяди, Жана Бальи. Онъ раненъ въ грудь, и по совѣту докторовъ спитъ въ конюшкѣ. Онъ не въ твоёмъ батальонѣ, и знаетъ тебя только по имени. Я просилъ его приходить безъ церемоніи въ мой паркъ и распоряжаться моими лошадьми. Я показалъ ему мѣсто, гдѣ можно перешагнуть черезъ плетень, чтобы не обходить кругомъ. Мы довольно часто его видимъ. Разговоръ его очень мнѣ нравится, но въ немъ много восторженности. Даже и въ этомъ въ васъ есть сходство. Сюзанна истощаетъ все свое краснорѣчіе, чтобы доказать ему, что онъ неопозволительно толстѣетъ, потомъ смѣется надъ его конюшнею, и всегда развеселить и разсѣетъ его. Бѣдняжка! — Сюзанна замѣтила его въ церкви, и также поражена была сходствомъ съ тобою. Но Жоржъ де-Верновъ лучше, прибавила она, потому-что у него рубецъ на лицѣ. Прощай, до свиданія.

27 іюля. Шени.

Радуйся, Жоржъ, мой овесъ взошелъ.—Какъ, весь? — Да, весь — я говорю собственно про ту ферму, которою управляю; другія до меня не касаются. И какой овесъ, другъ мой! Мы прежде всего скосили дальнее поле, которое ближе къ рѣкѣ. Обѣ мои мельницы дѣйствуютъ такъ хорошо, что я строю третью.

Это на полѣ. Дома я часто пишу до глубокой ночи; привожу въ порядокъ и записываю содержаніе всѣхъ бумагъ, которыя дала мнѣ Сюзанна. При этихъ занятіяхъ, мнѣ часто приходятъ на умъ нѣкоторыя размышленія, которыя меня самого удивляютъ. Жоржъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что праздность есть не только дурной расчетъ лѣни, но даже визость. Жизнь, посвященная только самому-себѣ, недостойна челоуѣка. О, какъ-бы я желалъ новою половиною жизни выкупить свое прошедшее?

— А Сюзанна? — Не знаю, что тебѣ сказать о ней. Ея образъ жизни не измѣнился, несмотря на усиленныя атаки трехъ мушкетеровъ: они слишкомъ часто пріѣзжаютъ втроемъ, для того, чтобы это могло меня беспокоить. Я замѣчаю, утромъ и вечеромъ, неизвѣстныя мнѣ прогулки съ доброю Жанетою; но бѣлье и новое дѣтское платье, которое уносятъ съ собою въ уздахъ, разрѣшаютъ всѣ предположенія.

Вчера вечеромъ, въ восемь часовъ, страшная гроза разразилась надъ деревнею. Это случилось въ то самое время, когда у насъ обыкновенно бываютъ сосѣди, потому-что печальное *tête à tête* нашего перваго вечера болѣе не возобновлялось. Случайно, или нарочно, но всякой вечеръ или мы въ гостяхъ, или у насъ гости. На этотъ разъ, ужасная погода сдѣлала то, что мы оставались одни. Казалось, эта мысль очень занимала Сюзанну, которая, прильнувъ лицомъ къ окну, наигрывала пальцами на стеклахъ какой-то неизданный маршъ, между тѣмъ, какъ я перелистывалъ альбомъ съ бѣлыми страницами. Принесли лампы. Сюзанна вдругъ обернулась, и откативъ кресло къ пальцамъ, принялась за работу. Я всталъ и началъ подвигаться къ дверямъ медленно, останавливаясь у вазъ съ цвѣтами, чтобы прикрыть свое бѣгство. — Если вы хотите заниматься въ моемъ будуарѣ, сказала припопнимаяся Сюзанна, то я могу работать наверху.

— Если непременно необходимо, чтобы одинъ изъ насъ ушелъ отсюда наверхъ, то позвольте мнѣ это сдѣлать, сударыня.

— Боже мой! вѣдь есть люди, которые не могутъ работать... писать вмѣстѣ.

Не помню, что я отвѣчалъ, но послѣ нѣсколькихъ учтивыхъ фразъ, стащилъ сверху свою огромную книгу и разложилъ ее на столѣ, противъ пялецъ. Каково, Жоржъ!

Между-тѣмъ удары грома заставляли дрожать замокъ; дождь и вѣтеръ били въ окна. При каждомъ новомъ ударѣ, мы вмѣстѣ поднимали голову, съ улыбкою смотря другъ на друга, и какъ-будто говоря: какая страшная гроза!

Ей понадобилась не помню какая вещь, позабытая на кушеткѣ, на другомъ концѣ залы. Возвращаясь назадъ, она остановилась на минуту позади моего стула, и я почувствовалъ, что она наклонилась надо мною, какъ вѣтка склоняется подъ тяжестью своихъ цвѣтовъ. Къ счастью, моя счетная книга была открыта на самой блестящей страницѣ, и я былъ въ восторгѣ.

Время шло. То я спрашивалъ ее о назначеніи лоскутка матеріи, которой ея маленькій наперстокъ разглаживалъ складки, то она осведомлялась о моихъ хозяйственныхъ занятіяхъ; потомъ мы спорили о Мейербергѣ, о Россини, и наконецъ углубились въ теорію громоотводовъ.

Какъ обыкновенно случается, мы говорили только для того, чтобы имѣть право молчать. Какъ только молчаніе перестало быть намъ въ тягость, мы не прерывали его. Утомясь дневными заботами, я съ трудомъ могъ заниматься дѣломъ, тѣмъ болѣе, что аромать цвѣтовъ и зелени, бросааясь въ голову, приводилъ меня въ какое-то забытѣе. Все мнѣ казалось какъ-будто во снѣ. Я поднялъ свои утомленные глаза и взглянулъ на Сюзанну: видно было, что она старалась возвратитъ потерянное время. Я едва различалъ въ тѣни граціозный изгибъ ея шеи, склоненной, какъ шея лебедя, который погружается въ воду, но свѣтъ лампы освѣщалъ ея лицо, и играя въ волосахъ, казалось, разсыпалъ по ея бѣлокурой головкѣ блестящія искры; глаза ея внимательно слѣдили за быстрымъ движеніемъ иглоки. Эта милая женщина, своею покорностью судьбѣ и своею ангельскою кротостью выражаетъ всѣ семейныя радости и обязанности; все вокругъ нея дышитъ отрадою и спокойствіемъ. Можно-ли жаловаться тому, кто послѣ дневныхъ работъ находитъ ея милый образъ у своего домашнего камина?.. Эта мирная семейная картина, въ которой какъ-будто тѣснѣе сближала насъ буря, ревѣвшая на дворѣ, странно дополнялась въ моемъ воображеніи. Мнѣ казалось, что между нами мелькали воздушныя и нѣжныя формы, безпрестанно переходившія другъ къ другу, и составлявшія звѣнья цѣпи, которою соединены были два наши сердца. . Да, если что-нибудь можетъ напоминать намъ счастье на землѣ, то конечно подобное видѣніе. Если Богъ посылаетъ намъ награду послѣ

труда, и утѣшеніе вслѣдъ за испытаніемъ, то и то и другое было у меня передъ глазами.

Нѣсколько разъ Сюзанна, удивленная моимъ упорнымъ молчаніемъ, бросала на меня бѣглые взгляды. Постоянно встрѣчаясь съ моими взглядами, она опускала свои глаза. Этотъ болѣзненный сонъ, эти мысли утомляли меня. Было довольно поздно; я всталъ. Сюзанна встала въ ту же минуту. Я подошелъ къ ней, и поцѣловалъ ее въ лобъ; рука ея дрожала въ моей рукѣ. Я вышелъ потомъ, не сказавъ ни слова, какъ-будто подъ вліяніемъ какого-то волшебства.

Эти цвѣты для меня вредны, вотъ и все. Прощай, другъ мой.

VI.

Шени. 10 августа.

Я возвращаюсь съ бала; теперь три часа утра. Довольно неприятное происшествіе заставляетъ меня къ пяти часамъ быть на ногахъ. Чѣмъ ложиться спать, я раздѣлю это время съ тобою.

И такъ я возвращаюсь съ бала. Знаю, что при этомъ словѣ ты смѣешься, Жоржъ. Въ твоемъ воображеніи являются всѣ подробности сельскаго балета, танцы на лужкѣ, пьяные музыканты на бочкахъ, запахъ кухни на чистомъ воздухѣ, меръ, прогуливающийся съ приличною важностью... Равувѣрся, Жоржъ, мы не провинциалы... Я говорю о балѣ, а не о деревенскомъ праздникѣ. Мы были званы къ графинѣ А^{***}, которой замокъ отъ насъ въ трехъ миляхъ. Графиня А^{***}, мать графа Фредерика, самаго скромнаго и самаго опаснаго изъ трехъ мушкетеровъ, поклявшихся погубить меня. Второй изъ этихъ господъ, Леопольдъ де-Лобріанъ, славный охотникъ и предприимчивый малый. Третьяго я даже не назову, потому-что онъ глушь, какъ пень. Нужно сказать тебѣ, что онъ путешествовалъ къ полюсу, и вечеромъ, когда онъ рассказывалъ Сюзаннѣ о пляскѣ эскимосовъ, я просилъ его показать намъ эту пляску. Онъ былъ такъ добръ, что согласился. Эта просто пляска медвѣдей. Сюзанна не можетъ видѣть его безъ смѣха.

Мы пріѣхали около десяти часовъ. Балъ съ перваго взгляда ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ баловъ. Графиня А^{***} свѣтская женщина, и все, что зависѣло отъ нея, было превосходно; къ несчастію, вкусы и туалеты дамъ были внѣ ея власти. Не стану описывать тебѣ ни платьевъ изъ утрехтскаго бархату, ни всѣхъ пестрыхъ цвѣтовъ, ни перьевъ, ни тюрбановъ, которые красовались по стѣнамъ залы, какъ трактирные фрески, или новыя обои. Сколько тюрбановъ, другъ мой! Я подумалъ, право, что я въ Багдадѣ.

Въ этой пестрой смѣси, Сюзанна отличалась, признаюсь тебѣ, свѣжестью и простотою своего туалета. Она очень любитъ балъ, и вальсъ въ-особенности. Она вальсируетъ съ увлеченіемъ, можно сказать, со страстью. Останавливаясь, чтобы перевести духъ, ножка ея дрожить на паркетѣ и нетерпѣливая дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу. Право, тотъ, кто выдумалъ танецъ, не былъ женатъ. Я самъ предпочитаю ему пляску эскимосовъ.

На женщинъ, недавно вышедшихъ замужъ, какъ-то мало обращаютъ вниманія въ свѣтѣ. Однако Сюзанна всегда окружена толпою. Правда, что между нами никто не можетъ замѣтить ни страстныхъ взглядовъ, ни вздоховъ, ни отдаленія отъ общества, которыми измѣняютъ себѣ молодые влюбленные супруги. Мы показывали другъ-другу вниманіе, но болѣе ничего, а это ободряло молодыхъ людей. Они догадываются, что тутъ кроется горе, которое, можетъ-быть, нуждается въ утѣшителѣ. Каждый показывалъ это по своему: графъ Фредерикъ принимаетъ видъ задумчиваго пажа, а Леопольдъ по своему старается быть любезнымъ, перенося, напримѣръ, кресла черезъ головы гостей. Не правда ли, какъ это мило?

Пусть они дѣлаютъ, что хотятъ, я буду сохранять нейтралитетъ, который обѣщалъ Сюзаннѣ, до границъ возможности; по крайней-мѣрѣ, если попадусь, то попадусь не въ расплохъ. Правда, это довольно жалкая выгода.

Жюль Балли, тотъ офицеръ, который такъ на тебя похожъ, очень милый молодой человѣкъ. Я очень удивился, увидя его на балѣ. Я зналъ, что черезъ Сюзанну онъ также получилъ приглашеніе, но до сихъ-поръ онъ всегда отказывался, подъ предлогомъ разстроенаго здоровья. Думая, что ему лучше, я очень радъ былъ его видѣть; но потомъ сожалѣлъ, что онъ явился на балъ.

Прежде всего я услышалъ, какъ тюрбаны вполголоса перебирали родословную этаго молодаго человѣка; ты помнишь, что онъ племянникъ моего фермера. Не скажу, чтобы я сталъ защищать его, — да отъ чего было защищать его? Но я разказалъ нѣсколько случаевъ изъ его военной жизни, думая всѣхъ успокоить. Ничего не бывало. Тутъ собралась вся наша знать. Деревенская аристократія недовѣрчива... Но перейдемъ къ дѣлу. Жюль Балли танцевалъ съ Сюзанною. Довольно хорошенькая дѣвица, Елена де-Лобрианъ, сестра центавра Леопольда, общалась твоему Созію танцевать съ нимъ слѣдующій вальсъ; но когда онъ подошелъ къ ней, она отвѣчала, краснѣя, что, вѣроятно, онъ ошибается, и что она уже на все ангажирована. Балли старается доказать свои права, но въ это время является Леопольдъ и изъясняетъ

удивленіе, что не вѣрятъ слову Лобріановъ. Молодой офицеръ наконецъ угадываетъ истину. Онъ вздрагиваетъ, измѣняетъ свой почтительный видъ, и прямо смотря въ лицо Лобріану, говоритъ ему глухимъ голосомъ, раздавшимся въ концахъ залы: Вы, милостивый государь, считаете меня слишкомъ недогадливымъ; я понимаю, хотя и поздно, что я недостойнъ прикоснуться къ перчаткѣ вашей сестрицы, но надѣюсь, что вы не откажете мнѣ имѣть честь дотронуться до вашей. — Милостивый государь, холодно отвѣчалъ де-Лобріанъ, я не имѣю удовольствія знать васъ... неприлично продолжать здѣсь этотъ разговоръ... Но вѣроятно вы имѣете здѣсь кого-нибудь изъ знакомыхъ... и я къ его услугамъ. Одобрительный ронотъ послѣдовалъ за этимъ отвѣтомъ, давая еще болѣе почувствовать обиду. Видно было, что большая часть держала сторону обидчика. Глаза молодого офицера блуждали по залѣ въ какомъ-то отчаяніи; на блѣдномъ лицѣ его написано было страданіе. Никогда болѣе краснорѣчиваго, болѣе трогательнаго призыва не обращалъ человѣкъ къ своимъ подобнымъ. Никто не двигался. Какіе бываютъ подлые люди! Я пришелъ бы ранѣе, но былъ въ это время далеко, и съ усиленіемъ освободилъ свою руку отъ руки Сюзанны, которая невольно прижалась ко мнѣ при этой сценѣ. — Здѣсь, отвѣчалъ я Лобріану, тотъ другъ, котораго вы требуете. Г. Бальи, прибавилъ я, прошу васъ позволить мнѣ принять это имя, которымъ я вполне горжусь. — Молодой человѣкъ пожалъ мнѣ руку, и въ его влажныхъ глазахъ я прочелъ выраженіе, которое напомнило мнѣ твой взглядъ, Жоржъ, когда я былъ такъ счастливъ, что спасъ твоего брата.

Мы вышли всѣ трое, и графъ Фредерикъ почти тотчасъ же послѣдовалъ за нами. Сегодня поутру назначена дуэль на шпагахъ. Потому всѣ мы возвратились въ залу, и объявили, что все кончилось примиреніемъ. Вскорѣ однако мы уѣхали домой.

Ночь была такъ хороша, что мы ѣхали въ открытой коляскѣ. Чистый воздухъ и движеніе подѣйствовали на меня благотворно. Мы ѣхали по аллеямъ, осѣненнымъ густыми деревьями, которыя дорогою принимали какія-то фантастическія формы. Иногда сквозь ряды деревьевъ проглядывало поле, покрытое серебрянымъ туманомъ. Легкій вѣтерокъ навѣвалъ намъ прохладу, и доносилъ свѣжій запахъ лѣса, смѣшанный съ ароматомъ цвѣтовъ. Отрадное спокойствіе, царствовавшее повсюду, мало-по-малу изгладило изъ моей памяти сцену на балѣ.

Я взглянулъ на Сюзанну. Она держала руки на груди, еще волнованнейшей послѣ бальной усталости. Капшонъ ея пальто былъ накинутъ на голову, и въ этой шелковистой рамѣ ея лицо принимало какое-

то небесное выраженіе. Тѣ, которые говорятъ, что Сюзанна хороша собою, говорятъ не все.

Недалеко отъ нашего помѣстья, на пригоркѣ возвышается маленькая деревенская церковь. Мы медленно поднимались на гору, и издали увидали кресты и скромные памятники, окружающіе церковь. Сюзанна никогда не проѣзжаетъ мимо этого кладбища, гдѣ покоится ея мать, безъ живѣйшаго волненія. Она вдругъ вышла изъ задумчивости, и казалось, собиралась что-то сказать мнѣ. — Не правда ли, сказала она наконецъ, что подобная ночь заставляетъ насъ живѣе чувствовать отсутствіе тѣхъ, которыхъ мы потеряли?— Я согласился съ нею и прибавилъ нѣсколько фразъ о способности сердца испытывать самыя разнообразныя впечатлѣнія. Изъ самаго контраста нашихъ понятій родилась какая-то искренность, и оставя пустыя балныя воспоминанія, мы обращаемся къ болѣе серьезнымъ мыслямъ. Я хочу просить васъ... продолжала Сюзанна. — Говорите, Сюзанна. — Но мое желаніе можетъ показаться вамъ романическою фантазіею... И она показывала мнѣ глазами на маленькое кладбище. Я велѣлъ остановить лошадей и подаль ей руку. Мы поднялись по ступенямъ полуразрушенной лѣстницы, и отклоняя рукою кусты, покрытые росой, я довелъ ее до могилы, которую она искала. Она стала возлѣ нея на колѣни, а я остановился, въ нѣсколькихъ шагахъ у одинокой ивы.

Между-тѣмъ, какъ она молилась, я вспоминалъ все, что мнѣ рассказывали о бѣдной страдальцѣ, скрытой подъ этимъ камнемъ. Я рассказывалъ тебѣ о покойной матери Сюзанны. Не правда ли, Жоржъ, что она дорого купила этотъ послѣдній сонъ, котораго не можетъ прервать даже голосъ ея дочери? Суди самъ, она десять лѣтъ переносила съ улыбкою на лицѣ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, присутствіе человека, который своими поступками готовилъ ей нищету; другія десять лѣтъ изглаживала слѣды безпутной жизни, изъ которой на долю ей досталась одна горькая сторона... И когда наконецъ, лучъ радости хотѣлъ озарить ея несчастную жизнь, едва ея первый радостный взглядъ остановился на лицѣ дочери, какъ вдругъ — она умираетъ.

Сюзанна встала и взявъ меня подъ руку, прошептала: Благодарю васъ... вы добры... потому-что я знаю, что это не въ вашемъ характерѣ. — Не въ моемъ характерѣ, Жоржъ! Она принимаетъ меня за дерево. — Вы добры?.. Кто для нея не сдѣлается добрымъ?

Жюль Балли ожидаетъ меня въ половинѣ пятаго у рѣшетки сада. Я долженъ отсюда уѣхать. Дай Богъ счастья этому молодому человеку.

Семь часовъ.

Лобрианъ слегка раненъ въ плечо. Онъ велъ себя очень хорошо: получивъ рану, онъ извинился передъ Жюлемъ, съ благородствомъ которое возвысило его въ моихъ глазахъ. Можетъ-быть, онъ дорожитъ мнѣніемъ мужа моей жены. Во всякомъ случаѣ, я имъ очень доволенъ. Я привезъ Балли въ нашъ замокъ. Мы встрѣтили Сюзанну за ея утреннюю прогулку. Она вскрикнула, испугалась, и кончила тѣмъ, что пригласила побѣдителя завтракать.

VII.

Шени, 1-го сентября.

Я получилъ твои два письма. Ты жалуешься на мое молчаніе. Жоржъ, если нашей старой дружбы мало для того, чтобы придать интересъ моей эклогѣ, то скажи мнѣ это откровенно. Такой отвѣтъ будетъ для меня менѣе обидѣнъ, чѣмъ сухость твоихъ отвѣтовъ, которая, повидимому, увеличивается по мѣрѣ того, какъ тонъ моихъ писемъ дѣлается болѣе и болѣе одушевленнымъ.

Я люблю ее. . . и самъ не понимаю, какъ это случилось! Прежде, чѣмъ я рѣшился написать это слово, прежде, чѣмъ я осмѣлился сказать его самъ-себѣ, сколько разъ я испытывалъ свое сердце? Прежде, чѣмъ я признаюсь ей въ этомъ, я хочу проникнуть въ глубину своей совѣсти. Не должно обманывать ее, другъ мой, и если въ душѣ моей, подъ видомъ любви и жизни, кроется только обманъ и смерть, то я оставляю весь ядъ для одного себя. Довольно одной жертвы.

Но повѣрь мнѣ, что я люблю ее. Въ своемъ прошедшемъ я не нахожу ничего подобнаго тому, что теперь испытываю. Виновать ли я, что люди научили меня проклинать имя друга, а женщины уничтожили въ моемъ сердцѣ уваженіе къ ихъ полу? Друзья, подобные тебѣ, и женщины, подобныя Сюзаннѣ, рѣдки. Мнѣ кажется, Жоржъ, что на свѣтѣ нѣтъ другой, ей подобной. . . другой, которая бы совершала свой путь съ такою увѣренностью, скромностью и простотою. Она умѣетъ придать особенную прелесть всѣмъ мелочамъ обыкновенной жизни, и часто приводитъ меня въ смущеніе. . . Прилично ли мнѣ, какъ школьнику, вздыхать подъ балкономъ, или бѣжать за каждымъ лоскуткомъ, унесеннымъ отъ нея вѣтромъ? Жоржъ, ты, вѣрно, не въ состояніи обо мнѣ этого думать! Что касается до этой маленькой перчатки, которая лежитъ у меня на столѣ, то исторія ея очень проста. Разъ войдя въ лѣтній день на деревенское кладбище, мы бродили разсѣянно между прочими крестами, разбирая покрытыя мохомъ надписи, но рѣдко слу-

чается найти на могильномъ дернѣ надушенную бальную перчатку, и если найдешь, то можно ли не сберечь ее, какъ рѣдкость?

Что жъ, признаюсь тебѣ; я собираю рѣдкости, забавляюсь ребячествами и даже потерялъ аппетитъ. Я мечтаю... стерегу, ищу и убѣгаю ее... Удивляюсь, какъ до-сихъ-поръ я еще не сочиняю стиховъ...

Впрочемъ, какое же мнѣ дѣло до другихъ, если я счастливъ, и чувствую себя лучшимъ человѣкомъ, если сердце мое возвышается до того, что можетъ дать вамъ мѣсто обоимъ? Когда меня смущаетъ шестель ея платья, когда уста мои прикасаются ко всему, до чего дотронулась ея рука, мнѣ кажется, что я не достоинъ того, что чувствую. Какъ быть? я такъ люблю ее!

Ты также, Жоржъ, навсегда останешься моимъ лучшимъ другомъ.

VIII.

Шени, 8-го сентября.

Мнѣ бы очень хотѣлось посоветоваться съ тобою прежде, чѣмъ привести въ исполненіе отчаянный планъ, который я составилъ; но при неисправностяхъ деревенской почты, мнѣ придется, по-крайней-мѣрѣ, три дня ждать отъ тебя отвѣта, а у меня на это не достанетъ терпѣнія.

Мнѣ хочется сказать Сюзаннѣ, что я ее люблю, прямо сказать и откровенно. Кстати ли это будетъ? не знаю; но я долѣе не въ силахъ переносить какой-то ужасъ, вкравшійся въ мое сердце. Жоржъ, съ чего я взялъ, что она меня любитъ? Иногда ея спокойствіе пугаетъ меня; иногда мнѣ кажется, что она уже не та, что ея взглядъ останавливается на моемъ лицѣ, что онъ дѣлается нѣжнымъ, что она меня любитъ... Эти минуты сомнѣнія ужасны... Я хочу все ей высказать, и все узнать, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

У нея есть любимое мѣсто прогулки, длинная и темная аллея, по срединѣ которой полукруглая скамья. Тутъ, въ жаркіе дни, она занимается своею благотворительною работою. Я видѣлъ, когда она прошла туда. При блескѣ солнца, среди своихъ цвѣтовъ, зелени, и всего, что она любитъ, она будетъ въ хорошемъ расположеніи духа... Но какъ я скажу ей все это?.. Жоржъ, никогда еще я не былъ въ такомъ волненіи. Я знаю, что моя жизнь зависитъ отъ ея отвѣта. Иду. Любовь научить всему. Иду.

Четыре часа.

.... Гдѣ ты, Жоржъ?... гдѣ твоя рука?... все погибло.... Мнѣ ничего болѣе не остается на землѣ. Нужно быть твердымъ, другъ

мой; я постараюсь. У меня нѣтъ недостатка въ твердости, но всѣ мысли въ какомъ то хаосѣ... я ничего не вижу... ничего не знаю!... Можетъ-быть, рассказавъ тебѣ послѣдній эпизодъ жизни, для меня уже конченной, я успокою себя.

Я избралъ боковыя аллеи, чтобы къ ней приблизиться и могъ издали видѣть скамью, о которой говорилъ тебѣ, не бывъ замѣченнымъ. Сюзанна держала въ рукахъ письмо, и плача, цѣловала его нѣсколько разъ. Я вдругъ остановился какъ-будто пораженный громовымъ ударомъ. Все было кончено. Да, эта минута разрѣшала всѣ сомнѣнія. Я стоялъ на одномъ мѣстѣ, смотря на Сюзанну, но не видя ея, какъ будто я на вѣкъ потерялъ зрѣніе. Когда она сложила и спрятала письмо, я подошелъ къ ней съ безчувственностью животного, раненнаго на смерть. Сюзанна не владѣетъ еще всѣми достоинствами кокетки: ея смущеніе, свѣжіе слѣды слезъ, дрожащій голосъ, подавали прекрасный случай для рѣшительнаго объясненія. Но какъ то невольно человѣкъ останавливается передъ достовѣрностью неизбѣжнаго несчастья. Я сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю, и заговорилъ о погодѣ, о нарядахъ. Сюзанна оправилась: о письмѣ ни слова. Мнѣ хотѣлось еще, передъ уходомъ, истощить всѣ предположенія, въ которыхъ могла скрываться хотя искра надежды.... — Мнѣ кажется, сказалъ я, что мы давно уже не получали извѣстій отъ дѣдушки... здоровъ ли онъ?—Слава Богу! Г. де-Лобрианъ видѣлъ его третьяго-дня!—Браво! Я что-то еще хотѣлъ сказать вамъ.. Мнѣ давно хотѣлось спросить, нѣтъ ли у васъ какой-нибудь подруги въ Парижѣ или въ Орлеанѣ, которую бы вамъ пріятно было здѣсь видѣть? Нужно пользоваться лѣтомъ и пригласить ее къ намъ погостить!—Очень вамъ благодарна, отвѣчала она, смотря на меня съ удивленіемъ, но у меня нѣтъ подругъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ вы знаете. Я отошелъ.

Подходя къ замку, я обернулся, услышавъ шумъ шаговъ на концѣ аллеи. Это было Жюль Балли, который также остановился съ удивленіемъ. Сюзанна встала между нами, блѣдная и неподвижная, какъ статуя ужаса. Балли пробрался въ садъ тѣмъ уединеннымъ ходомъ, который я самъ ему показалъ. При всемъ томъ, я долженъ считать себя обязаннымъ человѣку, который такъ далеко простираетъ свою учтивость, письмененно извѣщаетъ о своихъ визитахъ, чтобы много не беспокоить. Въ это время я почти никогда не бываю въ замкѣ. Жоржъ, я задыхаюсь при мысли о томъ, что подумалъ обо мнѣ этотъ человѣкъ когда я уступалъ ему мѣсто и продолжалъ свой путь къ замку. Но что мнѣ до этого? Странныя обстоятельства моей женитьбы не избавляютъ меня отъ жалкой и глупой обязанности всѣхъ обманутыхъ мужей,

Мнѣ бы хотѣлось только знать, нѣтъ ли для моей чести защиты, болѣе облагодѣтельной?...

Подходя къ замку, я услышалъ въ сѣняхъ голосъ Лермита, спорившаго съ Жанетою, Имя Балли долетѣло до моего слуха. Увидя меня, оба замолчали. Скоро послѣ этого, я зачѣмъ то позвалъ къ себѣ Лермита, и побранилъ его за ссоры съ Жанетою. Онъ хотѣлъ оправдаться и въ досадѣ высказалъ мнѣ все, начиная съ ихъ первой встрѣчи въ церкви, назадъ тому два мѣсяца, до ежедневныхъ свиданій въ аллеѣ, гдѣ я ихъ сегодня засталъ. Жанета принимаетъ и передаетъ письма черезъ какое-то третье лицо. Три недѣли назадъ, одно изъ этихъ писемъ неосторожно пришло по почтѣ. Лермитъ принесъ его, чтобы отдать мнѣ, но Жанета обѣщала ему десять луйдоровъ, чтобы онъ его ей отдалъ. Графъ Фредерикъ А... нарисовалъ недавно въ альбомѣ портретъ Сюзанны. Лермитъ нашелъ этотъ портретъ у забора, черезъ который Балли всегда перескакиваетъ къ намъ въ садъ. На немъ написанъ былъ адресъ этого молодого человѣка.

Я не привожу другихъ доказательствъ, болѣе ясныхъ. Какъ только повязка спала съ моихъ глазъ, я все увидѣлъ, все понялъ однимъ взглядомъ, Лермитъ не могъ болѣе оставаться въ домѣ; я отослалъ его, позолотивъ свою неблагодарность, чтобы быть увѣреннымъ въ его молчаніи.

Теперь, Жоржъ, что мнѣ дѣлать?... Если любовь ихъ до-сихъ-поръ заключалась только въ границахъ идилліи, то тѣмъ лучше для взаимнаго спокойствія. Что касается о меня, то я не имѣю права измѣрять свой стыдъ и обиду степеню ихъ проступка. Этого исправить невозможно. Мнѣ остается только послѣднее утѣшенія гладиатора: пасть съ достоинствомъ; но объ этомъ я долженъ еще подумать.

Меня зовутъ: это радостный голосъ Лобриана. Богъ съ нимъ! Онъ обѣдаетъ здѣсь со всѣми своими, и вечеромъ у насъ гости. Я пойду къ нимъ, нужно имѣть твердость. До свиданія.

Полночь.

Наконецъ! — какой вечеръ! — я никогда еще не былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа. Одно меня безпокоило: я боялся, чтобы смѣхъ мой не остался на лицѣ, какъ смѣхъ сумасшедшаго. Сама Сюзанна обманулась, и я видѣлъ, какъ безпокойство ея мало-по-малу разсѣялось. Около десяти часовъ Жюль Балли вошелъ въ залу. Мнѣ кажется, еслибы она взглянула на меня въ эту минуту, то сейчасъ бы вышла изъ заблужденія; но она смотрѣла только на него. Къ счастью, онъ по обыкновенію, не протянулъ мнѣ руки, потому-что тутъ терпѣніе мое непременно бы лопнуло.

Я, по обыкновенію мужей, уѣлся за карточный столъ; прямо противъ меня висѣло зеркало, въ которомъ я могъ слѣдить за ихъ движеніями. Онъ стоялъ у рояля. Сюзанна, послѣ разныхъ переходовъ, показывавшихъ ея лихорадочное состояніе, вдругъ передъ нимъ остановилась: она бросила на меня бѣглый взглядъ, и потомъ сказала ему нѣсколько словъ въ полголоса, дотронувшись до его руки перчаткою. Онъ вздрогнулъ и взглянулъ въ мою сторону. Въ то же время я прочелъ на его лицѣ чувство нерѣшимости и даже печали. Послѣ этого, они разошлись. Балли походилъ нѣсколько времени около стола, гдѣ я сидѣлъ, и казалось, искалъ случая со мною заговорить. Вѣроятно, она велѣла ему быть со мною осторожнѣе; но у него не достало рѣшимости, и онъ вдругъ вышелъ изъ залы. Теперь, когда я пишу къ тебѣ, всѣ гости уже разъѣхались.

Жоржъ, ты удивляешься моему долгому заблужденію? Я жилъ, я видѣлъ свѣтъ, въ моей памяти еще живы были уроки, которые я давалъ или получалъ отъ другихъ. Такіе примѣры не должны-ли были возбудить во мнѣ предубѣжденіе противъ этого молодого человѣка. Я не могу здѣсь долѣе оставаться... я задыхаюсь. Въ моемъ состояніи, преступленіе совершается прежде, чѣмъ обдумывается.

Свѣжесть ночи и усталость успокоили меня. Я сталъ по немногу приходить въ себя. Жоржъ, я одинъ во всемъ виноватъ... Кто знаетъ, сколько они боролись и страдали, прежде, чѣмъ увлеклись голосомъ сердца. Онъ похожъ на тебя, а я часто думалъ, что ты былъ бы ее достоинъ... Тебя она никогда не стала бы обманывать.

Первое дуновеніе страсти должно было снести дерево безъ корня и разорвать непрочную связь. За что наказывать ихъ? за что имъ мстить? на какомъ правилѣ чести или нравственности могу я основать свою месть?

Я рѣшился уѣхать и оставить ихъ однихъ. Что для меня судъ свѣта, послѣ суда моей совѣсти? Жоржъ, ты знаешь, что я любилъ ее, что, можетъ-быть, она возвысила меня до себя, сама того не замѣчая. Я уѣзжаю отсюда навсегда, и не желаю пережить этого удара.

Еслибы я былъ тамъ, возлѣ ея матери, въ такой же тихой могилѣ, быть-можетъ, она пришла бы ко мнѣ въ одну изъ ясныхъ ночей, чтобы уронить нѣсколько слезъ состраданія надъ разтерзаннымъ ею сердцемъ. Для чего одно только преступленіе можетъ откѣрыть для меня этотъ пріютъ, — купить мнѣ это спокойствіе!

Не думай объ этихъ вздорахъ, объ этихъ слабостяхъ; извини ихъ. Если правда, что утро вечера мудренѣе, то завтра ты узнаешь. — Прощай, Жоржъ, прощай другъ мой. — Прощай, Жоржъ.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ВЪ КОМНАТѢ РАУЛЯ. Ближе полночи, Рауль блѣдный, съ непокрытою головою, быстро входитъ къ себѣ въ комнату. Онъ садится у стола и пишетъ.

«Я долженъ былъ уѣхать вчера; теперь уже поздно. Вотъ что случилось: благодаря безпрестаннымъ визитамъ, день прошелъ скоро. Входя въ свою комнату, назадъ тому десять минутъ, я услышалъ, черезъ открытое окно своей прихожей, шумъ шаговъ въ саду. Я высунулся изъ окна, и увидѣлъ Балби, переходившаго аллею, велѣдъ за Жанетою. Ночь была такъ свѣтла, что я безъ труда узналъ его, узналъ каждую черту лица его, каждую часть одежды; старуха показала ему на дверь, которая ведетъ, къ комнатѣ Сюзанны, и удалилась. Какъ только онъ вошелъ, я спустился въ садъ и заперъ эту дверь. Ему нельзя уйти отсюда безъ того, чтобы я его не увидѣлъ. Я сейчасъ иду къ нему. Мы должны встрѣтиться лицомъ къ лицу... Они довели меня до этого, Жоржъ... Это выше силъ моихъ,...

Тебѣ передадутъ это письмо, что-бы ни случилось. Прошу тебя исполнить то, что ты найдешь въ пакетѣ, адресованномъ на твое имя. Вспоминай обо мнѣ, другъ мой.

(Рауль, запечатавъ письмо, беретъ со стола пару пистолетовъ и идетъ къ лестницѣ).

ВЪ КОМНАТѢ СЮЗАННЫ. Рауль быстро входитъ, глаза его падаютъ на занавѣски окна, которая вдругъ опускаются и волнуются. Сюзанна смотритъ на него съ безпокойствомъ и слегка наклоняетъ голову.

РАУЛЬ. Вы не ожидали меня?

СЮЗАННА *(съ принужденіемъ.)* Нѣтъ... отчего же?... что это значить?... Вы, кажется, не имѣете обыкновенія беспокоить свою жену.

РАУЛЬ. О, за себя вамъ бояться нечего.

СЮЗАННА Я и не могу бояться.

РАУЛЬ. Вы такъ думаете?

СЮЗАННА. Вы такъ сказали. Впрочемъ, данное вами слово вполне успокоиваетъ меня.

РАУЛЬ. Я обѣщалъ вамъ полную свободу... и мое равнодушіе.... Вы говорите объ этомъ обѣщаніи? Но не забыли ли вы при этомъ наши условія?

СЮЗАННА. Не думаю.

РАУЛЬ. Сюзанна, вы все забыли, даже свою откровенность...

СЮЗАННА. Что вы хотите сказать?... Какой откровенности вы от меня требуете?... Еслибы вы о чемъ-нибудь спросили меня, Рауль, то увидѣли бы, что я откровеннѣе, чѣмъ когда либо.

РАУЛЬ. Еслибы я спросилъ васъ?... И теперь... въ эту минуту... вы осмѣлитесь отвѣчать мнѣ?..

СЮЗАННА. Да, Рауль.

РАУЛЬ. Вы осмѣлитесь?... Хорошо! Скажите: эти мечты, эти заблужденія, которыхъ я не раздѣлялъ съ вами, имѣютъ ли до-сихъ-поръ въ глазахъ вашихъ ту же цѣну?

СЮЗАННА (*тихо, дрожащимъ голосомъ*). Да, Рауль. Выслушайте меня... вы сами вызвали меня на откровенность. Да... я шагъ за шагомъ проходила тотъ мечтательный путь, тотъ путь молодости, по которому вы отказались вести меня... Я встрѣтила на немъ все олицетвореніе тѣхъ призраковъ, противъ которыхъ вы возставали... Если я обманулась, то обманулась чрезъ свое недовѣріе къ благодати Всевышняго. Я никогда не предчувствовала, сколько отрады заключается часто въ одной слезѣ! Да, я знала смертныя мѹки, свѣтлыя надежды, и краткія минуты, оставлявшія послѣ себя долгія воспоминанія... Однимъ словомъ, я любила... я была любима, и благословляла Бога.

РАУЛЬ. Я выслушалъ васъ... Ваше извиненіе заключается въ самой несвязности вашей рѣчи... Довольно. Вы нашли наконецъ романъ, котораго искали. Прекрасно, но скажите, предвидѣли ли вы его развязку?

СЮЗАННА. Развязку?... Я... не знаю. (*Вынимаетъ маленькій золотой ключикъ и подаетъ его Раулю, который смотритъ на нее съ удивленіемъ*). Вы сомнѣваетесь?... Этотъ романъ... написанъ... Хотите прочесть его снова? (*Показываетъ ему на столѣ связку писемъ*).

РАУЛЬ. Что это?... мои письма?... (*Схватываетъ ихъ*). Мои письма къ Жоржу?... Но что же это значить?... Ради Бога, говорите.

СЮЗАННА. Тотъ, кому вы писали, тотчасъ же присылалъ ваши письма ко мнѣ. Дурно-ли онъ дѣлалъ, Рауль? Онъ измѣнялъ вамъ, правда... но я была такъ счастлива!.. Я писала отвѣты на каждое изъ его писемъ, надѣясь, что когда-нибудь... Вотъ они!

РАУЛЬ (*слушаетъ ее въ смущеніи и вдругъ быстро подходитъ къ окну*). Но я видѣлъ своими глазами, что этотъ измѣнникъ здѣсь! (*Жоржъ выходитъ изъ-за занавѣса*). Ты!.. это ты!.. О, Боже мой, это Жоржъ? (*Обнимаетъ его*).

ЖОРЖЪ (*улыбаясь*). Да, это я, успокойся... Твое послѣднее письмо испугало меня... Я самъ привезъ его, опасаясь замедленія почты...

Ты принялъ меня за Балби, не правда-ли? Кстати о немъ... или лучше— (*Обращаясь къ Сюзаннѣ*) повторите сами Раулю тѣ таинственныя слова, которыя вы сказали Балби вчера вечеромъ. — Этого будетъ довольно.

СЮЗАННА. Я сказала ему: пока ваше безразсудство беспокоило меня одну, я сносила его равнодушно; но теперь, когда оно нарушаетъ покой человѣка, который мнѣ дорогъ, я серьезно прошу васъ удалиться... Рауль, прошу васъ, отвѣчайте мнѣ... скажите, что вы мнѣ вѣрите. (*Рауль стоитъ, облокотясь на каминъ и закрывъ лицо руками. Онъ не отвѣчаетъ. Сюзанна продолжаетъ въ полголоса, обращаясь къ Жоржу*). Онъ никогда не проститъ меня... я слишкомъ обидѣла его гордость... онъ будетъ меня ненавидѣть!

ЖОРЖЪ (*подходитъ къ Раулю, и обращаетъ къ Сюзаннѣ его лицо, омоченное слезами*). Обернись!.. я хочу, чтобы она тебя такъ видѣла!

СЮЗАННА. Онъ любитъ меня!

РАУЛЬ (*прижимая ее къ сердцу*). Ангель?

(*Revue Etrangère*).

СОВРЕМЕННОЕ *

ЛИТЕРАТУРА. — Огель Рамбулье. — Фантастическая литература въ Германіи послѣ Гофмана. — Парижскія женщины. — Тетушка Мери. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Десятый солнечный лучъ. — Годовое донесеніе германскаго общества переселеній и колонизаціи. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ. ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.** — Кто перехитритъ. — Опасный дуэлянтъ. — Африканскіе праздники. — Мода выше красоты. — Письмо Софіи Арну. — Скорбь отца. — Отчего у негровъ бѣлы зубы? — Отчего бабочки летятъ на огонь и сжигаютъ крылышки?

I. ЛИТЕРАТУРА.

Огель Рамбулье. — Многіе историки ошибаются, говоря, что отель Рамбулье былъ первымъ салономъ, гдѣ начало собираться хорошее парижское общество, и что онъ даже долго былъ единственнымъ салономъ XVII вѣка. Маркиза Рамбулье не производила переворота, послѣ котораго варварство междоусобныхъ войнъ и ослабленіе нравовъ, во-время Генриха IV, замѣнились въ Парижѣ изящнымъ вкусомъ, утонченностію обращенія и умственными удовольствіями: маркиза только соединила ихъ въ своемъ отелѣ. Людовикъ XIV, въ 1661 году, нашелъ это общество уже созданнымъ. Франція уже славилась военными подвигами и образцовыми произведеніями искусствъ. Мальзербъ и Бальзакъ, бывшіе основателями новой поэзіи и прозы, Декартъ — создателемъ новой философіи, давно уже не существовали въ это время; Паскаль умиралъ въ страданіяхъ; Корнель

* Заимствовано изъ журналовъ: Revue des deux mondes, Bibliotheque de Genève, Literary gazette, Erheiterungen, Novellen-Zeitung, Magazin für die Literatur des Auslandes, Voleur, Moden-Zeitung.

бросалъ послѣднія искры потухающаго генія; г-жѣ Севинье, Лафонтену и Мольеру было уже за сорокъ лѣтъ, Боссюэту тридцать шесть. Всѣ эти великіе умы, какъ по слогу, такъ и по мысли, отличались отъ своихъ послѣдователей чѣмъ-то наивнымъ и мужественнымъ, обнаружившимъ другое время и другую литературу. Въ семнадцатомъ вѣкѣ прославился Ришелье. Знаменитый кардиналъ лучше всѣхъ понималъ возраждающійся вкусъ къ литературѣ и наукамъ. Ришелье былъ честолюбивъ, и геній его былъ совершенно политическій; но страстно любя славу во всѣхъ родахъ, онъ хотѣлъ быть, или, по-крайней-мѣрѣ, казаться умнѣйшимъ, образованнѣйшимъ челоѣкомъ своего времени. Какъ всѣ великіе люди, отъ Цесаря до Наполеона, Ришелье умѣлъ быть любезнымъ, когда хотѣлъ. Нѣсколько времени онъ даже скрывалъ свое неудовлетворенное честолюбіе подъ маскою свѣтскаго челоѣка, ищущаго успѣховъ въ обществѣ. Когда онъ сдѣлался кумиромъ общества, то ввелъ въ моду свои требованія и наклонности, и уже съ 1630 года было въ Парижѣ много отелей, въ которыхъ собирались люди всѣхъ сословій, чтобъ пріятно провести время. Разумѣется, женщины владычествовали въ этихъ обществахъ. Всѣхъ значительнѣе и знаменитѣе былъ конечно отель Рамбулье.

Это было отборное общество людей съ утонченною учтивостію, превратившеюся мало-по-малу въ изысканность. Сперва это просто было желаніе чѣмъ-нибудь отличиться, и всякій, кто имѣлъ право на это отличіе, былъ принимаемъ въ отелѣ Рамбулье. Определить, въ чемъ именно состояло это отличіе, довольно трудно. У каждаго вѣка были свои понятія объ отличіи. Однакоже въ тѣ времена требовались для этого два качества, повидимому совершенно противоположныя: возвышенныя идеи и простота въ словахъ и обращеніи. Въ Аѣнахъ, у Аспазіи, Периклъ, Анаксагоръ, Фидій говорили о искусствахъ, философіи и политикѣ съ такою же простотою, какъ обыкновенные работники и купцы говорятъ о своихъ всѣдневныхъ занятіяхъ. Сократъ былъ образцомъ въ этомъ родѣ. Пиръ Платона, на которыхъ послѣ ужина разсуждаютъ о самыхъ высокихъ предметахъ самымъ легкимъ слогомъ, могутъ дать вѣрное понятіе о тогдашнемъ аѣнскомъ обществѣ.

Тоже самое было въ Римѣ, у Сципіоновъ, гдѣ шутки прерывали часто самыя важныя разговоры. За ужиномъ Цицерона, и въ-особенности когда у него не было Цесаря, простоты уже было меньше, потому что хозяинъ былъ не слишкомъ важный вельможа, чтобъ сохранять простоту. Ораторъ и литераторъ видѣнъ часто въ его рѣчахъ, хотя онъ хотѣлъ подражать Платону. Эта-то римская свѣтскость, происшедшая отъ нѣсколько испорченнаго аттицизма, составляла отличительный характеръ отеля Рамбулье.

Всѣ тогда, казалось, понимали величіе начинавшейся эпохи. И въ политикѣ Франціи, и на поляхъ битвъ, и въ администраціи создавались великіе люди. Литература, науки, философія гордились своими корифеями. Декартъ и Корнель, направляемые геніемъ Ришелье, быстро и смѣло подвигались къ своему апогею. Все было однакоже немного

грубо, какъ умы, такъ и сердца. Элементъ силы былъ слишкомъ изобилень; не доставало еще утонченности, энергія не руководима была изящнымъ вкусомъ. Для усовершенствованія вѣка не доставало учтивости. Отель Рамбулье сдѣлался школою этого качества французскаго ума.

Слава этого отеля простирается съ 1630 по 1648 г., когда кумиръ этого общества, дѣвица Рамбулье, вышла замужъ за г. Монтокие и послѣдовала за нимъ въ Сентанжъ и Ангумау, гдѣ онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ началѣ фронды. Лѣтъ двадцать этотъ отель оказывалъ неоспоримыя заслуги. Но съ 1648 года въ отели Рамбулье дурныя качества начали уже брать верхъ.

Общества второстепенныхъ парижскихъ сословій, образовавшіяся по примѣру отеля Рамбулье, были сперва полезны, потому-что распространяли учтивость; но потомъ, когда вмѣсто возвышенныхъ идей и благородныхъ чувствъ, соединенныхъ съ простотою, оказалась напыщенность фразъ, изысканность поступковъ, — Мольеръ принужденъ былъ выставить эти свойства въ своихъ комедіяхъ: «*Les précieuses ridicules*» (въ 1660) и «*Les femmes savantes*» (1673).

Въ 1630 году было уже во Франціи много образцовыхъ произведеній, но авторы ихъ все еще воображали, что имъ должно подражать иностранцамъ. Мольеръ, Лафонтенъ, Буало, Расинъ — искали образцовъ въ древности; но подражая имъ, не переставали однакоже быть оригинальными, усвоивая себѣ все заимствованное. Предмѣстники ихъ подражали италіянцамъ и испанцамъ, единственнымъ народамъ, опередившимъ тогда французовъ на пути просвѣщенія. Медици ввели во Францію вкусъ къ италіянской литературѣ. Королева Анна Австрійская поддерживала испанскую. Отель Рамбулье захотѣлъ соединить эти литературы.

Отличительный характеръ испанской литературы въ началѣ XVII вѣка состоялъ въ высокой, платонической, томной любви, въ романтическомъ героизмѣ, въ рыцарской храбрости, въ сильномъ восторгѣ къ красотамъ природы, къ эклогамъ, идилліямъ, въ страсти къ музыкѣ и серенадамъ, къ каруселямъ, въ нѣжныхъ разговорахъ и великолѣпныхъ праздникахъ. Италіянская же литература была совершенною противоположностью испанской напыщенности и преувеличенія. Это было остроуміе, доведенное до утонченности и до насмѣшекъ язвительныхъ. Изъ смѣси этихъ двухъ родовъ литературы родился третій, истинный, рѣдко гдѣ-либо достигаемый, — смѣсь величія съ простотою, важнаго и забавнаго, веселаго и изящнаго.

Въ отели Рамбулье герой не могъ бы понравиться: онъ долженъ былъ вмѣстѣ быть и свѣтскимъ человѣкомъ, имѣть высокія чувства, быть храбрымъ и любезнымъ, щедрымъ, остроумнымъ и утонченнымъ въ обращеніи, безъ педантства, съ простотою и свободою. Таковъ былъ въ отели Рамбулье идеаль, къ достиженію котораго стремились всѣ писатели и свѣтскіе люди.

Разумѣется, женщины играли въ немъ главныя роли. Маркиза Рамбулье казалась созданною для подобнаго предпріятія. Она была по-

чти италіанка. Отецъ ея былъ Вивоннь-Пизани, — мать Савелли, мужъ — знатный вельможа. Онъ былъ посланникомъ въ Испаніи. Удалясь отъ общественныхъ дѣлъ съ большимъ состояніемъ, они не мѣшались въ политику. Г-жа Рамбулье была прелестнѣйшею женщиною своего времени, но во всю жизнь не имѣла интриги, страстно любя всѣхъ умныхъ людей безъ различія и безъ всякой претензіи на личную извѣстность. Послѣ маркизы едва осталось нѣсколько писемъ и два четверостишія.

Потому-то всѣ знавшіе ее и удивлялись ей. Единственнымъ ея недостаткомъ, по словамъ Талльмана, — была чрезвычайная деликатность въ выраженіяхъ. Она боялась нѣкоторыхъ словъ и гнала ихъ безъ пощады, была вѣрна въ дружбѣ и любила помогать всѣмъ. Кардиналь Ришелье очень уважалъ ее. Г-жа Лафайетъ многому у ней выучилась. Одна изъ дочерей ея, знаменитая Юлія, была рѣдкаго ума и хотя некрасавица, но прекрасно сложена. Она была истиннымъ украшеніемъ дома своей матери. Маркизь Пизани, братъ ея, столько же храбрый, какъ и умный человекъ, былъ также украшеніемъ бесѣдъ въ отели Рамбулье.

Отель этотъ описанъ у всѣхъ писателей того времени, особливо знаменитая *Синяя зала*, съ мебелью изъ синяго бархата съ золотомъ и серебромъ, съ широкими окнами, открывающимися во всю вышину залы отъ пола до потолка, и выходящими въ прекрасный садъ, за которымъ виднѣлось множество другихъ садовъ. Отель былъ построенъ по плану самой г-жи Рамбулье. Онъ былъ необширенъ, но очень красивъ и удобенъ.

Изъ литератовъ, посѣщавшихъ отель Рамбулье, знаменитѣе всѣхъ были Корнель и Вуатюръ. Корнель съ Декартомъ главные представители литературы первой половины XVII вѣка. Качества ихъ и даже недостатки принадлежали тогдашнему времени, по этому и успѣхъ ихъ былъ необычайный. При Людовикѣ XIV ни одна пьеса не произвела такого эффекта, какъ Сидъ, въ 1636 году. Только читая тогдашнихъ писателей, можно понять восторгъ Парижа и всей Франціи, — потому-что каждый дворянинъ воображалъ себя тогда Родригомъ, каждая женщина — Хименою. Только успѣхъ *Поливекта* превзошелъ Сиду, въ которомъ видно самое вѣрное изображеніе этой эпохи, безвозвратной для Франціи, этого героизма и нѣжной любви, этой чести и воинскаго духа, этой борьбы благородныхъ страстей, любви и долга, доведенныхъ до патетизма; этого языка нѣсколько грубаго, но истиннаго, сильнаго и простаго; этихъ отгѣнковъ утонченности, недоходящей до преувеличенія. Всѣ эти свойства процвѣтали въ отели Рамбулье. Тамъ оцѣненъ былъ Сидъ, — и тамъ защищали его противъ всевластнаго министра. Ришелье, какъ авторъ *Мирамы*, былъ довольно мелоченъ въ своемъ гоненіи на Сиду; но, какъ государственный человекъ, онъ имѣлъ причины негодовать на эту пьесу. Издавъ строгіе законы противъ дуэлей, онъ немогъ равнодушно слышать, какъ противорѣчилъ ему Сидъ. Сверхъ-того были тамъ нѣкоторые стихи, не благопріятные для личности перваго министра. Впрочемъ кардиналь любилъ Корнеля. Онъ

ему далъ хорошій пансіонъ, и даже женилъ его. Корнель встрѣчался съ Бальзакомъ въ отелѣ Рамбулье и могъ говорить съ нимъ тамъ о Римѣ и Римлянахъ. Надобно прочесть письма Бальзака къ маркизу Рамбулье о Римлянахъ, чтобъ судить о пользѣ бесѣдъ въ Рамбулье. Тогда всѣ занимались политикою и литературою.

Вуатюръ былъ тоже предметомъ удивленія своихъ современниковъ. Лафонтенъ почитаетъ его своимъ учителемъ. Г-жа Севинье называетъ его веселымъ, остроумнымъ, любезнымъ. Въ наше время не находимъ мы ничего хорошаго въ Вуатюрѣ. На это много причинъ, и оба вѣка правы. Острота, быстрый отвѣтъ принадлежать только минутѣ, въ которую были сказаны. Великія мысли и изрѣченія — другое дѣло. Они проистекаютъ изъ общей человѣческой природы, и принадлежать всѣмъ вѣкамъ, покуда у людей будутъ сердце и разумокъ. Остроуміе же блеснетъ и угаснетъ. Это импровизаторъ, которымъ восхищаются, покуда онъ говоритъ, но который не оставляетъ ничего полнаго въ нашей памяти.

Г-жа Севинье, въ восторгѣ отъ Вуатюра, ея наставника, говоритъ: «тѣмъ хуже для тѣхъ, которые его не понимаютъ». Но маркиза знала свое время, нравы людей, происшествія, къ которымъ относились стихи и проза Вуатюра. Племянникъ его, Мартень-Пеншенъ, два года спустя по смерти дяди своего, издалъ его сочиненія, и имѣлъ глупость уничтожить числа и года, когда они были написаны, и имена лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, — такъ что даже въ XVII уже вѣкѣ, люди, незнакомые съ Вуатюромъ и его обществомъ, нуждались въ комментаріяхъ. А чтобъ понять и цѣнить Вуатюра, необходимо быть вмѣстѣ съ нимъ на сценѣ его подвиговъ, съ 1630 до 1648 года, съ тѣми женщинами, которыя требовали отъ него стиховъ, съ тѣми молодыми людьми, которые въ антрактахъ военной жизни искали удовольствій въ утонченной бесѣдѣ. Вуатюръ господствовалъ въ отелѣ Рамбулье, — тогда какъ робкій и гордый Корнель былъ не ловекъ въ этомъ кругу, слушая только другихъ и разговаривая изрѣдка съ Бальзакомъ. Вуатюръ составлялъ веселую сторону отеля Рамбулье, Корнель — строгою.

Вуатюръ писалъ только на случаи, на-скоро, по заказу, и даже не собиралъ своихъ сочиненій. Онъ создалъ особенный родъ домашней, интимной литературы, забавной, легкой поэзіи, въ которомъ такъ много было потомъ послѣдователей; однимъ-словомъ, Вуатюръ былъ маленькій Вольтеръ отеля Рамбулье; это былъ первый примѣръ писателя, жившаго посреди вельможъ и сохранившаго свою литературную независимость въ этомъ кругу. Рѣзкій тонъ его походить на тонъ писателей XVIII вѣка. Онъ былъ золъ и остеръ; эпиграммы его боялись, потому-что онѣ, какъ стрѣла, облетали весь Парижъ — и мѣтко поражали жертву. — Притомъ же онъ занималъ и общественныя должности. Онъ былъ вводителемъ (Introducteur) посланниковъ къ Герцогу Орлеанскому Гастону, — и имѣлъ также должность по управленію финансовъ, но не исправляя ее, получалъ только жалованье. Вуатюръ былъ очень недурень собою и одѣвался со вкусомъ; онъ былъ рыцаремъ всѣхъ дамъ, и въ особенности г-жи

Поле, которую за смѣлое обращеніе и ярко-бѣлокुरые волосы прозвали *лвицею* отеля-Рамбулье.

Однимъ изъ блистательнѣйшихъ украшеній отеля была еще дѣвица Бурбонъ, подружившаяся тамъ съ маркизою Сабле, извѣстною по красотѣ своей, по склонности къ испанскимъ нравамъ и по любви къ Монморанси. — Здѣсь же дѣвица Бурбонъ познакомилась съ Шапеленомъ, ученымъ и скромнымъ любителемъ литературы, который могъ-бы сдѣлаться порядочнымъ писателемъ, еслибъ довольствовался сочиненіями въ прозѣ. Знакомство ея съ аббатомъ Годо, котораго прозвали карликомъ Юли, было не такъ занимательно, хотя онъ потомъ и часто писалъ къ ней письма, сдѣлавшись грасскимъ и ванскимъ епископомъ.

Нельзя не упомянуть также о другомъ постоянномъ членѣ отеля Рамбулье—г-жѣ Скюдери. Она была нехороша собою, но умна и дарованія замѣчательнаго. Писала она слишкомъ скоро, но зато всегда легко, правильно и пріятно. Она пользовалась большою извѣстностью, и заслуживала ее. Лейбницъ переписывался съ нею. Она писала стихи, которые въ свое время очень нравились, и теперь еще довольно хороши. Романы ея такъ длинны и эпизоды въ нихъ такъ запутаны, что теперь ихъ нельзя читать. Но тѣ, которые рѣшатся на это, найдутъ въ нихъ много вѣрныхъ портретовъ тогдашнихъ современниковъ, прикрытыхъ именами грековъ и римлянъ, — а также прелестное описаніе парижскихъ дворцовъ, перенесенныхъ въ Римъ и Арменію; главное же основаніе этихъ романовъ — высокія чувства, бывшія тогда въ модѣ, нѣжности платонической любви и разговоры, нѣсколько приторные, но дающіе понятіе о тогдашнихъ бесѣдахъ. Жоржъ Скюдери, писатель, нестерпимый по своему самолюбію и напыщенному слогу, принадлежалъ тоже къ отелю Рамбулье за свои качества честнаго человѣка и вѣрнаго друга.

Фантастическая литература въ Германіи послѣ Гофмана. — Границы фантастической литературы обширны; въ ней талантъ по своему произволу располагаетъ богатствомъ міра видимаго и, очень часто, воображаемаго. Воображеніе господствуетъ по превосходству въ этомъ родѣ произведеній; для чудеснаго открывается въ нихъ обширное поле; происшествія, самыя странныя, и самыя разнообразныя, здѣсь на своемъ мѣстѣ. Арабскія сказки, «Тысяча одна ночь», и творенія Данта, Аріоста и Рабеле принадлежатъ къ одному и тому же роду фантастической литературы, но какая огромная разница между этими произведеніями! Съ фантазіей могутъ соединяться и философическія мысли; даже въ своихъ эксцентричностяхъ подобное сочиненіе можетъ имѣть серьезный интересъ.

Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія пальма первенства въ этомъ родѣ литературы принадлежала двумъ нѣмецкимъ писателямъ, процвѣтавшимъ между 1810 и 1820 годами.

Баронъ Фридрихъ де-Ламоть-Фуке прекрасно обрисовалъ въ своихъ произведеніяхъ народныя суевѣрія среднихъ вѣковъ. Въ его романахъ

и рассказахъ вы найдете колдуновъ, магическія кольца, гномовъ, духовъ, болѣе или менѣе коварныхъ, и самого злаго духа, обольщающаго души смертныхъ.

Ничто лучше Ламота-Фуке не обладаетъ искусствомъ интересовать читателя посредствомъ таинственности и страха. Въ его сочиненіи *Неизвѣстный больной*, доктора, благороднаго и благочестиваго старика, зовуть посреди ночи къ одному больному, въ гостинницу *Трехъ Винокъ*. Жена его имѣетъ боязненное предчувствіе. Онъ вооружается шпагою и фонаремъ, отпираетъ двери дома и видитъ предъ собою во тьмѣ негра въ тюрбанѣ и въ желтой одеждѣ. Негръ, оглашая мрачныя и безмолвныя улицы своимъ смѣхомъ, ведетъ доктора въ гостинницу къ своему господину. Вся гостинница освѣщена страннымъ образомъ сверху до низу; семейство хозяина предано молитвѣ; на всѣхъ лицахъ царствуетъ блѣдность и ужасъ; нѣмыми жестами показываютъ доктору комнату больного; онъ слышитъ, что тамъ раздаются крики, смѣшанные съ проклятіями. Докторъ входитъ, и видитъ на диванѣ катающагося, съ криками и конвульсіями, человѣка, странно одѣтаго, съ лицомъ, покрытымъ маскою. Докторъ велитъ снять маску. «Развѣ ты хочешь потерять разсудокъ?» кричитъ больной. «Кто смотритъ на мое лицо дѣлается сумасшедшимъ. Ты этого хочешь, изволь!» И онъ готовится развязать маску. Негръ умоляетъ его со слезами не дѣлать этого. Когда докторъ щупаетъ пульсъ и смотритъ на больного, то примѣчаетъ подъ маскою огненные глаза. Ухаживая за больнымъ, онъ обращается къ нему съ благочестивыми словами, несмотря на сарказмы страждущаго и его чернаго служителя, котораго пугаетъ, однако-же, кроткая фізіономія доктора. Послѣднему также удастся уничтожить таинственный свистъ и шумъ невидимыхъ крыльевъ, которые слышатся въ комнатѣ пациента. Твердо уповая на Бога и дѣйствуя Его именемъ, старикъ лечитъ эту необыкновенную болѣзнь. Мало-по-малу онъ укрощаетъ свирѣпый характеръ незнакомца, вылечиваетъ его и внушаетъ ему раскаяніе. Незнакомецъ поступаетъ въ монастырь и дѣлается монахомъ.

Раскаяніе его уменьшаетъ мало-по-малу ужасъ, который онъ внушалъ сперва; голосъ его смягчается, огонь глазъ незамѣтнымъ образомъ исчезаетъ. Настоятель узнаетъ наконецъ, что грѣхи кающагося прощены; онъ повелѣваетъ ему снять маску, которую тотъ носилъ и въ монастырѣ, чтобы не пугать вѣрующихъ выраженіемъ своего лица. Удивленные монахи видятъ предъ собою, вмѣсто страшнаго лица—старика съ покойною улыбкою. Борьба добра со зломъ кончена.

Въ такомъ родѣ почти всѣ рассказы и романы Ламота-Фуке, имѣвшіе большую извѣстность въ свое время.

Гофманъ, авторъ столькихъ знаменитыхъ фантастическихъ рассказовъ, талантъ, стоящій выше предъидущаго, былъ въ тоже время фантазеръ и насмѣшникъ. У него живость рассказа увлекаетъ, нерѣдко такъ живо, что заставляетъ вѣрить вещамъ, самымъ неправдоподобнымъ. Измѣненіе формъ, переходъ отъ натурального къ сверхъестественному, смѣсь характеровъ акцальтированныхъ съ лицами прозаиче-

скими, все это представлено съ такою отчетливостію и живостію, что читателю кажется, будто онъ дѣлается дѣйствующимъ лицомъ этихъ разсказовъ; онъ не понимаетъ самъ, какимъ-образомъ увлеченъ въ это обаятельное царство фантастическихъ идей, предметовъ и формъ, и однакожъ сохраняетъ отчетливое воспоминаніе о томъ, что съ нимъ случилось, т. е. что онъ прочелъ. Авторъ этотъ такъ сблизился съ царствомъ фантазіи, съ его таинственными агентами и ихъ вмѣшательствомъ въ судьбу людей; его воображеніе приписываетъ таинственнымъ силамъ дѣйствія, до того ощутительныя, что авторъ самъ начинаетъ вѣрить написанному. Вотъ причина правдоподобности и живости разсказовъ Гофмана.

Въ наше время, одинъ изъ датскихъ писателей издалъ, въ болѣе легкомъ родѣ, произведеніе чистаго воображенія; это Андерсонъ, авторъ собранія *Разсказовъ*, усвоившихъ скоро народность и въ Германіи. Большая часть этихъ сочиненій принадлежитъ къ фантастическому роду. Въ нихъ читатель дѣлается похожимъ на больного малютку, который вечеромъ, въ постелѣ своей, пьетъ бузинный чай, смотритъ на дно чайника, и видитъ, что тамъ растутъ цвѣточки, шевелятся, наконецъ выростетъ деревцо, на верху котораго появляется маленькая старая нимфа; (*Fliedermutterchen*, — заглавіе разсказа); онъ слушаетъ исторіи этой старухи и другіе разсказы, сцѣпленные одни съ другими. Сонъ-ли это? разсказъ-ли это? читатель, какъ больной ребенокъ, не знаетъ этого! Нерѣдко онъ находится въ срединѣ этого фантастическаго міра, самъ не зная, какъ попалъ туда, и когда, наконецъ, дѣйствующія лица выходятъ изъ магическаго круга, онъ остается оглушеннымъ, какъ-будто-бы съ нимъ самимъ случились эти странныя происшествія, — такъ увлекательно искусство разсказчика. Нерѣдко разсказъ принимаетъ форму эпическаго аполога, на манеръ французскихъ апологовъ. Таковъ напримѣръ прекрасный разсказъ *Елка*, которымъ начинается книга Андерсона.

Молодая елка, въ прекрасномъ лѣсу, ласкаемая тихимъ вѣтромъ и солнечными лучами, окруженная подругами однихъ съ нею лѣтъ, любимая дѣтьми, приходящими посидѣть подъ ней и поиграть, не наслаждается ни одною изъ этихъ выгодъ: ее мучитъ честолюбіе, она хочетъ поскорѣе вырости. Она слышитъ, какъ говорятъ о большихъ соснахъ, что онѣ пробѣгаютъ моря, гордо красуясь на корабляхъ, обь елкахъ, богато украшенныхъ на праздникъ Рождества и блестящихъ тысячу свѣчей. Ея честолюбіе удваивается, мучитъ ее; наконецъ оно удовлетворено.

Наканувъ Новаго-Года она видитъ себя во всемъ блескѣ своей славы, увѣренная, что приготовленія къ празднику дѣлаются собственно для нея, и что веселье крики дѣтей прославляютъ только ее.

На другой день на нее уже мало обращаютъ вниманія. Черезъ нѣсколько дней она уже надохла; ее относятъ въ самый темный уголь сарая, и только однѣ мыши посѣщаютъ ее, пока на ней есть еще кой-какіе остатки ея величія. Наконецъ, совершенно оставленная всѣми, она вспоминаетъ объ лѣсахъ, чистомъ воздухѣ, солнцѣ, лѣтнихъ птицъ,

играхъ дѣтей. Въ одинъ день ее переносятъ на дворъ; безъ сомнѣнія она увидитъ снова свой лѣсъ, потому-что все еще считаетъ себя незабытою. Она вдыхаетъ въ себя снова воздухъ, снова чувствуетъ вліяніе солнца; она позелѣнѣетъ, когда придетъ весна. Но теперь еще зима: дѣти, которыя когда-то прыгали около пышной елки, смѣются надъ ея безобразіемъ; она жалѣетъ теперь уже о темномъ углѣ сарая и посѣщеніи мышей. На ней осталась одна посинѣлая бумажка отъ всего прежняго богатства; бойкій мальчикъ обрываетъ и этотъ единственный остатокъ ея украшеній. Вскорѣ ее берутъ, раскалываютъ на небольшія полѣнья и зажигаютъ ихъ; трескъ бѣдной елки въ огнѣ — ея предсмертный плачъ.

Вотъ канва разсказа, превосходно написаннаго. Подробности самыя граціозныя, наивность, сочувствіе природѣ, философія, безъ приготовительныхъ умствованій, живописность сценъ, безпрестанно смѣняющихся, составляютъ въ маленькой рамкѣ превосходную картину.

Въ 1850 году появилась красивая небольшая книга, съ таинственнымъ заглавіемъ *Разсказы лѣса*. Шестъ изданій въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ, безъ сомнѣнія, показываютъ успѣхъ книги. Успѣхъ этотъ подтвердился и критикою.

Пютлицъ, авторъ этой книги, смотритъ на міръ съ поэтической точки зрѣнія; такова наприимѣръ картина лѣса, «спокойствіе котораго прерывается только шумомъ бѣгущаго потока, разбивающагося о камни и древесныя корни съ тихимъ журчаніемъ; потокъ этотъ то блеститъ отъ лучей солнца, то затемняется облаками и тѣнію деревьевъ; онъ отражаетъ дрожація изображенія предметовъ, смотрящихся въ него. Ни малѣйшій звукъ не прерываетъ этого молчанія. Кто хоть разъ въ жизни не наслаждался такими картинами? Кто не былъ тронутъ въ это время какимъ-то священнымъ чувствомъ? Все такъ спокойно кругомъ, все такъ торжественно! Даже дикіе звѣри дѣлаются спокойнѣе и кротче; охотникъ испытываетъ здѣсь таинственный трепетъ, невѣдомую прелесть; ложась на траву, онъ забываетъ свою страсть и приходитъ въ гармонію съ общимъ спокойствіемъ.» Не менѣе привлекательными красками описанъ таинственный источникъ лѣснаго ручейка и его бѣгъ, полускрытый отъ взоровъ. У автора растенія имѣютъ свою жизнь, свои удовольствія, свои страданія; цвѣты свою привязанность и свою любовь; поэтъ понимаетъ ихъ нѣмой языкъ; онъ ихъ истолкователь.

Пютлицъ подарилъ публику еще другимъ сочиненіемъ *Ein Märchenstrauss* (букетъ разсказовъ), въ которомъ говоритъ о цвѣтахъ, деревьяхъ и площадяхъ.

Разсказовъ этихъ четыре.

Отъ этого рода разсказовъ авторъ переходитъ къ мифологіи сильфовъ. Въ *Лѣсномъ ручейкѣ* отъ поэзіи природы и ея таинствъ онъ переходитъ къ вымышленному разсказу,

Нѣжная сильфида, любимица Титаніи, царицы сильфовъ, перебирала, сидя на легкомъ облачкѣ, драгоценныя камни своей госпожи. Она вывела изъ одного ящика жемчужное ожерелье и начала его разсматри-

вать.—« Это слезы моря, говорила Титанія, украшенія, которыя я пред-почитаю. Море не проливаетъ слезъ наружу; оно заключаетъ ихъ въ своей груди, и за этими слезами отправляются водолазы, рискуя жизнью. Жемчужины эти тверды, но въ ихъ матовой красотѣ они похожи на глаза, покрытые слезами; жемчужина не блеститъ на солнцѣ, какъ драгоценный камень, который заимствуетъ свой блескъ извнѣ: слеза моря заключаетъ въ самой себѣ то, что составляетъ ея цѣну.» Между тѣмъ какъ молодая сильфида держала это ожерелье, Пукъ, насмѣшливый сильфъ, перерѣзалъ нитку, и жемчужины разсыпались по облаку, а потомъ скатились на землю. Сильфида бросилась собирать жемчужины, разсыпанныя въ травѣ и на цвѣтахъ. Вскорѣ она замѣтила, что это не были слезы моря, но слезы цвѣтовъ — роса. Она увидѣла также другія перлы, повисшія на рѣсницахъ одной матери, наклоненной надъ умирающей дочерью; потомъ слезы любви, потомъ цѣлую коллекцію разнородныхъ слезъ; потому-что людскія слезы не рѣдко текутъ ручьемъ, источникъ котораго находится въ сердцѣ; печаль, тоска, не рѣдко радость рождаютъ ихъ. Собравъ всѣ эти слезы, сильфида унесла въ воздухъ свой отяжелѣвшій ящичекъ: слезы людскія тяжелы! Но по повелѣнію своей госпожи, она высыпала свой ящичекъ въ глубину лѣса между благоухающими растеніями. Эти слезы образовали источникъ; они остались тѣмъ же, что были, но только потекли вмѣстѣ.

Одно преданіе рассказываетъ Ель, мрачная по природѣ и щетинистая. Картина зимы, въ ея сѣверномъ жилищѣ, составляетъ предметъ ея легенды, на который она обращаетъ вниманіе окружающихъ ея деревьевъ и цвѣтовъ. Она передаетъ исторію времени года. Соединенныя сначала, они скорѣ поссорились и раздѣлили землю между собою. Зима поселилась на двухъ полюсахъ, лѣто въ центрѣ земли, весна и осень заняли остальные страны. Потомъ, по новому условію, они согласились владѣть землю въ порядкѣ послѣдовательности, кромѣ полюсовъ, оставшихся постоянною резиденціею зимы.

— Откуда можетъ это знать ель? спрашиваютъ тихо невѣрующіе слушатели. Ель знаетъ это отъ своей родственницы, большой мачты на одномъ кораблѣ смѣлыхъ путешественниковъ. Мачта эта хорошо изучила страны гиперборейскія, потому-что корабль въ продолженіе долгаго времени былъ затертъ льдами; экипажъ, доведенный до крайности, хотѣлъ срубить мачту, сдѣлавшуюся бесполезною, чтобы сжечь ее и хоть нѣсколько защититься отъ холоду. Но по просьбѣ ели, зима дала свободу кораблю, и спасла жизнь странствующему дереву. Зима любитъ ель и плющъ, которые, сохраняя свою зелень въ то время, когда другія растенія ея лишаются, одни украшаютъ зиму.

Страницы серьезныя и страницы, гдѣ видна истинная грусть превосходятъ въ этихъ разсказахъ мѣста, написанныя шутливымъ тономъ.

Точно такъ какъ Пютицъ изобразилъ разговоры лѣса, графиня Агнеса Шверинъ передаетъ тайны птицъ, прислушавшись къ ихъ разговорамъ.

Въ одно прекрасное утро она удаляется изъ города, отъ жилищъ, отъ шума людскаго, и переноситъ въ лѣсъ свое чувствительное и непо-

вятое сердце. Весна уже давно прошла, лѣто клонилось къ осени, множество пожелтѣвшихъ листовъ разносилось вѣтромъ. Это время года избрала писательница, чтобы представить намъ различные рассказы птицъ, собравшихся послѣдній разъ передъ разлукою до слѣдующей весны. Все улетаетъ съ приближеніемъ зимы; остается одинъ дроздъ, для наблюденія надъ своими маленькими осиротѣвшими братьями. Чтобы усладить нѣсколько горестъ разлуки, птицы условливаются рассказать, всякая по очереди, приключенія, которыхъ онѣ были свидѣтелями въ-теченіе лѣта. Онѣ собираются въ кружокъ, на вершинѣ дуба.

Семь рассказовъ графини Шверинъ очень занимательны. Господствующій характеръ въ нихъ печаль, гармонирующая съ близостью разлуки; въ иныхъ мѣстахъ авторъ даже дѣлается мрачнымъ и трагическимъ; ласточка описываетъ жизнь одного деревенскаго пастора, у жилища котораго она свила себѣ гнѣздо. Въ одну ночь, послѣ лѣтняго вечера, весело проведеннаго семействомъ въ саду, пожаръ истребляетъ зданія, отъ пламени спасаются только библія и гнѣздо ласточки; но вскорѣ любовь и привязанность прихожанъ вознаграждаютъ потерю добраго пастора.

Кукушка рассказываетъ исторію одного человѣка, окруженнаго всеми удовольствіями жизни и потомъ лишившагося всехъ своихъ богатствъ и вскорѣ умершаго. Кукушка имѣетъ нѣкоторое вліяніе на эту быструю кончину. Она, къ которой обращаются влюбленные счастливыцы и несчастливцы, желающіе узнать: сколько лѣтъ имъ остается жить, не произноситъ ни одного звука, когда этотъ человѣкъ спрашиваетъ ее. Пораженный этимъ предсказаніемъ, несчастный умираетъ въ самомъ скоромъ времени.

Птицы-рассказчицы иногда не принимаютъ участія въ происшествіяхъ, о которыхъ рассказываютъ, но въ другихъ играютъ важную роль. Вотъ лучшей изъ рассказовъ госпожи Шверинъ:

Молодой любопытный дроздъ, въ нетерпѣніи, желая испытать свои силы, просилъ бесполезно мать, чтобы она взяла его съ собою въ свою экскурсію. Она нашла, что онъ слабъ для путешествія, и поручила ему храненіе яицъ, изъ которыхъ вскорѣ должны были вылупиться его братья и сестры. Любопытство увлекаетъ молодость. Однажды, въ отсутствіи матери, дроздъ оставляетъ гнѣздо; онъ летитъ и достигаетъ безъ затрудненія монастыря, мрачными стѣнами котораго онъ нерѣдко любовался издали. Чтобы лучше оглядѣться, онъ садится на колоколь, который вскорѣ начинаетъ звонить. Звуки оглушаютъ дрозда, онъ летаетъ вокругъ колокола, замѣчаетъ расщелину въ старой колокольнѣ и прячется въ нее. Только тогда видитъ онъ, что въ колоколь звонитъ блѣдная монахиня, съ большими голубыми глазами, съ меланхолическою улыбкою. Она окончила свою обязанность, приближается къ галлерей колокольни и остается долго неподвижною, съ руками, скрещенными на груди, со взорами, обращенными въ даль, между тѣмъ какъ двѣ крупныя слезы катятся по ея впалымъ щекамъ. Когда она приближается къ птичкѣ, та начинаетъ пѣть сладкимъ голосомъ

мелодическіе напѣвы. Монахиня, пробужденная отъ мечтаній, говоритъ жалобнымъ голосомъ дрозду: «Бѣдная птичка, что побудило тебя посѣтить эти стѣны? что могъ сдѣлать тебѣ свѣтъ? Посмотри, какъ чисто небо, какъ хороша мѣръ!... Раздается звукъ маленькаго колокола и заставляетъ вздрогнуть монахиню, и она, поручивъ дрозду отнести поклонъ ея роднымъ и милымъ сердцу, убѣгаетъ во внутренность монастыря.

Съ этого времени птичка думаетъ только о томъ, что видѣла и слышала. Несмотря на выговоръ за первую шалость, дроздъ осмѣливается сдѣлать вторую прогулку; онъ летитъ снова на колокольню. Но вмѣсто знакомой его, онъ видитъ другую монахиню. Онъ улетаетъ въ рощу, за стѣны монастырскія, наслаждается новымъ зрѣлищемъ, разнообразными цвѣтами, примѣчаетъ на берегу ручейка голубой цвѣточикъ, посвященный воспоминанію, срываетъ его и хочетъ летѣть въ материнское гнѣздо; въ это время хоръ меланхолическихъ женскихъ голосовъ привлекаетъ его къ окну одной кельи. Онъ садится на перекладину рамы, и видитъ, что монахини, стоя на колѣняхъ, поютъ около скромнаго ложа, на которомъ лежитъ въ изнеможеніи та, которая избрала его посланникомъ. Ея вѣки закрыты, руки судорожно прижаты къ груди, блѣдныя губы какъ-будто творятъ молитву. Пѣніе прекратилось. Умиравшая открыла тусклые глаза, она тщетно старается приподняться; послѣднимъ усиліемъ она повернула лицо къ окну и увидѣла птичку; быстрая краска покрыла на время щеки больной. «Ты ли это, мой милый посланникъ? шептала она, голосомъ едва внятнымъ. О, приди ко мнѣ». Ободренный посланникъ подлетѣлъ къ кровати умирающей и положилъ цвѣтокъ на ея грудь. Она схватила его, поцѣловала и произнесла дрожащимъ голосомъ: «Благодарю за это утѣшеніе!» Слезы радости наполнили ея глаза. Въ послѣдній разъ она прижала цвѣтокъ къ сердцу, потомъ ея сердце перестало биться. Самое усладительное пѣніе тронутой птички не могло разбудить ту, которой горестъ уснула навсегда. Дроздъ улетѣлъ, увидѣвъ, что кружекъ монахинь окончилъ долгую и теплую молитву.

Роль птицы, въ этой маленькой драмѣ, натуральна и полна граціи. Къ несчастію, рассказы г-жи Шверинъ не всегда остаются въ границахъ простоты и истины.

Обращаемся теперь къ сочиненію, имѣвшему два изданія: это Waldmeisters Brautfahrt. Ein Rhein-Wein und Wandermärchen, von Otto Roquette.

На этотъ разъ передъ нами истинная поэма, какъ по основанію такъ и по формѣ, писанная стихами.

Въ одной части Германіи, преимущественно въ той, которую пересѣкаетъ Рейнь, весною наслаждаются напиткомъ, составленнымъ изъ бѣлаго или краснаго вина, куда кладутъ сахаръ, кусочки апельсина, и нѣкоторыя травы, которыя настаиваются опредѣленное время. Выборъ и пропорція составныхъ частей весьма важны; главный элементъ этого состава, послѣ вина, это *асперула* (*asperula odorata*) со своимъ

ароматическимъ сокомъ. Время года, въ которое этотъ цвѣтокъ бываетъ во всей силѣ, дало названіе напитку Maitrank, майское питье.

Ясменникъ въ Германіи называется Waldmeister, и заглавіе поэмы означаетъ брачное путешествіе, которое Вальдмейстеръ предпринимаетъ на берега Рейна, чтобы взять въ супружество *Цвѣтъ виноградной лозы*.

На берегахъ Рейна прогуливаются съ важностію два человѣка, одинъ высокій, другой толстый; одинъ профессоръ ботаники, вооруженный своею коробкою; другой, пасторъ Рюдесгейма. Профессоръ понимаетъ молодость и оправдываетъ ее. Недавній поступокъ молодыхъ людей наполнилъ негодованіемъ сердце пастора. Вчера, во время его отсутствія, племянница его Урсула, которой поручено хозяйство, услышала пѣніе странствующихъ студентовъ. Она открыла окно, чтобы ихъ послушать; въ это время канарейка ея вылетѣла изъ окна на ближайшій орѣшникъ; на крикъ дѣвушки студенты входятъ въ садъ и ловятъ птицу. Признательная Урсула приготовляетъ имъ, на скорую руку, въ саду, закуску. Превосходное вино одушевляетъ пѣніе и возбуждаетъ веселость. Урсула уже давно не слыхала ничего подобнаго; но вдругъ она слышитъ голосъ дяди; ей дѣлается дурно. Молодые люди разбѣгаются, смѣясь хоромъ. Во время этого разсказа профессоръ и пасторъ приближаются къ дому послѣдняго. Профессоръ дорогою собираетъ растенія, которыя укладываетъ въ коробку; между прочими онъ срываетъ пучекъ ясменниковъ. Въ то же время онъ чувствуетъ боль въ рукѣ. Чтò причиною этого? Крапива-ли, или насѣкомое? онъ не знаетъ.

Въ ожиданіи разрѣшенія этого вопроса, поэтъ переноситъ насъ на холмъ, къ развалинамъ монастыря, покрытаго нынѣ тысячами цвѣтовъ и растеній. Въ зеленѣющей ихъ тѣни прогуливаются два существа, это служители Вальдмейстера, прибывшаго сюда съ многочисленною свитою, чтобы отдохнуть посреди этихъ развалинъ. Двое прогуливающихся — Базилікъ Можжевельникъ. День клонится къ концу, но Вальдмейстеръ не возвращается, онъ заблудился; безпокойство овладѣваетъ всѣми. Дочка Яшерлицы общаетъ сообщить извѣстіе объ ихъ господинѣ; она слышала голосъ одного молодого человѣка, заблудившагося на берегу Рейна. Она исчезаетъ чрезъ подземный проходъ, и появляется вскорѣ, ведя съ собою за руку Крапиву, — придворнаго шута, который рассказываетъ, что Вальдмейстеръ покаялся въ густой зелени, когда какой-то высокій человѣкъ, проходя мимо, наклонился, взявъ его съ другими растеніями и заперъ въ зеленую коробку, повѣшенную у него на шеѣ. Напрасно бросилась за похитителемъ Крапива, чтобы освободить своего господина; она могла только отомстить за него, уколовъ сильно руку похитителю. Ужасъ распространился въ свитѣ молодого; бьютъ тревогу; слуги сбѣгаются поспѣшно; блестящія червячки зажигаютъ свѣтильники; ночныя бабочки пролетаютъ въ воздухѣ. Поѣздъ двинулся въ путь.

Чтò-же сдѣлалось съ заключеннымъ въ темницѣ? Стѣсенный, толкаемый грибами, дикимъ цикоріемъ, тивномъ, созданіями без-

чувственными и грубыми, надѣдающими ему своею болтовнею и любопытствомъ, онъ груститъ и страдаетъ. Между-тѣмъ профессоръ, выпившій наканунѣ большое количество вина, пробуждается посреди ночи отъ лихорадки и сновидѣній. Онъ приписываетъ нездоровье сосѣдству растений и переноситъ ихъ на окно, которое оставляетъ открытымъ. Въ то же время насѣкомыя толпою стремятся въ комнату и оглушаютъ его своимъ шумомъ. Ботаникъ не можетъ спать и будитъ Урсалу и пастора; происходитъ всеобщее волненіе, война съ нарушителями спокойствія; насѣкомыя и растенія отомщають за себя; профессоръ погибаетъ, но бойцы также удаляются не безъ потери. Освобожденный повелѣваетъ отступить; ему хочется скорѣе прибыть къ мѣсту назначенія.

Вмѣстѣ съ нимъ мы летимъ къ невѣстѣ, къ цвѣтку виноградной лозы, въ Рюдесгеймъ, гдѣ ея отца окружаетъ блестящій дворъ. При первыхъ лучахъ восходящаго солнца, отецъ благословляетъ союзъ молодой и прекрасной четы. Вся окрестность торжествуетъ вмѣстѣ съ ними. Хоръ человѣческихъ голосовъ присоединяется къ всеобщему концерту и воспѣваетъ радость и удовольствіе; это студенты, пѣсней которыхъ заслушалась хорошенькая Урсала.

Недалеко отъ Рюдесгейма, хозяинъ виноградныхъ холмовъ имѣетъ другую резиденцію, — погребъ Юганисберга. Карлы и гномы, обитающіе въ странахъ подземныхъ, употребляютъ всю дѣятельность для приготовленія новаго праздника, который отецъ невѣсты хочетъ дать своимъ гостямъ. Но здѣсь въ то же время готовится мщеніе. Вино Некара представляется собранію и жалуется на людей. Кривива требуетъ также отмщенія за жертвъ, павшихъ во-время ночнаго боя. Съ лѣснаго холма, убѣжища истинной любви, мы переходимъ въ гостиницу на берегъ Рейна.

Небо чисто; луна освѣщаетъ тихими лучами картину счастья; Рейнъ, гордый своими винами, смѣшиваетъ голосъ волнъ съ веселымъ пѣніемъ; соловьи поютъ хоромъ. Блится красотою и остро уміемъ, ему не уступаетъ. Вездѣ царствуетъ радость.»

Мы показали читателямъ блѣдный снимокъ съ этой фантастической картины. Поэтъ вставилъ въ рамку фантастическихъ арабесокъ картины природы съ удивительною живостію и прелестію.

Приведемъ теперь, въ заключеніе, послѣдній отрывокъ изъ одной фантастической поэмы, имѣющей уже другое — юмористическое направленіе. Поэтъ охотится въ Пиринейхъ и рассказываетъ свои фантастическія видѣнія. Переводимъ этотъ отрывокъ почти буквально.

«Какъ уснувшія баядерки, горы трепещутъ въ своихъ утреннихъ бѣло-облачныхъ покровахъ, когда вѣтерокъ на зарѣ приподнимаетъ эти покровы. Но онѣ скоро встаютъ подъ поцѣлуями солнца. Оно снимаетъ съ нихъ послѣдніе покровы и любитъся ими во всей ихъ красотѣ.

На развѣтѣ дня отправился я съ Ласкаро на охоту за медвѣдями. Къ полудню-достигли мы «Иванскаго моста». Такъ называютъ мость,

ведущій изъ Франціи въ Испанію, за которымъ живутъ люди, оставшіе отъ остальной Европы на тысячу лѣтъ.

На тысячу лѣтъ! Этого много при нынѣшнихъ успѣхахъ образованности.

Мнѣ страшно было переходить въ эту землю изъ любезной моей Франціи.

Посреди моста сидѣлъ бѣдный испанецъ. Нищета видна была сквозь дыры его плаща; она изображалась въ его взорахъ. Тощими своими пальцами царапалъ онъ по старой своей гитарѣ. Кислая мелодія отражаема была эхомъ пропастей, какъ-будто въ насмѣшку.

Иногда нагибался онъ надъ пропастью и громко хохоталъ. Потомъ принимался опять брянчать съ изступленіемъ и пѣть любовные романсы. Я прошелъ мимо и сказалъ самъ-себѣ. Это странно! сумасшедшій сидитъ и поетъ на мосту, ведущемъ изъ Франціи въ Испанію.

Къ вечеру достигли мы до жалкой *посады*, гдѣ на грязномъ блюдѣ дымилась ола-подрида.

Я ѣлъ также *гарбанзосы*, толстые и тяжелые, какъ картечи, неудобосваримые даже для нѣмецкаго желудка, вскормленнаго колбасами.

Постель была также хороша, какъ кухня, и была усыяна разными животными, какъ перцемъ.

О! насѣкомые! жесточайшіе враги человѣка! Вражда одного изъ нихъ, ползущаго на вашей постелѣ, ужаснѣе гнѣва ста слоновъ.

Надобно позволить кусать себя въ молчаніи—это очень грустно. Еще грустнѣе, если вы раздавите вашего врага. Онъ и по смерти цѣлую ночь будетъ напоминать вамъ о себѣ.

Да! всего ужаснѣе для путешественника — это борьба съ насѣкомымъ, которое вооружено однимъ зловоніемъ...

Самые лучшіе поэты (если между ними есть еще хорошіе) говорятъ: природа прекрасный чертогъ. Солнце, луна и звѣзды—ничто иное, какъ золотыя лампы, повѣшенныя на сводѣ этого чертога. Признаюсь, что ступеньки этого чертога иногда очень неудобны, лѣстницы пренесносныя. Эти подъемы, спуски, холмы, овраги, скалы, горы, все это утомляетъ душу и ноги. Подлѣ меня идетъ Ласкаро, блѣдный и длинный, какъ восковая свѣча. Никогда онъ не говоритъ, не смѣется: Ласкаро—умершій сынъ колдуньи. Да! говорятъ, что онъ умеръ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но что волшебная наука его матери сохранила ему до-сихъ-поръ признаковъ жизни.

Эти ужасныя ступеньки чертога! Не понимаю, какъ я сегодня двадцать разъ не споткнулся, не свалился въ бездну, и не сломилъ себѣ шею.

Какъ шумятъ эти волопады! Какъ воетъ вѣтеръ между вѣтвями сосенъ. Облака прорвались вдругъ проливнымъ дождемъ. Какая ужасная погода!... Близъ озера Гаубе, въ хижинѣ рыбака, нашли мы убѣжище и форелей; послѣднія были прекрасны. Старый рыбакъ былъ болѣнъ и разслабленъ. Онъ сидѣлъ въ покойныхъ креслахъ. Двѣ хорошенькія племянницы ухаживали за нимъ. Онѣ были нѣсколько дородны, какъ фламандки, вырвавшіяся изъ рамъ Рубенса: волосы бѣлокурые, глаза голубые и блестящіе; на розовыхъ щечкахъ ямки, въ ко-

торыхъ было немного лукавства, формы тѣла твердыя и круглыя, возбуждающія въ тоже время страхъ и желанія. Эти добрыя и милыя созданія спорили между-собою: чѣмъ лучше напоить своего стараго, большаго дядю. Одна подносить ему чашку липоваго цвѣта, другая бузины.

«Я не буду пить ни того, ни другаго, сказалъ старикъ съ нетерпѣнiемъ: принесите мнѣ кружку вина: я хочу попотчивать моихъ гостей.

Точно ли вино пилъ я на берегахъ озера Гаубе — не знаю. Въ Брауншвейгѣ я подумалъ бы, что это брауншвейгское пиво. Оно было не въ кружкѣ, но въ шкурѣ чернаго козла. Запахъ отъ него былъ самый неблаговоный. Но старикъ пилъ вино съ такимъ удовольствiемъ, что сдѣлался веселъ и почти здоровъ.

Онъ началъ намъ разсказывать о подвигахъ бандитовъ и контрабандистовъ, живущихъ въ Пиринейскихъ лѣсахъ. Онъ зналъ и другія преданія древнихъ поколѣнiй, между-прочимъ о битвахъ исполиновъ въ баснословныя времена Испанiи.

«При появленiи людей потомки Геркулеса разбѣжались, пораженные паническимъ страхомъ, потому-что въ ихъ широкихъ головахъ было мало мозгу. Говорятъ, что эти глупцы, прибѣжавъ на берегъ моря и увидя отражающiйся въ водѣ сводъ небесъ, вообразили себѣ, что море тоже небо, и въ полной довѣренности бросились всѣ въ море и утонули.

«Такимъ-то образомъ, продолжалъ старiй рыбакъ, все на землѣ измѣняется; прежде были на ней великаны, потомъ теперишнiе люди, наконецъ владычество перейдетъ къ карликамъ, къ этимъ маленькимъ и хитрымъ микроскопическимъ гномамъ, которыя живутъ подъ горами и накопляютъ себѣ огромныя богатства, груды золота и серебра.

«Я часто видѣлъ ихъ при свѣтѣ луны, когда они всматриваются въ движенiя людей, высовывая изъ развалинъ земли свои маленькiя голвки.

Воды глубокаго озера покоятся въ темной чашѣ скалъ. Блѣдныя звѣзды меланхолически смотрять съ высотъ небесъ. Ночь и молчанiе!

Молчанiе и ночь! Весла лодки то поднимаются, то опускаются. Вода таинственно журчитъ подъ лодкой. Племянницы рыбака везуть насъ вмѣсто его. Онѣ гребутъ легко и прiятно. Иногда, въ темнотѣ, при свѣтѣ звѣздъ, блестятъ ихъ обнаженныя сильныя руки, ихъ большiе голубые глаза.

Послѣ меня сидѣлъ Ласкаро, блѣдный и безмолвный, какъ всегда. Какой-то холодъ пробѣжалъ по жиламъ моимъ. Чтѣ если онъ въ-самомъ-дѣлѣ мертвецъ? Да и самъ я ужъ не умеръ-ли, и вотъ плыву въ обществѣ привидѣнiй, въ печальное царство тѣней.

Это озеро, не Стиксъ-ли, катящiй черныя волны? Вмѣсто Харона не послала-ли Прозерпина своихъ субретоковъ, чтобъ проводить меня?

Нѣтъ! я еще не умеръ, не похороненъ. Въ глубинѣ моей души чувствую я, что пламя жизни горитъ и трепещетъ.

Нѣтъ! эти молодыя дѣвушки, которыя такъ весело управляютъ веслами, и изрѣдка брызжутъ на меня водою, эти рѣзвыя и веселыя созданія—эти свѣженькiя личики, вѣрно не адскiя привидѣнiя, не служанки Прозерпины.

Когда мы доѣхали до противоположнаго берега, я обнялъ еще разъ обѣихъ дѣвушекъ. Другой платы онѣ никакъ не хотѣли принять отъ меня.

Фиолетовыя вершины горы рисуются на золотистомъ полѣ солнечнаго сіянія. Какъ птичье гнѣздо прижалась деревня къ склону горы. Когда я вскарабкался въ эту деревню, всѣ старые жители были на работѣ, только дѣти сидѣли дома; безкрылые птенцы не могли еще летать.

Маленькіе мальчики и красивыя дѣвочки собрались на деревенскую площадь, и закутавшись въ свои бѣлые или красные шерстяные кашпоны, играли какую-то комедію.

Я цѣлый день пробылъ съ этими дѣтьми. Мы разговаривали чрезвычайно откровенно. Они хотѣли знать, кто я и что дѣлаю на свѣтѣ.

«Милыя дѣти, отвѣчалъ я имъ. Я родился въ Германіи, и пристрастился къ охотѣ. Мнѣ наскучило дома и я пришелъ сюда искать медвѣдей.» Когда я сталъ приготовляться къ отправленію въ дальнѣйшій путь, — все молодое поколѣніе собралось вокругъ меня, и начало плясать хоровадомъ, припѣвая: *жирофле, жирофла*.

Потомъ самая маленькая изъ дѣвочекъ подошла ко мнѣ сдѣлала три, четыре граціозныхъ реверанса, и запѣла прекраснымъ тоненькимъ голоскомъ.

«Если мнѣ встрѣтится чужой человекъ — я ему присяду два раза, если жена его, — то три.

«Но если мнѣ попадается звѣрь съ рогами, я ему присяду два, три, четыре раза... жирофле, жирофла».

Послѣднія слова были повторены всѣмъ дѣтскимъ хоромъ, который, вертясь около меня, едва не сбилъ меня съ ногъ.

И покуда я спускался съ горы въ долину, дѣтскій припѣвъ все еще слышался мнѣ, какъ легкое щебетаніе птицъ. Жирофле! жирофла!...

Гигантскія скалы, уродливыя и безобразныя окружаютъ меня. Мнѣ кажется, что вокругъ меня стоятъ окаменѣлыя чуловища.

Странно! Сѣрыя облака колышатся у ногъ моихъ, и отражаютъ фантастическія изображенія скалъ. Вдали реветъ водопадъ, и вѣтеръ воетъ между елей. Этотъ шумъ ужасенъ и неумолимъ какъ отчаяніе. Печальное уединеніе! Стая черныхъ вороновъ спускается на сожженныя и гнѣющія сосны, и машетъ своими безсильными крыльями.

Ласкаро слѣдуетъ за мною, также блѣденъ и молчаливъ. Мы съ нимъ похожи на старую гравюру Алберта Дюрера, которая представляетъ смерть, сопровождающую сумасшедшаго рыцаря.

Ужасная и печальная страна! Мнѣ кажется, я вижу кровь у корней этихъ увядающихъ деревьевъ.

Она прикрываетъ хижину, которая сама какъ-бы отъ стыда, до половины зарывается въ землѣ. Эта бѣдная лачужка, кажется, умоляетъ васъ о чемъ-то и смотритъ на васъ со страхомъ.

Обитатели этой хижины — идіоты. Это остатокъ поколѣнія, которое доживаетъ во мракѣ послѣдніе дни своего печальнаго существованія.

Ласкаро остановился у дверей хижины, когда я вошелъ въ нее. Я

дружески протянулъ руку бѣдному идиоту, брату моему по человечеству.

Я обнял даже дитя его, которое жадно сосало грудь матери.

Посмотри на вершины горъ, какъ онѣ блестятъ при зарѣ, на закатѣ солнца, пурпуромъ и золотомъ, какъ вѣнцы.

Но подойди ближе, и все это очарованіе исчезнетъ. Здѣсь, какъ и при нѣкоторыхъ величественныхъ картинахъ природы, человѣкъ находится подъ вліяніемъ оптического обмана.

То, что тебѣ казалось пурпуромъ и золотомъ, былъ снѣгъ, освѣщенный солнцемъ, холодный, замерзлый снѣгъ, которому скучно въ пустыни.

Бѣдный снѣгъ вздыхалъ и стоналъ на вершинѣ; онъ рассказывалъ непостоянному и безчувственному вѣтру свою тоску и печаль.

«О! говорилъ онъ, какъ длинно тянутся часы въ этомъ уединеніи, въ этихъ замерзлыхъ горахъ».

«Бѣдный снѣгъ! еслибъ вмѣсто того, чтобъ лежать на высокихъ горахъ, я лежалъ въ долинѣ, гдѣ распускаются цвѣты».

«Я-бы растаялъ тамъ и образовалъ-бы маленькій ручей, и самая хо-рошенькая изъ дѣвушекъ въ деревнѣ пришла-бы мыться въ моей водѣ».

«Можетъ-быть волны мои достигли-бы наконецъ до моря, гдѣ-бы я превратился въ жемчугъ, чтобы наконецъ украсить собою богатое ожерелье».

Когда я услышалъ эти жалобы, то отвѣчалъ ему: «Бѣдный снѣгъ, сомнѣваюсь, чтобы и въ долинѣ ожидала тебя лучшая участь».

«Утѣшься! немногія воды дѣлаются на этомъ свѣтѣ жемчужинами; ты-бы могъ пасть на кучу навоза, и смѣшался-бы съ нимъ».

Покуда я разговаривалъ со снѣгомъ, раздался выстрѣлъ, и черный ястребъ упалъ изъ облаковъ къ ногамъ моимъ. Это была шутка Ласкаро, шутка охотника, но лицо его все также было серьезно и холодно, только около ружья его разстился пороховой дымокъ.

Молча вырвалъ онъ перо изъ ястребинаго крыла, воткнулъ въ свою шляпу и продолжалъ свой путь. Ласкаро сдѣлался еще печальнѣе, когда тѣнь его, длинная и черная, съ этимъ развѣвающимся перомъ, двигалась по бѣлому снѣгу ледниковъ.

Долина эта была похожа на улицу. Ее называли Оврагомъ Привидѣній. Со всѣхъ сторонъ возвышались крутыя скалы до неизмѣримой высоты.

Тамъ, на крутомъ склонѣ горы, стоитъ хижина Ураки, и насмѣшливо смотритъ на долину. Я послѣдовалъ туда за Ласкаро.

На таинственномъ языкѣ знаковъ совѣтовался онъ со своею матерью, какъ-бы намъ заманить и убить хорошаго медвѣдя.

Дѣйствительно-ли эта старая Урака отличнѣйшая колдунья, изъ всѣхъ вѣдьмъ, живущихъ на Пиринеяхъ,—я не могу за это ручаться. Знаю только то, что видъ ея ни мало не внушаетъ довѣренности.

Красныя глаза ея плачутъ самымъ подозрительнымъ образомъ. Взглядъ ея косою и злою. Говорятъ, что этотъ взглядъ, брошенный на коровъ, лишаетъ ихъ послѣдняго молока.

Увѣряютъ даже, что она не разъ умерщвляла жирныхъ свиней и даже самыхъ здоровыхъ быковъ, погладя ихъ только костлявою рукою.

Не разъ была она обвиняема въ колдовствѣ. Обвинители колдуньи были осыпаны насмѣшками.

Официальное ремесло Ураки самое честное. Она продаетъ горныя травы и чучелы птицъ. Въ хижинѣ ея цѣлая коллекція натуральной исторіи. Запахъ бѣлены, одуванчиковъ и папоротниковъ составлялъ довольно тяжелую атмосферу.

Коллекція птицъ съ распростертыми крыльями и огромными клювами была весьма занимательна. Наркотическій запахъ растеній дѣйствовалъ на мое воображеніе, и видъ этихъ птицъ производилъ на меня самое странное впечатлѣніе.

Всѣ эти чучелы смотрѣли на меня пристально, печально, съ какимъ-то нетерпѣніемъ. Иногда казалось мнѣ, что они взглядывали на Ураку изъ подлѣбья и съ ужасомъ. Но Урака сидитъ съ сыномъ у камина. Они топятъ свинецъ и льютъ пули. Иногда она шепчетъ и дѣлаетъ знаки сыну, но тотъ продолжаетъ работу, нѣмой и холодный, какъ могила. Эти пули должны убить медвѣдя. Пламя камина озаряетъ лицо колдуньи. Она шевелитъ изсохшими губами, но не произноситъ никакого звука. Она нашептываетъ магическія слова надъ пулями, для того, чтобы онѣ вѣрно попадали въ цѣль.

Станный холодъ пробѣжалъ по жиламъ моимъ; я подошелъ къ окну, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, и взглянулъ внизъ на долину.

Было около часа за полночь, и то, что я увидѣлъ тогда, вы узнаете изъ слѣдующей строфы.

На небѣ сіяла полная луна. Это было наканунѣ Иванова-дня: волшебная охота спускается въ эту ночь въ Оврагъ Привидѣній. Изъ окна колдуньи Ураки могъ я хорошо рассмотреть кавалькаду привидѣній, несущихся по этому оврагу. Мѣсто зрѣлища было очень выгодно, и я прекрасно могъ видѣть этотъ шумный праздникъ.

Галло! Гусса! Крики охотниковъ, щелканье бичей, ржаніе коней, лай собакъ, звуки роговъ, громкій хохоть, все это вмѣстѣ гремѣло такъ весело.

Впереди, авангардомъ бѣжали дикіе странные звѣри, олени и вепри, за ними летѣла стая псовъ.

Охотники собрались изъ разныхъ странъ, и отдаленныхъ временъ. Ассиріянинъ Немвродъ ѣхалъ на бѣломъ конѣ; за нимъ бѣжали егеря, держа въ рукахъ своры, и слуги къ факелами. Многихъ узналъ я въ этой ужасной толпѣ. Этотъ рыцарь въ золотой бронѣ долженъ быть Артусъ.

Вотъ и Ожье—Датчанинъ, носившій блистательную зеленую кольчугу, въ которой онъ похожъ былъ на лягушку.

Я увидѣлъ между охотниками многихъ героевъ мысли, любителей охоты. Вотъ Вольфгангъ Гёте, съ его свѣтлымъ и спокойнымъ взглядомъ.

Было много и женщинъ въ этой безумной кавалькадѣ, это были прелестныя нимфы съ стройнымъ станомъ и пламенемъ во взорахъ.

Онѣ сидѣли верхомъ на коняхъ, какъ древнія амазонки, длинныя ихъ волосы, распущенныя по вѣтру, развивались позади ихъ какъ широкіе плащи. На головахъ у нихъ были вѣнки изъ цвѣтовъ; почти опрокинувшись назадъ, летѣли онѣ на коняхъ своихъ.

Подлѣ нихъ скакали дѣвицы, сидѣвшія по дамски, скромно одѣтыя, съ соколами на рукахъ. Позади, какъ-будто въ видѣ пародіи, скакали на тощихъ клячахъ, толпы женщинъ, одѣтыхъ въ театральные костюмы. Лица ихъ были удивительно хороши. Какимъ весельемъ гремѣла эта охота! Звуки роговъ, хохотъ, ржаніе коней, лай собакъ, шелканье бичей... Галло! Гусса!

Изъ всей охоты отдѣлялись три фигуры удивительной красоты. Никогда не забуду я этихъ трехъ амазонокъ. Первую легко можно было узнать, по полумѣсяцу, блестящему на головѣ ея. Гордая, какъ прекрасная статуя, богиня охоты быстро неслась впередъ, приподнятая туника въ половину только закрывала грудь ея и верхнюю часть ноги до колѣнъ; отблескъ факеловъ и луны роскошно отражался на прелестныхъ чертахъ богини.

Лицо ея было бѣло, какъ снѣгъ или мраморъ, но также холодно, какъ мраморъ. Неподвижность и блѣдность благородной и суровой ея наружности заставляли невольно содрогаться.

И однакоже, въ глубинѣ черныхъ глазъ ея блистала ужасный огонь, сладостный и коварный, который ослѣпляетъ и сожигаетъ.

Она вовсе не похожа теперь на ту Діану, которая превратила Актеона въ оленя и велѣла его разорвать своимъ собакамъ. Не за это ли преступленіе осуждена она скакать въ шумной охотѣ, какъ простое земное привидѣніе?

Подлѣ нея видѣлъ я красавицу, черты которой не имѣли греческаго типа, но отличались граціозной наивностью кельтической породы. Это была фея Габонда, которую я тотчасъ узналъ по прелестной улыбкѣ и сладкозвучному голосу. Лицо у ней было круглое и розовое, какъ грѣзова картинка, носикъ вздернутъ, ротикъ маленькій и полуоткрытый, зубы удивительной бѣлизны.

На ней развѣвался голубой шелковой пеньюаръ, по временамъ поднимаемый вѣтромъ. Въ самыхъ роскошныхъ снахъ моихъ я никогда не видѣлъ такой красавицы.

Я чуть не выскочилъ въ окно, чтобы поцѣловать ее; это мнѣ дорого обошлось бы, потому что я сломилъ бы себѣ шею, падая со скалы. Она бы только засмѣялась, когда бы окровавленный я упалъ къ ногамъ ея. Да! я знаю, что значить смѣхъ женщины. Кто же была третья женщина, такъ глубоко тронувшая душу мою? Неужели такой же духъ, какъ и двѣ первыя. Я не знаю, была ли она добрымъ или злымъ духомъ. У женщинъ никогда не узнаешь, гдѣ оканчивается добрый духъ и начинается демонъ.

Блѣдное и пламенное лицо ея дышало всею нѣгою востока. Богатая одежда ея напоминала султаншу Шехеразату. Мягкія губы были

похожи на гранаты, носъ нѣсколько сторбленъ, члены гибки и роскошны, какъ пальма оазиса.

Она сидѣла на конѣ, золотые поводья котораго держали два негра, бѣжавшіе подлѣ нея.

Она была дѣйствительно султанша, жена одного восточнаго владѣтеля. Арабское преданіе говоритъ, что она погубила однажды великаго дервиша явившагося проповѣдовать ученіе Магомета при дворѣ ея мужа. Преданіе сохранило страшные рассказы о злодѣйствахъ этой женщины.

Когда она скакала мимо меня, то кивнула мнѣ головою съ такою кокетливостію, что я задрожалъ. Три раза кавалькада проносилась мимо меня въ бѣшеномъ галопѣ, и трижды кланялось мнѣ прекрасное привидѣніе.

Охота уже исчезла вдали, шумъ умолкъ, а поклонъ этотъ все еще бродилъ въ моей головѣ. И цѣлую ночь я ворочался на соломѣ, потому-что у колдуньи Ураки не было другой постели. И я все говорилъ самъ себѣ: «Что значить этотъ таинственный знакъ головою? Отчего ты такъ нѣжно посмотрѣла на меня прекрасная женщина?»

Солнце встаетъ и бросаетъ въ облака золотыя стрѣлы; облака принимаютъ отъ этого красный цвѣтъ какъ-будто они были ранены, и потомъ испаряются въ солнечномъ блескѣ. Наконецъ борьба прекращается, и день торжествуетъ, ставъ блистательною стопою на темя горъ.

Птицы громко защебетали въ своихъ гнѣздахъ, запахъ растений понесся къ небу атмосферой благоуханій.

При первыхъ лучахъ солнца, мы спустились въ долину, и покуда Ласкаро отыскивалъ слѣдъ медвѣдя, я остался одинъ, скучный и усталый.

Скучный и усталый сѣлъ я на мягкую скамью изъ мха. Это было подъ большимъ дубомъ, на берегу маленькаго ручейка, журчаніе котораго навело на меня сладкую задумчивость.

Я страстно полюбилъ въ эту минуту міръ фантазіи, смерть и бредъ и тѣхъ прелестныхъ амазонокъ, которыхъ ночью видѣлъ на охотѣ.

О вы! тихія ночныя видѣнія, пугающіяся денницы, скажите, куда вы скрылись? гдѣ бываете вы въ-продолженіе дня?

Говорятъ, что Діана удалилась въ развалины какого-то древняго храма въ Романіи.

Только во мракѣ полуночи осмѣливается она предаваться удовольствію охоты, съ тѣми, которые вмѣстѣ съ нею осуждены на это.

Прекрасная фея Габонда скрывается также днемъ и прячется на счастливомъ островѣ Авалуи, такъ хорошо описанномъ въ сказкахъ.

Этотъ островъ далеко отсюда. Онъ лежитъ въ тихомъ океанѣ фантастической географіи. Къ нему иначе нельзя пристать, какъ прилетѣвши на крылатомъ конѣ. Тамъ не знаютъ никакихъ заботъ, ни одинъ парохоль не привозитъ туда цѣлаго груза зѣвакъ, съ трубками и сигарами во рту.

Нѣтъ тамъ ни шума, ни выстрѣловъ, ни боя; феи терпѣть не могутъ всей этой трескотни.

Тамъ царствуетъ одно веселье; всѣ жители молоды и между ними живетъ всегда бѣлокурая фея Габонда.

Тамъ, подъ тѣнью тропическихъ цвѣтовъ прогуливается она съ толпой палладиновъ, которыхъ похитила изъ здѣшняго міра.

А гордая султанша? гдѣ она? О! я знаю! ты умерла! ты похоронена гдѣ то далеко на востокѣ. Днемъ ты спишь въ твоей мраморной гробницѣ, крѣпкимъ сномъ мертвецовъ, но въ полночь ты просыпаешься при звукахъ роговъ.

Аргонавты безъ корабля, пускающіеся въ горы пѣшкомъ и ищущіе не золотого руна, а медвѣжьей шкуры, — мы вовсе не древніе герои, и никто изъ классическихъ поэтовъ не воспоетъ насъ въ эпической поэмѣ.

И однако-жъ, сколько мы перенесли. Какой дождь засталъ насъ на вершинѣ горы, гдѣ не было ни одного дерева, ни одного извощика.

Это былъ настоящій водопадъ, лившійся на землю волнами. Вѣрно Язонъ въ Колхидѣ не испыталъ подобной души. «Я-бы отдалъ всю генеалогію тридцати-шести германскихъ героевъ за одинъ зонтикъ!» вскричалъ я, когда вода текла съ меня ручьями. Изнемогая отъ усталости, въ самомъ дурномъ расположеніи духа и промокшіе до костей, мы воротились довольно поздно ночью къ колдунѣ.

Урака, сидя у огня, сбиралась чесать своего пуделя; увидя насъ, она его отпустила, и занялась нами. Она постлала мнѣ солому, развязала мои эспадрильи, эту романическую и безсмысленную обувь.

Даже панталоны мои прилипли къ моему тѣлу, какъ притязательная дружба.

Я опять вскричалъ, что готовъ отдать генеалогію тридцати-шести героевъ за теплый халатъ, потому-что мокрая рубашка дымилась на груди моей.

Дрожа и щелкая зубами, я присѣлъ на корточки у огня, потомъ растянулся на солому, почти поджариваемый огнемъ. Но я не могъ заснуть. Полузакрытые мои глаза смотрѣли на колдунью, которая держала на колѣняхъ своихъ голову сына. Подлѣ нея стоялъ пудель и подавалъ ей съ большою ловкостію передними лапами маленькой горшокъ.

Урака взяла изъ этого горшка какого-то краснаго жира, намазала имъ грудь и бока своего сына, и потомъ начала быстро тереть ихъ съ конвульсивными движеніями.

И въ это время она напѣвала и нашептывала какую-то колыбельную пѣсню; огонь въ каминѣ горѣлъ и трещалъ самымъ страннымъ образомъ. Блѣдный и костлявый какъ трупъ, сынъ лежалъ на колѣняхъ матери. Глаза его были неподвижны и страшны, какъ глаза усопшаго.

Какъ страненъ лихорадочный полусонъ! Утомленные члены тяжелы какъ свинецъ, и прикованы къ ложу, но умственная дѣятельность возбуждена какою-то сверхъ-естественною прозорливостію.

Запахъ травъ безокоилъ меня и днемъ, теперь же ночью, я старался припомнить себѣ, гдѣ я слышалъ этотъ духъ. Вѣтеръ, воющій въ трубѣ камина, казался мнѣ стовомъ умершихъ душъ. Мнѣ даже казалось, что я узнаю голоса многихъ.

Но величайшимъ мученіемъ моимъ были чучелы птицъ, стояшіе надъ моею головою. Они тихо махали крыльями, и наклонялись ко мнѣ длинными клювами, которые теперь были похожи на человѣческіе носы.

Я гдѣ-то видѣлъ подобные носы... Въ Гамбургѣ или во Франкфуртѣ въ еврейскомъ кварталѣ. Воспоминаніе это ужасало меня. Наконецъ сонъ совсѣмъ овладѣлъ мною. Сонъ безъ лихорадочныхъ видѣній, сонъ настоящей, точный, живой и пластическій, какъ всѣ мои сны.

Вмѣсто тѣсной хижины волшебницы, я былъ въ бальной залѣ, подпертой колоннами и освѣщенной тысячею жирандолей.

Невидимые музыканты играли восхитительной танецъ изъ «Роберта»; я гулялъ одинъ по залѣ. Вдругъ дверь настежь отворилась, и торжественнымъ маршемъ начали входить самые странные гости. Все медвѣди и привидѣнія. Стоя на заднихъ лапахъ, каждый медвѣдь велъ замаскированное привидѣніе, окутанное въ бѣлое покрывало. Потомъ они начали попарно вальсировать; это было прелюбопытное зрѣлище, отъ котораго надобно было хохотать, или трепетать. Медвѣди, со всею медвѣжью ловкостью, едва могли успѣвать за своими бѣлыми танцовками, которыя кружились съ быстротою вѣтра. Бѣдныя животныя почти задыхались, и прерывистое ихъ дыханіе почти заглушало басы оркестра.

Иногда пары сталкивались, и медвѣдь давалъ тогда пинька тому привидѣнію, которое его толкнуло.

Иногда также, въ жару танца, медвѣдь нечаянно срывалъ покрывало съ головы своей танцовки, и обнажалъ ея голову.

Наконецъ, при оглушительныхъ аккордахъ чудовищнаго оркестра, начался галопъ.

Но я не видалъ конца бала. Какой-то неучъ медвѣдь наступилъ мнѣ на мозоль, я вскрикнулъ и проснулся.

Фебъ въ воздушномъ своемъ тильбюри погонялъ огненныхъ лошадей. Онъ совершилъ уже половину своего пути.

А я все еще спалъ и видѣлъ во снѣ медвѣдей и скелетовъ, сплывшихся въ самые фантастическіе арабески.

Былъ полдень, когда я проснулся. Я былъ одинъ, хозяйка моя и Ласкаро рано поутру пошли на охоту. Въ хижинѣ оставался одинъ пудель колдуньи. Онъ стоялъ передъ каминомъ, у какого-то котла и въ одной лапѣ держалъ ложку. Онъ былъ прекрасно дрессированъ. Какъ скоро супъ вскипалъ, пудель тотчасъ же снималъ пѣну и мѣшалъ. Но, не околдованъ-ли я? или лихорадка все еще волнуешь мое воображеніе? Я не вѣрю ушамъ своимъ! Собака начинаетъ говорить.

Да! она говоритъ по нѣмецки. Въ выговорѣ ея замѣтно даже швабское нарѣчіе. Погруженный въ размышленіе, пудель говоритъ слѣдующее.

«Не несчастнѣйшій-ли я изъ всѣхъ швабскихъ поэтовъ! Я долженъ изнывать на чужбинѣ и караулить котель колдуньи.

«Какая это ужасная наука — колдовство! Какъ печальна моя участь! Чувствовать какъ человѣкъ и быть въ собачьей шкурѣ!

«Ахъ! еслибы я остался на родинѣ, между поэтами нашей школы! Они не колдуны и никого не могутъ очаровать.

«Еслибы я остался на родинѣ, подлѣ Карла Мейера, близъ голубыхъ нашихъ незабудочекъ, близъ родныхъ нашихъ суповъ съ клѣцками.

«Теперь я умираю отъ тоски по родинѣ. Еслибы я могъ видѣть хотя дымъ, поднимающійся изъ трубъ Штутгарда, когда въ немъ готовятъ родную намъ кислую капусту.» Когда я услышалъ эти слова, я былъ растроганъ до глубины сердца, вскочилъ съ своей постели, сѣлъ у камина и съ состраданіемъ сказалъ ему.

— Бѣдный бардъ Швабіи! Какая судьба привела тебя въ хижину этой колдуньи? За что она превратила тебя въ собаку.

— Такъ вы не французъ! вскричалъ пудель съ радостью. Вы нѣмецъ и поняли мой монологъ.

«Ахъ! добрый и любезный мой соотечественникъ. Какое несчастіе, что пивоваръ Келле, когда мы бывало спорили съ нимъ въ трактирѣ за кружку пива и трубкою табаку, никогда не хотѣлъ отступить отъ своего мнѣнія.

«По его словамъ только путешествіе могло довершить образованіе молодого человѣка, въ чемъ онъ и выставлялъ себя примѣромъ.

«Я повѣрилъ ему, и чтобы сбросить съ себя родную кору и надѣть, какъ Келле, одежду свѣтскости, я оставилъ отечество, и во-время моего путешествія, пріѣхалъ на Пириней, въ хижину Ураки.

«У меня было къ ней рекомендательное письмо отъ Кернера. Я совсѣмъ забылъ, что другъ мой знакомъ со всѣми старыми колдуньями. Меня приняли здѣсь очень хорошо; но къ величайшему моему ужасу, дружба Ураки превратилась въ скорѣ въ нѣжную страсть ко мнѣ.

«Напрасно я твердилъ ей, что я не изъ легкомысленной школы Гёте, а принадлежу къ школѣ поэтовъ Швабіи.

«Что наша муза самой чистой нравственности, что у другихъ поэтовъ есть умъ, дарованіе, жаръ поэзіи, но у насъ, швабскихъ поэтовъ, одна добродѣтель.

«Напрасно повторялъ я ей все это! Старуха иронически улыбалась, взяла въ руки волшебную палочку и дотронулась до моей головы. Вдругъ со мною сдѣлалась дрожь, я сталъ ежиться, сгибаться, и превратился, какъ видите, въ этого пуделя.»

Бѣдный, какъ онъ рыдалъ! Я думалъ, что онъ въ буквальномъ смыслѣ разольется слезами,

— Послушайте, сказалъ я ему съ участіемъ, не могу ли я сдѣлать чего-нибудь для вашего освобожденія изъ собачьей шкуры и для возвращенія васъ поэзіи и человѣчеству?

Но онъ въ отчаяніи протянулъ ко мнѣ свои лапы и посреди влоховъ и рыданій отвѣчалъ мнѣ:

«Волшебный приговоръ осудилъ меня на вѣкъ пробыть въ этой шкурѣ, если великодушная дѣва не избавитъ меня отъ заклинанія колдуньи. Да! избавительница моя должна быть добродѣтельною дѣвою; кромѣ того, въ-продолженіе цѣлой ночи Сильвестрова-дня она должна читать стихи Густава Фифцера, и не заснуть. Если она не заснетъ

и не закроетъ своихъ цѣломудренныхъ рѣсницъ, то очарованіе разрушено и я опять сдѣлаюсь человѣкомъ.

— Въ такомъ случаѣ отвѣчалъ я, я не могу спасти васъ, во-первыхъ потому, что я не дѣла съ цѣломудренными рѣсницами. И вторыхъ потому, что я былъ бы не въ состояніи читать стихи Пфизера и не заснуть въ ту же минуту.

Парижскія женщины. — Голубая фея сдѣлала однажды на землю съ самымъ прекраснымъ намѣреніемъ. Она хотѣла раздать земнымъ женщинамъ всѣ дары красоты и любезности. На зовъ ея сошлись женщины всѣхъ странъ. Она сказала имъ:

— Я хочу васъ одарить, мои милыя, но не равными и одинаковыми качествами, которыя бы произвели между вами скучное однообразіе. Я взяла съ собою множество разныхъ даровъ — и намѣрена надѣлать васъ ими...

Фей вообще не словоохотны; время для нихъ дорого. Голубая фея тотчасъ-же раздала свои дары—и всѣ были довольны ими.

Испанкѣ дала она волосы черные и длинные, такъ, что она могла сдѣлать изъ нихъ себѣ мантилью.

Итальянкѣ подарила глаза живые и пламенные, похожіе на ночное изверженіе Везувія.

Турчанкѣ полноту, мягкость и круглоту формъ.

Англичанкѣ отблескъ сѣвернаго сіянія на щекахъ и на плечахъ.

Нѣмкѣ сердце чувствительное и полное любви.

Раздавъ такимъ образомъ всѣ дары, фея хотѣла уже улетѣть, вдругъ одна женщина остановила ее и сказала: — А мнѣ развѣ вы ничего не дадите?

Это была *парижанка*.

— Что-жъ мнѣ дѣлать, моя милая, сказала фея. Дары всѣ розданы; у меня ничего въ запасѣ не осталось. Но постой! Есть средство помочь тебѣ... Вы всѣ, которымъ я роздала дары, вы должны изъ благодарности уступить Парижанкѣ часть ихъ. У васъ ничего не убудетъ отъ этого, а ей вы сдѣлаете большое одолженіе.

Всѣ охотно повиновались приказанію феи. Одна дала часть волосъ, другая цвѣтъ лица, третья веселость и чувствительность, — и вотъ какими дарами обладаетъ *парижанка*...

Посмотримъ теперь, что каждый отдѣльно думаетъ о *парижанкахъ*.

Парижская мать думаетъ о своей дочери: «Она гений доброты, демонъ по уму, сокровище для хозяйства, совершенство во всемъ. Мужъ ея не достоинъ счастья обладать такою женою.

Обитатель латинскаго квартала думаетъ о *парижанкѣ*: «Это прелестнѣйшая полькистка въ Прадо и въ Шомьеръ. Это самое любящее существо, которое васъ любитъ, не боится табачнаго дыма, и готово такъ же легко перемѣнять перчатки и покрой платья, какъ забывать обожателей.

Пріѣзжіе иностранцы (кромѣ Англичанъ) думаютъ, что парижская женщина вполне оправдываетъ владычество парижскихъ модъ надъ Европою,—и что парижанка именно такое существо, о которомъ мечтаютъ въ шестнадцать и вспоминаютъ въ шестьдесятъ лѣтъ.

Англичане думаютъ о парижанкахъ только: goddam!

Мужья парижанокъ думаютъ о своихъ женахъ: «Это подруги жизни, но не подруги сердца; онѣ больше любятъ удовольствія, нежели мужей, бросаются на блескъ и мишуру, не заботясь о нравственности; въ любви онѣ вѣроломны; въ материнской нѣжности неблагоразумны.

Официально извѣстно о парижанкахъ, что когда дѣло шло о возстановленіи закона объ разводѣ, парижанки очень мало подавали просьбъ для поддержанія этого проекта.

Общая исторія воспитанія парижанокъ состоитъ въ томъ, что ее тотчасъ-же послѣ рожденія отдаютъ на руки кормилицѣ въ деревню,—и больше уже не думаютъ о ней. Наконецъ, года черезъ два, мужъ припоминаетъ женѣ:

— А что, душенька! Вѣдь у насъ есть дочь, у кормилицы...

— Ахъ, да! Милашка! Пора ее взять. Я на-дняхъ напишу къ кормилицѣ.

Дѣйствительно, черезъ недѣлю привозятъ какую-то дикарку, которая плачетъ и кричитъ при видѣ отца, и отталкиваетъ ласки матери. Вотъ вступленіе парижанки въ свѣтъ. Но Парижъ скоро образуетъ ее. Мало-по-малу изъ розово-деревенскихъ щекъ дѣлаются блѣдно-матовыя городскія. Дикарка превращается въ любопытную дѣвушку съ тонкими ощущеніями приличія, любезности и кокетливости.

До событій 1789 года, среднее сословіе парижанокъ образовалось только по навыку и примѣру съ другихъ. Но немногіе умѣли читать и писать. Во времена имперіи всѣ выучились этому, потому-что надобно было читать бюллетени, чтобъ узнать что-нибудь объ особахъ, близкихъ сердцу. Во-время реставраціи стали уже онѣ писать довольно правильно, только сбивались въ причастіяхъ, дѣепричастіяхъ и нѣкоторыхъ прилагательныхъ.

Наконецъ, при іюльскомъ переворотѣ, всѣ бросились въ просвѣщеніе—и въ высокія чувства. Вотъ, для образца, два письма новѣйшей парижской эпохи женской образованности.

«Милая Анета!

Мой мужъ уѣхалъ, мы свободны и можемъ погулять. Къ совершенію счастья, обѣ мои дочери отправились опять сегодня въ пансіонъ послѣ каникулъ. Говорятъ пріятно быть матерью, да! лѣтъ въ девятнадцать,—но видѣть всегда подлѣ себя живыя свидѣтельства о рожденіи и крещеніи, изъ которыхъ всякой узнаетъ, что вамъ около тридцати пяти!... злые же языки всегда прибавятъ и шепчутъ: «ей тридцать семь: я знаю, что она вышла замужъ двадцати-четырехъ». Впрочемъ, я приняла нѣкоторыя мѣры осторожности. Мои дочери обязаны носить дѣтскія короткія платья. Это все-таки уменьшаетъ мнѣ года два.

Первое употребленіе моей теперешней свободы будетъ состоять въ

томъ, что я прочту новый романъ, о которомъ такъ много говорятъ. Мужъ мой имѣлъ неосторожность сказать мнѣ: «Не читай его, душенька». Этого довольно, чтобъ я непременно прочла его; вѣдь я не ребенокъ. Говорятъ, что въ романѣ много огня и картинъ. Это я очень люблю.

Потомъ поѣдемъ мы на бульварные театры. Возьмемъ ложу на завтра. Я читала рецензію на завтрашнюю пьесу. Въ ней много разбойниковъ, и запутанныхъ происшествій... непременно поѣдемъ.

Ты меня спрашивала, въ послѣдній разъ, въ чемъ состоитъ истинное счастье? Иногда въ обладаніи,—иногда въ потерѣ, но больше всего въ независимости.

Но къ чему эти пустыя мечты! Будемъ пользоваться тѣмъ, что отъѣздъ моего мужа и болѣзнь твоего позволяютъ намъ. Поцѣлуй твоего мужа за меня,—и пошли за ложею на завтра.

Твоя вѣрная Юлія.

А вотъ отрывокъ изъ записокъ дочери привратника:

«Какъ у меня всегда бьется сердце, когда почтальонъ приноситъ письмо къ кому-нибудь изъ живущихъ у насъ въ домѣ. Вѣдь это пустяки, но всякое письмо заключаетъ въ себѣ секретъ, — а что можетъ быть заманчивѣе секрета!

Разнося эти письма къ жильцамъ, я замѣтила, что усталость находится не въ ногахъ, а въ расположеніи духа. Поднявшись въ первый этажъ, чтобъ отдать письмо дамѣ, которая тамъ живетъ, я уже чувствую, что очень устала. Дойдя до второго и до третьяго этажа, съ газетою, или съ визитною карточкою, у меня ноги подкашиваются, — но въ седьмой этажъ мнѣ ничего не значить взойти, чтобъ отнести что-нибудь молодому живописцу. Я вовсе не люблю его, но онъ находитъ, что я хорошенькая...

Съ какимъ удовольствіемъ слушаю я по вечерамъ, когда передъ окномъ играетъ шарманка. Я слышала, что богатые и воспитанные люди почитаютъ унижительнымъ слушать эту музыку. Отчего это? Вѣрно оттого, что она дешева и безыскусственна. У насъ въ домѣ живетъ дама, играющая на арфѣ, — и всѣ восхищаются ея игрою. Мнѣ кажется, что этотъ восторгъ происходитъ оттого, что инструментъ стоить 3000 франковъ, и что дама эта училась играть на немъ десять лѣтъ. И однакожь, что путнаго въ этой арфѣ? Это тоже шарманка, спавшая съ голоса. Еслибъ арфа стоила 10,000 фр. и на ней надобно было учиться двадцать лѣтъ,—то о ней еще больше бы кричали. Шарманку же презираютъ потому, что за два су можно вдоволь ее наслушаться.

Жильца второго этажа получаетъ всегда съ вечера завтрашнія газеты. Слѣдственно, она должна была бы знать всѣ новости двѣнадцатую часами прежде другихъ. Портной наверху получаетъ Siècle уже на другой день,—а прачка, живущая на чердакѣ, только разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, читаетъ газету въ кафѣ. И однакоже никто изъ нихъ не знаетъ раньше другихъ о томъ, что происходитъ въ Парижѣ. Часто даже перчаточная магазинщица раньше всѣхъ все знаетъ,

а она ничего не читаетъ; стало-быть въ газетахъ печатають только то, что уже все знаютъ.

Въ прежнія времена, говорятъ, привратникъ помѣщался немного лучше дворовой собаки. Теперь въ нашей комнатѣ есть трюмо, двое часовъ по 400 франковъ, три картины первѣйшихъ мастеровъ, кресла краснаго дерева. Маменька никогда не выходитъ со двора пѣшкомъ, говоря, что это неприлично. Еще нѣсколько лѣтъ, и я увѣрена, что все будутъ съ завистью говорить: онъ женится на дочери привратника.

Въ Парижѣ всего занимательнѣе то, что я никогда на улицѣ не встрѣчала старика съ сѣдыми волосами, или лысаго. Вѣрно такіе никогда со двора не выходятъ.

Объ устарѣвшихъ женщинахъ всегда говорятъ: эта женщина очень хорошо сохранилась! Боже мой? Каковы-же тѣ, которыя дурно сохранились!

Я сдѣлала еще замѣчаніе. Въ Парижѣ не рождаются совсѣмъ мужичины блѣднорыые, — все брюнеты, отчего это?

Я въ одной книгѣ читала, что жизнь — сонъ. Авторъ забылъ приписать, что сонъ этотъ прерывается часто звонками господъ, возвращающихся поздно домой.

Тетушка Мерн. Въ послѣдней книгѣ журнала *Revue des deux mondes* помѣщена любопытная статья о путешествіи Ампера въ Соединенные Штаты; онъ приводитъ въ ней, между прочимъ, отрывки изъ произведеній, занимавшихъ въ послѣднее время Сѣверную Америку. Приведемъ небольшой очеркъ, принадлежащій перу писательницы Гарриетъ Бичеръ Стовъ, пользующейся огромною извѣстностью не только между Янками, но и въ самой Англій.

«Я теперь порядочно состарѣлся — и притомъ холостякъ. Скажу еще болѣе: я человекъ безъ претензій и отрезвившійся отъ угара жизни. Но чтобъ женщины неслишкомъ осуждали меня, я хочу мимоходомъ замѣтить, что холостякомъ можно остаться не потому, чтобъ недоставало чувства, а иногда отъ излишней чувствительности.

Много лѣтъ тому назадъ, — когда ни одинъ изъ читателей моихъ еще не родился, — былъ я маленькимъ негоднымъ мальчишкою, изъ такихъ, которые всею мѣшають и все портятъ. За воспитаніемъ моимъ надзиралъ отецъ, мать и цѣлая армія старшихъ братьевъ и сестеръ. Все родные мои были люди ни дурные, ни хорошіе.

Я уже сказалъ, что принадлежалъ къ числу семейныхъ негодяевъ, и все, что ни случалось дурнаго въ домѣ, падало на мою голову, — или потому, что я дѣйствительно въ немъ участвовалъ, или по одному подозрѣнію, почти всегда оправдывавшемуся. Родился-ли я подъ несчастнымъ соавздіемъ, или волшебница какая околдовала меня въ колыбели, только я съ самаго рожденія былъ чѣмъ-то въ родѣ *Мурада-не-счастливица*, то есть, ребенкомъ, который все дѣлалъ не во время, вез-

дѣ былъ не на своемъ мѣстѣ, не умѣлъ сообразоваться съ обстоятельствами, и въ рукахъ котораго ничто не удавалось.

Стояла-ли въ морозы дверь настежь.— Кто не заперъ ее? Ужъ конечно Гарри! Кто за завтракомъ опрокидывалъ свою чашку кофе, а за обѣдомъ стаканъ, солонку, перечницу, или горчичницу — при малѣйшемъ движеніи? разумѣтся Гарри. Кто разбивалъ всѣ тарелки въ домѣ? Тотъ-же Гарри. Кто путалъ у матери мотки шелку и нитокъ, кто рвалъ у отца только-что принесенныя газеты? Кто опрокидывалъ у старой прачки корзину съ выглаженнымъ бѣльемъ? — разумѣтся Гарри. И все это дѣлалъ я безъ всякаго злаго намѣренія, потому-что былъ добродушнымъ ребенкомъ; но вѣрно между мною и окружающими меня предметами была какая-нибудь притягательная сила, отъ которой, при малѣйшемъ моемъ движеніи, они падали, ломались, разбивались. Казалось даже, что чѣмъ больше я старался избѣгать этихъ несчастій, тѣмъ чаще они случались. Если въ той комнатѣ, гдѣ я сидѣлъ, былъ кто-нибудь болѣнъ головою, или нервами, и если нужна была совершенная тишина, я ходилъ на цыпочкахъ, но непременно натыкался на стулъ, у котораго стояла желѣзная угольная лопатка отъ камина; та падала на щипцы каминныя и увлекала за собою кочергу на желѣзный листъ передъ каминомъ: все это составляло такой шумъ и грохотъ, какого никто-бы не успѣлъ произвести нарочно. Такимъ образомъ все, что мнѣ въ руки попадало, подвергалось неминуемой порчѣ. Если на меня надѣвали въ школу бѣлый передникъ, я непременно падалъ въ грязь и возвращался домой въ самомъ ужасномъ видѣ. Если меня посылали за чѣмъ-нибудь въ лавочку, то я—или терялъ деньги, когда туда шелъ, или терялъ купленное, возвращаясь оттуда. При этихъ случаяхъ маменька всегда утѣшала меня тѣмъ, что уши мои приросли къ головѣ, а иначе я-бы и ихъ потерялъ. Разумѣтся, я былъ всегдашнюю цѣлю домашнихъ наставленій со стороны родителей, тетокъ, дядей и двоюродныхъ братьевъ до третьяго и четвертаго колѣна, которыхъ брань и совѣты всегда выслушивалъ съ величайшимъ терпѣніемъ.

Все это было-бы хорошо, еслибъ судьба не одарила меня при этомъ бесполезною и излишнею утонченностью чувствъ, которая составляетъ такое-же непріятное качество, какъ и нѣжно-музыкальное ухо, потому-что въ жизни всегда случится девяносто девять разъ слышать разноголосицу за одинъ разъ чистой гармоніи. Какъ часто ни бранили меня, но я никогда не могъ привыкнуть къ этому — и сорокъ-первый разъ столько-же огорчалъ меня, какъ и первый. Я не имѣлъ понятія о стоической философіи,—и неопытное мое сердце никогда не умѣло сообразоваться съ обстоятельствами; я былъ робокъ и гордъ. Всѣ меня называли неловкимъ и неповоротливымъ. Домашніе-же мои считали меня только такимъ существомъ, которому всякой день надобно вымыть лицо, а въ субботу ввечеру заштопать чулки. Когда я хворалъ, являлся докторъ и прописывалъ мнѣ лекарство; если-же у меня болѣло сердце,—никто объ этомъ не заботился.

Впрочемъ, все сначала шло хорошо. Ребенку нужно только ѣсть,

пить, играть, ходить въ школу, выучиться читать и писать, и имѣть лекарства, когда онъ боленъ. Но ощущенія дѣтей часто бываютъ глубже, сильнѣе, нежели полагають. Ребенкомъ я уже ощущалъ все, что непріятнымъ образомъ поражало мое сердце, и такъ-же живо стремился ко всему, что доставляло душѣ сладостное чувство, такъ-же былъ недоволенъ всѣдневными, пошлыми ласками, и желалъ искренняго, сердечнаго участія, какъ взрослые, у которыхъ это желаніе также рѣзко осуществляется. Никто такъ не понималъ своего несчастнаго положенія, какъ я, оставленный всѣми, неловкій и неинтересный ребенокъ. Всѣ мы можемъ понимать чужія ощущенія, но кто заботится о чувствахъ ребенка? Могутъ-ли взрослые понимать дѣтское чувство печальной незначительности при видѣ преимуществъ взрослыхъ людей? Вечеру посылають васъ спать, когда гости соберутся; поутру — въ школу, когда еще спать хочется.... А сколько есть еще другихъ непріятностей, которыя понятны воображенію ребенка, но которыхъ не можетъ онъ передать взрослому.

Мнѣ было семь лѣтъ, какъ однажды поутру всѣ домашніе обрадовались извѣстію, что *тетушка Мери* пріѣдетъ къ намъ. Когда карета ея подъѣхала, я сбросилъ съ себя грязный передникъ и побѣжалъ съ прочими братьями и сестрами встрѣчать ее.

Не буду описывать ея перваго появленія. Когда я объ ней вспоминаю, то несмотря на мои теперешнія сѣдины, чувствую, что дѣлаюсь сантиментальнымъ и готовъ говорить чепуху.

Вѣроятно, всякой женатый, или холостякъ, достигшій до пятидесятилѣтняго возраста, видѣлъ на своемъ вѣку женщину, которая въ глазахъ его была выше всѣхъ существъ своего пола. Родня ли она ему была, или жена, лишь бы блеснула она ему хоть издали, онъ долго, по прошествіи многихъ лѣтъ, вспоминаетъ объ ней, какъ о закатившемся свѣтилѣ, какъ о замолкшей музыкѣ, какъ о поблекшемъ цвѣткѣ, о завядшей красотѣ. Воспоминаніе это всегда пріятно, интересно, трогательно; сердце всегда полно этимъ чувствомъ, хотя слова и не въ состояніи выразить этого ощущенія. Я во всю жизнь зналъ одну только подобную женщину, и именно: *тетушку Мери*. Хороша ли она была собою? спросите вы. Я самъ вамъ сдѣлаю другой вопросъ: если благотворный духъ слетитъ на землю въ человѣческомъ образѣ, не будете ли вы обожать это существо, не разсуждая вовсе о красотѣ его? Только въ этомъ отношеніи она и была хороша.

Припоминая ее, я всегда воображаю себѣ въ любимомъ ей положеніи, опершись головою на руку, съ спокойнымъ, свѣтлымъ лицомъ, съ кроткимъ сіяніемъ октябрьскаго солнца въ глазахъ и со всегдашнею улыбкою добродушія. Я помню, что всякій, кто говорилъ съ нею, непременно выражалъ въ лицѣ своемъ удовольствіе. Она все видѣла, все замѣчала, все тотчасъ же понимала, прежде нежели кто разсказывалъ о чемъ-нибудь, и готова была услужить всякому, прежде нежели просили ее.

Людымъ, смѣшивающимъ задумчивость съ меланхоліею, странно покажется, если я скажу, что *тетушка Мери* всегда была счастлива,

и это, однакоже, была точная правда. Расположеніе ея духа никогда не доходило конечно до веселости, но и не падало до унынія. Знаю, что сентиментальные люди почитаютъ подобный характеръ неинтереснымъ. Всегдашнее спокойствіе даже для постороннихъ людей не занимательно, и однакоже спокойствіе возвышеннаго и образованнаго характера имѣетъ въ себѣ что-то высокое. Часто измѣнчивость ощущеній доказываетъ одно непостоянство и малодушіе. Великій же человѣкъ всегда одинаковъ. И если подобный человѣкъ посвящаетъ всѣ свои силы для помощи другимъ, то величіе его безпрестанно отражается на тѣхъ существахъ, которыхъ онъ счастливить и успокоиваетъ.

Такова именно была моя тетушка. Спокойствіе ея было болѣе спокойствіемъ самовоспитанія, нежели темперамента. Она обладала самыми живыми и тонкими чувствами, но приучила ихъ къ тому, чтобъ, вмѣсто эгоизма, понимать другихъ и сочувствовать имъ. Это сочувствіе составляло главное основаніе ея характера, какъ зелень ландшафта, направляемая не собственно по красотѣ цвѣта, а по гармоніи со всѣми окружающими ея предметами.

Много я зналъ женщинъ съ дарованіями, а другихъ съ душевною добротою, но въ одной тетушкѣ Мери соединялись эти качества въ такой высокой степени. Въ жизни самое непріятное ощущеніе испытываешь, когда, рассказывая подробности дѣлъ и чувствъ своихъ кому-нибудь, видишь, что этотъ человѣкъ и половины не понялъ изъ сказаннаго. Но зато какъ пріятно видѣть особу, которая васъ избавляетъ отъ труда рассказывать, потому-что напередъ угадываетъ все, что вы хотите ей сказать.

Этотъ даръ болѣе всего утѣшалъ меня въ тетушкѣ Мери. Когда она пріѣхала въ нашъ домъ, я помню, въ первый вечеръ, какъ мы всѣ сидѣли около камина, она посмотрѣла на меня съ такимъ выраженіемъ, которое мнѣ доказывало, что она меня видитъ насквозь. А когда пробило восемь, и маменька сказала мнѣ, что пора идти спать, я печально склонилъ голову и пошелъ, думая о томъ: сколько тетушка Мери будетъ еще рассказывать прекрасныхъ исторій безъ меня; она тогда посмотрѣла на меня съ такимъ чувствомъ, которое доказывало, что она меня поняла. Это облегчило грусть мою, и я спокойно пошелъ спать. Какъ различна понятливость сердца отъ важныхъ понятій разсудка! Не помнитъ ли каждый изъ насъ, что одно слово, взглядъ, даже недосказанная фраза часто привязываютъ болѣе, нежели всевозможныя ласки. Мы благодарны тѣмъ, которые пекутся о нашихъ жизненныхъ потребностяхъ, но даже ребенку дороже тѣ лица, которыя заботятся объ ощущеніяхъ его сердца.

Не прошло и мѣсяца со дня пребыванія у насъ тетушки Мери, и я уже любилъ ее больше всего на свѣтѣ. Всякій взглядъ ея, слово, улыбка дѣлали меня счастливымъ. Я любилъ ее зато, что мой бумажный змѣй ей понравился, зато, что наши дѣтскія игры не мѣшали ей, зато, что она никогда не обращала вниманія, если я опрокину ея рабочій ящикъ, зато, что она мою неловкую любовь принимала съ улыбкою и удовольствіемъ. Когда она бывала больна, то требовала, чтобъ

я за нею ходилъ, хотя при этомъ случаѣ я обыкновенно съ усердіемъ моимъ больше мѣшалъ, нежели помогалъ.

Она была единственною особою, съ которою я разговаривалъ, и я не понималъ, какъ могла такая женщина, уму которой всѣ удивлялись, говорить со мною о конькахъ, обручахъ, воланахъ. Впрочемъ и старѣе меня люди всегда удивлялись этому. Онѣ не понимали, что многознающая женщина должна быть не педантомъ, а сочувствующимъ существомъ, какимъ она была для всякаго. Она умѣла вовлечь въ разговоръ съ собою каждаго, такъ что я часто самъ себя удивлялся, вступая въ самый серьезный разговоръ, и спрашивалъ: полио дитя ли я еще?

Нѣсколько мѣсяцевъ были мы счастливы ея присутствіемъ; наконецъ наступила минута отъѣзда, и она просила у маменьки позволенія взять меня съ собою. Вся семья дивилась и не понимала, что она во мнѣ нашла хорошаго. Впрочемъ дѣло тотчасъ же уладилось. Съ тѣхъ—поръ жилъ я у нея, и она какъ благодѣтельный геній дѣйствовала на мой характеръ и образованіе. Наставленія ея всегда доходили до моего сердца; она давала чувствамъ моимъ полезное направленіе, развивала мой умъ, и воспитывала меня не суровостью, а тихимъ вліяніемъ, похожимъ на то, какимъ солнце дѣйствуетъ на цвѣты. Когда же она скончалась, когда тѣло ея зарыли въ могилу, духъ ея, слова, дѣйствія остались въ воспоминаніи всѣхъ окружавшихъ ее, какъ отблескъ вечерней зари по закатѣ солнца.

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Десятый солнечный лучъ. — Г. Стоксъ, въ Кембриджѣ, занимавшійся равными опытами надъ разложеніемъ солнечныхъ лучей, сдѣлалъ замѣчательное открытіе въ оптикѣ. Извѣстно, что обыкновенное призматическое изображеніе солнца (спектръ) состоитъ изъ трехъ первоначальныхъ цвѣтовъ, краснаго, синяго и желтаго. Эти три цвѣта разлагаются потомъ на девять цвѣтныхъ полосъ: темнокрасную, красную, оранжевую, зеленую, синюю, темносинюю, фиолетовую и голубую. Далѣе голубаго цвѣта не обнаруживалось до—сихъ—поръ никакого цвѣта.

Но есть нѣкоторые растительные соки и масла, которые, пропуская желтый цвѣтъ, отбрасываютъ синій. Нѣкоторыя желтыя стекла имѣютъ тоже свойство. Теперь Стоксъ доказалъ, что послѣдній голубой цвѣтъ далеко еще простирается, превращаясь въ сребристо-голубой. Если сдѣлать взваръ изъ внутренней шелухи дикаго каштана, получается темножелтая жидкость, которая отражаетъ упомянутый голубой цвѣтъ.

На основаніи этого явленія можно произвести любопытный опытъ. Наливъ стаканъ холодною и очищенною водою, ставятъ ее на столъ передъ окномъ. Когда сіяетъ солнце дѣйствіе еще замѣчательнѣе. Смотря въ стаканъ, наливаютъ въ него шесть или семь капель озна-

ченнаго взвара изъ каштановой шелухи. Какъ скоро капли въ водѣ разойдутся, являются облака самаго красиваго сребристоголубаго цвѣта, которыя, плавая въ водѣ, обнаруживаютъ поляризованный свѣтъ.

Если въ эту жидкость бросить призматическое изображеніе солнца, ясно видны всѣ цвѣтные лучи, за которыми есть еще *десятый*, сребристоголубый, тоже весьма ясно обозначенный. Вѣроятно, что подраздѣленіе лучей простирается еще и далѣе, но этого еще не открыто.

Годовое донесеніе Германскаго Общества переселеній и колонизаціи, учрежденнаго въ Берлинѣ. — 19-го января нынѣшняго года было годовое собраніе этого общества подъ предсѣдательствомъ Геблера — и представленъ обзоръ о дѣйствіяхъ общества въ истекшемъ 1852 году.

Цѣль общества, по статуту, состоитъ въ отсовѣтованіи излишней торопливости въ переселеніи; въ переводѣ переселенцевъ въ области менѣе заселенныя, для составленія въ нихъ колоній; въ отправленіи лицъ, уже твердо рѣшившихся къ переселенію, въ такія за-атлантическія страны, гдѣ-бы политическія и хозяйственныя выгоды отечества болѣе могли быть соблюдены; наконецъ, въ снабженіи переселенцевъ всѣми пособіями и полезными совѣтами.

Совѣтъ общества указываетъ на свои многочисленныя дѣйствія, имѣвшія полезныя результаты.

Хотя въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Германіи страсть къ переселеніямъ и ослабѣла, — однако же въ 1851 году было переселенцевъ пятью тысячами болѣе предъидущаго года, а въ 1852—6000 болѣе 1851 года. Изъ послѣднихъ переселенцевъ — 4444 человекъ имѣли при себѣ имущества на 977,635 талеровъ, — что составляетъ кругомъ по 218 талеровъ на человекъ, — а въ 1851 году, эта цифра простиралась только до 185 талеровъ на cadaго переселенца. Это доказываетъ, что страсть къ переселеніямъ переходитъ и на зажиточное сословіе народа.

Вообще отправились:

изъ Бремена въ 1852 году . . .	58,551 . . .	въ 1851 году	37,943
— Гамбурга	29,322		18,127
— Антверпена	14,428		9,243
	<hr/>	Итого	<hr/>
	102,301		65,313

Считая же нѣмцевъ, отправившихся изъ Ливерпуля, Гавра и Роттердама, отъ 60 до 70,000 человекъ, получится въ 1852 году до 172,000.

Большая часть переселяется въ Соединенные Штаты — и выгоднѣйшая часть Штатовъ для нѣмцевъ теперь Техасъ, самая же невыгодная Калифорнія.

Канада старается болѣе всего привлечь къ себѣ переселенцевъ, — и даетъ имъ большія выгоды. Многіе рѣшаются нынѣ отправляться туда.

Политическое положеніе Мексики таково, что, вѣроятно, долго

еще не будетъ охотниковъ переселяться туда. Ту же невыгоду представляетъ и Перу.

Въ Средней Америкѣ, гдѣ соединеніе двухъ океановъ готовитъ всѣмъ областямъ блистательную будущность, нѣтъ еще достаточныхъ средствъ для первоначальнаго обзаведенія переселенцамъ.

Въ Венесуэлѣ и Южномъ Чили чрезвычайно усиливаются переселенія, потому—что правительства этихъ областей принимаютъ полезныя мѣры къ поощренію эмиграціи.

Въ Бразилію отправилось много переселенцевъ въ прошломъ году. Въ провинціи Ріо-Гранде живутъ 11,000 нѣмцевъ, пользующихся хорошимъ состояніемъ.

Въ Австраліи общественное состояніе дѣлѣ такъ еще непрочное, что общество никому не совѣтуетъ туда переселяться.

Въ Алжирію нѣмцы совсѣмъ прекратили переселенія.

III. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.

Кто перехитритъ. — Въ одно утро выѣхали изъ Бостона по желѣзной дорогѣ четыре кредитора, чтобъ наложить запрещеніе на имѣніе одного несостоятельнаго фермера въ Фирмингтонѣ. По американскимъ законамъ нѣтъ конкурса, а кто прежде предъявилъ свое требованіе въ судъ, тотъ получаетъ полное удовлетвореніе, Всѣ четверо поѣхали съ однимъ и тѣмъ же намѣреніемъ, но всякій придумывалъ средство, какъ бы поспѣть раньше другихъ. Всѣ четверо знакомы были между собою, но въ разговорахъ на желѣзной дорогѣ ни слова не упоминали о цѣли поѣздки.

Приѣхавъ въ Фирмингтонъ, надобно было ѣхать далѣе въ телѣжкѣ въ одну лошадь. Всѣ четверо бросились на нее. Каждый хотѣлъ нанять ее отдѣльно, но трое успѣли сѣсть вмѣстѣ и приказали кучеру тотчасъ же ѣхать, оставя четвертаго, который однако же успѣлъ догнать ихъ бѣгомъ и сѣлъ съ кучеромъ.

Сидя съ нимъ, онъ сказалъ ему тихо:

— Продай мнѣ свою лошадь...

— Какъ можно! это мое единственное средство къ пропитанію.

— Продай на одинъ день...

— Какимъ же образомъ..

— А вотъ видишь ли, я тебѣ даю сто долларовъ за лошадь и телегу, а ввечеру опять продамъ ихъ обратно за пятьдесятъ долларовъ, Согласенъ?

— Согласенъ...

— Вотъ деньги!

Быстро сунувъ онъ ему деньги въ руку, схватилъ возжи и погналъ лошадь нарочно у самаго края дороги, опрокинувъ телегу задними

колесами въ глубокой ровъ, и покуда сидѣвшіе въ ней съ трудомъ старались выбраться, онъ перерѣзалъ всѣ построжки, сѣлъ верхомъ на лошадь и ускакалъ.

Пріѣхавъ въ мѣстечко, куда они всѣ ѣхали, четвертый путешественникъ явился къ нотаріусу и предъявилъ свою претензію на фермера банкрота. Обезпечивъ такимъ образомъ свой искъ, отправился онъ на лошади въ трактиръ, куда прибыли и трое остальные, бѣжавшіе все время бѣгомъ.

Явился и извозчикъ Купецъ отдалъ ему обратно лошадь, взявъ однако же по условію пятьдесятъ долларовъ. Остальные трое заплатили хитрому кредитору и тѣмъ пятьдесятъ долларовъ, которые онъ истратилъ, чтобъ перехитрить ихъ, съ тѣмъ чтобъ онъ, по возвращеніи къ Бостонъ, не рассказывалъ происшествія.

Опасный дуэлистъ.— Недавно въ одномъ парижскомъ кофейномъ домѣ произошла ссора между пожилымъ человѣкомъ и молодымъ львомъ съ густою бородою, окончившаяся вызовомъ на дуэль.

На другое утро сѣхались противники въ условленномъ мѣстѣ. Секунданты зарядили пистолеты и отмѣрили разстояніе. Во все это время левъ важно прогуливался и покручивалъ усы.

Когда всѣ приготовленія кончились, старшій противникъ спросилъ у льва, не хочетъ ли онъ войти къ переговоры и принять какія-нибудь условія?

При этихъ словахъ левъ выросъ еще выше и отвѣчалъ, что ни на что не согласенъ.

— Очень жаль! отвѣчалъ старикъ, посмотрите...

Въ эту минуту указалъ онъ ему на летѣвшую мимо птицу, и въ то же мгновеніе выстрѣлилъ по ней и убилъ ее.

Левъ поблѣднѣлъ.

— Я обиженный, продолжалъ старикъ, и первый выстрѣлъ мой. Вы видѣли, что я стрѣляю мѣтко, и чѣмъ больше та птица, которая передо мною, тѣмъ вѣрнѣе я попаду въ нее. И потому я предлагаю вамъ, или отнести сегодня же тысячу франковъ въ кассу бѣдныхъ, или быть убитымъ.

Рѣшайтесь и выбирайте.

Левъ недолго думалъ и согласился заплатить деньги.

Африканскіе праздники — Въ Эльминской области, на западномъ берегу Африки, господствуетъ весьма странный обычай. По приказанію фетища Эвзая гуляютъ по селенію мужчины, поютъ во все горло, бьютъ въ барабаны и осыпаютъ бранью всѣхъ женщинъ

и дѣвушекъ, которыя съ нимъ встрѣтятся. Въ первый день этихъ праздниковъ ходять они съ зажженными лучинами изъ пальмоваго дерева и кричатъ во все горло. Вслѣдъ затѣмъ начинается праздникъ женщинъ, называемый праздникомъ побоевъ. По приказанію кумира Ядодо, женщины и дѣвушки, вооружась палками и ремнями, бѣгаютъ по селенію, и самымъ жестокимъ образомъ бьютъ всякаго мужчину, который имъ попадется. Последніе обвертываются въ эти дни въ нѣсколько одѣялъ и обращаются въ бѣгство предъ самою малорослою дѣвочкою. Эти праздники продолжаются три вторника одинъ за другимъ. Праздникъ же мужчинъ справляется цѣлыя три недѣли сряду.

Мода выше красоты. — У всякаго свой идеалъ красоты, смотря по вкусу и понятіямъ. Во всякомъ искусствѣ слѣдуютъ модѣ. Во Франціи, во времена- директоріи, всѣ женщины хотѣли быть гречанками. Живописцы рисовали только пластическія формы; музыка слѣдалась торжественною. Послѣ имперіи, когда Бруссэ издалъ свою *Теорію болѣзней*, въ которой доказалъ, что каждый изъ насъ непременно страдаетъ желудкомъ, вошло въ моду быть блѣднымъ и худощавымъ. Чѣмъ менѣе было полноты въ женщинахъ, тѣмъ болѣе называли ихъ воздушными, эфирными, прелестными. При Луи-Филиппѣ среднее сословіе старалось втереться въ аристократію, и всѣ захотѣли имѣть важный видъ; безъ важности не было красоты. Руки и ноги должны быть самыя маленькія, обувь самая узкая; походка воздушная; поклонны знакомымъ на улицѣ едва должны быть замѣтны. Всѣ романы описывали только *важныхъ* женщинъ. Обратясь къ предъидущимъ столѣтіямъ, видимъ вездѣ разныя моды и вкусы. При Людовикѣ XIII и XIV всякая красивая женщина должна быть бѣлокурою. Бѣдныя брюнетки должны были скрывать свои волосы, или красить ихъ. При Людовикѣ XV мода на красоту совершенно измѣнилась. У красавицы долженъ быть тупой носъ, маленькіе глазки, маленькій ротъ и остро выдавшіяся губы. Болѣе же всего требовались ноги узенькія, но длинныя, для ношенія обуви съ высокими каблуками. Сверхъ-того красавица должна была много говорить и смѣяться.

Письмо Софіи Арну. — Знаменитая актриса Софія Арну, обогатившая своимъ талантомъ театръ и умершая въ нищетѣ, писала, въ последнее время своей жизни, къ французскому министру внутреннихъ дѣлъ Люсиенну Бонапарте, слѣдующее письмо: «я вынуждена опять обратиться къ вамъ съ просьбою. Мнѣ не платятъ жалованья, хотя вы и приказали это. Требуютъ, чтобъ я опять играла тѣ роли, въ которыхъ нѣкогда приобрѣла свою славу, а именно: Ифигенію, Полину,

Аглаю и другія. И такъ, я на шестидесятомъ году должна опять быть нимфою, пастушкою, дочерью Агамемнона. Признаюсь, подобная жертва стоила бы слезъ. Надобно голодать, или жертвовать своею славою. Такъ и быть! Я лучше умру съ голода, а не со стыда».

Скорбь отца. — Извѣстный композиторъ Перъ хоронилъ свою дочь, и рыдая провожалъ гробъ ея; другъ его, Кастиль-Блазъ, велъ его подъ руку. Но скорбь отца о потерѣ любимой дочери не такъ была сильна, какъ печаль артиста и композитора, теряющаго надежду видѣть въ своей дочери одну изъ первыхъ европейскихъ пѣвицъ.

— Какой удивительный былъ талантъ! говорилъ онъ, рыдая, въ ту минуту, какъ погребальное шествіе вступало на кладбище. Какая потеря для искусства! Помнишь ли ты, какъ она пѣла въ послѣдній разъ каватину *Севильскаго цирюльника*.

— Какъ не помнить! отвѣчалъ Кастиль-Блазъ. Неподражаемо.

— А помнишь арію: *di tanti palpiti*...

— А ты помнишь ли дуэтъ изъ *Pré aux Clercs: il faut agir avec prudence*... Тутъ, рыдая, началъ онъ пѣть извѣстное мѣсто...

— Да! но то мѣсто было еще лучше выражено, помнишь... Тутъ запѣлъ и Перъ, и оба продолжали идти, плакать и пѣть, къ всеобщему удивленію публики.

Отчего у негровъ бѣлыя зубы. — Германскій путешественникъ Кистеръ находитъ, что бѣлизна зубовъ у негровъ весьма естественна. Послѣ всякой пищи полощутъ они ротъ и безпрестанно чистятъ зубы палочкою одного растенія, имѣющаго весьма горькій вкусъ и растущаго въ области Ашантиевъ. Оно называется *кюэниа*. Надобно бы вывезти это дерево изъ Африки, чтобъ улучшить зубы европейцевъ.

Отчего бабочки летятъ на огонь и сжигаютъ себя крыльями. Былъ прекрасный тропическій вечеръ, вечеръ безъ сумерекъ, когда тотчасъ послѣ солнечнаго заката наступаетъ темная, таинственная ночь. Легкій вѣтерокъ, вѣя съ моря, прогналъ даже воспоминаніе о дневномъ жарѣ. Все затихло, кромѣ тихаго шептанья влюбленныхъ и монотоннаго напѣва негровъ, которые шли съ работъ къ своимъ хижинамъ. Но и это пѣніе затихало въ отдаленіи, и наконецъ совсѣмъ замолкло. Тишина ночи прерывалась только разговоромъ молодыхъ людей, которыхъ мы постараемся описать.

Оливье Родригезъ, красивый и смѣлый молодой человекъ, съ черными волосами, открытымъ и благороднымъ характеромъ. Онъ уже

давно любить свою прекрасную двоюродную сестру Діану Берли, дочь одного изъ богатѣйшихъ жителей Рио-Жанейро. У насъ Діана считалась бы еще ребенкомъ, потому-что ей едва минуло шестнадцать лѣтъ, но подъ жаркимъ небомъ Бразиліи она уже нѣсколько лѣтъ считалась невѣстою, такъ что многіе удивлялись, отчего отецъ не торопится отдавать ее замужъ. Бѣлокурая Діана была въ полномъ смыслѣ женщина, потому-что была умна, хитра и кокетка. Еслибы кто посмотрѣлъ на нихъ въ эту минуту, то навѣрно бы сказалъ, что сила и воля находятся на сторонѣ Оливье, а кротость и послушаніе на сторонѣ молодой дѣвушки. Это была бы жестокая ошибка, потому-что прекрасная Діана однимъ-словомъ заставляла склоняться передъ собою твердый характеръ жениха, и тотъ терялъ силу и волю передъ своею капризною повелительницею.

Берли видѣлъ, что Оливье любитъ истинно его дочь, и согласился соединить ихъ, но онъ тоже привыкъ исполнять малѣйшія прихоти Діаны, а та не торопилась замужествомъ, хотя была равнодушна къ пылкому Оливье. Она даже требовала, чтобъ ихъ не объявляли женихомъ и невѣстою, и на это у ней были свои причины.

Діана считалась первою красавицею въ Рио-Жанейро, богатѣйшею невѣстою, и была, разумѣется, окружена безчисленными обожателями ея красоты и приданого. Это непрерывное обожаніе, услужливость и похвалы нравились молодой кокеткѣ, и она не торопилась отказаться отъ этой блестящей жизни, зная, что Оливье не перестанетъ ее любить, несмотря на ея капризы. Между-тѣмъ, каждый день являлись новые женихи, и толпа обожателей увеличивалась, а она внутренно смѣялась надъ ними и не говорила, что уже выбрала Оливье.

Берли былъ счастливъ тѣмъ, что всѣ восхищаются его дочерью, и не находилъ предосудительнымъ ея поведеніе. Онъ считалъ ее избалованнымъ ребенкомъ, который исправится послѣ замужства, а между-тѣмъ, вѣтренная красавица выдумывала предлоги, чтобъ какъ-нибудь отдалить день свадьбы. Наконецъ воображеніе ея истошилось и она была почти побѣждена любовью Оливье, тѣмъ болѣе, что въ этотъ самый день онъ подарилъ ей богатый брилліантовый уборъ.

Діана примѣрляла его цѣлое утро и сожалѣла, что не можетъ носить прежде свадьбы. Вотъ отчего она была въ прекрасномъ расположеніи духа, не противорѣчила отцу, когда онъ говорилъ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ, и облокотилась на балконъ, возлѣ жениха, который рассказывалъ о ихъ будущей жизни. Пользуясь темнотою ночи, Оливье осмѣлился взять руку своей прекрасной невѣсты, и чувствуя, что она не отнимаетъ ее по обыкновенію, началъ въ сотый разъ описывать ей свою страстную любовь; но молодая дѣвушка слушала безъ вниманія пламенный рѣчи влюбленнаго и думала только: нельзя-ли еще какъ-нибудь отдалить свадьбу. Вдругъ она вспомнила, что подруга ея Нина, выходя замужъ за банкира, получила въ день свадьбы весь нарядъ невѣсты, выписанный изъ Парижа, а Оливье и не подумалъ о такомъ же сюрпризѣ. Діана тотчасъ выдернула свою руку, которую Оливье прижималъ къ губамъ, и отошла отъ него.

— Что съ вами, Діана, спросилъ испуганный женихъ. Вы сердитесь? Развѣ я оскорбилъ васъ тѣмъ, что осмѣлился поцѣловать ручку, которую вы сами мнѣ дали. Простите меня, но я не могу болѣе скрывать моихъ чувствъ.

И молодой человѣкъ хотѣлъ опять взять бѣленькую ручку, которая лежала на золоченныхъ перилахъ балкона, но Діана отодвинулась дальше, и сказала съ маленькою досадою:

— Оставьте меня, Оливье, я не сержусь на васъ; я вспомнила только о моей подругѣ Нинѣ.

— И это воспоминаніе завлекло васъ до того, что вы забыли даже, что я съ вами?

— Нѣтъ. Я думала о подвѣнечномъ платьѣ Нины...

— Благодарю васъ за эту мысль. Это даетъ мнѣ надежду, что вы скоро назначите нашу свадьбу.

— Не такъ скоро, отвѣчала Діана съ кокетствомъ, потому-что у меня нѣтъ платья изъ Парижа, а я хочу быть прекрасна въ этотъ торжественный день.

— Изъ Парижа! повторилъ Оливье съ горестью, но это займетъ столько времени!...

— Что жъ, если я этого хочу, отвѣчала молодая дѣвушка, съ досадою избалованнаго ребенка. Развѣ я хуже Нины, или мой женихъ любить меня меньше...

— О нѣтъ, сказалъ Оливье съ жаромъ: я готовъ чѣмъ хотите доказать мою любовь... но такая долгая отерочка... притомъ же скоро изъ Франціи придетъ корабль и я прежде всѣхъ выберу самые модные и богатые наряды, такъ что ни одна изъ нашихъ дамъ не успѣетъ купить ни одной ленточки. Увѣряю тебя, Діана, что твоя свадебная корзинка будетъ гораздо богаче, чѣмъ у Нины.

Капризная невѣста не поблагодарила даже за это вниманіе жениха. Она топнула ножкою и отвѣчала, со слезами на глазахъ, удивляясь, что въ первый разъ въ жизни смѣютъ не согласиться съ ея желаніемъ.

— Все, что вы мнѣ купите, сдѣлано не собственчо для меня, а нарядъ Нины заказывалъ въ Парижѣ ея женихъ, г. Моклеръ, стало-быть онъ ее любилъ и не отказывалъ ей ни въ чемъ, тогда какъ вы спорите изъ-за бездѣлицы.

— Бездѣлица, съѣздить въ Парижъ изъ Рио—Жанейро! вскричалъ Оливье съ отчаяніемъ. Теперь я вижу, что вы не любите и не можете любить меня.

Отчаяніе молодого человѣка и его слова только болѣе раздражали кокетку, потому-что она видѣла сама всю странность своего требованія, но не хотѣла сознаться въ этомъ, а объявила, горячась еще болѣе, что скорѣе останется въ дѣвушкахъ, но не будетъ вѣнчаться безъ парижскаго платья. Послѣ этого она убѣжала въ садъ, слыша, что идетъ отецъ, и остановилась подъ балкономъ.

Берли улыбнулся, услышавъ отъ Оливье о новомъ капризѣ Діаны, и сказалъ ему:

— Успокойся, племянникъ, моя шалуныя любить тебя и скоро забудеть о своей прихоти.

— Нѣтъ, дядюшка, отвѣчалъ Оливье грустно: я увѣренъ, что Діана не любитъ меня. Она не замѣчаетъ моего страданія, моего нетерпѣнія. Я умираю отъ любви, а она покойна и хладнокровна...

Молодая дѣвушка притаила дыханіе и слушала съ удовольствіемъ слова Оливье.

— Она хладнокровна, повторилъ онъ, но такъ прекрасна, что я не могу разлюбить ее. Я, какъ бабочка, приблизился къ свѣчку и опалилъ свои крылья. Прощайте, дядюшка. Завтра я сажусь на корабль и отправляюсь во Францію. Это желаніе Діаны, и я повинуюсь ей безъ ропота...

Діана въ волненіи убѣжала въ свою комнату. Она поняла, что поступила легкомысленно и глупо. Она поняла также, что любила истинно Оливье и послала его въ дальнее путешествіе, изъ котораго онъ можетъ не вернуться. Но что же ей дѣлать? Неужели сознаться въ своей винѣ и просить прощенія? О, нѣтъ! для этого она слишкомъ горда.

Грустная и недовольная, молодая дѣвушка отослала своихъ горничныхъ и сѣла въ углу террасы, которая выходила въ великолѣпный цвѣтникъ. Дверь ея комнаты, ярко освѣщенной, была открыта, и длинная полоса свѣта легла посреди сада. Діана задумалась... вдругъ легкій шелестъ крылышекъ заставилъ ее поднять голову. Это были красивыя разноцвѣтныя бабочки, влетавшія въ свѣтлую комнату; онѣ кружились вокругъ огня и потомъ падали и умирали, свернувъ свои обожженные крылышки.

Діана вспомнила слова жениха, и ей стало жаль бѣдныхъ созданий, жизнь которыхъ и безъ того коротка. Вдругъ въ комнату влетѣла чудная бабочка самой рѣдкой породы, на крыльяхъ которой переливались самые яркіе цвѣта. Діана слѣдила глазами за этимъ прекраснымъ живымъ цвѣткомъ. Мотылекъ завертѣлся надъ огнемъ, и началъ къ нему приближаться.

— Не лети къ огню, закричала неволью молодая дѣвушка. Ты такъ хороша, я не хочу, чтобъ ты умеръ... Но мотылекъ уже опалилъ свои радужныя крылья и упалъ на мраморъ стола, продолжая биться.

Діана тихонько подошла къ столу, взяла въ руки бѣдное насѣкомое и сказала со слезами:

— Отчего же это всѣ бабочки летятъ на огонь и сожигаютъ себя крылышки?

— Я тебѣ скажу отчего, отвѣчалъ умирающій мотылекъ нѣжнымъ голосомъ, если ты только снесешь меня въ цвѣтникъ, чтобъ я могъ умереть въ зелени и бросить послѣдній взглядъ на обожаемую луну.

Удивленная Діана неволью исполнила желаніе мотылька. Она сошла съ террасы и осторожно положила раненнаго на мягкую траву. Цвѣты узнали тотчасъ своего любимца и съ жалостію склонили свои головки надъ умирающимъ мотылькомъ, но тотъ не обратилъ вниманія на ихъ

красоту и свѣжесть, а посмотрѣлъ съ восторгомъ на луну, которая явилась на небѣ, въ полномъ блескѣ.

— Посмотри на меня, безжалостная красавица, сказалъ мотылекъ. Я умираю изъ любви къ тебѣ, въ полномъ цвѣтѣ молодости. Неужели ты не жалишься надъ другими безумцами, которые приносятъ себя въ жертву твоей красотѣ?

Диана слушала мотылька съ возрастающимъ любопытствомъ; онъ продолжалъ:

— Я обѣщаль тебѣ, молодая дѣвушка, рассказать: отчего бабочки летятъ на огонь и погибаютъ преждевременно. Слушай же меня и помни мою печальную повѣсть.... Давно, очень давно былъ у насъ въ царствѣ бабочекъ, красавецъ котораго звали, *Павоній*. Онъ былъ удивительно красивъ и на его широкихъ крыльяхъ блестяли всѣ яркіе цвѣта, осыпанные золотистою пылью. Всѣ подданные удивлялись и радовались красотѣ своего повелителя, съ которою онъ соединялъ необыкновенный умъ и познанія, потому-что выслушивалъ совѣты опытныхъ ночныхъ бабочекъ, которыя живутъ долѣе дневныхъ. Одаренный всѣми дарами природы, Павоній могъ быть счастливѣйшимъ изъ насѣкомыхъ, но въ сердцѣ его была страшная рана, которая отравила его жизнь и была причиною его смерти и несчастной судьбы всѣхъ бабочекъ. Хотя Павоній и принадлежалъ къ благородной породѣ дневныхъ бабочекъ, но увидѣвъ однажды блѣдную луну, онъ пристрастился къ ея холодному свѣту и продолжалъ летать ночью. Однажды прекрасная царица луны, Бюндина, дала праздникъ и пригласила на него всѣ звѣзды и всѣхъ волшебницъ. Павоній былъ тоже приглашенъ въ кристалльный чертогъ, и съ этого дня начались его страданія. Онъ влюбился страстно въ прекрасную Бюндину, но вокругъ ея было столько обожателей и поклонниковъ, что онъ не смѣлъ и надѣяться. Притомъ же безчувственная красавица была ко всѣмъ холодна и равнодушна, и несмотря на это никто не могъ ее разлюбить и всѣ готовы были жертвовать жизнью за одинъ ея взглядъ, за одно слово.

— Я самъ умираю отъ ея прихоти; я бы долженъ былъ проклинать ее но не въ силахъ этого сдѣлать; напротивъ, я благословлю судьбу, если Бюндина пришлетъ мнѣ хоть одинъ холодный лучъ, чтобъ усладить мои послѣднія минуты.

Мотылекъ началъ ослабѣвать, и Диана думала, что онъ уже умеръ; но отдохнувъ немного, онъ продолжалъ едва слышнымъ голосомъ:

— Павоній влюбился въ царицу луны, и красавица, слыша, что никто еще не могъ тронуть сердца нашего повелителя, захотѣла видѣть его всегда у своихъ ногъ и начала съ нимъ кокетничать, не отдавая однако прочихъ поклонниковъ. Всѣ приближенные Павонія видѣли его страданія и просили брать ихъ съ собою въ кристалльные чертоги Бюндины, чтобъ защитить своего товарища отъ обольщеній, но увы! неосторожные вернулись всѣ влюбленными въ прекрасную царицу. Наконецъ наши мудрецы, видя всеобщее отчаяніе, рѣшили, чтобъ Павоній попросилъ руки Бюндины и отправили къ ней депутацію. Гордая царица приняла ихъ ласково, и хотя Павоній нравился ей но она не хотѣла отка-

заться отъ своей блистательной жизни и объявила, что отдастъ свою руку тому, кто въ день свадьбы подаритъ ей солнечный лучъ.

Это требованіе передали Павонію, и тотъ былъ въ восторгѣ, потому-что думалъ достать солнечный лучъ очень легко. Полный счастья и надежды, онъ полетѣлъ къ своей возлюбленной, и страсть его была такъ чиста и благородна, что тронула даже безчувственную Біондину.

— Я хочу сдѣлать себѣ вѣнецъ изъ солнечнаго луча, сказала она своему жениху, чтобъ показаться тебѣ еще прекраснѣе.

— Тебѣ не нужны украшенія, говорилъ влюбленный: ты и то восхитительна.

— Одна изъ спутницъ Сатурна попросила у своего жениха золотое кольцо и гордится имъ теперь...

— Я достану тебѣ твой вѣнецъ и ты увѣришься, что я люблю тебя больше всѣхъ.

И счастливый Павоній, разспросивъ о дорогѣ, отправился къ солнцу, думая, что оно уступитъ ему одинъ жаркій лучъ. Никто изъ товарищей не смѣлъ за нимъ слѣдовать, и всѣ остались на землѣ, ожидая окончанія этого безумнаго дѣла. Даже ночныя бабочки вылетѣли изъ своихъ норокъ, потому-что и онѣ любили нашего Павонія. Вдругъ въ полдень мы услышали жалобные стоны, и Павоній, обезображенный и равеный, упалъ на крылья своихъ друзей. Всѣ окружили его съ участіемъ, но онъ могъ только сказать, чтобъ никто изъ насъ не приближался къ огню, и умеръ, произнося имя безжалостной кокетки. Плачъ и рыданія бабочекъ наполнили воздухъ; потомъ всѣ начали готовить похороны, достойныя сана покойника, и послали гонцовъ во всѣ сады, чтобы всѣ породы бабочекъ проводили Павонія до его послѣдняго жилища. Стеченіе насѣкомыхъ было такъ велико, что казалось тучею, скрывающею солнце. Тѣло Павонія положили въ чашечку ароматическаго цвѣтка, которая тотчасъ же закрылась, и одинъ ученый мотылекъ прочиталъ очень трогательную надгробную рѣчь, въ которой предлагалъ даже отмстить за смерть Павонія; но всѣ были далеки отъ этой мысли. Всѣ знали, что тотъ, кто принесетъ Біондинѣ горящій лучъ, будетъ ея супругомъ, и всѣ готовились въ свою очередь къ опасному путешествію.

Съ-тѣхъ-поръ много жертвъ пало изъ любви къ холодной Біондинѣ, которая всѣмъ поклонникамъ говоритъ одно и то же: принесите мнѣ огненный лучъ! И безразсудныя бабочки отказались отъ путешествія къ солнцу, и думаютъ, что гораздо легче взять лучъ отъ огня. Вотъ отчего всѣ мы летимъ на огонь, не слушая совѣтовъ старшихъ, и думая только, какъ достать вѣнецъ Біондинѣ. Пусть моя смерть послужитъ примѣромъ для моихъ братьевъ, потому-что я тоже былъ въ чертогахъ луны и влюбился въ, Біондину, которой хотѣлъ быть супругомъ. Что ни дѣлайте, вы не отучите бабочекъ летать на огонь, также какъ нельзя отучить женщинъ отъ кокетства.

Проговоривъ послѣднія слова едва слышно, мотылекъ со вздохомъ свернулъ свои крылышки и замолкъ навсегда. Діана нагнулась надъ

нимъ и спрятала его въ кустѣ бѣлыхъ розъ. Вдругъ послышались въ аллеѣ чьи-то шаги, и тѣнь мужчины остановилась передъ окномъ Діаны.

— Прощай, моя прекрасная Діана, сказалъ тихо Оливье. Не забывай бѣднаго путешественника, который для твоей прихоти готовъ жертвовать жизнію. Если же я не вернусь... если погибну... вспомни обо мнѣ хоть разъ, и душа моя утѣшится.

Молодой человекъ отеръ слезы и хотѣлъ отойти, но его удержала бѣленькая ручка и знакомый голосъ голосъ сказалъ ему:

— Не уѣзжай, Оливье.

Удивленіе и радость оживили Оливье; онъ не вѣрилъ себѣ, но Діана опустила чуждую головку на его плечо и продолжала тихо и нѣжно:

— Прости меня, мой другъ. Я вѣтренный, балованный ребенокъ, и мнѣ необходимъ строгій наставникъ. Вотъ почему завтра же мы попросимъ батюшку подписать нашъ свадебный контрактъ.

— Діана! возможно ли! такое счастье! говорилъ Оливье въ восторгѣ Ты согласна быть моею женою!

— Да, отвѣчала она, улыбаясь. Я не хочу быть огнемъ, на котормъ бабочки сжигаютъ свои крылья.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Обстоятельная новость о томъ, какъ корреспондентъ «Пантеона» проводилъ день новаго года прежде, почему не проводить его также теперь, и какъ встрѣтилъ нынѣшній. — Къ *Тройкѣ*, г. Сверчкова. — Разныя новости: воспоминаніе о Баклагѣ, возбужденное однимъ ученымъ фельетонистомъ. — Нынѣшнія трюшныя катанья. — Маскерады: по образчику маскеранныхъ сценъ и маскеранныхъ разговоровъ. — Ярмарка въ пользу бѣдныхъ. — Музыкальная утра г. Сакса. — Прочія музыкальныя вѣсти. — Панорамы, и проч. — Театральное: апологъ изъ г. Леона Гозлана; воспоминаніе о Мочаловѣ; г. Дьяковъ въ *Жизни широка*; остальные новости, новыя пьесы русскія, новый балетъ и замѣчательнѣйшая новость французской сцены. — Литература: 15 книга *Временника*. — *Указатель Московской губерніи*; кое-что еще: три послѣднія книжки «Москвитянина»; о двухъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей». — Два слова о *магазинъ модѣ и рукодѣлья* г-жи Кошелевской.

.... Не такъ еще давно, вѣрный сынъ Москвы, къ которой, по волѣ судьбы, принадлежу по рожденію, и nolens-volens исполнитель обычая, теряющагося своимъ началомъ въ совершенно-темномъ для меня туманѣ прошедшаго, не такъ еще давно я считалъ одною изъ моихъ первыхъ обязанностей къ обществу: въ извѣстные дни, въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ напоминать о себѣ, моею фізіономіею, или моею визитною карточкою, или, наконецъ, моею подписью, всѣмъ тѣмъ почтеннымъ людямъ, которые безъ того неминуемо бы меня забыли... Короче, въ первый день Свѣтлаго-праздника, въ первый день

Рождества и въ первый день Новаго-года, вооружившись длиннымъ рѣстромъ именъ, тщательно составленнымъ накануне, я отправлялся — загнать двѣ пары извозничьихъ клячъ, какъ говорится, изъ Нѣмецкой-слободы подь Донской и отъ Преображенской-заставы къ Дорогомиловской.... Случалось нерѣдко, что путешествіе мое продолжалось и на второй день праздника и Новаго-года; иногда я прихватывалъ и часть третьяго. Но по одному особенно-несчастному свойству моей натуры оказывать самое-упорное сопротивленіе нѣкоторымъ моимъ рѣшеніямъ и предиріятіямъ, или въ-слѣдствіе злополучной звѣзды, мои наиблагонамѣреннѣйшія праздничныя перегринаціи ни разу не обходились безъ самыхъ печальныхъ катастрофъ. То я засиживался слишкомъ долго тамъ, гдѣ мнѣ было нескучно, и не попадалъ въ другія мѣста, то оставлялъ три карточки тамъ, гдѣ надлежало-бы оставить всего одну, съ загнутымъ уголкомъ; разъ я, окончательно замотавшись, попалъ въ незнакомый домъ, не дожидаясь доклада вошелъ въ гостиную, гдѣ засталъ самую пріятную домашнюю сцену, былъ, поэтому, принятъ за преднамѣреннаго нарушителя спокойствія; гдѣ-то, вмѣсто того, чтобъ изобразить, болѣе или менѣе четкимъ шрифтомъ, мое имя и фамилію, я написалъ окоченѣвшею рукою: »Вотъ морозъ-то!!«... и такъ далѣе... Не смотря на это, покоряясь моей судьбѣ, безропотно снося насмѣшки и непріятности, которыя навлекали на меня все эти невольныя недоразумѣнія, я, въ смиренномъ убѣжденіи, что каждому человѣку непремѣнно данъ тотъ или другой удѣлъ, ревностно продолжалъ приносить себя въ жертву въ опредѣленные дни, и въ эти дни, ежегодно, съ геройскою настойчивостію приступалъ къ обряду выгрузки изъ кармана маленькихъ кусочковъ гласированной бумаги... и всего къ этой статьѣ относящагося... Нѣтъ сомнѣнія, это могло бы продлиться почти до конца моихъ дней, и я у несъ-бы съ собою въ могилу успокоительную мысль, что исполнилъ мой житейскій долгъ какъ нельзя точнѣе. Нѣтъ сомнѣнія, меня похоронили бы съ почетомъ, сказали бы на мой счетъ самое трогательное слово, а въ газетахъ напечатали бы, что потеря такого достойнаго гражданина, какъ я, не замѣнима, что я оставляю пустое мѣсто въ кругу родныхъ, друзей, общества, пробѣлъ въ Европѣ, на земномъ-шарѣ, и проч. и проч.... Нѣтъ сомнѣнія, что въ-слѣдствіе всего этого мнѣ было бы особенно пріятно и мягко лежать подь мраморной плитою...

Но судьба не хотѣла, вѣроятно, подарить меня такою завидною развязкою моего странствія «through the stage of life».

У меня былъ троюродный дядя, добродѣтельный человѣкъ, владѣвшій тысячею душъ, тремя домами и сотнею другою тысячею цѣл-

ковыхъ. Сверхъ многихъ своихъ достоинствъ, онъ имѣлъ еще одно, которое я въ немъ особенно цѣнилъ: привычку кормить отличными обѣдами, давать гостямъ гаванскія сигары высшаго сорта, и пить самыми тонкими винами. Слабый смертный, я тоже усердно отдавалъ честь обѣдамъ моего дяди и безсовѣстно жегъ его сигары, поступая въ отношеніи къ нимъ какъ самый отъявленный корсаръ Индѣйскаго Архипелага. Все это никогда бы не нарушило моихъ наипрекраснѣйшихъ отношеній къ дядѣ, да и не въ томъ дѣло. Но почтенный мой родственникъ, какъ говорятъ, и всѣ великіе люди, имѣлъ чрезвычайную странность: дразнить меня моими странностями, на которыя, я, по его мнѣнію, какъ человекъ маленькій, ни малѣйшихъ правъ не имѣлъ. Особенно допекалъ онъ меня тѣмъ, что онъ называлъ моего необстоятельностью, и когда рѣчь доходила до моихъ промаховъ, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я упомянулъ выше, дяди иногда забывалъ мѣру выраженій, становился жестоко и... хоть вошь бѣги.

— Вообразите, замѣтилъ онъ однажды, обращаясь къ одному изъ гостей и указывая на меня:—вѣдь, мальчишка, просто еще мальчишка, и чинъ-то совѣмъ пустой, а хоть-бы разъ—пріѣхалъ, какъ слѣдуетъ, въ-время поздравить старика дядю: именины, рожденіе вѣчно забудеть; въ Новый Годъ, въ Рождество, о Святой, либо прямо прикатить къ обѣду, либо пожалуетъ на третій, или четвертый день... А все нынѣшнее умничанье!

— Помилуйте, дядюшка! началъ было я: вѣдь...

— Молчи ужъ, прервалъ дядя, и слушай; говорю тебѣ въ послѣдній разъ: хочешь ты исправиться и утѣшить меня? покажи себя хоть одинъ годъ, и даю слово, вотъ здѣсь, при свидѣтеляхъ, оставить тебѣ послѣ себя пятьсотъ душъ, домъ и пятьдесятъ тысячъ. Вы думаете, мои прямые наследники что-нибудь рискуютъ, заключилъ онъ, обращаясь опять къ гостямъ: угодно, сверхъ того, пари, что онъ не выдержитъ и хоть разъ да позабудетъ меня поздравить въ пору?

Никто не отвѣчалъ на вызовъ, а я, затронутый за живое такимъ сомнѣніемъ въ моемъ характерѣ, или такою увѣренностію въ моей безхарактерности, заинтересованный обольщеніемъ сдѣлаться владѣльцемъ недвижимаго и движимаго имущества, далъ себѣ внутренне обѣщаніе, въ-продолженіе цѣлаго года не пропускать ни дня его именинъ, ни дня рожденія, ни праздниковъ; мало-того: узнать даже о днѣ его крестинъ, днѣ производства въ штабъ-офицерскій чинъ и днѣ привітія ему осы, и являться къ нему въ каждый изъ этихъ дней, ни-свѣтъ-ни-заря, съ поздравленіемъ. Такъ я и сдѣлалъ. Въ-продолже-

нѣ одиннадцати мѣсяцевъ я не пропустилъ ни одного раза, ни одного раза не опоздалъ. Дядя былъ въ восторгѣ; прямыя наслѣдники приходили въ бѣшенство отъ досады. Еще нѣсколько дней—и я должепъ былъ выиграть призъ, пожать, какъ говорятъ ораторы, плоды посѣяннаго. Приходитъ Рождество, я передъ тѣмъ какъ-то недѣли двѣ не видалъ дяди, ѣду: повѣрите-ли, не совсѣмъ еще разсвѣло. Вхожу, съ гордостію отворяю дверь въ залу, и вижу... дядю на столѣ... Когда распечатали бумаги покойнаго, оказалось, что онъ не сдѣлалъ никакого завѣщанія. Я на это нимало не претендую, потому что кто-же обязывалъ его помыслить о посмертныхъ распоряженіяхъ прежде, нежели кончился срокъ нашего пари. Тѣмъ менѣе, разумѣется, могъ я претендовать на наслѣдство, не получивъ, поэтому, послѣ добраго дяди ничего, кое-какъ выпросилъ, однакожъ, у наслѣдниковъ ящикъ сигаръ, семь лѣтъ уже лежавшихъ, выкурилъ ихъ въ память о нѣжно-любившемъ меня покойникѣ, и, въ его же память, движимый уваженіемъ къ его тѣни, далъ обѣтъ сидѣть въ первые дни праздниковъ и новаго года дома, не ѣзда и не посылая поздравлять никого, тѣмъ еще болѣе, что одна очень интересовавшая меня дѣвица, общавшая мнѣ соединить свою судьбу съ моею, въ вечеръ открытія бумагъ моего дяди, на отрѣзъ отказала мнѣ въ предстоящемъ мнѣ на всю жизнь благополучіи.

Съ-тѣхъ-поръ я не знаю покойныхъ ночей,
Съ-тѣхъ-поръ не цѣлую прекрасныхъ очей!

Виновать, совсѣмъ не то хотѣлъ сказать: покойныя ночи я очень хорошо знаю, а прекрасныхъ очей не цѣловалъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: съ-тѣхъ-поръ, т. е. со дня неожиданной кончины моего почтеннаго дяди, я устоялъ въ моемъ обѣтѣ. Правда, не мало испилъ и горя въ-слѣдствіе того; одна уважаемая всеми старушка объявляетъ, что я ряхнулся; въ четырехъ прекрасныхъ домахъ утверждаютъ, что я спился съ-круга; многіе, перестали мнѣ кланяться; кто-то увѣрялъ меня въ глаза, что я умеръ. Что-же бы сказали, что бы сдѣлали всѣ эти добрые люди, если бы узнали, въ довершеніе, что я пишу фельетоны...

И нынче, въ Новый-Годъ, въ то время, какъ вы, читатели и читательницы «Пантеона» порхали... скользили... нѣтъ, метафора все еще слишкомъ сильна... боронили московскую или петербургскую кашу, то есть снѣгъ, обратившійся въ кашу, гонимые желаніемъ или необходимостью поздравить съ Новымъ-Годомъ добрыхъ знакомыхъ, — въ то время, какъ вы, другіе читатели и читательницы, торжественно возсѣдая въ гостиной, на диванѣ, съ соразмѣрною

вашему чувству собственного достоинства важностью ожидали поочереднаго явленія предъ ваши очи кліентовъ разнаго рода и званія, — въ то время, какъ вы, еще иные читатели и читательницы, улыбались или хмурились новому году, средь какого-нибудь деревенскаго затишья, и сидѣли, напริมѣръ, за завтракомъ, окруженные полудюжиною чудныхъ дѣтокъ и дюжиною тарелокъ сдобнаго печенья, — я сидѣлъ дома и не трогался съ мѣста. Передо мною, подобно тѣнямъ волшебнаго дѣтскаго фонарика, неслись экипажи и фигуры, экипажи, — частью блестящія и роскошныя, фигуры — болѣею частью сіяющія, а я между-тѣмъ въ десятый разъ люблюсь на «тройку» г. Сверчкова — вѣрнѣе на литографію съ этой картины г. Сверчкова, приложенную къ № 35 «Русскаго Художественнаго Листка».

Видѣли-ли вы эту картину въ оригиналѣ, читатель? Я ее не видалъ; но смѣло говорю: чудная должна быть картина! Прибавляю: не было у насъ ни одной картины подобной — въ этомъ родѣ. Тройка, да какая тройка, несется на васъ — коренная на полныхъ рысяхъ, пристяжныя только-что не въ растяжку, — и въ ту минуту, когда ей нужно сдѣлать поворотъ по дорогѣ, она осаживается ямщикомъ почти на мѣстѣ, чтобы не наѣхать на лошадь ѣдущаго съ бочкой, которой ямщику не было видно изъ-за чащи ельника. Самая тройка безукоризненна: стиль запряжки лошадей шегольскихъ, ямскихъ, или еще вѣрнѣе охотницкихъ, понятъ въ совершенствѣ и переданъ мастерски; даже обыденное, извѣстное любителямъ отношеніе лавовъ правой пристяжной къ лѣвой, и то не упущено изъ вида; коренная совѣмъ сѣла на одну заднюю ногу, другая задняя нога еще отстала; правая пристяжная, ставшая уже на рысь, естественно валится на коренную, потому-что тройка правилась налѣво; лѣвая — пуще осаживаемая, пятится на самыя сани. Въ этихъ подробностяхъ все превосходно. Декорация въ цѣломъ прекрасна: деревья передняго плана, возы сѣна, даль, тамъ и здѣсь напудренные снѣгомъ, — серебряная матовая пыль, поднимающаяся изъ-подъ тройки: все это вы чувствуете, и если на минуту отведете глаза отъ фигуры крестьянина или кучера, (я не вижу, кого тутъ хотѣлъ изобразить г. Сверчковъ) ѣдущаго съ бочкой, — фигуры, относительно чрезвычайно слабой, — вамъ становится и жутко и хорошо передъ «тройкой», какъ, напрімѣръ, отъ ухарской ямщицкой пѣсни, пропѣтой чистымъ природнымъ голосомъ, но просто и безъ подслащенія фіоритурами салоннаго маэстро. А вотъ эта неопредѣлимая фигура — кучера или крестьянина — именно и есть одна изъ такихъ фіоритуръ, которыя портятъ цѣлое.

Гляжу я еще на «Тройку» г. Сверчкова — и вспоминаю, что прошедшій декабрь въ Москвѣ особенно покровительствовалъ тройкамъ.

Одинъ петербургскій фельетонистъ, —упомяная какъ-то о распространившейся въ Петербургѣ модѣ катанія на тройкахъ, изливаетъ величавое негодованіе на эту моду, и восклицаетъ, въ заключеніе; «Что это! Неужели мы возвратимся къ временамъ московскаго *Баклаги*?» — У всякаго барона своя фантазія, гласитъ одна старинная поговорка; поэтому, смѣшно было-бы требовать отъ ученаго фельетониста, чтобы онъ любилъ катанье на тройкѣ, если онъ къ нему не склоненъ; если-же фельетонистъ не русскій, такъ и искать въ немъ подобной склонности не послѣдовательно: иностранецъ, напримѣръ, не любитъ ни отличной осетрины, ни зернистой икры, ни щей, ни хорошаго кваса, и предпочитаетъ больничныи габерсуиъ mit Pfauen, Cartoffelgrütze, Kuchen mit trocknen Erbsen, мутное пиво и копѣчную сигарку... Почему-же и ученому фельетонисту не быть немножко *тройкофобомъ*? Можетъ-быть, это даже и необходимо; можетъ-быть, это даже и доказываетъ ученость, или хотя великосвѣтскость, на которой начинаютъ мало-помалу мѣшаться всѣ наши доморощенные Гино, съ легкой руки г. Иногороднаго Подписчика. Но вотъ что очень забавно: «неужели мы возвратимся къ временамъ московскаго *Баклаги*? — краснорѣчиво и глупокомысленно заключаетъ фельетонистъ». «Вотъ ученость-то!» подумаетъ, пожалуй, иной добродушный читатель — «вѣдь, я чай, слово прямо изъ Герберштейна, или тамъ изъ Нестора! Такъ вотъ и пишеть лѣтописью!» — Дѣло гораздо проще, господа. Въ Москвѣ не такъ давно еще славился ящикъ Балага, умершій всего тому лѣтъ пять, шесть. Балагу знала не только вся Москва, — это не ипербола, спросите у молодежи, у спортсменовъ, у стариковъ, у многихъ свѣтскихъ дамъ, — Балагу знало полу-Петербурга, Балагу знали въ Харьковѣ, знали въ Курскѣ, въ Воронежѣ и во многихъ еще мѣстахъ: Балага (Петръ Михайловъ) былъ рѣдкій красавецъ собою, а на тройкѣ, лишь только взялъ онъ вожжи — неподражаемъ. Это-то и дало Балагѣ сначала извѣстность, потомъ славу и богатство. Сынъ очень неважнаго ящика станціи Городни, извѣстной всѣмъ, кто ѣздилъ по петербурго-московскому тракту, Балага пріѣхалъ въ Москву на одной тройкѣ, а черезъ три года у него ихъ было болѣе ста; его лошади возили всѣ дилжансы отъ Москвы до Твери и отъ Новгорода до Петербурга; сверхъ-того, кому-бы ни случилась нужда поспѣть куда-либо изъ Москвы на часы, тотъ посылалъ за Балагой, и будь пунктъ назначенія Петербургъ или Одесса, Варшава или Казань, Балага садился на козлы въ качествѣ курьера, и сѣдокъ въ условленную минуту выходилъ изъ экипажа у своей

цѣли. Тотъ-же Балага ввелъ въ Москвѣ моду катанья на ямскихъ тройкахъ: всякій хотѣлъ прокатиться съ Балагой, и что это были за тройки! Составлялся-ли пикникъ, посылали за Балагой; нужно-ли было невѣстѣ сдѣлать жениху подарокъ, который-бы поспѣлъ за полтора ста верстѣ въ данную секунду, никто-бы и не взялся за дѣло, кромѣ Балаги; нужно-ли было къ импровизованному на скорую руку балу или обѣду, достать издалека человѣка, вещь, фрукты—одно было средство: Балага. И изъ этого-то бѣднаго Балаги, котораго, какъ я сказалъ, нѣтъ уже на свѣтѣ лѣтъ пять или шесть, изъ этого великолѣпнѣйшаго экземпляра шорокой, забубенной русской удали, ученый петербургскій фельетонистъ сдѣлалъ «*московскую баклагу!*» Не имѣеть-ли этотъ ученый штрихъ нѣчто общее съ штрихами извѣстныхъ французскихъ писателей о Россіи, которые говорили: «*en Russie tout les enfants sont manchots!*» — «*il y a en Russie une espèce de chiens qu'on appelle sobacq*», — «*il était assis à l'ombre d'un majestueux kliucva?*»

Читатель убѣждается изъ сказаннаго, что въ противоположность ученому петербургскому фельетонисту, московскій корреспондентъ «Пантеона» одержимъ слабостью къ тройкѣ и всему, что до нея относится. Дѣйствительно, сознаюсь и въ томъ даже, что благодаренъ случаю, устроившему сближеніе на одной страничкѣ слова о художественномъ произведеніи г. Сверчкова и воспоминанія о Балагѣ, этомъ крайне-замѣчательномъ, крайне-интересномъ, и съ физической и съ нравственной стороны, типѣ, которымъ, ужъ конечно, не пренебрегъ-бы и самъ почтенный художникъ, отворившій себѣ двери Академіи прекраснымъ лозунгомъ: «свое, родное!» На этомъ основаніи, смѣю надѣяться, онъ не взыщетъ съ меня и за сказанное сближеніе.

Ужъ кетати о фельетонистахъ. Г. Д., петербургскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», въ одномъ изъ своихъ писемъ, рассказывая о катаньяхъ Петербурга на тройкахъ, съ пафосомъ, совершенно противнымъ чувству автора «временъ московскаго *баклаги*», расписался до того, что покрылъ лошадей которой-то изъ своихъ троекъ «наметами!» «Переметами»—конечно, хотѣлъ сказать г. Д. «Наметъ» и «переметь» такъ-же похожи между-собою, какъ «колесо» и «укусъ», или, ежели хотите, какъ два водевильныя заглавія, соединенныя частичкою «или»....

Въ Москвѣ теперь есть уже, маленькій покуда, преемникъ Балаги. Это — Кузьма Ечкинъ. У Ечкина есть славныя тройки и сани, прекрасно-устроенныя для загородныхъ прогулокъ: обитыя ковромъ, въ которыхъ помѣщается легко шесть-семь человѣкъ и которыя повалить невозможно.... Все это москвичи достаточно знаютъ. И нерѣдко встрѣтите вы по Москвѣ три-четыре тройки, весело несущіяся къ которой-

нибудъ изъ заставъ. Отличный кейфъ для русскаго человѣка послѣ хорошаго обѣда: завалиться въ покойныя сани и пролетѣть верстъ десятокъ-другой, зайти куда-нибудъ съ легкаго мороза, напиться чаю и опять нестись домой, съ тѣмъ, чтобы поспѣть ко второму дѣйствию багета, или успѣть на свободѣ готовиться на вечеръ. Какъ славно обрыжжетъ тебя снѣжная пыль, какъ здорово протрясетъ лихая тройка, для которой нѣтъ ни пня, ни кочки, ни ухаба, ни сугроба, — какъ живоительно провѣтрить полевой воздухъ, сколько игривой мечты, и быть-можетъ, не одно воспоминаніе способны пробудить знакомые каждому переливы и замирашія колокольчика и бубенчиковъ!

Минувшіе два мѣсяца немало благопріятствовали у насъ троичнымъ катаньямъ. Любимая цѣль прогулокъ и обыкновенное мѣсто зимнихъ пикниковъ, кромѣ Яра, въ Петровскомъ паркѣ, деревня Билулево, первая станція по тульскому тракту, лежащая верстахъ въ четырнадцать отъ заставы, и гдѣ есть очень хорошій ресторанъ. Впрочемъ, мало-ли куда ѣздить: только въ другихъ мѣстахъ вамъ, пожалуй, придется пить чай въ избѣ и дышать самой тяжелой атмосферой. Въ Сокольникахъ есть еще маленькое спасеніе: Французъ Яковъ Савельевъ, представленный мною читателямъ въ одномъ изъ моихъ предыдущихъ писемъ, предлагаетъ вамъ какіе-то особенные блины на ягодиномъ сиропѣ, на которыхъ можетъ даже изобразить, буде пожелаете, вензель вашъ или любезной вашего сердца, или сердце пронзенное стрѣлой, или всякую иную аллегорію, болѣе или менѣе подходящую къ случаю. Разумѣется, это придаетъ чрезвычайный вкусъ блинамъ m-g Якова Савельева.... Но вотъ и омега того, на что можно разсчитывать любителю комфорта, отправившемуся проѣхать за городъ.

Полно, однакожь, блуждать по лабиринтамъ гиппоманіи, куда мы забрели такъ нечаянно; перенесемтесь въ инныя сферы.

... Маскарады? Маскарады продолжаются въ Купеческомъ и Нѣмецкомъ Собраніяхъ, въ театрѣ—и начались въ благородномъ собраніи.

Благородное Собраніе дѣлаетъ гораздо больше прежняго, чтобы наполнить свои залы, какъ наполнялись онѣ прежде. Помѣщенъ въ самомъ домѣ костюмеръ, отъ котораго пріѣхавшій можетъ прямо пройти въ залы и теплымъ ходомъ; играетъ оркестръ Сакса; слышалъ я даже что гдѣ-то журчитъ фонтанъ, хотя, впрочемъ, журчанія фонтана не слышалъ; право входа предоставлено и лицамъ, прежде не переступавшимъ завѣтнаго порога; однажды собраніе магически или электрически освѣтилось въ три четверти минуты или секунды... но все это мало привлекаетъ гостей.... Нѣтъ, въ Москвѣ рѣшительно не хотятъ понять прелесть общественнаго удовольствія. Опровергаютъ это развѣ маскара-

ды Купеческаго Собранія, которые, какъ говорилъ я не разъ, постоянно полны; но что значитъ число посѣтителей, вмѣщаемыхъ однимъ купеческимъ собраніемъ, въ сравненіи съ населеніемъ цѣлаго города? Маскарады же у нѣмцевъ и театральныя, можетъ-быть, и способны возстать противъ моего перваго заключенія тысячью-другою голосовъ, а все-таки не разрѣшаютъ задачи, насъ занимающей: гдѣ въ Москвѣ то общественное собраніе, въ которое бы любилъ ѣздить всякій, и куда бы дѣйствительно съѣзжалось большое, хотя и разнообразное, но не отборное общество?

Я до-сихъ-поръ постоянно отзывался обо всѣхъ этихъ собраніяхъ, маскарадахъ и балахъ въ самыхъ короткихъ выраженіяхъ: не подумалъ бы, иной читатель что я вовсе незнакомъ съ ними, и говорю только по наслышкѣ? И въ-самомъ-дѣлѣ. Такъ не позволите-ли, въ доказательство моей состоятельности по этой части, представить здѣсь нѣсколько сценокъ, и главное, по образчику маскарадныхъ разговоровъ: въ Благородномъ Собраніи, въ Купеческомъ, въ Нѣмецкомъ и въ театрѣ; это дастъ вамъ и тонъ четырехъ различныхъ маскарадовъ.

Мы въ Благородномъ Собраніи. Играетъ Саксъ. Никто не танцуетъ. Тишина, можно сказать, мертвая. Домино частію черныя и чрезвычайно скромныя, частію бѣлыя, частію же совершенный *genre-facas* съ нахально-широкимъ кружевомъ; послѣдняго рода домино никого не интригуютъ, ходятъ почти исключительно по двое, къ чернымъ и бѣлымъ домино не подходятъ, и въ былое время въ благородномъ собраніи они и вовсе не встрѣчались.

Нѣкто, положимъ, молодой человекъ пріятной наружности, стоитъ въ патетической позѣ, въ родѣ героевъ Марлинскаго, или сидитъ утомленный, какъ одинъ изъ слабопервныхъ красавчиковъ повѣстей г. Дружинина. Не лишнее замѣтить, что такого рода романтизмъ время еще не вовсе вытрясло изъ нашихъ маскарадныхъ кавалеровъ.

Проходитъ черное домино, вы бы сказали нѣчто подъ колоколомъ изъ чернаго муаре; только два отверстія для глазъ и кончикъ носоваго платка не — черныя.

— Ты скучаешь! говоритъ домино пискливымъ голосомъ.

— Какъ видишь! отвѣчаетъ кавалеръ, гробовымъ голосомъ, ежели онъ герой à la-Марлинскій; разбитымъ груднымъ контральто, если онъ красавчикъ въ стилѣ г. Дружинина.

Изъ десяти разъ девять разговоръ тѣмъ и кончается. Возобновится если онъ другимъ домино, такъ безусловно въ той же формѣ.

Исключеніе:

— Ты думаешь о своей Ольгѣ?

— О какой Ольгѣ?

— Полно, весь свѣтъ это знаетъ.

— Я не знаю никакой Ольги.

Пойдутъ ходить. Помолчать. Поговорять немножко.

Она попросить стаканъ воды.

Онъ скажетъ нѣсколько очень неловкихъ французскихъ фразъ, и приведетъ подслушавшаго—фельетониста, напимѣръ—къ заключенію, что если нѣкоторыя русскія дамы иногда безжалостно коверкаютъ родное слово, такъ есть у насъ и русскіе кавалеры, которые куда-плохо объясняются по-французски.

Чета расходится, и каждый, т. е. онъ и она, возвращается домой, я полагаю, чрезвычайно-утомленные впечатлѣніями вечера.

Въ Купеческомъ Собраніи больше жизни и больше разнообразія.

Музыка играетъ въ двухъ залахъ, гдѣ и танцуютъ съ такимъ усердіемъ, что иная кадрили выдѣлываетъ фигуры на мѣстѣ. Тѣмъ немнѣе веселье непритворное. Домино и маски самыя разнообразныя: ничемъ атласъ, бархатъ, турецкія шали, брилліантовыя булавки; есть и — скромныя черныя капюцины; есть маски въ болѣе не-желли незатѣйливомъ, почти домашнемъ, платьѣ, иногда въ пелеринкѣ съ лебяжьемъ пухомъ, чаще съ шеншилою. Изобиліе цвѣтныхъ фраковъ съ золотыми пуговицами. Столовыя залы не пусты, когда еще и не помышляютъ объ ужинѣ. Въ билліардъ можетъ играть только самый отчаянный поклонникъ билліарда или неизлечимый мизантропъ, потому-что, снующая мимо взадъ и впередъ толпа способна сбить съ толку какого угодно игрока. Далѣе биткомъ набито. Повсемѣстно духота и замѣтное преобладаніе румянца на лицахъ. Баснословное поглощеніе оржада, лимонада, мороженога, винограда, и проч. Мужской буфетъ совершенно въ-сторонѣ. Пастушекъ, Тиролекъ, арлекиновъ и тому подобныхъ костюмовъ — не увидите.

Мужское общество состоитъ изъ представителей всевозможныхъ слоевъ и кружковъ. Здѣсь и военный, и статскій, и левъ Кузнецкаго-моста, и семнадцатилѣтній юноша, и пятидесятилѣтній Вася въ парикѣ и очкахъ, все еще выдающій себя за жениха, и фигурантъ, играющій иногда драматическія роли, и художникъ, и безбородый купецъ, и армянинъ съ крашеной бородой, въ эриванкѣ и съ длиннѣйшими рукавами, и литературный гений, и бѣдный фельетонистъ; здѣсь бываетъ

и герой á-la-Marlinsky, и красавчикъ á-la-г. Дружининъ, но только оба они теряютъ свою самобытность въ этой пестрой маскарадной смѣси... Здѣсь были бы, какъ видите, почти всё и даже, можетъ-быть, и больше, ежелибы только помѣщеніе было обширнѣе.

Относительно дамъ... но не будемъ нарушать инкогнито тѣхъ, которыя не хотятъ снимать маску, а съ тѣми, которыя ее позднѣе снимутъ, въ подробности зачѣмъ васъ знакомить?

Общая правила: къ герою á-la-Марлинскій и къ слабонервному красавчику маска Купеческаго Собранія не подходитъ—она знаетъ, что эти господа не забавны; за этимъ изъятіемъ, маска купеческаго собранія подходитъ почти ко всѣмъ, не тронетъ развѣ только армянина.

Вотъ вамъ сцена.

Идетъ молодой человѣкъ, самой открытой наружности и съ неприторнымъ признаніемъ на лицѣ, что онъ здѣсь не безъ цѣли; глазами онъ очевидно ищетъ.

Ему навстрѣчу маска.

— Митя, какой ты сегодня хорошенькій!

— Спасибо!

Другая:

— Какъ неучтиво не кланяться знакомымъ!

— Здравствуй, beau masque!

Третья:

— Я вчера имѣла счастье встрѣтиться съ вами въ Голицынской галлерей: хоть бы улыбнулись.

— Ты знаешь: я близорукъ.

— Не для всѣхъ.

— Напримѣръ?

Четвертая:

— Митя, я просто въ тебя влюблена; я безъ тебя жить не могу.

— Пойдемъ помоги мнѣ отыскать одну маску.

— Любезень, нечего сказать. Пойдемъ:

Они идутъ. Но вотъ кто-то бьетъ Митю по рукѣ цвѣткомъ; онъ смотритъ: бѣлая гвоздичка. Митя бросаетъ свою спутницу, беретъ подъ руку сѣренькую капуцинку, и они уходятъ въ послѣднюю комнату. Митя и его маска садятся. Оба такъ довольны, что вообразить это не всякому легко. И начинается болтовня, болтовня... болтовня, иногда

прерываемая молчаніемъ, краснорѣчивымъ болѣе иныхъ словъ; болтовня о чемъ? Э, да о чемъ же, въ былые дни болтали мы съ вами, читатель, когда бывали на мѣстѣ Мити!

— Счастливецъ этотъ Митя! говорятъ, между собою его пріятели. Митю приходятъ звать ужинать.

— Иду, говоритъ Митя, и не трогается съ мѣста.

Митѣ одинъ за другимъ присылаютъ шампанскаго.

— Поставь! говоритъ Митя, и не пьетъ.

До ужина ли ему, до шампанскаго ли? Ему, который не взялъ бы за свое мѣсто шестидесяти гектаровъ въ Калифорніи?

Но оставимъ Митю.

Къ нѣмцамъ.

«Die Vorsteher der deutschen Bürger-Gesellschaft zeigen hiermit an, in проч. Gaste, durch Mitglieder eingeführt, zahlen 1 R. S. Entrée.»

Какъ видите, не дороже театральнаго маскарада.

Открыто помѣщеніе Благороднаго Собранія. Музыка гремитъ. Въ одномъ концѣ Саксъ, въ другомъ военный хоръ, иногда еще гдѣ-нибудь оркестрикъ. Пировать такъ пировать, танцовать такъ танцовать, дѣло настоящее.

Die Herren Mitglieder всѣ здѣсь съ своими семействами, а фамиліи у нихъ премногочисленныя: Milglied, являющийся самъ семь, считается чуть ли не бобылемъ; зато есть семейства въ пятнадцать головъ, изъ коихъ, по уставу собранія, ни одна за входъ не платитъ. Возможно ли, спрашиваю, не радоваться?

Нѣмочки, сильно издающія благовопія Ралле и Мусатова, отъ флёр-д'оранжа до амбрэ включительно, и здѣсь, однакоже, носятъ на себѣ печать нѣкоторой сантиментальности. Она выражается преимущественно въ наклонности къ Mandelmilch, отвращеніи къ маскѣ и почти безусловной предилекціи къ бѣлой кисеѣ. На шеѣ тоненькая ленточка, извивающаяся змѣйкой, приколотая крестикомъ и рѣдко соображенная съ цвѣтомъ волосъ; на лъвицѣ можетъ случиться увидѣть гранаты; иную уличите въ ношеніи волосянаго свурочка, убѣгающаго, вмѣстѣ съ стекляннмъ или золотымъ сердечкомъ, осыпанномъ бирюзой, за корсажъ. Сами Milglieder непременно если не въ бѣлыхъ, такъ въ лѣтнихъ жилетахъ и галстукахъ.

До извѣстнаго времени семьи съ важностію ходятъ маленькими группами. Вы понимаете, что здѣсь и всѣ дѣти, не моложе четырехъ лѣтъ. Составляются танцы, чинные и скромные; танцуютъ всѣ дамы,

не старше семидесяти. Около танцующаго члена семейства останавливается весь его родъ; иная нѣжная мать или бабушка, танцуя держитъ въ каждой рукѣ по три руки малолѣтнихъ дочерей, или внучекъ, которыя не мѣшаютъ ей выдѣлывать всѣ фигуры какъ нельзя точнѣе.

Но наѣзжаютъ больше и больше посторонніе посѣтители: маски, молодежь разнаго рода, иноплеменники однимъ словомъ. За полночь шумъ все растетъ. Танцы принимаютъ характеръ живой, Онагры Кузнецкаго-моста становятся львами. *Milglieder*'ы проваживаютъ свои семейства, которымъ, по принятымъ обычаямъ, спать пора. Наверху надымлено такъ, что, буквально, «хоть топоръ повѣсь.»

Внизу продолжаютъ танцы и ужинъ. Маски всѣ сняты. Лица горятъ; кушанье поглощается съ гомерическимъ апшетитомъ; пива къ концу никогда недостаетъ. Кое-гдѣ хлопаютъ пробка...

И опять танцы... Костюмы масокъ вообще безъ всякихъ претензій. Въ обращеніи очень много простоты.

Несмотря на это, вернуться изъ маскарада Нѣмецкаго Клуба съ головою болью и съ испорченнымъ желудкомъ не мудрость.

Наконецъ, театральнй маскарадъ.

Два оркестра музыки: внизу большой военный, наверху балный, внизу же хоръ цыганъ. Ложи пусты. Только двѣ или три ложи заняты въ первомъ ярусѣ: это дамы принадлежащія къ театру; двѣ въ бель-этажѣ: въ каждой изъ этихъ ложъ сидятъ не москвичи, а заѣзжіе провинціалы. Между разными диковинами Москвы, надо же имъ посмотреть и на маскарадъ.

Позвольте: что это за tête-à-tête противъ нихъ, неможно наискось, въ литерной ложѣ перваго яруса? Это, имѣю честь доложить, маскарадный дебютантъ, который съ восторгомъ заплатилъ десять рублей серебромъ, и сѣлъ съ своей маской у самой рампы, чтобъ показать себя міру. Забавно то, что онъ, вѣдь, и въ-самомъ-дѣлѣ, говоритъ, съ своей маской не безъ учащеннаго біенія сердца—что ужасно смѣшно и самой маскѣ.

По нижней залѣ, занимающей все пространство сцены и партера, снуютъ разныя одежды домино всѣхъ цвѣтовъ и цѣвъ, пастушки, тирольки, италіянки, русскія кормилицы, кучера, арлекины, пьерро, кассандры, полишинели, дебардѣры, рыцари, маркизы, розовыя коленкоровыя платья, украшенныя фольгой, двулчневые пелеринки съ бахромой или лебяжьимъ руло. Все это, пропитанное вмѣстѣ особенною смѣсью аромата, въ составъ котораго входятъ пачули, корица, гвоздика, розовое масло и прочіе сильно пахучіе одѣры, все это поднимается въ верхнія залы, по вре-

менно-устроенной лѣсенкѣ, то льется оттуда, по соответствующему ей спуску. Толпа, впрочемъ, не всегда большая. На верху, въ одной залѣ накрыты для ужина столы; въ одинъ конецъ комната со столами не накрытыми и буфетъ, далѣе уборныя; въ другую сторону опять буфетъ и трюмо, въ которомъ всякому предоставляется возможность любоваться на себя во весь ростъ,—двѣ проходныя залы и третья, гдѣ оркестръ и постоянныя танцы, тутъ уже толкотня, давка и духота, ни съ чѣмъ, несравнимыя. Баня, относится къ этой залѣ какъ Гренландія къ великой пустынѣ. Пробыли вы здѣсь секунду, съ вами дѣлается тоже, что бы сдѣлалось, еслибъ васъ окунули въ кипятокъ. Отношеніе количества танцующихъ паръ къ мѣсту, ими издерживаемому, можно приблизительно опредѣлить такъ: гдѣ болѣе квадратной сажени мѣста, тамъ движется болѣе шестнадцати и до тридцати-двухъ паръ. Увлеченіе и усердіе соразмѣрныя. Но сначала маскарада, во всякомъ случаѣ, выгоднѣе присутствовать при танцахъ нижней залы: эти, во-первыхъ не соединены для зрителя съ неудобствами, потому-что внизу и просторнѣе и не такъ жарко, кромѣ-того, дѣйствительно подчасъ чрезвычайно характеристичны и вызываютъ основательныя рукоплесканія цѣнителей. Въ три часа за полночь, если вы дожили въ театральномъ маскарадѣ до трехъ часовъ, поднимайтесь непременно на верхъ, въ танцевальную залу. Тогда вы сдѣлаетесь свидѣтелемъ такой картины, какой самое разгоряченное воображеніе не съумѣетъ соорудить себѣ во всей ея истиннѣ.

... Благородное Собраніе, кромѣ маскарадовъ, отворяло свои залы для ярмарки въ пользу бѣдныхъ и для музыкальныхъ утръ г. Максимилиана Сакса.

Ярмарка длилась три дня. Самопожертвованіе московскихъ красавицъ на пользу страждущихъ, довольно затѣйливая обстановка рынка, концертъ, тутъ-же устроенный и обязанный своимъ успѣхомъ преимущественно г. Воскресенскому и г-жамъ Тюриной и Фриде: вотъ въ нѣсколькихъ словахъ воспоминанія, которыя ярмарка, вѣроятно, оставила въ многочисленныхъ ея посѣтителяхъ.

Что касается до утръ г. Сакса, повѣрите-ли, что они были очень недурны? Во-первыхъ, оркестръ Сакса и самъ-по-себѣ гораздо выше другихъ ему подобныхъ; во-вторыхъ, г. Саксъ пополнялъ его музыкантами изъ театральнаго оркестра, и, поэтому, если не всегда одинаково удовлетворительно осиливалъ серьезную музыку, такъ, по-крайней-мѣрѣ, никому не терзалъ слухъ за тотъ рубль серебромъ, который положилъ за входъ на свои утра. Для публики, продовольствуемой безъ передышки польками, галопами и редовами, и нерасположенной жертвовать тремя

рублями серебромъ, наименьшей цѣною прочихъ концертовъ, утра г. Сакса, по моему, вещь даже полезная: нехотя навязываются слуху мелодіи, которыя мало-по-малу очищаютъ вкусъ, стало-быть, оставляютъ впечатлѣніе.

Г жа Ниссенъ-Саломонъ дала еще одинъ концертъ; слышали мы еще хорошаго віолончелиста, г. Мюнтини (о которомъ говорилъ я въ началѣ 1852 г.), а съ нимъ опять г. Соколовскаго; продолжались въ залѣ Университета музыкальные вечера любителей въ соединеніи съ театральнымъ оркестромъ; пріѣхали въ Москву: г. д'Аржантоъ, ученикъ Шопена, о которомъ «Московскія Вѣдомости» отзываются съ большою похвалою,—и одиннадцатилѣтняя Марія Серато, которую намъ также предстоитъ слышать въ скоромъ времени. Все это заставляетъ думать, что мы какъ-будто становимся помузыкальнѣе. Давай Богъ! Придетъ постъ, и когда зимъ предстанетъ необходимость допѣвать свою лебединую пѣснь, мы, привыкшіе къ зимѣ и любящіе ее, сказать по совѣсти, едва-ли не болѣе другихъ временъ года, съ меньшимъ сожалѣніемъ станемъ провожать ее при помощи интересныхъ музыкальных развлеченій и пріятныхъ ощущеній, которыми надѣляются каждый истинные виртуозы.

...Вы знаете, что къ масляницѣ стекаются въ Москву, какъ и въ Петербургъ, разнаго рода панорамы, жонглеры и фокусники. Все это, по обыкновенію, старается рекомендовать себя публикѣ заблаговременно, чтобы закупить ее въ свою пользу на весь сезонъ. На нынѣшній разъ о своемъ прибытіи «въ сію столицу» уже возвѣстили: г. Адольфъ, египетскій магъ, двѣ-три панорамы, ужъ разумѣется, писанныя великими художниками, и два-три восковыхъ кабинета, которые увѣряютъ, что они такъ хороши, что «Museo Borbonico» имъ въ подметки не годится. Но если можетъ журналъ, учено-литературный, увѣрять, что для него извѣстный художникъ самъ раскрашиваетъ каждую модную картинку, почему-же содержателямъ панорамъ не вести начало своихъ коллекцій хотя бы отъ Чимабуэ, содержателямъ восковыхъ кабинетовъ отъ Фидіаса?

... Мнѣ слѣдуетъ теперь сказать о новостяхъ театральныхъ и литературныхъ.

Начнемъ съ первыхъ.

«Что такое Муффляръ? Муффляръ актеръ, конечно, но какой актеръ? Собственно говоря, онъ не принадлежитъ ни къ которому изъ театровъ, потому-что никакой театръ не согласится держать столь неисправнаго пансіонера. Лѣнливый, пьяница, неакуратный, забіяка, пе-

решѣшникъ, врагъ дисциплины, Муффляръ, однако же, артистъ съ увлеченіемъ, съ огнемъ, полный жизни и ловкости. У него теперь не дастасть зубовъ, онъ почти слѣпъ, онъ усталъ, онъ погасъ; онъ разноситъ свою праздность по всѣмъ лавочкамъ кофейныхъ, столько-же угнетенныхъ, какъ и самъ онъ; но только прикоснется онъ къ доскамъ театральнымъ, дымъ этого треножника оживляетъ его, онъ воскресаетъ; видъ публики даетъ ему голосъ, взглядъ, молодость; его воодушевленіе магнитически проливается во всѣ поры зрителей; въ-продолженіе цѣлаго вечера Муффляръ властелинъ безусловный умовъ и душъ. Онъ имѣлъ-бы богатства Гаррика, захоти только. Никто не знаетъ, есть ли уголь у него. Сколько разъ его находили спящимъ на краю канала!

Сравните Муффлара съ Тинторелемъ. Тинторель разсуждаетъ глубоко, серьезно объ искусствѣ сценическаго художника онъ знаетъ по-гречески и по-латыни; никто какъ онъ не изучалъ науку костюма. Онъ могъ бы поучить Россія, какъ должно драпироваться, Флери, какъ носить съ граціей придворный нарядъ. Нѣтъ того преданія въ искусствѣ, которое было бы неизвѣстно ему; онъ способенъ иногда привести вамъ цитаты изъ Пандектъ, по поводу парика или бороды. Онъ рисуетъ хорошо, онъ хорошій скульпторъ, ловкій живописецъ; чего онъ не знаетъ? Тинторель все знаетъ, все умѣетъ, только не умѣетъ быть драматическимъ артистомъ. Его можно сравнить съ одною изъ тѣхъ этрусскихъ вазъ, которую украшаетъ безконечное количество эмблемъ и рельефы большаго художественнаго достоинства; прекрасно: только вещь, столь-изукрашенная и великолѣпно-обоготвенная, не болѣе, какъ кувшинъ. Тинторель — тоже самое.

«А Валери? Валери—плѣшивый *jeune-premier*, тоже съ любопытными чертами. Какъ Муффляръ и Тинторель, онъ типъ слишкомъ многочисленнаго класса артистовъ, весьма распространенныхъ по театрамъ. Зимой и лѣтомъ, Валери выходитъ не иначе, какъ окутанный шарфомъ, который закрываетъ ему лицо до самаго носа. Онъ утверждаетъ, что дѣлаетъ это для сбереженія голоса; колоссальное фатство, потому-что давно уже у несчастнаго нѣтъ голоса. Но при помощи этой живописной драпировки онъ заставляетъ слишкомъ довѣрчивыхъ директоровъ и злополучныхъ авторовъ предполагать, что у него иногда бываетъ голосъ. Онъ учитъ роли, благочестиво шепчетъ ихъ на репетиціяхъ; но вриводитъ день перваго представленія, и Валери начинаетъ возиться въ кулисахъ съ какимъ-то зеленымъ сиропомъ. Молчаніе! Онъ выходитъ на сцену! Вотъ разразится знаменитый голосъ: дожидайтесь! Береженаго голоса и не слышно; его нѣтъ. Авторъ, въ отчаяніи, ду-

маеть себѣ: «завтра, конечно, Валери будетъ въ голосѣ, это случайность, несчастная случайность; отдыхъ и зеленый сиропъ произведутъ благотворное дѣйствіе». На другой день, авторъ возвращается въ театръ, въ тотъ-же часъ, къ той-же сценѣ. Валери, закинувъ голову назадъ, возведя глаза къ потолку и открывъ ротъ, глотаетъ голубой сиропъ: о горе! голосъ-то, видно, не возвратился. Валери опять выходитъ на сцену, говоритъ, и его слышать, если можно, еще менѣе, нежели наканунѣ. Бѣдный авторъ все-таки утѣшаетъ себя: «голубой сырокъ въ соединеніи съ зеленымъ очистить на этотъ разъ голосъ Валери». Но завтра тоже разочарованіе. Одинъ за другимъ, въ горло Валери лютя сиропы всѣхъ цвѣтовъ, а Валери отъ этого слышно не болѣе, не лучше. Послѣ десяти дней подобныхъ продѣлокъ, публика, утомившись, дѣлаетъ тоже, что голосъ Валери: она не возвращается. Авторъ разоренъ. Валери получаетъ тысячу франковъ въ мѣсяцъ за свое ремесло нѣмага. И,—вещь не слыханая, скажете вы, не вѣроятная кажется, если только предположить ее,—господа Валери есть во Французскомъ Театрѣ, и въ Одеонѣ, въ Оперѣ, и они все-таки ангажируются! И не поднимется ни одного голоса противъ этихъ голосовъ, которыхъ никто не слышитъ. *

Эти остроумные апологи мы приводимъ здѣсь не даромъ. Не имѣя ни малѣйшей претензіи на поученіе, я отъ души желалъ бы, чтобы въ нихъ повнимательнѣе вчитались и вникли наши русскіе артисты: начинающаго драматическое поприще они, быть-можетъ, навели бы на нѣсколько плодотворныхъ размышленій о томъ, какими трудностями усѣяно предстоящее ему поприще, въ-слѣдствіе тѣхъ строгихъ требованій отъ артиста, которыя все громчѣ и громчѣ изъясняетъ время; дѣйствующаго на этомъ поприщѣ давно, можетъ-быть, спасли-бы отъ всегда непріятныхъ ударовъ самолюбію, которые такъ легко готовить себѣ всякая незнающая себя сила, всякая излишняя самоувѣренность; публику, наконецъ, можетъ-быть, иногда обезпечили бы отъ впечатлѣній, вовсе не изящныхъ и еще менѣе интересныхъ.

* Изъ «Le lilas de Pers», романа картины французскихъ театральныхъ нравовъ, г. Леона Гозлана, «cet élégant ciseleur de phrases»; какъ называлъ его покойный Шарль Нодье. Рекомендую читателямъ эту книжку, очень еще недавно вышедшую. Замѣчательное соединеніе прекраснаго матеріала съ самою блистательною обработкою и остроумнымъ изложеніемъ, какихъ только можно желать въ подобнаго рода произведеніи. Я увѣренъ, что «Пантеонъ» поспѣшилъ бы перевести «Le lilas de Perse» для своихъ читателей, если бы не боялся, что сочиненіе г. Гозлана слишкомъ много потеряетъ на русскомъ языкѣ, какъ потеряла и приводимая мною тирада.

Простите еще одно маленькое отступленіе, какъ увидите, то-же не совсѣмъ не умѣстное.

Покойный П. С. Мочаловъ, пользовавшійся въ Москвѣ, какъ извѣстно, и большою славою и очень большою популярностію, сдѣлалъ въ свое время не мало прозелитовъ и не оставилъ на сценѣ ни одного *живаго* воспоминанія: я хочу сказать, ни одного артиста, о которомъ можно было бы выразиться: «вотъ преемникъ Мочалова», или хоть-бы только: «вотъ ученикъ его». Ежели вы остановите меня на этомъ словѣ, и возразите, что Мочаловъ, по самому свойству своего таланта и цѣлому своей сценической дѣятельности, не могъ составить школы, я и противъ этого спорить не стану; но вотъ я къ чему веду рѣчь.

Какъ, обыкновенно, всѣ эти звѣзды первой величины, какого бы ни было міра, Мочаловъ былъ окруженъ роемъ спутниковъ, изъ коихъ нѣкоторые, довольно-безсознательно увлеченные силою его таланта, готовы были всегда, не будучи даже по ремеслу актерами, повторять безъ разбора каждое слово, каждый жестъ трагика: одни, чтобы похвалиться потомъ короткимъ знакомствомъ съ замѣчательною личностію, другіе изъ видовъ угожденія ей, третьи, въ простодушной вѣрѣ, что развиваютъ въ себѣ этимъ путемъ врожденную способность къ сценическому дѣлу, способность, которую развѣ можно назвать горькою охотою къ дѣлу, основанною, нужно прибавить, не на какомъ бы то ни было, хотя бы самомъ отдаленномъ понятіи о немъ, а единственно на смѣшной страсти къ ультра-романтической декламации, въ составъ которой входятъ: надрываніе легкихъ; удары со всей мочи кулаками въ грудь, страшныя истязанія собственныхъ глазъ, гробовое чтеніе монологовъ, и паденіе, въ случаѣ надобности, отъ всей души и сопъ амоге, даже съ рискомъ разможжить себѣ голову. Вы смѣетесь? Но будто диво для васъ, когда я прибавлю, что нѣкоторые изъ почитателей Мочалова только и восхищались въ немъ именно его тяжелыми, мрачными сторонами, а нѣкоторые праздные адепты только этимъ сторонамъ и подражали, доводя ихъ до тѣхъ крайностей, гдѣ онѣ переходятъ въ вышеприведенныя проявленія, возбуждившія вашу улыбку?

Ни одинъ изъ поклонниковъ Мочалова, — а ихъ было много, — не всплылъ: тоже старая исторія. Но вотъ въ прошломъ мѣсяцѣ является, въ бенефисѣ г. Леонидова, въ злополучной драмѣ «Жизнь Игрока» — г. Дьяковъ, всѣ говорили, страстный поклонникъ и подъ рукою нѣкогда бывший питомецъ Мочалова. Добро пожаловать! Кому изъ москвичей было-бы непріятно вспомнить Мочалова, хотя бы въ «Жизни игро-

ка» — гдѣ, замѣчу мимоходомъ, Мочаловъ бывалъ иногда превосходить. И пошли всѣ смотрѣть г. Дьякова. Пошелъ и я. Но что-же скажу я вамъ о г. Дьяковѣ? Г. Дьяковъ не жалѣеть своего голоса, такъ-что подъ конецъ представленія становится жалко его безрасчетливой жертвы; г. Дьяковъ не жалѣеть ни груди, ни легкихъ, ни глазъ своихъ; словомъ, азарное усердіе его не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію и только. Раекъ стонетъ; ложная публика приходитъ въ неописанный ужасъ; партеръ пустѣетъ постепенно, начиная явленія... Такъ-то г. Дьяковъ напомнилъ намъ Мочалова, въ тѣ нѣсколько разъ, въ которые давалась «Жизнь игрока»...!

Въ бенефисъ г. Самарина дебютировала, игравшая впрочемъ какъ-то разъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г-жа Мочалова, дочь Павла Степановича. Безцвѣтная и тѣмъ болѣе трудная роль княгини въ блѣдной и странной комедіи г. Жемчужникова «Странная ночь», была выполнена ею недурно; при болѣе привычкѣ къ сценѣ, я увѣренъ, и голосъ г-жи Мочаловой будетъ слышенъ. Въ тотъ же бенефисъ шла «Комедія ошибокъ», въ давно извѣстномъ, не подстрочномъ и не изящномъ переводѣ г. Кетчера. Дѣло шло такъ-себѣ, гладенько; поняли свои роли г.г. Живокни и Садовскій (два брата Дроміо).

Г-жа Ленская продолжала являться въ «Материнскомъ благословеніи». Въ ея игрѣ все виднѣе дѣлается благородство.

Въ бенефисъ г-жи Семеновой возобновлена «Весталка».

Новыхъ пьесъ немного: *Сюрпризы*, комич. оп.-вод. въ 2 д. Н. В. Сушкова; — *Tailleur Valaikine*, вод. въ 1 д. г. Чернышова; — *Цыганскій таборъ и о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ Бобковъ ухалъ на бобахъ*, шутка въ 1 дѣйствіе... что-то больше ничего и не помнится. *Сюрпризы*, въ первый разъ не вполне удовлетворившіе публику, въ слѣдствіе нѣкоторыхъ длинотъ въ текстѣ и того еще, что пьесу г. Сушкова пришлось смотрѣть послѣ четырехъ большихъ актовъ другихъ пьесъ, — во второй разъ, урѣзанные авторомъ, пошли прекрасно и возбуждали во всемъ театрѣ дружную веселость и смѣхъ — чего, безъ сомнѣнія, и долженъ былъ хотѣть г. Сушковъ. Г-нъ Никифоровъ въ роли пьянаго садовника былъ великолѣпно забавенъ.

Изъ новостей французской сцены я упомяну о поставленномъ въ первый разъ *Chatterton*, исполненномъ, впрочемъ, не то чтобы удовлетворительно.

Г-жа Ирка-Макиасъ поставила въ свой бенефисъ «*Любовь и вѣр-*

ность» (Raquerette), балетъ въ 4-хъ дѣйств. и 5 карт., соч. гг. Теофиля Готье и Сень-Леона, музыка г. Бенуа. Какъ ни сердись г. Ашполонъ Григорьевъ, а г. Теофиль Готье продолжаетъ граціозно фантазировать и въ пользу хореграфіи и въ пользу беллетристики: можетъ, быть г. Готье дѣлаетъ это даже нарочно, въ пику г. Григорьеву. Ужъ не знаю; но только «*Любовь и вѣрность*» — вещь чрезвычайно граціозная.

Возобновленъ «Благородный театръ» Загоскина и нѣкоторыя другія пьесы прежняго репертуара.

... Намъ остается литература.

Вышла 15-я книга «Временника Общества исторіи и древностей русскихъ». Обращаю въ ней вниманіе читателей на чрезвычайно-интересную — не говорю уже важную, статью г. Бѣляева: *Русь въ первый сто лѣтъ*.

Вышелъ «Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи», составленный по официальнымъ свѣдѣніямъ и документамъ, г-мъ Нистремомъ. Справочная книжка, которой польза не требуетъ доказательства; интересный статистическій памятникъ, который всегда будетъ пріятно пробѣжать и безъ прямой необходимости.

Кто-то, досужій истребитель бумаги, времени и денегъ, выпустилъ на дняхъ переводецъ одного изъ послѣднихъ романовъ Поль-де-Кока; пора бы хватиться, кажется, что если инымъ весело читать Поль-де-Кока въ оригиналѣ, такъ въ переводѣ его читать тоже, что перевертывать листы бѣлой бумаги. Право жаль всегда пропавшаго «труда».

...О трехъ книжкахъ «Москвитянина» №№ 22, 23 и 24 приходится сказать немногое.

Очеркъ г. Писемскаго, *Питерщикъ*, былъ бы очень хорошъ, еслибъ г. Писемскій не позволилъ себѣ мѣстами нѣкоторой вольности въ манерѣ разсказа простолюдина. Г. Писемскому твердо-знакома простонародная русская рѣчь, и воспроизведеніе ея во всей ея безыскусственной истинѣ, во всей ея вѣрности самой себѣ, не должно-бы никогда быть упускаемо имъ изъ вида, тѣмъ болѣе, что въ томъ-то и заключается замѣчательная сторона его таланта. И еще зачѣмъ въ заглавіи слово «Питерщикъ», а не «литерець», которое основательно употребляетъ авторъ въ самомъ разсказѣ; «питерщикъ» не говорится, а говорится «литерець». Утверждаю это такъ положительно потому, что мнѣ не

только знакома хорошо Костромская губернія и Чухломскій уѣздъ, но и село Наволоки, гдѣ г. Писемскій помѣстилъ сцену разсказа. Не со-вѣтъмъ понятно для меня также, почему онъ полагаетъ столько самобыт-наго въ бытѣ чухломскаго пштерца: въ уѣздахъ Варнавинскомъ, Вет-лужскомъ Юрьевецъ-Поволжскомъ и Кинешемскомъ онъ найдетъ и того-же пштерца, и ту-же обетаповку.

Глава изъ романа, г. Потѣхина, о которомъ было говорено въ «Пантеонѣ» при разборѣ «Современника», — есть маленькій картонъ, на скорую руку набросанный, изъ композиціи, которая при окончательномъ исполненіи можетъ выйти дѣльною. Тѣмъ только и извиняется крайняя небрежность отдѣлки Главы изъ романа.

Вѣрите-ли вы въ возможность того, чтобы писатель давно умершій вдругъ предсталъ передъ вами? Слушайте:

«Разъяренные осеннею бурей мутныя волны бѣшенаго Терека шумно хлестали о гранитные берега, какъ-бы стараясь вырваться на волю... однообразный прибой сердито пѣнившихся валовъ, то вздымавшихся горами, то разсыпавшихся влажною пылью бушующихъ всплесковъ, слышался визгъ и стонъ жестокаго вѣтра, какъ немолчный шумъ Каспійскаго старика, къ которому они торопятся на привольное раздолье! О, грозенъ быстрый Терекъ въ своей могучей силѣ, съ какою онъ дробитъ и перебрасываетъ оторванныя имъ на пути каменные глыбы, страшенъ и кипучъ этотъ вѣчный буянъ въ своей дикой «шурѣ» съ скалистыми берегами!

«Мрачная ночь и сырой туманъ давно опустелись на горныя выси. Вдали раскатывался громъ, пробуждая чуткое эхо дремавшихъ ущелий; безчисленныя змѣйки молній пронизывали мѣстами толпу облаковъ, и ярко освѣщали на нѣсколько мгновеній изуродованную природу.... Громоносныя тучи дружно надвигались съ востока, тѣснили одна другую, стремились на западъ, вдаль, то бурный Каспій слалъ ихъ съ своего влажнаго лона, на крылахъ ретиваго вѣтра, въ привѣтъ своему сосѣду, западному собрату—Черному морю, которое разыграется въ свою очередь, разбухнетъ когда-нибудь, зимою, страшною «борой», — и пошлетъ ему свой отвѣтный подарокъ, свой порывистый поцѣлуй въ вихрь урагана—и будетъ внезапная гибель отважнымъ кораблямъ!...

«Но кто, между-тѣмъ, скользитъ такъ дерзко по отвѣснымъ сказамъ, кто дѣпится тамъ столь-отважно по терассамъ прибрежнаго обрыва, —

и не трепещетъ за цѣлость непрочно привинченной къ плечамъ своей головы? Прочь же, прочь, если ты не тѣнь, а смертный несчастливецъ, остановись — или ты, сдунутый бурною, погибъ въ волнахъ бурливой бездны! Оглянись назадъ: гдѣ нога твоя за-минуту топтала подошвой чарыка каменную глыбу, по тропинкѣ, проложенной вѣками, — тамъ нѣтъ ужъ и слѣда: треснувшій утѣсъ, подмытый и оторванный кипящею водою, укатился въ kloкочущую глубь, — и ужъ на томъ мѣстѣ клубится прибой, да бѣсятся волны... Но ты не слышишь, безумный упрямецъ, ты подвигаешься впередъ нетвердою ногою, продолжая свою дерзкую прогулку, ты вступаешь въ опасную борьбу съ разсвирѣпѣвшею стихіей? *Пожалуй, иди, но помни, что ты шагаешь по окраинѣ влажнаго гроба!*»

Великолѣпно!

— Марлинскій! — восклицаете вы.

Нѣтъ, господа, г. Агавангель Архиповъ — и представленная вамъ тирада есть отрывокъ изъ его *Золотой пули*. Прошу, между прочимъ, вмѣнить мнѣ въ особенную заслугу, что я умалчиваю объ эниграфахъ, безъ которыхъ не обошлась ни одна глава *Золотой пули*, и о безпрестанныхъ переходахъ въ разсказѣ отъ прозы къ стихамъ, тоже во вкусѣ Марлинскаго.

Разборъ философіи Бэка Веруланскаго, для тѣхъ, кто никогда не читалъ ничего о Бэки, будетъ бесполезенъ. Я благодаренъ этой статьѣ за то, что она оживила во мнѣ воспоминаніе о превосходныхъ «Письмахъ объ изученіи природы», помѣщавшихся нѣкогда въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Въ переводѣ съ нѣмецкаго г. Григорьевъ сдѣлалъ успѣхи: *Вильгельмъ Мейстеръ*, не знаю по чему вдругъ прекратившійся, передается теперь гораздо сноснѣе прежняго; только ужъ изъ рукъ вонъ плохи стихотворные переводы стихотвореній Гёте, какъ извѣстно, попадающихъ въ *Мейстеръ*.

Статьи: *Очеркъ древняго русскаго законодательства о ремесленной и заводской промышленности*, г. Лешкова, и *Брюшное раздраженіе (холера)*, г. Ппоземцева, столько важныя по заглавіямъ, оказываются на дѣлѣ какъ-бы самыми коротенькими конспектами, на скорую руку набросанными для прочтенія лекцій по нимъ.

Въ критикѣ и журналистикѣ, разумѣется, есть забавное. Новаго не перечтешь. Довольно двухъ-трехъ образчиковъ.

Гг Григорьевъ принялся за разборъ «Revue de Paris»; начинаетъ его ни съ того ни съ сего съ мартовскаго № журнала — и съ первой же строки пошелъ себѣ рубить силеча направо и налево. И мы вдругъ узнаемъ отъ г. Григорьева, что «Арсенъ Гуссе — авторъ вздорныхъ книгъ, въ родѣ Portraits littéraires du XVIII siècle, имѣющихъ, впрочемъ, успѣхъ во Франціи, — неутомимѣйшій изъ болтуновъ, которыхъ такъ много развелось въ этой странѣ въ XIX вѣкѣ». Видите-ли, какъ опасно горячиться, г. Григорьевъ: Portraits littéraires имѣютъ не только большой успѣхъ во Франціи, но еще недавно переведены на англійскій языкъ въ Англии и въ Сѣверныхъ Штатахъ. Издатель-американецъ въ благодарность за вырученные имъ барыши, очень значительные, прислалъ даже г. Гуссе изрядную сумму, при благодарственномъ письмѣ. Я не подвиглся-бы, что это не дошло до г. Григорьева, еслибъ все упомянутое мною не было напечатано и въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Москвитянина», вѣроятно читаемаго г. Григорьевымъ.... Далѣе узнаемъ мы изъ той-же статьи г. Григорьева, что «у французовъ все на свѣтѣ зовется философій»....

Но верхъ совершенства и идеалъ наивности составляетъ чувствительная благодарность, съ которою одинъ изъ критиковъ «Москвитянина», обращается къ г. Нижегородному Подписчику, *восхвалившему*, въ послѣдней книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», любовь и усердіе къ отечественной литературѣ — юныхъ сотрудниковъ московскаго журнала, и въ особенности г. Э. Благоправова.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статья г. Константина Аксакова оправдываетъ мои подозрѣнія касательно несостоятельности г. барона Шеппинга въ вопросахъ русской старины, — которыя позволилъ я себѣ высказать въ прошловъ «Вѣстникѣ». Его «Иванъ Царевичъ» разобранъ г. Аксаковымъ — что называется по косточкамъ, и оказывается на повѣрку, что отъ «Ивана-Царевича», сочиненнаго г. Шеппингомъ, наука русской старины не можетъ принять ничего.

Въ той-же газетѣ *вступительная лекція Либиха по предмету опытной химіи*, вѣроятно, прочитана, или прочитается всею Россією. Такія статьи — благотворный лучъ — для науки.

....Я только что вспомнилъ. Ни раза въ моихъ письмахъ не упоминалъ я о «Магазинѣ модъ и рукодѣлій», издаваемомъ г-жою Коше-

левскою. Это случилось, однакоже, не безъ причины, «Магазинъ» приходится искать даже фельетонисту, чтобъ только увидѣть его: онъ совершенно и здѣсь затеръ петербургскою «Модою»...

Корреспондентъ «Пантеона».

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА

Январская и февральская книги «Библиотеки для чтенія» и «Современника». — Фельетонисты этихъ журналовъ. — Фельетонный взглядъ на литературу. — Направленіе «Библиотеки для Чтенія» прежнихъ годовъ. — Г-нъ Сенковскій и его Литературная Лѣтопись. — Иногородный подписчикъ, его самовосхваленіе самонадѣянность и неузмѣренность выражений. — Вліаніе либретта итальянскихъ оперъ. — Возстаніе на критику «Отечественныхъ Записокъ». — Ты сердисься, значить ты не правъ. — Недостатокъ логической послѣдовательности. — Новый поэтъ и его различіе отъ Иногороднаго Подписчика. — «Кѣшемаръ» Новаго Пола. — Новый способъ писать стихи и благодарить своихъ сотрудниковъ. — Страсть къ пародіямъ. — «Замѣтки пустаго челоуѣка.» — *Рыженская* г. Соколова. — *Раздѣлъ* г. Писемскаго. — Стихотворенія. — Переводы изъ Гейне. — Гг. Некрасовъ и Майковъ — Серьезныя статьи. — Г. Гаевскій. — Два путешествія: поэтическое въ Италію и прозаическое въ Крымъ. — Ермилъ Ивановичъ Костровъ — Сердце съ перегородками — Вопросъ гг. редакторовъ журналовъ. — Романъ *Сосѣдъ*, разобранный самою «Библиотекою для чтенія». —

Мы должны говорить теперь о первыхъ книгахъ «Современника» и «Библиотеки для Чтенія». Разборы наши мы начинаемъ обыкновенно съ произведеній русской словесности, какъ главнаго отдѣла всѣхъ журналовъ, и оканчиваемъ послѣдними страницами смѣси, упоминая, по порядку, обо всѣхъ замѣчательныхъ статьяхъ каждой книги журнала, не слѣдуя фельетонному беспорядку при разсматриваніи статей, не бросаясь отъ одного предмета къ другому, часто даже вовсе неотносящемуся къ литературѣ, не толкуя безъ всякой надобности о Маколеѣ и Джеффри, чтобы

показать свою начитанность, или безо всякой церемоніи о своихъ ягдвгенахъ, чтобы блеснуть своею свѣтскою.

На этотъ разъ мы должны однакоже нарушить принятый порядокъ нашихъ рецензій, и начать ежемѣсячную бесѣду о двухъ названныхъ нами выше журналахъ съ конца ихъ, съ «Замѣтокъ Новаго Поэта» и съ «Писемъ Иногороднаго Подписчика.» Судя по важности, которую редакціи этихъ журналовъ придаютъ двумъ этимъ отдѣламъ, они занимаютъ чуть ли не первое мѣсто въ «Современникѣ» и въ «Библіотекѣ для Чтенія». Мы увѣрены даже, что господа фельетонисты этихъ журналовъ найдутъ очень естественнымъ, что мы прежде всего обращаемся къ ихъ фельетонамъ. Что же можетъ быть важнѣе, любопытнѣе, оригинальнѣе этихъ фельетонныхъ? Не поражаютъ-ли они читателя до того, что онъ не знаетъ наконецъ, что подумать о фельетонистахъ, смотрящихъ на искусство и литературу съ такой шуточной, фельетонной стороны? Не посвятили ли «Отечественныя Записки» разбору этихъ фельетонныхъ нѣсколько десятковъ страницъ, при годичномъ обзорѣ русской литературы за прошлый годъ. Мы нашли даже, что «Отечественныя Записки» даже слишкомъ долго занимались Иногороднымъ Подписчикомъ и Новымъ Поэтомъ. Судя, впрочемъ потому, какъ эти господа приняли критику этого журнала, мы видимъ, что дѣйствительно слѣдовало бы еще строже и рѣшительнѣе высказать имъ мнѣніе критики. «Петербургскій Вѣстникъ» высказалъ еще прежде это мнѣніе, но говоря объ отдѣльныхъ фельетонахъ; онъ долгое время надѣялся, что они перемѣнятъ со-временемъ свой тонъ и направленіе, что шутки ихъ, наконецъ смолкнутъ, или сдѣлаются гораздо скромнѣе. Между-тѣмъ прошелъ годъ, а фельетонисты эти продолжаютъ по-прежнему высказывать всякій мѣсяцъ свои легонькія сужденія, бросать поверхностные взгляды, высказывать *фривольныя* мнѣнія (эпитетъ сочиненія Иногороднаго Подписчика), — и каждый мѣсяцъ эти мнѣнія, взгляды, сужденія дѣлаются страннѣе, нецеремоннѣе, рѣзче. Разборъ послѣднихъ фельетонныхъ докажетъ это всего яснѣе и осязательнѣе.

Прежде всего, однакоже, пожалѣемъ отъ души о томъ, что подобный фельетонный взглядъ на литературу въ послѣднее время водворился у насъ въ такой сильной степени. Онъ, конечно, не новость у насъ, — и г. Иногородному Подписчику не принадлежитъ даже честь быть нововводителемъ этого рола критики. Еще въ старые годы, когда г. Сенковскій принялъ на себя редакцію «Библіотеки для Чтенія», Баронъ Брамбеусъ старался ввести въ моду шутливый взглядъ на искусство, и въ своей *Литературной Лѣтописи* смѣялся — впрочемъ очень умно и остро — надъ произведеніями литературы. Въ то же время,

вѣроятно для того, чтобы показать совершенное равнодушіе къ общепринятому мнѣнію, онъ вдругъ ставилъ какого-нибудь темнаго сотрудника своего журнала на высокую степень литературной извѣстности и создавалъ ему такую славу, что неизвѣстный писатель, издавъ нѣсколько томовъ своихъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ, съ портретомъ и факсимиле автора, вдругъ начиналъ писать такія произведенія, что литературный патронъ затѣмъ и не упоминалъ объ немъ. О такихъ же писателяхъ и сочиненіяхъ, которыхъ невозможно было порипать, не возбудивъ противъ себя уже слишкомъ сильнаго неудовольствія публики, Б. Б. умѣлъ отзываться такъ, что сужденія его можно было принять и за похвалу и за порицаніе — *ad libitum*. При огромномъ дарованіи, многостороннемъ образованіи и начитанности г. Сенковскаго, критическія статьи его читались съ удовольствіемъ и любопытствомъ, какъ нѣчто новое, остроумное, удачно написанное; но вмѣстѣ съ тѣмъ никто не видѣлъ и не могъ видѣть въ этихъ статьяхъ инаго, кромѣ веселыхъ и умныхъ пародоксовъ, надъ которыми можно было иногда отъ души посмѣяться, но которые все-таки были очень далеки отъ настоящей литературы и критики въ истинномъ ихъ значеніи. Поэтому-то они и не имѣли никакого вліянія на литературу, и въ-послѣдствіи перестали даже забавлять читателей, да и самъ редакторъ журнала сталъ уже гораздо рѣже и мягче высказывать подобные парадоксы. Съ появленіемъ Иногороднаго Подписчика возобновился этотъ родъ критики, но въ ней уже не было ни того остроумія, ни того знанія, и, наконецъ, всегда довольно скромнаго и хорошаго тона г. Сенковскаго. Новый фельетонистъ захотѣлъ прославиться совершенно противоположными качествами. Г. Сенковскій, при энциклопедическихъ познаніяхъ, былъ знакомъ почти со всеми литературами; Иногородный Подписчикъ знаетъ англійскій языкъ и потому говоритъ только объ Англии и Англичанахъ, забывая, что судитъ русскихъ писателей и что самъ пишетъ по русски. Г. Сенковскій самъ смѣялся иногда надъ своею фельетонною критикою, нынѣшній фельетонистъ «Библіотеки для Чтенія» придаетъ необыкновенную важность своимъ статьямъ и своему лицу, разсуждая съ пренебреженіемъ только о русской литературѣ, и употребляя такія выраженія, которыя мы даже не позволяемъ себѣ привести при разборѣ его декабрскаго фельетона. Когда же и на чѣмъ желаетъ остановиться г. Подписчикъ? Вопросъ любопытный, о которомъ, кажется, намъ пришлось время подумать; потому-что ложные толки и сужденія о лучшихъ нашихъ произведеніяхъ и писателяхъ не перестаютъ украшать фельетонныя страницы «Современника» и «Библіотеки для Чтенія».

Не угодно-ли, напримѣръ, прислушать, какъ Иногородный Подписчикъ начинаетъ свою бесѣду съ читателями въ январской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія».

«О мысль, мысль! въ особенности мысль безпристрастная, невысокопарная и не задорная, *не лъзущая* за облака и не претендующая рѣшать утонченныхъ вопросовъ — мысль бойкая и ясная, свѣтлая и немного насмѣшливая, зародившаяся не отъ столкновенія съ чужими головами, а изъ нашей собственной природы, въ минуты спокойствія и наблюденія, мысль скромная и пригодная къ дѣлу, чуждая пустозвонства и выкраденныхъ тонкостей, — какъ отрядно *водиться* съ тобою, какъ умѣешь ты награждать человѣка, тебя векормившаго и приглубившаго, сколько отрядныхъ чувствъ и счастья *кидаешь* ты на его жизнь, на *панораму* его обычныхъ занятій!» и такъ далѣе, на нѣсколькихъ страницахъ. Спрашиваю, что узнаетъ читатель изъ этого набора словъ? къ чему вся эта мишура выраженій, погремущки фразъ, вся эта водянистая, ничего невыражающая и ни къ чему не ведущая рѣчь, полная только одного самовосхваленія и самоудивленія, даже самоудовлетворенія? Къ чему все эти напоминанія о лицахъ, вовсе никому неизвѣстныхъ, хотя, можетъ-быть, и созданныхъ въ какомъ-нибудь произведеніи фельетониста, объ этой Аннѣ Крутильниковой и какомъ-то Петрѣ Петровичѣ Буйновидовѣ, поставленномъ на ряду съ Филаретомъ Шалемъ, какъ-будто оба эти имена имѣютъ равную европейскую извѣстность? Зачѣмъ эти иностранныя фразы, испещряющія чуть не каждую страницу эта «дѣятельность *ohne Hast ohne Kost*»? Къ чему намъ знать, что фельетонистъ говорить по нѣмецки.

Не понявъ ровно ничего изъ четырехъ страницъ такого предисловія, читатель тотчасъ же велѣдъ за этимъ *спичемъ*, какъ называется свои разглагольствованія подписчикъ, — находитъ объявленіе, что фельетонистъ не скажетъ ни слова о ноябрьскихъ книжкахъ журналовъ прошлаго года — «*по случаю новаго-года*». Что за странная причина, и почему новый годъ могъ помѣшать критику исполнить взятую имъ на себя обязанность? Измайловъ, издавая журналъ *Благонамѣренный*, извинялся, однакожь, передъ публикою въ томъ, что книга не вышла въ срокъ, и объяснялъ это тѣмъ, что гулялъ на масляницѣ. Это, по-крайней-мѣрѣ, была причина уважительная....

За извиненіемъ слѣдуетъ длинный разсказъ о томъ, какъ одинъ *джентльменъ* надулъ своихъ пріятелей, напоивъ ихъ дурнымъ виномъ, вмѣсто хорошаго, и хорошимъ, вмѣсто дурнаго; въ видѣ эпилога къ этому разскажу — слѣдующее обращеніе къ читателю: «чтобъ понравить-ся тебѣ, нужно *двинуться* на тебя смѣло и нѣсколько *пахально*, по-

казать тебѣ и т. д. ». Все это очень усердно исполняетъ Иногородный Подписчикъ.

Далѣе слѣдуютъ продолжительные и утомительные толки о *снобсахъ*, слово равнозначущее съ нашимъ *хвастунъ*, и которое неизвѣстно почему «Современникъ» и «Библиотека для Чтенія» стараются ввести въ русскій языкъ, съ его производными, *снобичность*, *снобичный* и т. д. За десяткомъ этихъ снобичныхъ страницъ, на которыхъ попадаются даже фразы высокаго слога, какъ напримѣръ: «тотъ самый поэтъ, что велѣлъ гнать туристовъ», — говорится наконецъ нѣсколько словъ и объ русской литературѣ, по поводу послѣднихъ книгъ «Москвитянина» и перевода Вильгельма Мейстера, хотя и тутъ не обходится безъ странныхъ фразъ и мнѣній, въ родѣ того, что Миньона и Филина *прелестныя каріатиды* въ странномъ зданіи этого романа, что вторая часть Фауста очень слаба, что Шатобрианъ *Атлантъ, послѣщій щепку* (?), что письма госпожи Севинье вовсе не такъ занимательны, какъ письма Горация Вальполя, а нѣжность ея была *назойлива*, что отъ бельгійской литературы «слышно зловоніе уже мертвой словесности». Какое изящное выраженіе. Правда, черезъ нѣсколько строкъ, по поводу разбора повѣсти Франциска-фан-Рузмаль, фельетонистъ говоритъ очень деликатно: «отъ всей души желалъ бы сказать ей авторъ что-нибудь лестное и привѣтное, но... *mi manca la voce!*» давая знать этимъ, что онъ говоритъ и по итальянски. Припомнилось намъ, правда, это самое выраженіе, нѣсколько разъ повторяющееся во многихъ итальянскихъ операхъ; слышали мы его даже въ Лучіи, — но не мѣшаетъ знать итальянскій языкъ даже по либретто играющихся у насъ оперъ.

Гдѣ-же, однако, во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ объ иностранныхъ писателяхъ—русская литература? Она занимаетъ весьма немного страничекъ въ этомъ океанѣ толковъ о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Такъ, давши совѣтъ родителямъ Франциски фан-Рузмаль «взять палку и отдѣлать свою дочь такъ, какъ отдѣляли бы ее фламандцы стараго времени», фельетонистъ довольно благосклонно отзываясь о произведеніи г. Михайлова «Кумушки», по поводу котораго рѣшается «взять назадъ большую часть неблагоклонныхъ замѣтокъ, которыми встрѣтилъ первое произведеніе этого автора.» Думаемъ, что Подписчикъ поступилъ бы очень благоразумно, взявъ назадъ большую часть неблагоклонныхъ замѣтокъ и о другихъ нашихъ современныхъ писателяхъ. Послѣ двухъ, трехъ фразъ, довольно нецеремонныхъ въ родѣ: «юноши гемороидальнаго вида» и «отребіе рода человѣческаго», Иногородный Подписчикъ оканчиваетъ свое письмо анекдотомъ о томъ, что въ провинціи не хотѣли

признать одного литератора, потому—что онъ не нахаленъ. «Вотъ вамъ, бѣдные петербургскіе жители—*avalez-moi ça!*» говоритъ фельетонистъ, въ заключеніи письма, относя эти слова, вѣроятно, къ своему фельетону. Въ такомъ случаѣ отвѣтимъ за читателей, *que cela est très dure à avaler et surtout très indigeste*»

Второе письмо Подписчика, въ февральской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», гораздо короче, но не меньше нецеремонно. Оно начинается опять анекдотомъ о поимкѣ мухи и по этому случаю говорится, что критика «Отечественныхъ Записокъ», рѣшившаяся сказать, что письма Иногороднаго Подписчика весьма плохи—нанесла этимъ журналу «такой толчекъ, отъ котораго редакціи будетъ не совсѣмъ легко оправиться». Бѣдныя «Отечественныя Записки»! И за чѣмъ онѣ послѣ этого вооружались на такого страшнаго противника! Теперь имъ нѣтъ спасенія! И посмотрите, какими грозными фразами сыплетъ задѣтый за живое фельетонистъ: «Вывозить осадную артиллерію противъ легкихъ фланкеровъ (т. е. фельетонистовъ) значитъ *срамить себя* безъ всякой надобности. Но дѣло не въ томъ, а скорѣе въ нарушеніи *первыхъ началъ литературнаго приличія*, нарушеніи неоспоримомъ, и въ которомъ редакція Отечественныхъ Записокъ, вѣроятно, уже *раскаивается въ настоящую минуту*... Она (редакція) ничего не сдѣлала для русской критики, да при всемъ томъ, постоянно отличалась пристрастіемъ къ сухимъ статьямъ и высокопарнымъ разглагольствованіямъ во вкусѣ героев Нарѣжнаго... Такой вопросъ *чреватъ* послѣдствіями самыми печальными.» Подписчикъ даже твердо увѣренъ, что «каждый изъ журналистовъ Петербурга и Москвы *отшатнулся бы*, еслибъ ему предложили напечатать статью подобнаго рода (т. е: статью, въ которой охуждаются фельетоны Иногороднаго Подписчика) и не только отшатнулся, но прочелъ бы маленькую нотацію сотруднику—сочинителю самой статейки. Но редакція «Отечественныхъ Записокъ» предпочла отпечатать эту филиппику, пустить ее въ свѣтъ и по чѣму—то ловкому выраженію *пискинуть* на всю читающую публику.» Этимъ не оканчивается еще негодованіе фельетониста; онъ говоритъ далѣе, что недостатки «Отечественныхъ Записокъ» *бьютъ въ глазъ* самому холодному изъ читателей; что критики ея казнятъ сами-себя своимъ гнѣвомъ и мучительнымъ *азардомъ* что онѣ не умѣютъ сказать слова безъ *амплификацій*, что не слѣдуетъ «тратить своего критическаго арсенала попустому, лезть изъ *своей* кожи изъ всякой бездѣлицы (N B. развѣ можно лезть изъ *чужой* кожи?), что снисходительность и угодливость редакцій ни въ какомъ случаѣ не можетъ *входить* до позволенія какому-нибудь другу высказывать отъ имени журнала свои собственныя убѣжденія и вводить цѣлое изданіе въ сообщники своей

лирической ярости», что наконецъ «разъ потерявъ соразмѣрность, критика начинаетъ гордиться ложью.»

Не говоримъ уже о томъ, въ какой степени приличны подобныя выраженія, но не доказываютъ ли они, во-первыхъ, непомерное самолюбіе фельетониста, а во-вторыхъ, то, что самолюбіе это сильно затронуто критикой. «Отечественныхъ. Записокъ» Ты сердисься—значить ты не правъ!—говорили еще древніе. Напрасно черезъ чуръ уже расшевелившійся Подписчикъ упрекаетъ «Отечественныя Записки» въ томъ, что онѣ встаютъ на фельетоны; онѣ не виноваты въ томъ, что нынче фельетонисты ввели въ свои фельетоны, то-есть въ легкую болтовню—критику литературныхъ произведеній—то-есть, дѣло серьезное, о которомъ однакожь пишутъ и судятъ съ такою же необдуманностью, съ такою же поспѣшностью, съ тѣмъ же самымъ взглядомъ и тономъ, съ какимъ описываются вечера у Излера и театръ обезьянъ. Еслибы фельетопъ оставилъ за собою картину общественной жизни Петербурга, область баловъ, вечеровъ, праздниковъ и спектаклей, мы бы первые стали восхищаться фельетонами Иногороднаго Подписчика, потому—что въ умѣнны описывать и рассказывать анекдоты, мы ему никогда не отказывали. Но вносить фельетонныя убѣжденія и манеру въ искусство, судить съ плеча о томъ, чего не только не изучимъ, но не имѣемъ времени даже пробѣжать со вниманіемъ, отзываться съ пренебреженіемъ о томъ, что заслуживаетъ уваженія, отдѣлываться шуточками отъ оцѣнки серьезной статьи, пропускать цѣлыя книги журналовъ, оттого, что гулялъ, и потомъ наполнять положенные два листа первымъ, что попало въ голову, смутно припомнилось, или только что вычиталось; смотрѣть на литературу, какъ на игрушку, которой можно заняться отъ нечего дѣлать; считать критику занятіемъ пустымъ, легкимъ, не стоящимъ вниманія, бросать словами тамъ, гдѣ нужна мысль, говорить шуточки тамъ, гдѣ требуется дѣло,—вотъ противъ чего возстаетъ и будетъ всегда возставать всякій, кому дороги успѣхи отечественной словесности, кто истинно любить ее и понимаетъ ея цѣну и значеніе въ средѣ другихъ необходимыхъ условій общественного быта такого народа, который всегда гордился своею литературою.

Нечего и говорить, что почти всѣ литературныя мнѣнія Подписчика въ этомъ писемѣ отличаются своею странностью: такъ, недовольный повѣстью Крестовскаго—«Нѣсколько лѣтнихъ дней», фельетонистъ серьезно увѣряетъ, что гувернеру Артемину, герою этой повѣсти, — «ежеминутно говорить такія вещи, за которыя самый кротчайшій изъ *человѣковъ* неминуемо *побилъ бы* своего собесѣдника.» Само-собою разу-

мѣется, что въ этой статьѣ также много англійскихъ фразъ въ родѣ: «милое gossiping о лицахъ и теоріяхъ», и еще больше рѣзкихъ въ родѣ: «унизительный задоръ критики». Статья оканчивается выпискою трехъ стихотвореній г. Щербины изъ «Москвитянина», но и въ этомъ случаѣ, какъ въ критическихъ сужденіяхъ, такъ измѣняетъ фельетонисту, и онъ выписываетъ самыя слабыя стихотворенія г. Щербины, восхищаясь въ-особенности тѣмъ, которое всего слабѣе.

Замѣтимъ еще, — прощаясь съ Иногороднымъ Подписчикомъ, вѣроятно надолго: потому—что нельзя же всякій мѣсяць толковать такъ подробно о его направленіи, — что въ его статьяхъ никогда нѣтъ нити, которая связывала бы его анекдоты и отступленія съ рѣдкими мѣстами литературной критики. Напрасно добивались мы не разъ: по какой аналогіи или связи фельетонистъ переходитъ отъ одного предмета къ другому? Этотъ недостатокъ логической послѣдовательности въ мысляхъ очень страненъ, и мы не можемъ приписать его ничему, кромѣ самовосхваленія и самоудовлетворенія...

О подражателѣ Иногороднаго Подписчика — Новомъ Поэтѣ мы не будемъ распространяться, во-первыхъ потому, что онъ уже слишкомъ рабски подражаетъ своему оригиналу, и намъ пришлось бы повторить тоже самое, что мы уже сказали первому, — и во-вторыхъ, потому, что у Новаго Поэта нѣтъ даже относительной легкости языка и умѣнья рассказывать анекдоты, какъ у Иногороднаго Подписчика. Фразы его заставляютъ, пожалуй, улыбнуться своею наивностью, но въ нихъ нѣтъ той рѣзкости, которая такъ непріятно поражаетъ у Подписчика. У Поэта сейчасъ виденъ неправильный способъ сужденія, тогда—какъ у Подписчика парадоксальность мыслей прикрыта по-временамъ высокопарными фразами, въ которыхъ проглядываетъ какъ-будто что-то похожее на дѣло.

Въ яварской книгѣ «Современника» Новый Поэтъ написалъ, на этотъ разъ въ подражаніе самому-себѣ, «Канунъ новаго, 1853 года» — второе изданіе его «Литературнаго маскарада», появившагося въ 1852 году, но изданіе значительно приумноженное, хотя и не улучшенное. *Канунъ* начинается описаніемъ богатѣйшаго кабинета Новаго Поэта и его «интересной наружности», его «мягкихъ темныхъ волосъ, живописно спускающихся на лобъ и разобранныхъ на затылкѣ по-англійски», его «усовъ, оканчивающихся однимъ тонкимъ незамѣтнымъ волоскомъ, поднятымъ кверху посредствомъ венгерской помады», его «пизенькаго и небрежно завязаннаго галетуха, совсѣмъ открывающаго его сорокалѣтнюю шею». Последнее обстоятельство буквально выписанныхъ нами фразъ — заставило насъ, однакоже, усомниться въ вѣрности портрета Новаго Поэта. Неужели

онъ такъ безжалостно самъ обнаруживаетъ свой не совѣтъ юношескій возрастъ? Мы знаемъ, что дамы и поэты всегда убавляютъ себѣ года, но тутъ—такое странное признаніе... Что-нибудь да не такъ,—и мы подозрѣваемъ, что Новый Поэтъ нарочно придалъ себѣ такую наружность, весьма обыкновенную и свойственную многимъ лицамъ, которыхъ можно встрѣтить въ каждомъ маскарадѣ, каждый вечеръ у Дюссо, каждое утро на Невскомъ, въ кондитерской и другихъ публичныхъ увеселительныхъ мѣстахъ.

Обратимся однакоже къ *Кошмару* Новаго Поэта. Противъ него сидитъ его Муза, довольно развязная дама съ камеліями, какъ и слѣдуетъ быть такой музѣ у такого поэта. Муза, между-прочимъ, замѣчаетъ, что ей надоѣла литература.

— А мнѣ-то какъ, еслибъ ты знала! отвѣчаетъ Новый Поэтъ. О томъ, надоѣлъ-ли въ свою очередь Новый Поэтъ литературѣ — не говорится. Приходитъ фельетонистъ, котораго Новый Поэтъ изъ учтивости называетъ только заглавными буквами: г-нъ М. М., конечно вымышленными, потому-что тутъ-же говорить, что фельетонистъ этотъ льститъ, «унижается передъ Новымъ Поэтомъ. (По русски слѣдовало-бы, разумѣется, сказать: льститъ ему и унижается передъ нимъ, — но кто-же нынче обращаетъ вниманіе на грамматику; правила писаны не для поэтовъ), фельетонистъ читаетъ старые стихи, напечатанные въ «Литературной Газетѣ» 1848 года; Новый Поэтъ находитъ, что стихи нехороши, и сочиняетъ тутъ же на эту-же тему другіе, еще хуже, въ которыхъ есть и «пологъ *листвы* кудрявой», и «ласточка, выющая пріютъ, *обреченный* ненастью», (кажется, на что-бы вить пріютъ въ такомъ мѣстѣ, которое обречено ненастью?) Далѣе, въ этихъ стихахъ Поэту дремлетъ подъ *шорохъ птичьихъ работъ*, и онъ невольно жаждетъ.

....въ несбыточномъ снѣ

Какъ въ безднѣ душой окупуться.

Насъ поразили, впрочемъ, болѣе всего не стихи Новаго Поэта, но его изобрѣтеніе писать свои стихи на чужую мысль и даже на чужой размысль. До-сихъ-поръ такого рода занятія существовали только въ музыкѣ, гдѣ изъ какаго-нибудь опернаго мотива выкраивалась фигура французскаго кадрили. Новому Поэту принадлежитъ честь введенія въ литературу этаго новаго способа заимствованія и передѣлыванія чужихъ мыслей.

Немножко далѣе, Муза сочиняетъ, впрочемъ, стихи и своего собственнаго изобрѣтенія, только еще неправильнѣе и жестче; напримѣръ:

Какъ съ другими—я не знаю:
 Не читала въ ихъ сердцахъ,—
 Но въ своемъ печаль читаю,
 Сокрушеніе и страхъ.

Рядъ морщинъ глубоко ляжетъ,
 Гдѣ теперь румянца цвѣтъ,
 И мнѣ зеркало покажетъ
 Голый черепъ и скелетъ.

Стихи эти плохи оттого, что Муза Новаго Поэта — не элегическая и даже не лирическая, а скорѣе каламбурическая, и поэтому ей не слѣдуетъ выходить изъ разряда стихотвореній въ родѣ «Стонъ и Голосъ», тутъ же напечатанныхъ.

Выказавъ множество рѣзкихъ вещей г-ну М. М., Новый Поэтъ приглашаетъ, однако-же, его ужинать, и пользуется этимъ случаемъ, чтобы выписать нѣсколько гастрономическихъ блюдъ изъ романа: La gourmandise, и сказать, что они подавались у него на ужинѣ. «Послѣ шампанскаго, появились мараскины, анисеты, алкермеса, чайные и кофейные ликеры... Голова моя кружилась», говоритъ Новый Поэтъ, и вслѣдъ за этимъ начинаетъ рассказывать привидѣвшійся ему сонъ. На берегу Леты толнятся всѣ прошлогодні романы и повѣсти—и по очереди падаютъ въ Лету, сопровождаемые разными остротами, не совсѣмъ хорошаго тона, которыхъ мы не выписываемъ; сожалѣя объ авторѣ, — рѣшившемъ, что вся прошлогодняя литература не заслуживаетъ ничего, кромѣ осмѣянія. Спасаетъ онъ, правда, изъ Леты пять или шесть повѣстей, но въ числѣ ихъ находится и неудавшійся «Ипохондрикъ» и «Ульяна Терентьевна», напечатанная въ «Современникѣ» и принадлежащая къ самымъ плохимъ повѣстямъ прошлаго года... Впрочемъ, что-же логичное можетъ присниться послѣ шампанскаго, мараскиновъ, анисетовъ, алкермесовъ, чайныхъ и кофейныхъ ликеровъ... Новый Поэтъ могъ увидѣть, пожалуй, еще и не такую исторію; не понимаемъ только, къ чему было доводить этотъ кошмаръ до свѣдѣнія читателей. Сознаемъ, что насъ очень непріятно поразила даже форма его. Рассказывая этотъ сонъ, Поэтъ пародируетъ — Данта. Любопытно узнать, начемъ-же наконецъ остановится пародія? Новый поэтъ писалъ пародіи — на Пушкина, на Лермонтова, на Гейне, на Бенедиктова; переложилъ въ пародіи почти всѣ лучшія стихотворенія этихъ и множества другихъ поэтовъ. Теперь дошла очередь до Данта. Отчего ужъ заодно не осмѣять Гомера, Шекспира, Державина; мало-ли ихъ тамъ осталось еще этихъ поэтовъ, которыхъ называютъ великими.... Мы увѣрены, что придетъ и ихъ оче-

редь и что Новому Поэту останется наконецъ только написать пародію на самаго себя, что, по нашему мнѣнію, совершенно неудобно исполнимо.

Примѣръ такого фельетониста очевидно долженъ былъ возбудить по-дражателей, и одинъ изъ нихъ явился въ самомъ «Современникѣ» съ «Письмами пустаго человѣка о петербургской жизни». Пустой человѣкъ говоритъ также много, и не сказываетъ почти ничего, также любитъ блеснуть фразами, сравненіями, антитезами, которыя хороши, когда приходятъ сами, собою, не принсканныя, не вымученныя. Сказать напримѣръ, что «мы тратимся на праздникахъ изъ всѣхъ силъ и изъ всѣхъ кармановъ» будетъ хорошо, но сказать, что «магазины убраны товарами и толпою покупателей», будетъ изысканность, а такихъ фразъ въ письмахъ пустаго человѣка болѣе, чѣмъ первыхъ. Впрочемъ, такъ-какъ онъ говоритъ только о петербургскихъ удовольствіяхъ, не касаясь литературы, то письмамъ читаются легко и безъ скуки. Впрочемъ, разборъ *Кострова*, написанный Пустымъ Человѣкомъ въ февральской книжкѣ «Современника», довольно близокъ къ истинѣ, хотя немного пристрастенъ. Въ этой-же книжкѣ Новый Поэтъ, вѣроятно, уставши отъ кошмара прошлаго мѣсяца ограничилъ всѣ свои замѣтки о русской журналистикѣ тѣмъ, что выпи-салъ двадцать-четыре страницы изъ статьи г. Плетнева о Жуковскомъ. Въ началѣ своей оригинальной статьи Новый Поэтъ общаетъ впро-чемъ, отвѣчать въ слѣдующемъ мѣсяцѣ «Отечественнымъ Запискамъ», которыя «заказывали на него статью». Не понимаемъ этого враженія, и можемъ подумать, что скорѣе обѣщанный отвѣтъ» *заказанъ*, потому-что не успѣлъ къ сроку и отложенъ на будущій мѣсяць.

Отдѣлъ беллетристики не богатъ въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Современникъ». Окончаніе романа *Однорогъ* еще скучнѣе и неестественнѣе начала. Повѣсть г. Соколова — *Рыженская* читается легко, но ея содержаніе до того избыто, что невольно рождается вопросъ: неужели современная русская литература взяла на себя обѣтъ писать повѣсти все на одну и ту-же тему? Это опять бѣдная и скромная провинціальная барышня, влюбляющаяся въ свѣтекаго льва, бывшаго за границей, и выходящая за скромнаго и бѣднаго провинціала, потому-что левъ не отвѣчаетъ ея любви и уѣзжаетъ въ Петербургъ. Чтобы чѣмъ-нибудь отличить свою героиню отъ тысячи другихъ, похожихъ на нее, г. Соколовъ сдѣлалъ ее — *Рыженской*; — въ этомъ состоитъ все его изобрѣтеніе въ русской литературѣ. Во французской—рыжихъ героинь не оберешься съ легкой руки Адриенны де-Кардовиль. Остальное въ повѣсти обстоитъ все, какъ слѣдуетъ: тѣ-же картины бѣдной и скромной жизни уѣзднаго города съ его однообразіемъ деревни, провинціаловъ,

бригидоловъ учителя, повѣтчика, уѣздныхъ сплетень и проч. и проч. Изъ всѣхъ лицъ повѣсти, давно уже знакомыхъ читателю, лучше очерченъ отецъ *Рыженькой* — Сборинъ.

Лучшею статьею въ отдѣлѣ «Словесности» этихъ двухъ книгъ конечно комедія г. Писемскаго — *Раздѣлъ*. Это очень вѣрная и хорошо обрисованная картина нѣсколькихъ тяжелыхъ сценъ, происходящихъ по смерти одного помѣщика между его наслѣдниками, при дѣлежѣ имѣнія Лица комедіи всѣ вѣрны дѣйствительности, и интрига ведена прекрасно. Мы считаемъ эту пьесу лучшимъ произведеніемъ г. Писемскаго послѣ его *Тюфяка*, и увѣрены, что она могла-бы имѣть большой успѣхъ на сценѣ.

Въ обоихъ нумерахъ «Современника» помѣщено, кромѣ-того, десять стихотвореній. Изъ нихъ мы можемъ назвать хорошими только два: одно г. Майкова: «Порывы нѣжности обуздывать умѣя» и другое изъ Гейне, переводъ г. Михайлова, и то послѣдній переводъ хорошъ относительно, потому-что невольно выражаетъ мысль Гейне. Вотъ это стихотвореніе.

Радость и Горе.

—
Радость—рѣзвая гризетка —
Посидитъ на мѣстѣ рѣдко.
Разъ, другой поцѣловала
И, глди, ужъ убѣжала.

—
А старуха—горе дружно
Приласкаетъ, пригудобитъ:
Торопиться ей не нужно
Посидѣть съ работою любитъ

Послѣдній стихъ въ подлинникѣ полонъ германизмомъ:

Sie sitzt an deinem Bett und strickt.

къ тому-же у Гейне, въ его стихахъ, говорится о счастіи и несчастьи—Glück и Unglück, а не о радости и горѣ, что не одно и тоже. Другое стихотвореніе изъ того-же поэта переведено довольно близко къ подлиннику, но надо быть слишкомъ хорошо знакомымъ съ духомъ поэзіи Гейне, чтобы оцѣнить смѣсъ юмора и комизма съ лирическимъ направленіемъ стихотвореній германскаго поэта. Безъ этого непременно покажется страннымъ стихотвореніе, начинающееся такими стихами:

Благоухавій кухни дольной,
Понюхалъ въ волю я, друзья,

Земная жизнь была привольной
Блаженной жизнью для меня

оканчивающееся слѣдующими:

Теперь усталъ я отъ тревоги,
Усталъ отъ бѣдъ и отъ скорбей,
И протянувъ къ могилѣ ноги—
Желалъ-бы выспаться скорѣй!...
Прощайте! тамъ за гробомъ, братья,
Я васъ приму въ свои объятія.

Вообще, хотя у насъ и очень много переводили изъ Гейне, но въ стихотворныхъ переводахъ утрачиваются часто всѣ особенности подлинника.

Съ искреннимъ сожалѣніемъ мы должны сказать, что два стихотворенія г. Некрасова: *Старики* и «Ахъ были счастливые годы» очень слабы. Мы очень любимъ этого поэта, и тѣмъ болѣе неприятно намъ видѣть имя его подъ весьма посредственными стихами. Въ первомъ стихотвореніи поэтъ обращается къ какой-то Парашѣ, говоритъ, что они оба постарѣли, что ея черныя кудри *взяты* временемъ и горемъ, и оканчиваетъ слѣдующею строфою, въ которой мы ровно ничего не понимаемъ.

Чтожь осталось въ жизни нашей?
Ты молчишь, смутилась ты...
Не случилось ли съ Парашей —
Сохрани Господь — бѣды?

Другое стихотвореніе еще темнѣе и слабѣе. У постели больного сидитъ старуха-забота, и едва больному начинаетъ сниться прежнее счастье —

Вдругъ скрипъ, раздирающій ухо —
И мигомъ печезла мечта,
Сморкается громко старуха —
Зѣваетъ.

Остальные три стихотворенія — переводныя. Г-нъ Л. перевелъ изъ Байрона: *To mistriss Augusta Leigh* слѣдующими стихами:

Хоть минули и счастье и слава,
И звѣзда закатилась моя,

Ты одна не *взяла себѣ права*
Поносить и тревожить меня.
 Ты одна не *шатнулася* душою
 Въ нѣжномъ сердцѣ твой братъ *не упалъ*,
 И любовь, *столь цѣнимую мною*,
 Я въ тебѣ лишь одной отыскалъ.

и такъ далѣе, еще пять строфъ все такими же звучными стихами, которыя какъ-то странно читать въ 1853 году... Но вѣдь Новый Поэтъ строгъ только къ стихамъ, помѣщаемымъ въ другихъ журналахъ...

Немного лучше перевелъ г. Гербень изъ Шиллера: *Пляску и Могущество пѣснопѣнія*, хотя стихъ переводчика вообще очень тяжелъ и онъ дѣлаетъ въ стихѣ перестановки словъ уже черезъ-чуръ вольныя, какъ напримѣръ

Предъ міра лучшаго посломъ, — или:
 Пойются пѣсней съ высоты.

Въ наше время такія поэтическія вольности — непозволительны.

Изъ серьезныхъ статей чрезвычайно замѣчательны: «Русскій городъ въ XVII вѣкѣ» г. Соловьева, начало критической статьи г. Галахова: Карамзинъ. — Матеріалы для его литературной дѣятельности, и другой статьи — г. Гаевского «Дельвигъ». Г. Галаховъ давно уже извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ опытный знатокъ русскаго языка и его литературы, но имя г. Гаевского еще недавно стало появляться подъ журнальными статьями, предметами которыхъ — біографіи и оцѣнка трудовъ русскіхъ и иностранныхъ писателей. По всему видно, что г. Гаевскій не принадлежитъ къ числу записныхъ журнальных труженниковъ, а работаетъ не торопясь, познакомившись ближе съ предметомъ своихъ занятій, изслѣдовавъ его со всѣхъ сторонъ. Къ такого рода трудамъ, заслуживающимъ полнаго уваженія, принадлежитъ и біографія Дельвига, заключающая въ себѣ исторію его лицейской жизни. Съ нетерпѣніемъ ждемъ продолженія статьи.

Интересна также статья «Высшее французское общество въ XVII вѣкѣ», извлеченная изъ исторіи г-жи Лонгвиль-Кузена. Критика «Записокъ ружейнаго охотника» немного запоздала и не такъ занимательна, какъ этого можно было бы ожидать отъ автора этой статьи, которымъ гордится русская литература. «Воспоминаніе о русскомъ художникѣ Павлѣ Андреевичѣ Федотовѣ» г. Дружинина также очень хорошая и интересная статья, хотя къ ней неизвѣстно для чего приставленъ эпиграфъ изъ записокъ Ралейга о смерти генерала Гренвилля. О англоманія! Точь въ точь Иногородный Подписчикъ, который не можетъ

обойтись ни на одной страницѣ безъ Англїи и англичанъ. Schoking, very schoking!

Въ Смѣси помѣщены два путешествія: одно «изъ Петербурга въ Крымъ и обратно, другое въ Италію. Первое написано извѣстнымъ нашимъ ученымъ г. Перевощиковымъ; второе — неизвѣстно кѣмъ. Незвѣстный путешественникъ пишетъ чрезвычайно живописно. Вотъ начало его статьи:

«Высоко поднимались волны Адриатическаго моря. Грозная стихія была во всемъ ужасѣ своего величія; буйный вѣтеръ съ пронзительнымъ свистомъ, со стономъ и съ оглушительнымъ трескомъ, ломалъ и рвалъ мачты нашего парохода, бросая его какъ щепку со стороны въ сторону». Не правда ли, страшно? Путешественникъ, такъ краснорѣчиво описывающій это неприятное происшествіе, не погибъ однакоже, потому-что въ то самое, время когда онъ «уже стоялъ лицомъ къ лицу со смертію, вдругъ смягчилась разгнѣванная природа: какъ бы волшебнымъ мановеніемъ внезапно спалъ вѣтеръ, и величавое солнце освѣтило роскошное небо Италіи». Мы, съ своей стороны, очень рады этому обстоятельству, безъ котораго не имѣли бы удовольствія читать такого прекраснаго описанія бури и Италіи, въ которомъ все такъ согласно со строгими правилами хриіи и риторики и почти у каждаго существительнаго есть непременно эпитетъ, очень хорошо къ нему подходящій...

Ученый путешественникъ путешествуетъ иначе; взглядъ его на мѣста и предметы вовсе не поэтическій, а скорѣе приспособленный къ нашимъ житейскимъ потребностямъ.

Очень занимательны въ Смѣси: два разсказа Диккенса: «Старое Платье», и «Квартиры со столомъ и прислугою», «Утро на Толкучемъ рынкѣ», «Домашній бытъ Англичанѣна Среднихъ Вѣковъ», и статья о Бомарше, которая, однакоже, значительно выиграла бы, еслибъ ее сократить еще больше, и выбросить изъ нея всѣ подробности, вовсе ненужныя и неинтересныя для русскихъ читателей. Новости общественной жизни Парижа и Лондона, и ученныя — разнообразны и занимательны.

Переходимъ теперь къ первымъ книжкамъ «Библиотеки для Чтенія». Капитальная статья въ отдѣлѣ Русской Словесности въ этихъ книгахъ, безъ сомнѣнія драма г. Кукольника: *Ермилъ Ивановичъ Костровъ*. Въ разборѣ этой пьесы, въ отдѣлѣ Русскій Театръ въ Петербургѣ, было уже подробно сказано о достоинствахъ и значеніи этой пьесы. На нашу долю пала неприятная обязанность — сказать нѣсколько словъ о ея языкѣ. Прежде всего скажемъ, что г. Кукольникъ заставляетъ всѣхъ лицъ своихъ драмъ говорить очень лаконически, что можетъ быть, по-

могаетъ быстротѣ дѣйствія, но мѣшаетъ ясности смысла, особенно когда пьеса читается, а не смотрится на сценѣ. Тамъ, напримѣръ, проскользнуть незамѣченными слѣдующіе стихи, которые никакъ уже нельзя назвать правильными :

- А онъ, лакей, валеть *пиковый*, глупъ... ..
- Я *съмъ* свой *стыдъ*, не *поперянусь*, не бойся...
- О *зablужденъ* *глазъ*! А мнѣ казалось...
- Я въ женщинѣ люблю, чтобъ *была булка*,...
- Пыль*, *дутикъ* (что это за выраженія?)
- На сердцѣ море слезъ — дитей уснуло...

Это говоритъ героиня пьесы — Людмила, а ея обожатель Аркадій выражается такъ:

До гроба *донесу* мою богиню
 Души моей чистѣйшую невѣсту!...
 Душа души моей, вѣнецъ творенья!

Вообще всѣ разговоры любящихся лицъ у г. Кукольника очень напыщены, также, какъ мѣста лирическія и эпическія. За то комическія лица и сцены у него прекрасны, и мы увѣрены, что г. Кукольникъ писалъ бы гораздо лучше комедіи — это его настоящій родъ.

Лучшая сцена въ пьесѣ та, когда Костровъ читаетъ Илиаду служанкѣ Лизѣ. Разказъ объ Измаильскомъ сраженіи очень эффектенъ на сценѣ, но въ немъ есть очень негладкіе стихи, напримѣръ:

Гдѣ тутъ писать *у смерти наканунъ* ...
 Кто *въ свалкѣ* съ смертью съ ногъ *свалитъ* старуху
 И подвигами *смерть обезоружитъ*....
 А тамъ душа отъ ужаса *пристынетъ*
 Какъ остриемъ *холоднаго штыка*
 Глядитъ на Турку, не мигнетъ Суворовъ. (*Какая изысканная фраза*).

Что за выраженія: Суворовъ отчеканилъ въ исторіи — Измаиль торжественно ужасными мгновеніями, и слѣдующія:

Рымникъ, Очаковъ на груди болтались...
 И какъ одинъ ослабились лукаво...
 Домъ, *ханъ*, пекарня, баня, завка, погребъ,
 Истокъ для грязи — всюду супостать....
 Пошла рѣзня, *покосъ* ужасной смерти.

Подобныхъ странныхъ выраженій въ особенности много у самого Кострова. Онъ говоритъ:

На пятакъ *вертишься* какъ фортуна...
 Ну, *выкинулъ* же *аховскую* штуку...

Я сердце человѣческое знаю.
 Черезъ него пробѣжала карета...
 Въ куски, въ куски! Ей Богу, думать страшно!
 Что жизнь для ней? Безнужная тряпича!..

Впрочемъ, Костровъ объясняется такъ неявно и отрывисто — можетъ быть потому, что у него ужъ такая натура. Зачѣмъ же въ другихъ случаяхъ заставлятъ его выражаться съ такимъ риторическимъ лиризмомъ:

О! еслибъ могъ я этими руками
 Все человѣчество схватить въ объятія;
 Замерзшій родъ согрѣть моей душой;
 Горячей, чистою моей молитвой
 Какъ свѣчку въ ихъ душѣ зажечь молитву,
 И освѣтить ихъ внутреннюю гнусность!..

Генераль Сельскій выражается впрочемъ не проще Кострова:

Да, тѣсно, не *умѣстишь*, другъ Лука
 Змѣи моей въ простомъ и честномъ сердцѣ...
 Москва!... Мнѣ душно здѣсь! Всю ночь не спится!
 Воспоминанія *по стѣнамъ* ходять....

Людмила не уступаетъ отцу въ напыщенности выражений, говоря:

Герой! я дочь твоя! И я съумѣю
 Вотъ это сердце вырвать изъ груди
 И бросить въ даръ Барсучкнну, *какъ вѣтошь!*
 Нѣтъ не отдамъ твоей святой свободы!
 Она мое высокое наслѣдство!
 Священныхъ лавровъ твоего чела
 Не дамъ *измать* ужасной жертвой

Остановимся на этомъ и пожалѣемъ, что для печати г. Кукольникъ не просмотрѣлъ хорошенько своей пьесы, и не выгладилъ хоть тѣ стихи, которые больше другихъ неприятно поражаютъ въ чтеніи. Пожалѣемъ еще больше о томъ, что слишкомъ усердные друзья г. «Кукольника, какъ напримѣръ, баронъ Брамбеусъ, воспѣвають автору Кострова» такіе панегирики въ своихъ критическихъ разборахъ, какихъ не удостоивались никогда самые великіе гении нашей литературы. Что же касается до другихъ мнѣній, изложенныхъ въ этой критикѣ, какъ, напримѣръ, о вліяніи на русскую литературу Последняго дня Помпеи и «Библиотеки для Чтенія», то они не требуютъ никакого опроверженія.

Г-жа Т. Ч. и г-жа Евгенія Туръ помѣстили въ «Библиотекѣ для Чтенія» одна небольшой рассказъ «Сердце съ перегородками», другая отрывокъ изъ романа: «Три поры жизни». Последній очень милъ, но

сознаваясь, что мы не любимъ отрывковъ, мы предпочитаемъ разсказъ Т. Ч., хотя онъ также не оконченъ. Молодой человѣкъ видитъ у одной колдуньи, въ стаканѣ съ водою, свое собственное сердце, раздѣленное перегородками на нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ въ каждомъ сидитъ какое-нибудь чувство. Съ теченіемъ времени перегородки одного отдѣленія расширяются и стѣсняють другое... Молодой человѣкъ женится, и перегородка, за которой сидитъ его страсть, очевидно расширяется почти во все сердце, но потомъ мало-по-малу суживается и ея мѣсто занимаетъ—гастрономія. Какъ видите, въ разсказѣ нѣтъ ничего новаго, только форма его нѣсколько оригинальна, но онъ написанъ такъ мило и увлекательно, какъ только могутъ писать въ наше время женщины.

Въ февральской же книжкѣ оканчивается романъ Б-ы Б. *Наслѣдство*, который читается съ удовольствіемъ. По поводу этого романа мы считаемъ не лишнимъ предложить одинъ вопросъ гг. редакторамъ всѣхъ нашихъ періодическихъ изданій. Они такъ внимательны къ читателямъ, что начавши часто въ декабрьской книжкѣ какой-нибудь романъ, выдаютъ отдѣльно это начало тѣмъ изъ своихъ подписчиковъ, которые не получали его въ прошедшемъ году. Это, конечно, не только учтивый, но и справедливый поступокъ. Почему, однакоже, подписчики прошедшаго года, не желающіе продолжать подписываться въ наступившемъ году, не пользуются тѣмъ же правомъ, и не получаютъ отдѣльно конца статей, начатыхъ въ журналахъ за послѣдніе мѣсяцы? Справедливость, очевидно, требовала бы этого, съ какой стороны ни разсматривай этотъ вопросъ, на который мы очень желали бы получить отвѣтъ.

Начался также въ «Библіотекѣ для Чтенія» романъ г. Вонлярскаго, *Сосѣдь*, но насъ избавляютъ отъ труда разбирать его — Литературная Лѣтопись этого журнала сама разбираетъ этотъ только что начавшійся романъ. Это также принадлежитъ къ числу новыхъ изобрѣтеній «Библіотеки для Чтенія», и надо признаться весьма выгодныхъ. Журналы наши хвалятъ, правда, часто произведенія, печатающіяся у нихъ, но это бываетъ обыкновенно или въ концѣ года, при общемъ обзорѣ литературной дѣятельности истекшаго года, или, во всякомъ случаѣ, тогда уже, какъ повѣсть напечатана, и сужденіе объ ней не можетъ имѣть никакого вліянія на подписчиковъ. Но сказать, что романъ, только что появившійся въ печати, — будетъ лучшимъ произведеніемъ автора «славный путь котораго *уперся* въ край мрачной бездны», и который умеръ «въ самую благотворную эпоху для ума и таланта — въ сорока-лѣтнемъ возрастѣ», когда «смерть внезапно *потушила* этотъ свѣтлый умъ», у котораго «умъ пожралъ тѣло и му-

чительная кончина сопровождала постоянную ссору духа съ веществомъ» и котораго, наконецъ, Литературная Лѣтопись называетъ «сокращенно Лярскимъ, какъ обыкновенно называли его знакомцы и друзья», — говорить все это—не значитъ ли нѣкоторымъ образомъ приглашать читателей на этотъ романъ; дѣлать то, что французы называютъ *une geclame*?.

Отдадимъ справедливость Литературной Лѣтописи въ томъ, что она очень остроумно разобрала нѣкоторыя плохія книги, о которыхъ по какой-то непонятной благосклонности, отозвались очень снисходительно «Отечественныя Записки» и «Современникъ».

Не можемъ сказать того же о скучной, несвоевременной и устарѣвшей статьѣ въ отдѣлѣ Критики: «Корреръ-Белль и его романъ Шарли» написанной г. Дружининымъ. Вѣроятно подобному же любителю Англій принадлежатъ и двѣ другія статьи: въ отдѣлѣ Наукъ «Литературное Ремесло» и въ Смѣси «Литературныя рѣдкости» — чрезвычайно неинтересныя, въ которыхъ до того говорится объ англичанахъ, что дѣлается даже приторно.

Другая статья въ отдѣлѣ Наукъ «Могилы древнихъ Ливовъ» весьма любопытна и читается съ большимъ удовольствіемъ. Смѣсь этихъ двухъ книжекъ слабѣе обыкновеннаго. Музыкальныя извѣстія г. Дамке интересны, но часто грѣшатъ противъ правды.

II. НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 году, составленная по Высочайшему повелѣнію Государа Императора Николая I. Часть I — сочиненіе генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго. Части II, III, IV и V-я — сочиненіе полковника Милютинна. С. Петербургъ, 1852. Въ типографіи штаба военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. XIX, 616, 644 и 502 страницы, въ трехъ томахъ*.

Исходъ 1852-го года ознаменовался въ русской литературѣ по-

* «Пантеонъ» упрекаютъ, что журналъ этотъ, въ послѣднихъ своихъ книжкахъ прошедшаго года и въ первой нынѣшняго, говоря о разныхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ новыхъ книгахъ, умолчалъ о важнѣйшей изъ нихъ, заглавіе которой здѣсь выписано. Равно принадлежа исторіи, наукѣ, литературѣ, какъ искусству, она не могла быть нами забыта: но внимательное прочтеніе трехъ огромныхъ томовъ, около двухъ тысячъ страницъ, требовало времени; не изучивъ же, во всѣхъ отношеніяхъ, разсматриваемаго творенія, мы не отваживались на отзывъ поверхностный о трудѣ обширномъ и глубокомъ.

явленіемъ творенія важнаго, давно и нетерпѣливо ожидаемаго просвѣщенными любителями исторіи, читателями правоты и великодушія Императора Павла, блистательныхъ дарованій его геніальнаго полководца и завидной славы русскаго оружія, быстро водружавшаго побѣдоносныя знамена свои въ отдаленныхъ странахъ Европы, гдѣ дотолѣ не сверкала еще страшный штыкъ нашъ. Уже въ 1849 году, изъ біографій знаменитаго военнаго исторіографа, Александра Ивановича Михайловскаго—Данилевскаго, помѣщенныхъ въ одномъ петербургскомъ журналѣ и при полномъ собраніи сочиненій покойнаго, сдѣлалось извѣстно публикѣ, что по кончинѣ его, послѣдовавшей въ августѣ 1848, въ числѣ найденныхъ у него рукописей, находилось и начало сочиненія о походѣ русскихъ въ Италію, Швейцарію и Голландію, въ 1799 году, продолжаемаго нынѣ г. полковникомъ Милютинимъ.

«Удостоенный столь лестнаго порученія», говоритъ г. Милютинъ въ предисловіи, «принялъ я все оставшіяся въ кабинетѣ покойнаго бумаги, книги и карты, относившіяся къ описанію войны 1799 г. Въ огромной массѣ собранныхъ имъ матеріаловъ было множество подлинныхъ документовъ, записокъ, печатныхъ книгъ, газетъ и журналовъ на разныхъ языкахъ; наконецъ обширныя выписки изъ хранящейся въ московскихъ архивахъ дипломатической и военной переписки, сдѣланныя командированнымъ для того, по распоряженію военнаго начальства, капитаномъ (нынѣ подполковникомъ) генеральнаго штаба Залѣскимъ. Однимъ—словомъ, я нашелъ *готовый* запасъ обильныхъ матеріаловъ, къ которому оставалось мнѣ дополнить *весьма немногое*, чтобы приступить къ работѣ. *Первая часть* сочиненія была уже вполне обработана покойнымъ генераломъ Данилевскимъ: начавъ обзоръ политики Россіи съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Императрицы Екатерины II, изобразилъ онъ (должно прибавить, превосходно, съ необыкновенною ясностію и отчетливостію) положеніе дѣлъ при восшествіи на престолъ Императора Павла I, первоначальную склонность его къ миру, причины, побудившія его вооружиться противъ Республики Французской и сдѣлаться душою новой коалиціи; затѣмъ описаны заключенные Императоромъ союзныя договоры, тогдашнее состояніе вооруженныхъ силъ Россіи, приготовленія къ войнѣ, первыя дѣйствія русскаго флота при Ионическихъ островахъ, выступленіе сухопутныхъ войскъ за границу; наконецъ, въ послѣдней, XIII главѣ, рассказано, какъ Императоръ Павелъ, по просьбѣ вѣнскаго двора, призвалъ Суворова для принятія начальства надъ союзною арміею въ Италіи. Такимъ—образомъ, обработанныя покойнымъ тринадцать главъ сочиненія составляютъ нѣчто цѣлое и совершенно отдѣльное» (стр. III—V). Это мастерски изображенная по-

литическая (не собственно военная) исторія Россіи того времени, а частію и остальной Европы, въ общихъ, главнѣйшихъ чертахъ. Но во второй части открывается исключительный, самостоятельный и непосредственный трудъ г. полковника Милютина, на основаніи собранныхъ предшественникомъ его матеріаловъ. — «*Немало* сочиненій — объясняетъ онъ — издано было на разныхъ языкахъ о войнѣ 1799 года; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ достоинства неотъемлемыя: но до сихъ поръ ни въ одномъ еще не было выставлено въ надлежащей мѣрѣ то вліяніе, которое имѣлъ Россійскій Императоръ на весь ходъ войны; дѣйствія русскихъ войскъ не были изображены во всемъ ихъ блескѣ, а нѣкоторыя представлены даже въ ложномъ свѣтѣ; наконецъ ни въ одномъ сочиненіи не раскрыты во всей истинѣ причины, по которымъ результаты предпринятой войны не соответствовали счастливому ея началу» (II). При этомъ нельзя не согласиться съ дальнѣйшимъ изъясненіемъ предисловія, въ томъ смыслѣ, что русскому историку войны 1799 года предстояло много работы — для пополненія неизвѣстнаго до сихъ-поръ писателямъ иностраннымъ, особенно въ отношеніи къ политикѣ Россіи: онъ долженъ былъ «поднять завѣсу съ тогдашнихъ сношеній дипломатическихъ», чтобы обнаружить, «какимъ образомъ сильный союзъ, образовавшійся противъ Республики Французской, рушился, не достигнувъ предположенной цѣли, потому только, что не все союзники движимы были тѣми же безкорыстными видами; которыми одушевленъ былъ Императоръ Россійскій» (III).

Вотъ бѣглый, самый сжатый очеркъ содержанія четырехъ частей, принадлежащихъ перу г. полковника Милютина, если только возможно въ такомъ очеркѣ уловить хотя полуудовлетворительныя намеки на то, что заключается въ текстѣ *тысячи* страницъ. Авторъ приступаетъ къ повѣствованію своему объясненіемъ состоянія числительныхъ и нравственныхъ силъ и способовъ, которыми обладали союзники, и какими располагала Франція — въ моментъ начала войны. Несмотря на внутреннія бѣдствія, терзавшія чудовищную республику, и непрерывную, продолжительную борьбу ея извнѣ, французы сохраняли еще грозное вліяніе въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи, поддерживаемое блистательными успѣхами отличныхъ генераловъ и громкими побѣдами юнѣйшаго изъ нихъ, смѣлаго артиллериста, Бонапарте, имя котораго, предназначавшееся вѣнцу, лавровому и державному, незадолго передъ тѣмъ впервые огласилось въ Европѣ, взволнованной кровавыми смутами, страшными, небывалыми до того переворотами и распространеніемъ пагубныхъ демократическихъ идей. Ни Австрія, величавшаяся еще именемъ Римской Имперіи, ни Пруссія, славная свѣжими воспоминаніями

торжество Фридриха II, ни Англія, сильная характеромъ, золотомъ и флотомъ, не могли совладать съ сокрушительнымъ разливомъ, несшимся отъ буйныхъ береговъ Сены. Съ начала революціи, утраченная Европа обращала уже умоляющіе взоры къ сѣверу, въ неосшибочномъ убѣжденіи, что одна лишь могущественная Россія надѣлена достаточными средствами, рано или поздно низложить всепоглощающую гидру. Мысль — идти прямо къ Парижу, гнѣзду и вертепу безначалія, была еще мыслию Екатерины, спустя около двухъ десятковъ лѣтъ исполненною ея Благословеннымъ Внукомъ; но преклонныя лѣта монархини, неразлучная съ ними слабость, физическая и моральная, и многія другія причины, подробно изложенныя въ первой части (генерала Михайловскаго Данилевскаго), воздержали воинственную дотоле Государыню подать руку помощи угнетеннымъ жертвамъ французскаго владычества. Однакожь и она призывала Суворова къ великой брани, и «казалось вѣроятнымъ, что судьби вручала ему и Бонапарте рѣшеніе вопроса о жребіи Европы. Случилось иначе. Еще не кончились переговоры Россіи и Австріи съ Англіей и Пруссіей о новомъ союзѣ, еще не былъ утвержденъ присланный изъ Вѣны въ Петербургъ операціонный планъ, когда, среди приготовленій къ походу и при громѣ побѣды Бонапарте, ноября 6-го 1796 г., перешла въ вѣчность Екатерина, едва успѣвъ принять въ объятія новорожденнаго третьяго внука своего, Великаго Князя Николая Павловича» (слова М.—Данилевскаго). Императоръ Павелъ, видя необходимость успокоить Россію, утомленную долгими войнами, и занятый попеченіями о внутреннемъ благѣ ея, такъ какъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины замѣчалось нѣкоторое разстройство въ финансахъ, военной дисциплинѣ и иныхъ частяхъ государственнаго управленія, немедленно по воцареніи своемъ, заключилъ миръ со всѣми державами, и только, по прошествіи двухъ лѣтъ, съ водвореніемъ желаемого имъ въ отечествѣ порядка, рѣшился наконецъ уступить мольбамъ Австріи и приступить къ союзу съ ней, когда французы нарушили права ея завоеваніемъ Мальты, которой онъ былъ протекторомъ. Въ четырехъ республиканскихъ арміяхъ, расположенныхъ по Рейну, въ Швейцаріи и въ Италіи, было всего 150 т. человекъ. Съ самоувѣренностію нравственнаго превосходства привычной побѣды, они дерзко шли на 250 т. Австрійцевъ, и, вѣроятно, одержали бы ее, еслибъ вдругъ не явились 22 т. русскихъ съ—Суворовымъ. Въ четырнадцать дней онъ произвелъ чудеса, при каждой встрѣчѣ уничтожалъ французовъ, и триумфаторомъ вошелъ въ Миланъ. Трехдневная битва на берегахъ Адды (15—17 апрѣля)— ниспровергаетъ Цизальпийскую Республику, вооружаетъ поселянъ, народъ Ломбардіи, Романи,

легацій, Пиемонта, Тосканы, римлянъ, неаполитанцевъ, подрываетъ власть Франціи почти во всей Италіи. Къ упроченію своихъ неизмѣр-ныхъ удачъ, полководецъ русскій представляетъ Императору Францу общій планъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, гениально соображенный съ ослабленіемъ непріятели, числомъ союзныхъ войскъ и расчетомъ на повсемѣстное народное возстаніе. Предполагалось, не допустивъ разбитаго Моро до сближенія съ Макдональдомъ, свѣшившимъ изъ южной и средней Италіи, вступить съ трехъ сторонъ въ Швейцарію, нанести французамъ пораженіе на всѣхъ главныхъ пунктахъ или опорахъ ихъ операций, и проникнуть въ самыя предѣлы мятежной республики, управляемой неспособною и жалкою директоріей.

Сколько плачевныхъ событій, сколько потоковъ крови предотвратилось бы достиженіемъ этой цѣли, пятнадцатью годами прежде позднѣйшаго вшествія въ Парижъ. Болѣе полувѣка исторіи Европы измѣнило бы свой видъ, и вмѣсто вандомской колонны, Бонапарте, статья можетъ, принужденъ былъ бы удовольствоваться египетскими пирамидами, да «взираніемъ съ высоты ихъ сорока вѣковъ» на его тамошніе подвиги. Но пресловутый, систематическій гофкригсратъ (придворный военный совѣтъ), душею всего на будущую бѣду собственному же отечеству, судилъ и порѣшилъ, въ Вѣнѣ, иначе. Онъ не удостоилъ одобренія отважное предначертаніе побѣдителя турковъ и поляковъ. Предпримчивый, пылкій способъ дѣйствованія старца-героя не согласовался съ медленною, кабинетною тактикою ученыхъ героевъ гофкригсрата: они лучше желали быть разбитыми «по правиламъ», нежели выиграть по вдохновенію чужаго гения. Императоръ Францъ утвердилъ рѣшеніе совѣта и — не утвердилъ бѣльшей части предположеній Суворова. Гордая душа его была уязвлена, и отсюда возникли тѣ недоразумѣнія, неудовольствія и печальные раздоры между русскимъ полководцемъ и вѣнскимъ совѣтомъ, которые потомъ превратили въ ничто блистательнѣйшее начало похода. Недовѣрчиво, съ какимъ-то себялюбивымъ опасеніемъ, удаляли Суворова отъ всякаго участія въ дѣлахъ политическихъ, тѣсно связанныхъ съ военными, затрудняли даже послѣднія, предоставивъ особому уполномоченному комиссару завѣдываніе завоеваннымъ краемъ и дипломатическія сношенія съ мѣстными правительствами, между-тѣмъ какъ непосредственные распоряженія о снабженіи продовольствіемъ предводимой Суворовымъ союзной арміи находилось также въ рукахъ австрійскихъ чиновниковъ...

Горько и справедливо сѣтовалъ Александръ Васильевичъ на такія стѣсненія и противодѣйствія со стороны вѣнскаго кабинета. Обращенія огорченнаго и раздражаемаго старца къ тамошнему послу русскому,

графу Раумовскому, были напрасны. Всемощный въ то время министр австрійскій Тугутъ все переворачивалъ по-своему; упорно надменно хотѣлъ учить Суворова даже ратному дѣлу, на разумніе котораго имѣлъ самыя забавныя и смѣшныя притязанія. Суворовъ принималъ одно — Вѣна предписывала другое. Она не только измѣняла или *исправляла* общій планъ кампаніи — но не допускала главнокомандующаго и до произвола въ *подробностяхъ*. Казалось, завидовали генію нашего полководца и блеску славы русской. Нужна была наша помощь, мы одержали непредвидѣнные успѣхи — Австрія оправилась, пріободрилась, захотѣла присвоить себѣ все ихъ плоды, не только результаты, но и *причины* побѣды, какъ бы дѣйствительною виновницею ея былъ педантическій гофкригератъ, а Суворовъ только храбрымъ исполнителемъ приказаннаго ему изъ Вѣны.

Европа знала это, чужеземные историки не могли не проникнуть въ сущность такого зависимаго, затрудняемаго положенія Суворова, и у нихъ, однакожь, достало рѣшимости укорять его въ медлительности и колебаніи по овладѣніи Миланомъ... Суворовъ медлитъ, колеблется, впадаетъ въ робкія сомнѣнія излишней осторожности — развѣ это похоже на Суворова... окруженнаго агентами, клеветами Тугута, его угодниками и посредственностями, стѣснявшими каждый шагъ, каждый геніальный порывъ русскаго фельдмаршала, заводившими безпрестанныя, мелкія, но значительныя въ послѣдствіяхъ интриги? Доброму, тщеславному старичку Меласу поручаютъ не только независимое начальство надъ войсками австрійскими, всю администрацію и дипломатику, но и ближайшую переписку съ военнымъ совѣтомъ, когда этотъ ограниченный, полубольной воинъ съ трудомъ умѣетъ написать нѣсколько не бойкихъ словъ. Правда, генераль-квартирмейстеръ, благородный и преданный Суворову, которому оставили роль какого-то капрала, маркизь Шателеръ, понимаетъ его, сочувствуетъ ему; но за это на него негодуетъ Меласъ и косится Тугутъ.

«При такихъ отношеніяхъ — заключаетъ г. полковникъ Милютинъ, — естественно не могло быть въ распоряженіяхъ по арміи ни единства, ни стройности, ни порядка. Въ механизмѣ управленія, въ перепискѣ штаба, въ продовольствованіи войскъ — были почти ежедневныя недоразумѣнія, упущенія, даже иногда умысленныя противорѣчія приказаніямъ фельдмаршала», которому «предстояла не одна только борьба съ врагомъ внѣшнимъ; гораздо менѣе заботъ причиняли ему арміи французскія въ открытомъ полѣ, чѣмъ тайные происки кабинетныя» (т. II, стран. 39, 42).

Несмотря на все стѣсненія, прешатствія и козни, рымникскій ка-

праль все-таки шелъ, точнѣе, летѣлъ впередъ. Онъ не считалъ своею непреложною обязанностью буквально слѣдовать велелудрымъ инструкціямъ гофкригсрата. Спасая честь русскаго оружія, славу своего имени и пламенно стремясь къ высокой цѣли, указанной ему рыцарски-великодушными, безкорыстѣйшими намѣреніями Императора Павла, *ничего* не желавшаго для себя и всего лучшаго для своихъ погибавшихъ союзниковъ, Суворовъ, по-возможности, перескакивалъ черезъ баррикады интриги и зависти. Покоряя крѣпость за крѣпостью, съ непогрѣшимою разчитанностью двинулся онъ на Макдональда, встрѣтилъ его, въ превосходныхъ силахъ, при Требин, и нанеся ему тамъ, въ трехсуточной битвѣ, совершенное пораженіе, быстро возвратился въ Александрію. Этотъ десятидневный маршъ — знатоки военнаго искусства поставляютъ въ число классическихъ, изящныхъ дѣйствій боеваго генія. Даже одинъ изъ противниковъ нашего полководца, такъ неудачно съ нимъ состязавшійся, и, слѣдственно, не имѣвшій сердечныхъ причинъ *привѣтствовать* его, Моро—признавалъ эти изумительно соображенные и энергическія движенія семидесятилѣтнаго вождя—образцовыми (*chef-d'oeuvre de l'art militaire*), а по словамъ г. Милютина, они «напомянутъ блистательнѣйшія кампаніи Фридриха-Великаго» (стр. 297).

И австрійцамъ какъ было не радоваться? — *Сильное счастье! Счастливыи военачальникъ!* восклицали они, критикуя его вдохновенную стратегію, которую находили противною ихъ «правиламъ», подобно тому, какъ школьные піиты и бездарные риторы возставали встарину противъ романтическихъ поэтовъ, отбросившихъ тяжелыя вериги заученыхъ, тупыхъ преданій, неумѣстно и безтолково примѣняемыхъ ко всему безусловно. Въ самыхъ рескриптахъ кроткаго, благороднаго Императора Франца, сочиняемыхъ, вѣроятно, «стратегикомъ» Тугутомъ, или иными воинами-сибаритами, дѣйствительно безпримѣрные и непонятные имъ успѣхи Суворова не рѣдко относились къ «счастливой случайности».... Суворова издавна корили *счастьемъ*, и ему оставалось повторять свою любимую, давнюю поговорку: «Счастье, счастье? Помилуй Богъ!... Сегодня счастье, завтра счастье — когда-нибудь надобно немножко и ума?» И неудивительно, что великій старецъ былъ не въ духъ, — въ свою очередь сердился, досадовалъ, и его жестокія насмѣшки надъ бездарностью и промахами австрійскихъ генераловъ, особенно надъ несноснымъ умничаньемъ упornaго гофкригсрата, конечно, не водворяли миролюбія и дружбы между союзниками — словомъ, русскій умъ и русскій штыкъ колоди и друга и врага!

«Прозекторы, бештимтзагеры, мерсенеры!» такъ выражался Суворовъ объ этихъ систематическихъ, глубокомысленныхъ умни-

кахъ. — «Служба ихъ въ титлахъ, амбиціи или эгоизмъ, вредномъ обществу. Я скажу: они храбры, я ихъ испыталъ и оставлю армию побѣдителейъ Евгеніевой; *но безъ меня тѣхъ-же бьютъ!*» — Недоволенъ онъ былъ австрійскими генералами и за то, что они бесполезно, въ результатовъ, губили войско.... «Мудрый Белльгардъ, между-прочимъ, привыкъ терять людей: въ началѣ кампаніи онъ доставилъ непріятелю чрезъ Лаудона слишкомъ 10,000 человекъ; нынѣ, въ нуждѣ моей, онъ съ ранеными проигралъ слишкомъ 2,000.... *Бештимтзагеры* убавили у меня изъ-подъ ружья въ три раза почти больше, нежели мнѣ, на трехъ батальяхъ, стоили Тидона, Треббіа и Нура».... Бѣкія сѣтованія Суворова встрѣчаются и въ письмахъ къ графу Толстому:

«Нѣмцы уклоняются отъ меня... и вѣдомо, здѣшнія завоеванія *не по правиламъ!*» — И дѣйствія отличнаго впрочемъ полководца, также стѣсняемаго гофкригератомъ, эрцгерцога Карла, казались Суворову не вполне удовлетворительными — штыкъ не работалъ — «здѣсь *при мнѣ* и нѣмцы хорошо колютъ; индѣ и во всемъ иначе. Я цѣлю, чтобъ съ ними разстаться. Вездѣ гофкригератъ, неискоренимая привычка битымъ быть... *унтеркумфтъ, бештимтзагеръ!*» (Т. II, стран. 333 — 335.)

Доходило даже и до *жалобъ* на мнимое неповиновеніе Суворова. Требовали, чтобъ онъ «ничего не предпринималъ важнаго, не испросивъ предварительно разрѣшенія изъ Вѣны. А Суворовъ очень остроумно и колко отзывался графу Разумовскому, дѣйствовавшему не совсемъ искренно: «хотятъ, чтобъ ежели мнѣ завтра баталію давать, я-бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются; посему для нихъ никогда нѣтъ вѣрнаго плана. Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинные висящіе волосы. Летъ ея молніивъ; не схвати за волосы, уже она не возвратится.. Я въ Миланѣ—получаю изъ Вѣны отвѣты о пріѣздѣ моемъ въ Верону; я только что въ Туринѣ перешелъ—пишутъ мнѣ о Миланѣ»....

«Раздражаемый безпрерывными интригами, Суворовъ не разъ намекнулъ, что принужденъ будетъ отказаться отъ командованія арміей, если не перемѣнятся отношенія его съ гофкригератомъ» — и, въ свою очередь, жаловался на послѣдній: но «графъ Разумовскій старался только успокоивать фельдмаршала, и еще болѣе раздражалъ его, принимая почти во всемъ сторону барона Тугута», «слѣпымъ орудіемъ разчетовъ» котораго Суворовъ «не хотѣлъ быть». «Напротивъ того, посоль нашъ въ Вѣнѣ, поддавшись совершенно въ сѣти перваго министра австрійскаго, снѣшилъ угождать каждому желанію его. Отсюда неизбѣжно должно было произойти охлажденіе между фельдмаршаломъ и посломъ. Хотя переписка ихъ еще продолжалась, и графъ Разумовскій старался въ своихъ пись-

махъ льститъ самолюбію Суворова, однако же со стороны послѣдняго уже не было прежней довѣренности къ послу. Въ концѣ іюня мѣсяца узнавъ, что корпусу генераль-лейтенанта Ребиндера присылались прямо предписанія отъ графа Разумовскаго, Суворовъ писалъ ему: «Совѣтую и вамъ, почтенный другъ, ежели случится вашему сіятельству въ чемъ ни есть къ войскамъ отнестись, чтобъ мнѣ о томъ для соображенія, какъ къ ихъ начальнику, сообщать изволили. Въна въ воинскихъ операціяхъ не можетъ никогда, какъ я, свѣдуща быть. Не заводите другихъ гофкригеровъ, и одинъ всю мою вѣру и вѣрность крушить. Простите мнѣ чистосердечіе...»

Такія «чистосердечныя» эпистолы, свойственныя достоинству и сану маститаго фельдмаршала, облеченнаго полнымъ довѣріемъ своего монарха, не могли, безспорно, нравиться тонковѣжливой дипломатіи, подавая наружный поводъ къ нареканію въ неуживчивости героя Адды и Требиі... «Всѣ жалобы Суворова оставались тщетными: привычка и система гофкригерата были неискоренимы; съ каждымъ днемъ представлялись еще новые поводы къ неурядностямъ и жалобамъ. Выведенный наконецъ изъ терпѣнія, Суворовъ рѣшился написать къ самому Императору Павлу: «Робость вѣнскаго кабинета, зависть ко мнѣ, какъ къ чужестранцу, интриги частныхъ, двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ гофкригератъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производствѣ сихъ прежде доклада на тысячи верстахъ, — принуждаютъ меня Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить объ отзывѣ моемъ, ежели сіе не переменится. Я хочу мои кости положить въ своемъ отечествѣ и молить Бога за моего государя. Повергаю себя къ священнѣйшимъ В. И. В. стопамъ...»

«Прежде еще, чѣмъ донесеніе это получено было въ Петербургъ, уже доходили до свѣдѣнія Императора Павла неудовольствія Суворова на распоряженія гофкригерата. Государь, дѣйствуя всегда прямо и откровенно, обратился къ самому Императору Францу, и въ письмѣ отъ 12 іюля просилъ его принять мѣры, чтобы впредь гофкригератъ не давалъ прямо отъ себя предписаній, *противныхъ его собственной воли* (курсивъ въ текстѣ). «Подобныя дѣйствія гофкригерата — писалъ Россійскій Императоръ — могутъ повести къ послѣдствіямъ самымъ гибельнымъ для общаго дѣла союзныхъ монарховъ, отъ котораго зависятъ возстановленіе порядка и спокойствія въ цѣломъ свѣтѣ»...

«Опасенія Императора Павла, къ сожалѣнію, начинали уже сбываться. Получивъ донесеніе Суворова, государь, глубоко огорченный, далъ графу Разумовскому строгое предписаніе потребовать формально объясненій отъ самого Императора Франца. Непріязненныя дѣйствія про-

тивъ Суворова и русскихъ войскъ были, можно сказать, личною обидою для Императора Павла, и давали ему полное право укорять въпскій дворъ въ неблагодарности. Но Государь имѣлъ въ то время и другіе важные поводы къ неудовольствію на своего союзника. Объясненія по жалобамъ Суворова связались тѣсно съ общими вопросами политически-ми....» (того же тома стран. 338 — 341.)

Въ отрывочномъ извлеченіи невозможно, даже въ главныхъ чертахъ, послѣдовательно прослѣдить постепенный ходъ многосложныхъ и запутанныхъ, по обстоятельствамъ, военныхъ событій, театромъ которыхъ служило огромное пространство, не допускавшее, по физическимъ и нравственнымъ причинамъ, ни единства, ни сосредоточенности въ движеніяхъ боевыхъ массъ. И къ чему-бы повели обширѣйшія извлеченія, когда передъ вами книга, гдѣ во всей полнотѣ и неистощимой подробности, не утомляющей однако любопытство, представляется обдуманное, стройное повѣствованіе. Самое копотливое, изыскательное сокращеніе изложенія и фактовъ никогда не можетъ дать удовлетворительнаго, по-крайней-мѣрѣ, окончательнаго понятія обо всемъ содержаніи столь объемистаго историческаго творенія: неизбѣжны пробѣлы и пропуски многого занимательнаго и важнаго. Дѣло критики показать лишь интересъ и характеръ книги, а отнюдь не вычерпать весь лучший сокъ ея, оставивъ ей только мертвый остовъ и обезохотивъ читателя къ непосредственному съ нею знакомству. Въ двухъ тысячахъ страницъ неудобны даже и выборки *интереснѣйшаго*, потому-что оно такъ щедро разсыпано на нихъ, и искусствомъ разсказа, и самою сущностью происшествій, принадлежащихъ одной изъ наиболѣе драматическихъ и обаятельныхъ эпохъ всемірной исторіи, — и вся выборка въ подобныхъ случаяхъ не должна-ли ограничиться мимоходными указаніями, такъ-сказать, неволью встрѣчающимся *на пути* этого труднаго, неблагодарнаго извлеченія. Считаемо достаточнымъ въ короткихъ словахъ заключить быстрое обозрѣніе....

Интрига не унялась. Свокорыстіе, двуличность и сокровенные виды или расчеты тогдашняго вѣнскаго кабинета, управляемаго барономъ Тугутомъ, — вскорѣ начали явственно обнаруживаться, подготавливая близкій разрывъ союза, на одной сторонѣ котораго были возвышенная прямота и великодушіе, на другой — политика коварная, выжидательная, измѣнчивая, по призыву случайнаго теченія дѣлъ. Мудрено-ли, что при такихъ условіяхъ, и дальнѣйшія «удачи» Суворова не привели къ утѣшительнымъ послѣдствіямъ. Новый, смѣнливѣйшій опытный Моро, главнокомандующій республиканскій, юный Жуберъ, смѣло вышелъ изъ Аппениновъ; но столкнувшись лицомъ къ лицу съ

Суворовымъ, крѣпко задумался, впадъ въ сомнѣніе, робость и уныніе, быть-можетъ предвѣстники смерти, ожидавшей его въ началѣ кровопролитной битвы. Суворовъ при Нови разбиваетъ на голову французовъ, а французы, въ отмщеніе, поражаютъ Австрійцевъ въ Швейцаріи. Вотъ приходитъ туда свѣжій русскій корпусъ. Дѣла могли бы поправиться: но Эрдгерцогъ Карлъ, вмѣсто того, чтобъ соединиться съ Римскимъ-Корсаковымъ, удаляется въ Германію... для одержанія незначительной поверхности надъ непріателемъ при Мангеймъ... Побѣдитель же при Нови, грустно сложа руки, бездѣйствуетъ, пока длятся ученныя совѣщанія о новомъ планѣ войны, довольствуется безмолвнымъ охраненіемъ завоеваннаго.... Настаетъ послѣдній, печальнѣйшій періодъ злосчастнаго похода, такъ основательно общавшаго, въ первые мѣсяцы, результаты громкіе: но выступленіемъ Суворова изъ Италіи къ снѣговымъ горамъ и бездоннымъ пропастямъ Гельвеціи прерывается, въ концѣ пятой части, повѣствованіе, исполненное живѣйшей занимательности, поучительности исторической и военной....

Доселѣ, чтобъ не отвлекаться отъ главнаго, вышукло выступающаго, мы совершенно умалчивали о чрезвычайно любопытныхъ, не менѣе драматическихъ, а иногда и трагическихъ, эпизодахъ и картинахъ описываемой войны, каковы, наиримѣръ, были: неистовства рати кардинала Руффо, при народномъ возстаніи въ южной Италіи, которое поддерживалъ Король Неаполитанскій.... «Бывали случаи, что города, предавшіеся республиканцамъ, выдерживали отчаянныя приступы роялистовъ; всѣ жители, даже женщины, бились до послѣдняго издыханія на городскихъ стѣнахъ, въ домахъ, за баррикадами. Монахи, съ крестомъ въ одной рукѣ, съ винтовкою въ другой, шли въ головѣ ополченій; восторженныя рѣчи ихъ разжигали страсти и воображеніе легковѣрной толпы. Не было границъ ожесточенію разъяреннаго народа... Въ числѣ предводителей инсургентовъ были и такіе люди, которые именовъ своимъ позорили знамя королевское, люди достойные быть только атаманами разбойничьихъ шаекъ. Въ Абруццахъ ратовалъ нѣкто *Проніо*, разетриженный аббатъ, осужденный на галеры за смертоубійство. *Газтано Маммоне*, приводившій въ трепетъ самыя окрестности Неаполя, прославился передъ всѣми прочими своимъ неслыханнымъ звѣрствомъ: онъ находилъ забаву въ мученіяхъ своихъ жертвъ, и съ наслажденіемъ пилъ изъ черепа кровь человѣческую. Сподвижникомъ его былъ знаменитый разбойникъ, *Микеле Пеццо*, прозванный *Фра-Діаволо*....» Ужасны были послѣдніе дни существованія Парфенопейской Республѣки, ея паденіе. Испытанія бѣдствовавшаго Неаполя неизобразимы; онъ выдерживалъ настоящую пытку, отъ чужихъ и отъ своихъ: терроризмъ республиканцевъ, оборо-

навшихъ эту столицу, — нападеніе на нее потомъ алчныхъ полчищъ кардинала, и напоследокъ жестокости англичанъ, дѣйствовавшихъ противъ Неаполя съ моря... «Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ представлялъ страшную картину убійствъ, пожара и грабежа. Ополченіе кардинала, соединившись съ буйными лацарони, упивалось кровью; придумывали казни самыя мучительныя: душили, жгли, терзали, не разбирая правыхъ и виноватыхъ. Не было пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни старикамъ... Самъ кардиналъ Руффо содрогнулся при видѣ столькихъ злодѣяній; но уже не въ силахъ былъ остановить необузданныя страсти...» Предѣлы статьи не позволяютъ также распространяться о замѣчательныхъ дѣйствіяхъ черноморскаго флота, подъ начальствомъ адмирала Ушакова, ни объ эскадрѣ Сорокина у итальянскихъ береговъ, — ни о безпримѣрныхъ, съ горстью воиновъ, подвигахъ Белли, безпримѣрно и награжденнаго, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, орденомъ св. Анны 1-й степени... должно покаместъ пройти совершеннымъ молчаніемъ множество другихъ любопытныхъ и важныхъ сторонъ книги...

Съ жаднымъ вниманіемъ бросилась къ ней отечественная публика, и еслибъ превосходный трудъ гг. М.—Данилевскаго и Милютина явился въ переводахъ, такой же, конечно, почетъ оказали бы ему и просвѣщенные, безпристрастные читатели европейскіе. Удаляемся отъ всякихъ неумѣстныхъ и щекотливыхъ сравненій обоихъ авторовъ, хотя сравненія эти слышатся и въ устахъ публики и въ скромныхъ буквахъ печати... Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ одного умнаго военнаго писателя и критика, надѣленнаго сердечною теплотою и художественною впечатлительностію... П. С. Лебедевъ, извѣщая, въ «Русскомъ Инвалидѣ», о выходѣ въ свѣтъ разсматриваемаго творенія, справедливо замѣтилъ, что «пробѣгая первые листы его, чувствуешь удовольствіе, подобное ощущаемому при чтеніи Тацита. Необыкновенная простота слога, не чуждая потрясающаго величія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о подвигахъ русской славы, какая-то особенная оконченность въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, и всегда ясный рассказъ, несмотря на разнообразіе и сложность описываемыхъ событій, — все дѣлаетъ эту книгу истинно-классическою». Другой военный критикъ, подвергнувъ ее подробному разсмотрѣнію, въ концѣ статьи своей, въ «Современникѣ» помѣщенной, приходитъ, между-прочимъ, къ слѣдующему заключенію: «Конечно, многія главы этого сочиненія людямъ, неспеціально знакомымъ съ военнымъ искусствомъ, покажутся нѣсколько трудными; онѣ пожалѣютъ, можетъ-быть, что г. Милютинъ не послѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣру предшественника своего, покойнаго А. И. Михайловскаго Данилевскаго, который такъ искусно умѣлъ выбирать и рассказывать тѣ изъ

военныхъ происшествій, которыя представляли интересъ для всѣхъ вообще читателей, и только бѣглымъ очеркомъ описывалъ, а иногда и совсѣмъ опускалъ дѣйствія, казавшіяся ему второстепенными, незанимательными. Черезъ это, дѣйствительно, сочиненія г. М.—Данилевскаго читались легко, были доступны для всѣхъ, нравились массѣ читающей публики и, можно сказать, сдѣлались народными». Заслуги и опытное, глубокоискушенное многочисленными и долготѣтными трудами дарованіе покойнаго исторіографа — неоспоримо; но полнота и подробности ни мало не вредятъ равно неоспоримому, высокому значенію строго-добро-совестнаго и необыкновенно-терпѣливаго труда г. Милютина, достойнаго преемника Александра Ивановича, въ самомъ даже искусствѣ, а мѣстами и краснорѣчіи разсказа. — И не одни спеціально-военные люди, безъ сомнѣнія, прочтутъ *вслѣ* главы этой классической книги, которая не считывала на безсмѣнный интересъ романа, а имѣла, главнѣйше, въ виду — истину, пользу исторіи и науки.

Почти половину объема сочиненія составляютъ *приложенія*, драгоценныя приложенія, рачительная, непосредственная работа г. Милютина. Служа, такъ-сказать, безпрестаннымъ свидѣтельствомъ и ручательствомъ безукоризненной правды текста, представляя буквальные извлеченія изъ подлинныхъ бумагъ и документовъ, а нерѣдко и цѣлые акты, рескрипты Императоровъ Павла и Франца къ Суворову, его донесенія, диспозиціи, приказы, военную и дипломатическую переписку, болѣею частью доселѣ еще необнародованную, — приложенія эти совершенно уясняютъ весь ходъ дѣлъ, всѣ тогдашнія политическія отношенія, всѣ событія, на театрѣ кровавой борьбы совершавшіяся. Этого дополнительнаго или матеріальнаго текста, въ трехъ вышедшихъ томахъ, болѣе 1800 номеровъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ.

Многочисленныя карты и планы (около 100), отлично выгравированныя на мѣди и раскрашенныя, помогаютъ уразумѣнню отчетливаго описанія, гдѣ оно, по условіямъ мѣстнымъ, безъ чертежей не можетъ быть вполне понятно. Первый томъ украшается литографированнымъ изображеніемъ Императора Павла; при второмъ — портретъ Суворова; къ третьему приложены снимки съ подписей обоихъ Императоровъ, Эрцгерцога Карла, графа Ростопчина; генераловъ: Розенберга, Германа, Римскаго-Корсакова, Милорадовича, князя Багратіона, Меласа, Края, Шателера, Цаха, и кардинала Руффо. Подъ строками: «Не теряя ни минуты, немедленно Сіе исполнить или подъ военной судъ», приведенными съ дипломатическою точностію и въ отношеніи къ орфографіи италійскаго героя, читаемъ подпись: «Г. Александръ Суворовъ-Рымникской».

Однимъ-словомъ, и внутреннее богатство книги, и роскошная ея

вѣщность не оставляютъ ничего желать просвѣщеннѣйшему, взыскательнѣйшему читателю. Только по волѣ и съ пособіемъ Правительства могутъ являться подобныя важныя творенія, которыя вдругъ трудно изучить. Остальные два тома, гдѣ увидимъ лавроноснаго, изнемогающаго старца Суворова въ неутомимой, достославной борьбѣ съ врагами въ полѣ, съ происками и недоброжелательствомъ въ кабинетахъ, и наконецъ съ неодолимыми, но одолжаемыми имъ преградами величественной и грозной природы — общаются въ апрѣлѣ. Слѣдственно, критика нынѣ еще не въ правѣ и въ невозможности произнестъ послѣднее слово, вызываемое обширнымъ произведеніемъ генерала Данилевскаго и полковника Милютна.

III. МУЗЫКА.

Еще нѣсколько словъ о фельетонахъ. — Неосновательная критика. — Уловка для наполненія статьи. — Противурѣчія Замятокъ Петербургскихъ Вѣдомостей. — Шутка г. Дамке. — Концерты: г. Добре. — Г-жа Шоберлехнеръ. — Воспоминанія старины — Г. Бальфе. — Пристрастіе къ толкамъ. — Музыка Бальфе. — Нѣсколько словъ о Верди. — Статья Скудо. — Риголето. — Концертъ г. Волажа. — Благотворительность. — Концертъ въ пользу Убѣжища Взрослыхъ Дѣвицъ. — Г. Дмитриевъ-Свѣчинъ. — Г-жа Паришъ-Альварсъ.

Давно уже строгая, отчетливая критика составляетъ у насъ рѣдкость. Она уступила мѣсто свое фельетону, который, болѣею частію, не основываетъ мнѣній своихъ ни на какихъ данныхъ, а высказываетъ свои фантазіи на удачу, шутитъ въ серьезномъ, серьезничаетъ въ забавномъ, и часто для остраго словца, для блестящей фразы, жертвуетъ истиною и справедливою. При обсужденіи предмета—фельетонистъ не входитъ въ строгіе разборы, не углубляется въ изученіе, не распространяется въ доводахъ, не возвышается до идеи, не вникаетъ въ нее не разматриваетъ ея направленія и цѣли—все это до него не касается. Его дѣло поразсказать новости, съ толкомъ или нѣтъ,—это все-равно. Ему надо наполнить къ звѣстному времени извѣстное число печатныхъ столбцевъ, и онъ исполняетъ свой урокъ. Но почему же провозглашаетъ онъ себя неограниченнымъ Далай-Ламою міра литературнаго и художественнаго?.. Объ этомъ знаетъ только онъ одинъ. Положимъ, что фельетонисты, занимающіеся какою-нибудь отдѣльной частію и имѣютъ на это владычество еще нѣкоторое право, какъ специалисты, (мы не разбираемъ законность этого права), но тѣмъ не менѣ забавенъ видъ покровительства, принимаемый этими господами въ отношеніи артистовъ, вѣрующахъ въ ихъ безошибочность, въ непреложность ихъ мнѣній. На какомъ

же основаніи дѣйствуютъ такимъ же образомъ лица, занимающіяся лѣтописями? Вотъ вопросъ, котораго мы не беремся рѣшить. А право жаль, что гг. лѣтописцы изъ простыхъ вѣстовщиковъ становятся судьбами въ дѣлѣ искусства. Судь объ искусствѣ дѣло великое! Онъ требуетъ убѣжденій, образовавшихся въ-слѣдствіе глубокаго изученія, опыта, положительныхъ познаній, — и не можетъ быть произносимъ на обумъ и съ плеча. Но не такъ разсуждаютъ гг. фельетонисты. Попадется ли имъ въ руки какое-нибудь сочиненіе, они не анализируютъ, не критикуютъ его, а просто придираются къ чему попало, даже къ опечаткамъ, чтобы показать только свою многосторонность. Объ искусствахъ же они судятъ наглядно, не подчиняясь ихъ основнымъ правиламъ, и произносятъ приговоры свои по личнымъ впечатлѣніямъ минуты, или и по другимъ причинамъ. Зато, съ какою легкостью и пріятностью читаются нынѣшніе фельетоны! Въ двѣнадцати столбцахъ они заключаютъ все, отъ высоко-художественнаго до промышленнаго.

Петербургскіе лѣтописцы не разборчивы, не взыскательны въ выборѣ-предметовъ для своей болтовни, — давай что хочешь, только было бы о чемъ написать... Но какъ все имѣетъ предѣлы, то и Лѣтопись иногда истощается.

— Что же вы думаете, читатели, она унываетъ въ подобныхъ случаяхъ? Нимало!

Ей надо наполнить свои столбцы, и *cela à tout prix*, и что же? она тотчасъ придумала средства...

— Какое?

— Очень простое. Она выписываетъ цѣлыя страницы изъ Петербургскаго Вѣстника «Пантеона».

— Не дурно!..

И мы того мнѣнія. Пусть Лѣтопись себѣ потѣшается, мы ей очень благодарны, — она знакомитъ своихъ читателей съ нашими скромными трудами, и это, въ настоящее время, великодушный поступокъ, за который говоримъ ей душевное спасибо. Не хорошъ только оборотъ медали. Лѣтопись дѣлаетъ это подъ видомъ критики (просимъ замѣтить, что Лѣтопись пускается въ критику).

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 12-го февраля, Лѣтописи вдругъ вздумалось увѣрять, что Вѣстникъ нашъ противорѣчитъ самому-себѣ; но какъ подобныя увѣренія должны быть подкрѣплены фактами, то она и пошла выписывать на удачу мѣста изъ Вѣстника январской книжки: стр. 48-ю, гдѣ, между-прочимъ, сказано, что при исполненіи фантазіи на романсѣ «Соловей», волшебный смычекъ г. Контскаго дѣйствительно зашѣлъ соловьемъ», а на

стр. 55-й, гдѣ помѣщенъ *критическій разборъ* этой фантазіи, сказано, что въ этой фантазіи нѣтъ ничего музыкальнаго, что это простое подражаніе чирканью птицъ, да и то, вовсе не соловья.

Съ перваго взгляда, конечно, здѣсь явное противорѣчіе, — но пу- стившись разъ въ критику, надо заниматься ею добросовѣстно. Лѣтопись же не досмотрѣла весьма простаго обстоятельства, уничтожающаго всякое недоумѣніе. Первый отзывъ принадлежитъ библіографу, описавшему мимолетное впечатлѣніе, произведенное фантазіей на слушателей, изъ которыхъ одни неистово хвалятъ, а другіе безжалостно порицаютъ игру Контскаго, и въ концѣ даже прибавлено: «*впрочемъ, это и не наше библіографическое дѣло*». Второй же отзывъ принадлежитъ отдѣлу, исключительно посвященному музыкѣ, гдѣ все разбирается уже не по мимолетнымъ впечатлѣніямъ, а подвергается строгому критическому анализу. Да сверхъ-того, въ примѣчаніи къ стр. 55-й самъ г. Редакторъ объяснилъ, что Вѣстникъ не есть работа одного лица, но что составленіе его ввѣрено, по отдѣламъ, нѣсколькимъ литераторамъ, а потому и нельзя приписывать мнѣнія одного другому, и что каждый отвѣчаетъ передъ публикой и истиной *за себя*.

Кажется, что ясно? Такъ нѣтъ! Петербургская Лѣтопись не удовольствовалась этой *profession de foi*, а можетъ - быть и не обратила на нее вниманія, даже, можетъ, и не поняла... Во всякомъ случаѣ, жаль, что Газета, которая хочетъ заслужить довѣріе публики, поступаетъ подобнымъ образомъ и такимъ образомъ попадаетъ на устарѣлый путь, отъ котораго, для полнаго успѣха, ей непремѣнно слѣдовало бы уклониться.

Если ужъ Лѣтописи непремѣнно хочется заняться отыскиваніемъ противорѣчій, то гораздо удобнѣе искать ихъ въ *Замѣткахъ* своихъ Вѣдомостей. Замѣтки эти такъ восхищаются сбавленіемъ цѣны для входа въ концертъ г. Контскаго (по 2 р. сер.) и такъ краснорѣчиво убѣждаютъ артистовъ подражать этому примѣру; а велѣдъ за тѣмъ, по случаю концерта Бальфе, находятъ входную цѣну по 3 и 4 руб. *самой удобною*, а при отчетѣ о томъ же концертѣ называютъ эту-же цѣну *возвышенной*...

Чего не дѣлается на свѣтѣ! Въ природѣ все подвержено измѣненію и только одни вѣчные законы ея остаются навсегда неизмѣнными. Такъ, напримѣръ, кто не помнитъ критическихъ статей (отчасти справедливыхъ) г. Дамке противъ Контскаго? Кто не слѣдилъ за войной, возгорѣвшейся чрезъ это между г. Дамке и «Сѣверной Пчелою»? За кѣмъ осталась побѣда? Конечно за «Пчелой». Увы! она больно, чувствительно ужалила г. Дамке, оспорившаго даже самый талантъ (и очень несправедливо) въ г. Контскомъ. Онъ побѣжденъ, склонилъ знамена и сдѣлалъ

amende honnorable въ февральской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», въ статьѣ «Музыкальныя извѣстія». Тамъ, между-прочимъ, онъ говоритъ: «Чудная игра этаго необыкновеннаго скрипача (г. Контекаго), полная превосходнаго чувства, нѣжности, граціи, огня, (!) бравуры (!!), тысячи разнородныхъ качествъ, которыя удачно соединяются только въ *геніальныхъ артистахъ* «и проч... въ томъ же родѣ. Каково? это говорить г. Дамке!.. Далѣе, онъ продолжаетъ: «Никогда еще игра этаго артиста не доставляла мнѣ (?) такого удовольствія, какъ тутъ!» (т. е. при исполненіи квартетовъ). Это справедливо.

Не шутка ли это со стороны г. Дамке? Право мы полагаемъ, что шутка, и тѣмъ болѣе, что во всей статьѣ господствуетъ какой-то уже чрезъ-чуръ артистическій безпорядокъ. Такъ, говоря, на стр. 186-й, о концертѣ Филармоническаго Общества и объ исполненіи въ немъ г-жею Медори аріи изъ Отелло, г. Дамке вдругъ ни съ того, ни съ другаго, переходитъ къ какимъ-то двумъ *сеансамъ*, о которыхъ прежде не сказано ни слова, и къ какому-то *неизвѣстному второму утру*, и распространяется о концертѣ Генделя и о гг. Бриконѣ и Шмидтѣ. Право, чѣмъ болѣе думаемъ объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что все это только шутки, или ребусъ, котораго разгадки ждемъ съ нетерпѣніемъ.

Но приступимъ къ обзорѣю концертвъ нынѣшняго мѣсяца. Первый изъ нихъ принадлежалъ г-жѣ Добре.

Концертъ этотъ весь состоялъ изъ пѣнія, отчего получилъ нѣкоторую монотонность. Мы согласны, что человѣческій голосъ благороднѣйшій изъ инструментовъ, но все какъ-то утомительно слушать въ-теченіе двухъ съ половиною часовъ одно только пѣніе, подъ аккомпаньеманъ фортепяно. Конечно, въ концертѣ г-жи Добре принимали участіе всѣ лучшіе артисты Итальянской Оперы, но не менѣе того мы ужасно утомились и съ нетерпѣніемъ ожидали конца. Г. Бавери хорошій дирижеръ оркестра, но въ аккомпаньеманъ на фортепяно манера его слишкомъ однообразна и лишена колорита и энергіи. Сама г-жа Добре вполне оправдала ожиданія наши. Она была вполне прекрасна. Исполняя совершенно разнохарактерныя пьесы (Романсъ изъ оперы «Карлъ Смѣлый» Россини, арію изъ «Волшебнаго стрѣлка» Вебера и каватину изъ «Роберта» Мейербера), г-жа Добре показала все разнообразіе своего таланта, которому одинаково достушна итальянская, нѣмецкая и французская музыка. Всѣ нумера исполнены были ею съ чувствомъ и увлеченіемъ и обнаружили прекрасную методу и звучный, полный богатый средствами и пріятный голосъ. Но если отдать чему-нибудь преимущество, то мы отдали бы

его каватинѣ изъ Роберта. Здѣсь г-жа Добре совершенно въ своей сферѣ! Какъ хорошая и опытная актриса, она пропѣла эту каватину съ энергію и притомъ очень вѣрно сохранила всѣ тончайшіе оттѣнки, на которые разсчитывалъ композиторъ. Сердца слушателей тревожно билось, дыханіе замирало—такъ хорошо, такъ симпатично повторяла она: *grâce, grâce, grâce pour moi!* Тутъ только впервые поняли мы поступокъ Роберта, рѣшившагося уничтожить волшебную пальмовую вѣтвь, которая дѣлала его всемогущимъ! Противъ подобной мольбы не устоялъ-бы и самъ Бертрамъ. Надо еще прибавить, что много содѣйствовалъ г-жѣ Добре и превосходный аккомпаньеманъ на арфѣ г. Томасомъ.

Излишне было-бы распространяться объ пѣніи итальянскихъ артистовъ. Исполненные ими нумера взяты изъ оперъ, всѣмъ давно извѣстныхъ, и бываютъ часто довольно неумѣстны въ концертахъ. Къ этому несомнѣнно принадлежатъ всѣ комическія партіи. На сценѣ онѣ производятъ свой эффектъ, тамъ весь ходъ оперы объясняетъ ихъ содержаніе и взаимное положеніе пѣвцовъ. Взятые-же отдѣльно, подобные партіи не оставляютъ по себѣ никакого впечатленія, развѣ только самое мимолетное, и проходятъ, по бѣльшей части, не замѣтно. Тоже случилось и съ дуэтомъ «Урокъ пѣнія» изъ *ou. La prova d'un oroga seria*, исполненнымъ г-жею Віардо-Гарціей и г. Лаблашемъ. Всѣ восхищались исполненіемъ, но никто не сочувствовалъ и не понималъ ни гнѣвныхъ возгласовъ г. Лаблаша, ни искусныхъ дисгармоній и фальшивыхъ тоновъ г-жи Віардо. Г-жа Медори, г. Маріо пѣли превосходно, но мы уже слишкомъ привыкли къ этому. Самыя имена этихъ артистовъ ручаются за прекрасное исполненіе. Зато, большое, истинное наслажденіе доставила г-жа Віардо испанскимъ и французскимъ романсами, полными живости, граціи и легкости. Въ романсѣ: «Соловей» Алябьева, явилась она настоящимъ соловьемъ, со всѣми его дивными, неподражаемыми трелями. Г-жа Демерикъ въ этомъ концертѣ поразила всѣхъ: она отступила отъ своего обыкновенія, и вмѣсто вѣчнаго своего романса изъ Лукреціи, пропѣла прекрасно арію изъ *Stabat Mater* Россини, и придала своему исполненію вполнѣ тотъ религіозный характеръ, которымъ пропитано все это произведеніе.

За этимъ концертомъ слѣдовало музыкальное утро г-жи Шоберлехнеръ. Артистка это давно извѣстна Петербургу, была любимицей его, когда музыкальность не находилась у насъ еще на той степени развитія, на какой стоить теперь; когда красовались на сценѣ г-жа Меласъ и гг. Този, Николини и др. Много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ. Многихъ изъ тогдашнихъ меломановъ нѣтъ уже межъ нами; смиренно почіють они подъ тяжелыми монументами съ трогательными эпитафіями;

другіе, которые славились тогда своею молодостію, красотою, уже состарѣлись теперь и окружены многочисленнымъ семействомъ дѣтей и внуковъ. Теперешніе меломаны, по бѣльшей части, принадлежать къ новому поколѣнію, полному жизни и силъ, требующему отъ музыки совсѣмъ не того, что тогда требовалось. Многое, многое измѣнилось съ тѣхъ-поръ! Измѣнился и голосъ г-жи Шоберлехнеръ, но осталась вся та-же старая, искусная метода, доставлявшая нѣкогда столько наслажденій. Радужно встрѣтили всѣ старую-пріятельницу, съ истиннымъ удовольствіемъ прослушали ее, и благосклонно осыпали артистку рукоплесканіями—за пріятныя воспоминанія. Она оживила, помолодила свою публику двадцатью годами, она напомнила бывшее... а кому оно не сладко?

... Мы умолчимъ о прочихъ артистахъ, принимавшихъ участіе въ этомъ концертѣ. Г-жа Шоберлехнеръ слишкомъ живо возбудила воспоминанія наши, фантазія слишкомъ разыгралась, мысли гнались одна за другою, точно какъ ѣздоки на скачкѣ, мы не обратили должнаго вниманія на ихъ исполненіе, оно показалось намъ монотоннымъ и минорнымъ, все облеклось въ глазахъ нашихъ въ форму элегіи.

.... Лучше перейдемъ прямо къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ концертовъ настоящаго сезона, къ концерту г. Бальфе, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

Въ Петербургѣ любятъ говорить о разныхъ новостяхъ и происшествіяхъ. Болтовня, вообще, составляетъ слабую сторону нашего народонаселенія.

Есть люди, которыхъ все занятіе состоитъ только въ развозѣ новостей во всѣ концы столицы: это своего рода городская почта, только не франкированная. Даже въ газетахъ и журналахъ отведены мѣста періодическимъ статьямъ, исключительно посвященнымъ городской хроникѣ. Да и въ самомъ-дѣлѣ, Петербургъ богатъ разнообразнѣйшими происшествіями по части жизни общественной, художественной, артистической, и насъ удивляетъ только одно, что при подобномъ роскошномъ выборѣ находятся лѣтописцы, которые сочиняютъ панегирики давно извѣстнымъ нѣмецкимъ булочнымъ. Не наше дѣло разбирать, но этотъ родъ литературы полезенъ, а въ особенности почтеннымъ собратьямъ *Карлуши*, сдѣлавшимся популярнымъ своею пѣсенкою: «Ну Карлуша, не робѣй и т. д.»

И такъ, обиліе новостей и охотниковъ потолковать о нихъ въ Петербургѣ неисчислимо. Не смотря на то, ни о чемъ не говорили такъ много, ни о чемъ не трубили такъ громко, какъ о концертѣ Бальфе. Всѣ горѣли желаніемъ покороче познакомиться съ музыкой одного изъ извѣстныхъ композиторовъ нашего времени, артиста, арія котораго Ц

риасеге, благодаря г-жѣ Виардо, едѣлалась у насъ любимую и совершенно популярною. Правда, слышали мы когда-то и увертюру изъ его оперы «Цыганка», прекрасно исполняемую оркестромъ Кавалергардскаго Ея Величества полка, подъ управленіемъ Васильева. Но этимъ и ограничивалось знакомство наше съ Бальфе. Тысячами собрались слушатели, 1-го февраля, въ залѣ Дворянскаго Собранія. Все сѣвшило туда, какъ на музыкальный праздникъ. И точно, концертъ этотъ принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ. Въ составъ его входили только произведенія Бальфе, который лично управлялъ оркестромъ и аккомпанировалъ на фортепяно.

Концертъ начался увертюрою изъ оп. *La fille de St. Marc*, произведеніемъ, полнымъ живости, граціозности, легкости и прелестныхъ мотивовъ, сильно напоминающихъ манеру Обера. Эффектовъ бездна, переходы оригинальны; это доказываетъ, что композиторъ обладаетъ глубокимъ знаніемъ современной музыкальной потребности и богатой фантазіей. Вторая увертюра изъ оп. *Le Diable à Quatre* граціозное собраніе ефемерныхъ, звучныхъ, мелодическихъ напѣвовъ; она представляетъ собою цѣль животрепещущихъ полекъ. Вообще замѣтно, что Бальфе смотритъ на музыку, какъ на рѣчь, выражающую душевныя чувства, а потому и придавалъ каждому входящему въ составъ оркестра инструменту дѣятельное участіе въ общей гармоніи, между-тѣмъ, какъ взятый отдѣльно, тотъ же инструментъ сохраняетъ свою цѣлость и полноту.

Мелодіи его ясны и удобопонятны и легко остаются въ памяти; мысли живы, но не всегда новы, и видимо принаровлены къ господствующему вкусу.

Но тѣмъ и ограничилось знакомство наше съ музыкою Бальфе. Слѣдующіе за тѣмъ нумера состояли изъ арій, романсовъ, дуэтовъ, тріо, взятыхъ изъ разныхъ оперъ, имъ сочиненныхъ. Какъ отрывки, они не составляли отдѣльнаго цѣлага, и потому были болѣе ощущаемы публикою, чѣмъ понимаемы. Лишенные всякой послѣдовательности, они не могли произвести глубокаго впечатлѣнія и нравились только своей легкостью и граціозностію. Мы этимъ не хотимъ сказать, что они не заключаютъ въ себѣ музыкальныхъ красотъ, — нѣтъ; но отдѣльное появленіе не даетъ возможности обсудить ихъ вполне и составить себѣ ясное понятіе о творчествѣ композитора. Изъ этихъ отрывковъ, *Scherzo* изъ оп. «Фальстафъ», исполненное г-жею Виардо, съ хоромъ, и тріо изъ оп. «*Le Siege de la Rochelle*» произвели наибольшее впечатлѣніе. Но несомнѣнно лучше и выше всего арія II риасеге изъ оп. «*Manon L'Escout*», пропѣтая превосходно г-жею Виардо, живо напомнившей намъ пер-

воначальная времсна нашей Италіанской Оперы, когда, вставленная въ заключеніе «Донъ Пасквале», эта арія приводила въ восторгъ всѣхъ слушателей.

Въ этомъ концертѣ публика имѣла случай замѣтить, что г. Бальфе, кромѣ прекраснаго дарованія композиціи, обладаетъ еще и другими весьма замѣчательными талантами: онъ живой, энергической дирижеръ, и врядъ-ли кто лучше его аккомпанируетъ пѣнію на фортепьяно. Онъ такъ тщательно и съ такимъ вниманіемъ слѣдитъ за пѣвцомъ, такъ хорошо, притомъ, знаетъ музыку, что ни одинъ звукъ не пролетитъ незамѣтно мимо его, ни одинъ оттѣнокъ не ускользнетъ отъ его вниманія. Прекрасно также исполнялъ свое дѣло оркестръ, составленный изъ разныхъ музыкантовъ, въ особенности же изъ числа артистовъ оркестра Іосифа Гунг'ля. Музыканты, одушевленные дирижеромъ, отчетливо, вѣрно и единодушно играли партіи свои, и много содѣйствовали успѣху этого концерта, сдѣлавшаго г. Бальфе совершенно извѣстнымъ въ Петербургѣ.

Мы высказали о музыкѣ г. Бальфе свое безпристрастное мнѣніе. Можетъ-быть, что найдутся лица, которыя не согласятся съ нами, въ такомъ случаѣ, мы уже напередъ объявляемъ, что не намѣрены спорить, потому-что сужденія въ дѣлѣ искусства основываются на взглядѣ и степени эстетическаго пониманія и чувства, и потому бываютъ у каждаго различны. Не выдавая приговоровъ своихъ за аксіомы, мы всегда стараемся, по возможности, доказать ихъ фактами. Такимъ-образомъ намѣрены мы доказать и слова наши объ различіи сужденій въ музыкѣ.

Кто изъ петербургскихъ меломановъ не знаетъ лучшихъ произведеній Верди, этаго основателя музыкальной натуральной школы? Кто не наслаждался, если не вполне, то по-крайней-мѣрѣ, мѣстами, при исполненіи его оперъ: Эрнани, Два Фоскари, Ломбарды, Набуко, и наконецъ Риголетто, въ которой есть образцовый квартетъ и романсъ, очаровавшій всѣхъ въ устахъ Маріо. Верди одинъ изъ любимцевъ нашей публики. Теперь позвольте представить маленькое извлеченіе изъ сочиненія Скудо: Critique et littérature musicales:

«Композиторъ Набуко, Эрнани, Двухъ Фоскари, Ломбардовъ, имѣвшихъ весьма незначительный успѣхъ, съ серьезнымъ умомъ соединяетъ воображеніе болѣе возвышенное, чѣмъ плодovitое. Мысли его не лишены блеска, даже силы, но вращаются въ довольно тѣсномъ кругу; онъ скоро доходить до формулъ, признака бѣдности, потому-что не умѣетъ разнообразить мысли свои искусствомъ развитія. Верди охотно прибѣгаетъ къ драматическимъ эффектамъ; замѣтно, что онъ постоянно занятъ этимъ, но приводитъ мысль свою въ исполненіе только посредствомъ внезапнаго взрыва и грубой звучности, а не посредствомъ систематической

последовательности оттѣнковъ, какъ дѣлали это великіе учителя. Онъ часто злоупотребляетъ унисонъ; унисонъ же, по природѣ своей, есть средство легкое и монотонное, и долженъ быть употребляемъ съ большою осторожностью и только тогда, когда слухъ, утомленный избыткомъ гармоніи, требуетъ отдохновенія. Оркестровка Верди въ одно время и шумна и пуста, слишкомъ звучна и слишкомъ бѣдна. Оперы его, худо написанныя для голосовъ, которые онъ подчиняетъ сильнѣйшимъ упражненіямъ, нанесли пагубный ударъ искусству хорошаго пѣнія. Талантъ его, лишенный гибкости и привлекательности, пропитанъ вредными преданіями нѣмецкой и французской школъ: это талантъ упадка.»

Вотъ приговоръ, произнесенный надъ Верди—человѣкомъ, занимающимъ почетное мѣсто между музыкальными критиками, и мнѣнія котораго принимаются за неоспоримый авторитетъ! Что—жъ остается сказать послѣ всего этого? Что, несмотря на г. Скудо, оперы Верди имѣли вездѣ значительный успѣхъ, въ особенности же у насъ. Но ни одна изъ нихъ не произвела такого восторга, какъ Риголетто, въ которой мы не замѣтили ни той гремучести, ни той трескотни, которыя вообще составляютъ отличительный характеръ произведеній этого композитора. Риголетто, напротивъ, полна звучныхъ мелодій, въ особенности хороши въ ней финальные нумера, образцовый квартетъ и романсъ, исполняемый Маріо. Чтобъ доставить читателямъ ясное понятіе объ музыкѣ Риголетто, мы приготовили для приложенія къ Пантеону прекрасное «Музыкальное воспоминаніе», составленное изъ лучшихъ нумеровъ оперы, г. Дютшемъ, который принималъ дѣятельное участіе при постановкѣ этой оперы на сцену, и болѣе другихъ композиторовъ имѣлъ возможность оцѣнить красоты мелодій, и сдѣлать изъ нихъ хорошій выборъ.

7-го февраля, въ субботу давалъ свой концертъ г. Волажъ, молодой пѣвицъ съ весьма замѣчательнымъ талантомъ. Уже весною прошлаго года имѣли мы случай убѣдиться въ изящномъ вкусѣ и прекрасномъ дарованіи этого концертиста, занимающаго почетное мѣсто между учителями музыки нашей столицы. Теперешній концертъ его, данный въ залѣ Петропавловскаго Училища, еще болѣе выказалъ талантъ г. Волажа, превосходно исполнившаго нѣсколько сочиненій Гензельта и Тальберга. Но болѣе прочихъ поправились намъ собственныя композиціи концертиста: *Reminiscences de Lucrèce Borgia* и *la Cracovienne*, обнаружившія въ немъ много вкуса и основательное знаніе музыки. Замѣтимъ еще одно, — намъ рѣдко случалось видѣть артиста, который выступалъ бы съ такою скромностію, какъ г. Волажъ, — а скромность въ настоящее время одно изъ самыхъ античныхъ качествъ въ музыкантахъ.

Теперь преобладаетъ словечко *я*; *самость* развивается все болѣе и болѣе; всѣ увѣрены въ непреложности своего генія.

Въ этомъ концертѣ участвовалъ и г. Всеволодъ Мауреръ, о которомъ мы уже высказали мнѣніе наше въ январской книжкѣ, и знаменитый артистъ нашъ Вурмъ, приведшій, какъ всегда, слушателей въ восторгъ. Здѣсь же впервые слышали мы въ концертѣ пѣніе съ аккомпаниманомъ *cognet à piston*. Г. Верди первый ввелъ въ употребленіе подобный аккомпаньеманъ, и хотя многіе и укоряють его въ томъ, мы скажемъ, что партія эта произвела на слушателей прекрасное впечатленіе. Г-жа Далока, кромѣ этого, пѣла еще два русскіе романса и *Соловья* Алябьева. Последній исполнила она очень неудачно;—мы слышали его отъ г. Віардо, и признаемся, послѣ этой артистки, соединяющей въ себѣ всѣ высшія качества искусства, трудно кому-нибудь другому братьяся за этотъ романсъ.

Прослѣдивъ за всѣми музыкальными явленіями послѣдняго времени, дошли мы наконецъ до замѣчательнаго торжества, происходившаго въ Залѣ Дворянскаго Собранія 8-го февраля.

Мы уже говорили объ истинно-христіанскомъ направленіи филантропическихъ идей въ Россіи. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается доброе дѣло, тысячи единодушно соединяются тѣсными узами и стараются употребить блага, дарованныя имъ Господомъ, на пользу общую и на пособіе нуждающимся.

Трогательны дѣйствія русскіихъ дамъ высшаго общества. Съ удивительнымъ инстинктомъ разгадываютъ онѣ нужды ближнихъ, и съ рѣдкимъ, примѣрнымъ усердіемъ стараются утолить ихъ.

Вѣчно размышляя о страданіяхъ неимущихъ, онѣ поняли всѣ несчастія, происходящія отъ бездомности и безпомощности, слишкомъ часто бывающихъ удѣломъ бѣдныхъ дѣвиць. Отвратить это зло, — вотъ мысль, которою проникнулись дамы наши, и соединившись единодушно, онѣ положили: учредить пріютъ, убѣжище для взрослыхъ дѣвиць недостаточнаго состоянія, и въ пользу этого учрежденія дать концертъ.

Высокая мысль, проникнувшая благотворительницъ, нашла сочувствіе во всѣхъ жителяхъ столицы. Толпами устремились они принести лепту свою въ добромъ дѣлѣ, и никогда еще зала Дворянскаго Собранія не была такъ наполнена, какъ въ концертъ 8-го февраля.

Музыкальное устройство концерта было ввѣрено двумъ опытнымъ артистамъ: Г. Штерну (см. январскую книжку Пантеона) и г. Лейброку, содержателю магазина *Musée Musical*, въ-теченіе многихъ лѣтъ занимающемуся матеріальною частью многихъ концертовъ столицы. Господа эти вполне оправдали довѣріе дамъ благотворительницъ, и совѣстливо ис-

полнили возложенное на нихъ порученіе. Г. Штернъ показалъ похвальный примѣръ самоотверженія. Вполнѣ проникнутый высокой цѣлю концерта, онъ съ трогательною готовностію уступилъ управленіе оркестромъ г. Бальфе, пожелавшему принять участіе въ добромъ дѣлѣ. Въ концертѣ принимали участіе лучшіе артисты Итальянской Оперы, исполнявшіе отборные нумера изъ Бальфовыхъ оперъ, г. Дмитрѣвъ-Свѣчинъ, г-жа Паришъ-Альварсъ и лучшіе и извѣстнѣйшіе дилетанты столицы. Вокальная часть состояла, какъ уже сказано, изъ извѣстныхъ сочиненій г. Бальфе, къ которымъ присоединилось еще прекрасное тріо изъ оп. Фальстафъ, исполненное г-жами Медори, Віардо и Марай. Тріо это, несомнѣнно, одно изъ лучшихъ произведеній даровитаго композитора, было принято съ восторгомъ и повторено по неотступному требованію публики.

Г-жа Паришъ-Альварсъ, вдова извѣстнаго преобразователя арфы, явилась здѣсь въ первый разъ предъ петербургскою публикой, и была принята весьма благосклонно. Чистая, легкая игра ея, полная чувства, произвела на слушателей пріятное впечатлѣніе. Въ ея рукахъ арфа пріобрѣтаетъ еще болѣе пѣвучести, чѣмъ въ рукахъ Томаса, о которомъ мы уже неоднократно говорили.

Но изъ всѣхъ артистовъ важнѣйшую побѣду одержалъ даровитый скрипачъ нашъ Дмитрѣвъ-Свѣчинъ, исполнившій превосходно и, съ рѣдкимъ чувствомъ, «Оду Любви» соч. Вильмерса. Празнуемъ, давно не имѣли мы случая слышать такой пѣвучій смычекъ, и хотя г. Дмитрѣвъ-Свѣчинъ и не ученикъ Паганини, но прекрасно понялъ, что значитъ музыка и къ чему должны вести всѣ скрипичные фокусы и преодоленія трудностей. Мы радуемся за нашего соотечественника, что онъ не увлекся, подобно номаднымъ виртуозамъ, печальною стороною искусства — его шарлатанствомъ. Напротивъ, слушая его игру, душа наполняется музыкой, всѣ фибры настраиваются, мы плачемъ, смѣемся, мы сочувствуемъ звукамъ его скрипки. Въ его игрѣ соединены всѣ качества, которыя составляютъ *le cheval de bataille* всѣхъ нынѣшнихъ скрипачей. Онъ умѣетъ придать игрѣ своей и колоритъ оригинальности, и тѣ особенныя характеристическія черты, которыя отличаютъ великихъ виртуозовъ. Внутреннее музыкальное сознаніе, сила чувства и достиженія развиты въ немъ въ высокой степени. Поразительны полнота и звучность его тона, и смѣлость и сила смычка. Сознаемъ, что флажолетъ Дмитрѣва намъ нравится гораздо больше, чѣмъ у другихъ знаменитостей. Мы увѣрены, что всѣ истинные артисты раздѣляютъ это мнѣніе, несмотря на всѣ громкозвучные и краснорѣчивые

панегерики, составляемые такъ усердно о расточительныхъ талантахъ другихъ артистовъ.

Теперь намъ остается еще поблагодарить г. Мартынова за прекрасно исполненный концертъ Вебера, и г-жъ В. П. Философову, К. Н. и Е. Н. Жадовскихъ, А. П. и Е. П. Наумовыхъ, С. Г. Романову, Баронессу А. М. Притвиць, С. М. Иванову, М. Г. Пейкеръ, С. В. Вережкину, Е. А. Давыдову и А. Н. Сухонину и гг. А. С. Даргомыжскаго, И. С. Мартынова, Барона Б. А. Фитингова и А. В. Оплечеева, за прекрасно сыгранную на 8-ми фортепяно, подъ управленіемъ г. Штерна, увертюру изъ оп. «Семирамида» Россіи. Увертюра эта доставила большое удовольствіе. Замѣчательна рѣдкая готовность, съ которою взялись господа эти исполнить такую трудную вещь, какъ увертюру въ тридцать двѣ руки, въ такой короткій срокъ! — Наканунѣ концерта было еще опубликовано, что увертюра отлагается до другаго раза. Обстоятельство это не доказываетъ-ли то единодушіе, которымъ проникнуты всѣ благородныя сердца, соединившіяся здѣсь для благотворительной цѣли?

Концертъ заключился гимномъ «Боже Царя Храни», исполненнымъ оркестромъ и хорами дилетантовъ и пѣвчихъ. Всѣ поняли истинное значеніе этого гимна при заключеніи концерта, устроеннаго для пользы бѣдныхъ и сирыхъ.

Этотъ музыкальный праздникъ надолго останется въ памяти петербургскихъ меломановъ.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Новый поэтъ и вѣсколько словъ о поэзіи, по поводу обезьянъ.—Три стихотворенія.—Театральныя слухи и новости.—Учрежденіе въ Петербургѣ Шахматнаго-клуба.

Въ-теченіе февраля не произошло въ жизни Петербурга ничего особеннаго; онъ жилъ и велелся почти такъ же, какъ и въ январѣ: ѣздилъ за городъ на тройкахъ въ русской упряжи, съ бубенчиками и лентами, катался съ горъ у Излера, въ Екатерингоффъ и на островахъ, смотрѣлъ обезьянъ гг. Орбана и Казанова, смотрѣлъ панорамы и т. д. Было, правда, нѣскольکو новыхъ концертовъ и нѣскольکو новыхъ пьесъ на театрѣ, но мы рассказали уже объ этихъ новостяхъ въ другихъ отдѣлахъ «Пантеона». О чемъ же намъ теперь говорить? Давайте говорить о поэзіи, о бѣдной, всѣми забытой поэзіи, о которой давно уже никто не говоритъ и которая, въ-слѣдствіе этого, можетъ вполне замѣнить недостающія намъ новости. Притомъ же передъ нами

лѣжатъ новыя стихотворенія новаго поэта, съ которыми намъ очень хочется познакомить читателей «Пантеона». Не подумайте, впрочемъ, что мы хотимъ говорить о томъ Новомъ Поэтѣ, который замѣнилъ въ «Современникѣ» «Иногороднаго Подписчика, перекочевавшего въ «Библиотеку для Чтенія»; нѣтъ, нашъ новый поэтъ совсѣмъ другой, не имѣетъ съ первымъ ничего общаго, хотя и не менѣе его извѣстенъ, замѣчательнѣе. Въдъ знаменитость бываетъ всякаго рода: Все зависитъ отъ точки зрѣнiя. Новый Поэтъ «Современника» считаетъ себя знаменитымъ на томъ основанiи, что о немъ говорятъ всѣ журналы; мы вполне раздѣляемъ этотъ взглядъ, и потому считаемъ знаменитымъ другаго новаго поэта, г. Овчинникова, о которомъ также говорили всѣ журналы. Но журналы говорили о г. Овчинниковѣ по поводу его перевода Гётева «Фауста», слѣдовательно, какъ о поэтѣ переводчикѣ, мы же хотимъ поговорить о немъ, какъ о поэтѣ самостоятельномъ. Слушайте-же, или нѣтъ, лучше читайте сами, потому-что, чувствуемъ, что у насъ неостанетъ словъ для достойной оцѣнки новыхъ произведенiй знаменитаго переводчика Гётева «Фауста»: пусть произведенiя сами говорятъ за себя. Вотъ нѣсколько стихотворенiй, которыя мы выписываемъ, съ сохраненiемъ правописанiя и пунктуации, изъ книжки, въ которой г. Овчинниковъ воспѣлъ ученыхъ звѣрей гг. Орбана и Казановы. Книжка эта называется. *Партитура Американско-животнаго театра въ Европѣ, Орбана и Казановы*. Неправда-ли, преоригинальное заглавiе? Но стихотворенiя еще оригинальнѣе. Судите сами

ПОМПАДУРЪ—МЕДИОЛАНКА.

Тамъ пьесу играютъ въ С-дуръ,
 Играютъ волшебную пьесу!
 Но, вдругъ поднимаютъ завѣсу,
 И тотчасъ мадамъ Помпадуръ
 Является гордо на сцену
 Въ уборѣ тѣхъ важныхъ вѣковъ
 И фижимъ, и сѣдыхъ париковъ,
 Когда господа знали цѣну
 Собакъ, обезьянъ и стиховъ,
 И дамы въ любви за измѣну —
 Измѣну догробной любви,
 Въ полночь, своего селадона
 Свергали кинжаломъ съ балкона,
 И гдѣ погибалъ онъ въ крови!
 Свое къ rendez-vous появленье

Ида обмышляетъ мадамъ;
 Ея селадонъ въ нетерпѣньѣ
 Невидимый ждетъ ее тамъ.
 Валеть, африканъ ея чорный,
 Свѣтя фонаремъ всепокорно,
 Подоль ея пышный несетъ
 И, злясь на любовь, онъ упорно
 Идти ей впередъ не даетъ;
 Но барыня тивкнула слово —
 Быть-можетъ валету не ново,
 И онъ всепокорно идетъ.

ТАНЦОВЩИЦА.

.... Послѣ, третія картина
 Поразить пріятно взоры,
 Какъ сеньора-пуделина,
 Инкогнито Колумбина
 По внушенью Терпсихоры,
 По влеченію гармоній
 Entre-chat à la Тальони.
 Chassé tendre et trépas
 И другія — solo-pas,
 Тамъ выдѣлываетъ ножкой,
 Что при публикѣ большой
 Ей случается très-chaud.
 Изъ всего хотя неможко,
 Да зато какъ хорошо!

КОЗА ЭСМЕРАЛЬДА.

Инстинкта и чувства полна,
 Какъ будто пастушка скромна
 Коза — Эсмеральда;
 Пѣвицей на сцену идетъ,
 Хоть нѣтъ ничего не поетъ
 На пѣсни про Скальда!
 За триста лѣтъ было
 Цыганка жила:
 Коза ей служила

И вѣрной была.
 Но публика знаетъ романъ:
 Цыганку любилъ капитанъ —
 Любилъ платонично;
 Коза та, не зря на бѣду,
 Носила ея billets-doux
 Къ нему самолично.
 Ни болѣ, ни менѣ
 А было все такъ;
 Извольте на сценѣ
 Узнать что и какъ.

Неправда-ли, что мы были правы, называя стихотворенія г. Овчинникова оригинальными? Чудо! Прелесть! И замѣтьте, что вся книжка, продаваемая во-время самаго представленія воспѣтыхъ г. Овчинниковымъ звѣрей, стоить только 20 копѣтъ серебромъ.

Но довольно объ этой поэзiи, перейдемъ къ другому, хоть къ театральнымъ слухамъ и новостямъ, которыя не вошли въ составъ театральной лѣтописи.

На Большомъ-театрѣ поставили новый балетъ «Цыганка», о которомъ будетъ подробно разсказано въ будущей книжкѣ «Пантеона», и собираются возобновить «Венгерскую хижину», которая пойдетъ въ бенефисъ талантливой г-жи Антреяновой. К. Н. Лядовъ вновь оркеструетъ для этого балета музыку.

На Александринскомъ-театрѣ былъ прощальный бенефисъ В. В. Самойловой 2, покидающей сцену. Было два дебюта: г-жа Ленская, дочь московскаго актера, дебютировала въ драмѣ «Материнское благословеніе», а г-жа Румянцева, воспитанница Театральнаго Училища, въ водевилѣ «Ножка». Г. Сухонинъ написалъ драму изъ современной жизни, подъ названіемъ «Деньги». Г. Рубинштейнъ написалъ, какъ мы слышали, двѣ одноактныя оперы и уже принялся за третью. Скоро, но споро ли?

Къ числу самыхъ интересныхъ нововведеній въ петербургской общественной жизни должно отнести «Шахматный-клубъ», который предполагается устроить въ скоромъ времени. Мы имѣли недавно въ рукахъ уставъ этого клуба.

Игра въ шахматы, древнѣйшая изъ всѣхъ существующихъ, имѣетъ много приверженцевъ; почти во всѣхъ большихъ городахъ Европы существуютъ шахматные клубы. У насъ до-сихъ-поръ не было шахматнаго клуба, хотя между русскими есть игроки, пользующіеся европейскою извѣстностью. Гг. Петровъ, Явншъ и Шумовъ [могутъ поспорить съ

первыми игроками Англии, Франціи и Германіи; сочиненіе г. Яниша о шахматахъ считается однимъ изъ лучшихъ. Въ слѣдствіе этого мы увѣрены, что нашъ шахматный клубъ процвѣтетъ и займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду учрежденій этого рода.

Вотъ на этотъ разъ, весь нашъ запасъ новостей. Не взъичтите: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Но мы видимъ нетерпѣніе нашихъ дамъ.... Перейдемъ поскорѣе къ женскимъ нарядамъ, и скажемъ, что дѣлаютъ наши

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Страшнымъ извѣстіемъ должны мы поразить сердца и карманы! Вообразите! Существенное, жестокое несчастіе угрожаетъ женскимъ гардеробамъ и дамской красотѣ:—таліи начинаютъ носить короче! Увѣряютъ, что убавляясь каждый мѣсяцъ по вершку, онѣ къ осени дойдутъ рѣшительно до того, чѣмъ были въ царствованіе Наполеона, то-есть, что ихъ вовсе не будетъ.

Странно вообразить нашихъ прелестныхъ, граціозныхъ дамъ, теперь столь гордыхъ своей таліей, перетянутой, какъ у осы,—вдругъ облеченныхъ въ дудочку, вмѣсто платья, съ перехватомъ на груди.

Вата, крахмалъ—все изгоняется изъ гардероба;—преобразование должно совершиться полное, возвратъ совершенный къ безобразію модъ временъ прошедшихъ. Даже—о ужасъ! ноги будутъ видны до самыхъ ладыжекъ. Но пока это горе обрушится на изящный вкусъ, поспѣшимъ подѣлиться тѣмъ, что всѣхъ интересуетъ въ настоящую минуту. Опишемъ четыре самые модные костюма.

Первый нарядъ —Для визитовъ. Шляпка темная бархатная—отдѣлана лентами изъ свѣтлаго бархата. Тулья ея прикрыта фаншоною изъ кружевъ. Внутри поля украшены блондою, а по бокамъ бѣлыми цвѣтами. Платье капоть свѣтло-бархатное. Разрѣзъ юбки перехваченъ петлицами изъ темнаго бархата нашитыми крестообразно. Талія короткая и круглая, корсажъ гладкій. Рукава полудлинные.

Второй нарядъ.—Для прогулки.—Шляпка бархатная, съ страусовымъ перомъ того-же цвѣта. Коротенькій бурну изъ того-же бархата. Воротникъ, рукава и низъ его оторочены широкимъ соболемъ или норкою. Платье изъ узорчатаго дамá.

Третій нарядъ.—Бальный.—Уборка волосъ á la Sapho moderne, съ золотымъ вѣнкомъ вокругъ всей головы. Бѣлая, кашемировая мантилья, украшенная плюшевыми сборчатыми лентами. По бокамъ, съ каждой стороны четыре широкіе банта изъ тѣхъ же лентъ. Платье изъ тяжелаго бѣлаго моара. Талія круглая; на довольно открытомъ

корсажъ двойная берта. На юбокѣ три широкіе волана изъ кружевъ, затканныхъ золотомъ. Съ боковъ воланы приподняты и придерживаются золотыми листьями. Въмѣсто пояса золотой шнуръ, завязанный напередѣ и ниспадающій на платье тяжелыми кистями.

Четвертый нарядъ.—Для концертовъ и домашнихъ вечеровъ.

Уборка волосъ à la Floge. Платье легкое шелковое, съ гофренными воланами изъ той-же матеріи; около талии и посрединѣ платья—обшивка изъ широкаго чернаго кружева. Корсажъ весь отдѣланъ гофренными воланчиками и чернымъ кружевомъ. Рукавчики короткіе.

Всѣ шляпки работы М-ме Флаксіонъ, въ Малой Милліонной, въ домѣ Дементьева, противъ Англійскаго магазина.

Головныя уборы и прически знаменитаго петербургскаго коаффера Вотье, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Голицыной.

Господа мужчины, которыхъ занимаютъ моды, тоже теперь сильно занимаются ими. Но нельзя сказать, чтобы то, что они придумали, отличалось особенной геніальностію. Вотъ новѣйшій костюмъ денди, когда онъ является на солнечную сторону Невскаго проспекта. Шляпа—формы опрокинутаго цвѣточнаго горшка, съ самыми крошечными полями. Cache-pez — вольный переводъ: *носопрятъ* — кашемировый, съ персидскими пестрыми разводами и цвѣтами. Пальто съ шалью, обшитое кругомъ мѣхомъ, съ тремя застежками напередѣ. Панталоны à la Тришка—короткіе, узкіе и чрезвычайно пестрые.

А вотъ какъ франтъ является въ общество. Фракъ синій, съ чрезвычайно низкой таліей, такъ, чтобы могло родиться подозрѣніе, что онъ перекроенъ изъ дѣдушкина кафтана домашнимъ Шармеромъ. Воротникъ и лацканы такого объема, какъ будто они съ великана попали на карлика. Рукава греческіе: то есть, очень короткіе и невообразимо широкіе, словомъ—дамскіе. На всемъ фракѣ только пять пуговиць: три на груди и двѣ сзади. Въмѣсто галстуха чтѣ-то въ родѣ ленточки или дамской шейной тесемочки, завязанной напередѣ узломъ. Рубашки вышитыя, жилетки вышитыя. Панталоны безъ штрифокъ, очень похожіе на два рукава пожарной трубы. Голова не на мѣстѣ—темя на шеѣ, а лобный проборъ на затылкѣ. — Все это вмѣстѣ называется *шикомъ* и считается удивительно красивымъ.

Мы видѣли подлинныя экземпляры этихъ костюмовъ, какъ они явились изъ Франціи и Англіи, въ гардеробной мастерской г. Альванга, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Лопатина. Но проходя сквозь ножницы этаго искуснаго мастера, покрой новыхъ модъ пріобрѣтаетъ больше граціи и теряетъ свое шутовство, очень напоминающее эпоху франтовъ, которыхъ называли во Франціи *les incroyables*.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ,

ШКОЛА ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ,

или легчайшая метода для скорѣйшаго и правильнаго изученія игры на виолончели, приспособленная къ самоученію, съ приложеніемъ многихъ практическихъ примѣровъ и упражненій изъ любимѣйшихъ пьесъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Сочиненіе С. Ли. Принятое для руководства въ Парижской Музыкальной Консерваторіи. Цѣна 4 р. сер.

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

- HENSELT. A.** Petite valse favorite. (50 к.)
MAYER. CH. Romance itallienne. (Nouvelle edition) (60 к.)
SCHULHOFF. I. Menuet de Mozart. (50 к.) Feuille d'Album. (30 к.)
VERDI. Canzonetta de l'opéra Rigoletto, chantée par Mario. (50 к.)

ДЛЯ ПѢНІЯ.

- ДАРГОМЫЖСКІЙ. А.** Скажи, что такъ задумчивъ ты? Тріо, слова В. Жуковскаго (1. р. 50 к.)
ГУРИЛЕВЪ. А. Долго ли же будешь, сердце, ты томиться. Пѣсня. (50 к.)
ДМИТРИЕВЪ. Прекрасный день. (50 к.)
КАШИНЪ. Лучина лучинушка, на два голоса съ варіаціями. Пѣтал г-жами Зонтагъ и Шоберлехнеръ. (Новое изданіе) (1 р. 15 к.)
РАХМАНИНОВЪ. Вечерній звонъ. (40 к.)
РОМАНУСЪ. Полуразгаданный вопросъ. (50 к.) Не узнаю тебя. (40 к.) Что въ душу мнѣ такъ дивно льется. (50 к.)
 Цыганскія пѣсни, вновь аранжированныя подъ диктовку одного изъ любимыхъ хоровъ московскихъ цыганъ:
 1. Сарафанчикъ. (40 к.)
 2. Вотъ на пути село большое. (40 к.)
 3. И нѣтъ въ мірѣ очей. (40 к.)
 4. Слышишь, мой сердечный другъ. (40 к.)
 5. По садочку хожу. (40 к.)
 6. Коса. Я пойду косить. (30 к.)
 7. Ъхали ребята. (30 к.)
 8. Козликъ. (30 к.)

9. Ты не повѣришь. (30 к.)
 10. Лѣтъ пятнадцати не болѣ. (30 к.)
 11. Пошелъ козелъ въ огородъ. (30 к.)
 12. Ой бувъ да не ма. (30 к.)
 13. Садомъ, садомъ кумасенька. (40 к.)
- ТИТОВЪ. Н.** Ты не узнаешь, кто она. (50 к.) Не пой красавица при мнѣ, (50 к.)
 Я о тебѣ молюсь. (40 к.) Узникъ. Я пересталъ жалѣть себя. (40 к.)
- ШНЛОВСКАЯ Ш. В.** Зачѣмъ? Любимый романъ (60 к.)

ШКОЛА ДЛЯ ЧЕКАНА

сочиненіе Клингенбруннера, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ многими примѣрами и упражненіями для одного и двухъ чекановъ и съ при-
 совокупленіемъ 20-ти русскихъ народныхъ пѣсень для двухъ чекановъ.
 Цѣна 2 р. 85.

ГЕНЕРАЛЬ-БАСТЪ

или новая метода, содержащая главные правила музыкальной композиціи и
 руководство къ практическому примѣненію ихъ; съ краткимъ изложеніемъ
 основаній двойнаго контрапункта, канона и фуги, съ примѣрами и упражне-
 ніями, на русскомъ и нѣмецкомъ азыкахъ. Сочиненіе извѣстнаго генераль,
 баснета и теоретика П. Л. Фукса. Второе, исправленное и дополненное са-
 мимъ авторомъ изданіе, заключающее въ себѣ болѣе 200 печатныхъ стра-
 ницъ, въ большую долю листа. Цѣна 7 р. сер., съ пересылкою.

Всѣ эти новости можно получать

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ **Ф. СТЕЛЛОВСКАГО**

въ Большой Морской, въ домъ Лауферта.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ
 и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ
 на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе ноть не менѣе, какъ на три руб.
 сереб. получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ
 на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ
 ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер.
 пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пецы точнымъ
 и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной
 публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и
 на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяе-
 мы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею
 почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а рав-
 но и преисъ-курантъ италіанскимъ струнамъ, разсылаются при посылкахъ
 безденежно,

Тутъ же продаются отличнаго достоинства италіанскія скрипичныя стру-
 ны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Контскимъ, Ернстомъ и
 Вьетаномъ. Преисъ-курантъ онымъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 2.

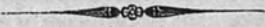

I.

АМИЩКА.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДВѢЙСТВІИ,

П. С. Оедорова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДМИТРІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ КЛИНОВЪ, отставной полковникъ.

КЛАВДІЯ ПЕТРОВНА, его жена.

АННА ДМИТРІЕВНА ЗУБКОВА, вдова, дочь Клинова отъ перваго брака.

АНДРЕЙ НИКИТИЧЪ ГОРОХОВЪ, отставной маіоръ, сослуживецъ и пріятель Клинова.

ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАНКОВСКІЙ.

ОСИПЪ КОЗМИНЪ, бывшій денщикъ Клинова, находящійся у него въ услуженіи.

Дѣйствіе происходитъ въ Парголовѣ, на дачѣ Клинова.

Чистенькая дачная комната. Въ глубинѣ дверь, выходящая въ садъ. Двѣ двери по бокамъ, во второмъ планѣ. На право, въ первомъ планѣ, окно. Столы, стулья и пр. — На столѣ, съ лѣвой стороны, впереди, графинъ съ водою и стаканъ.

I.

ОСИПЪ, ГОРОХОВЪ. Осипъ подметаетъ полъ. Гороховъ входитъ въ среднюю дверь. Гороховъ серьезный человекъ, вовсе неулыбающійся.

ОСИПЪ. Экъ сору-то! Ну ужъ эта дачная жизнь... въ день-то разъ десять подметешь, а все пыли не выметешь... Откуда она, проклятая, берется!..

ГОРОХОВЪ (*входя*). Здорово, Козминъ!

ОСИПЪ (*вытягиваясь*). Желаю здравствовать, ваше высокоблагородіе!

ГОРОХОВЪ. Дома полковникъ?

ОСИПЪ. Никакъ нѣтъ-съ... изволили уѣхать въ городъ...

ГОРОХОВЪ. А барыни?

ОСИПЪ. Клавдія Петровна изволятъ читать въ бесѣдкѣ книжку, а Анна Дмитріевна поливаетъ въ саду цвѣты...

ГОРОХОВЪ. Ну, что у васъ новаго?

ОСИПЪ. Да что новаго, ваше высокоблагородіе?... Клавдія Петровна все скучать изволятъ по Амисгѣ... измучила насъ советѣмъ... все посылаетъ искать свою собаченку!

ГОРОХОВЪ. Погоди, братецъ!.. нѣкоторымъ образомъ, пройдетъ день, другой — утѣшится! Ну, а моя невѣста?..

ОСИПЪ. Анна Дмитріевна все попрежнему... Что за обѣдъ съдуть, то полковникъ съ барыней и начнутъ имъ говорить про васъ...

ГОРОХОВЪ. Ну, а она?..

ОСИПЪ. Да все одно и тоже, осмѣлюсь доложить... погодите, говорить...

ГОРОХОВЪ. Эта женщина, просто, выводитъ меня изъ терпѣнія... Четвертый годъ, какъ полковникъ порѣшилъ выдать ее за меня, а досихъ-поръ я все еще, нѣкоторымъ образомъ, холостякъ... Какъ говорится, ни тирру, ни ну!

ОСИПЪ. Да-съ, осмѣлюсь доложить... что онѣ съ вами дѣлають, такъ ужъ это ни на что не похоже!...

ГОРОХОВЪ. Ну, мѣсяць-бы другой, куда ни шло! а то четвертый годъ водить меня за носъ, и дивы бы были, нѣкоторымъ образомъ, этакія уважительныя причины откладывать сватьбу, а то, просто, никакихъ!..

ОСИПЪ. Да ужъ осмѣлюсь доложить, у Анны Дмитріевны такая съ поведенія... Я вѣдь помню, какъ онѣ и за перваго-то выходили, такъ цѣлый годъ назывались невѣстой...

ГОРОХОВЪ. Годъ и четыре года большая, братецъ, разница!.. И что ей полюбилось быть, нѣкоторымъ образомъ, вдовою?..

ОСИПЪ. Да-съ... вотъ ужъ пятый годъ, осмѣлюсь доложить, извѣдать находится вдовыми... Вотъ ужъ въ это время и его высокоблагородіе, ихъ батюшка, усѣли вступитъ вовторой брачный союзъ...

ГОРОХОВЪ. Посмотрю, что сегодня будетъ... Дмитрій Алексѣвичъ общалъ непременно порѣшить...

ОСИПЪ (*вздыхая*). Дай-то Богъ, ваше высокоблагородіе!..

ГОРОХОВЪ. Да ты что вздыхаешь?... Ужъ нѣтъ-ли, нѣкоторымъ образомъ, чего худаго?

ОСИПЪ (*почесывая голову*). Охъ, ваше высокоблагородіе... не хотѣлось-было говорить... пожалуй, еще пуще разстроишь!..

ГОРОХОВЪ. Говори, не бойся... я, братъ, не трусливаго десятка... что-нибудь одно: или панъ, или пропаль!

ОСИПЪ (*вполголоса*). Осмѣлюсь доложить... (*Осматривая комнату*) Кажется, никого близко нѣтъ... Осмѣлюсь доложить, у насъ здѣсь, въ Парголовѣ, завелись этакіе, ваше высокоблагородіе, шематоны...

ГОРОХОВЪ. Что такое? Какіе шематоны?

ОСИПЪ. Вотъ ужъ будетъ недѣля, какъ я сталъ замѣчать, что всякій день, подъ вечерокъ, началъ прохаживаться около нашей дачи этакой худенькой, черномазенькой франтикъ.... Пройдетъ разъ, другой, третій.... Я и притаюсь за угломъ.... а онъ пойдетъ опять... то въ садъ заглянетъ изъ за-рѣшетки.... то въ окнѣ....

ГОРОХОВЪ. Ну, и только?...

ОСИПЪ. Нѣтъ-съ, не только, ваше высокоблагородіе... Я сталъ еще больше замѣчать.... Смотрю, только-что Клавдія Петровна да Анна

Дмитріевна выйдуть погулять.... а ужь онъ тутъ, идетъ навстрѣчу... да сейчасъ и стеклышко вставитъ въ глазъ!.. А тутъ еще, какъ-то барыни приказали покатать себя въ лодкѣ по озеру.... только-что я отвалилъ, глядь, и шематонъ нашъ ѣдетъ въ лодкѣ.... и все смотреть, все смотреть въ стеклышко.... такъ вотъ съ головы до ногъ и осматриваетъ!

ГОРОХОВЪ. На кого же смотреть?

ОСИПЪ. Съ начала-то, осмѣлюсь доложить, показалось мнѣ, что на Клавдію Петрову смотреть....

ГОРОХОВЪ. А потомъ?...

ОСИПЪ. А потомъ показалось, что на Анну Дмитріевну....

ГОРОХОВЪ. Негодяй!... А ты, нѣкоторымъ образомъ.... не узналъ его фамиліи?...

ОСИПЪ. Нѣтъ-съ, не успѣлъ еще узнать.... а ужь узнаю, во что бы-то ни стало!... Только, кажется по всему, что онъ живетъ здѣсь въ Парголовѣ!

ГОРОХОВЪ. Узнай! узнай!... А ужь я съ нимъ раздѣляюсь нѣкоторымъ образомъ!... раздѣляюсь по своейски!...

ОСИПЪ. Да ужь стѣить, ваше высокоблагородіе!.. (*Прислушиваясь*). Кажется, голосъ полковника!...

ГОРОХОВЪ. Тсъ!.. никому ни слова!... (*При появленіи Клинова и Клавдіи Осипъ уходитъ въ среднюю дверь*).

II.

ГОРОХОВЪ, КЛИНОВЪ И КЛАВДІЯ. Клиновъ съ Клавдіей входитъ въ среднюю дверь, держа въ рукахъ газету Клиновъ свѣжій еще старикъ, съ суровой наружностью.

КЛИНОВЪ (*Клавдіи*). Успокойся же, Клавдюшинька, объ Амишкѣ твоей напечатали ужь въ Полицейской.... вотъ прочти сама!... А! Андрей Никитичъ! здорово дружокъ!..

КЛАВДІЯ. Здравствуйте, Андрей Никитичъ!...

ГОРОХОВЪ. Имѣю честь кланяться!... Какъ здоровье ваше, Клавдія Петровна?...

КЛАВДІЯ. Слава Богу!... (*Вздохая*) Бѣдный Амишка!... Найдется-ли онъ?

КЛИНОВЪ. Найдется, навѣрное найдется!.. Вѣдь тутъ вонъ что напечатано.... (*Читаетъ*) «Кто представитъ оную собаку въ первое Парголово, на дачу подъ № 7, полковнику Клинову, тотъ получитъ пять рублей серебромъ награжденія!...»

КЛАВДІЯ. Какъ вы мало назначили!

КЛИНОВЪ. Довольно!... довольно!... (*Обращаясь къ Горохову*) Извини, Андрей Никитичъ, мы, видишь, все хлопочеть о нашей Амшкѣ... (*Подмигиваетъ ему*).

КЛАВДІЯ. Не слышали-ли вы, Андрей Никитичъ, что-нибудь о ней?...

ГОРОХОВЪ. Нѣтъ-съ, ничего не слыхаль... но, нѣкоторымъ образомъ, поручилъ тоже Игнашкѣ своему искать ее по всеѣмъ улицамъ....

КЛАВДІЯ. Какіе вы добрые!.. Это удивительно, какъ я несчастна... въ одинъ годъ пропало у меня пять собакъ!...

КЛИНОВЪ (*подмигивая Горохову*). Да, бываютъ такія несчастія....

ГОРОХОВЪ. Дѣйствительно, бываютъ нѣкоторымъ образомъ!... Но позвольте, любезнѣйшій другъ... я пріѣхаль — было узнать....

КЛИНОВЪ. А! да! на счетъ Аши!...

ГОРОХОВЪ. Ты обѣщаль съ ней, нѣкоторымъ образомъ, поговорить....

КЛИНОВЪ. Да, да.... Клавдюша говорила... и кажется все обстоятъ благополучно....

КЛАВДІЯ. Дѣйствительно, она мнѣ сказала, что сегодня рѣшить чѣмъ-нибудь....

ГОРОХОВЪ. Чѣмъ-нибудь!.. Стало, можетъ еще кончиться худо!..

КЛИНОВЪ. Вздоръ!.. Какого еще ей жениха надо!.. Тридцать четыре года на плечахъ а за душой ни гроша!.. Кто же другой, кромѣ тебя, на нее позарится!..

ГОРОХОВЪ. Помилуй, Дмитрій Андреечъ!

КЛИНОВЪ. Ну, что, помилуй!.. тебѣ обижаться нечего, дружокъ, за мою правду!.. Дура она будетъ, если тебѣ откажетъ... Да стой, я еще съ ней самъ поговорю!

КЛАВДІЯ (*Клинову*). Знаешь что, мой дружокъ... Мнѣ все думается, не укралъ ли у насъ Амшкку вотъ этотъ старый нѣмецъ, что живетъ черезъ три дома... Онъ, говорятъ, торгуетъ собаками...

КЛИНОВЪ. Нѣтъ, дружокъ... а впрочемъ я велю поразузнать...

III.

ТЪЖЕ. ЗУБКОВА. Зубкова очень молодится, безпреставно закатывает и опускает глаза. Она входит въ среднюю дверь, съ букетомъ въ рукахъ.

КЛИНОВЪ. А! вотъ и Аша!.. Смотри-ка, Аша, какой гость къ намъ прѣхалъ...

ЗУБКОВА. Ахъ, извините... Я совсѣмъ не знала... а я такъ одѣта... (*Хочетъ уйти*).

КЛИНОВЪ (*удерживая ее*). Куда это, куда?..

ГОРОХОВЪ. Извините ради Бога, Анна Дмитриевна... Я никакъ не думалъ васъ сконфузить... Но если я, нѣкоторымъ образомъ, лишній... (*Хочетъ уйти*).

КЛИНОВЪ (*удерживая его*). Ну, и этотъ!.. Стой! ни съ мѣста!.. Она говоритъ чистѣйшій вздоръ!..

ЗУБКОВА. Ахъ, папаша, что это вы?..

КЛИНОВЪ. Ну, разумѣется, вздоръ! Одѣта, какъ должно быть одѣтой по лѣтнему!.. Немножко по дѣтски...

ЗУБКОВА (*дергая его*). Папаша!..

КЛИНОВЪ. Ну! ну!.. молчу!.. (*Отводя Горохова*). Говорить что ли, про тебя, дружокъ?..

ГОРОХОВЪ. Сдѣлай одолженіе... но не лучше ли мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, уйти?..

КЛИНОВЪ. Нѣтъ, дружокъ, прошу безъ ретирады!.. (*Говоритъ съ нимъ тихо*).

ЗУБКОВА (*Клавдію особо*). Прочли вы, мамаша, письмо этого молодого человѣка?..

КЛАВДІЯ. Этого героя озера, какъ вы его назвали?.. Да, прочла...

ЗУБКОВА. Что вы скажете?.. Могу ли я повѣрить его любви?..

КЛАВДІЯ. Признаться вамъ откровенно... я боюсь, чтобъ вы не ошиблись!..

КЛИНОВЪ (*продолжая разговоръ съ Гороховымъ*). Ну, смотри же, какъ я поверну дѣло!.. (*Зубковой*). Слушай-ка, Аша... Я буду говорить съ тобой серьезно.. Ты хотѣла сегодня рѣшить судьбу моего друга и стараго сотоварища, который вотъ здѣсь на лицо... Ну, говори-же, какъ ты разсудила?..

ЗУБКОВА. Папаша... вы хотите непременно знать...

КЛИНОВЪ. Непременно, и всенепременно!..

ГОРОХОВЪ (*всторону*). Вотъ рѣшительная минута!.. Меня, нѣкоторымъ образомъ, начинаетъ бить лихорадка.

ЗУБКОВА. Папаша... я долго размышляла.

ГОРОХОВЪ (*всторону*). Нѣкоторымъ образомъ, почти четыре года ..

КЛИНОВЪ. Ну?... И что же ты размыслила?..

ЗУБКОВА. Признаюсь, папаша... Я все еще не смѣю рѣшиться...

ГОРОХОВЪ (*всторону*). Погибъ, какъ шведъ подъ Полтавой!..

КЛИНОВЪ (*серьозно*). Что... что такое?

ЗУБКОВА. Я знаю по опыту, папаша, что узы Гименея не терпятъ поспѣшности... иначе онѣ принесутъ намъ несчастье!..

КЛИНОВЪ (*сердито*). Да какая тутъ, чортъ возьми, поспѣшность!.. Вѣдь ты четыре года кормишь его завтраками!.. Не вѣ же такіе чахоточные мужья, какъ былъ твой покойный Федоръ Григорьичъ Зубковъ... Онъ могъ надуть тебя счастьемъ, потому-что надулъ насъ всѣхъ своимъ здоровьемъ, и умеръ черезъ годъ послѣ вашей свадьбы...

ЗУБКОВА. Ну, видите...

КЛИНОВЪ. А отъ чего все это произошло?.. Отъ того, именно, что мы худо его звали!.. Но Андрей Никитичъ дѣло другое... Я его знаю, какъ свои пять пальцевъ!.. Я былъ свидѣтелемъ не одного происшествія, отъ котораго другой бы давно ужъ лежалъ въ землѣ... а ему ни почемъ! здоровъ и крѣпокъ, какъ камень!.. Просто, въ водѣ не тонетъ... въ огнѣ не горитъ!.. И такъ, слушай... я съ тобой разсуждать долго не буду... Конечно, ты вдова... и вольна располагать собою... но если ты не выйдешь замужъ за моего друга и стараго сотоварища, Андрея Никитича... то даю тебѣ честное, благородное слово... я больше не отецъ твой и не кормилецъ!.. Иди на всѣ четыре стороны... и не смѣй носа показывать въ мой домъ!

КЛАВДІЯ (*Клинову*). Полноте... какъ вамъ не стыдно!..

КЛИНОВЪ. Нѣтъ, ужъ извините .. Она вывела меня совсѣмъ изъ терпѣнія... Что я сказалъ, то свято исполню!..

ГОРОХОВЪ (*всторону*). Молодецъ!

ЗУБКОВА (*почти со слезами*). Папаша... вы сердитесь... вы терзаете только мое сердце, и безъ всякой причины... Я вовсе не думала отказывать Андрею Никитичу... я только прошу... дать мнѣ свободу на нынѣшній день!.. быть-можетъ, вы назовете это капризомъ, глупостью... но это моя послѣдняя просьба... согласитесь на нее, милый папаша... зато завтра... даю вамъ клятву... завтра непременно вы узнаете мой рѣшительный отвѣтъ!..

КЛИНОВЪ. Опять завтра!.. (*Горохову*). Какъ ты думаешь, Андрей Никитичъ, согласиться или нѣтъ?..

ГОРОХОВЪ. Разумѣется... дѣлать нечего... надобно, нѣкоторымъ образомъ, согласиться!..

КЛИНОВЪ. Ладно, такъ и быть!.. Завтра, ровно въ этотъ же са-

мый часъ. . (Смотря на часы). теперь двѣнадцать часовъ... ты должна рѣшить его судьбу... иначе... смотри, 'я не люблю шутить!..

КЛАВДІЯ. Перестаньте!..

ЗУБКОВА. Благодарю васъ, папаша, и васъ, добрый Андрей Никитичъ.

КЛИНОВЪ Ну, хорошо... ступайте же теперь... гуляйте сколько душѣ угодно...

КЛАВДІЯ. Смотрите, если принесутъ безъ меня мою Амишку... пришлите скорѣе за мной... да не забудьте отдать пять рублей серебромъ тому, кто принесетъ ее.

КЛИНОВЪ (удерживая досаду). Хорошо, отдамъ...

КЛАВДІЯ. Не мѣшало бы даже прибавить еще рублей пять... Амишка мой, право, стоитъ этого...

КЛИНОВЪ. Да, хорошо... прибавлю...

(Клавдія и Зубкова уходятъ въ среднюю дверь).

IV.

КЛИНОВЪ, ГОРОХОВЪ

КЛИНОВЪ (схвативъ стулъ и колотя имъ по полу). Чортъ побори всѣхъ этихъ собакъ!.. Явился только ко мнѣ кто-нибудь съ ея Амишкой, такъ, вмѣсто обѣщанныхъ пяти цѣлковыхъ, я.... (Показываетъ кулакъ).

ГОРОХОВЪ (спокойно). Полно, не тревожься по пустому!

КЛИНОВЪ. Какъ по пустому!.. Да она испортила мнѣ всю кровь съ своими мерзѣйшими собаками!.. Она скоро уморитъ меня!.. Признаюсь, мнѣ было бы легче, еслибъ она любила... еслибъ даже любила играть на фортепяно!

ГОРОХОВЪ. Я тебя, нѣкоторымъ образомъ, не понимаю... Да я съ своей стороны нѣсколько бы не былъ въ претензіи, еслибъ у моей жены была такая невинная страсть!.. По моему, собака нашъ другъ и, нѣкоторымъ образомъ, развлеченіе.

КЛИНОВЪ. По твоему такъ, а по моему нѣтъ!.. Прежде я и самъ любилъ собакъ... но съ того дня, какъ взбѣсился мой Гекторъ и вздохъ въ страшныхъ судорогахъ у моихъ ногъ... я не могу видѣть подлѣ себя собаки!.. Повѣришь ли... если ко мнѣ начнетъ ласкаться собаченка... я самъ не свой! какой-то холодъ пробѣгаетъ по моимъ жиламъ... еслиже, хоть нечаянно лизнетъ мою руку, тогда ужъ просто бѣда

Со мной дѣлаются судороги... мнѣ такъ и кажется, что она хочетъ укусить меня!.. Это болѣзнь, мой другъ... стыдно сознаться, а дѣлать нечего!.. Я, въ этомъ случаѣ, сушая баба!.. Суди же, послѣ этого, что я долженъ былъ чувствовать, когда, недѣля тому назадъ, въ самые страшные жары, я сталъ замѣчать, что этотъ проклятый Амишка вдругъ сдѣлался какимъ-то вялымъ, скучнымъ... Глаза выпятились и помутнились... языкъ покраснѣлъ... хвостъ опустился... ну, словомъ, съ нимъ начинались всѣ тѣ же припадки, какъ съ моимъ Гекторомъ... Бррр!.. Страшно подумать!.. Вѣдь она могла бы всѣхъ насъ перекусать!.. Чтѣ-жъ мнѣ оставалось дѣлать!.. Одно только... спроводить его куда-нибудь! И вотъ почему я рѣшился въ пятый разъ въ нынѣшнемъ году вѣѣриться тебѣ, какъ истинному другу, и прибѣгнуть снова къ твоей помощи!..

ГОРОХОВЪ. И ты, нѣкоторымъ образомъ, не ошибся во мнѣ!.. Амишка отправился туда же, куда отправлены мною и четыре его предшественника!..

КЛИНОВЪ (*пониживъ голосъ, драматически*). Въ воду?

ГОРОХОВЪ. Въ воду!.. На дно здѣшняго озера!..

КЛИНОВЪ. Съ камнемъ на шеѣ?

ГОРОХОВЪ. Съ камнемъ на шеѣ!

КЛИНОВЪ. Ночью!

ГОРОХОВЪ. Ночью!

КЛИНОВЪ (*обнимая и цѣлуя его*). Благодарю тебя!.. Ты истинный мой другъ!

ГОРОХОВЪ. На всю мою жизнь!..

У.

ТѢЖЕ, ОСИПЪ. Онъ входитъ въ среднюю дверь.

КЛИНОВЪ (*увидя Осипа*). Чтѣ тебѣ нужно?

ОСИПЪ. Ваше высокоблагородіе... васъ спрашиваетъ какой-то незнакомый человѣкъ...

КЛИНОВЪ. Ну, какой тамъ человѣкъ?.. Чтѣ ему нужно?..

ОСИПЪ. Не могу знать, ваше высокоблагородіе... Я видѣлъ только, что онъ держитъ на рукахъ нашу собаку Амишку...

КЛИНОВЪ (*съ ужасомъ*). Собаку?.. Амишку?.. Ты врешь, мошенникъ!

ОСИПЪ. Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе!..

ГОРОХОВЪ. Невѣроятное дѣло!

КЛИНОВЪ. Просто, неслыханное!.. Откуда онъ ее взялъ, бездѣльникъ!.. (*Осипу*). И живая собака?

ОСИПЪ. Совершенно живая, ваше высокоблагородіе!.. Тотчасъ меня узнала!.. Замахала хвостомъ...

КЛИНОВЪ. Ты не видѣлъ, гдѣ моя жена?..

ОСИПЪ. Видѣлъ, ваше высокоблагородіе... они изволили пойти гулять...

КЛИНОВЪ. Хорошо!.. Позови этого негодяя...

ОСИПЪ. Слушаю!.. (*Тихо Горохову*). Ваше высокоблагородіе... вѣдь это тотъ самый шематонъ... о которомъ я докладывалъ вамъ давеча...

ГОРОХОВЪ. Тотъ самый?.. Отлично, нѣкоторымъ образомъ! безподобно!.. Попался къ намъ въ руки!

(*Осипъ уходитъ въ среднюю дверь*).

VI.

КЛИНОВЪ, ГОРОХОВЪ.

КЛИНОВЪ (*скрестя руки*). Ну, что ты объ этомъ скажешь?

ГОРОХОВЪ. Непонятная вещь!.. Какъ онъ могъ достать ее изъ воды, когда я собственными своими руками навязалъ ей, нѣкоторымъ образомъ, на шею камень, по-крайней-мѣрѣ, фунтовъ въ десять!

КЛИНОВЪ. Нѣтъ, дружище, ты вѣрно плохо распорядился!.. Теперь вотъ, мало того, что мы опять съ собакою... нѣтъ, плати еще за это удовольствіе пять цѣлковыхъ награды!..

ОСИПЪ (*растворивъ среднія двери и впуская Данковскаго*). Пожалуйте!.. (*Скрывается*).

VII.

ТѢЖЕ, ДАНКОВСКІЙ. Данковскій входитъ въ среднюю дверь, держа на рукахъ собаку. Клиновъ и Гороховъ сидятъ по сторонамъ сцены, обратясь къ публикѣ. Они оба очень взбѣшены, но, повидимому, стараются скрыть свой гнѣвъ.

ДАНКОВСКІЙ (*раскланиваясь съ обоими*). Г. полковникъ!.. Милостивый государь!.. имѣю честь...

КЛИНОВЪ (*сидя*). Здравствуйте!

ГОРОХОВЪ (*также*). Здравствуйте!

ДАНКОВСКІЙ. Г. полковникъ... я принесъ вамъ вашего фаворита!..

КЛИНОВЪ. Не стоить благодарности!

ДАНКОВСКІЙ (*взглянувъ на него съ удивленіемъ, продолжаетъ*).

Три дня тому назадъ, ночью, я прогуливался около здѣшняго озера... Надобно вамъ сказать, что ночныя прогулки, особенно при лунномъ свѣтѣ, — составляютъ мою первѣйшую страсть!.. И такъ... я прогуливался очень спокойно... какъ вдругъ услышалъ какой-то плескъ въ водѣ и потомъ стонъ... я сталъ пристально смотрѣть въ воду и увидѣлъ, что дѣйствительно въ ней барахталось какое-то неизвѣстное существо, саженьхъ въ двухъ отъ берега!.. Въ одну минуту отвязалъ я лодку... бросился въ нее... подѣхалъ къ погибающему... и вытащилъ изъ воды вотъ эту миленькую собачку... Признаюсь, она ужъ была въ такомъ слабомъ состояніи, что, опоздай я минуту, не видать бы ей больше ни свѣта, ни земли!..

КЛИНОВЪ. Вотъ необыкновенная доброта, подумаешь!..

ДАНКОВСКІЙ. Веревка на ея шеѣ служила доказательствомъ задуманнаго злодѣйства... по большой петлѣ можно было легко догадаться, что тутъ былъ привязанъ камень, но какъ-нибудь случайно вывалился... изъ этого я заключаю, что какой-нибудь негодяй...

КЛИНОВЪ и **ГОРОХОВЪ**. Что-съ?

ДАНКОВСКІЙ. Я говорю, вѣроятно какой-нибудь негодяй изъ вашихъ людей, которому надоѣло возиться съ этой прекрасной собачкой, вздумалъ избавиться отъ нея такимъ безчеловѣчнымъ образомъ!.. Къ счастью, мнѣ удалось ее спасти... но только что я взялъ ее въ руки, какъ она... навѣрное предполагая видѣть во мнѣ своего убійцу... (*Гороховъ принужденно кашляетъ*) безъ милосердія вѣми зубами своими впиалась мнѣ въ плечо!..

КЛИНОВЪ (*смотря на него пристально*). Укусила!.. И съ вами ничего?...

ДАНКОВСКІЙ. Было больно сначала, но послѣ ничего!... Это обстоятельство, впрочемъ, показало мнѣ, что въ случаяхъ благодарности, и собаки могутъ походить на людей, чего я прежде не думалъ... и на оборотъ, бываютъ люди...

КЛИНОВЪ. Позвольте, милостивый государь, позвольте васъ спросить: по какому праву держали вы у себя цѣлыхъ три дня чужую собаку и не возвратили ее хозяину?...

ДАНКОВСКІЙ. Я, г. полковникъ...

КЛИНОВЪ. Такъ не поступаютъ благородные люди!... Мы тутъ ищемъ, чуть не плачемъ съ горя... а вы держите у себя собаку!..

ГОРОХОВЪ. Да, это нѣкоторымъ образомъ...

ДАНКОВСКІЙ. Г. полковникъ!

КЛИНОВЪ. Но я понимаю причину... вы ждали, когда напечатають о ней въ газетахъ... вы хотѣли прежде узнать, какую дадутъ награду... и вотъ вы, наконецъ, прочли въ газетахъ и увидѣли, что обѣщаютъ пять цѣлковыхъ...

ДАНКОВСКІЙ. Извините, полковникъ... вы очень ошибаетесь... я, какъ близкій сосѣдъ вашъ по дачѣ, желалъ только услужить вамъ, и, безъ всякаго возмездія, вручить вашего фаварита...

КЛИНОВЪ (*вставъ со стула*). А! это дѣло другое!... (*Беретъ стулъ и ставитъ его по срединѣ театра*). Садитесь!... (*Данковскій садится. Клиновъ и Гороховъ стоятъ по сторонамъ стула, оборотясь къ нему нѣсколько спиною*).

ДАНКОВСКІЙ (*послѣ минутнаго молчанія, увидя положеніе Клинова и Горохова, встаетъ, переворачиваетъ стулъ, и балансируя на его спинкѣ, говоритъ всторону*). Что жъ это такое значить? Туда ли я попалъ?... (*Вслухъ*). Позвольте васъ спросить: вѣдь вы полковникъ Дмитрій Алексѣевичъ Клиновъ?

КЛИНОВЪ. Я!... къ чему вы это спрашиваете?

ДАНКОВСКІЙ. Такъ!...

КЛИНОВЪ. А вы... вы живете здѣсь въ Парголово?...

ДАНКОВСКІЙ. Да... эѣтомъ я всегда живу здѣсь...

КЛИНОВЪ. А для чего вы здѣсь живете?

ДАНКОВСКІЙ. Для чего?... для того же, для чего живутъ и другіе, какъ, напримѣръ, вы... мнѣ нравится здѣшнее мѣстоположеніе и воздухъ....

КЛИНОВЪ. Ну... а скажите, пожалуйста... вѣдь у васъ, вѣроятно, есть еще другіе какія-нибудь занятія, кромѣ спасенія утопающихъ собакъ?...

ДАНКОВСКІЙ (*посмотря на него довольно серьезно, сначала говоритъ сухо, но къ концу явленія мало-по-малу разгорячается*). Да... есть!... Я чиновникъ!

КЛИНОВЪ. Чиновникъ!... слышишь, Андрей Никитичъ... онъ чиновникъ! (*Садится*).

ГОРОХОВЪ (*усмѣхаясь*). Гмъ! Чиновникъ... знаю я, нѣкоторымъ образомъ! (*Садится*).

КЛИНОВЪ. А позвольте спросить: почему вы чиновникъ? Почему вы не въ военной службѣ?

ДАНКОВСКИЙ. Потому-что я въ юности былъ слишкомъ слабъ здоровьемъ....

КЛИНОВЪ. Слабъ здоровьемъ!... Слышишь, Андрей Никитичъ, онъ слабъ здоровьемъ!...

ГОРОХОВЪ. Гмъ!... Да, я знаю, нѣкоторымъ образомъ, такихъ господъ... у насъ все трусы слабы здоровьемъ!

КЛИНОВЪ. Я терпѣть не могу трусовъ!

ДАНКОВСКИЙ, (*въ полъ-голоса*). А я невѣжъ и глупцовъ!

КЛИНОВЪ, (*Горохову*). Что онъ сказалъ?

ГОРОХОВЪ, (*Клинову*). Мнѣ послышалось, что онъ, нѣкоторымъ образомъ, назвалъ кого-то невѣжей и глупцомъ!...

КЛИНОВЪ. А! вотъ что!... (*Данковскому*). Позвольте же мнѣ, наконецъ, г. чиновникъ, имѣть честь узнать вашу фамилію...

ДАНКОВСКИЙ. Извольте... моя фамилія Данковскій!

КЛИНОВЪ. Данковскій!... Нѣтъ, ужъ это слишкомъ!... слышишь, Андрей Никитичъ, онъ называетъ себя Данковскимъ!... (*Данковскому*). Да какъ вы смѣете, милостивый государь, называть себя Данковскимъ?

ДАНКОВСКИЙ. Почему-же бы мнѣ не смѣть?

КЛИНОВЪ. А потому, что въ нашей арміи служилъ нѣкто Данковскій, который двадцати-восемью лѣтъ былъ уже полковникомъ, а тридцати-пяти генераломъ!... котораго всякій изъ насъ уважалъ за его необыкновенную храбрость, и который, наконецъ, никогда бы не позволилъ такъ невѣжливо говорить съ собою, какъ мы вотъ уже минутъ десять говоримъ съ вами!

ДАНКОВСКИЙ. На это вотъ вамъ мой отвѣтъ... Еслибъ я не старался воздержаться отъ гнѣва, по особымъ, мнѣ извѣстнымъ причинамъ, то давно бы ужъ я наговорилъ вамъ дерзостей, попросилъ бы васъ развѣдаться со мною какъ слѣдуетъ, и обрубилъ бы вамъ уши, или прострѣлилъ бы лобъ!... (*Движеніе Клинова и Горохова*). Но теперь я очень доволенъ, что этого не случилось... Иначе, мнѣ не пришлось бы услышать вашихъ лестныхъ отзывовъ о моемъ отцѣ!

КЛИНОВЪ. О вашемъ отцѣ?... Неужели мой бывший командиръ....

ДАНКОВСКИЙ. Генералъ Данковскій мой отецъ!.. Въ доказательство, вотъ собственноручное письмо его къ вамъ!...

КЛИНОВЪ (*взявъ отъ него письмо и поспѣшно распечатывая его*). Неужели?... а я... да, да!... это отъ него!... Его почеркъ!... Слышишь Андрей Никитичъ... Это родной сынъ нашего храбраго командира Василья Федоровича Данковского!

ГОРОХОВЪ, (*мрачно*) Да... нѣкоторымъ образомъ, это очень приятно!

КЛИНОВЪ. Но какъ же случилось, что я принялъ васъ за какую-то

мокрую курицу?.. И вы, молодой человекъ, готовы были обрубить мнѣ уши, или прострѣлить лобъ?...

ДАНКОВСКІЙ. Признаюсь, у меня очень чесались руки!

КЛИНОВЪ. Обрубить мнѣ уши!.. прострѣлить лобъ!... Но, знаете ли, что, мой любезнѣйшій... позвольте, какъ васъ зовутъ?

ДАНКОВСКІЙ. Фѣдоръ Васильевичъ!...

КЛИНОВЪ. Знаете-ли что, любезнѣйшій Фѣдоръ Васильевичъ... вѣдь я ужъ за одно это готовъ полюбить васъ всѣмъ сердцемъ!

ДАНКОВСКІЙ. Этого бы мнѣ только и хотѣлось!

ГОРОХОВЪ (*всторону*). Недоставало еще, нѣкоторымъ образомъ, этого несчастія!...

КЛИНОВЪ. Но для чего вы мнѣ прямо не сказали, что вы сынъ моего храбраго командира?.. (*Смотря въ письмо*).. Позвольте, объясните, пожалуйста, какую вы имѣете просьбу ко мнѣ?.. Тутъ вашъ почтеннѣйшій батюшка пишетъ, что онъ отъ души согласенъ на то, о чемъ вы намѣрены меня просить...

ДАНКОВСКІЙ. Я объясню вамъ это, когда мы останемся съ вами наединѣ.

КЛИНОВЪ. Позвольте... это мой старый сослуживецъ и другъ, также бывшій подчиненный вашего батюшки... отставной маіоръ Андрей Никитичъ Гороховъ.

ДАНКОВСКІЙ. Очень радъ!... Но все-таки я могу только объяснить вамъ однимъ... безъ свидѣтелей!..

КЛИНОВЪ. Андрей Никитичъ, слышишь?... извини, дружокъ.. Сыну нашего бывшего командира мы не должны ни въ чемъ отказывать...

ГОРОХОВЪ, (*съ неудовольствіемъ*). Хорошо.... я уйду!... (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ направо*).

КЛИНОВЪ (*останавливая его*). Постой!... кетати, захвати, дружище, съ собою Амшкку.... запри его до вечера гдѣ-нибудь въ чуланѣ....

ГОРОХОВЪ (*взявъ на руки собаку*). Хорошо.... запру!... Вотъ... услуживай послѣ этого ... топи, нѣкоторымъ образомъ, собакъ!... а тутъ явится кто-нибудь... вытащить и...

КЛИНОВЪ. Тсъ!... Ты вспомни только, что это сынъ нашего командира!...

ГОРОХОВЪ. Слышу, слышу!... (*Данковскому*) До свиданія, милостивый государь!

ДАНКОВСКІЙ. До свиданія, г. маіоръ!

ГОРОХОВЪ (*твердо*). До скораго, нѣкоторымъ образомъ, свиданія!... (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

VIII.

КЛИНОВЪ и ДАНКОВСКІЙ.

ДАНКОВСКІЙ. Кажется, и вы, Дмитрій Алексѣевичъ, и вашъ другъ маіоръ не очень довольны спасеніемъ собаки?.. Не сдѣлалъ ли я, въ самомъ-дѣлѣ глупость?...

КЛИНОВЪ. Большой промахъ сдѣлали, любезнѣйшій!... но объ этомъ мы поговоримъ послѣ.... Теперь объясните мнѣ ваше дѣло.... съ своей стороны я заранее обещаю вамъ сдѣлать все, что отъ меня зависить! *(Предлагаетъ стулъ Данковскому и садится рядомъ съ нимъ.)*

ДАНКОВСКІЙ. Я долженъ рассказать вамъ, Дмитрій Алексѣевичъ, цѣлую исторію....

КЛИНОВЪ. Готовъ охотно слушать....

ДАНКОВСКІЙ. И такъ, я начинаю первую часть... но предварительно, позвольте сдѣлать вамъ вопросъ: любители-вы общественныя городскія кареты?

КЛИНОВЪ. Нѣтъ, терпѣть не могу!

ДАНКОВСКІЙ. Также, какъ я!

КЛИНОВЪ. Лѣтомъ въ нихъ очень душно.... зимою холодно!

ДАНКОВСКІЙ. Вполнѣ согласенъ съ вами!... Второй вопросъ: любите-ли вы, Дмитрій Алексѣевичъ, весеннюю грязь на улицахъ?

КЛИНОВЪ. Еще меньше люблю, чѣмъ общественныя кареты!

ДАНКОВСКІЙ. И въ этомъ случаѣ мы сошлись съ вами въ мнѣніяхъ! Несмотря на все это, общественная городская карета и весенняя грязь имѣютъ для меня въ одномъ случаѣ необычайную прелесть...

КЛИНОВЪ. Это любопытно!.. Что-жъ это такое, какую прелесть?..

ДАНКОВСКІЙ. Давеча я вамъ сказалъ, что моя первѣйшая страсть — ночныя прогулки, при лунномъ свѣтѣ.... виновать, я солгалъ.... у меня есть страсть, во сто разъ сильнѣе.... Эта страсть — маленькая, до извѣстнаго размѣра, женская ножка!... Повѣрите-ли, когда я вижу хорошенькія ножки, обутыя въ граціозныя сапожки или башмачки.... я готовъ съ ума сойти.... готовъ смотрѣть и восхищаться ими всю жизнь!... Вы понимаете теперь, отъ чего общественныя кареты и петербургская грязь имѣютъ отчасти свою прелесть....

КЛИНОВЪ. Позвольте, отъ чего же?...

ДАНКОВСКІЙ. Отъ того именно, что ни въ какомъ другомъ случаѣ, вамъ не удастся увидѣть такъ ясно и привлекательно хорошенькую ножку! Переходя черезъ грязь и входя въ карету, первое невольное

вмѣстѣ возвращались домой.... обѣдали со мною.... играли въ ерлашъ... ужинали.... Словомъ, всегда и вездѣ были со мною!

КЛИНОВЪ. Но, наконецъ, встрѣтили ли вы свою соблазнительницу?...

ДАНКОВСКІЙ. Встрѣтилъ! Въ этомъ именно и заключается вторая часть моей исторіи!... Я встрѣтилъ ее на балу у откупщика Зѣвакина!

КЛИНОВЪ. У Ивана Ивановича!... Да вѣдь и я тамъ былъ!

ДАНКОВСКІЙ. Знаю!... Мы оба тамъ были!... Я долженъ вамъ сказать, что мое поведеніе на балахъ очень скромно!... Я принадлежу къ числу тѣхъ мужчинъ, которые помѣщаются обыкновенно въ залъ, у стѣны, около дверей гостиной... мы никогда не танцуемъ, но терпѣливо ожидаемъ подносовъ съ десертомъ и питьемъ, смотримъ въ лорнетъ на танцующихъ, восхищаемся изобрѣтеніями дамскихъ модъ, на основаніи которыхъ, по бальнымъ правиламъ, такъ привлекательно выкраиваются лифы на платьяхъ... и разсуждая про себя о бальныхъ удовольствіяхъ, доискиваемся причинъ, по которымъ, вопреки скромности женскаго пола, дозволяется, исключительно на балахъ, такъ фамиліарно обращаться, даже самой невинной дѣвушкѣ, съ нашей братьей мужчинами!...

КЛИНОВЪ. Да, ужъ именно фамиліарно!...

ДАНКОВСКІЙ. Такимъ образомъ на балу у Зѣвакина я былъ на своемъ постѣ... Начали вальсъ.... (*Напѣвая вальсъ*) Тра, ла, ла....

КЛИНОВЪ. Что это за пѣсня?

ДАНКОВСКІЙ. Это не пѣсня, а вальсъ... и такъ.... начали вальсъ.... Я смотрѣлъ разсѣянно въ лорнетъ на эту волнующуюся толпу.... и удивлялся, изъ чего такъ хлопчатъ, такъ бѣснуются всѣ эти люди!... Какъ вдругъ... о чудо! о, восторгъ!... гляжу... и вижу... онъ, да, онъ, мои чудныя, очаровательныя ножки!... Онъ, какъ двѣ бѣленькія мышки выглядывали изъ волнъ газа и кружевъ... Ахъ, Дмитрій Алексѣевичъ! Еслибъ вы знали, что было со мною въ эту минуту!.. Я готовъ былъ умереть въ эту минуту.... Но, какъ я ужъ вамъ сказалъ, что отъ радости не умирають....

КЛИНОВЪ. Позвольте.... вы мнѣ этого не говорили..

ДАНКОВСКІЙ. Не говорилъ?

КЛИНОВЪ. Нѣтъ!

ДАНКОВСКІЙ. Ну, такъ я теперь говорю.... И такъ.... (*Вспоминая*). На чемъ я остановился?

КЛИНОВЪ. Вы сказали, отъ радости не умирають!

ДАНКОВСКІЙ. Ну, видите, я вамъ это говорилъ!... вы забыли!...

Нѣсколько минутъ оставался я въ какомъ-то оцѣпененіи, точно какъ будто принялъ хлороформу... и только тогда получилъ снова даръ слова, когда увидѣлъ, что моя очаровательная незнакомка прохаживается по залу съ другой дамой, которая составляла совершенный контрастъ... (*Спохватясь*). То есть... словомъ, она прохаживалась съ другой дамой!... Въ страхъ, чтобъ опять не остаться въ неизвѣстности объ имени ея, я спросилъ моего сосѣда: кто эти дамы... или вѣрнѣе, кто эти двѣ чудныя сифиды?...

КЛИНОВЪ. Что-жъ онъ вамъ отвѣчалъ?

ДАНКОВСКІЙ. Извините... конецъ второй части моего романа!

КЛИНОВЪ. Такъ стало, есть еще и третья...

ДАНКОВСКІЙ. Третья начата, но еще не окончена... вотъ ея начало... Терзаясь по прежнему безотрадной страстью къ моимъ очаровательнымъ ножкамъ, я переѣхалъ на лѣто въ Парголово, чтобы, хотя въ ночныхъ прогулкахъ и мечтахъ, развлечь мою тоску!... И вдругъ, на другой-же день моего переѣзда, я встрѣчаю здѣсь... нѣтъ, описать восторга моего невозможно...

КЛИНОВЪ. Понимаю! вы встрѣтили опять свои ножки...

ДАНКОВСКІЙ. Вы угадали!... судите о моемъ счастьи!... но ужъ если счастье, говорятъ, повезетъ кому, такъ нѣтъ ему удержа!... Въ разговорѣ съ моимъ отцемъ, я какъ-то сказалъ вашу фамилію...

КЛИНОВЪ. А вы какъ узнали мою фамилію?

ДАНКОВСКІЙ. Сейчасъ объясню!... Я сказалъ батюшкѣ вашу фамилію... Изъ дальнѣйшихъ развѣдываній оказалось, что вы его сослуживецъ...

КЛИНОВЪ. Подчиненный!...

ДАНКОВСКІЙ. Кончилось тѣмъ, что онъ одобрилъ мои предположенія и далъ мнѣ къ вамъ письмо... оставалось только, найти какой-нибудь предлогъ, чтобъ явиться къ вамъ... но и тутъ судьба мнѣ помогла... Надобно-же мнѣ было вытащить изъ воды вашу собаку...

КЛИНОВЪ. Ну, этого-бы и не нужно было...

ДАНКОВСКІЙ. И вотъ я у васъ... и хоть вы сначала приняли меня не очень любезно...

КЛИНОВЪ. Ну, объ этомъ забудьте!... Теперь я въ нѣсколько минутъ полюбилъ васъ такъ, какъ мало кого люблю!... но дѣло не въ томъ... Скажите: въ чемъ-же я могу быть вамъ полезенъ и къ чему ведетъ весь вашъ разговоръ... о ногахъ?

ДАНКОВСКІЙ. Вотъ къ чему: когда на балу у Зѣвакина спросилъ я моего сосѣда о двухъ домахъ... онъ отвѣчалъ мнѣ: одна изъ нихъ дочь, другая жена полковника Клинова!

КЛИНОВЪ (*вскочивъ со стула*). Моя жена и дочь!

ДАНКОВСКІЙ (*вскочивъ тоже со стула*). Да, почтеннѣйшій Дмитрій Алексѣевичъ, одна была ваша прелестная дочь.... другая неменѣе прелестная супруга ваша!.. (*Всторону*). Затянутая въ корсетъ старуха!

КЛИНОВЪ (*серьозно*). Позвольте, что-же вамъ угодно? у кого-же ноги-то?

ДАНКОВСКІЙ. Неужели вы еще не догадались, Дмитрій Алексѣевичъ?... Я влюбленъ, безъ ума влюбленъ въ ваши ножки!.. то есть, въ вашу дочь!.. и явился къ вамъ затѣмъ, чтобъ откровенно сознаться въ моей страсти и просить у васъ руки Анны Дмитриевны!

КЛИНОВЪ (*съ удивленіемъ*). Моей Аши?... Любезнѣйшій другъ! вы дѣлаете мнѣ этимъ большую честь.... но я долженъ вамъ сказать, что предложеніе ваше до чрезвычайности меня удивляетъ!... Первое дѣло: дочь моя уже не дѣвушка, а вдова....

ДАНКОВСКІЙ. Я это знаю.... и нисколько за то не претендую....

КЛИНОВЪ. Второе.... хоть я никогда не разматривалъ со вниманіемъ ногу моей дочери.... но все-таки мнѣ кажется, что ея ноги....

ДАНКОВСКІЙ. Очаровательны! вожитительны!

КЛИНОВЪ. Пусть будетъ по вашему!... Но, во всякомъ случаѣ, судя не по отечески, а истинно безпристрастно, я обязанъ замѣтить, что она вамъ не пара и вовсе не такая красавица, чтобъ влюбиться въ нее до безумія.

ДАНКОВСКІЙ. Вы ошибаетесь какъ нельзя больше, почтеннѣйшій Дмитрій Алексѣевичъ.... я служу вамъ примѣромъ этой необычайной страсти!

КЛИНОВЪ. Я все сказалъ съ своей стороны! Во всякомъ случаѣ, любезнѣйшій Федоръ Васильевичъ, клянусь моею честью, вы мнѣ нравитесь до невозможности!... (*Жметъ ему руку*). Вы мнѣ нравитесь даже больше стараго моего товарища Андрея Никитича Горохова!... Вы постоянно веселы и любезны... тогда какъ Гороховъ и я... мы рѣшительно ни на что непохожи... Напримѣръ, какъ мы проводимъ съ нимъ вечера?... куримъ сигары, пьемъ пуншъ, иногда толкуемъ о старинѣ... а чаще молчимъ.... и ни разу не улыбаемся!... А вы... вы въ какіе-нибудь четверть часа успѣли и распотѣшить меня и насмѣшить.... Да хоть-бы этаго даже не было.... довольно того, что вы сынъ моего бывшаго начальника и благодѣтеля.... и потому я не могу вамъ ни въ чемъ отказать.... И такъ, вотъ вамъ мой отвѣтъ: по нравьтесь, любезнѣйшій, моей дочери и потомъ женитесь на ней!

ДАНКОВСКІЙ (*бросаясь къ нему на шею и цѣлуя его*). Дмитрій Алексѣевичъ!... какъ васъ благодарить!

КЛИНОВЪ. Ну, дѣло кончено!... Я сейчас приведу къ вамъ жену и дочь... постарайтесь очаровать мою Ашу точно такъ-же, какъ ужъ вы умѣли очаровать меня, любезнѣйшій!...

ДАНКОВСКІЙ. О, будьте покойны!... Я употреблю для этого всѣ мои силы и способности... Позвольте одно слово, почтеннѣйшій Дмитрій Алексѣевичъ... мнѣ-бы хотѣлось понравиться и вашей супругѣ, моей будущей матушкѣ... но, признаюсь, я такъ мало ее знаю... боюсь, чтобы, вмѣсто пользы себѣ, не надѣлать глупостей!...

КЛИНОВЪ. Не бойтесь! у моей жены предоброе сердце! Да постойте... чего лучше. Вы какъ разъ задѣнете ее за живое... Скажите ей прямо, что спасли ея собаку... Только смотрите, не скажите этаго моей дочери... Ашѣ, напротивъ, скажите, что вы утопили Амишку!... Это ей будетъ очень пріятно!

ДАНКОВСКІЙ. Хорошо... не забуду!

КЛИНОВЪ. Ну-съ, я пойду за своими... Онѣ, я думаю, возвратились ужъ съ гулянья, и вѣрно сидятъ теперь въ саду... я сію минуту явлюсь къ вамъ съ ними!... До свиданія-же, любезнѣйшій Федоръ Васильевичъ... (*Жметъ руку Данковскому, и уходитъ въ среднюю дверь*).

IX.

ДАНКОВСКІЙ одинъ.

Да онѣ славный малый! Право, славный! Немножко скучновать для меня.. Ну, да ничего!.. Когда я женюсь, такъ буду ѣздить къ нему не болѣе одного разу въ недѣлю!.. Вотъ что значитъ счастье-то!.. Какъ повалило, такъ теперь ни въ чемъ нѣтъ неудачи!.. Надобно сказать, однакоже, по правдѣ... эта невѣста не совсѣмъ-то блестящая партія для меня... потому-что, собственно говоря о себѣ, оказывается, что я уменъ и образованъ, и принятъ въ лучшихъ обществахъ... и состояніе имѣю... то-есть мой отецъ имѣетъ порядочное состояніе... Не подумайте, чтобъ я былъ самолюбивъ... о, нисколько... во мнѣ нѣтъ этаго порока!.. Но нельзя же, въ этомъ случаѣ унижать себя... Я думаю о себѣ точно тоже, что и всякой другой теперь думаетъ о своей личности!.. А что прикажете дѣлать съ сердцемъ! Эти очаровательныя ножки перевернули совершенно первоначальныя мои идеи!.. Теперь, по-крайней-мѣрѣ, утѣшаю я себя тѣмъ, что красота, а главное, чудная ножка моей невѣсты должна произвестъ стра-

шный фуроръ въ свѣтъ!.. Чтѣ ни говорите, а хорошенькая жена важная вещь во многихъ случаяхъ!.. Одно только страшусь я... ну, какъ она вдругъ отправитъ меня... Нѣтъ, не можетъ быть... все мнѣ говоритъ, что неудачи быть не можетъ.. Вотъ ужъ цѣлую недѣлю я ухаживаю за нею по всѣмъ правиламъ благороднаго волокитства... встрѣчаюсь по десяти разъ въ день... и до-сихъ-поръ не замѣтилъ еще ничего худаго... Досадно только, къ чему она таскаетъ вездѣ съ собою свою жеманную матушку!.. Конечно... я не могу на нее пожаловаться... повидимому матушкѣ тоже очень пріятны встрѣчи со мною... потому-что она такъ умильно смотритъ всегда на меня... даже умильнѣе, чѣмъ дочь!.. Это, впрочемъ, и не удивительно!.. Пожилая дама всегда имѣетъ болѣе правъ на кокетство, чѣмъ молодая!.. Испытайте сами... При первой встрѣчѣ съ двумя дамами, пожилой и молоденькой, вставьте вотъ такимъ образомъ лорнетъ въ глазъ и взгляните на нихъ, вотъ такъ... посмѣйтесь и понѣжите... Вы увидите иногда, что пожилая закатитъ или прищуритъ глаза и улыбнется... а молоденькая опуститъ глазки и хотя очень васъ замѣтитъ, но покажетъ, что не замѣчаетъ!.. Но все-таки я долженъ сказать, что эта матушка мнѣ много мѣшала! Не будь ея съ моей Анеттой... я давно бы ужъ съ ней заговорилъ!.. Сегодня, однакожь, я рискнулъ... передалъ Анеттѣ, черезъ горничную, маленькую страстную записочку!.. Она такъ удачно написана, что должна непременно произвестъ эффектъ... Идутъ!.. (Охаращивается).

Х.

ДАНКОВСКІЙ, КЛИНОВЪ, КЛАВДІЯ и ЗУБКОВА.

КЛИНОВЪ. Любезнѣйшій Федоръ Васильевичъ! Рекомендую... моя жена и дочь!..

ДАНКОВСКІЙ (раскланиваясь). Медамъ!.. (Всторону). Она! онъ! мои очаровательныя ножки!

ЗУБКОВА (всторону). Это онъ!.. (Клинову). Ахъ, папаша, зачѣмъ вы меня не предупредили?.. Я такъ дурно одѣта!..

КЛИНОВЪ (Зубковой). Опять! Молчи ради Бога, и ни съ мѣста!.. (Вслухъ). Клавдюша! Аша! Рекомендую!.. Сынъ моего бывшего начальника и благодѣтеля...

ДАНКОВСКІЙ. Федоръ Васильевичъ... Къ чему же тутъ влетать батюшку?.. (Всторону). О, ножки! ножки!..

КЛИНОВЪ. Правда!.. Вы въ этомъ не нуждаетесь!.. Клавдюша! Аша!.. Хотя онъ и сынъ моего командира и благодѣтеля... слѣдовательно, по одному ужъ этому, мнѣ слѣдуетъ любить его какъ роднаго... но несмотря на то, я долженъ сознаться, что будь онъ хоть сынъ дворника и въ такомъ случаѣ я полюбилъ бы его не меньше... потому-что онъ вполнѣ того достоинъ... И такъ, оставляю васъ съ нимъ... (*Тихо Данковскому*). Я не хочу вамъ мѣшать... (*Вслухъ*). Занимайте его... а что до него касается, такъ ужъ я увѣренъ, что онъ васъ займетъ... и... ну, да вотъ увидите сами... (*Тихо Данковскому*). Только я уйду, катайте прямо... Я увѣренъ напередъ, что отъказа не будетъ... (*Вслухъ*). Извините, любезнѣйшій... я пойду немного прогуляюсь... спина что-то побаливаетъ... нуженъ моціонъ!.. (*Клавдію*). Помогай имъ Клавдюша!.. (*Зубковой*). Если ты не согласишься на то, о чемъ онъ будетъ говорить... берегись!..

ЗУБКОВА (*всторону*). Боже мой! неужели!.. Какой восторгъ!..

КЛИНОВЪ. До свиданія же!.. Я не загуляю!.. Федоръ Васильевичъ! будьте какъ дома!.. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

XI.

ДАНКОВСКІЙ, КЛАВДІЯ и ЗУБКОВА.

ДАНКОВСКІЙ. Медамъ!.. Гмъ!.. Дмитрій Алексѣевичъ такъ много насказалъ вамъ обо мнѣ хорошаго, что я начинаю уже бояться, съумѣю ли оправдать его рекомендацію...

ЗУБКОВА (*закатывая глаза*). Ахъ, помилуйте... конечно...

ДАНКОВСКІЙ. Не знаю, много ли во мнѣ достоинствъ... но, по-крайней-мѣрѣ, въ одномъ я могу безъ самолюбія сознаться... это откровенность...

ЗУБКОВА. Ахъ, что можетъ быть милѣе откровенности!

ДАНКОВСКІЙ (*Всторону*). До-сихъ-поръ отвѣчаетъ одна матушка, а дочка только улыбается... (*Вслухъ*). Поэтому, позвольте мнѣ говорить съ вами, медамъ, безъ церемоній, какъ давнишнему знакомому... Я смѣю думать, что лицо мое вамъ несомнѣнъ незнакомо...

ЗУБКОВА. Да... дѣйствительно... лицо ваше мнѣ очень знакомо...

КЛАВДІЯ (*всторону*). Да... мы его видѣли, по-крайней-мѣрѣ, разъ сто въ эту недѣлю!..

ДАНКОВСКІЙ (*всторону, взглянувъ на Клавдію*). Боже мой! какъ она хороша! а ножки! ножки!..

КЛАВДІЯ (*всторону*). Это забавно!.. Онъ принимаетъ Анетту за мою мать а меня за дочь!.. И Анетта такъ самолюбива, что не догадывается?..

ДАНКОВСКІЙ (*всторону*). Кажется, матушка прескромная и предобрая женщина!.. Немножко глаза закатываетъ... Ну, да это ничего!.. (*Вслухъ*). Немудрено, впрочемъ, медамъ, что вы такъ часто встрѣчали меня здѣсь... Я парголовскій житель...

КЛАВДІЯ. А! вы живете въ Парголовѣ?..

ДАНКОВСКІЙ (*всторону*). Первое слово! Чтò за голосокъ!.. (*Вслухъ*). Да—съ, я живу въ Парголовѣ.. Но это ничего не значить... живи я въ Китаѣ... и тогда—бы я всякій день былъ здѣсь, для того только, чтобъ имѣть счастье встрѣчаться съ вами!..

ЗУБКОВА (*тихо Клавдію*). Слышите, мамаша!.. Ахъ, какой онъ милашка!..

ДАНКОВСКІЙ. Васъ удивляютъ, быть—можетъ, мои слова, медамъ... но чтò дѣлать... я не въ силахъ болѣе скрывать моихъ чувствъ... Они извѣстны уже Дмитрію Алексѣевичу... пусть же будутъ извѣстны и супругъ его и дочери... Вы видите, медамъ, предъ собой страдальца, котораго счастье зависить отъ одного только слова...

ЗУБКОВА. Отъ одного моего слова?

ДАНКОВСКІЙ (*всторону*). Этотъ отвѣтъ мнѣ пріятнѣе было бы слышать отъ дочки, чѣмъ отъ матушки... (*Вслухъ*). Эти частыя встрѣчи должны уже были служить доказательствомъ, что я...

ЗУБКОВА. Да... я вспомнила... Мы очень часто васъ встрѣчали!..

ДАНКОВСКІЙ (*всторону*). Матушка—то очень замѣчательна!.. Ничего не скроешь отъ нея!.. (*Вслухъ, обращаясь къ Клавдію*). Поэтому, я осмѣлился сегодня утромъ вручить вашей горничной...

ЗУБКОВА. Письмо!.. Мы его получили!..

ДАНКОВСКІЙ (*Зубковой*). Вы получили его!..

ЗУБКОВА (*Зубкова опускаетъ глаза*). Да!.. (*Клавдію тихо*). Ахъ, мамаша! слышите!..

КЛАВДІЯ (*всторону*). Если я не вступлю въ разговоръ... Она себя окомпрометируетъ!.. (*Вслухъ*). Это письмо получила я!..

ДАНКОВСКІЙ. Вы!.. и вы его прочли?..

ЗУБКОВА. Прочли!

ДАНКОВСКІЙ (*всторону*). Она показала мое письмо матушкѣ!.. Не хорошо!.. а должно сознаться, что это доказываетъ необыкновенную въ ней правдивость!..

КЛАВДІЯ (*всторону*). Надо ему все открыть... (*Вслухъ*). Я должна васъ предупредить...

ДАНКОВСКИЙ (*вслухъ Зубковой*). Позвольте... я смѣю думать, что письмо мое не могло принести вамъ неприятности...

ЗУБКОВА (*закатывая глаза*). О, нѣтъ... нисколько...

ДАНКОВСКИЙ (*всторону*). Къ чему же это матушка все закатываетъ глаза!.. Какая скверная привычка...

КЛАВДІЯ. Но я должна вамъ сказать, что я...

ДАНКОВСКИЙ. Неужели оно васъ оскорбило?.. О, если это такъ... не сердитесь на меня... Клянусь, чтобъ искупить мою вину, я готовъ выпустить изъ жилъ моихъ всю кровь... ту самую кровь, которая такъ еще недавно пролита уже была для вашего семейства!

ЗУБКОВА. Вы были ранены на дуэли?

ДАНКОВСКИЙ. Нѣтъ-съ, я былъ укушенъ!...

ЗУБКОВА и КЛАВДІЯ. Укушены?

ДАНКОВСКИЙ. Да... собакой... вашей собакой!...

КЛАВДІЯ. Амишкой?...

ЗУБКОВА (*всторону*). О, скверная собака!

КЛАВДІЯ. Неужели онъ живъ? Ради Бога! скажите, гдѣ же онъ?

ДАНКОВСКИЙ (*всторону*). Посмотрите, пожалуйста, какъ у ней разгорѣлись глазенки!... (*Вслухъ*). Вы спрашиваете гдѣ онъ?...

КЛАВДІЯ. Ахъ, говорите же!...

ДАНКОВСКИЙ (*всторону*). Матушка любитъ собакъ... дочка терпѣть не можетъ... надо въ этомъ тонѣ и отвѣчать... (*Вслухъ*). Я уже имѣлъ честь сказать вамъ, медамъ, что откровенность составляетъ лучшую черту моего характера... и потому... прежде чѣмъ вы услышите отъ меня положительный отвѣтъ на вашъ вопросъ... я долженъ съ полною откровенностью предупредить васъ... что я... (*Тихо Зубковой*). Безъ ума люблю собакъ!... (*Тихо Клавдіи*). Терпѣть не могу собакъ!

КЛАВДІЯ. Неужели!

ДАНКОВСКИЙ. Теперь извольте выслушать... три дня тому назадъ, я нашелъ вашего Амишку посреди здѣшняго озера... съ огромнымъ камнемъ на шеѣ... Послѣ непродолжительной борьбы, которая оставила кровавые слѣды на моемъ плечѣ, я имѣлъ счастье... (*Тихо Зубковой*). Вытащить его изъ воды невредимымъ... (*Тихо Клавдіи*). Утопить его окончательно!

КЛАВДІЯ (*всторону*). О, ужасъ! онъ утопилъ моего Амишку!... Хорошо-же! я жестоко отплачу ему за это!... Пусть онъ женится на своей Аннетѣ... пусть погибаетъ самъ!.. я не буду ему мѣшать!

ДАНКОВСКИЙ (*Зубковой*). Но Амишку всторону!.. Выслушайте меня, ради Бога, и не откажите въ просьбѣ несчастнаго страдальца!.. Я сознался во всемъ Дмитрію Алексѣевичу... онъ принялъ съ удоволь-

ствіемъ мое предложеніе и видимо тронуть былъ чувствами моего сердца... (*Клавдія*). Тѣми самыми чувствами, которыя я осмѣлился такъ подробно и пламенно описать въ сегодняшнемъ моемъ письмѣ... Теперь одно только слово изъ вашихъ прелестныхъ устъ — и я буду счастливѣйшій изъ смертныхъ!...

ЗУБКОВА (*всторону*). Бѣдняжка!... какія любезности онъ ей говорить... и все это для меня!...

КЛАВДІЯ. Воля отца для меня законъ!... и мнѣ бы должно было безпрекословно повиноваться его желанію... но...

ДАНКОВСКІЙ. Неужели есть препятствіе?...

КЛАВДІЯ. Я боюсь... чтобъ вы сами въ послѣдствіи не раскаялись!

ДАНКОВСКІЙ. Никогда!... клянусь!...

ЗУБКОВА. Ахъ, не клянитесь... клятвы опасны... сколько мужчинъ...

ДАНКОВСКІЙ. Я изъ нихъ выродокъ!.. я самый постоянный человекъ въ моихъ чувствахъ! (*Зубковой*). Не терзайте-же меня... согласитесь...

ЗУБКОВА. Ахъ, еслибъ вы знали, чего отъ меня требуется... это тоже, что взять мою жизнь... мою душу...

ДАНКОВСКІЙ (*всторону*). Предобрѣйшая мать!... (*Вслухъ Зубковой*). Повѣрьте, я понимаю ваши чувства... и клянусь оправдать ихъ вполне на дѣлѣ!... скажите, у васъ не было сыновей?...

ЗУБКОВА (*съ удивленіемъ и конфузно*). Нѣтъ... не было...

ДАНКОВСКІЙ (*съ чувствомъ*). Не было!... о, согласитесь же на мою просьбу!... согласитесь, — и у васъ будетъ сынъ!... повѣрьте, судьба васъ наградитъ самымъ почтительнымъ сыномъ...

ЗУБКОВА (*всторону*). Что это за глупость пришла ему въ голову!...

ДАНКОВСКІЙ. Ради Бога! не лишайте меня этой надежды... умоляю васъ на колѣняхъ! (*Становится предъ Зубковой на колѣна. Въ эту минуту выглядываетъ изъ среднихъ дверей Гороховъ, который, увидя положеніе Данковскаго, тотчасъ же снова скрывается*).

КЛАВДІЯ (*всторону*). Я едва удерживаюсь отъ смѣха!...

ЗУБКОВА. Ахъ, встаньте, пожалуйста!...

ДАНКОВСКІЙ. Если вамъ угодно... я повинуюсь... но не мучьте же меня болѣе... скажите, согласны ли вы составить мое счастье?...

ЗУБКОВА (*конфузно, опуская глаза*). О, да!... согласна вполне!...

ДАНКОВСКІЙ. Ахъ!... какъ васъ благодарить!.. (*Цѣлуя ея руку, всторону*). Для чего жъ она жмуритъ глаза?... (*Вслухъ Клавдіи*). Теперь я жду вашего отвѣта... въ рукахъ вашихъ моя участь!...

КЛАВДІЯ. Я сказала уже вамъ мой отвѣтъ... воля отца—для меня законъ... если онъ согласенъ на этотъ бракъ,—согласна и я!

ДАНКОВСКИЙ. Вы возвращаете мнѣ жизнь!... (*Цѣлуя ея руку, всторону*). О, ножки, ножки! вы мои!

ЗУБКОВА (*всторону*). Какое блаженство! я буду его женою!

КЛАВДІЯ (*всторону*). Пускай женится на Аннетѣ!... Этотъ бракъ будетъ мщеніемъ ему за смерть моего Амишки!... (*Вслухъ*). Извините насъ... мы должны заняться хозяйствомъ... (*Тихо Зубковой*). Пойдемте, Аннета ..

ЗУБКОВА (*тихо Клавдіи*). Вы ужъ насъ разлучаете!... какія вы жестокія...

КЛАВДІЯ (*тихо ей*). Пойдемте, не ловко-же вамъ оставаться съ нимъ вдвоемъ... (*Особо*). Она все дѣло испортить!...

ДАНКОВСКИЙ. Вы оставляете меня!...

ЗУБКОВА. Не надолго!... (*Со вздохомъ*). Ахъ!... до свиданія. Эддоръ Васильевичъ!...

ДАНКОВСКИЙ (*кланяясь*). До скораго свиданія!...

(*Клавдія и Зубкова уходятъ въ дверь направо. Зубкова, уходя, оборачивается нѣсколько разъ и бросаетъ нѣжные взгляды на Данковского.*)

ХІІ.

ДАНКОВСКИЙ ПОТОМЪ ГОРОХОВЪ.

ДАНКОВСКИЙ (*въ восторгѣ*). Я счастливъ, счастливъ совершенно!... Одно только не хорошо.. батюшка дубовать, а матушка такая кокетка, что изъ рукъ вонь!... Ну, да увидимъ... мы ихъ какъ разъ и по боку!..

ГОРОХОВЪ (*выглядывая въ среднюю дверь*). А! наконецъ, онъ одинъ!... (*Подходя къ Данковскому и ударя его по плечу*). Милостивый государь!...

ДАНКОВСКИЙ. А! это вы!

ГОРОХОВЪ. Да-съ, нѣкоторымъ образомъ, я! то-есть, отставной маіоръ Гороховъ!...

ДАНКОВСКИЙ. Очень радъ!...

ГОРОХОВЪ. Радоваться нечему!... Дѣло не въ томъ... я думаю, вы, нѣкоторымъ образомъ, слышали не разъ отъ своего почтеннаго батюшки о моемъ характерѣ...

ДАНКОВСКИЙ. Нѣтъ... къ несчастію, или къ счастью, ничео не слышалъ...

ГОРОХОВЪ. Ну, такъ, вы теперь узнаете по нѣкоторымъ происшествіямъ мой характеръ.

ДАНКОВСКІЙ. Къ чему-жь это?...

ГОРОХОВЪ. А вотъ увидите...

ДАНКОВСКІЙ. Я, впрочемъ, не любопытенъ!

ГОРОХОВЪ (*горячо*). Нѣтъ-съ! вы должны, нѣкоторымъ образомъ, это знать...

ДАНКОВСКІЙ. А! долженъ!... ну, такъ я васъ слушаю, нѣкоторымъ образомъ!

ГОРОХОВЪ. Прежде всего вы должны знать, что я закаленный человекъ въ бою... Я имѣлъ честь свершить турецкую и польскую компаніи...

ДАНКОВСКІЙ. Это вамъ приноситъ честь.

ГОРОХОВЪ. Страху во мнѣ нѣтъ вотъ ни на столько! (*Показываетъ часть мизинца*). Будь смерть предъ самымъ носомъ, — я, нѣкоторымъ образомъ, и не вздрогну!... и не мигну!

ДАНКОВСКІЙ. Это, нѣкоторымъ образомъ, приноситъ вамъ еще больше чести!

ГОРОХОВЪ. Но я не хочу хвастаться предъ вами моею службою.. Спросите батюшку вашего... онъ вамъ, нѣкоторымъ образомъ, лучше это объяснить... я намѣренъ только рассказать вамъ два случая изъ моей жизни...

ДАНКОВСКІЙ. Если ужъ вамъ пришла такая охота рассказывать, — такъ рассказывайте, только поскорѣе... мнѣ некогда!

ГОРОХОВЪ. Первый случай былъ въ 1827 году... я хотѣлъ, нѣкоторымъ образомъ, жениться на дочери одного купца!...

ДАНКОВСКІЙ. По любви, или по расчету?

ГОРОХОВЪ. Этого вамъ не нужно знать... Я ужъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, сосватанъ, какъ вдругъ въ одинъ день получилъ отъ родителя невѣсты письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что, по нѣкоторымъ причинамъ, никакъ не можетъ отдать за меня своей дочери.

ДАНКОВСКІЙ. Какое несчастіе!

ГОРОХОВЪ. Несчастія тутъ вовсе не было... я узналъ послѣ, что она была, нѣкоторымъ образомъ, прекапризная дѣвчонка...

ДАНКОВСКІЙ. Ну, такъ что же?

ГОРОХОВЪ. Это обстоятельство только удивило меня и взволновало мою кровь!.. Я бросился разыскивать о причинахъ отказа... и, наконецъ, узналъ, что меня очернилъ одинъ... какъ... какъ бы вамъ сказать... ну, словомъ... этакая, знаете, приказная строка...

ДАНКОВСКІЙ. А!... чѣмъ же кончилось?

ГОРОХОВЪ. Кончилось тѣмъ, что я отправился къ этому негодню и оставилъ ему, нѣкоторымъ образомъ, на память....

ДАНКОВСКІЙ. И онъ ничего?...

ГОРОХОВЪ. Зная мой характеръ, не осмѣлился, нѣкоторымъ образомъ, и пожаловаться...

ДАНКОВСКІЙ. Этотъ челоѣкъ, должно-быть, дорожилъ, нѣкоторымъ образомъ, своей честью!...

ГОРОХОВЪ. Другой подобный же случай былъ въ 1832 году...

ДАНКОВСКІЙ. Если подобный же.. такъ лучше не разсказывайте... довольно одного...

ГОРОХОВЪ. Но я, нѣкоторымъ образомъ, хочу!

ДАНКОВСКІЙ. А я, нѣкоторымъ образомъ, не хочу васъ слушать!... вѣдь кончилось, я думаю, тѣмъ же?...

ГОРОХОВЪ. Еще хуже!... Другой мошенникъ пролежалъ у меня три мѣсяца въ постели...

ДАНКОВСКІЙ. Отлично! Надобно правду сказать, вамъ понадалеѣсь подъ руку все благородные люди!

ГОРОХОВЪ. А вы бы что сдѣлали на ихъ мѣстѣ?..

ДАНКОВСКІЙ. Не знаю... смотря по обстоятельствамъ... можетъ-быть, убилъ бы васъ за одно даже намѣреніе сдѣлать мнѣ оскорбленіе... а можетъ-быть, просто, похотѣлъ бы надъ вашими угрозами...

ГОРОХОВЪ. И вы бы, нѣкоторымъ образомъ, осмѣлились?...

ДАНКОВСКІЙ. Не только нѣкоторымъ образомъ, но положительно бы осмѣлился!.. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ... По моему мнѣнію, всякій разсказъ долженъ вести къ какой-нибудь цѣли... объясните же мнѣ, къ чему ведутъ ваши разсказы?...

ГОРОХОВЪ. Вы это сію минуту узнаете... Скажите... правда ли, что вы хотите жениться на дочери нашего полковника?

ДАНКОВСКІЙ. То есть, на дочери Дмитрія Алексѣевича?... не скрываю отъ васъ, правда!

ГОРОХОВЪ. Но извѣстно ли вамъ, что я самъ, нѣкоторымъ образомъ, намѣренъ на ней жениться?...

ДАНКОВСКІЙ. Слышалъ отчасти...

ГОРОХОВЪ. Такъ какъ же вы смѣете отбивать ее у меня?

ДАНКОВСКІЙ. А развѣ это запрещено?

ГОРОХОВЪ. Вы и я — большая разница....

ДАНКОВСКІЙ. Кажется!

ГОРОХОВЪ. Вотъ уже четвертый годъ, какъ я называюсь, нѣкоторымъ образомъ, ея жниномъ...

ДАНКОВСКІЙ. А я минутъ десять...

ГОРОХОВЪ. Я не позволю ее отбивать у меня первому встрѣчному...

ДАНКОВСКІЙ. Позвольте.. первый встрѣчный въ этомъ случаѣ вы; по времени выходитъ, что вы первый, четырехлѣтній ея женихъ, а я ужъ второй, десятиминутный!

ГОРОХОВЪ. Милостивый государь! остерегитесь, нѣкоторымъ образомъ!.. Припомните только мои два происшествія.

ДАНКОВСКІЙ. А вы припомните басенку: «попрыгунья стрекоза лѣто цѣлое пролѣла»...

ГОРОХОВЪ. А для чего это?

ДАНКОВСКІЙ. Да для того, что не позднечко ли вы задумали?.. Для васъ, кажется, наступила уже зимняя пора.

ГОРОХОВЪ. Не вамъ объ этомъ разсуждать... я знаю лучше васъ, способенъ ли я быть мужемъ Анны Дмитріевны, или нѣтъ!

ДАНКОВСКІЙ. Не спорю!.. но ужъ я вамъ никакъ не уступлю ее!

ГОРОХОВЪ. А вотъ увидимъ!.. Я скажу вамъ только одно... если вы сегодня не оставите своего намѣренія... такъ завтра...

ДАНКОВСКІЙ. Что?

ГОРОХОВЪ. Вотъ увидите, что я завтра сдѣлаю съ вами!

ДАНКОВСКІЙ. Не на дуэль-ли вызовете?

ГОРОХОВЪ. Да хоть на дуэль, чортъ возьми! если на то пойдетъ!

ДАНКОВСКІЙ. Этимъ меня не испугаете! Вы слышали, что я давеча сказала Дмитрію Алексѣевичу?

ГОРОХОВЪ. Что?

ДАНКОВСКІЙ. Чтобъ еслибъ я не воздерживался, такъ давно бы, за его любезности, обрубилъ бы ему уши, или прострѣлилъ бы лобъ!... Но я увѣренъ, что у насъ до дуэли не дойдетъ!

ГОРОХОВЪ. А вотъ увидимъ!

ДАНКОВСКІЙ. Увидимъ!...

ГОРОХОВЪ. Только я совѣтую вамъ поразсудить, нѣкоторымъ образомъ, объ этомъ дѣлѣ...

ДАНКОВСКІЙ. И я вамъ совѣтую тоже, нѣкоторымъ образомъ!..

ГОРОХОВЪ. Я отъ своего намѣренія не отступлюсь!

ДАНКОВСКІЙ. И я отъ своего не отступлюсь!

ГОРОХОВЪ. Берегитесь! я становлюсь, нѣкоторымъ образомъ, тигромъ, когда меня раздражить!

ДАНКОВСКІЙ. А я, нѣкоторымъ образомъ, гienной!

ГОРОХОВЪ. Милостивый государь!

ДАНКОВСКІЙ. Что, г. маіоръ?

ГОРОХОВЪ. Я жду только до завтрашняго утра!...

ДАНКОВСКІЙ. Ждите сколько хотите!...

ГОРОХОВЪ (*идя къ средней двери*). Завтра я покажу вамъ себя!
ДАНКОВСКІЙ. Пожалуй, и я покажу вамъ себя!...

ГОРОХОВЪ. Я, нѣкоторымъ образомъ, раздѣляюсь съ вами!

ДАНКОВСКІЙ. Хорошо! прощайте!

ГОРОХОВЪ. Берегите свои уши!

ДАНКОВСКІЙ. Берегите свой носъ!

(*Гороховъ уходитъ въ сильномъ гнѣвѣ въ среднюю дверь*).

ХІІІ.

ДАНКОВСКІЙ одинъ

Этотъ господинъ, съ своимъ нѣкоторымъ образомъ, надоѣлъ мнѣ до смерти!... Туда же, вздумалъ жениться на моей Аннетъ!... Да ему ли обладать такими чудесными ножками!... Онъ и цѣны то имъ вовсе не знаетъ! Нѣтъ, ужъ теперь ее у меня никто не отобьетъ; я готовъ биться за нее съ цѣлымъ свѣтомъ... Меня никто не испугаетъ!...

ХІV.

ДАНКОВСКІЙ, КЛИНОВЪ.

КЛИНОВЪ. Эй! Козминъ! позови мнѣ скорѣе Клавдюшиньку и Ашѣ!

ДАНКОВСКІЙ (*подбѣгая къ нему*). Дмитрій Алексѣевичъ! я счастливѣйшій изъ смертныхъ!...

КЛИНОВЪ. Ну, что?

ДАНКОВСКІЙ. И Анна Дмитріевна и супруга ваша согласны!

КЛИНОВЪ. Видите!... не правду-ли я говорилъ.

ДАНКОВСКІЙ. Ахъ, Дмитрій Алексѣевичъ!... Наконецъ, эти ножки, то-есть... Анна Дмитріевна будетъ моею!... Мечты мои осуществились... и вы... и вы будете моимъ отцомъ...

КЛИНОВЪ (*разчувствовавшись*). Дѣйствительно... счастливѣйшая минута въ жизни!... Могъ ли я думать, могъ ли ожидать, чтобъ сынъ моего командира и благодѣтеля сдѣлался моимъ сыномъ!... вотъ что значитъ судьба!... Какъ подумаю только, что вашъ батюшка Василій Федоровичъ будутъ моимъ своякомъ... повѣрите ли... (*Увидя входящихъ Клавдію и Зубкову*). Идите, идите сюда скорѣе!.. Клавдюша, Аша, сюда, ко мнѣ!...

ТѢЖЕ, КЛАВДІЯ, ЗУБКОВА.

ДАНКОВСКІЙ (*всторону*). Не могу налюбоваться на эти чудныя ножки! ..

КЛИНОВЪ (*тихо Клавдіи*). Ну, что? каковъ молодець? Не правдали, чудо что такое! (*Клавдія улыбается. Тихо Зубковой*). А тебя я и не спрашиваю!.. ужь вѣрно правится?

ЗУБКОВА (*тихо Клинову*). Ахъ, папаша! Очень! до чрезвычайности!.. Я, просто, безъ ума!.. вотъ вы все меня бранили, зачѣмъ я нейду за этого стараго ..

КЛИНОВЪ. Ну, ну! молчи!..

ДАНКОВСКІЙ (*Зубковой*). Вотъ-счастливѣйшій день въ моей жизни!

ЗУБКОВА (*закатывая глаза*). Ахъ! и для меня тоже!..

ДАНКОВСКІЙ (*всторону*). Опять закатила глаза... (*Вслухъ Клинову*). Дмитрій Алексѣевичъ! рѣшите же мою судьбу!.. Не откладывайте дѣла въ долгій ящикъ!

КЛИНОВЪ. Именно! незачѣмъ откладывать! Я этого терпѣть не могу!.. (*Торжественно*). Ѳедоръ Васильевичъ!.. подведите ко мнѣ мою дочь!..

ДАНКОВСКІЙ (*пройдя мимо Зубковой, и не замѣчая, что она протянула ему руку, подходитъ къ Клавдіи*).

ЗУБКОВА (*всторону*). Что жь это онъ прошелъ мимо меня?

КЛИНОВЪ. Что вы дѣлаете?.. Я говорю, подведите ко мнѣ дочь!..

ДАНКОВСКІЙ (*стоя подль Клавдіи*). Да... я и хочу... (*Протягиваетъ ей руку*).

КЛИНОВЪ. Да вы отъ радости, кажется, ничего не видите!.. Я васъ прошу подвести ко мнѣ дочь, а не жену мою!..

ДАНКОВСКІЙ (*озадаченный*). Что!.. жену!..

КЛАВДІЯ (*Данковскому*). Того, кто утопилъ любимую мою собаку, — я могу только ненавидѣть!..

ДАНКОВСКІЙ (*про себя, съ отчаяньемъ*). Что я слышу! она...

КЛАВДІЯ (*также*). Вы, кажется, ошиблись немного... Аннета ваша тамъ... а я... я не больше, какъ ея мачиха!..

ДАНКОВСКІЙ (*стоя истуканомъ и ударя себя въ лобъ*). Мачиха!..

ЗУБКОВА (*Клинову*). Папаша! Что-жь онъ не подходитъ ко мнѣ?..

КЛИНОВЪ. Да что съ нимъ, въ-самомъ-дѣлѣ?.. Ѳедоръ Васильичъ! Что-жь вы не подведите ко мнѣ дочь?.. (*Взявъ за руку Зубкову*). Аша! подойди хоть ты къ нему... (*Подводитъ къ нему Зубкову*).

ДАНКОВСКІЙ (*съ крикомъ*). Не подходите!..

КЛИНОВЪ. Что съ вами?

ДАНКОВСКІЙ (плачущимъ тономъ). Погибъ невовратно! (Па-
даетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками).

ЗУБКОВА. Папаша! ему дурно!..

КЛИНОВЪ. Ну что тамъ еще!.. Отъ чего тутъ быть дурноты?

ЗУБКОВА. Пойдите, я ему дамъ понюхать спирту!.. (Вынувъ изъ
кармана небольшую стеклянку, подноситъ ее къ носу Дан-
ковскаго).

КЛАВДІЯ (всторону). Бѣдняжка! мнѣ ужъ его жаль!.. Кажется,
я ужъ черезъ-чуръ долго его мистифировала!

ДАНКОВСКІЙ (вскакивая со стула). Прочь! (Вышибаетъ изъ
рукъ Зубковой стеклянку).

ЗУБКОВА (отскакивая отъ него). Ай!..

ДАНКОВСКІЙ (разразившись хохотомъ). Ха, ха, ха, ха!.. Вотъ
штуку-то удралъ! Вотъ тебѣ и ножки!

ЗУБКОВА (съ крикомъ). Ай! онъ съ ума сошелъ!

КЛИНОВЪ (съ испугомъ). Взбѣсился!.. Неужели!.. Неужели пред-
чувствія мои сбылись!.. (Подходя осторожно къ Данковскому).
Федоръ Васильчъ! взгляните на меня!.. (Данковскій глядитъ на
него выпуча глаза). Батюшки! глаза такъ и лезутъ вонъ!.. Совер-
но, какъ у моего Гектора!

ДАНКОВСКІЙ (мрачно). У какого Гектора?..

КЛИНОВЪ. Позвольте... не подходите ко мнѣ близко... Аша! Клав-
дюша!.. Подальше отъ него!..

ДАНКОВСКІЙ (про себя). Вотъ положеніе!.. Или женись на этой
Ашѣ... или...

КЛИНОВЪ. Федоръ Васильчъ!.. Вы давеча говорили, что васъ
укусилъ Амишка?..

ДАНКОВСКІЙ. Да, до крови, въ лѣвое плечо!

КЛИНОВЪ. А прижигалъ-ли докторъ вамъ укушенное мѣсто?

ДАНКОВСКІЙ. Нѣтъ! оно и теперь еще не зажило!..

КЛИНОВЪ (съ испугомъ). Бѣда!.. Кладюша!.. Какъ ты пола-
гаешь... здоровъ былъ твой Амишка, когда пропалъ?..

КЛАВДІЯ. Право не знаю...

КЛИНОВЪ. Она не знаетъ... но я знаю положительно... Конечно!

ДАНКОВСКІЙ (смотря на него пристально). Что кончено?

КЛИНОВЪ (крича). Не подходите ко мнѣ!

ДАНКОВСКІЙ. Отчего.

КЛИНОВЪ. Оттого, что вы... Нѣтъ, пойдите... сейчасъ я

узнаю навѣрное.... (*Наливаетъ въ стаканъ воды и подноситъ его Данковскому*) Пейте!

ДАНКОВСКІЙ. Не хочу!

КЛИНОВЪ. Не хотите?...

ДАНКОВСКІЙ. Не хочу!

КЛИНОВЪ. Вамъ противна вода?

ДАНКОВСКІЙ. Противна!

КЛИНОВЪ. Кончено! онъ взбѣшенъ!... Амишка былъ взбѣшенъ.... укусилъ его, и теперь онъ самъ взбѣсился!.. (*Схвативъ за руку Клавдію и Зубкову*) Прочь отъ него! вонъ отсюда! Онъ насъ всѣхъ перекусаеть!.. Надо позвать людей .. или, лучше всего откомандируемъ къ нему Андрея Никитича!...

ЗУБКОВА. Папаша! неужели онъ....

КЛИНОВЪ. Ни слова! онъ тебя укуситъ! Ты сама какъ разъ взбѣсись!...

ЗУБКОВА. Ай! какія страсти!... (*Бѣжитъ въ дверь направо. Клиновъ съ Клавдіей убѣгаетъ за ней и замыкаетъ изнутри дверь на замокъ*).

XVI.

ДАНКОВСКІЙ, одинъ.

Я взбѣшенъ!... Да, дѣйствительно, я взбѣшенъ, только не отъ того, что меня укусила эта собаченка, но отъ моей несчастной ошибки!... О, ножки!.. о, мои очаровательныя ножки!... Прощайте! прощайте навсегда! Счастіе жестоко меня надуло!... Она замужемъ!.. А я воображалъ.... но неужели же мнѣ должно жениться на этой разрумяненной чучель?.. Нѣтъ ни за что! Въдь она, по-крайней-мѣрѣ, десятью годами старше меня и ужъ одними этими закатываньями глазъ противна мнѣ до невѣроятности!... Но какъ же я выпутаюсь изъ этой исторіи?.. Если объяснить все старику.... бѣда! выйдетъ такая катавасія что упаси Боже!.... Я удивляюсь только, какъ подобные старики, какъ этотъ Дмитрій Алексѣичъ, у котораго дочь чуть-чуть не приходится мнѣ матерью по лѣтамъ!... Кончено! они считаютъ меня бѣшеннымъ... дамъ тягу, да и только!.. Пусть думаютъ что хотятъ!.. Прощай, моя очаровательница!... Долго я тебя не забуду.... по-крайней-мѣрѣ, до-тѣхъ-поръ, пока не встрѣчу другихъ такихъ ножекъ!.. А быть-можетъ.... кто знаетъ? Онъ старъ.... (*Прислушивая*) Кто-то идетъ!... Улизнемъ же скорѣе!... (*Бѣжитъ къ средней двери и встрѣчается съ Гороховымъ*).

XVII.

ДАНКОВСКИЙ и ГОРОХОВЪ.

ГОРОХОВЪ. Куда?

ДАНКОВСКИЙ. Не мѣшайте, мнѣ некогда!

ГОРОХОВЪ. Раздумали-ли вы, нѣкоторыхъ образомъ, о томъ, что я давеча говорилъ?

ДАНКОВСКИЙ (*всторону*) какая мысль! (*Вслухъ*). Раздумалъ! стру-силь! и удаляюсь навсегда отъ вашей Анны Дмитріевны!

ГОРОХОВЪ. Неужели?

ДАНКОВСКИЙ. Дѣйствительно!... Я увидѣлъ, что мнѣ связываться съ вами не приходится!...

ГОРОХОВЪ. Ага! нѣтъ, батюшка, я, нѣкоторымъ образомъ, никому спуску не дамъ!..

ДАНКОВСКИЙ. Женитесь на своей прелестной Аннѣ Дмитріевнѣ, и будьте счастливы, сколько возможно.... Я какъ поразсудилъ, такъ увидѣлъ, что она больше пара вамъ, чѣмъ мнѣ!

ГОРОХОВЪ. Разумѣется! и по лѣтамъ, нѣкоторымъ образомъ, такъ выходитъ!...

ДАНКОВСКИЙ. Полковника я больше не увижу, такъ ужъ вы потрудитесь сказать ему, что я уступилъ вамъ поле сраженія... и что переѣзжаю даже сегодня совсѣмъ изъ Парголова!

ГОРОХОВЪ. Скажу непременно!...

ДАНКОВСКИЙ. Прощайте же....

ГОРОХОВЪ. Позвольте.... такъ выходить, что вы давеча храбры были только на словахъ!

ДАНКОВСКИЙ (*принужденно*). Да!

ГОРОХОВЪ. Такъ выходить, нѣкоторымъ образомъ, что вы трусь?

ДАНКОВСКИЙ (*также*). Да!

ГОРОХОВЪ. Гмъ! (*Садится на стулъ и оборачивается къ нему спиною*).

ДАНКОВСКИЙ (*всторону*). Каково я унизилъ себя!... Послѣ этого можете судить, какъ противна мнѣ эта настоящая Анна Дмитріевна!... Ну, пускай они что хотятъ обо мнѣ думаютъ!... Даже она!.. По-крайней-мѣрѣ, она пойметъ, что во мнѣ не совсѣмъ еще погасла искра нравственности, хоть эта добродѣтель отчасти очень шатка въ нашей братьѣ....

ГОРОХОВЪ (*оборотясь*). Вы еще здѣсь!

ДАНКОВСКИЙ (*оборотясь къ двери направо, со вздохомъ*). Прощай!.. прощайте, мои чудныя ножки!... теперь давай Богъ ноги (*Убѣгаетъ въ среднюю дверь*).

ХVIII.

ГОРОХОВЪ, ПОТОМЪ КЛИНОВЪ, КЛАВДІЯ и ЗУБКОВА.

ГОРОХОВЪ (*одинъ*). Шематонъ, трусь! и, нѣкоторымъ образомъ, больше ничего!... Какой онъ бѣшеный! выдумали, что взбѣсился... Да съ чего ему взбѣсится? Амишка здоровехонежъ!... Наконецъ, я отдѣлся отъ этаго франтика, и Анна Дмитріевна...

КЛИНОВЪ (*выглядывая изъ двери направо*). Ну, что?

ГОРОХОВЪ. Ушелъ!

КЛИНОВЪ (*выходя съ Клавдіей и Зубковой*). Какъ ушелъ?

ЗУБКОВА. Куда?

ГОРОХОВЪ. А Богъ его вѣдаетъ!

КЛИНОВЪ. Да какъ же ты пустилъ такъ бѣшенаго? Надо было его связать....

ГОРОХОВЪ. Да какой онъ бѣшеный, Дмитрій Алексѣичъ!.. Онъ, нѣкоторымъ образомъ, такой же бѣшеный, какъ и мы съ тобой!

КЛИНОВЪ. Что ты тутъ толкуешь!... Я лучше знаю... я видѣлъ самъ... по всему замѣтно, что его укусила бѣшеная собака!

ГОРОХОВЪ. Да и Амишка—то вашъ не думалъ бѣситься!

КЛАВДІЯ. Амишка!

ГОРОХОВЪ. Я ему далъ сейчасъ для испытанія воды... и онъ вылакалъ, кѣкоторымъ образомъ, цѣлую глубокую тарелку!

КЛАВДІЯ. Такъ онъ живъ?

ГОРОХОВЪ. Виновать, Дмитрій Алексѣичъ! проболтался, нѣкоторымъ образомъ!

КЛАВДІЯ (*Клинову*). А вы отъ меня скрывали....

КЛИНОВЪ. Какъ скрывалъ? (*Тихо Клавдіи*) Да вѣдь тебѣ сказалъ Давновскій, что онъ спасъ его изъ воды? Я ему велѣлъ сказать объ этомъ тебѣ... только запретилъ говорить Ашѣ!

КЛАВДІЯ. Да... да... (*Всторону*) Онъ его спасъ.... а я!.... Бѣдняжка! мнѣ его жаль!.. (*Вслухъ*) Но гдѣ же мой Амишка?

ГОРОХОВЪ. Запертъ—въ чуланъ...

КЛАВДІЯ. Въ чуланъ!.. (*Слышенъ за сценой собачій лай*). Вонъ его голосъ!.. Амишка! Амишка!.. (*Убѣгаетъ въ ереднюю дверь*).

КЛИНОВЪ. Ну, пошла опять возиться съ собакою!..

ЗУБКОВА. Папаша! вѣдь Федоръ Васильичъ не бѣшеный... такъ стало теперь...

ГОРОХОВЪ. Позвольте, Анна Дмитріевна... онъ приказалъ вамъ всѣмъ, нѣкоторымъ образомъ, кланяться и доложить, что онъ трусь.

КЛИНОВЪ. Что?

ЗУБКОВА. Что такое?

ГОРОХОВЪ. Да то-съ, что я его давеча, нѣкоторымъ образомъ, пугнулъ, когда узналъ, что онъ вздумалъ за вами ухаживать... а онъ струсилъ, да и далъ тягу...

ЗУБКОВА. Да по какому вы праву?..

ГОРОХОВЪ. Какъ по какому праву, Анна Дмитріевна... вы разсудите... вѣдь я четвертый годъ...

КЛИНОВЪ. Постой! ты не врешь-ли, Андрей Никитичъ... не можетъ быть, чтобъ сынъ нашего бывшаго командира былъ трусомъ...

ГОРОХОВЪ. Да развѣ ты слышалъ, чтобъ я, нѣкоторымъ образомъ, когда-нибудь вралъ?

КЛИНОВЪ. Правда... никогда не слышалъ...

ГОРОХОВЪ. Такъ какъ же ты мнѣ не вѣришь!.. Онъ поручилъ мнѣ тебѣ сказать... что онъ, нѣкоторымъ образомъ, раздумалъ, то-есть струсилъ, и уступаетъ мнѣ Анну Дмитріевну!

ЗУБКОВА. Неправда! не можетъ быть!..

КЛИНОВЪ. Молчи, Аша! Андрей Никитичъ никогда не вретъ!.. Вотъ послѣ этого вѣрь людямъ... а вѣдь давеча...

ГОРОХОВЪ. Самъ сознался, что храбръ былъ только на словахъ...

КЛИНОВЪ. Нѣтъ! хоть онъ и сынъ нашего командира, но, при всемъ уваженіи къ отцу, я не только не отдалъ бы ему моей дочери... но еслибъ онъ мнѣ попался...

ГОРОХОВЪ. Не безпокойся... онъ сказалъ, что ужъ ты его никогда больше не увидишь!..

КЛИНОВЪ. Жаль!.. А ужъ я бы отдѣлалъ его!.. Андрей Никитичъ! извини... на меня нашелъ какой-то туманъ... Этотъ трусишка околдовалъ меня совсѣмъ... но въ знакъ того, что мы опять друзья... вотъ тебѣ, бери Ашу... женись на ней!..

ЗУБКОВА (*почти со слезами*). Папаша! я вамъ сказала, что дамъ отвѣтъ завтра... и вы дали слово...

КЛИНОВЪ. Далъ слово?.. Давалъ я ей слово, Андрей Никитичъ?

ГОРОХОВЪ. Не могу скрыть... нѣкоторымъ образомъ, далъ!

КЛИНОВЪ. Ну, такъ и быть... Подождемъ до завтра... а если она у меня заартачится... такъ вѣдь уговоръ мой извѣстенъ!..

ЗУБКОВА (*съ отчаяньемъ, всторону*). Боже мой! неужели онъ мнѣ измѣнилъ! неужели я его никогда не увижу!

ГОРОХОВЪ (*всторону*). Кажется, завтра, наконецъ, судьба моя рѣшится, послѣ четырехъ-лѣтняго, нѣкоторымъ образомъ, терпѣнья!

КЛАВДІЯ (*вбѣгая въ среднюю дверь съ собакой*). Вотъ онъ!
вотъ мой милый Амишка! душка!..

КЛИНОВЪ. Покажи-ка сюда!.. (*Осматривая собаку, всторону*).
Теперь бѣшенства незамѣтно... а чуть только замѣчу — камень на
шею и въ воду!..

Къ публикѣ:

Охъ, бѣда, бѣда прямая,
Если дочка на плечахъ,
Да при этомъ пожилая
И разборчивая страхъ!
Видно, злымъ какимъ-то духомъ
Привита страстишка къ намъ:
Молодца давай старухамъ,
Молодицу старикамъ!
Я и самъ неравнымъ бракомъ
Искусился, и жена
Страстью сильною къ собакамъ,
Мнѣ на зло, заражена.
Страсть невинная отчасти
Для иныхъ, но для меня
Въ родѣ истинной напасти...
Знать, судьбой наказанъ я!
Хоть бы взять въ примѣръ Амишку,
Вонъ онъ сколько сдѣлалъ золь:
Къ намъ завелъ сюда трусишку,
Трусь исторію здѣсь сплелъ...
Съ нимъ все въ домѣ измѣнилось,
Такъ увлечь онъ всѣхъ умѣлъ,
Дочь, къ тому-жъ, въ него влюбилась,
Я же, просто, одурѣлъ!
Всѣ грѣшны мы въ этомъ дѣлѣ,
Такъ ужъ просимъ извинить,
Если мы васъ не умѣли
Подъльстивъ чѣмъ угостить!

ОГЛАВЛЕНІЕ VII ТОМА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СЛУЧАЙ. Повѣсть въ стихахъ *Н. Д. Хвоцинской*. Часть первая. (Кн. 1).

МИХАЙЛО ФЛЕЙТРАВЕРСОВЪ. Разсказъ *В. А. Каприцкаго*. (Кн. 1).

ДЕРЕВЕНСКІЙ СЛУЧАЙ. Повѣсть въ стихахъ *Н. Д. Хвоцинской*. Часть первая. (Кн. 2)

ЦЫГАНКА. Повѣсть *Н. С. Юрьевой*. (Кн. 2).

ИСТОРИЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ИСПАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ. Статья *В. Толбина*. (Кн. 1).

ХУДОЖЕСТВА И ВЫСТАВКА 1852 года въ Англии. Статья *Д. Г. Дарле*. (Кн. 2).

МЕМУАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ. Изданныя *Дикенсомъ*. (Кн. 1).

ПУТЕШЕСТВІЕ ЛОРДА БАЙРОНА въ Корсику и Сардинію. Изъ неизданныхъ записокъ Бенсона, извлеченное *А. И. Бибиковой*. (Кн. 2).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ТАРАСЪ БУЛЬБА, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, заимствованная изъ извѣстной повѣсти *Гоголя*. (Кн. 1).

СУМАСШЕДШАЯ АКТРИСА или **ЖЕНИХЪ И ХЛОРОФОРМЪ**, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Крестовскаго*. (Кн. 1).

МУЖЪ НЕ МУЖЪ, ЖЕНА НЕ ЖЕНА. Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ гг. *Тарновскаго и Руднева*. Бенефисъ г-жи *Сосницкой*. (Кн. 1).

ЛЕКАРЬ, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Г. Воллярлярскаго*. (Кн. 1).

ТОСКА И СМѢХЪ, драматическій капризъ *его-же*. (Кн. 1).

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ГОСТИНИЦА, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *И. Карелина*. Бенефисъ г. *Самойлова*. (Кн. 1).

ЕРМИЛЪ ИВАНОВИЧЪ КОСТРОВЪ, драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, въ стихахъ, соч. *Н. В. Кукольника*. (Кн. 1).

ИНВАЛИДЪ, опера въ одномъ дѣйствіи, слова и музыка *Юрія Арнольда*. (Кн. 1).

БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ, драма въ 5 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ, переводъ съ французскаго, г. *Василько-Петрова*. (Кн. 2).

СПЕРВА СКОНЧАЛИСЬ, ПОТОМЪ ПОВѢНЧАЛИСЬ, водевиль въ 2 картинахъ, соч. *Максимова З.* Бенефисъ г. *Максимова А.* (Кн. 2).

НИ ТОТЪ, НИ ДРУГОЙ, комедія въ 1 дѣйствіи. Соч. *Графини Растончиной*. (Кн. 2).

АМИШКА. Водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго *П. С. Оедоровымъ*. (Кн. 2).

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА, водевиль въ одномъ дѣйствіи. (Кн. 2).

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ХОРОВОДЪ, вмѣсто дивертиссемента, соч. г. *Сухонина*. Бенефисъ *Мартынова А.* (Кн. 2).

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Причины успѣха пьесъ въ бенефисъ и паденія въ послѣдующія представленія и на оборотъ.—Нѣсколько словъ о бенефисѣ г-жи Сосницкой, вмѣсто предисловія къ французскимъ бенефисамъ.—«Замокъ Грантъ».—Возобновленные пьесы въ октябрѣ, — *Le démon du foyer*. — Бене-

фисъ г. Пейсара.—«Данаиды». — «Избавитель». — «Бенвенуто Челлини».—Г. Руже и его бенефисъ.—Пьесы изъ парижской жизни.—Новыя пьесы въ декабрѣ.—«Королева, кардиналъ и пажъ».—Новые водевилы. — «Парижъ смѣющийся и плачущій». — «Альпійская пастушка».—(Кн. 1).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Нѣсколько словъ о Тифлискомъ театрѣ.—Его балетная труппа.—Г-жа Чинова въ роли Сильфиды.—Опера.—Театръ въ Херсонѣ: Прїездъ труппы г. Бурмицкаго.—Первые спектакли.—Бенефисъ Бушено.—Еще о Херсонскомъ театрѣ.—Новые артисты въ труппѣ Бурмицкаго.—Театръ въ Костромѣ.—Г. Рыбаковъ.—Докучаевы.—(Кн. 1).

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ. *Письмо изъ Парижа*; отъ ¹⁹/₃₁ декабря, 1852 года.

Новыя названія главныхъ парижскихъ театровъ.—Привиллегія, данная Драматической Гимназіи.—Несчастье съ театромъ Водевила.—Открытие Итальянской Оперы.—Отелло.—Крувелли, Белетти, Беттини и Кальцолари.—Сомнамбула.—Г-жа Бельтрамелли.—Театръ Комической Оперы: Первое представленіе «Удольфскихъ Тайнъ», оперы въ 3 дѣйствіяхъ, слова Скриба и Жермена Делавиня, музыка Клаписсона.—Лирическій театръ: Первые представленія «Кильморской Фермы», ком. оперы въ 2 д., слова гг. Дели и Вѣстина, музыка г. Вернея, и «Трубача Гильери» ком. оперы въ 2 д., слова Бевена и де-Боплана, музыка г. Сарміенто.—Письмо изъ Веймара о Берліозѣ.—Первый французскій театръ: «Сулливанъ», комедія въ 3 д., въ прозѣ, г. Меллевиля.—Одеонъ: «Ришль», драма въ 5 д., въ стихахъ, г. Пелліона; «Величіе и паденіе Жозефа Прюдома», комедія въ 5 д., въ прозѣ, г. Генриха Монье и Гюстава Вааза.—«Четыре угла», комед. въ 1 д., Леона Батю.—Нѣсколько словъ о Генрихѣ Монье.—Театръ Драматической Гимназіи: «Мужъ, которому нечего дѣлать», комедія-водевилъ гг. Фурнье и Лорансена.—«Матушкинъ сынокъ», комедія-водевилъ Баяра и Бьевиля.—Театръ Разнообразія: «Таконнѣ», водевилъ въ 5 д., соч. Бери и Клервиля.—Театръ Веселости: «Альпійская пастушка», драма въ 5 д. гг., Шарля Денойе и Деннери.—(Кн. 1).

ФРАНЦІЯ. *Письмо изъ Парижа*; отъ ²⁰/₉ января 1853 года.

Общій взглядъ на парижскіе театры въ прошедшемъ 1852 году.—Чи-

IV

сло новыхъ пьесъ и суммы, вырученныя парижскими театрами. — Исторіи съ оперой Верди «Эрнани», и нѣсколько словъ, по случаю этой исторіи, о законѣ касательно драматической собственности. — «Орфа», новый балетъ гг. Мазилье и Адольфа Адана. — Нѣсколько словъ о комическихъ операхъ, въ которыхъ дѣйствуютъ разбойники, и о новой оперѣ гг. Скриба и Обера «Марко Спада». — «Табарень», комическая опера въ 2 дѣйствіяхъ, гг. Альбуаза и Бускэ. — «Сердце и приданое», комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ. соч. г. Фелисьена Мальвиля. — «Фаридондена», драма гг. Дюнета и Бурже, съ музыкой гг. Адольфа и Гроота. — «Хижина дяди Тома», драма въ 8 дѣйствіяхъ, гг. Дюмануара и д'Эннери — (Кн. 2).

АНГЛІЯ. *Письмо изъ Лондона.* (Кн. 2).

СМѢСЬ.

СТРАНСТВОВАНИЕ ПО СУШѢ И МОРЯМЪ. Листки изъ записокъ бывалаго челоѵка. Собранныя *В. Савиновымъ.* (Кн. 1).

САМШЕТРО. Планъ трагедіи, разсказанной артиллерійскимъ капитаномъ, Наполеономъ Бонапарте. (Кн. 1).

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ГОФМАНОМЪ. Разсказъ изъ путевыхъ записокъ. *Э. Скорни.* (Кн. 1).

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ПУСТЫНѢ. *Н. Андреева.* (Кн. 2).

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧЪ. *Октава Фелье.* (Кн. 2).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Ибнъ-Цаферъ, арабскій писатель XII вѣка — Лекція Сень-Марка-Жирардена о сочиненіяхъ Жанъ-Жака Руссо. — **ТЕАТРЪ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Актриса Марсъ. — Африканскій Росціи. — Римская пѣвица. — Отношеніе между театрами и народонаселеніемъ въ Парижѣ и Лондонѣ. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Новыя воздушныя машины. — Допотопный ландшафтъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ.** — Альбомъ гаитскаго двора. — Поклоненіе змѣямъ въ Сіамѣ. — Роковыя сабли. — Письмо изъ пасти тигра. — Египетская повѣсть. — Пожары въ Константинополь. — Обманутый бриллиантчикъ. — Печальный случай. — Кристалльный дворецъ въ Нью-Йоркѣ. — Человѣческія судьбы. — Старинная ошибка въ правописаніи — Шиллеръ, какъ противникъ баловъ. — Барышь отъ торговли

опіумомъ.—Наказаніе за жестокое обращеніе съ животными.—Высочайшій городъ на землѣ.—Новыя блестящія моды.—Разговоры миліонеровъ.—Семейства англійскихъ поэтовъ.—Воспитаніе дѣвушекъ въ Сѣверной-Америкѣ.—Константинопольскій базаръ.—(Кн. 1).

ЛИТЕРАТУРА.— Отель Рамбуле.—Фантастическая литература въ Германіи послѣ Гофмана.—Парижскія женщины.—Тетушка Мери.—**ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.**—Десятый солнечный лучъ.—Годовое донесеніе германскаго общества переселеніи и колонизаціи.—**МЕЛКІЕ РАСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.**—Кто перехитритъ.—Опасный дуэлистъ.—Африканскіе праздники.—Мода выше красоты.—Письмо Софіи Арну.—Скорбь отца.—Отчего у негровъ бѣлы зубы.—Отчего бабочки летятъ на огонь и сжигаютъ крылушки.—(Кн. 2).

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Прелюдія имброліо.—Художественная выставка въ Училищѣ живописи и ваанія, и нѣкоторыя впечатлѣнія, ею вызванныя.—Отзывъ о выставкѣ Карпа Федосевича, и разговоръ о нѣкоторыхъ московскихъ новостяхъ.—Еще выставки картинъ, звѣринецъ, панорама и проч.—Новая колокольня Страстнаго монастыря.—Биографическія извѣстія: продолженіе прежнихъ изданій, новыя книги, новое изданіе.—Газеты и «Москвитянинъ» № 21.—Театры: оживленіе ихъ, новыя пьесы русской и французской сцены; новый балъ.—Два слова о двухъ концертахъ.—Обращеніе къ читателю.—(Кн. 1).

Обстоятельная повѣсть о томъ, какъ корреспондентъ «Пантеона» проводилъ день Новаго-года прежде, почему не проводитъ его также теперь, и какъ встрѣтилъ нынѣшній.—Къ *Тройкѣ* Сверчкова.—Разныя новости: воспоминаніе о Баклагѣ, возбужденное однимъ ученымъ фелетонистомъ.—Нынѣшнія трючныя катанья.—Маскерады: по образчику маскерадныхъ сценъ и маскерадныхъ разговоровъ.—Ярмарка въ пользу бѣдныхъ.—Музыкальныя утра г. Сакса.—Прочія музыкальныя вѣсти.—Панорамы, и проч.—Театральное: апологъ изъ г. Леона Гозлана; воспоминаніе о Мочаловѣ; г. Дьяковъ въ *Жизни игрока*; остальные новости, новыя пьесы русскія, новый балетъ и замѣчательнѣйшая нововость французской сцены.—Литература: 15 книга *Временника*.—*Указатель Московской губерніи*; кое-что еще: три послѣднія книжки «Москвитянина», о двухъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей».—Два слова о *магазинѣ модъ и рукодѣлья* г-жи Кошелевской.—(Кн. 2).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА: Нѣсколько словъ о Вѣстникѣ. — Похожъ-ли онъ на фельетоны другихъ газетъ и журналовъ. — Цѣль и назначеніе Вѣстника. — «Отечественныя Записки». — Богатство замѣчательныхъ статей. — *Нѣсколько лѣтнихъ дней* В. Крестовскаго. — Переводъ Иліады. — Г. Ордынскій и его статьи. — Какимъ языкомъ должно переводить Гомера. — Простой и простонародный языкъ. — Усѣченныя прилагательныя, странныя выраженія, тривіальности и провинціализмы. — Необходимость изученія Областнаго Словаря для пониманія перевода Иліады. — Правописаніе собственныхъ именъ. — Статья г. Забѣлина. *В. А. Жуковскій. — Русская Литература въ 1852 году.* — Война противъ фельетонистовъ. — Уклончивость «Отечественныхъ Записокъ». — Г. Небольсинъ и Меценатинъ. — Иностранная Литература и Смѣсь. — Сюрпризъ къ Новому году: десятая книжка «Сына Отечества». — Повѣсть о молодомъ челоѣкѣ, написанная молодой дѣвицей. — Некрологъ: В. А. Воилярлярскій. — **II. НОВЫЯ КНИГИ:** Театралы разныхъ возрастовъ. — Путешествія по Волгѣ, въ Америку и во всея страны свѣта, до Новой-Деревни включительно. — Дѣтство, молодость и послѣдніе дни знаменитаго поэта. — **III. МУЗЫКА:** Нѣсколько словъ о пѣніи вообще и о пѣніи г-жи Віардо-Гарсиа въ особенности. — Дебютъ ея въ Итальянской Оперѣ. — Пѣвица Клара Добре — права ея на извѣстность. — Концертъ г. Рубинштейна. — Его сонаты. — Г. Всеволодъ Мауеръ и о скрипачахъ вообще. — Злоупотребленія солистовъ. — Концертъ г. Контекаго. — Еще фантазіи. — «Воспоминанія изъ Дона Пасквале и новая мазурка» Контекаго. — Совый инструментъ, изобрѣнія г. Кажинскаго. — Предстоящіе концерты дѣтскихъ приютовъ и г. Бальфе. — Наша филантропія. — Сигизмундъ Штернъ и его «Теорія музыки». — Появленіе новаго Варламова. — Новыя музыкальныя изданія. — **IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:** Оригинальность »Пантеона» и автора этихъ строкъ. — Праздники по поводу столѣтія Морскаго Кадетскаго Корпуса. — Литературное утро г. Гилью. — Стихи г-жѣ Вольнисъ. — Общественныя увеселенія. Горы и музыка. — Театральныя слухи и вѣсти. — Дагерротипы г. Левицкаго. — Юбилей торговаго дома барона Штиглица и Ко. — Моды. — (Кн. 1).

I. ЖУРНАЛИСТИКА: Январская и февральская книги «Библіотеки для Чтенія» и «Современника». — Фельетонисты этихъ журналовъ. — Фельетонный взглядъ на литературу. — Направленіе «Библіотеки для Чтенія» прежнихъ годовъ. — Г. Сенковскій и его литературная лѣтопись. — Иногородный Подписчикъ, его самовосхваленіе и самонадѣянность, снобич-

ность и рѣзкость выраженія.—Вліяніе либретта итальянскихъ оперъ.— Возстаніе на критику «Отечественныхъ Записокъ».—Ты сердисься, значить ты не правъ.—Недостатокъ логической послѣдовательности.— Новый Поэтъ и его различіе отъ Иногороднаго Подписчика.—Кошмаръ Новаго Поэта.—Новый способъ писать стихи и благодарить своихъ сотрудниковъ.—Страсть къ пародіямъ.—Замѣтки пустаго челоѣка.— *Рыженская* г. Соколова.—*Раздѣлъ* г. Писемскаго.—Стихотворенія.—Переводы изъ Гейне.—Гг. Некрасовъ и Майковъ.—Серьозныя статьи.—Г. Гаевскій.—Два путешествія: поэтическое въ Итали и прозаическое въ Крымъ.—Ермилъ Ивановичъ Костровъ.—Слабая сторона драмы и слабые стихи.—Сердце съ перегородками.—Вопросъ гг. редакторовъ журналовъ.—Романъ *Сосѣдъ*, разобранный самою «Библиотекою для Чтенія».—II. **НОВЫЯ КНИГИ:** *Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 году*, составленная по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I. Часть I, соч. генераль-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго. Части II, III, IV и V-я сочиненіе полковника Милютинна.—III. **МУЗЫКА:** Еще нѣсколько словъ о фелъетонахъ.—Неосновательная критика.—Уловка для наполненія статьи.—Противурѣчія Замѣтокъ Петербургскихъ Вѣдомостей.—Шутка г. Дамке.—Концерты: г-жа Добре.—Г-жа Шоберлехнеръ.—Воспоминанія старины.—Г. Бальфе.—Пристрастіе къ толкамъ.—Музыка Бальфе.—Нѣсколько словъ о Верди.—Статья Скудо.—Риголетто.—Концертъ г. Воланжа.—Благотворительность.—Концертъ въ пользу Убѣжища Взрослыхъ Дѣвиць.—Г. Дмитриевъ-Свѣчинъ.—Г-жа Паришъ-Альварсъ.—IV. **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:** Новый поэтъ и нѣсколько словъ о поэзіи, по поводу обезьянъ.—Три стихотворенія.—Театральные слухи и новости.—Учрежденіе въ Петербургѣ шахматнаго клуба.—Моды.—(Кн. 2).

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ТОСКА И СМѢХЪ. Капризъ *Василья Воллярларскаго*,

СОЛДАТЪ БАЛАГУРЪ или **ДРУЖБА ДРУЖБОЙ, А СЛУЖБА СЛУЖБОЙ.** Національный водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. *П. И. Григорьева 1-го* (Кн. 1).

АМИШКА. Комедія-водевиль, въ одномъ дѣйствіи. *П. С. Огдорова*.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ. Комедія въ одномъ дѣйствіи съ пѣніемъ. *Ю. Песковскаго*. (Кн. 2).

7061
инв 10437
78249

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; новейшей музыки русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРЪ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ или среди года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ ОБЪЩАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ВЕДОРУ АЛЕКСѢВичу КОНИ**, адресуя письма на его имя, въ С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ *Лытчина.*